Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Кавказская война: истоки и начало

1770–1820 годы

Отсканировано
в октябре 2014 года
специально для эл. библиотеки
паблика «Бæрзæфцæг»
(«Крестовый перевал»).

Скангонд æрцыд
2014 азы октябры
сæрмагондæй паблик «Бæрзæфцæг»-ы
чиныгдонæн.

http://vk.com/barzafcag

журнал ЗВЕЗДА
2002

Книга выпущена при поддержке Института «Открытое общество»(Фонд Сороса). Россия

Руководитель проекта *Я. А. Гордин*

Составление *Я. А. Гордин и Б. П. Миловидов*

Подготовка текстов и комментарии *Б. П. Миловидов*

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Кавказская война: истоки и начало

1770–1820 годы

Издательство журнала «Звезда»
Санкт-Петербург 2002

ББК 84 Р7
К 12

Многотомное издание «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века» осуществляется при поддержке правительства республики Швейцария, Института «Открытое общество» (фонд Сороса), Генерального директора ОАО «Ленэнерго» А. Н. Лихачева.

Издательство и составители приносят благодарность за содействие в подготовке тома директору Российского Государственного Военно-исторического архива И. О. Гаркуше, а также заведующей читальным залом Т. Ю. Бурмистровой и сотруднику архива Д. П. Шергину.

Издательство и составители приносят искреннюю благодарность за научную консультацию Г. Г. Лисицыной.

ISBN 5-94214-036-7

© ООО «Издательство журнала «Звезда», состав., 2002
© Я. А. Гордин, составление, вступ. статья, 2002
© Б. П. Миловидов, составление, подготовка текстов, комментарии, указатель, 2002
© В. А. Гусаков, худож. оформление, 2002

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ПРОЛОГ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ

Процесс присоединения Кавказа и Закавказья к России, включения этих территорий в состав империи был явлением длительным, многослойным и противоречивым, поскольку многочисленные его участники преследовали существенно различные цели.

Все началось еще во времена Московского государства чередой переговоров некоторых горских владетелей с Москвой о вассалитете и, соответственно, военной помощи. Опасавшиеся могущественных соседей — Ирана, Турции, Крымского ханства — горские владетели искали поддержки у далекой Москвы, поскольку ее реальное вмешательство в их дела микшировалось разделяющим Кавказ и Московские земли пространством.

Всплеск дипломатической энергии, направленной на вовлечение Кабарды и Дагестана в сферу российского влияния, произошел в конце Северной войны, когда победоносный Петр I разрабатывал конкретные планы крупных операций на Каспии, имея в качестве стратегической перспективы прорыв к северным границам Индии. Около 1717 года кабардинские князья, в очередной раз подвергавшиеся давлению Крыма и Турции, нуждавшиеся в сильном и относительно бескорыстном посреднике для разрешения постоянных междуусобных споров, присягнули на верность России. Вскоре их примеру последовали кумыкские князья — шамхал Тарковский и «андреевские владельцы» — владетели из большого селения Эндери, которое русские называли Андреевской деревней.

Но, как пишет компетентный исследователь: «Хотя дипломатическое наступление России на Кабарду и дагестанских владельцев привело к известным успехам, однако о реальной власти русского правительства в этих землях не могло быть и речи».[1] Принятие российского подданства было чисто условным, а сами отношения между Россией и горскими народами стремительно менялись в зависимости от конъюнктуры. Весь XVIII век картина этих отношений была чрезвычайно пестрой и запутанной, что создавало своеобразный психологический климат, воспроизведенный в мемуарах русских офицеров, попадавших в то время на Кавказ.

Кавказ воспринимался ими — и справедливо! — как периферия русско-турецких и русско-персидских войн, на фоне которых и происходили бессистемные попытки подчинить Кавказ влиянию Петербурга.[2] Поэтому в данном томе содержится немало страниц, посвященных именно турецким и персидским сюжетам. Это необходимый контекст, без которого непонятны сюжеты собственно кавказские.

Данный том хронологически открывает многотомную серию, которая по замыслу издателей должна включать в себя максимум мемуарных свидетельств о различных составляющих процесса присоединения Кавказа и Закавказья, но в основном будет ограничена активным периодом завоевания с 1802 по 1864 год. К этому периоду относится и подавляющее большинство воспоминаний. Один из томов, посвященный событиям 1845 года — Даргинской экспедиции графа М. С. Воронцова, — уже выпущен вне хронологических рамок. Дальнейшие тома будут придерживаться хронологической последовательности.

Воспоминания о раннем периоде постоянных боевых контактов России и Кавказа, что было связано с резким противостоянием России и Турции, составляющие данный том, охватывают приблизительно сорокалетний период —

---

[1] В. П. Лысцов. Персидский поход Петра I. 1722–1723. М., 1951, с. 112.

[2] Общую картину русско-турецких и русско-персидских отношений читатель найдет в комментариях.

с конца 1770-х по вторую половину 1810-х годов — и существенно отличаются от основной массы воспоминаний, посвященных последующему сорокалетию. Таким образом, том носит характер пролога к основной части серии.

Этот первый период в свою очередь распадается на эпоху до вхождения Грузии в состав Российской империи в 1801 году и эпоху после этого вхождения, эпоху, начавшуюся деятельностью князя Цицианова, и до широкого и систематического наступления Ермолова на вольные горские общества и ханства, которое началось в 1818 году возведением крепости Грозная в Чечне и вырубкой лесов, затрудняющих действия русских войск.

За пределы этого доермоловского периода частично выходят только воспоминания Славского и полностью воспоминания испанского офицера на русской службе Хуана Ван-Галена, посвященные боевым действиям 1820 года, по своей стилистике и восприятию событий являющиеся промежуточным вариантом между мемуарным творчеством раннего и «классического» — ермоловского и послеермоловского — периода кавказской эпопеи.

Одной из принципиальных особенностей истории Кавказской войны является неопределенность ее хронологических границ.

Декабрист А. Розен писал в конце 1850-х годов, обращаясь к Кавказу: «С лишним уже 140 лет гремит оружие русское в твоих ущельях, чтобы завоевать тебя окончательно, чтобы покорить разноплеменных обитателей твоих, незначительных числом, диких, но сильных в бою, неодолимых за твердынями неприступных гор твоих...».[3] Судя по всему, Розен считал исходным моментом регулярного завоевания Кавказа Персидский поход Петра I начала 1720-х годов.

Действительно, если не считать таких трагических эпизодов, как походы в Дагестан воеводы Хворостинина в 1594 году и в 1604 году окольничьих Бутурлина и Плещеева, окончившиеся в обоих случаях поражением московских войск, то разгром горцами драгун бригадира Ветерани, шедших через Дагестан для соединения с основными силами (в частности, они должны были захватить Эндери), и последовавшие вслед за этим свирепые карательные экспедиции, осуществляемые как регулярными батальонами генерала Матюшкина, так и донскими казаками атамана Краснощекова совместно с калмыками хана Аюки, были первыми широкомасштабными операциями войск Российской империи на Кавказе.

Однако действия Петра по наказанию непокорных горцев надолго остались эпизодом и могут считаться разве что отдаленным прологом Кавказской войны, в отличие от военных операций русских войск в последней четверти XVIII века — непосредственного подступа к большой войне.

Наиболее обоснованным представляется точка зрения одного из главных идеологов, а равно и участников Кавказской войны генерала Ростислава Андреевича Фадеева, выпустившего в 1860 году книгу под названием «Шестьдесят лет Кавказской войны». Фадеев, глубокий знаток предмета, отсчитывал начало войны от момента вхождения Грузии в состав империи, каковое делало неизбежным введение на территорию Закавказья крупных воинских контингентов для защиты новой территории от набегов горцев и вторжений со стороны Ирана и Турции.

Едва ли не основной задачей становилось обеспечение безопасности коммуникаций между новоприсоединенным краем и Россией, а коммуникации проходили через Кавказский хребет.

Присоединение Грузии стало переломным моментом во взаимоотношениях России и Кавказа и сделало неизбежной большую войну.

Существует еще одна точка зрения: ряд историков склонны считать под-

[3] А. Е. Розен. Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 388.

линным началом Кавказской войны 1816 год — год прибытия на Кавказ генерала Ермолова, однако автору данной статьи представляется более обоснованной позиция Фадеева. Ермолов и сам называл себя продолжателем дела князя Павла Дмитриевича Цицианова, назначенного в 1802 году командовать кавказскими войсками и ставшего автором стратегии подавления и устрашения, которую командующие Кавказским корпусом — за редкими исключениями — исповедовали затем до 1840 годов. Именно Цицианов резко активизировал начатое Петром I и Екатериной II давление на Иран, с тем, чтобы получить выход в «золотые страны Востока», к северным границам Индии, одновременно совершая карательные экспедиции против горцев, принуждая их к подданству, стараясь разрушить систему ханств, ориентированных на Иран. Ту же политику продолжил и Ермолов.

Воспоминания, включенные в данный том, разномасштабны как по иерархическому положению авторов, так и по способности мемуаристов вникнуть в суть ситуации — от генерал-фельдмаршала Ивана Васильевича Гудовича, крупного военачальника и администратора до вполне случайного на Кавказе персонажа, графа Рошешуара. Однако это разнообразие и разномасштабность дают возможность воссоздать многоплановую картину происходившего в те десятилетия на Кавказе и в Закавказье.

Поскольку многие из публикуемых воспоминаний в полном виде охватывают различные периоды жизни мемуаристов, в том числе не имеющие отношения к их пребыванию на Кавказе, то в этих случаях в данный том включены только кавказские фрагменты.

Воспоминания полковника фон Штрандмана, воевавшего на Кавказе во главе Томского пехотного полка с июня 1779-го по октябрь 1780 года, приходятся на момент принципиально важный — с 1777-й по 1780 год шло интенсивное строительство крепостей и укреплений от Моздока до Азова. Это была подготовка к массовой раздаче плодородных земель Предкавказья российскому дворянству, преимущественно придворной аристократии. Моздокская линия должна была обезопасить эти владения от горских набегов.

Горцы реагировали вполне предсказуемым образом: «Возмутившиеся горцы требовали, чтобы мы покинули вновь устроенную линию от Моздока до Ставрополя и возвратили им занятые нами пункты». Начиналась великая тяжба за плодородные земли, которая проходит через всю Кавказскую войну и завершается только в 1860-х годах с окончательной военной победой России.

Полк фон Штрандмана был отправлен форсированным маршем из Ставрополя в Кабарду для подавления вспыхнувшего там восстания.

Невыразительные стилистически, чисто фиксационные воспоминания фон Штрандмана содержат, тем не менее, достаточно сведений, характеризующих эпоху подступов к большой Кавказской войне.

В воспоминаниях фон Штрандмана мы встречаем ситуации, с которыми будем сталкиваться при чтении мемуаров уже следующего века. Это особенности переговоров между горцами и российскими военными, бесперспективность которых обуславливалась принципиально различными представлениями сторон о конечном результате — горцы соглашались на некую форму вассалитета при неприкосновенности их территории и невмешательстве во внутренние дела племен, русские офицеры толковали о «покровительстве», но явно понимали его как полное подчинение.

Но даже когда горцы, потерпев локальное поражение, соглашались на предложенные условия, это вовсе не означало разрешения конфликта.

Фон Штрандман рассказывает, как запертые в большом селении кабардинские князья вступили в переговоры: «Желая сдаться нашему губернатору, они послали к нему депутатов... Переговоры окончились заключением мира: все князья принесли присягу в присутствии войск и подписали, хотя и неохот-

но, очень невыгодный для них договор». Речь шла опять-таки об отчуждении части кабардинских земель. «3 декабря, приведя все в порядок, мы выступили в обратный путь...»

При этом надо иметь в виду, что еще за пять лет до этого, по Кючук-Кайнарджийскому миру между Россией и Турцией судьбу Кабарды должны были решать Россия и Крым, и Россия де-факто объявила кабардинцев российскими подданными. Противостоять этому Крым не мог.

«Порядок», которым был так доволен фон Штрандман, продлился недолго. В ноябре князья Большой и Малой Кабарды присягнули на верность России, а уже в феврале следующего года туда пришлось отправить значительные силы — в том числе роты Томского полка, ибо в Кабарде «разгоралось восстание». Причем повод для восстания был неожиданен: «Причиной этого восстания было то, что князья не хотели признать, по статье последнего договора, свободу народа, но обращались с ними как и раньше, т. е. как с крепостными и рабами».

Это важный момент, так как и в период Кавказской войны значительную роль играли внутрикавказские отношения — социальные, племенные, экономические, — в которые решительно вмешивалась Россия.

В данном случае русские войска выступали гарантом прав низших слоев кабардинского народа в их противостоянии с национальной аристократией.

Неприкосновенность территорий и невмешательство во внутренний жизненный уклад — вот те условия, на которых горцы готовы были признать себя подданными Российской империи как в последней трети XVIII века, так и в середине XIX века, когда война подходила к концу. Однако ни первое, ни второе не устраивало имперские власти.

Конец 1770-х–1780-е годы — именно тот исторический момент, когда нащупывалась система отношений России с горскими народами.

Читая воспоминания фон Штрандмана, мы присутствуем при зарождении той формации, которую потом будут называть Отдельным Кавказским корпусом.

Медленно и мучительно вырабатывалась тактика ведения военных действий на Кавказе. Еще далеко впереди та гармоничность отношений между солдатами и командирами разных рангов, которая в XIX веке отличала Кавказский корпус. Еще не началось формирование уникального типа военного русского человека, который вошел в историю под названием «кавказец». Экспедицией против кабардинцев руководит астраханский губернатор генерал Якоби, презирающий своих подчиненных, которые платят ему тем же.

Офицеры оказываются на Кавказе исключительно по приказу. В XVIII веке мы не видим тех романтических энтузиастов Кавказской конкисты, для которых само пребывание на Кавказе было фактом их духовной жизни. Они появляются уже в начале XIX века, в цициановский период. Едва ли не первым был молодой гвардеец Михаил Семенович Воронцов, воспитанный в Англии.

Добросовестно исполнявший свои обязанности фон Штрандман мечтает о переводе в Россию: «Согласно моему желанию, я был переведен из Томского полка в Сибирский. Давно мне перемена по службе не доставляла такого удовольствия».

Вместе с тем воспоминания этого раннего периода являют нам все многообразие офицерских типов, которое в модифицированном, разумеется, виде сохранялось и в следующем веке.

Если воспоминания полковника фон Штрандмана, удачливого и благополучного прибалтийского немца, по дороге с Кавказа купившего в Полоцкой губернии имение с тысячью душ без малого, есть деловая хроника событий, участником коих был полковник, то записки генерал-майора Мосоло-

ва — исповедь примерного служаки-неудачника. Выходец из мелкопоместной семьи, сын артиллерийского капитана, прошедшего Семилетнюю войну, Сергей Иванович Мосолов был из тех недорослей, которых в детстве отдавали в обучение приходским дьячкам и ставили под ружье пятнадцати лет и которые, по выражению Ключевского, «вынесли на своих плечах дорогие лавры Минихов, Румянцевых и Суворовых».

Писанные в 1810-е годы записки Мосолова отличаются искренностью и чувствительностью, свойственной стилистике второй половины русского XVIII века, равно как наивностью и фактологической сбивчивостью.

В той части записок Мосолова, которая включена в данный том, кавказский эпизод занимает весьма незначительное по объему место. Тем не менее, записки эти имеют принципиальное значение. Во-первых, они дают представление о человеческом типе, который и в решающие годы войны составил офицерский костяк Кавказского корпуса, а во-вторых, небрежная лаконичность рассказа об одном из ключевых событий российско-кавказских отношений свидетельствует о характере восприятия русскими офицерами конца XVIII века этого театра военных действий как глубоко второстепенного и малопонятного по сути там происходящего.

Рассказав о своей помолвке и отъезде на Кавказ, Мосолов, тогда еще секунд-майор, повествует: «В продолжение сего времени 785-го июня 8-го, переправясь через реку Терек на Сунже, прогнали толпы бунтовщиков чеченцев; уже после того как бригадир Пиерии разбит от Шикаили-имама в дефиле, называемой Ханкале, где и сам убит был, а подполковник егерский пропал Каморский, а батальон егерей и две гранодерские роты совсем разбиты были от его зависти, что Пиерии не хотел разделить с ним над неприятелем победу и оттого сам пропал; велено всем собираться к Сунже-реке 7 числа; а Пиерии пришел 6-го, а, переправившись, начал действие один со своим отрядом».

Можно подумать, что речь идет о некоем рядовом эпизоде, сюжет которого — конфликт офицерских честолюбий. Между тем, Мосолов говорит здесь о восстании шейха Мансура — это его он называет Шикаили-имамом, — самом крупном в XVIII веке религиозно оформленном движении, предварившем многими своими чертами движение Шамиля. Недаром Мосолов называет Мансура имамом, не придавая, однако, этому термину значения.

Восстание Мансура продолжалось много месяцев. Имам выдвинул религиозную доктрину, требовавшую неукоснительного соблюдения шариата. Но центральной идеей Мансура было объединение для борьбы с неверными, что для горцев, уже ощущавших неуклонное давление российского командования, в частности, пытавшегося подчинить независимых чеченцев власти кумыкских князей, лояльных России, было чрезвычайно актуально.

Мансура поддержали Чечня и часть кумыков. Он успешно провел первое сражение с русскими войсками, уничтожив отряд полковника Пиери. Причем тактика горцев была такой же, как и много лет спустя — внезапная атака на возвращающиеся с задания войска в узком лесистом ущелье. Сначала были перебиты офицеры, а затем разгромлены деморализованные батальоны. Русские потеряли более четырехсот человек убитыми, 162 человека пленными и отдали горцам оба имеющихся орудия.

Такого успеха у горцев не было с разгрома корпуса Ветерани в1722 году.

К Мансуру примкнули кумыкские владетели, считавшиеся лояльными.

Имам дважды осаждал Кизляр, и хотя штурмы были безрезультатны, положение становилось угрожающим — с имамом вели переговоры дагестанские ханы. Их объединение с Мансуром грозило катастрофой. Но в ноябре сильному русскому отряду удалось нанести Мансуру решающее поражение...

Движение Мансура было первой крупной попыткой объединить горские народы под знаменем «истинного ислама», под водительством духовного ли-

дера. Это был прецедент, смысл которого русским командованием понят не был.

Всего лишь несколько беглых фраз в воспоминаниях Мосолова, который воевал против Мансура все время восстания — симптом общего непонимания смысла происходящего. В воспоминаниях русских офицеров и генералов XIX века подобные события оценивались вполне адекватно. Дело не в интеллектуальном уровне молодого секунд-майора, но в принципиальном отношении к Кавказу и всему там происходящему. Важность военных действий на этом театре не была внятна ни высшему командованию, ни офицерству. Мосолов подробнейшим образом описывает военные действия против турок. Операции же на Кавказе воспринимались как незначительная часть антитурецких кампаний.

В записках Мосолова появляются персонажи, с которыми нам предстоит столкнуться и как с действующими лицами, и как с мемуаристами. Это, в частности, генерал-поручик, а затем и генерал-фельдмаршал Иван Васильевич Гудович, чья роль в кавказских делах была чрезвычайно заметной как в военно-практическом, так и в политико-идеологическом смысле.

У воспоминаний Мосолова и Гудовича, несмотря на разницу в масштабах деятельности, в уровне понимания событий, в стилистике, наконец, есть одна общая черта, в мемуарной литературе принципиально важная, — это записки «обиженных». Это особый слой мемуаров — сведение счетов с реальными и воображаемыми противниками, с неблагоприятными обстоятельствами, с самой историей.

Храбрый и исправный офицер Мосолов дослужился до генерал-майора, побывав в десятках сражений, заработав немало боевых наград, но его заслуги далеко не всегда оценивались по достоинству, вышестоящие по тогдашней традиции обходились с ним подчас грубо, его, постоянно находящегося в походах, бросила жена, которую он взял бесприданницей, и перевела на себя все его имущество. Финал жизни и карьеры был печален, и задачей Мосолова-мемуариста было рассказать потомкам о своей храбрости, честности, благородстве, чтобы хоть так уравновесить несправедливость судьбы. Воинские подвиги на Кавказе тогда не особенно ценились, — то ли дело штурм Измаила, в котором Мосолов отличился, — и годы его кавказской службы уместились на нескольких страницах.

Несмотря на генеральское звание, Мосолов явно ощущает себя «маленьким человеком», «униженным и оскорбленным». Как это ни парадоксально, его интонация заставляет вспомнить героев Гоголя и Достоевского.

Премьер-майор Мосолов служил во второй турецкой войне под командованием Гудовича, но когда Гудович отправился возглавлять войска на Кавказской линии, Мосолов остался с Суворовым под Измаилом. Гудович в 1791 году, взяв турецкую крепость Анапу, захватил в ней шейха Мансура, с которым сражался некогда Мосолов.

Записки Гудовича — это записки человека, в каждый момент времени сознающего свою значительность. Он подробно перечисляет все свои деяния: строительство крепостей, в результате чего в начале 1790-х годов вдоль Кавказа с северной его границы возникла сильная система укреплений, действия по смирению дагестанских владетелей и приведению их — в который раз! — к присяге на верность России, наведение порядка в финансовых делах края и так далее. Он говорит тоном победителя, устроителя края. Но именно эта форсированно гордая и решительная интонация выдает истинные чувства мемуариста и глубинную задачу написания записок.

У Гудовича были основания для обиды на судьбу, хотя иного свойства, чем у Мосолова. Он и в самом деле действовал как устроитель края. Его донесения Екатерине II изобилуют сведениями о народах, населяющих Кавказ, он

предлагает крупные проекты, направленные как на решительное изменение быта и нравов горцев, так и на освоение русскими крестьянами земель Предкавказья. Его успехи в войне с турками, угрожавшими Закавказью, несомненны. Он планировал реформирование казачества. Его вдохновляли весьма смелые проекты, вроде поворота русла Терека, с тем чтобы обеспечить бóльшую безопасность крепости Кизляр.

Но в награду за все старания пятидесятилетний боевой генерал получил от императрицы указание фактически стать помощником молодого Валериана Зубова, брата Платона Зубова, фаворита Екатерины, в подготовке похода на Персию. Причем Гудовичу отводилась чисто организационная функция — военным наставником решительного, но вполне неопытного Зубова был определен генерал Цицианов.

Одна из стратегических задач — овладение Крымом — была решена. Захват Константинополя и создание «дочерней» Греческой империи не удались. Екатерина направила военную энергию на Каспий.

Поход Зубова — реанимация восточных планов Петра. Базой мыслился Кизляр и вообще левый фланг Кавказской линии. При Петре не существовало той системы крепостей и казачьих станиц, опираясь на которые можно было последовательно осуществлять наступление вдоль западного побережья Каспия в глубь персидских провинций. В 1796 году эта опора уже существовала, и корпус Зубова эффективно этим воспользовался. Как уже было сказано, военным «опекуном» молодого генерала был князь Павел Дмитриевич Цицианов, которому предстояло сменить Гудовича на Кавказе и решительно сломать его стратегию — чего Гудович ему не простил, а одним из артиллерийских офицеров в корпусе служил капитан Алексей Петрович Ермолов, которому суждено было в течение решающих десяти лет продолжить дело Цицианова.

После выступления Зубова в поход, подготовленный Гудовичем, старый генерал, сочтя себя — и не без основания — оскорбленным, потребовал отставки по болезни, носившей скорее всего дипломатический характер, и без промедления ее получил. Ситуация усугубилась тем, что двадцатипятилетний Зубов получил чин генерал-аншефа, равный чину Гудовича.

Обе турецкие войны, в которых участвовали мемуаристы, персидские войны, которые вели Гудович, Цицианов, Зубов, имели самое непосредственное отношение к будущей судьбе Кавказа. Подавляя боевую активность турок и персов, отодвигая границы обоих государств от Кавказа и Закавказья, Российская империя последовательно создавала предпосылки для полного овладения всем Кавказом. В свою очередь, замирение воинственных кавказских горцев, ориентированных на единоверцев-мусульман, обеспечивало тылы и фланги русской армии в случае новых войн с юго-восточными соседями.

После воцарения Павла I Зубов, уже прошедший около тысячи километров в глубь персидских владений и захвативший значительные территории, был отозван и подвергнут опале, а Гудович восстановлен на службе и возвращен на Кавказ. Затем, как явствует из его воспоминаний, в судьбе Гудовича произошли катаклизмы, столь характерные для павловского царствования, и на Кавказ в должности главнокомандующего он снова вернулся уже при Александре в 1806 году, сменив ненавистного Цицианова, убитого под Баку. Таким образом, под обложкой этого тома помимо всего прочего бушуют яростные страсти — столкновение военно-политических концепций сопровождается вспышками личной неприязни и стремлением закрепить и обосновать эту неприязнь в мемуарах — на будущее. Редкие упоминания Гудовичем Цицианова призваны всячески принизить роль соперника…

Заняв снова ключевой пост на Кавказе, Гудович оказался в принципиально новой ситуации — ситуации после Цицианова.

Разгромив турок и оттеснив персов, активизировавшихся после гибели

Цицианова, Гудович принялся за внутрикавказские дела. «В ханство Шехинское, по всеподданнейшему моему представлению, определен был ханом усердный Джафар-Кулыхан-Хойский, изгнанный Бабаханом (шах Ирана. — *Я. Г.*) и сражавшийся с его войсками, а в ханство Карабахское — сын убитого хана Карабахского».

Это была политика, прямо противоположная политике князя Цицианова, считавшего ханов главным злом на Кавказе и мечтавшего от них избавиться.

По мнению Ермолова, Гудович, вернувшись на Кавказ, разрушил то, что было заложено Цициановым — переход территории ханств под российское управление.

Можно кратко, но внятно проиллюстрировать изначальные стратегические установки двух генералов.

7 ноября 1791 года Гудович доносил Екатерине II: «По приезде моем на место текущего года в исходе января месяца, я писал ханам Дербентскому и Шамхалу Тарковскому, извещая их о препоручении мне здесь команды, и что ежели они пребудут неколебимыми в верности и усердии своем к Высочайшему Престолу Вашего Императорского Величества, то могут надеяться на милостивое и надежное им покровительство».[3] Подобные же письма Гудович отправил и другим ханам. Он явно не рассчитывал на скорое интегрирование ханств в состав империи. Речь шла о вассалитете. В том же донесении императрице Гудович писал, характеризуя горские народы: «Все сии народы, по большей части мало упражнялись в хлебопашестве и скотоводстве, имея и хорошие земли и разные другие выгоды, не знающие никакого другого торгу, кроме как продажи краденных людей, ни ремесла другого, кроме делания употребляемого ими оружия.., не имеют ни чиноначальства и никакого понятия о нравах... Я... подтвердил им письменно и внушал словесно, чтобы они впредь от всякого хищничества и воровства воздержались...».[4]

Для воспитанника немецкого университета генерала Гудовича горцы были неразумными детьми, которые подлежали перевоспитанию.

Генерал Цицианов с первых же дней вступления в командование Кавказскими войсками в 1802 году ясно сформулировал позицию, прямо противоположную: «Азиятский народ требует, чтобы ему во всяком случае оказывать особливое пренебрежение».

Если Гудович в девяностые годы старался убедить ханов быть лояльными, суля им за то сохранение власти и покровительство России, то Цицианов сознательно и последовательно провоцировал ханов к неповиновению, чтобы иметь повод взять их земли под российское управление.

Горские же «хищники» были для него отнюдь не объектом перевоспитания, но подлежали подавлению оружием. Эта позиция претерпела изменения лишь в самом конце его командования.

Разумеется, за десятилетие, прошедшее между вступлением в должность Гудовича и приходом на Кавказ Цицианова, положение России в крае существенно укрепилось. Но не это было решающим обстоятельством. Произошла смена мировоззрения, а Гудович, вернувшись в 1807 году на Кавказ, принес с собой устаревшие идеи прошлого века. Человек Просвещения, он считал, что горцев можно перевоспитать, привив им если не европейские, то проевропейские представления. Но жесткая деятельность Цицианова уже сделала любой компромисс маловероятным и большую войну неизбежной. Цицианов ясно представлял себе всю гамму психологических различий, разделявших европейцев и горцев, не питал никаких иллюзий просвещенческого характера и делал ставку на военное и психологическое подавление противника.

---

[3] Русский Вестник, 1841, № 3, с. 415.

[4] Там же, с. 425.

Если для Гудовича традиционно главными противниками были турки и персы, то Цицианов видел свое призвание в покорении и устройстве собственно Кавказа.

На Гудовиче в конце 1800-х годов завершился с опозданием русско-кавказский XVIII век.

Погибший в 1806 году Цицианов не оставил воспоминаний. Но зато стал одним из главных персонажей мемуаров другого незаурядного военного деятеля генерала Сергея Алексеевича Тучкова.

Тучков — первый из мемуаристов «кавказцев», в чьих воспоминаниях виден русский интеллектуал конца XVIII века.

Генерал Тучков, масон либерального направления, член «Общества друзей словесных наук», объединявшего в 1780–1790-е годы умеренно свободомыслящих литераторов, сотрудничавший в журнале «Общества», называвшемся «Беседующий гражданин», где сотрудничал и Радищев, рисует собственную судьбу на историческом и культурном фоне эпохи. Он впервые в мемуарной литературе о действиях России на Кавказе и в Закавказье включает этот сюжет в общеполитический русский контекст. В его воспоминаниях впервые возникает весьма существенный для XIX века сюжет — русский либерал и имперское сознание.

Говоря о правлении Павла I, Тучков декларирует: «Вот последствия самовластного правления, неограниченного никакою конституцией».

Именно воспоминания генерала Тучкова начинают традицию воспоминаний «кавказцев», критически настроенных по отношению к системе власти в России и, соответственно, принципам отношений с новоприобретенными территориями.

Историк и философ Георгий Петрович Федотов писал в конце 1930-х годов в замечательной по глубине и прозорливости работе «Судьба империй»: «Мы заучили с детства о мирном присоединении Грузии, но мало кто знает, каким вероломством и каким унижением для Грузии Россия отплатила за ее добровольное присоединение».[5]

Эта парадоксальная историческая ситуация, в которой соседствуют понятия «спасение» и «унижение», объективно и выразительно очерчена в воспоминаниях Тучкова, в главе, где он описывает драматическую историю депортации из Тифлиса грузинской царской семьи, акции, которая стоила жизни генералу Лазареву.

Сложность, мучительность, противоречивость процесса вхождения Грузии в состав империи была внятна Тучкову, командовавшему стоявшим в этот момент в Грузии полком, а затем назначенному временным правителем Грузии. «Мы все, — пишет Тучков, — нетерпеливо ожидали прибытия главнокомандующего генерала Кнорринга в надежде, что, сделав уже сношение с императором Александром, он решит судьбу Грузии. Но он, приехав, сказал мне за тайну, что не знает еще, будет ли земля сия принадлежать России. Прибыл он единственно для обозрения сей земли и для узнания, будут ли по крайней мере доходы оной соразмерны с издержками на ее защиту. — «А данное слово и обязанность государей российских защищать христиан, особливо единоверных, против варварства магометан?» — осмелился я возражить. — «Теперь во всем другая система», — отвечал он на то».

В этом коротком диалоге сконцентрировано многое — и колебания Александра, сознающего, что защита Грузии и управление ею могут стать непосильным бременем для расстроенного российского бюджета, и отказ от романтических представлений Павла, который по слухам, — как сообщает Туч-

[5] Г. П. Федотов. Судьба и грехи России, т. 2. СПб., 1992, с. 318.

ков, — собирался сделать Грузию пристанищем мальтийских рыцарей, а грузинского царевича Давида гроссмейстером ордена... При том что Александр и его ближайшее окружение, «молодые друзья», сознавали — в случае присоединения Грузии неизбежна большая война на Кавказе.

Тучков положил начало и историческим штудиям, включенным в текст воспоминаний, прием, которым широко пользовались мемуаристы-«кавказцы» XIX века. Множество исторических и этнографических сведений придают запискам Тучкова особую ценность. Но, быть может, наибольший интерес представляют главы, посвященные совместной службе Тучкова с князем Павлом Дмитриевичем Цициановым. О пятилетнем управлении Цициановым Грузией и его боевых действиях на Кавказе сохранилось мало свидетельств, равно как и о самой личности первого завоевателя. При чрезвычайной важности этого периода для понимания хода Кавказской войны и вообще взаимоотношений России и Кавказа мемуары Тучкова — драгоценны. В частности, мы встречаем свидетельства далеко идущих планов Цицианова относительно продвижения в Азию, планов, которые через полтора десятилетия с еще большей смелостью разрабатывал Ермолов.

Именно в это время — время карательных экспедиций генерала Гулякова против лезгин, опустошавших Кахетию, время военного наступления на Персию и стремления ликвидировать систему ханств, завязывались узлы, которые предстояло развязывать или разрубать последующие шестьдесят лет.

Тучков-мемуарист тоже принадлежит к категории «обиженных». Его дарования, решительность, самостоятельность в конце концов восстановили против него честолюбивого и властного Цицианова, а донесения Цицианова определили и отношение к Тучкову императора.

Военная карьера молодого талантливого просвещенного генерала не задалась. И чувство обиды, которое неизбежно должен был сохранить Тучков, работая над мемуарами, не могло не повлиять на объективность его человеческих характеристик. Это нужно учитывать. Но фактологическая сторона событий и понимание сути происходящего — вне всякого сомнения.

«Жизнь А. С. Пишчевича, им самим описанная» и «Воспоминания» графа Рошешуара составляют особый слой свидетельств.

Воспоминания Пишчевича носят все родовые черты авантюрной прозы XVIII века, на которую этот весельчак и волокита и ориентировался. Что, однако, не снижает своеобразной ценности этих мемуаров как источника.

Пишчевич подробно и со вкусом живописует быт офицерства. Он, пожалуй, единственный из мемуаристов склонен упоенно изображать интимную сторону этого быта.

Если в начальном периоде военной карьеры Пишчевича есть нечто общее с судьбой Мосолова, то по существу мы имеем дело с совершенно иным человеческим вариантом. Если Мосолов, честный служака, потом и кровью добывающий чины и награды, готов к самой обычной карьере, то молодого Пишчевича, чья карьера протекала в тот же период, изначально ориентируют на некую жизненную химеру. Отец Пишчевича знал историю пожалования некоего господина Бурнашева грузинским царем Ираклием в грузинские подполковники. «Лист пергаменту на сей химерический чин ничего царю не стоил... Сей лист, напечатанный у подошвы Кавказа, произвел странное впечатление над мыслью старого Пишчевича у берегов Днепра; он был человек, крайне занимающийся всякого рода дипломами, и потому я должен был ехать в Грузию будучи поручиком не менее как за фельдмаршальским достоинством Георгиевских толпищ».

Здесь мы наблюдаем первые наметки будущей кавказской утопии, кружившей головы молодым дворянам следующего века...

Пишчевич, как и Мосолов, был на Кавказе во время восстания шейха Ман-

сура. И так же, как и Мосолов, он для начала уделяет грандиозному событию несколько фраз и плавно переходит к своей интрижке с некой госпожой Пеутлиг. Хотя несколько позже он возвращается к этому сюжету более подробно, чем Мосолов. Как и Мосолов, он говорит прежде всего об эпизоде наиболее внешне выразительном — разгроме отряда «полковника Пиерия». Но, в отличии от Мосолова, Пишчевич позволяет себе суровую оценку действий русских войск. «Раздробленное повсюду малыми частями, наше войско не в силах было поставить должной преграды неприятелю, подоблющемуся приливу и отливу морскому; грабежи по дорогам, нападения на все посты слабые были столь часты, что никто не смел из крепостей показаться, ежели не желал на веревке водим быть в горы. В сей суматохе слабость голов наших генералов оказалась во всей своей силе, и они в нерешимости ничего не предпринимали».

Картина, очерченная Пишчевичем, точно предваряет ситуацию 1843 года, когда по совершенно тем же причинам Кавказский корпус потерял все, что в кровавой борьбе приобрел за два предыдущих десятилетия.

В каждом из мемуаров раннего периода можно уловить те тенденции, которые, развиваясь и усложняясь, создали драматическую проблематику шестидесятилетнего периода Кавказской войны.

Что же до человеческого аспекта событий, то мемуары Пишчевича, при всем его явном легкомыслии очень наблюдательного и острого, дают нам возможность представить себе фигуры в бытовом плане малоизвестные, но для предыстории Кавказской войны важные — например, генерала Павла Потемкина, первого, кто вел после 1720-х годов масштабные операции против горцев.

Мемуары Пишчевича не только исторический источник, но и образец литературной культуры второй половины XVIII века — с соответствующими реминисценциями (свой конфликт с Павлом Потемкиным он поясняет цитатой из Фонвизина), с образцами стилистики, восходящей к сатирическим текстам русских журналов той эпохи: «Г-н Потемкин был мужчина поистасканный в Венерином поприще...». С другой же стороны, Пишчевич не чурался и высокого слога: «Гордость вельможи столкнулась с гордостью офицера», — так он характеризует свой конфликт с Потемкиным.

Любопытно, что и Пишчевич тоже был из «обиженных». Его преследовал Потемкин, а затем и Гудович.

Пересекающиеся свидетельства разных мемуаристов о крупных исторических фигурах эпохи дают возможность достаточно точных оценок. В данном случае описание Пишчевичем стиля поведения Гудовича во многом объясняет и особенности записок генерал-фельдмаршала, и резко отрицательные характеристики, данные ему Ермоловым. «Когда все войско, назначенное к Анапе, собралось у Темижбека, то г-н Гудович затеял оным маневрировать, стоя на одном месте... Я в тех мыслях и был, что г-н Гудович подает прежде наставления, как биться и одолеть неприятеля умом; но вместо сего он выбрал равнину, на которой выстроил обыкновенный с турками боевой порядок, то есть несколько каре, а между ними поставил конницу, которые при играний музыки туда и сюда прохаживались от первого часа пополудни до заката солнца. В продолжение сих оборотов г-н Гудович показал нам опыт своей запальчивости, ибо в первом движении своего бешенства приподнял было свою трость, чтобы ударить одного пехотного офицера за то, что он несколько вперед из линии вышел... Говорил я: "Главнокомандующий имеет привычку замахиваться на офицеров тростью, но здесь есть много таких, которые сделали свычку быть всегда с тростьми, так иногда таковые палки в горячности могут столкнуться"».

Разумеется, к свидетельствам и характеристикам «обиженных» нужно относиться с осторожностью, но утверждения Пишчевича относительно командующего подтверждаются другими источниками.

Гудович был во всех отношениях воспитанником XVIII века — в том числе и в военном отношении. Нравы, которые он культивировал в 1790-е годы, — все это еще далеко от нравов будущего Кавказского корпуса, где, по утверждению позднейших мемуаристов, рукоприкладство даже со стороны офицеров было исключением, а подобное оскорбление офицера генералом — исключалось.

Ермолов называл Гудовича «прегордым скотом». Это далеко не безусловная характеристика. Но очевидно, что смена стиля управления Кавказским краем при частой смене командующих и, в частности, во время второго «пришествия» Гудовича, создавая у горцев — особенно у владетелей, впечатление непоследовательности и несогласованности действий русской власти, существенно мешала реализации планов Петербурга.

Сопоставление воспоминаний Мосолова, Пишевича, Тучкова, помимо всего прочего, демонстрирует динамику дворянского самосознания — движение к осознанию самоценности личности.

Граф де Рошешуар оказался на Кавказе в «смутный период» — между Цициановым и Ермоловым, когда власть осуществляли быстро меняющиеся и случайные люди.

Граф Рошешуар, адъютант герцога Ришелье, французского эмигранта на русской службе, отличившегося в боях против турок, генерал-губернатора Одессы и Новороссийского края с 1803 года, был человеком на Кавказе вполне случайным, а его участие в боевых действиях эпизодическим. Его воспоминания об участии в короткой карательной экспедиции против черкесов в 1809 году содержат несколько выразительных эпизодов, свидетельствующих об однообразии как боевых приемов, так и карательных методов русских войск на протяжение десятилетий. «Обратив аул в пепел, я собрал добычу и двинулся в обратный путь, торопясь выбраться из леса, где небольшие силы легко могли отрезать нам отступление». А эпизод, описанный им со слов его брата, предваряет кровавые эксцессы ермоловского десятилетия: «В одну минуту все селение сделалось добычей пламени; только крики убиваемых женщин , да плач детей, испуганных пожаром, отвечали на громкое «ура» казаков... Брат, убедившись в отсутствии мужчин в ауле, хотел прекратить убийства женщин, советуя набрать по возможности большее количество пленниц. Казаки, опьяненные кровью, не слушались его...». Казаки мстили за недавний набег на их станицы.

«Поход генерала Рондзевича увенчался полным успехом: было захвачено большое количество мужчин, женщин, детей, скота и хлеба. Благодаря такому наказанию черкесы присмирели на несколько лет».

С одной стороны, это еще образец тактики бессистемных карательных набегов, с другой, зарождение «набеговой системы» с русской стороны, копировавшей соответствующую практику горцев. Позднее героем русской «набеговой системы» стал зловеще знаменитый в 1830–1840-е годы генерал Григорий Христофорович Засс.

Для Рошешуара все происходящее — лишь приключение, вторжение в чужой экзотический мир. И это тоже один из многообразных аспектов грандиозного и жестокого явления, которое мы называем Кавказской войной.

На протяжении десятилетий войны мы достаточно часто встречаем в воспоминаниях рассказы об искателях приключений, аутсайдерах, для которых Кавказ казался единственным выходом, о людях, не нашедших себя в собственных странах, сосланных на театр постоянных боевых действий польских инсургентов и так далее. Так формировался уникальный мир этой резко своеобразной войны. Без понимания особенностей этого мира невозможно понять ни хода войны, ни его конечных результатов.

Испанский офицер Хуан Ван-Гален только формально может быть при-

числен к этой категории. Его появлению на Кавказе предшествовала бурная карьера вольнодумца и мятежника, бежавшего из тюрьмы испанской инквизиции. Оказавшись в Петербурге в конце 1810-х годов, Ван-Гален заручился покровительством влиятельного генерала Бетанкура, испанца на русской службе, возглавлявшего Управление путей сообщения, свел дружбу с представителями аристократических фамилий России.

Его судьба зависела от столкновения дипломатических интересов России и Испании. Выходом из запутанной ситуации оказалась служба на Кавказе. Императора Александра уговорили назначить кавалериста Ван-Галена в прославленный драгунский Нижегородский полк, много лет воюющий на Кавказе.

Как уже говорилось, воспоминания Ван-Галена хронологически выходят за рамки, принятые для данного тома — действие кавказского эпизода относится к 1820 году. Но по отстраненности взгляда, по психологической позиции воспоминания испанского вольнодумца примыкают к мемуарам доермоловского периода.

Война на Кавказе для Ван-Галена — не его война. Но человек незаурядного интеллекта, стремящийся познать и понять новый для него мир, Ван-Гален включает в свою книгу массу выразительных свидетельств самого разного рода — от этнографических, географических до политико-психологических. Несомненную ценность представляют его характеристики как чеченцев, «столь же ревниво оберегающих свою личную свободу, сколь нетерпимых к любому иноземному игу», так и монументальной личности Ермолова, железной рукой отбирающих у чеченцев свободу. Особенность и ценность воспоминаний Ван-Галена прежде всего в его органичной объективности. Он добросовестно выполняет свой воинский долг, но внутренне он вне ситуации смертельного конфликта. Говоря языком современной социологии, пребывание Ван-Галена на Кавказе, его активное участие в боевых действиях — эксперимент с включенным наблюдателем.

Когда мы встречаем в мемуарах русских офицеров и генералов дифирамбы русскому солдату — это одно, когда перед нами результат наблюдений испанского офицера, с равным вниманием присматривавшегося как к горцам, так и своим новым соратникам — это существенно иное. «Русский солдат по натуре своей столь же неприхотливый, как испанский, идет в атаку с такой же неустрашимостью, и ему не нужно поднимать дух всякими сильными средствами, к чему прибегают в подобных обстоятельствах европейские генералы, дабы пробудить мужество в своих войсках. Огонь и неистовый напор неприятеля русские солдаты выдерживают с неизменным и полнейшим хладнокровием, а когда возвращаются в лагерь, довольствуются куском хлеба либо лепешкой да глотком воды».

Специфика мемуаров Ван-Галена-наблюдателя в том, что рядом он посвящает не меньше текста оценке замечательных боевых качеств горцев — как враждебных русским, так и сражающихся на их стороне.

Ван-Гален писал свою книгу уже после отъезда из России и ему не нужно было кривить душой, льстя своей новой стране. Он добросовестный свидетель. (Хотя исторические сведения, включенные им в книгу и предназначенные для европейского читателя бывают и неточными и наивными.)

Рассказ Ван-Галена о походе отряда князя Мадатова на мятежный Казикумух, о быте и стиле поведения ханов, через владения которых шел отряд, о личности союзника русских войск кюринского владетеля Аслан-хана, мусульманина, не расставшегося с подаренной ему Библией, — все это существенно дополняет сведения официальных источников и корректирует их.

В воспоминаниях Ван-Галена мы встречаемся с будущим декабристом Якубовичем, чья кавказская эпопея известна исключительно в легендарном оформлении. Между тем личность Якубовича дает уникальные возможности

для анализа особого человеческого типа, формировавшегося в парадоксальном мире Кавказской войны, исповедовавшего особые этические установки, сложившиеся на пересечении горских и европейских представлений.

Ван-Гален, которому предстояла значительная военно-политическая карьера в Европе, писал свою книгу по горячим следам двухлетнего пребывания в России как некую концентрацию особого опыта — наблюдений вдумчивого иностранца за процессами, происходящими в северной империи. Его рассказ о Кавказской войне стал одним из немногих серьезных источников не только для европейского читателя. Переведенная на многие европейские языки — в том числе и на французский, — книга Ван-Галена читалась и в России.

По своей значимости воспоминания Ван-Галена стоят в одном ряду с мемуарами Гудовича и Тучкова, составляя, таким образом, смысловую ось данного тома.

В отличие от воспоминаний, посвященных 1820–1860-м годам, ранние воспоминания, за небольшим исключением, не претендуют на исторический анализ событий, в них редко встречаются экскурсы в прошлое Кавказа и России.

Авторы воспоминаний о последнем сорокалетии Кавказской войны были, как правило, классическими «кавказцами», надолго, а иногда навсегда, связавшими свою жизнь с этим краем и считавшими его своим не только по праву завоевания. Один из таких «кавказцев» полковник Константин Бенкендорф писал: «... Кавказцев много упрекают в том, что они составляют как бы особую партию или союз; да, это союз, но союз в лучшем смысле этого слова, союз уважаемый и благотворный, так как основанием его является глубокое знание края и любовь к нему все того же края».[6]

Авторы воспоминаний о предшествующем сорокалетии, как правило, служили на Кавказе эпизодически и не чувствовали кровного родства с краем. У них не было и не могло быть ощущения, которое столь выразительно сформулировал тот же Бенкендорф: «В этой войне на Кавказе всегда есть что-то и драматическое, и фантастическое, и неожиданное».[7] Для них это был один из многих театров военных действий, на которых им приходилось выполнять свой долг.

Представления о Кавказе как о некоем особом культурно-психологическом феномене, прочно встроенном в сознание русского дворянства, особенно его просвещенной части, что было важным компонентом и чисто военного пласта, у автора воспоминаний о раннем периоде не было и быть не могло. Но сквозь густую фактологическую ткань уже просматриваются те «драматические и фантастические» аспекты событий, которые развившись и усилившись, определили совершенно особую роковую роль Кавказской войны в нашей истории.

Я. А. Гордин

[6] Даргинская трагедия. 1845 год. Сб. воспоминаний. СПб., 2001, с. 282.
[7] Там же, с. 320.

ЗАПИСКИ ГУСТАВА ФОН ШТРАНДМАНА

1779 г.

<...>В начале января (1779 г.) были такие морозы, каких не могли припомнить туземцы-старики. Они простояли почти весь месяц. В январе я начал объезжать все свои роты, наблюдая маршировку рядовых и знание ружейных приемов; я окончил этот смотр 13 января.

В средних числах февраля у нас стояли сильные морозы, но было мало снегу; с этого времени вода начала ежедневно подниматься.

В марте я вновь осмотрел и проверил занятия во всех ротах — отдельно каждого солдата, и они быстро заряжали с порохом свои ружья. Многие роты сделали значительные успехи в этом отношении.

25 марта я окончил это дело.

Между тем в полку, под моим присмотром, усердно занимались починкой моего обоза, заготовлением солдатского платья, сукно для которого я, по счастью, получил из Ростова, новых эполет и других нужных вещей для полка.

В апреле мой премьер-майор Беклешов произведен в подполковники и переведен в Козловский полк, а на его место назначен ко мне премьер-майор Дюккер.

4 апреля, днем, был большой пожар: сгорело несколько домов, смежных с моим. Моя квартира находилась также в большой опасности, и из нее поспешили все вынести.

5 апреля я получил приказ от генерал-майора Тилля быть готовым ежеминутно выступить с своим полком на Моздокскую линию и послать офицера в Астрахань, за деньгами для покупок необходимых провиантских подвод.

7 апреля, приведя в исполнение этот приказ, я должен был переменить квартиры моего штаба и обеих гренадерских рот, стоявших в Семикаракотске, потому что вода слишком прибывала; мы перешли в Кундруч, за 20 верст. Когда, при выходе из Калетовска, мне пришлось уплатить по распискам, по счетам, то произошел большой переполох; жители заявили неслыханные претензии, требуя, чтобы им возвратили все пропавшие, во время нашего пребывания, вещи, которые будто бы были украдены моими солдатами. Мне удалось уладить дело при посредстве казачьего полковника Федора Ивановича Кузнецова, очень хорошего, честного человека. Я советую всем, кому придется стоять у казаков, этих упрямых и недобросовестных людей, платить помесячно; в противном случае, они, при выступлении войска, предъявляют множество жалоб, большая часть которых лишена всякого основания.

Благодаря любезности и сговорчивости жителей, у меня и моих подчиненных в Кундручи было гораздо лучшее помещение, чем в Калетовске.

24 апреля умер от скорбута подполковник Сенденгорст; он был еще в цветущем возрасте, но его губила страсть к спиртным напиткам. 26 его похоронили, с обычной церемонией, на кладбище русской церкви.

С 7 мая начали выгонять лошадей и в полку все готовилось к выступлению.

В это время происходил военный суд над несколькими солдатами, причинившими насилие 70-летнему старику*. Вышеупомянутый казачий полковник был депутатом обвинявшей стороны. Впрочем, это была единственная, за всю зиму, жалоба, принесенная на моих солдат высшему начальству.

В первых числах мая я получил от генерала Тилля приказ выступить как можно скорее и взять с собою провианту на 4 недели; для этого он прислал мне нужные повозки, запряженные быками.

10 мая я стянул весь полк в лагерь у Кундручи.

Снова, как пришлось платить по квитанциям, у меня были большие неприятности с казачьими станицами, в которых сто-

* Этот случай произошел в Трогеленской станице; жители были столь злы, что подали жалобу не мне, а прямо своему начальству, которое дало знать генералу Тиллю, он и созвал военный суд. — *Авт.*

яли некоторые роты. Особенно памятно будет мне дерзкое обращение жителей станиц Кагеловской, Ведерновской и Трогеленской.

14 мая я выступил с своим полком, вследствие полученного приказа, на Ростов, оттуда на Моздокскую линию. Со мной было 52 фуры, запряженные быками, для перевозки провианта на 4 недели. У меня недоставало 260 человек до полного комплекта, и в последний месяц дезертировало 30 человек, по большей части все хорошие люди.

20 мая я благополучно прибыл с своим полком к речке Донцу, за Ростовом; Донец недалеко от этого города впадает в Дон. В следующие дни я переправился через обе реки. Дон разлился на большое пространство, и мы должны были проплыть, по крайней мере, 15 верст, на 50 больших рыбацких лодках, присланных нам из Черкаска. Место нашей переправы чрез Дон называется Каузуей; оно лежит между Азовом и Ростовом.

25 мая я выступил и сделал 27 верст до местности, лежащей против Черкаска, до Садних Тернов 30 в., до Кагальникской Балки 17 в., до Вершинного Кагальника 12 в., до Кушной 14 в., до Первой Генки 14 в., до Среднего Егорлыка 28 в., до Рассыпной Балки 30 в., до Большого Егорлыка 24 в., по берегу Егорлыка еще 24 в., до Туминского Кургана 25 в., до Сары Камыша 25 в., до начала леса, по течению Тагильска 22 в., до редута по Высокой горе 18 в., до Ставрополя 27 в. Всего от Черкаска до Ставрополя мы сделали 310 в. От Дона до этой крепости дорога шла по степи, и только в 50-ти верстах от этого города начинается большой густой лес, который тянется по берегу Кубани*. С этой, недавно выстроенной, маленькой Ставропольской крепости начинается устроенная два года тому назад Моздокская линия. Крепость построил полковник Щульц с своим Владимирским драгунским полком; он же построил еще 3 другие маленькие крепости, Бешмагирский редут, Алексеевскую и Александровскую. Я застал его самого со штабом в Ставропольской крепости, которая лежит в красивой местности, среди гор. Вокруг нее много лесу.

14 июня я прибыл в Ставрополь. На дороге ко мне приезжало несколько курьеров от губернатора Якоби, с приказом спешить как можно скорее, так как возмутившиеся кабардин-

* В этой степи не увидишь ни одного дерева до Тагильска. — *Авт.*

цы становились с каждым днем все задорнее, а потому я на другой же день выступил из Ставрополя; не делая дневок, дошел до Павловской крепости.

15 июня я прошел 30 в., до Бешмагирского редута; 16-го 27 в., до Алексеевского редута; 17-го 18 в., до Александровского редута. В этих редутах стоял драгунский полк Шульца; 18-го до Андреевской крепости, где было расквартировано несколько рот Кабардинского полка; 19-го до моста у Саблина 26 в.; 20-го я выстроил два моста и прошел по ним 2 в.; 21-го 26 в., до Кунки; 22-го 7 в., до Георгиевской крепости, где стоял штаб Кабардинского полка и несколько рот того же полка, другие же роты стояли в Марьевской крепости в 12 в. отсюда. Георгиевская крепость очень красиво расположена на Подкумке, на берегу которой много леса. В тот же день я прошел чрез эту крепость и дошел почти до Марьевской, которую я миновал. 23-го, пройдя еще 10 в., прибыл в Павловскую крепость, где я представился с своим полком губернатору Якоби.

Подле Павловской крепости я застал следующие части под командою губернатора Якоби:

Четыре роты Кабардинского полка с его полковником Ладыженским. Кабардинский егерский батальон, под командою подполковника Кека, Моздокский батальон, под командою майора Якоби, брата губернатора, 400 казаков, под командою подполковника Савельева, затем полки донских казаков; между прочим, несколько сотен семеновских и гребенских казаков, известных своей храбростью и ловкостью в стрельбе. Впоследствии этот отряд был усилен.

Незадолго до моего прихода между этим отрядом и 1500 возмутившихся кабардинцев произошло большое сражение, в котором последние были побиты. Они несколько дней стояли у Павловской крепости, ежедневно тревожа губернатора, а потом оставили его в покое и неожиданно напали на Марьевскую крепость. В ней два дня держался Бас, храбрый капитан Кабардинского полка, а на третий подоспел губернатор Якоби с своим немногочисленным отрядом; разделив свое войско на три маленьких каре, он на голову разбил кабардинцев и заставил их отступить от крепости.

После этой неудачи кабардинцы или черкесы несколько недель скрывались в высоких кавказских горах, неподалеку отсюда. Возмутившиеся горцы требовали, чтобы мы покинули

вновь устроенную линию от Моздока до Ставрополя и возвратили им занятые нами пункты.

Губернатор Якоби, не соблюдая своей прямой выгоды, вернулся в Павловскую крепость, откуда не двигался, хотя и был подкреплен моим полком, поэтому в конце июля, кабардинцы появились снова и расположились лагерем на Малке, в 20 верстах от нас.

Они ежедневно тревожили нас, а иногда отрезывали сообщение с другою крепостью (Марьевскою), прогоняли и перебивали пикеты.

1 августа у нас была стычка, продолжавшаяся несколько часов. Весь отряд стоял под ружьем, как это всегда бывало, когда показывался неприятель.

Замечу здесь, что от постоянных и часто маловажных тревог офицеры и солдаты сильно были утомлены; последние не имели права раздеваться, но должны были спать перед фронтом возле своих ружей. Можно себе представить, как страдали они, особенно осенью, в дурную погоду.

7 августа мы переменили позицию и расположились лагерем в двух верстах по ту сторону Павловской крепости. По неизвестным мне причинам наш лагерь был очень узок и состоял из двух (Tresse). Казаки стояли и в переднем, и заднем фасе, а 4 мушкетерские роты моего полка стояли на обоих флангах обоих фасов (en poteau); таким образом вся наша позиция походила на параллелограмм.

В конце августа прибыл к нам из Сибири Горский егерский батальон. Им командовал подполковник Великопольский. Когда он переправлялся через реку Куму, близ Георгиевской крепости, на него напало около 1000 горцев; но он отразил их, убил и ранил 100 с лишком человек, и благополучно довез до нас большой транспорт провианта из 500 фур, который конвоировал из Царицына. В этом деле он потерял около 20 человек убитыми и ранеными. Во все лето отряд фуражировал подле лагеря, обыкновенно под сильным прикрытием. Ночью все лошади стояли в лагере, а днем их выгоняли поблизости от фронта. Под конец корму было так мало, что сено приходилось ездить добывать за 15 верст. Плохой корм испортил и ослабил лошадей, а многие даже пали. До января я потерял от падежа около 60 вьючных лошадей.

5 августа присоединился к нам Владимирский драгунский

полк, которым командовал полковник Шульц. С ним приехала и его жена, переодетая в мужское платье. Вместо него в Ставрополь пришел из Ростова генерал-майор Тилль с Ладожским полком и занял посты драгунского полка.

Этот генерал-майор Тилль*, о котором я еще ничего не сказал, был человек лет 50-ти, женатый, грубый и гордый эгоист, с угрюмою, отталкивающею наружностью, мрачным выражением глаз, выдававших его злое сердце — он был презираем всеми подчиненными за трусость и не любим за придирчивость.

Когда, после присоединения драгунского полка, наш отряд сделался уже весьма значительным, мы ожидали, что генерал Якоби перейдет в наступление, но он не трогался с места, не мог ни на что решиться и более чем когда-либо показал, что тактика не по его части.

Кабардинцы каждый день беспокоили нас то здесь, то там, уничтожали наши пикеты, сжигали траву перед фронтом и постоянно тревожили отряд. Нередко из-за 200 кабардинцев весь отряд стоял несколько часов под ружьем и выставленные пикеты поспешно возвращались.

В этих случаях наш командующий необыкновенно волновался, ничего не делал, не сходил с фронта и только усиленно смотрел вдаль, на неприятеля; а кабардинцы часто в продолжении нескольких часов стояли в 2-х или 3-х верстах от нас на курганах или холмах и без сомнения радовались, что прогнали все наши пикеты, табуны и фуражиров. Полковник Шульц, Ладыжинский и я, подполковники Ток и Великопольский давали понять губернатору, что величайший срам терпеть все эти дерзкие нападки со стороны кабардинцев, что от нашего бездействия они сделаются смелее и отрежут нам все сообщения; но наши слова ни к чему не вели и губернатор уверял, что ему приказано не наступать на неприятеля. В этой нерешительности, в этом бездействии его поддерживал большой фаворит его и казачий подполковник Савельев, исправлявший должность дежурного майора при отряде, командовавший всеми казаками и пикетами; Якоби слушался этого офицера, не имевшего никакого понятия о партизанской войне и не отличавшегося особенной храбростью.

---

* В рукописи имя это пишется: то Тилль, то Пилль, то даже Пиллс. — *Ред.*

Впоследствии я узнал, почему губернатор не нападал на неприятеля: поводом к его бездействию послужило одно выражение в письме к нему князя Потемкина. Князь писал ему, что посылает именной указ императрицы* и от себя может посоветовать не предпринимать никаких военных операций против неприятеля до 15 сентября, а до этого времени стянуть войска и привести себя в хорошее оборонительное положение.

Это выражение — оборонительное положение — наш умный командир объяснил так, будто оно значит постоянно обороняться и будто князь дает ему понять, чтобы он никоим образом не переходил в наступление.

В этом смешном толковании, о причине которого он никому раньше не говорил, разубедил его генерал-майор Фабрицын (Фабрициан?), прибывший 25 сентября; он был переведен к нам из Польши, и под его команду губернатор отдал все войска, стоявшие в лагере.

Тотчас по его приезде мы получили известие, что кабардинцы совершенно рассеяли партию наших фуражиров у Екатерининской крепости, в 50-ти верстах от нас, что они убили одного поручика и 50 солдат и еще отняли у нас пушку.

Генерал Фабрицын предложил немедленно напасть на неприятеля. Но мудрый командир сослался на письмо князя Потемкина; тогда Фабрицын попросил показать ему это письмо и прочитать, успел разъяснить губернатору его ошибку; а потому в тот же день, т. е. 28 сентября, весь отряд получил приказ быть готовым к походу.

28 сентября храбрый Фабрицын пошел с 800 егерями, 2-мя ротами Моздокского батальона и 2-мя казачьими полками прямо к неприятельскому лагерю на Малке, в 20-ти верстах от нас; он хотел ночью обойти лагерь и напасть с тыла. Ночью, несколько часов после него, выступил губернатор со всем отрядом и направился к Малке, следуя тремя колоннами, на флангах и посреди которых находилась кавалерия. На заре, пройдя уже полпути, мы услышали и увидели вдали (нас окружала степь) канонаду, открытую егерями, наступавшими под командой Фабрицына. Наша кавалерия поскакала вперед, и мы тоже

*В указе императрица писала, что теперь мир и спокойствие во всей империи и что потому она решила наказать задорных кабардинцев, для чего губернатору следует принять свои меры. — *Авт.*

спешили к Малке. Приблизившись, мы застали горячую перестрелку, из пушек и мушкетов, между нашими егерями и неприятелем; перестрелка эта продолжалась до 10 часов. Часть нашей кавалерии переправилась на тот берег и напала на отступавшего уже неприятеля, которого было здесь до 6000; она вместе с егерями привела горцев в совершенное расстройство. Отряд наш построился в каре на этом берегу Малки и не принимал никакого участия в деле; однако, устрашая неприятеля своею численностью, он, вероятно, ускорил его бегство. Мы сделали несколько выстрелов из пушек и стреляли несколько раз бомбами из гаубиц по неприятельской кавалерии, находившейся на противоположном берегу. Нам достался весь неприятельский лагерь, состоявший из 200 кибиток и пушки, которые были оставлены у Екатерининской крепости. Убито было около 500 кабардинцев, у нас около 20 человек и ранено вчетверо больше. Неприятель отступил к Баксану, за 30 верст отсюда, а мы, после полудня, вернулись в лагерь к Павлову, хотя наш отличный и храбрый генерал Фабрицын настаивал на том, чтобы завершить дело и преследовать неприятеля.

Наш командующий сделал капитальную ошибку, не воспользовавшись победой: если бы мы подвинулись немного вперед, кабардинцы наверно отдались бы под покровительство Российской империи; это предположение подтвердили впоследствии несколько пленных. Я не говорю уже о том, что, если бы мы расположились на берегу Малки, наши лошади поправились бы от отличной травы, которая тут растет, между тем как в Павлове, на 12 или 15 верст кругом, не было трав. Лошади сильно отощали, особенно от нерадения нашего командира, который не запасся овсом; в ноябре у меня пало до 50 вьючных лошадей, а оставшиеся едва двигались. Полковник Шульц потерял до декабря около 500 лошадей. Если бы губернатор был заботливее и раньше велел привезти овса из Царицына, лошади не отощали бы так сильно; правда, они страдали и от того, что трава, которую добывали за 15 верст, была хуже, чем летняя солома.

В последних числах октября и начале ноября прибыли наконец большие транспорты с провиантом и овсом. Сена было уже так мало, что за 20 пудов платили 4 рубля. Я выписал его из Марьенской крепости, заплатив по 25 коп. за пуд; а за четверть овса, и то с трудом добываемого, платили 2 рубля и 50 коп.

В октябре было много бурь и дождя, а в ноябре стояла приятная ясная погода. 26-го выпал первый снег.

После дела на Малке кабардинские князья начали вступать с нами в переговоры и с позволения нашего командира прислали к нам в лагерь знатнейшего своего князя Шамиофа (?) с несколькими другими. Но требования их с каждым днем все возрастали и в конце ноября они даже написали губернатору дерзкое письмо. Тут только он сознал свою ошибку, раскаявшись в том, что отвергнул совет Фабрицына; не извлек никакой выгоды из нашей последней победы и не принудил самого неприятеля заключить мир. Переговорами кабардинцы хотели выиграть время и напасть уже на наши зимние квартиры.

Поэтому, чтобы обезопасить нашу коммуникацию и особенно зимние квартиры, необходимо было вновь перейти в наступательное движение и разбить неприятеля. Весь отряд получил приказание быть готовым выступить на зимние квартиры и спечь для этого сухарей на 10 дней. Это распоряжение было очень целесообразно, вполне маскируя наши намерения.

Вместо того чтобы выступить на указанные квартиры, все полковники получили, 27 ноября, приказ явиться в 9 часов утра к генерал-майору Фабрицыну. Он прочитал нам инструкцию, состоявшую из нескольких пунктов; суть ее заключалась в том, чтобы мы выступили в 4 часа пополудни и шли различными колоннами на Баксан, приблизительно в 60 верстах от нас. Мы взяли с собою провианту на 6 дней, и оставив все прочие провиантные фуры и всех больных, которых в моем полку было уже около 300. Ни одному офицеру не было разрешено иметь с собой экипажи, я один получил позволение взять одну фуру.

Отряд составлял следующие части: Владимирский драгунский полк, в 700 человек, под командою полковника Шульца, 4 роты Кабардинского пехотного полка, около 300 человек под командою полковника Ладыженского, два егерских батальона, а именно: кабардинский, командир подполковник Кек, и горский, под начальством полковника Великопольского, в обоих около 900 человек; затем мой полк, около 800 человек, 3 эскадрона казачьего легиона, под командою подполковника Савельева; 7 казачьих полков, 3 или 4 тысячи калмыков, 2 пехотные роты горского батальона, около 200 человек под командою майора Якоби. Следовательно, всего, без легкой кавалерии, было около 3000 человек.

27 ноября, в 5 часов пополудни, отряд выступил в трех колоннах, с кавалерией в промежутках. К несчастью, за два дня перед тем выпало много снега и в первую же ночь был сильный мороз*. Мы перешли чрез Малку (стремительную и быструю реку шириною в 30 или 40 сажень) вброд, не сделав употребления взятого с собою моста**. В час ночи весь отряд был на другом берегу и, несмотря на темноту, продолжал идти скорым шагом по степи. Поутру был сильный мороз. По дороге на Баксан нам пришлось переправиться чрез 3 маленькие речки, шириною в 10 или 20 саженей; при переправе наш командир не перевозил пехоту, но загонял ее как скот в воду. Мороз дал себя знать, 1500 человек отморозили себе ноги, между прочим много офицеров, но почти исключительно из пехоты, а не кавалеристы. Этой участи подверглись полковник Ладыжинский, подполковник Кек, 9 офицеров и более 900 человек солдат и унтер-офицеров моего полка. Вечером мы пришли к Баксану. Я никогда в жизни не видел такой быстрой реки. Мы еще не сталкивались с неприятелем, который бежал, завидев нас издали. Три солдата моего полка, которые, к несчастью, отстали, были изрублены партией неприятелей.

Мы расположились лагерем в виде трех каре, с кавалерией в середине, и провели ночь недалеко от Баксана. Снегу было более чем на четверть аршина. На следующий день выступил весь отряд; замерзших везли на казачьих лошадях. Мы переправились чрез Баксан и расположились в нескольких кабардинских деревнях; хотя деревни эти были покинуты жителями, мы нашли там очень много сена и до 20000 овец, которые раздавались ежедневно полкам умеренными порциями. 30-го мы выступили в прежнем порядке и, сделав 20 верст, дошли до горы, у подошвы которой мы остановились в одной большой деревне. Сюда отступили кабардинские князья (в том числе Шамгар и Мисоуст), с скопищем в одну тысячу горцев. Желая сдаться нашему губернатору, они послали к нему депутатов.

---

* Губернатор закутался и ехал в экипаже за отрядом. — *Авт.*

** Раньше, чем мы дошли до Малки, у меня открылось кровотечение из носу, продолжавшееся $1^1/_2$ часа; сидя на своей фуре, я едва мог остановить кровь, а вокруг меня бродили кабардинцы и я подвергался опасности истечь кровью. Я прикладывал снег к голове и остановил кровь, но упал в обморок и пролежал без чувств несколько часов.

Когда мы пришли, они стали просить нас еще настоятельнее, обещая подписать все что угодно и принести присягу. Переговоры окончились заключением мира: все князья принесли присягу в присутствии войск и подписали, хотя и неохотно, очень невыгодный для них договор*. По этому договору границею между Россией и Кабардой должны были служить Малка и Терек. Подполковник Савельев был послан с несколькими ротами егерей и казаков в Малую Кабарду, чтобы и ее подвести под русское подданство.

3 декабря, приводя все в порядок, мы выступили в обратный путь, а 5-го, к нашему величайшему удовольствию, дошли до прежнего лагеря у Павловской крепости. Отряд находился в жалком положении, потому что было много народу с отмороженными ногами и другими частями тела. Вообще я никогда в жизни не претерпевал в несколько дней всего того, что перенес в эту экспедицию.

Чрез несколько дней после нашего возвращения губернатор Якоби (по-русски его зовут Иван Варфоломеич)** уехал обратно в Астрахань, чему мы очень обрадовались. Я думаю, никогда не было генерала, которого подчиненные любили менее, чем Якоби. Это и неудивительно: его спесивая мужицкая гордость и отвратительный эгоизм, старательно, впрочем, им скрывавшийся, не позволяли ему быть в дружеских отношениях с подчиненными; он оказывал им услуги с полным неудовольствием, его надо было заставлять сделать какую-нибудь любезность, если он не видел от нее никакой пользы для себя. Якоби был немцем наполовину (его дед был, кажется, ирландец), но ненавидел немцев и считал стыдом говорить на их языке (которым к тому же дурно владел); добиваясь популярности у русских, однако не был популярен ни у тех, ни у других. Претензии его доходили до того, что он старался уверить многих офицеров, будто он потомок английского короля Иакова.

Подчиненные не терпели его за недоверчивость, нерешительность, совершенное незнание тактики и трусость и, в особенности, за то, что, несмотря на свой ум и рассудительность,

---

* Замечательно, что кабардинцы принесли присягу 2 декабря, в день моего рождения. В этот день был сильный туман, снегу было на 3 вершка. — *Авт.*

** Эти слова у автора, написаны по-русски. — *Переводчик Н. Ш.*

он совсем не заботился о солдатах. Эта постыдная беззаботность высказалась особенно по отношению к солдатам, отморозившим обе ноги; когда мы, полковники, попросили у него фур и лошадей, чтобы отвезти этих солдат на предназначенные для них квартиры, он, с язвительным смехом, отказал нам и сказал, что если мы сами не можем перенести их, то пусть их оставят в лагере у Павловской крепости, а у него нет свободных лошадей. Но мы отлично знали, что генерал Якоби в последнюю экспедицию взял в добычу 1000 лошадей. Одним словом, это испорченный пошлый человек.

12 декабря генерал-майор Фабрицын, которого губернатор назначил шефом всей линии, разослал письменное расписание, где поместиться на зиму каждому полку и батальону. По этому расписанию я должен был стоять зимой в Моздоке, куда и поспешил отправить 300 человек обмороженных. Снегу совсем не было, погода стояла холодная, но приятная; Фабрицын расположился в Марьевской крепости. Все офицеры и солдаты были очень рады находиться под командою этого честного и достойного генерала, который особенно отличился в прусскую и турецкую кампании.

8 декабря умер капитан моего полка Назарев от того, что у него были отморожены ноги; это был отличный, честный человек, которого я очень уважал за кроткий характер и другие хорошие качества.

13 декабря разошлись все полки. Я тоже выступил из лагеря под Павловском со своими здоровыми солдатами, которых у меня оставалось только 300, и 15-го благополучно прибыл в Моздок. В лагере мы простояли 4 месяца подряд, не считая похода к берегам Баксана. На весь полк мне дали всего 160 квартир и, сверх того, отведено 80 квартир в станице близ Моздока.

Комендантом в Моздоке был полковник Александр Федорович Иванов, человек лет 60 с лишком; старый, скупой холостяк, он жил уединенно и каким-то философом; у нас с ним установились дружеские отношения, не нарушавшиеся во все мое пребывание в этом городе.

1780 г.

Пока мы находились на Моздокской линии, я лишился около 70 лошадей, павших большею частью от сапа. За все время зимней стоянки у нас не было никаких дел с кабардинцами и не случилось ничего важного. Зима продолжалась всего несколько недель, но была очень сурова; Терек замерз на большую глубину и местные жители говорили, что уже давно не припомнят такой холодной зимы*.

Почт-директор Пестель пересылал мне письма, гамбургские, ревельские газеты и ревельский листок для объявлений; письма и газеты посылались через Москву и Астрахань, шли довольно долго (например, из Лифляндии до Моздока 5 и 6 недель), но никогда не пропадали.

В конце февраля уже нигде не было видно снега и наступили теплые дни.

11 февраля приехали ко мне генерал Фабрицын и полковник Ладыженский и мы вместе поехали в Кизляр**, в 200 верстах от Моздока. 17-го мы вернулись. Кизляр довольно хорошая крепость, но так как она лежит в низкой местности на Тереке, то летом там бывает невыносимая жара и климат вообще нездоров.

Около Кизляра трава начинает расти и все зеленело.

У мелких кабардинских князей возникли раздоры с их народом, и поэтому подполковник Фромгольдт, которому уже несколько лет было поручено наблюдать за Малой Кабардой (а также за моздокским населением, значительнейшую часть которого составляли окрещенные кабардинцы и армяне), был послан в горы, а именно в Тиртадус (?). Но восстание разгоралось и для подкрепления Фромгольдта были отряжены две мои гренадерские роты (под командой моего премьер-майора Дюккера), 2 орудия и 4 роты егерей; эти роты соединились за день перед тем у Екатерининской крепости.

---

* В январе губернатор Якоби подарил каждому полку и батальону лошадей, которых он взял в добычу. Я получил 109 лошадей и жеребят, по большей части кобыл. 38 хороших кобыл я подарил офицерам и оставил себе всех жеребят. — *Авт.*

** Кизлярским комендантом был бригадир Алексей Матвеевич Кураедов. — *Авт.*

Когда пришли эти войска, все инсургенты, которых было до 3000, сложили оружие и прошли под ярмом. Два знатнейших князя были арестованы. Причиной этого восстания было то, что князья не хотели признать, по статье последнего договора, свободу народа, но обращались с ними как и раньше, т. е. как с крепостными и рабами. Несколько сот человек пришли в Моздок и просили защиты у подполковника Фромгольдта.

20 марта я велел пасти лошадей. В конце марта цвели абрикосы и в степи можно было найти много тюльпанов, левкоев и других цветов.

30 марта я ездил в Марьевскую крепость, к генералу Фабрицыну, чтобы принять лошадей, которых он сторговал для моего полка, по 15 рублей за каждую. Полковник Шульц с своею женою были также там, и в обществе этих друзей я очень весело провел целую неделю.

6 апреля я вернулся в Моздок.

16 апреля опять поехал к нашему генералу, а 17-го отправился с ним и еще другими офицерами в Ставрополь, чтобы провести праздники у полковника Шульца. Он встретил нас в Александровской крепости.

18 апреля все наше общество прибыло в Ставрополь. Здесь мы танцевали несколько дней сряду.

23 апреля мы уехали из Ставрополя. Шульц и его жена провожали нас до Георгиевской крепости. 27-го я наконец вернулся в Моздок.

30 апреля умер в Моздоке подполковник Фромгольдт, служивший в Кизлярском гарнизоне. Этого офицера (он был рижский уроженец) очень уважали за его честность и весьма ценили за хорошее знание здешней гористой местности. Я потерял в нем друга и единственного человека, которого посещал в Моздоке. Перед смертью он обвенчался по католическому обряду с дамой, с которой жил 15 лет.

10 мая по приказу, полученному от генерал-майора Фабрицына, я выступил со своим полком из Моздока и пошел к нему в Марьевскую крепость, куда прибыл 20 мая.

В Моздоке я оставил 215 больных (в том числе 200 обморозившихся, не успевших еще оправиться) и 507 для уборки сена, так как знал, что пробуду в этих странах еще и следующую зиму. В лагере у Марьева под моею командою находились еще бата-

льон горских егерей, две гренадерские роты Ладожского полка и две гренадерские роты Кабардинского. Мы стояли в очень здоровой и красивой местности; маленькая речка протекала у нашего правого фланга, а Марьина крепость построена на очень высокой горе, в полуверсте от нашего левого фланга.

По мирному договору кабардинцы должны были заплатить нам контрибуцию в 10000 рублей; эту сумму они внесли сполна в средине июня; по при этом потребовали вознаграждения за уведенный у них скот.

10 июня поехали мы, вместе с генерал-майором Фабрицыным, полковником Шульцем и его женою (приехавшею к нам на Троицын день) и несколькими офицерами, к подполковнику Кеку, в Екатерининскую крепость. 12 июня мы вернулись.

В июне и июле стояла неимоверная жара; особенно много вреда принесла саранча, появившаяся миллионами.

Кабардинские князья, со свитою из 100 человек, приехали к Марьинской крепости и в 5 верстах от нее, на высокой горе, разбили палатку; тут происходило у них важное совещание с генералом Фабрицыным, отправившимся к ним с несколькими офицерами и 40 егерями; они трактовали о тех статьях последнего мирного договора, которые еще не были приведены в исполнение. Совещание это продолжалось несколько часов; к вечеру все разъехались, и князья вернулись в свои горы. Между тем я был готов каждую минуту броситься на кабардинцев, если бы они вздумали наложить руку на нашего генерала.

10 августа я поехал в Балтовы горы, чтобы пользоваться теплым купаньем; со мной поехали Фабрицын, Шульц с женою, Ладыженский; командир Кабардинского полка, и еще несколько офицеров. Гор этого названия пять, из них средняя так высока, что вершина ее выше облаков; они находятся в 40 верстах от Марьиной крепости. С вершины самой низкой горы, сажен 50 или 70 над горизонтом, течет горячая и прозрачная, как кристалл, вода, образуя на своем пути прелестнейшую каскаду. Почва, по которой она протекает, сделалась от времени миловидной; поэтому вода, особенно при солнечном свете, отражает множество цветов на протяжении всей горы и на 10 или 15 сажен в ширину.

Мы провели две недели в этой прекрасной местности; от купанья в этих кислых и теплых водах очень скоро вылечивались больные скорбутом. В 60 верстах оттуда, недалеко от

Кавказских гор, бьет настоящий зельтерский источник; я пробовал эту воду и нашел, что она ничем не отличается от зельтерской.

25 августа генерал-майор Фабрицын произвел смотр моему полку; в параде участвовало только 500 человек; дело свое они выполнили весьма удовлетворительно.

5 сентября я повел полк на квартиры в Моздок, где застал еще больными большую часть солдат, отморозивших себе ноги в прошлом году.

Первый батальон остался со мной, а второму (им командовал капитан Илья Васильевич Суворов) назначено было стоять в Червленой станице, в 100 верстах от Моздока.

В это время я начал делать приготовления к поездке в Лифляндию, мне надо было получить наследство тестя, умершего в Ревеле; кроме того, я хотел лично осмотреть имение царицынского коменданта, которое находится в Полоцкой губернии.

Пока я стоял в лагере под Марьевым, мои солдаты убрали в Моздоке полное количество сена, какое мне нужно было на зиму на всех полковых лошадей.

12 сентября я выехал из Моздока на почтовых; мне понадобилось 6 лошадей. Своих денег у меня было 6534 рубля, и, кроме того, я занял у полковника Ладыженского 1000 рублей.

Раньше чем от князя Потемкина пришла резолюция на мое прошение об отпуске в Петербург, генерал-майор Фабрицын отпустил меня на трижды 29 дней.

20 сентября я приехал в Ростов, лежащий в 630 верстах от Моздока. Здесь я получил 1000 рублей фуражных денег, которые с прошлого года должен был моему полку провиантмейстер Бунин.

22 сентября доехал до Бахмута, находящегося в 280 верстах от Ростова.

23 сентября был в Изюме. От Ростова до сих пор я платил прогоны, установленные для Азовской губернии, по 2 коп. с версты, а во всех других местах по 1 коп.

От Бахмута до Изюма 92 версты; оттуда я проехал чрез Савницу, Андреевский, Змеев, Мереховицу до Перскова, всего 156 верст; затем в Красный Кут и Ахтырку, 68 верст; оттуда в Буравку, Сумы, Регек, Ворожбу, Пески, в город Путилов, 22 версты; затем в Везенок, Холопкон, Глухов, 41 верста, куда я прибыл 28 сентября.

Из Глухова я проехал в городок Клим 126 верст, оттуда чрез Ситков, Березовку, Верки, Шолцу, где переправа чрез речку Овошу. Затем в Шепатович, Шегерек, Стрелку, в Костину, 174 вер., куда я прибыл 2 октября. Эти две последние деревни принадлежат генералу Фабрицыну и лежат на Днепре. В этих местностях огромный лес, откуда сплавляют в Ригу много мачт.

4 октября я поехал дальше и, сделав 86 верст, приехал в Могилев. 7-го был в Полоцке, 224 версты. В Могилевской и Полоцкой губернии платил за лошадь по 12 коп. с 10 верст.

В Полоцке, где был губернатором Иван Михайлович Ребиндер, я прожил две недели; у меня было с собою 10000 руб. и я хотел купить себе имение. Наконец, мне удалось купить у статского советника Александра Семеновича Васильчикова его деревню Яннаполь. В ней числилось 916 душ, и она обошлась мне в 25750 рублей. Эти деньги уплатил в три срока. 19 октября контракт был подписан. Доверенным Васильчикова был капитан Василий Никифорович Пальский.

23 октября я был введен во владение Яннаполем*. Юргенсон был моим первым управляющим (инспектором).

25 октября выехал я из Яннаполя чрез Парклан в Цирстен, куда благополучно прибыл 27-го. Здесь застал я мою мать и сестру матери Бенту, всех в полном здравии.

Яннаполь лежит в 22 милях от Цирстена.

Всего от Моздока до Цирстена я проехал 2436 верст и, кроме того, сделал еще 590 верст, разъезжая по Полоцкой губернии, осматривая имения.

11 ноября я поехал на санях в Ригу, к зятю Таубе.

Пока я был в Риге, здесь сделалось известным движение по службе; 24 ноября, в день тезоименитства императрицы, много полковников было произведено в генералы и бригадиры. Поэтому открылись вакансии в пяти полках, стоявших в окрестностях Петербурга, между прочим в Сибирском. У меня явилась мысль ехать тотчас в Петербург, променять свой Томский полк на один из здесь стоящих. С этой целью я уехал из Риги и приехал 30 ноября в Цирстен.

Желая повидаться с дочерью, я поехал в Ревель, и, прибыв туда 12 декабря, остановился у обер-коменданта Эссена. Мою маленькую Луизхен я нашел совсем здоровой.

---

* Яннаполь лежит в 200 верстах от Полоцка.

14 декабря вечером выехал из Ревеля на почтовых и 16 декабря благополучно прибыл в Петербург* и остановился в «Лондоне».

На другой же день я был представлен князю Потемкину; за меня ходатайствовал астраханский губернатор Якоби, который также был в это время в Петербурге, и 20 декабря, согласно моему желанию, я был переведен из Томского полка в Сибирский. Давно мне перемена по службе не доставляла такого удовольствия.

* Между Нарвой и Петербургом мы встретились с братом и зятем Кнорингом, которые ехали в Лифляндию; но было темно и мы проехали, не узнав друг друга. — *Авт.*

ЗАПИСКИ ОТСТАВНОГО ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА СЕРГЕЯ ИВАНОВИЧА МОСОЛОВА

История моей жизни

Начато писать в г. Бронницах, что по Коломенской дороге, ибо я там жил.

1806 года, февраля, 3 дня.

Родился я 1750 года под планетою Тельца. Отец мой, Иван Григорьевич Мосолов, отставной от артиллерии капитан, то заметил: ибо он знал многие науки, как-то: астрономию, фортификацию и все части математики, говорил по-немецки, и потому к нам многие знатные господа езжали. Отец крестный мне был Петр Степанович Колычев, а мать крестная — княгиня Вяземская. Обо всем том мне мать дала записку, как я отправлялся в службу*. Отец и мать были из российских дворян; за ними было в уездах Шацком и Муромском 32 души. Мать моя была роду Шапошниковых и жила после смерти отца моего в селе Апушке Шацкого уезда, в котором селе отец мой похоронен в приходе своем, при церкви престола Казанской Богоматери у головы алтаря; над могилою его и камень после от меня положен с надписью, присланный из Москвы, как я еще был секунд-майором. Скончался он 1760 года. Перед кончиною жизни своей позвал меня к себе и, дав руку поцеловать, благословил меня своими походными складнями**, образом Казанской Богоматери; тут же его ангел, Иоанн Креститель и Николай Чудотворец. Сей образ во всех баталиях, штурмах и сражениях всегда был со мною на груди и поныне, благодарю

---

*Да и книги многие тех наук, после как я приехал из армии в отпуск, мать мне отдала, и скорописные тетради его руки с разными замечаниями.

** Отец мой всю войну служил Семилетнюю против Пруссии и был в разных баталиях и походах, о чем мне мать после часто говорила и отдала мне все книги военные и тетради его руки.

Бога, у меня цел. Хотя, во время нашествия злых французов в Москву, все у меня ограблено и сгорело, но образ, благословение отца моего, остался чудесным случаем невредим и цел.

В селе Апушке, где мы жили, выучили меня грамоте по-россійски читать и писать, через дьячка приходской церкви Казанской Богоматери. В продолжение же времени от 7 лет до 10-ти с отцом я ходил каждый раз, когда служба была, к обедне и вечерне по его воле, хотя и очень ленился и не хотелось; а особливо когда к заутрени идти (что очень редко отец мой манкировал) вставать рано трудно было мне, а еще больше скучнее мне бывало, когда не пустят меня овец своих беречь, до чего я был великий охотник. Всякий раз, как отец ложился на постелю спать, то заставлял меня читать Псалтырь; сию книгу отменно он почитал пред прочими.

Поживши в селе Апушке, мать моя Дарья Трофимовна поехала к сыну, а моему брату большому в г. Арзамас (его звали Иван Иванович Мосолов, он служил по штатской службе, был в том городе секретарем), где меня и оставила на два года. Правду сказать, там мне было очень худо жить от невестки отменно злой; а опосля мать моя опять приехала в г. Арзамас, откуда взяла и меня домой в Апушку.

Собравшись зимою, мать моя повезла меня в Москву, где по милости графини Прасковьи Юрьевны Салтыковой, с которой она была знакома, по службе моего отца Ивана Григорьевича, упросила фельдмаршала графа Петра Семеновича Салтыкова* записать меня в службу, почему и записан был в Архангелогородский полк мушкетерский солдатом. Сам фельдмаршал взял меня за руку и отдал господину полковнику Неронову Павлу Васильевичу. То было в зале, в какой-то торжественный праздник, ибо тогда много было полковников, и сказал, «чтобы он, причисливши меня в полк, приказал иметь о мне попечение и учить всему, что принадлежит для службы». Неронов, взявши меня к себе, спрашивал: не имею ли я у него в полку кого знакомого. Я отвечал, что мать моя мне сказывала, есть у вас подпоручик со мной одной фамилии — Андрей Степанович Мосолов; почему полковник и определил меня в ту же роту, где он служил, во 2-ю мушкетерскую солдатом. Сие

* Отец мой во время Прусской войны с ним служил.

было 1765 года, февраля, 5 дня. Тогда от роду было мне 15 лет. Он призвал его к себе, поручил меня ему, приказав, чтоб меня обмундировали и ружьем учить. У него уже нашла меня мать моя Дарья Трофимовна Мосолова.

Полк Архангелогородский весь стоял в Таганке, где и брат Андрей Степанович Мосолов жил в роте 2-й мушкетерской у капитана Арбекова. Брат заставил одного солдата учить меня всему, что требует служба; а как одели меня в мундир солдатского сукна, то я так был рад сему, что теперь и не могу сего объяснить, а особливо выучившись экзерциции метать ружьем и повороты делать по-солдатски. И потом представлен был полковнику своему с ружьем, который похвалил меня и произвел в подпрапорщики, что было того же года марта 16 дня. Получив сей чин, мать моя повезла меня в тот же день к графу Петру Семеновичу Салтыкову с благодарением, и я как графа, так и графиню Прасковью Юрьевну благодарил, уже быв в мундире и с двумя позументами. После сего и на караул ходил, к полковнику на квартиру, к знаменам полковым с 12 человеками рядовыми, одним капралом, барабанщиком и флейщиком. А как летом смотр кончился всем полкам Московской дивизии, то полки пошли по своим непременным квартирам.

Нашего Архангелогородского полка были квартиры в городе Масальске, куда и я, простясь с матерью, пошел в поход имевши уже 16 лет, под протекцией брата Андрея Степановича Мосолова, которому меня мать поручила и просила, чтоб меня по родству в нуждах не оставил, давши мне на путь и на прочее три рубля серебром, со мной простилась и неутешно плакала.

Итак, пришедши полк в город Масальск расположился по квартирам, по деревням; один только штаб и унтер-штаб остались квартировать в самом городе, ибо оный город не велик мещанством. Чрез несколько времени наш полковник Павел Васильевич Неронов, собрав всех малолетних дворян из рот к себе в штаб, учредил гимназию, выписав из Москвы учителя богословия и математического класса, отставного студента Теплова, который нас учил читать и писать правильно, т. е. российской грамматике, чтоб узнать разделение и склонение речей, их падежи и прочему, часть риторики, а потом преподавал арифметику, геометрию, тригонометрию, алгебру, историю священную и древнюю и богословие.

Полковником были куплены в Москве книги и инструменты; для бедных дворян покупал на свой кошт, а богатые дворяне, учившиеся тут же, сами покупали, и был сделан о двух флигелях нарочно большой дом, в одном флигеле учились дворяне, а в другом солдатские дети, и нас было всех дворян около 70 человек, а солдатских детей почти тоже. Между тем учились и ружью, ходили на караул и на ординарции по очереди, как к полковнику под знамена, так и на гаубтвахту к своей гимназии. Над нами сверх того приставлен был поручик Михайло Борисович Загряцкий и назван директором смотреть за нашим поведением в квартирах и за опрятством учебных мест и нашей аммуниции ружейной. Я не знаю, Провидение ли мне подтверждало или от страха к учителю, только Бог мне даровал, что пред прочими моими товарищами я ушел как в науках, так и в исполнении должности по службе, и за то по экзамену, который был сделан в глазах полковника и всех штаб- и обер-офицеров, меня полковник произвел сержантом, того же года августа 6 дня, а учитель дал достоинство (за прилежанием по наукам) цензора, и многих дворян мне подчинил для поправления ошибок в их уроках и растолкования. У сего учителя Теплова я выучился грамматике, правильно писать и знать склонение слов и речей, арифметике, геометрии и части тригонометрии и фортификации; также объяснял нам истории разные, натуральную и древнюю, географию и богословие. А по-французски учился я только 9 месяцев, ибо учитель был нанят другой не скоро, коего звали m-r de Grave. А на третий год в манеже учились немного от офицера отставного кавалерийской службы; танцевать же нам показывал сам директор Загряцкий. А потом все это кончилось походом.

Полк выступил и помаршировал в Польшу в 1767 году в исходе оного, а на рандеву собрались в Польше в 1768 году. В походе я был пешком и ружье нес, а иногда родственник мой Мосолов и капитан мой Бестужев Федот Борисович давали мне свою верховую лошадь, когда увидели, что я устал. При начале 1769 года полковник меня приказал определить на помощь к адъютанту Пыжову, и назывался я флигель-адъютантом в том же сержантском звании и весь 1769 год служил в Молдавии.

Апреля 19 дня под Хотином был я при атаке во второй раз неприятельского ретраншемента и взятии Хотина. После экспедиции второй ночной, турки испугавшись, что много мы их

перекололи, а другие перетонули, спасаясь, хотели переплыть по Днестру-реке и город Хотин оставили нам. Тогда был у нас фельдмаршал князь Александр Михайлович Голицын. Прежде два раза к городу ходили, но назад на свою сторону перешла армия. Тут турки возгордились, к нам переправились через реку Прут, которых мы всех ночью перерезали, застали сонных в их ретраншементе. Господин бригадир Кашкин с колонной своей больше всех отличился, а потом Сухотин и прочие; так о сем было слышно. И после сего славного разбития фельдмаршал Голицын откомандировал деташемент под командой генерал-поручика фон Штофельна, который, преследуя остатки неприятеля, почти дошел до Дуная, взявши молдавский город Яссы, Воложский Бухарешт, где после, как мы уже туда же с полком пришли, он умер чумой в сем же городе. Забыл я написать, прежде еще под Хотином была в 1769 году июня 2-го дня полевая баталия, ибо наш полк был в арьергарде, как шли назад от неприятеля, и тут отличилась первая гренадерская рота под командою капитана Трегубова: он дрался более 8 часов, пока весь полк подоспел и конница; видно не думали, чтоб на обоз напали турки, за что фельдмаршал Голицын сего капитана в секунд-майоры произвел за спасение обоза, а прочих офицеров той же роты следующими чинами наградил и солдатам по рублю дал.

В начале 1770 года января 1-го, по представлению полковника Неронова, произведен я был в настоящие адъютанты на ваканцию графом Петром Александровичем Румянцевым; ибо после отъезда в Петербург князя Голицына сей Румянцев прислан от Государыни Екатерины Алексеевны командовать первой армией, которую он осматривал, приехавши к нам, при местечке Чертчи, сам был верхом и все линии объехал и говорил публично при разводах, что победы, которые «я теперь получаю от передних войск, оные совершаются от мудрого распоряжения и терпения фельдмаршала Голицына, с малейшим уроном солдат».

В оном 770 году, уже под начальством графа Румянцева, в отдельном корпусе князя Николая Васильевича Репнина, наш полк находился в баталии июля 7-го в Молдавии и при взятии неприятельского ретраншемента и лагеря, а 21-го на полевой баталии при озере Кагуле; тут взяли также лагерь, обоз и пушки. Нас было не более 30 тысяч, регулярного и нерегулярного

войска, а их около двухсот тысяч. После занятия ретраншемента и всего их доброго перешли мы и Троянову дорогу славную по древней истории. Многие дивизионные генералы просились с корпусами догнать и разбить остатки неприятеля, но граф им отвечал: «Мы, батюшка, только их прогнали, а не побили, этому неприятелю нехудо и мост поставить». При атаке силы турецкой и при входе в ретраншемент потерпело много каре генерал-поручика Племянникова; ибо паша с янычарами, вышедши вон из ретраншемента, сбоку нечаянно на нас напал, что услышавши, граф Румянцев велел тотчас туда бежать на помощь полку первому гранодерскому и командовал сам: ступай, ступай, за что полк и назван именным повелением лейбгранодерским, и чины всем даны были.

Уже на другой день к вечеру генерал Боур пошел с деташементом к реке Дунаю, где и наш полк был, а во время баталии при озере Кагуле наш полк находился в каре под командою князя Николая Васильевича Репнина, против их правого фланга, в фас под командою бригадира Вейсмана, что после сделался славным генералом. На третий день к свету туда мы пришли, где они переправлялись чрез Дунай, и застали их еще более 10 тысяч, с которыми подрались и многих взяли в полон, а другие ушли к городу Измаилу. Остановясь у переправы Казани, многих вытаскивали из воды мертвых во всей одежде и броне, но только руки были обрублены; видно, цеплялись за суда, кои отваливались от берега.

В 1771 году октября 21-го, при атаке и взятии за Дунаем города Мачина, под командой генерал-майора Милорадовича в действительном сражении, и в октябре и декабре месяцах флотилией от Браилова до Силистрии по Дунаю под командою генерал-майора Григория Александровича Потемкина, что после был светлейшим князем, и 28-го при деревне Рожеватой было сражение и на земле, и на воде. При выходе на правый берег были турки отбиты, и суда потом свободно прошли; а после были распущены по квартирам, и досталось нашему полку Архангелогородскому стоять в Букареште, где была чума; тут я болен был оною, но к счастью выздоровел, а собственный мой слуга Леонтий Григорьев в той же болезни умер; а я в предосторожность всякий день мылся три раза уксусом крепким простым и принужден был курить табак, хотя мне был еще только 21 год.

Потом в 772 году был в походе и в сражении под городом Турною, октября 26-го при бомбардировании города Рущука, а ноября 3-го при переправе у Туртукая, на супротивный берег Дуная, а потом у Рущука, где и была главная баталия; тут отличился нашего полка капитан Иванчин, а как по рекомендации графа Ивана Петровича Салтыкова ему ничего не дано, то и пошел в отставку; он под берегом крутым с своею ротою 1-ю гранодерского на штыках дрался с турками, которые хотели в тыл нам зайти, ибо мы стояли тогда покоем, задний фас у нас был Дунай-река. Тут они храбро на нас шли, думая, что такую же победу получат, как им удалось взять в плен полковника князя Петра Васильевича Репнина с полком, уже разбитым прежде сего.

Как отбили неприятелей и прогнали, граф Иван Петрович Салтыков (он был наш начальник) обложил войсками почти со всех сторон город Рущук, что против Журжи, где 14 июня близ оного в действительном сражении я находился в отделенном 2-м батальоне в садах под командою подполковника де Ласия, и от него же выслан был с ротою 9-ю мною командуемой против вылазки турок из города Рущука, которую разбил и прогнал, потеряв сам до 30 человек, за что по рекомендации за отличность и награжден был капитанским чином, ибо я был уже поручик, в который чин был произведен по линии 773-м году января 1-го дня. Уже оный капитанский чин получил по заключении мира при Кайнарджи в 1774-м году ноября 24 дня.

Забыл я написать поход наш к урочищу, прозванному Рябые Могилы, с князем Репниным, против которых татары и турки два раза нас атаковали, перейдя чрез реку Прут, при урочище, названном Рябая Могила (на том месте император Петр 1-й был атакован, где он с турками и заключил мир 1711-го года июня 13 дня), но были с уроном отбиты; тут мы много нужды претерпели, мало было провианту, а обоз наш был от нас далеко; то даже и офицеры ели два дня только одну жареную говядину, а как привез нам капитан Бишев понтонные мосты, то уже мы стали переправляться на неприятельскую сторону и их прогнали, тут и Боур к нам подоспел с деташементом. Да еще забыл поход с генералом-майором Черноевичем по Пруту к Журжулесту или Ренику, почти всякий день с татарами стычка была; сия крепостца лежит против Галаца на другой стороне реки Прута; сие было перед 7-м числом июня 1770 года.

После же окончания войны полк Архангелогородский пришел в Польшу в село Красное, где дал мне полковник в команду 1-ю гранодерскую роту, а потом как полковник наш Матвей Петрович Ржевской уехал из полка в отпуск, оставил полк под командою подполковника Шипилова, который от слабости команды полк расстроил, и офицеры некоторые зачали пить, а другие между собою драться, я от сего, чтобы удалиться, переведен был (по прошению моему в 775 году сентября 20-го) в 4-й гранодерский полк, в котором был полковником Петр Федорович Талызин, где получил я в командование 11-ю роту. В оном полку я служил почти три года, в Польше и в квартирах Смоленской губернии, в городе Рославле, а стояли лагерем близ Смоленска.

Из оного переведен я по повелению его сиятельства господина генерал-фельдмаршала Петра Александровича Румянцева-Задунайского ко укомплектованию вспомогательного корпуса, состоящего в Польше под командою генерал-поручика Павла Сергеевича Потемкина, в Киевский пехотной полк 778-го года октября 4-го дня, по представлению сего полка полковника Степана Степановича Апраксина. В том же полку меня пожаловали, по именному указу 780-го года сентября 19-го дня, в секунд-майоры за то, что в Могилеве вместо гвардии был послан я содержать караул при государыне Екатерине II, а уже полк Киевский был на карауле в Санкт-Петербурге. При открытии монумента или статуи царя Петра I был в церемониальном марше; тогда полк удостоен был вместе со всею гвардиею, и нашего полку как штаб- и обер-офицеры, так и все чины даже и рядовые за тот день в знак достойной памяти получили медали. Я был верхом перед 2-м батальоном, и при входе еще в Петербург чрез Царское Село императрица Екатерина II изволила пожаловать нижним всем чинам по 1-му рублю, а штаб- и обер-офицерам указала объявить свое монаршее благоволение. У нас и тогда был тот же полковник Степан Степанович Апраксин. Наш полк еще и прежде был на карауле вместо гвардии у императрицы, в городе Могилеве, как изволила шествовать из Петербурга, о чем я уже упомянул, а потом полк Киевский из Петербурга пришел зимовать в город Нежин под команду опять фельдмаршала графа Румянцева-Задунайского; а оттуда пошли для покорения Крыма или Таврической области. Там состояли в 782 и в 783 годах под командой светлейше-

го князя Потемкина, по повелению коего я был переведен в драгунский Астраханский полк, находящийся на Кавказской линии в 784-м году августа 1-го дня, куда я по сдаче полка Киевского старшему по себе (ибо тогда я им в Крыму командовал, как полковник Апраксин уехал ко двору ее величества в рассуждении должности флигель-адъютанта). Будучи же в Крыму я для полка строил и казармы, отправился потом на Кавказскую линию, заехал, однако же, в Москву; так было мне приказано от полковника Апраксина, ибо и он прежде меня переведен был именным указом в тот же драгунский Астраханский полк.

В Москве я пробыл 4 месяца и влюбился в живущую тут же в доме Степана Степановича, у сестры его Марьи Степановны Талызиной, в монастырку девушку пристойную, Настасью Ивановну Бутрюмову, которая у них жила, была выучена в монастыре говорить хорошо по-французски и писать, танцевать, петь по нотам и играть немного на фортепиано. Помолвивши с ней формальным образом, уехал служить на Кавказскую линию в Астраханский полк, в коем был более 4 лет.

В продолжение сего времени 785-го июня 8-го, переправясь чрез реку Терек на Сунже, прогнали толпы бунтовщиков чеченцев; после уже того как бригадир Пиерии разбит от Шикаили-имама в дефиле, называемой Ханкале, где и сам убит был, а подполковник егерской пропал Каморский, а батальон егерей и 2 гранодерские роты совсем разбиты были от его зависти, что Пиерии не хотел разделить с нами над неприятелем победу и от того сам пропал, велено всем собраться к Сунжереке 7 числа; а Пиерии пришел 6-го, а, переправившись, начал действие один с своим отрядом.

После сего два лета я содержал кордон от Наура до Кизляра и уже был произведен премьер-майором 786 года. В команде у меня были 4 гранодерские роты и 60 человек гребенских казаков. Гребенскими казаками они названы еще при жизни царя Петра I, потому что они возвратились с гребня гор Кавказских; ушедшие из стрельцов российских и были прощены от Петра I после заложения крепости Кизляра, почему они там и поселены в трех станицах. Сии казаки точно также одеты, и наездка на лошадей такая же, как черкесы; и 160 человек калмыков: эти только тогда храбрые, как погонишь неприятелей, а как сам ретироваться станешь, то первые же уйдут.

Потом дали мне егерский батальон, с ним также одно лето служил, но не удалось подраться, а потом как велено генералу Текелию, нашему начальнику Петру Абрамовичу, идти с корпусом для диверсии в крепости Анапе, что на Черном море во фланге Кавказских гор; а потом 788-го года при переправе за Кубань, как шли к Анапе, я был тогда у генерал-майора князя Ратеева дежурным, за штаб-квартермистра и партизаном; сии три должности отправлял при авангардном корпусе, нашел место, где переправился целый корпус чрез Кубань-реку, отбил от оного неприятеля, сделав в другом месте фос-переправу с гребенскими казаками и с двумя ротами егерей, за что меня хотя и рекомендовали, что первый переправился за Кубань, но ничем не наградили; а в статуте кавалеров Святого Георгия сказано, кто первый переправится на неприятельскую сторону, тому дать крест.

В марше при реке Кубани того же года сентября 26 дня в генеральном сражении с горцами и турками; здесь я послан был с 4-ю казаками доброконными и одним есаулом Карауловым, чтоб сыскать место и неприятеля с тылу зайти, что мне и удалось; только сам было попался в их руки, ибо те, кои к сражению на помощь подоспевали, отрезали меня. Но я бросился вдруг с криком из лесу и отбил у них одно знамя; двух абазинцев закололи, ибо они думали, что нас тут целый казачий полк был; и я то знамя привез к генералу Ратееву. Он благодарил меня за знамя и что я цел возвратился и велел с собою идти одному полку и одному гранодерскому батальону за мною на то место, которое я нашел для сражения в лесу на полянке; тут пришедши построились мы двумя кареями, и неприятель, испугавшись, что мы открыли с тылу их канонаду из пушек по туркам и черкесам, кои все скачут к главному каре, где был Текелий; но как увидели, что мы их от гор отрезали, то все толпы бросились уже на нас и тем большой каре избавили от большого урона; ибо оный построился в критическом месте тесном, что горцы и турки из лесу били из ружей солдат, а их было не видно.

И за сие мне князь Потемкин ничего не дал, хотя я началом был для сохранения всего корпуса, а моему авангардному генералу Ратееву прислан орден 2-й степени Владимира. После сего под крепостью Анапою октября 14-го того же года не довольно открывал места, делал чрез рытвины и буераки мосты;

ибо мы шли черными горами и занимал оные с боем оружия, но еще генерал-поручика Петра Федоровича Талызина, бывшего своего полковника, избавил от смерти или б в плен попался. Он хотел переехать от нас на другую сторону болота посмотреть, как там дерутся егери его команды, и в оном завяз со всеми своими 4-мя казаками конвоем, я, увидя его погибающего, ибо абазинцы разделись и голые шли к нему из тростника с ружьями; в ту же минуту выпросил я позволение у князя Ратеева, своего командира, чтоб его отбить и вынесть оттуда, что и удалось мне исполнить, приказав также раздеться 40 егерям и с одними только ружьями да по 5-ти патронов привязав им каждому на шею; слава Богу, его отбив от горцев, вытащили. Тут два егеря были ранены, которым дал он довольную плату, а мне сказал: «Спасибо, брат, что ты старую хлеб-соль помнишь».

От Анапы мы после сражения назад пошли, ибо от князя Потемкина не велено было ее брать штурмом, хотя было и удобно; ибо в крепости Анапе заперлись только турки одни, коих было не больше трех тысяч, а горские воины все расположились по горам, не хотели помогать туркам в городе Анапе. На возвратном пути почти каждый день горские жители нас провожали пулями и стреляли из лука; но большого вреда и сражения мы уже не видали, а, переправившись назад или на свой берег Кубань-реки, солдаты много потерпели нужды от холода и в недостатке провианта.

Сию экспедицию кончивши, я стал проситься в отпуск. Генерал Текелий и отпустил меня только на 29 дней, я был и тому рад, думая, что еще поспею к штурму очаковскому, куда я и поскакал на почтовых; но, приехав в Екатеринослав город, узнал, что уже Очаков взят, однако ж, я все к нему поехал посмотреть крепость и все укрепление и апроши, кои рыли наши. Там я нашел комендантом бригадира Юргенца, мне знакомого еще в первую войну с турками; он мне сказал, что большая часть турок была сераксиром выведена из города в ретраншемент, который довольно был укреплен и обширен; следовательно, все же войско уже не могло войти в крепость во время штурма: а все поколоты у входа к воротам, где сказывал он «великие кучи мертвых тел навалены были».

Оттуда поехал я с данными мне от командиров аттестатами, за дела мои во время похода к крепости Анапе, в Санкт-

Петербурге, думал наверное крест Егорьевский получить; ибо в статуте сказано: «кто первый станет на неприятельской берег с боем оружия, тот получает Егорьевский крест». Но ошибся в моих мыслях, а вина была только та, что не имел протекции, хотя и многие дивились, что я по сю пору без креста, я отвечал им: благодарю за сделанную честь, хорошо и то, что вы слышали о моих делах, нежели бы у меня спросили, за что я получил? Видно, я только счастлив для откомандирования к бою, а к получению награждения другие. И подлинно многим дали чины и кресты, а мне ничего.

Так я поехал на Кавказскую линию обратно, где уже нашел главным командиром графа Ивана Петровича Салтыкова. Он меня взял к себе в дежурные; но недолго мне досталось у него быть в сей должности; ибо князь Потемкин перевел меня в егерские батальоны, по причине что я был в полку Астраханском драгунском сверх комплекта; а может быть, и другой чей умысел был таскать меня из угла в угол целого государства, из Крыма к Каспийскому морю, к Кизляру, оттуда опять на Черное к Инкерману; но принужден был ехать, взяв с собою белье и одного человека Егора, с которым я в кибитке на почтовых приехал в Каушаны, что в Бессарабии.

Это было 789-го года в сентябре. Тут стоял с корпусом господин генерал-поручик граф де Балмен, к которому я и явился, объявя, что я еду к светлейшему князю Потемкину, для определения в егерские батальоны, имея отправление от графа Салтыкова; он мне советовал тогда лучше ехать одному с казаком и верхом, нежели в повозке, в рассуждении опасности разъезжающихся турецких партий из города Бендер, а князь уже в Белграде или Акермане на Черном море, который был взят на капитуляцию. Итак я оставил кибитку у подполковника казацкого Иловайского, что был после генерал-майором, а сам с казаком верхом поехал к Белграду или Акерману. Дорогою ничего не случилось, кроме что дождь всего промочил. Приехавши туда, тотчас пошел к Попову, правителю письменных дел, и депеши, кои были со мною, ему отдал. Живши там 4 дня, спрашивал у него о своей судьбе; но он обыкновенно для кого был недобр, то промолчит и уйдет вон из канцелярии или совсем запрется. И так я, пожив в Акермане 10 дней, уже почти и денег мало стало, да и в одной рубашке обчесался, выдумал, для скорого отправления стратажему: всегда за столом старался

садиться против князя Потемкина, который лишь увидит меня, то тотчас спрашивает Попова и выговаривает ему, для чего я не отправлен (ибо князя только и увидишь за столом, а то редких к нему пускали, а особливо нашу братью, кои стены лбом своим пробивали без протекции). Сие я делал 4 раза, что был на глазах за столом; наконец уже Попов меня сам спросил и с гневом изволил выговор сделать, для чего я попадался на глаза к князю? Я ему отвечал для того, что я хочу, чтоб вы меня определили скорее к месту. «Вот тебе и место» — и дал мне отправление явиться в Херсон к князю Репнину, к которому я и поехал верхом до Каушан, а там в своей кибитке. Приехавши в Херсон, к князю явился, который мне повеление важное объявил, что я определен в Лифляндский егерский корпус в 3-й батальон на вакансию батальонного начальника 789 года ноября 13 дня, о чем и ордером предписал шефу того корпуса генерал-майору Мекнобу, чтоб я принял 3-й батальон от подполковника Стоянова на законном порядке (на котором от сдачи и поныне осталось моих денег 300 р.).

Батальон 3-й я нашел совершенно расстроенный, ибо сие время было после штурма очаковского, ни обоза, ни аммуниции, а в комплекте недоставало 320 человек; обо всем подал я рапорт к шефу и к князю Репнину. В зиму построил я новый обоз, людей одел, ружья исправил, за рекрутами сам ездил в Витовку, где жил бригадир Фалеев*, или в город, что ныне Николаев, там нашел всех рекрут почти голых, так что иные почти в рогожках ходили, ибо свое платье все изорвали на работе каменной, что Фалеев приказывал делать, то и сделали, уже год как там работали, и за то денег им никто не платил, из коих от непопечения по 10 мерли в день, и относили их без попа и отпева как собак на носилках зарывать в ямы, я сам это видел, чему ужаснулся. А там же был генеральный гошпиталь, где никто не смотрел кроме цырульников, хотя и многие приставлены были, но они только наживались; остальные ж от рекрут умерших деньги брали себе. Господину Фалееву хотя я и сказывал, что нет ни малейшего человеколюбия, но он мне сказал: «Это, сударь, не может быть, я сам смотрю» — и просил меня обедать, но я рад, что вырвал из погибели своих рекрут,

* Был креатура князя Потемкина.

помаршировал с ними в Херсон, где мы стояли в казармах, куда привел. Шеф разделил на 4 батальона, из коих мне досталось 320 человек. Каждого я раздел до наготы и осмотрел их, нет ли у них каких на теле зараз; нашел по большей части в чирьях и в чесотке, ибо одну рубашку носили по два месяца, тот же день велел их вести в баню, а рубашки купил им старые у других егерей; и как они обмылись, совсем другие люди стали; но все оставалась в них внутри та гнилость, которая вкоренилась от худой пищи и несмотрения, как были они на работе. И сколько моего старания ни было, из них более 60 человек в лазарете померло поносами и горячкой, ибо воздух в Херсоне отменно тяжелый, все ветры или жары; а в других батальонах и половины не осталось. К лету батальон 3-й я совсем устроил и людей поодиночке выучил прикладываться цельно, заряжать проворно и с ружьем как должно обходиться, сии три правила были у меня основанием солдатской должности; и шефу своему генерал-майору Мекнобу летом показал весь батальон поодиночке, вот каким образом. Веревка была протянута, по которой егерь тащил бегом щит в рост человека, а шириною $1^1/_2$ ар. Против оной по всей дистанции расставлены были чрез 20 шагов егерей по 6 человек, которые на бегу многие попадали в щит. А после и маневры строил с батальоном по-егерски. Шеф был больше тем доволен, что из всего батальона только 17 ружей осеклось, а то все выстрелили без осечки; и осмотрел каждого и весь обоз и упряжь; после отдал в благодарность приказ по всему корпусу и прочим командирам рекомендовал также устроить свои батальоны; а еще ему больше приятно было то, что у меня меньше всех померло.

После осмотра батальонов пошли мы в поход к Бендерам и тут простояли до самой осени, оттуда пошли к крепости Килии, что на устье реки Дуная. Начальник у нашего корпуса был генерал артиллерии Иван Иванович Миллер, который от раны умер там же как взяли 790 года октября 6 ретраншемент Килийский.

На место его прислан командовать корпусом генерал-поручик Иван Васильевич Гудович. Он обложил формально крепость, велел нашему шефу один армянский монастырь отбить, шеф послал с батальоном меня, сие я исполнил, выбивши турок, подле чего под моим же прикрытием и брешь-батарею заложил. Тут был инженерный генерал-майор Кноринг; а по

стрелянии 5 дней стену и башню разбили, от которой каменья и кирпичи в ров повалились, почему паша, той крепости начальник, и выслал 300 человек отборных янычаров вон из крепости, и велел лечь против башни во рву, для прикрытия пролома под своими пушками, а чтоб узнать, как завален ров и можно ли перейти его. Для сего во время ночи я был послан бригадиром дежурным, при блокаде находящимся, Рахмановым, с тремя егерями. Не знаю, откуда сие повеление пришло, но должен повиноваться правилам службы; хотя и верная смерть предстояла: ибо и те янычары были во фланге бреши, до которой мне мимо их должно проползать. В души своей сказал: «Буди, Господи, воля Твоя надо мною», — переодевшись в егерскую шинель, с двумя егерями, пополз ко рву; прокрадываясь мимо печей разломанных, кои остались от пожара: ибо форштат был весь выжжен. Отползли мы от брешь-батареи сажень 10; егерь мой увидел изо рва выходит огонь и мне сказал, и так мы остановились. Что будет от сего огня? — думал себе: может быть, это их дозор ходит по рву; но потом огонь идет все к нам ближе. Я велел егерям ружья оправить, и сам вынул из ножен саблю, огонь поравнялся с нами, то увидели мы, что это два турка с фонарем, мы ту же минуту их обступили. Я спросил: куда вы идете? Толмач мне отвечал, что это байряктар идет с письмом от паши к вашему генералу. Я их и отвел к дежурному бригадиру, Михаилу Степановичу Рахманову, который обрадовался и сказал: «Верно это значит, что паша хочет крепость сдать». И подлинно так и вышло: на другой день мы Килию и заняли. Господин генерал Гудович меня лично благодарил за счастливую встречу и успехи против крепости, и подлинно было для меня счастье: могло б быть, чтоб я подле бреши и голову потерял. Сказал, что «будет меня рекомендовать за все до сего времени дела и услуги отечеству»; и правда, послал меня после с большой реляцией обо всем к князю Потемкину в Бендеры. Но я там, живши две недели, ничего не получал; не был удостоен милости ни княжей, ни Попова, и с тем возвратился к своему батальону, а прежде посланный господин Титов был награжден премьер-майорским чином; ибо он больше моего заслужил, сидевши в палатке за столом, только подписывая на приказах «дежурный майор».

От Килии весь наш корпус пошел по повелению князя к крепости Измаилу, под которым с 24 ноября по 14-е число де-

кабря находились, пока его взяли штурмом, как приехал к нам граф Ал. Васильевич Суворов командовать, а Гудович уехал в Бендеры, где был князь Потемкин. Слышно было, что генерал Гудович отказался брать штурмом Измаил, ибо в крепости было одного гарнизона 35000 тысяч турок и татар, чему и можно верить; оные собрались из 4-х главных крепостей, из Хотина, из Бендер, из Акермана, из Килии и свой пятый гарнизон; и потому они держались крепко, что почти все побиты и поколоны были. Штурм продолжался 8 часов, и некоторые колонны взошли было в город, опять выгнаны были. Я из своего батальона потерял 312 человек убитых и раненых, а штаб- и обер-офицеры или ранены, или убиты были, и я ранен был пулею навылет в самой амбразуре в бровь, и в висок вышла и, кабы трубач меня не сдернул с пушки, то бы на ней и голову отрубили турки. На рампар я взошел первый; только передо мною по лестнице 3 егеря лезли, которых в той же амбразуре турки изрубили; ров так был глубок, что 9 аршин лестница только могла достать до берму, а с берма до амбразур другую мы наставляли. Тут много у нас солдат погибло, они всем нас били, чем хотели.

Как я очнулся от раны, то увидел себя только с двумя егерями и трубачом, прочие все были или побиты, или ранены на парапете. Потом стал кричать, чтоб остальные офицеры сами лезли с егерями из рва вверх, придавал им смелости, что турки оставили бастион. Тогда ко мне взлезли по лестницам поручик Белокопытов и подпоручик Лавров с егерями здоровыми; мы закричали ура, бросились во внутрь бастиона и овладели оным; но однако ж много егерей тут было изрублено, и офицер один убит, а меня хоть и перевязали платком, намочив слюнями землю, к ране приложил трубач (ибо в егерских батальонах тогда были трубачи, а барабанов не было), но все кровь текла из головы. Я слабел и пошел лечь на банкете (а потом рана сия засохла с слюнями и землею, и так вылечился; но глазом правым долго не мог видеть), а пушки велел обратить и внутрь по городу стрелять. Штурм продолжался еще после сего, то паши гонят, то турки наших рубят, более 4 часов внутри города и без строю. Окончилось тем, что Бог нам определил быть победителями; нас всего было 17 тысяч регулярных, да казаков 5 тысяч, с которыми счастливый и смелый граф Суворов взял крепость Измаил. После боя граф позволил нижним

чинам в крепости брать все кто что нашел три дня. Правду сказать, у нас не было уже почти хлеба, а потом сделались хлебом и разными припасами довольны; нижние чины достали и червонцев много, так что шапками иные к маркитантам носили.

Забыл я написать, еще до штурма что с нашею колонною случилось. Колонновожатый у нас был майор Марченко, прислан был из свиты Павла Сергеевича Потемкина, оной завел нас совсем не туда и сам пропал: ибо шеф наш, который командовал колонною, генерал-майор Мекноб пришел ко мне, как мы уже идем к крепости, говорит, что «я не знаю, где с колонною стою, кажется мне не там, где начинать должно штурмовать», а ночь была к счастью нашему очень темная, я ему отвечал, что на то есть колонновожатель. Сей Марченко после явился цел и был на бастионе, который штурмовали; но его тогда сыскать не могли. Итак мне Мекноб стал говорить: «Я на тебя надеюсь, как на себя; возьми егерей и поди до рва, узнай, где мы теперь с колонной стоим». Я думал, что лучше просьбы его послушаться, нежели дождаться приказания, пошел; однако ж сказал ему: доверенность очень велика сделанная мне от вас; но ежели пропаду, то не в своем месте. Он после сказал, что «если крепость возьмем и останемся живы, то вдвое и награжден будешь». Перекрестясь, и пошел я к принцу Филипштадтскому (и он был после ранен), который был впереди с стрелками, у него взял трех егерей и пополз ко рву. Егерей для того я взял, чтоб по них назад, как поползу, колонну свою найти; клал я их на землю в дистанции 20 шагов и велел отзываться свистом. Итак дополз до рва, увидел, что белеется бастион от кавальеру, выкладенного белым камнем, оной был от них по левую сторону нашего бастиона, на который велено было идти, а от нас по правую сторону. Тут еще и собака на меня забрехала, видно привязана была во рве для осторожности, но я припал, и она замолкла, а шуму от турок никакого на кавальере и бастионе не слыхал, все спали. Итак я, приползши обратно к своей колонне, донес шефу, что мы не против своего пункта*, где назначено спускаться в ров штурмовать, то велел он мне вести колонну к тому бастиону. Я всю колонну повернул налево тихо, однако ж все штыки и лестницы, которые не-

* Бастион, на который нам должно было идти, мы с генералом Мекнобом еще за день штурма ездили верхом осматривать и подъезжали очень близко, так что по нас из ружей палили.

сли, застучали; но любезные турки не проснулись до тех пор, как мы уже были на контр-эскарпе и стали по лестницам спускаться передние войска в ров. Тут они открыли свою канонаду и картечью много побили у нас на гласисе в хвосту колонны; а мы были уже во рву. Шеф наш на гласисе был ранен уже на рассвете в ногу, и его понесли прочь, и после того умер в Килие от сей же раны; мы остались доканчивать свое дело сами, батальонные командиры с егерями. Из резерва Троицкого пехотного полка помог нам много капитан Воинов, который у той же пушки, где и я был, ранен и убит наповал; жаль, офицер был храбрый с мужественным духом, ибо один он выпросился с гранодерами вперед у бригадира и полковника своего Хвостова. Итак вся лишняя моя услуга отечеству пропала; ибо генерал и шеф Мекноб умер, а дали только мне 4-го класса за храбрость Егорьевский крест с рескриптом, да другому майору Шеховскому, которому руку турки отрубили, а прочим из майоров никому не дано Егорьевских крестов.

Если бы все написать в рекомендацию, то еще до штурма много сделал лишнего против своих товарищей, и можно сказать спас всю колонну и первый лез по лестнице на бастион, да я же и майором по армии был первый, то можно бы князю Потемкину дать мне и чин, как и всем давал при штурме очаковском батальонным командирам. А только тем мы несчастливы, что он тут сам не был.

После штурма забравши раненых, коих могли взять, а иные остались в Измаиле для излечения, я пришел с батальоном в местечко Оргей. Штурм был Измаила декабря 11-го дня 1790 года. <...>

ЗАПИСКИ О СЛУЖБЕ ГЕНЕРАЛ-ФЕЛЬДМАРШАЛА ГРАФА И. В. ГУДОВИЧА, СОСТАВЛЕННЫЕ ИМ САМИМ

<...> В исходе 1775 года приказано было мне от генерал-фельдмаршала графа Румянцева формировать три легкоконных полка: Киевский, Черниговский и Северский, из трех полков малороссийских компанейских*, по сформировании которых определены были полковниками: в Киевский Энгельгардт, племянник князя Потемкина; в Черниговский — князь Иван Прозоровский, потом генерал-поручик, а в Северский — полковник Салиньяк.

1776 года, по прибытии генерал-фельдмаршала в Малороссию, когда позван был к высочайшему двору для путешествия блаженныя памяти с Государем Императором Павлом I, бывшим тогда Цесаревичем и Великим Князем, генерал-фельдмаршал, имея тогда известие, что турки начали в некотором числе собираться при Очакове, нарядил меня с корпусом, из четырех полков пехотных и двух тысяч казаков малороссийских состоящим, следовать к Днепру, ниже Переяслава, а оттуда перешел Днепр к Елисаветградской крепости, откуда того же года, в сентябре месяце, пошел я с корпусом вперед, к стороне Очакова и стоял на речке Березовке, в восьмидесяти пяти верстах от Елисаветградской крепости, где простояв до первых чисел декабря, принужден был потом, по наступлении морозов и вьюг, с великою нуждою, вести пустою тогда степью, без жилья, корпус, на зимние квартиры, став с одним полком в самом городе Елисаветграде.

1777 года, в половине апреля месяца, пошел я опять в поход, к устью реки Ингула, впадающего в Буг, остановился ла-

---

* Компанейские полки были учреждены в царствование Алексея Михайловича, малороссийским гетманом многогрешным, и еще теперь существует из них один — Гусарский Его Императорского Высочества герцога Максимилиана Лейхтенбергского, переименованный из Киевского Гусарского.

герем при реке Громоклеве, где было несколько леса, в восьми верстах от Буга. Тут, будучи, как выше сказано, вторым генерал-майором, произведен я, по старшинству, в генерал-поручики. Поколику турки не переходили чрез Буг и не делали никакого покушения, то, узнав, что число войск, собравшихся под Очаковым, несколько уменьшилось, отвел я войска, в команде моей состоявшие, в начале ноября месяца, на квартиры, откуда в декабре позван был к приехавшему тогда в Малороссию генерал-фельдмаршалу графу Румянцеву.

По новом расписании армии в 1779 году, я получил часть войск, под командою генерал-фельдмаршала графа Румянцева состоящих, именно шесть полков пехоты. С оными, в 1780 году, в половине апреля месяца, повелено было мне следовать в Киев, где имея в своей команде шесть полков пехоты и легкоконный Киевский полк, в котором был подполковником граф Бенингсен*, командовал я маневрами, по повелению фельдмаршала, в присутствии Императора Иосифа II, который изъявил мне за то свое удовольствие. С того времени, по 1783 год, находился при командовании частью войск в Малороссии. 1783 года июня с 15-го дня до 1784, апреля по 26, находился в бывшей Польше, при командовании частию войск в корпусе генерал-аншефа графа Салтыкова состоящих, имея в команде своей шесть полков пехотных и шесть конных. 1784 года января 1-го дня, за всю мою прежнюю службу, начиная от 1772 года и в самое заключение с Портою первого мира, не получив никакого награждения, получил я орден Св. Александра Невского, нося прежде двенадцать лет и несколько месяцев орден Св. Анны. И когда корпус, бывший в Польше, распущен, то повелено мне было явиться в команду генерал-фельдмаршала князя Потемкина, к которому явившись в город Кременчуг, послан был от него в город Херсон, командовать частью войск, из шести полков пехоты состоящею, легкоконного Елисаветградского, формированного мною в десяти эскадронах, трех рот артиллерии, бывшего отборного бомбардирского полка и четырех донских казачьих полков, имея в своей команде как Херсонскую крепость, так и на левом берегу Днепра Сбуривский ретраншемент, где был поставлен один пехотный полк, и Кин-

* Впоследствии генерал от кавалерии и главнокомандующий Второй армией.

бурнскую крепость с гарнизоном, быв оттуда в сношении с трехбунчужным пашою, в Очакове командовавшим и бывшим потом визирем.

По приезде моем в Херсон, нашел я заразительную болезнь чуму, от которой город был в унынии, но которую успел я, при помощи искуснейшего в сей болезни доктора Самойловича, прекратить. Сверх того, как там было строение кораблей при вице-адмирале Сухотине, то о успехе оного и надобной помощи мне было предписано доносить. Там будучи, в апреле месяце 1785 года, Высочайше пожалован я в должность генерала-губернатора Рязанского и Тамбовского, с повелением, оставив команду, явиться к высочайшему двору, где получив высочайшее наставление, отправился в губернии, мне порученные. Будучи уже при губерниях, 1785 года в октябре месяце, получил я указ о пожаловании меня инспектором армии, как по кавалерии, так по инфантерии, в зависимости генерал-инспектора всех войск армии, князя Потемкина. Осмотрев губернии во всем в точности, в 1786 году явился в Петербург, блаженные памяти к Императрице Екатерине II, с донесением о всем, по губерниям мною усмотренном, и с планами о новом устроении в тех губерниях городов. В 1787 году сентября 22-го дня, за приведение в порядок губерний, мне вверенных, пожалован мне орден Св. равноапостольного князя Владимира первой степени. С того времени по 1789 год отправлял я должность генерал-губернатора Рязанского и Тамбовского, а в начале 1789 года, в открывшуюся с Оттоманскою Портою войну, поехал я, при испрошенном позволении, в Петербург и просил послать меня в армию, на службу. Блаженныя памяти Императрица Екатерина II, приняв ту мою просьбу, милостиво определила меня в армию князя Потемкина, с оставлением в ведении моем управляемых мною губерний. Посему и отправился я, в марте месяце, в Кременчуг, где явился к главнокомандующему той армией, князю Потемкину, который отдал мне в команду главный корпус, при взятом уже тогда Очакове стоявший, завися прямо от его ордера. Во время командования моего там сим корпусом неприятель большим флотом подходил два раза к Очакову и Кинбуру, но далее выстрела пушечного; легкие его суда подходили перестреливаться с нашими легкими судами, посланными от эскадры нашей, там находившейся; но неприятель, видя взятые мною меры, не по-

смел с главным своим флотом приближаться ни к Очаковской, ни к Кинбурнской крепостям. В последний приход того флота приехал и князь Потемкин, который, за распоряжение мое, изъявил мне свою признательность. Потом желая князь Потемкин сделать предприятие на укрепленный замок Гаджибей, что ныне город Одесса, подле которого в пяти верстах, в море, находился во все время флот неприятельский и двадцать восемь военных судов в самой бухте, при упоминаемом замке, поручил мне исполнить сие, приказал малой эскадре нашей, при Очакове стоявшей, во время моей атаки действовать, сколько можно, и со стороны моря. Почему и поручено было генерал-майору Рибасу* взять свою команду черноморских казаков, при Очакове находившихся, которому положено было от меня, по прибытии моем к замку, приставив лестницы, стараться овладеть оным. Я, с корпусом моим, обошедши некоторые из Черного моря заливы, прибыл близ замка 13-го сентября и стал в скрытном месте, почему неприятель о моем приближении совсем не знал, откуда поехав с генерал-майором Рибасом к высокому, близко замка лежащему месту, скрытно рекогносцировал оный, и потом в ночь, на 14-е число, тронувшись, хотя и терпел проливной дождь и темную ночь, прибыл на рассвете к оному замку, который тотчас и взят был; суда же, стоявшие в бухте, начали потом по нас стрелять и уходить. Для отрезания их в бухте эскадра наша не поспела; мы принудили только выстрелами пушечными два судна сдаться. Я тотчас поставил на углу бухты баттареи, на которые флот неприятельский пытался, подсылая суда канонерские и бомбардирские, но получая урон от выстрелов наших баттарей, перестал приступать, и 16-го числа весь флот неприятельский удалился. В сем замке взят был двухбунчужный паша и несколько пленных. Замок сей приказано было мне подорвать. За сию экспедицию я никакого награждения не получил. Князь Потемкин предписал мне после сего идти к Бендерам, которые предпринимал он осадить, а генерал-майору Рибасу, сев на суда черноморские, идти с оными к устью Днестра, к крепости Акерманской, которую между тем князь Потемкин уже взял. Я потому, оставивши подорванный замок Гаджибей, пошел прямо пустою степью к Бендерам и, оставив оные в левой руке, стал на Днестре, выше

* Осип Михайлович, впоследствии бывший адмиралом.

Бендер в пяти верстах, с корпусом моим, примкнув правым флангом к Днестру. Чрез день после того пришла и вся большая армия, примкнув по другой стороне Днестра к оному левым флангом, против моего корпуса, и обложила крепость; князь Потемкин, по прибытии, призвал меня к себе, и приказал мне, обще с генералом от артиллерии бароном Меллером-Закомельским*, рекогносцировать и представить ему план о сделании апрошей и баттарей против крепости, приказав мне между тем на левом берегу Днестра сделать баттарею, которую и сделал я в ночь, в кустарниках, на пушечный выстрел от крепости лежащих; но после того Бендеры сдались на капитуляцию, где я пробыл с корпусом несколько времени на левом берегу Днестра, потом приказано мне было распустить мой корпус на зимние квартиры, и ехать, до начатия кампании, в губернии, мне вверенные.

В 1790 году, в начале марта месяца, явился я в Яссы, к главнокомандующему генерал-фельдмаршалу, который, по прибытии моем, послал меня сделать инспекцию одному карабинерному и одному пехотному полкам, как инспектору армии. Полки сии находились около восьмидесяти верст от Ясс. Исполнив сей смотр и подавши о том рапорт, послал меня главнокомандующий для сформирования корпуса за Буг, к селению Соколам, где, сформировав оный из двух гренадерских, одного пехотного и корпуса егерей, в четырех батальонах состоявшего, пошел к Бендерам и расположился в удобном месте лагерем, выше шести верст от Бендер, ожидая вперед там его ордера. По прибытии туда главнокомандующего и войск, в Молдавии, на квартирах расположенных, разделены были оные и мой корпус на две дивизии. Первая поручена была генерал-аншефу князю Репнину, а вторая мне. В сем лагере приказано мне было сделать инспекцию пришедшему из Молдавии Санкт-Петербургскому гренадерскому полку и переформировать оный из четырех батальонов в два комплектные батальона, с переименованием, из Санкт-Петербургского Николаевским гренадерским полком. После половины сентября месяца главнокомандующий послал генерала от артиллерии барона Меллера-Закомельского, с корпусом, для взятия крепости Килии, но потом,

* Барон Иван Иванович, умерший в следующем 1790 году от раны, полученной при нападении на крепость Килию.

дней чрез девять, послал и меня туда же, с отборным гренадерским корпусом, с полком, четырехбатальонным Малороссийским гренадерским и гренадерским двухбатальонным комплектным Николаевским, формированным мною из Санкт-Петербургского, с принадлежащею к ним артиллерией и с десятиэскадронным легкоконным Елисаветградским полком. С сим корпусом, спустясь вниз по Днестру, по причине дальнего весьма расстояния от Бендер воды, пошел я безлесною и безводною степью, к крепости Килии, куда пришед пред вечером, явился к генералу от артиллерии барону Меллеру-Закомельскому, который объявил мне, что он уже сделал диспозицию войскам, при нем бывшим, в ту же ночь штурмовать малый ретраншемент, впереди крепости пред пространным форштатом лежащий, под командою генерал-поручика графа Самойлова*, что в полночь и предпринято. Неприятель не мог в том малом ретраншементе держаться, который перешли войска без лестниц; но потом, на рассвете, рассыпались на грабеж форштата, которых оставшие некоторые турки впереди крепости в домах убивали, а из крепости стреляли по оным из пушек. Генерал Барон Меллер-Закомельский отъехал на время в лагерь, не спавши целую ночь, но когда подполковник принц Гессенский Филипсталь**, приехав туда, донес, что неприятель делает вылазку и что суда неприятельские рукавом Дуная подходят, он сел поспешно на лошадь и поехал к крепости, что я узнав, поскакал вслед за ним; но, переехав чрез ретраншемент, нашел его уже смертельно раненного, так что едва мог мне сказать, что поручает мне над всеми войсками команду. Я потому, употребя строгость, собрал тотчас рассыпанные по форштату войска, ложировал оные в турецком ретраншементе и потом начал делать траншеи, а в надобных местах баттареи из полевых орудий, и брешь-баттарею, не далее семидесяти саженей от крепости, против угла оной, из двенадцати орудий осадных, которые даны были барону Меллеру-Закомельскому, прикрыв все надобным числом екатеринославских гренадер. Неприятель сделал большую вылазку на левый мой фланг, но был

---

* Александр Николаевич, впоследствии бывший действительным тайным советником и генерал-прокурором.

** Находившийся при армии князя Потемкина волонтером.

отбит с немалым уроном. При сем был тогда дежурным в траншеях покойный генерал-майор молодой принц Виртембергский*. По устроении же совсем баттареи, рапортовал я о том главнокомандующему, с курьером, в Бендеры, который приказал было мне действие баттареи не начинать, но когда я тотчас донес ему, что у меня все готово и что неприятель из крепости и с судов на Дунае, за тростниками стоявших, вредил войскам, то главнокомандующий отдал мне на волю действовать, как я за лучшее найду. Посему, получа сие ввечеру, сделал я распоряжение: на рассвете начать брешь бить из осадных орудий, а из баттарей, по флангам сделанных, метать бомбы из единорогов, так как у меня мортир не было. Неприятель перестреливался все еще из крепости пушками и из ружей на брешь-баттарею. Пред вечером, за два часа, он замолк, а я продолжал до вечера канонаду. В ночь выслал неприятель, с фонарем, трех человек, к брешь-баттарее, с требованием представить оных ко мне, которые явясь объявили мне, что трехбунчужный паша, в крепости находящийся, отдаст оную на капитуляцию. Я согласился на оную с тем, чтобы он на рассвете все войска вывел из крепости вон, позволяя одному ему остаться два дня, для вывозу своего собственного имения, а войскам, которые были отборные азиатские, около 4000 человек, позволил взять только их собственное вооружение. Таким образом нарядив, до света, три батальона комплектных лучших гренадер, привел я оных к крепости, к стороне ворот, где принесены были мне из крепости ключи, и войска турецкие выведены, кроме малого числа оставшихся жителей. Итак, 18 ноября крепость Килия была мною взята, в которой я нашел 72 пушки, 12 хороших новых мортир, несколько знамен и на Дунае одно военное судно с пушками. Тут повелено было мне отправить конницу и Екатеринославский гренадерский полк к Бендерам, при генерал-поручике князе Волконском**, а генерал-майору Рибасу, по рапорту его главнокомандующему, что может он сделать на острове рукава Дуная, простирающемся до крепости Измаильской, баттареи, подвести канонерские суда,

---

* Карл Александр Фридрих, родной брат Императрицы Марии Феодоровны, находившийся тогда в армии князя Потемкина и скончавшийся от горячки 15 сентября 1791 г.

** Григорий Семенович, впоследствии бывший генералом от кавалерии.

сжечь как из баттареи, так и с оных Измаильскую крепость, и принудить оную к капитуляции, будучи от меня независим. А как, по открытии из баттареи и с судов канонады, неприятель сбил баттареи, заставил оные молчать и, взяв одно судно канонерское, принудил другие поврежденные удалиться, то по таковой неудаче повелено было, оставя гарнизон в Килии, с прочими войсками идти к Измаилу, где уже находился в моей команде, для прикрытия моей осады Килии, генерал-майор Кутузов, бывший после генерал-фельдмаршалом и князем. Пришед к оной крепости, по нескольких днях получил я ордер от главнокомандующего, 2 декабря, что я произведен, по старшинству, генерал-аншефом, с приказом явиться к нему, в Бендеры, для посылки меня на Кавказскую линию, для командования бывшей Кубанской армией, поруча войска под моей командой, пред Измаилом стоявшие, сдать старшему по мне, генерал-поручику графу Самойлову, с извещением, что продолжать осаду Измаила поручил он генерал-аншефу графу Суворову. Посему, явясь, в Бендерах, к главнокомандующему князю Потемкину, послан от него, в последних числах декабря месяца 1790 года, для командования бывшей Кубанской армией, состоящей из двух корпусов: Кавказского, расположенного на Кавказской линии, и Кубанского, расположенного в Воронежской губернии; из двух поселенных на Кавказской линии казачьих полков, из двух донских и из одного уральского, с частию полевой артиллерии и с поручением малой эскадры на Каспийском море.

Прибыв на Кавказскую линию, 1791 года 26 января, сделал я тотчас приготовления для взятия неприятельской крепости Анапы, лежащей от моей квартиры, города Георгиевска, более шестисот верст, на берегу Черного моря, близ впадения реки Кубани в оное. К сей крепости подходил прежде меня генерал-аншеф Текеллий со своими войсками, но не взяв оной, отошел обратно на Кавказскую линию; другой раз приступал к оной генерал-поручик Бибиков, но принужден был отступить, с некоторым уроном, не имея довольно провианта, с голодными войсками, на Кавказскую линию. Я, приготовясь, как можно ранее, с войсками, выступил из Георгиевска 9 апреля, обеспечa линию остановленными войсками, и, дав маршруты назначенным в поход войскам, предписал прийти им на рандеву, на угол реки Кубани, где теперь построенная потом мною Кав-

казская крепость. кубанскому корпусу, под командою генерал-майора Загрядского, стоявшему в Воронежской губернии, предписал тоже, дав маршруты, прийти на реку Кубань, назнача число, дабы пришел оный на другой день пришедших туда Кавказской линии войск, что и исполнено в исходе мая, при урочище, где теперь главное селение черноморских казаков, называемое Екатеринодар, а до того переправою Гудовича. Оттуда переправился я, с обоими корпусами, чрез Кубань, кинув понтонные мосты, а по широте реки, в недостатке оных, имел с собою везенные лодки, хотя и полагаемо было, что по наводнении реки Кубани в то время оную перейти не можно. Горские народы, на левом берегу Кубани живущие, державшие тогда еще сторону турок, пускали по реке большие деревья для разорвания моста, и успели было тем разорвать мост; но я, починив оный, переправя лошадей конницы вплавь, а людей и амуницию, пехоту, артиллерию и все прочее чрез мост, дабы скорее перейти с пехотой и артиллерией, поколику уже левый берег реки Кубани на один фут был только от воды, поспешил далее идти к Анапе, хотя и встречал в иных местах реку, вылившуюся из берегов, дабы отдалиться от оной реки до высоких мест. При переправе чрез Кубань, сообщил я генерал-аншефу Каховскому*, в Крыму командовавшему, который имел от главнокомандующего князя Потемкина повеление: по требованию моему, дать мне один полк пехоты, батальон егерей и четыре эскадрона драгун и несколько артиллерии, прося, дабы он приготовил назначенные войска на правом берегу реки Кубани, при устье оной в Тамане, в первых числах июня. Я писал ему, что когда подойду близ Анапы, на аман реки Кубани, близ устья оной, и займу узкий проход сухим путем от Анапы, между лиманом реки Кубани и Черным морем, то дам знать метанием ракет, для сделания моста на узком устье Кубани, впадающей в море. Когда я пойду обложить крепость, которая не далее от меня была, как шестнадцать верст, то обещал дать знать, имея уже сухопутное сообщение прислать те войска берегом моря и стать за речкою, близ Анапы, впадающей в море, вне выстрела пушечного, приготовив и несколько провианта, на случай моего требования. На переправе моей

* Михаил Васильевич, впоследствии граф.

сделал я на обоих берегах Кубани тет-де-поны, в которых и оставил весь излишний обоз, а для прикрытия оного обоза и моста оставил двести человек пехоты, с двумя пушками, и два эскадрона карабинер с тем, чтобы уже оттуда вслед за мною, до получения от меня приказа, когда сделается верная коммуникация, никакого известия иначе не присылали, как правым берегом Кубани, чрез Тамань. Таким образом пошел я скорыми маршами к Анапе, останавливаясь лагерем всегда так, чтоб кругом огражден был пикетами, на случай нападения горских народов, державшихся, как я уже сказал, турецкой стороны. Тут, взявши несколько горских пленных, попытавшихся сделать нападение на фуражиров, отпустил оных и дал им знать, что я иду бить турок, и, ежели они уймутся от покушения на меня, то оставлю их в покое, наблюдая притом, дабы посеянный ими хлеб как при лагерях, так и во время марша, колоннами моими не был не только потравлен, но и не потоптан. После сего, во время похода моего к Анапе, и были они спокойны.

Подошед для осады крепости Анапской, в семи верстах от оной, и перешед речку, впадающую близ Анапы в море, вброд, послал я генерал-майора Загрядского с конницей, и сам туда же переехав, с четырьмя батальонами егерей, прогнал выехавших навстречу, как из Анапы конных турок, так и более 2000 черкес; обложил крепость, взяв лагерь от оной, по рекогносцировании вперед самим мною, в четырех верстах, поставил сильный пост у подошвы гор на высоте, из пехоты и гребенских казаков. После того начал я делать, в ночь, баттареи, поколику от Черного моря и до речки, впадающей близ Анапы, была равнина, делающаяся уже́ так, что правый фланг крепости был к самому морю, а левый примыкал к устью оной речки. От отряда, присланного ко мне от генерала-аншефа Каховского и расположенного за болотистой речкой, приказал я сделать баттарею, стрелять из оной как по крепости ядрами, так и метать, наипаче из единорогов, бомбы и брандскугели. Из баттарей, мною сделанных, приказал я стрелять также по крепости, которая в обе стороны перестреливалась сильно и метала бомбы из мортир. Позади моего лагеря, верстах в пяти, на горах, каждый день собиралось несколько тысяч горских народов, при которых было 2000 турок. Неприятель делал сильные вылазки из крепости, а черкесы сзади покушались, нападая наипаче на фуражиров, которых, по отдаляющемуся фуражу,

должен был я прикрывать батальонами егерей, с пушками. При сем были и сильные ошибки с некоторым уроном убитых и раненых в посылаемых от нас прикрытиях. От баттареи, устроенной за речкою, хотя и сделан был довольно сильный пожар в крепости, после которого я посылал трубача с парламентером, махавшим белым платком, о предложении сдать крепость на капитуляцию, но неприятель, вместо ответа, начал стрелять из пушек по посланным от меня для переговоров. Таким образом, видя крайнее упорство неприятеля и чрезвычайное затруднение идти к крепости апрошами, не имея осадной артиллерии, и получа притом известие, что неприятельский гребной флот идет на сикурс крепости (который и подошел близко, но уже для него было поздно), после двенадцатидневной осады, я решился штурмовать крепость. На 21-е число июня, в ночь, подошел с войсками к крепости при шуме морском и стрелянии из баттарей, остановился я во время подхода войск до времени начинания рассвета, отрядив генерал-майора Загрядского с пехотою и конницею, для недопущения черкесов и турок, собиравшихся на высотах гор, атаковать меня в тыл, во время штурма и разграбить оставленный мною в удобном месте вагенбург. Сам я, как скоро показалась на небе светлота, приказал из батарей метать в крепость бомбы и, под сим шумом подведши на рассвете две колонны с лестницами к правому флангу крепости, послал к левому флангу фальшивую колонну (где был ров глубже и вал выше, и баттареи, обставленные палисадами) из 500 казаков поселенных пеших и артиллерию, с пятидесятью человеками пехоты. Я атаковал на самом рассвете, штурмом, крепость, и нашед впереди крепости человек двести турок, оные тотчас были переколоты. Неприятель начал как из ружей, так и картечами стрелять по войскам. Колонны мои, спустившись в ров, где можно было без лестниц, приставили лестницы к валу и полезли на оный, но сначала были отбиты. Тут подкрепили их небольшие резервы и посланные от меня три эскадрона Астраханского полка драгун, которые, кинувши своих лошадей, туда же полезли на подкрепление, а затем, видя еще сильную оборону неприятеля, послал я из резерва, при мне находившегося, четыреста человек пехоты, оставя при мне и при всех знаменах двести егерей, а затем уже четыре эскадрона конницы, чрез мост, овладенный пехотою, которая, хотя и терпела урон в людях, от батта-

реи недалеко стоявшей, но переехала в крепость. Неприятель хотя отступил от вала и некоторые баттареи его взяты были, но оборонялся отчаянно; почему послал я еще из двухсот человек, при мне остававшихся, сто человек храбрых егерей 4-го Кавказского батальона*. Тут неприятель уже бросился на уход, в море, бросая ружья и сабли и прося пощады, которая и дана была некоторым туркам, еще неутопшим. В самое то время старались черкесы с турками атаковать меня в тыл; но отрядом, поставленным при самом выходе из гор, были опрокинуты, причем гребенские казаки, спешившись, сражались саблями и потеряли пятьдесят человек убитыми и ранеными. Таким образом, после продолжения пяти часов с половиною беспрерывного, сильного ружейного огня и поражения неприятеля, въехавшею в крепость конницей крепость была взята. В ней взяты в плен: трехбунчужный паша, командовавший под ним, Батас-паша, приходивший прежде меня на Кавказскую линию**, сын, и много других чиновников; более ста орудий, более ста знамен, провиантский магазин и восемнадцать тысяч пленных, между которыми небольшая часть гарнизона, состоявшего из 25000, ибо прочие, при упорном сражении, все побиты были. У меня было войска на штурме 7200 человек, из которых 1240 было убитых и 2415 раненых. Когда вся крепость была уже очищена, то стреляли еще по войскам, из одной землянки, куда и скрылся лжепророк Ших*** с шестнадцатью человеками, ему приверженными, который взят был, по увещанию, живым и отослан при рапорте, к высочайшему двору и который прежде атаковал с 10000 крепость Кизляр, по сильной доверенности к нему почти всех горских народов, на северной стороне Кавказских гор обитавших. На другой день по взятии крепости послал я особливый отряд для взятия крепости Суджук-Кале, в двадцати семи верстах от Анапы лежащей, которую неприятель, устрашенный скорою посылкою туда войск и сильным поражением Анапы, бросил, и спасся на суда, приходившие

---

* Т. е. четыре батальона Кавказского егерского корпуса.

** Сераскир Батас-паша был взят в плен в кровопролитном сражении 30 сентября 1790 года, генерал-майором Германом, тем самым, который впоследствии, в 1799 году, будучи уже в чине генерала от инфантерии, командовал русскими войсками в Голландии.

*** Лжепророк Ших-Мансур, по привозе его в Петербург, был представлен Императрице и потом сослан на житье в Соловецкий монастырь.

берегом моря к Анапе, на сикурс. В ней* взято 32 пушки с снарядами.

По взятии крепости Анапы, чрез три дня подошел и весь большой неприятельский флот, из семидесяти судов состоявший, под командою самого Капитана-паши. Став на якоре верстах в пятнадцати, подослал он к крепости три кирлангича, не видя моего лагеря и не знав, что крепость взята. Я велел всем войскам на валу не показываться и не стрелять, разве бы пришли те суда на картечный выстрел. Посему один кирлангич ввечеру и подошел в гавань, и когда уже было темно и по-турецки ему закричали, чтоб он приехал, то он на шлюпке, к крепости подъехал. Тут изготовленные гренадеры, кинувшись в воду, как там море не глубоко было, взяли шлюпку, начальника и других, а затем уже и судно, с пушками и прочими турками, стоявшее на якорь, сдалось. Флот, на другой день увидя приплывающих к нему убитых великое число турок, одетых и раздетых, которых я, по причине великого числа, погребсти не могши, приказал бросать в море, до того устрашился, что Капитан-паша не мог уговорить турок остаться, и по их требованиям, подняв паруса, удалился, что из ведомостей известно было. Отправивши из крепости все пушки, мортиры и сколько можно было поднять пороху и снарядов, на судах, присланных от генерал-аншефа Каховского, по требованию моему, от Тамани, и по данному мне предписанию забросав оставшимися турецкими снарядами все колодцы, обложив на валу крепкие палисады тростником, зажег оные; подорвал баттареи и пороховой погреб; пошел с поисками в обратный путь, вдоль гор, и покорил все горские народы, на северной стороне гор живущие, которые прислали ко мне аманатов более ста человек, по требованию моему, а прочие, далеко лежащие от меня, прислали оных на Кавказскую линию. Перешед обратно чрез Кубань и отославши вперед как раненых, так и весь излишний обоз, с большею добычею нижних чинов, сам я повел войска на Кавказскую линию, после половины августа, для расположения оных по-прежнему. За сей мои подвиг награжден я, блаженныя памяти Императрицею Екатериною II, орденом Св. Георгия второго класса и шпагою, украшенною лаврами и алмазами.

* В Суджук-Кале.

Прибыв на Кавказскую линию, в последних числах октября того же* года, начал я делать описание Кавказской линии, со всеми подробностями, представил оное Ее Величеству блаженныя памяти Государыне Императрице Екатерине II, с мнением моим: сделать вновь на Кубани и Тереке в надобных; неизвестных мне местах крепости и прибавить население оной, как для обеспечения коммуникации с Доном (ибо, до прибытия моего туда, не только горские народы свободно въезжали на дорогу, ведущую к Черкаску, забирали едущих в плен, но и целое одно селение разорили и людей забрали в плен), так и для обеспечения селений, на реке Тереке лежащих; на что и имел счастие получить Ее Величества аппробацию с милостивым выражением и с повелением быть также, сверх управляемых мною губерний Рязанской и Тамбовской, генерал-губернатором Астраханским, называемым тогда Кавказским. Посему тотчас отправился я на Кубань с присланным ко мне инженерным генерал-майором Ферре; назначил сам места для крепостей (как я и сам инженерной науке научен). Начиная снизу Кубани, построил Устьлабинскую крепость; потом Кавказскую, на углу реки Кубани, где оная поворачивается налево, и против последнего селения на линии, называемого тогда Донскою крепостью, сделавши связь между сими двумя крепостями, нерегулярными редутами, по положению места с прикрытиями и пушкою. Затем укрепил я находящуюся уже вверху Кубани крепость Прочный Окоп, которая была худо сделана. Затем и далее, вверх Кубани, распространил малую крепость Константиногорск, делающую связь между селениями на реках Малке и Тереке, а между Моздоком и Кизляром, имеющими между собою расстояния двести верст, сделал я тоже крепость, называемую Шелководскою. В то же лето старался я привести в подданство Шамхала Тарковского, который вошел в подданство и прислал своего посланца, для представления к высочайшему двору. Потом привел я в подданство и хана Дербентского, который тоже послал своего посланца к высочайшему двору. Далее представил я о приумножении малой эскадры нашей, на Каспийском море, у которой некоторые суда уже были не способны, с тем, чтобы никакое военное судно чужое на Каспийском море терпимо не было; что также Высочайше аппробова-

* 1791.

но. Я занял в Капийском море остров, в семи верстах от Талышей лежащий, поставив на нем гарнизон и содержа одно военное судно, которое должно было наблюдать, чтобы персидские береговые суда, называемые киржим, между островом и Талышами проходить не могли. Тут же найдя, что казна была должна подрядчикам, ставившим провиант и фураж на линию и конным полкам, до миллиона шестисот тысяч рублей (хотя отпускалось на то каждогодно два миллиона сто тысяч) из присланных ко мне денег, на 1791 год, миллиона четырехсот тысяч руб. уплатил я долгов миллион триста тысяч, а прочие просил уплачивать от Провиантского департамента, из недосданной суммы на 1791 год. Впредь, на 1792 год, представил я отпускать только один миллион, а потом, рассчитавшись по требованиям бывшего тогда генерал-прокурором, графа Самойлова, убавил еще 200000; в числе сей суммы назначено было 110000 на экстренные расходы, без отчета. Я просил только 36000, но блаженныя памяти Государыня Императрица Екатерина II изволила прибавить к отпуску еще 36000, то есть 72000. На таковую сумму сделаны мною были приходная и расходная книги, из которых в расходную книгу записывался расход, не только большой, но и самый мелкий, и книги такие отсылаемы были в Военную коллегию, для ревизии. За все сие и за прежние мои подвиги, во время второй войны с Оттоманской Портой, награжден я, во время празднества мира, 1793 года сентября 2-го дня, орденом Св. Апостола Андрея Первозванного.

В 1794 году Ага-Магомет-Хан Персидский, дядя нынешнего, признанного шахом*, усилившись в Персии и назвавши себя шахом, прислал ко мне трех посланцев с письмом своего визиря, чтобы оных отправить к высочайшему двору. Оных посланцев принял я ласково, но отвечал им, словесно, не давши письма к их визирю, сказав притом, что поколику моя Государыня Императрица Агу-Магомета шахом не признала, то и почитаю я его почтенным и первейшим в Персии Агою-Магомет-Ханом; потому же объяснил я, самому с визирем его в переписку входить и почитать за визиря шахского не могу, а советую Ага-Магомет-Хану послать письмо просительное к моей

* Т. е. Фет-Али-Шаха, умершего в 1834 году.

Государыне Императрице, о признании его шахом: то, конечно, для него весьма полезно будет, и уже прочие ханы, ему непокорные, противиться не станут. С сим оные посланцы обратно и отправились, а я донес о сем моем ответе блаженыя памяти Государыне Императрице Екатерине II и получил милостивую на мой ответ Аге-Магомет-Хану аппробацию. Сей Ага-Магомет-Хан, за два года прежде моего прибытия, захватил нашего морского капитана Воиновича, пришедшего в гавань Астрабатскую, и держал в плену*. В начале 1795 года выступил он, с войсками, на Муганскую степь, за рекой Курой лежащую, где обыкновенно себя шахи коронуют; послал войска разорить Карабахского хана, ему непокорного, а затем напал и на Грузию. По донесении моем о том Ее Величеству блаженныя памяти Императрице Екатерине II, получил я повеление послать в помощь к царю грузинскому, что мною и исполнено было в половине декабря месяца. Сделав двенадцать мостов на реке Терек, в середине гор Кавказских протекающей, которая одна делает дорогу возможной в Грузию, до того бывшую для войск непроходимой, я нанял тамошних горцев для построения оных мостов, самым малым иждивением, стоившим казне около восьми тысяч рублей, когда прежде меня, при бывшем там начальником графе Павле Потемкине**, стоила таковая переправа малого числа войска в Грузию, казне, пятьсот тысяч рублей. Поелику на мое представление о поступках Аги-Магомет-Хана последовало повеление действовать против оного, как я лучше усмотрю, то я, не решившись сам вести против оного прямую войну, представил оной план, а между тем как и хан Дербентский, имевший уже своего посланца при высочайшем дворе, изменив, перекинулся к стороне Аги-Магомет-Хана, то, после половины декабря месяца того же 1795 года, послал я, для взятия Дербента, небольшой отряд, с артиллерией, в четырех батальонах состоящий, под командой генерал-майора Савельева, и как в то время регулярной коннице нельзя было доставить фураж, то сделал я притом 500 человек калмык, ничего почти казне не стоивших.

---

* Это случилось в 1781 году с графом Марком Ивановичем Войновичем, который впоследствии был адмиралом и скончался в первой половине царствования Императора Александра I.

** Граф Павел Сергеевич, двоюродный брат князя Потемкина-Таврического, скончавшийся в чине генерал-аншефа, в 1796 году.

В начале 1796 года получил я повеление изготовить войска, на Кавказской линии стоявшие, и послать в Персию, поручча оные в команду присланному из Петербурга генерал-поручику графу Валериану Зубову, снабдив его как наставлением, так и всем нужным для похода. Посему изготовленные войска прибыли в лагерь, недалеко от Кизляра, в удобном месте назначенный, 2 апреля, и сделан был мост на реке Терек, а по прибытии оного генерал-поручика в Кизляр, где и я тогда находился, назначенные к походу войска с линии перешли чрез реку Терек во всей исправности. Заготовлено в Астрахани сто тысяч четвертей провианта для доставления оного морем, куда надобность востребует в Персию, и изготовлена эскадра астраханская, под командой одного контр-адмирала, который должен был впредь зависеть от генерал-поручика графа Зубова. Затем отправил я генерал-поручика графа Зубова, в апреле месяце, с войсками к Дербенту, который еще не был взят, дав ему мое наставление, 1000 верблюдов и 1000 волов, для доставления за ним провианта. По отправлении сей экспедиции, будучи в Кизляре, получил я жестокую болезнь, и коль скоро мог везен быть, отъехал я в квартиру мою, в город Георгиевск, а между тем прибавлены были еще войска из внутрь России к генерал-поручику графу Зубову, как регулярной конницы, так и казаков, под командою тогда бригадира, а ныне донского атамана графа Платова. Прибыв в Георгиевск, по представлению генерал-поручика графа Зубова, доставлял я ему еще верблюдов и волов большое число. Генерал-поручик граф Зубов, по покорении Дербента, пожалован был, не по старшинству, генерал-аншефом, и уже от меня не зависел. Бака, по приближении эскадры, сама сдалась без сопротивления, а генерал-аншеф граф Зубов терпел нужду в провианте, которого хотя довольно привезено было в Баку, но, по отдалении взятого им лагеря от Баки, доставлением оного оттуда безводною и бесфуражною степью, на верблюдах и волах, понес великий урон в доставлявших оный верблюдах и волах. Также стоявший долговременно в одном лагере близ гор, он понес знатный урон и в лошадях конницы, и хотя подвинулся на реку Куру, но уже поздно. Тут блаженныя памяти Государыня Императрица Екатерина II, за мою многую, усердную службу, за скорое и исправное отправление корпуса в Персию, в июле месяце пожаловала мне, Подольской губернии в Проскуровском Повете, 1800 душ.

После бывшей жестокой болезни, сколь ни удерживался я просить отдохновения, находясь в слабом состоянии здоровья, но принужден был потом всеподданнейше просить отпуска на два года, на что хотя сначала и не было соизволения, но потом, по повторенной моей просьбе, в начале ноября месяца того же 1796 года, получил отпуск для выздоровления, на два года, с милостивейшим выражением в именном указе: с получением полного жалованья, с штабом генерал-аншефа и со всею канцелярией, к оному чину принадлежащею. Посему, сдав команду, в половине того ноября, генерал-поручику Исленьеву, я поехал с линии; но не доезжая города Черкаска, еще по левую сторону реки Дона, получил указ из Военной Коллегии о вступлении на Всероссийский престол блаженныя памяти Государя Императора Павла I, по кончине блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины II, который указ распечатав и не имея еще позволения принять обратно команду, отправил того курьера, с тем указом Военной коллегии, при моем сообщении, к принявшему от меня команду на линии генерал-поручику Исленьеву, а сам продолжал путь к Москве, где находилось мое семейство. Доехав до Воронежской губернии, получил я высочайшее повеление Государя Императора Павла I, преподанное мне от генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, бывшего после князем, с дороги, где оное меня найдет, возвратиться на линию и принять опять в мою команду, как войска на Кавказской линии, так и находившиеся в Персии, под командой графа Зубова. Посему и возвратился я в город Георгиевск, где получил Высочайшее повеление вывесть войска как из Персии, так и из Грузии, а по приходе оных на Кавказскую линию формировать по новому штату как пехотные, так и легкоконные полки и гусарские, что исполнил я в точности; перевез великое число больных и конную амуницию, поколику в конных полках, находившихся при реке Куре, оставалось самое малое число лошадей, на судах береговых, к пристани, недалеко от Кизляра, а оттуда перевез больных в приготовленные госпитали по дороге в один близ Кизляра и другой в Екатериноград, где оные больные во многом числе выздоравливали. Потом послал я к войскам, выходившим из Персии, надобное число лошадей и повозок, в чем имели они большой недостаток, а по приходе оных войск из Персии и Грузии на линию, формировал я полки пешие и конные по новому шта-

ту. За прежнюю мою долговременную и усердную службу и за сие распоряжение всемилостивейше пожаловано мне, в 1797 году апреля 5-го, в день коронации Его Величества блаженныя памяти Государя Императора Павла I, Российской Империи графское достоинство.

Отправивши по повелению некоторые войска с Кавказской линии в Россию, в 1798 году, в марте месяце, получил я Высочайший именной указ о сдаче, на время, команды генерал-лейтенанту Исленьеву, бывшему инспектору тамошней кавалерии, до назначения туда начальника, а самому явиться к Его Императорскому Величеству, в Санкт-Петербург, куда я тотчас и отправился. Будучи в дороге, назначен я был военным губернатором в Киев, а по прибытии, высочайше определен был военным губернатором в Каменец-Подольский, с поручением мне команды. тамошней дивизии, расположенной в губерниях Подольской, Волынской и Херсонской, и с поручением: по гражданской части в управление мое трех губерний: Подольской, Волынской и Минской. При сем за ревность и усердную мою службу пожалованы мне были 3000 душ в Подольской губернии.

1798 года, блаженныя памяти Император Павел I повелел мне готовым быть с войсками, в 60000 состоящими, на помощь Порте Оттоманской, которая тогда затруднена была междоусобною бранью бунтовавшего против нее Пасвана-Оглу. О сем повелено было мне, чрез посланника нашего в Константинополе, сообщить Порте Оттоманской, но Порта не требовала, а только благодарила. В начале 1799 года высочайше повелено было командовать мне армией моего имени, которая состояла из трех корпусов, одного собственно под моею командою, в Волынской губернии, на Буге, впадающем в Вислу, где я и взял свою квартиру, на границе в местечке Рожеямполе, что на Буге, другого под командою генерала от кавалерии Михельсона, в Подольской губернии, и третьего, под командою генерал-лейтенанта Шица, на Днестре и в Херсонской губернии. Притом мне поручено смотрение и наблюдение за корпусом принца Конде, в Волынской губернии расположенным, которому повелено было в июне месяце с самим принцем Конде выступить за границу, мне дать в оный корпус Гусарский полк Баура,*

* Павлоградский.

взамен чего остались бы, до времени, в моей команде два полка драгунских: Дворянский полк, в котором был шефом Дюк-де-Берри, и Павлоградский другой полк, в котором был шефом Дюк д'Анген; но после и те два полка повелено было отправить за границу. Мне, имевшему свою квартиру в местечке Рожеямполе, на Буге, повелено быть в такой готовности к выходу за границу на Рейн, чтобы в двадцать четыре часа, по повелению, выступить мог, а по выходе за границу поручена мне была и армия генерала от инфантерии Ласси, но армия осталась без движения. В октябре месяце повелено было мне, корпуса армии, под командою моею, расположить на квартиры Волынской губернии.

В начале 1800 года повелено было мне распустить армию, а самому отправиться к моему месту, в Каменец-Подольский, где находясь имел я счастье получить милостивые именные указы; но потом, в июне месяце, получил с гневом указ, а делая инспекторский смотр в Кинбурне, батальону там стоящему, получил и приказ, что я от службы отставлен. Сдавши полк, тогда моего имени, в Каменце стоявший, в исправности и все дела мне порученные, находился я в отставке.

В 1806 году, в апреле месяце Его Императорское Величество, преславно и преблагополучно ныне царствующий великий Государь Император* Высочайше повелел мне, во всемилостивейших выражениях, приехать в Санкт-Петербург на службу, на каковое повеление, 2 мая того же года, поспешно отправился я из деревни моей, в Подольской губернии лежащей, и имел счастье в исходе того же месяца предстать Его Императорскому Величеству. Государь Император, поручив в командование мое войска на Кавказской линии, в Грузии и Дагестане находившиеся, куда отправясь и приехав в Георгиевск на Кавказскую линию, нашел я там и в других местах заразительную болезнь, чуму. Сделав распоряжения мои о прекращении оной, отправил я немедленно генерала от инфантерии Булгакова командовать войсками, в Дагестане находившимися, предписав оному сделать предприятие на Баку и взять оную; сам же, по укрощении чумы, так что незначащее число только больных оставалось, в сентябре месяце, поехал чрез горы, в Грузию. По извещению из Грузии, что шехинский хан отложился, карабахский, бывший в подозрении, убит и ханство осталось без хана, а лезгинцы, народ бойкий, имеющий порядочные каменные дома и все хозяйство в лучшем порядке,

* Александр Павлович.

нежели в Грузии, и упражняющиеся в шелководстве, призвали к себе в помощь Хамутая, хана казыкумыцкого, намереваясь грабить Грузию, дал я предписание мое генерал-майору Несветаеву приготовить часть войск на левом берегу реки Куры, у Джавата, против устья реки Аракса, впадающей в Куру, и часть войск в Кахетии. Тут, по несчастью моему, под самыми снеговыми горами, в Владикавказской крепости, я сильно заболел, так что десять дней не мог вставать с постели; но как скоро мог встать, то хотя и будучи еще очень слаб, нанял осетинцев, горский народ, которые несли меня на носилках в Кавказских горах. В средине самой сих гор получил я рапорт от генерала от инфантерии Булгакова, что он выгнал из ханства Дербентского бунтующего хана, прежде уже изменившего и ушедшего из корпуса графа Зубова, и приступив к Баке, овладел оною; оба же хана, дербентский и бакинский, ушли. О сем тогда же, с присланным от генерала Булгакова курьером, всеподданнейше донес я Его Императорскому Величеству. Продолжая потом несен быть на носилках, покуда сесть мог на лошадь, 27 октября приехал я в Тифлис, откуда предписал генерал-майору Небольсину идти на покорение изменившего хана шехинского, который генерал оное исполнил и покорил ханство шехинское, а хан ушел в горы. Потом предписал я генерал-майору Небольсину зайти в тыл к лезгинцам, а войскам, приготовленным в Кахетии, наступать оттуда на лезгинцев, что сведав, войска хана казыкумыцкого ушли, а лезгинцы, видя себя обойденными спереди и с тылу, без потери одного человека, покорились и прислали ко мне двенадцать человек из первых у них людей, аманатов, которые и пришли ко мне, с повешенными на шеях саблями, в знак их порабощенной покорности, и из которых некоторые переменяемы быв, по его просьбе, надежными и лучшими людьми, оставались всегда в Тифлисе. Они же должны были провожать моих курьеров, как от меня, так и из Баки ко мне посланных. В ханство Шехинское, по всеподданнейшему моему представлению, определен был ханом усердный Джафар-Кулыхан-Хойский, изгнанный Бабаханом и сражавшийся с его войсками, а в ханство Карабахское — сын убитого хана карабахского, Мехти-Кули-Хан. По приезде моем еще на линию прислан был в Астрахань посланец Бабахана, живущего в Танране*, который, по просьбе его, ко мне в Геор-

* Тегеран.

гиевск доставлен и привез мне письмо от первого Бабаханова чиновника, что Бабахан желает прекратить неприятельские действия, которому дал я ответ сходственный Высочайшему достоинству великого Государя Императора, о каковом я тогда же донес Его Императорскому Величеству. А как не было ответа на оный мой ответ, данный присланному из Персии, от Бабахана, то, по высочайшему повелению, посылал я в Танран к Бабахану (ныне персидскому шаху) для переговоров моего адъютанта. Какие же были переговоры у него в Танране, доносил я Его Императорскому Величеству и сообщил тогда министру иностранных дел. Также приметил я, что от турецкой стороны происходят неприятельские намерения, хотя ахалцыхский паша и прислал ко мне своего чиновника с письмом, будто в приятельском намерении. Карский паша, переговариваясь с генерал-майором Несветаевым, стоявшим на границе Карского владения, послал мимо меня прошение к Его Императорскому Величеству с покупавшим у него лошадей для заводов казенных, Армянином, что он будто готов покорным быть великому Государю Императору, когда ему подана будет помощь против Турок, и посему прислано было ко мне оному паше алмазное перо, но оного я к нему не отослал, так как он уже совершенно открыл свое коварство.

Выступил я в начале 1807 года с войсками, в Грузии и Кахетии находившимися, в лагере, а генерал-майору Небольсину приказал бригаду свою расположить впереди Елисаветпольской крепости, дабы в предпринятом мною движении против турок обеспечиться от впадения персиян в ханства Карабахское, Шехинское и Грузию. Тут, узнав неприятельские намерения ахалцыхского паши, пошел я в Ахалцых, дабы схватить крепостцу Алха-Калак* и тем обеспечить от впадения в Грузию; но нашел оную крепость изготовленную к обороне, а в восьми от оной верстах более 2000 турецкой конницы, которая, по неудаче взять приступом крепость Алха-Калак, подъезжала ко мне, но была опрокинута с немалым уроном.

При выступлении моем в ахалцыхский пашалык предписал я генерал-майору Несветаеву, стоявшему на границе карского владения, вступить с войсками на помощь коварно просившему оной карскому паше; но по вступлении оного в его

* Ахалкалаки.

владения нашел он тотчас противящегося брата паши, по прогнании которого подошел он и к крепости Карской, но нашел и тут оборону и стреляние из пушек по войску. Известясь тут, что сераскир Юсуф-паша, бывший прежде два раза визирем и сражавшийся с Императором Иосифом II, а потом бывший и третий раз визирем, защищавшим Силистрию, идет с немалым числом войск турецких для впадения в границы наши, в провинцию Шурагельскую, называя уже себя владетелем Грузии, генерал-майор Несветаев потому отретировался в селение Гумры, мало укрепленное, в Шурагелях находящееся, на границе нашей, на реке Арпачае, где нашел в своей команде три батальона, в малом комплекте Саратовского пехотного полка, батальон Кавказского гренадерского, еще в меньшем комплекте батальон пятнадцатого егерского в таком же некомплекте, и два донских казачьих полка. Оттуда, получив от него известие, будучи под Алха-Калаком, что вышеупомянутый сераскир атаковал его, подвез мортиры и пушки, из которых по нем стрелял, пошел я форсированными маршами против оного сераскира, оставив в Тифлисе Кабардинский пехотный полк при генерал-майоре князе Орбельянове. Будучи в марше больше половины дороги, получил я и еще рапорт от генерал-майора Несветаева, что сераскир, атаковав его в другой раз, ворвался в самое селение, но войска наши оборонялись храбро, особливо гренадеры кавказские, не допустили овладеть оным селением, хотя и с уроном, и турки ретировались, но что турецкие войска, стоящие в лагере от его поста в четырех верстах за рекою Арпачаем, усиливаются. Я поспешил к нему сколько возможно; перешед горы, отделяющие Шурагельскую провинцию, послал поспешно вперед авангард генерал-майора Портнягина и с ним на казачьих лошадях снаряды артиллерийские, в которых имел генерал-майор Несветаев надобность, предписав оному непременно в ночь прийти в селение Гумры, а в случае встречи на пути неприятеля пробиться туда. Сам я, на другой день поутру, оставив излишние обозы и перешед еще дефилею между небольших гор, вышел на равнину, расположился лагерем в виду неприятеля, около десяти верст за Арпачаем стоявшего. Оттуда я поехал к генерал-майору Несветаеву, для дальнейшего распоряжения, и возвратился в свой лагерь. В темную ночь неприятель подослал конную партию, которая стреляла из ружей, но не в близком расстоянии и без всякого вреда.

Я приказал по оной не делать никакого выстрела, разве бы подъехала она на картечный выстрел, баттарее, в ту сторону мною поставленной, но партия сия удалилась. На другой день перешел я, по рекогносцировании, в удобное место, ближе к посту генерал-майора Несветаева, расположился в трех с половиною верстах от оного и делал два раза обманные рекогносцирования, вверх по реке Арпачаю пехотою и конницей, показывая вид, будто думаю там переходить оную и атаковать неприятеля во фрунт. Сам неприятель, быв встревожен, сделал потом, впереди своего лагеря, на высоте, ложамент с пушками и обставил баттареи, пред лагерем своим, палисадом, но я вместо того секретным образом рекогносцировал, пред вечером, с одним обер-квартермистром* и двумя казаками, дабы обойти его правый фланг и перешед ниже неприятельского лагеря реку Арпачай, зайти в тыл и отрезать неприятелю ретираду. О сем намерении, кроме обер-квартермистра никто из генералов не знал; но как после того на другой день был пресильный и большой град с проливным потом дождем, то река Арпачай наводнилась и принудила меня обождать до слития воды. Посему, по частой рекогносцировке вверху реки Арпачая о слитии воды, и получив известие, что вода спала, послал я обер-квартермистра, пред сумерками, дабы неприятелю неприметно было, расставить по рекогносцированной мною с ним дороге по два казака, на примерной дистанции, так далеко, чтобы неприятелю неприметно было, дабы в ночь вести по оным к атаке войска. По исполнении сего, при наступлении ночи, сняв лагерь, отослав все излишние обозы в селение Гумры, в пост генерал-майора Несветаева, кроме принадлежащих к фрунту и малого числа лазаретных фур, и призвав генералов и полковников, приказал я оным построить из каре колонны и следовать, куда обер-квартермистр, приставленными к каждой колонне вожатыми, укажет. Хотя пред сим, когда лагерь снят уже был и бежали к неприятелю два солдата и один татарин, из поста генерала Несветаева, но как сим беглецам неизвестно было, куда я пойду, то неприятель, будучи только в готовности, имея у себя более огней в лагере, ожидал моей атаки по обманным моим рекогносцировкам, перешед реку Арпачай, во

* Генерального штаба майором Матушевичем.

фронт. Я потому, дошед до последних, расставленных для указания дороги казаков и поравнявшись почти против правого фланга неприятельского, остановил войска, ожидая всхода месяца после полуночи в светлую ночь. Как скоро можно было видеть дорогу, пошел далее. В начале самого рассвета посланные вперед стрелки, егери и казаки нашли небольшой пикет неприятельский, чрез реку, ко мне поставленный, и прогнали оный с уроном. Тут неприятель встревожился и переправил против меня всю свою конницу, чрез реку, пехоту, засевшую в деревнях подле реки, и несколько пушек. Я уже тогда, миновав их фланг, построился в каре, поставив один гренадерский каре позади в резерв, на перекрестных выстрелах, с средним и левым кареем, и хотя неприятель нападал везде многочисленной конницей на картечные и ружейные выстрелы, но был опрокинут и отбит. Когда правый каре, остановившись на месте, имел от пушек, вывезенных неприятелем против него, урон в людях, артиллерийских лошадях и в повреждении лафетов, а я увидел, что сераскир заехал в тыл правого карея, с отборною конницею, то я, взяв средний каре из фрунта и приказав место оного заступить резервному каре, сам, с средним каре, пошел прямо на сераскира, и перешед не большую, но болотистую речку, велел из двух орудий выстрелить по сераскиру, подвигаясь сам поспешно и взошедши на высоту, откуда сераскир отошел и поехал далее, оставив за собою для прикрытия часть отборной конницы. Я велел оную атаковать, как ста человекам казакам линейным, у меня бывшим, так части донских и трем эскадронам драгун, и опрокинул сопротивляющуюся конницу с уроном, которая и поскакала вслед за сераскиром, вышед из выстрелов пушечных. Я с средним каре, обошед правый каре и послав к оному казачьих лошадей на место убитых артиллеристов, пошел далее вперед и, поставив на высоте баттарею, приказал оной из единорогов метать бомбы в лагерь, а по неприятелю на той стороне стрелять ядрами. Потом переправил вброд, чрез реку Арпачай батальоны егерей и, переехавши сам, приказал и прочим, переправясь чрез реку, атаковать, что неприятель увидя бросил лагерь и, увозя некоторые пушки, начал поспешно ретироваться, так как я отрезывал ему ретираду мимо лагеря, где был сераскир. Тут увидел я, что от селения Гумры, правым берегом Арпачая идет генерал-майор Несветаев с батальонами и казаками, при нем находившимися, которому от меня

приказано было, скрытно изготовившись до света, за высотами, между лагерем неприятельским и его постом, как скоро я стану переходить Арпачай, для атакования неприятеля, во фрунт, но он уже нашел лагерь и баттареи брошенными. Неприятель побежал стремглав и бросал увезенные было им пушки, а некоторые далеко увезенные, находившиеся на левом берегу Арпачая, бросил в озеро, там за Арпачаем находившееся. Во время атаки моей неприятеля стояли позади меня, верстах в четырех, 500 человек персиян, на горах, а в двенадцати верстах, за горами, 10000 человек. В сем сражении у меня было войска всех и всяких шесть тысяч, а у неприятеля, по собственному его показанию, 24000, две тысячи отборной конницы, называемой делибаши, в одинаковых белых шапках; куртинцев, кочевого народа, соседнего арабам, и лучшей азиатской пехоты, прозываемых лазы. В сем сражении взял я у неприятеля два лагеря и собственный сераскира, более двадцати пушек, а сколько именно не упомню, и три мортиры. Таким образом всеподданнейше донесши о сем подвиге моем Его Императорскому Величеству, награжден я был всемилостивейше Великим Государем Императором произведением меня в генерал-фельдмаршалы*. Неприятель ретировался из виду, до крепости Карса, в расстоянии тридцати верст, где и сераскир остановился. Я потом послал деташамент, для взятия в Карском владении, вниз Арпачая, крепостцы, которую неприятель, увидев подходящие войска наши, оставил, и в ней взято шесть или семь пушек, чего, за прошествием времени, не упомню и о чем я всеподданнейше донес Его Императорскому Величеству. Сам потом, перейдя обратно чрез Арпачай, я расположился при оном лагерем, посылая вперед партии, далее двадцати верст, которые нигде уже неприятеля не видали. В сем лагере получил я высочайшее повеление заключить с сераскиром перемирие, о чем сообщил сераскиру в крепость, дабы он от себя прислал, в назначенное мною при деревне место, одного пашу, куда я и от себя пошлю генерал-майора, чему сераскир обрадовался, и перемирие заключено было, о чем я донес всеподданнейше Его Императорскому Величеству. Тогда же и персидский хан, стоявший с войсками персидскими, как выше донесено, за горами, присылал ко мне с поздравлением одержанной победы,

* 30 августа 1807.

называя меня начальником непобедимых войск, и войска свои отвел к Эривани, в последних числах августа, и наследник шахский, Аббас-Мирза, прислал ко мне посланца и верховую лошадь с богатым убором. Видя, что персияне, при продолжающихся с ними переговорах, спокойны, в первых числах сентября оставил пост в селении Гумры, на границе; учредил карантин по оказавшейся после сделанного перемирия чумы у турков; поставил некоторые войска в Шурагели, а прочие сам отвел в квартиры. После сего, сделав план, какие действия на будущую кампанию предполагаю, по мнению моему, сделать, всеподданнейше представил о том Его Императорскому Величеству. Между тем продолжал я переговоры и переписку с Аббас-Мирзою, наследником шахским и первым чиновником, называющим себя визирем шахским, когда Бабахан не признан был еще шахом. Персияне, однако же, продолжали переговоры двугласные, предлагая все перемирие, на что я не соглашался, не имея на то Высочайшего повеления.

В начале апреля месяца 1808 года вывел я войска, в Грузии и Кахетии расположенные, в лагерь, куда прислан был ко мне хан, посланцем из Такрана, который, по данной ему доверенности, предлагал сделать перемирие, на что показал я ему, без перевода, Высочайшую грамоту с высочайшею доверенностью мне: заключить с Персией мир, которую присланный хан увидев низко поклонился. Я примерно тут же сему хану сказал границы, которые при заключении мира должны поставлены быть между Всероссийской Империей и Персией, а именно реки: Арпачай до впадения ее в Аракс; Аракс до впадения ее в реку Куру, при Джавате, а далее Кура до впадения ее в Каспийское море, включая тут же и за Курою талышинского хана, сказавши притом, что при заключении мира на предложенных тогда пунктах, и Его Императорское Величество, Всемилостивейший мой Государь, признает Бабахана шахом. Угостивши потом сего присланного хана, отправил оного обратно. Посылал я потом еще, в Такран, подполковника, поручив ему и от министра иностранных дел к французскому послу в Персии, Гардану, письмо, приказав оному подполковнику проведать, что персияне намереваются предпринять и имеют ли в сборе войска, ибо имел уже известие, что Бабахан с помощью французов формирует регулярные войска, что французы приготовляют персиянам артиллерию и научают их оною действовать. О сем

и возвратившийся из Такрана подполковник подтвердил мне то же и привез письмо от называвшего себя визирем шахским, в котором тоже на заключение мира написаны двугласные и ничего не значащие выражения. Тут же я получил и письмо от французского посла Гардана, который вошел со мною в переписку по получении пересланного ему мною письма от министра иностранных дел. Переводчика, посыланного с подполковником, офицера из Грузии, оставили персияне у себя. Между тем новый Карский паша (поелику прежний казнен был) прислал ко мне чиновника с известием, что он там пашою, и с просьбою, сохраню ли я перемирие, с ним сделанное. Оного чиновника подарив, приказал я уверить пашу, что хотя бы подвинулся я к границам, но, конечно, не с намерением делать нападение в Карскую провинцию. Видя ясно, что Бабахан дает ответы на заключение мира двугласные и ничего не значащие, проволакивая время, дабы между тем собрать и привести свои войска в порядок и приумножить свою артиллерию; по уверению же моему и разведыванию, турки, граничащие с Грузией, спокойны, и в сбор войск не имеют, решился я, по всемилостивейшей мне доверенности, действовать по усмотрению моему войсками, к пользе службы Его Императорского Величества, и предпринять в такое удобное время поход для взятия Эривани, где, по известиям, не было еще в сборе больше войск, как тысяч до пяти. В том числе несколько вновь формированной французами регулярной пехоты.

В начале сентября месяца пошел я, с так называемою тогда, но уже малочисленной моей армией, в шести тысячах человек под ружьем стоящей, в поход к Эривани, и пришед в Шурагели, перешел горы, делающие нашу границу с Персией, а оттуда далее по дороге к Эривани, не встречая еще нигде, на расстоянии 50 верст, войск персидских. Подвинувшись далее вперед, в 15 верстах, увидел я конницу персидскую по другой стороне реки Арпачай, которая, опасаясь быть отрезанной от Эривани, поспешно опередя меня, идущего по левую сторону Арпачая, переправилась так поспешно чрез мост, там находившийся, что я едва только успел, с моим малым авангардом, атаковать оную казаками и высланными егерями, не могши употребить драгун, по причине усыпанного поля и дороги острыми каменьями. Конница сия была, с уроном, тотчас опро-

кинута и даже не заезжала к Ячмезинскому* монастырю, на дороге лежащему и имеющему впереди большие сады и каменные ограды, где прежде меня князю Цицианову великое сопротивление было. На другой день пошел я далее, и занял Ячмезинский монастырь, не встретя никакого сопротивления. Как обоз не мог инаково идти, как по той же дороге, за войском, а видна была выехавшая от Эривани конница персидская, верстах в восьми, то, построив впереди сего монастыря три батальона пехоты и драгун, занял я посланными егерями сады, и тем обеспечив обоз, идущий по трудной каменистой дороге, по приводе которого, видя персиян удалившихся, расположился лагерем впереди крепкого монастыря Ячмезинского. Оставив тут больных, большую часть обоза и надобное прикрытие, на другой день, до света, пошел я вперед к Эривани. В сию ночь деревни, впереди меня лежащие и в стороне, были зажжены персиянами. Дошед до реки Занги без сопротивления, не видев уже нигде конницы персидской, с которою Гассан-Хан удалился и оставив брата своего хана комендантом в Эривани с пехотою регулярной и нерегулярной. Накануне моего прихода уехал из Эривани французский инженерный офицер, там находившийся. Я, потому переправивши войска чрез быструю реку Зангу, текущую подле самых стен Эривани, ниже крепости, подвинулся к Эривани, и по рекогносцировании мною впереди, расположился лагерем в пяти верстах от крепости, примкнув левым флангом к реке Занг, 1808 года октября 3 числа. На другой день послал я отряд, под командой генерал-майора Портнягина, из небольшого числа пехоты, с четырьмя пушками и из драгунского исправного Нарвского его полка состоящего, к стороне реки Аракс не допускать неприятеля меня тревожить с тыла и подавать сикурс крепости. Того же дня, после полудня, неприятель из крепости начал делать вылазку (в числе которой были и регулярные персидские войска) на поставленные впереди лагеря, в удобном месте, гренадерские батальоны, которые и опрокинули неприятеля с немалым ему уроном и с малозначащим со стороны нашей. В ночь потом послал я обложить крепость полковника Симоновича, с надобным числом войск, под командой генерал-лейтенанта барона Розена, поделать баттареи и траншеи, что и исполнено было. Генерал-май-

* Эчмиадзинскому.

ор Портнягин два раза прогонял покушавшегося неприятеля, подать помощь крепости: в первый раз прогнал до 1000 человек, а во второй раз переправившуюся чрез Аракс, для сикурса крепости, в 5000 человек, состоявшую персидскую конницу, при одном хане, прогнав их с большим уроном, преследовал чрез Аракс в глубокий брод, драгунами и на крестцах лошадей их посаженными егерями. Как при начатии моем похода к Эривани предписано было генерал-майору Небольсину, с бригадой его, с артиллерией и казаками идти вверх по Араксу, к Нахичивану, то, осаждаючи крепость, получил я от оного рапорт в том же месяце, числа не упомню, что он, подходя к Нахичивану, встречен был, переправившись при Нахичиване чрез реку Аракс, персидскими войсками, под командой самого наследника шаха Аббас-Мирзы, с коннищей и пехотой регулярной и артиллерией. Опрокинув оный корпус персидский с большим уроном, он прогнал неприятеля, чрез Аракс бежавшего, причем убит был один хан, дядя наследника шахского; взято в плен несколько персиян, а подлинного числа не упомню, и семь человек наших беглых, служивших у персиян, сражавшихся вместе с персиянами, которых я приказал прогнать жестоко шпицрутеном, отчего оные по нескольких днях после померли. Генерал-майор Небольсин занял Нахичиван, которому и предписано было от меня сделать уже верное сообщение с отрядом генерал-майора Портнягина. С тех пор уже неприятель не смел переходить чрез реку Аракс.

Из Эриванской крепости, имеющей к реке Занг и в других местах двойную каменную стену, неприятель отчаянно оборонялся из ружей и из пушек. Я, не имев осадной артиллерии, имев только на другой стороне реки Занг, от крепости, баттарею из нескольких пушек и трех мортир, взятых много у турков, не мог оному наносить желаемого вреда, и хотя из близко поставленной баттареи, на левом берегу реки Занг, на котором и все войска, обложившие крепость, находились из двенадцатифунтовых орудий и делана была небольшая брешь, но персияне каждую ночь, находящимися в крепости армянами, старались починивать, хотя не без урона от выстрелов шестифунтовых пушек. Неприятель стрелял как днем, так и ночью из ружей и пушек, а когда я делал для устрашения оного фальшивые по ночам тревоги, то стрелял вокруг сильно из ружей почти всю ночь и метал подсветы, но без вреда нашим войскам.

Таким образом, продолжавши осаду по 17 ноября, увидел, что большой снег упал на горе Арарат и на Черных горах, подле меня недалеко лежащих, а приехавший ко мне, с великой нуждой, курьер из Грузии сказал мне, что, по причине упавших больших снегов в горах, чрез которые должно проходить в Грузию, проезд сделался так затруднителен, что я и курьеров впредь ожидать не могу. Живущий за Араксою подчиненный персиянам народ куртинцы прислали ко мне своих поверенных с предложением быть подданными России, которых я обласкав и подарив, дал оным мою сальвагвардию. Войска, осаждавшие Эривань и в отрядах находившиеся, имели продовольствие не только надобное, но, могу сказать, роскошное, ибо получали довольное число муки пшеничной, сарачинское пшено, которого там изобильно, мясо и собирали тоже овощи огородные, в предместиях Эривани находившиеся, даже и пресладкий виноград. Лошади довольствованы были сеном и ячменем из деревень, имевших мою сальвагвардию, между Зангою и Араксом, заготовленными персиянами для своей конницы; мясом же войска довольствованы были от выгнанной из крепости, по тесноте и недостатку корму, скотине, овец и рогатого, часть которого скота сами пастухи пригоняли к войскам, а часть отхвачена была; так что я не имел в прокормлении войск и лошадей никакой еще нужды. При всем этом, от продолжавшейся осады, ожидая уменьшения войска, лишась от упадших больших снегов с Грузией сообщения, а по позднему времени не ожидая возможности до весны уменьшения таковых снегов, должен был я решиться, имея уже мало в остатке снарядов артиллерийских, штурмовать крепость, в которой была небольшая брешь. Дав мое распоряжение атаковать оную, с 16 на 17 число, подошел и сам к крепости наполовину малого пушечного выстрела, с оставшимися в лагере войсками, для резерва, который с тем поставлен был, что когда влезшие в крепость войска займут ворота, взойти ему на помощь сражающимся, расположив оный за малою высотою, дабы меньше терпеть урона от ядер. Штурм был предпринят до света; но неприятель, приметив движение войск, кинул такие подсветы из крепости, что ясно мог увидеть приближение колонн, и хотя одна колонна, по лестницам, взошла в крепость, но по главной колонне, подошедшей к бреши и от которой были уже некоторые во рву, неприятель метал зажженные бомбы и приготов-

ленные камни, а ведший оную полковник Симонович был тяжело ранен. Также и влезший по лестницам в крепость ... был убит, а потом и взошедший, с резервом, полковник Булгаков был тоже убит. Я, хотя и послал из резерва, при мне находившегося, атаковать крепость с противной стороны взлезшей в крепость колонны, дабы отвлечь неприятеля от обороны на ту колонну, но и оный отряд подошед к крепости, по сильной обороне неприятеля, не мог взлезть в оную и отошел. По таковой несчастной неудаче приказал я войскам, в траншеях прежде находившимся, войти опять в оные, а раненых собрать и отвести в лагерь. После сего, отправивши в лагерь раненых и постоявши несколько часов пред крепостью, откуда неприятель не смел делать вылазки, послал я к находящимся в траншеях, на место убитых и раненых, из резерва, прочие отвел в лагерь, и продолжав осаду, отнял у неприятеля свободное взятие воды из реки Занги, текущей под стенами, и посылал сказать, что не отойду до тех пор, пока не возьму крепость. Неприятель продолжал оборону отчаянную; и посему, не видя уже возможности продолжать далее осаду по малому остатку артиллерийских снарядов и убавке войск, не имея оных и с начала моей осады более 5000 человек, из которых понес убытка более 800 чел. убитых и раненых на штурме, принужден я был, по всем вышеописанным причинам, призвав отряд генерал-майора Портнягина в лагерь, 30 ноября оставить осаду, и отошел к монастырю Ячмезинскому, где простояв день, собравши все к походу, 2 декабря пошел я к горам, по дороге к Грузии, а как уже известно было, что проход чрез горы, по причине большого снега, не токмо затруднителен, но без раскрытия сколько можно, дороги, невозможен, послал я вперед драгунский полк Нарвский и батальон пехоты, с лопатами. Неприятель до 3-го числа декабря нигде не показывался из крепости, а 3-го числа в обед, когда обозы еще не все втянулись в лагерь, который у меня был уже на снегу, но не так великом, ибо от Эривани более двадцати верст шел я еще сухою дорогою, засев в каменьях, начал стрелять по немалому прикрытию обоза, в арьергарде находившемуся. Посему я послал один гренадерский батальон, пришедший уже в лагерь, который и прогнал неприятеля. Сам я, на другой день, пошед далее, находя отчасу более снегу и наконец мороз до пятнадцати градусов. Тут, перейдя горы, на границе между Персией и грузинской провинцией Шураге-

ли, где, спустясь с гор, было уже весьма мало снегу, расположив войска, сколько можно было, по деревням на квартирах для отдохновения и потом простояв несколько дней, сделал мое распоряжение, которым войскам оставаться в Шурагели, а прочих повел в Грузию.

Из Шурагели должно было мне опять переходить горы, в которых также было много снегу, при больших морозах, но спустясь с оных, на равнинах было снегу мало, а далее, проходя в двадцати семи верстах от Тифлиса, нашел уже спустясь с гор сухую землю. При переходе сих, снегом заваленных гор я получил сильный ревматизм так, что уже последний переход к Тифлису не мог верхом ехать. От оного ревматизма наконец потерял я и один глаз. Приехав в Тифлис, 20 декабря, был я болен так, что наконец ходить не мог, но должен был лежать в постели или сидеть. Будучи пользуем в сей болезни и не видя исправления моего здоровья, принужден я был, против воли моей, всеподданнейше просить Его Императорское Величество уволить меня оттуда, на что и последовало мне высочайшее повеление сдать команду находившемуся в команде моей генералу от кавалерии Тормасову, что ныне граф. Сие исполнивши, в исходе апреля, поехал я из Грузии, чтобы явиться к Его Императорскому Величеству.

Во время дороги моей в Воронежской губернии имел я счастие получить Высочайший Указ, в котором написано было, что Всемилостивейший Государь Император назначает меня главнокомандующим в Москве. По приезде моем в Петербург, я удостоился предстать пред лицом Его Императорского Величества и 7-го числа августа 1809 года определен главнокомандующим в Москву со всемилостивейшим определением меня в Государственный Совет и Сенат. Отправясь из Петербурга к своему месту, в Москву, вступил я в свою должность, стараясь, по данному мне высочайшему наставлению, поступать, приводить все в порядок. Того же года, декабря 6-го числа, был я столь много счастлив, что великий Государь Император соизволил сам посетить Москву, по въезде в которую узрел и беспредельную радость (каковой, конечно, ни один монарх в Европе не находил у своих подданных), увидев своего всемилостивейшего и с кротостью управляющего многими миллионами своих подданных, великого Государя Императора, и что сия радость была непритворная, а искренняя, сам все-

милостивейший Государь видеть изволил. Начальствовавши я в древней столице и содержа оную в надлежащем порядке, два года и десять месяцев, по приключившейся мне, в 1812 году, в феврале месяце, катаральной болезни, от которой не видя восстановления сил моих, принужден я был, по старости и слабости, всеподданнейше просить увольнения. На это Его Императорское Величество, всемилостивейший Великий Государь не токмо изъявил свое высочайшее соизволение, во всемилостивых выражениях, в высочайшем указе ко мне написанных, отпустя меня в отпуск, до восстановления сил моих с тем, чтобы явиться к моему месту в Государственный Совет, когда возмогу, но и наградил меня драгоценнейшею, всех наград превосходною наградою, всемилостивейше пожаловав мне, для ношения, священный свой образ, мая 13-го дня 1812 года. Глубокая старость и ослабевшие силы лишили меня до сих пор несравненного и первейшего для меня счастия упасть к освященным стопам Его Императорского Величества*.

* Это было писано около 1820 года, следовательно, весьма незадолго до кончины фельдмаршала. Здесь должно заметить, что граф Иван Васильевич не упомянул о сформировании им в Москве в конце 1811 года 27-й пехотной дивизии, столько прославившей себя в отечественную войну, под начальством храброго генерала Неверовского. Это была последняя из многочисленных заслуг, оказанных покойным графом государю и государству. В незабвенную кампанию 1812 года, обремененный летами, маститый полководец покоился на лаврах, в своих поместьях, но имя его еще украшало списки русского воинства. Сын его командовал в это время храбрым Орденским кирасирским полком и между прочим участвовал в достопамятной Бородинской битве, отличие в которой, по ходатайству князя Кутузова, приобрело сему полку одну из лестнейших наград в Российской армии — георгиевские трубы.

ЖИЗНЬ А. С. ПИШЧЕВИЧА, ИМ САМИМ ОПИСАННАЯ

(В трех частях)

Часть первая

Глава IV

ПОХОД В КРЫМСКИЙ ПОЛУОСТРОВ И ЗАНЯТИЕ ОНОГО ПОД РОССИЙСКУЮ ДЕРЖАВУ. 1783 ГОД

Недолго оставались мы в неведении, куда нам следовать, ибо князь Потемкин, оставя Петербург и прибыв в Херсон, предписал всем войскам следовать к оному, а о Крыме ни слова никто не упоминал, хотя спустя несколько времени открылось, что все ополчение имело предметом оного завладение. Полк наш со многими другими переправился чрез Днепр в Кременчуге и следовал по Херсонской дороге. У так называемого Давыдова брода ожидал курьер все полки и как при оном дорога разделяется: одна идет в Херсон, а другая в Крым, то тут и вручены были повеления полковым начальникам, кому куда следовать. Полкам, назначенным в Крым, велено следовать усиленным походом без отдохновения за Перекопскую линию, которую пройдя, остановиться. Князь Потемкин выбрал туда лучшие полки, а потому и полку С.-Петербургскому назначено было следовать в сие последнее место. У города Кизикерменя изготовлено было великое множество паромов для вторичного нашего чрез Днепр переправления. У сего же города получил я с нарочно присланным из Крылова письма, в числе которых доставлено мне и от родителя моего, он находился еще в Белоруссии и начинал выздоравливать от болезни, ему приключившейся. Из его письма усмотрел я, что я бы гораздо беднее был выслан на службу, ежели бы он приехал, нежели как дядей моим я был отправлен. Горестен мне был та-

ковой отца моего против меня поступок, но после сетования препоручил себя на произвол судьбы и успокоился, а при том надежда, сие благо человечества, питала меня. Перейдя Днепр и Перекопскую линию, которая уже занята была нашими войсками, зимовавшими в Крыму, мы остановились при местечке Новом Базаре, в ожидании о дальнейшем следовании повеления. При сем месте стечение крымских жителей было велико, а удивление их еще больше, видя пред собой толикое число войска, посетившее их землю.

Сей поход был для меня совсем новое зрелище; каждый шаг, мною делаемый вперед, доставлял новые предметы к удивлению. Дороги так сказать были усеяны конными и пехотными полками, множеством артиллерии и повозками, наполненными воинскими и съестными припасами. Неутомимость российского солдата являлась во всем ее блеске, который с началом дня уже на ногах и, изготовив все к походу, является во всей опрятности в строй; окончив оный, ежели не в карауле или табуне, то тотчас обращается к реке, где моет свое белье, которое не успеет высохнуть, как слышит голос его зовущий в строй на учение. Ничего нет приятнее, как пришедши на лагерь, видеть посреди степи в одно мгновение ока раздающиеся парусные палаты, потом занимающихся солдат: один промышляет траву для сварения своей пищи, другой воду носит, иной траву косит. Далее видишь в одном месте кучу сих воинов отдыхающих, в другом месте рассуждают о сделанном в тот день переходе, рассказывают прошедшие против турок походы, под начальством великого Румянцева производимые; иной весельчак вспомнит свои любовные проказы, случившиеся на зимовом пребывании. Все сие меня чрезмерно занимало и усугубляло лишь мою охоту к воинской службе. В сем же походе заметить я мог, что солдату российскому нет ничего невозможного: посреди степи пространной и оком неизмеримой варят свою пищу сырой травой, которая столько же вкусна как будто на лучших угодьях приготовлена; хлеб пекут, к великому моему удивлению, в вырытых ямах, и оный я ел, который вкусен и хорош; одним словом, мне кажется, что сии люди рождены победить свет, только бы умели их водить. Мое утешение было слишком велико видеть себя помещенну в число сих неустрашимых воинов и более ни о чем не помышлял, как заслужить от начальников своих наименование хорошего офицера.

Недолго оставались крымцы в недоумении о нашем в их землю пришествии, ибо князь Потемкин, соединив все войско в Крым пришедшее при городе Карасу-Базаре, повелел великому множеству в одну кучу стекшимся мурзам, мулам и простому народу прочесть манифест, которым, по воле Екатерины II, они присоединяются к России. В сем объявлении не недоставало побудительных причин к таковому России поступку. И так гнездо разбойников, угнетавшее в прошедшие веки Россию, отважностию Монархини и крайнею предосторожностью князя Потемкина, приведено в ничтожество, можно сказать, что князь Потемкин сделал сие приобретение, не вставая из своей софы, на которой он по своей привычке лежа делал все распоряжения, и оное тем славнее, что при сем случае не пролито ни одной капли человеческой крови. Находясь я часто в карауле и на ординарцах у сего вельможи довольно не мог надивиться чудности его, одному ему свойственной и удачной. Во всем он был человек особенный, который свету слишком известен, чтобы я взялся его здесь описывать.

После сего расставлены в разных местах приобретенной земли отряды войск, дабы повсюду можно было противустать туркам, ежели бы они вздумали сделать высадку в сей полуостров, но сего не случилось, ибо турки, коим наиболее следовало за сие вступиться, не будучи приготовлены в войне, а видя российское ополчение повсюду изготовленное к бою, принужденными нашлись на все согласиться. Таковое бездействие на оном месте войск продолжалось до ноября месяца, в которое время определено, которым полкам оставаться в Крыму и которые отпущаются обратно в пределы России. Полк С.-Петербургский был в числе сих последних, которому и назначено зимнее пребывание на старой Днепровской линии, в крепости Алексеевской. Позднее время, а к тому пространная степь никем не обитаемая между Крымом и помянутою линиею, делали полку нашему сей поход и трудным и опасным; в сем походе еще более я привязался любовью к русскому солдату, ибо имел довольно случаев удивляться его твердости: ежели начать с его одежды, то нельзя сказать чтобы она была слишком теплая, бедный плащ защищал его от сильных вьюг и крепкого мороза, но при всей сей невыгоде бодрость его не оставляла. Полку должно было в Шагингирейском Окопе получить провиант, но драгуны просили своего полковника, дабы оный был

роздан мукою, чтобы не заниматься печением хлеба, и они согласились лучше без хлеба быть, довольствуясь приготовлением так называемой саламаты, нежели употребить несколько дней для печения оного, в которое время стужа умножится; и так мы отправились далее, имея степь вместо квартир, а умножающийся ежедневно снег служил солдату, сотворенному крепче всякого камня, вместо пуховика. Однако ж все сие преодолено и мы в половине января 1784 года вошли в свои квартиры.

Что принадлежит собственно до меня, то сей поход будет мне всегда памятен, ибо я изведал в оном по крайнему моему недостатку великую нужду; я не понимаю, как я не потерял своего бедного экипажа, ибо у других достаточных моих сотоварищей пали, имея овес, лошади, а мои питались подснежною травою, но уцелели; видно, судьбе рассудилось меня при моей молодости и начальной службе совсем не опечалить, и оттого я сохранен.

При выходе из Крыма мой карман не вмещал и пяти рублей и я, не упоминая о прихотях, нужного ничего не имел, в столь жестокий холод не из чего было себе сшить теплой одежды и один плащ, сверх моего холодного кафтана, составлял всю мою защиту и под оным-то я испытал свое крепкое сложение и что я в силах сносить; в таком случае свойственно всем северным народам себя подкреплять горячими напитками, но я при всей сказанной нужде не решился себя к оным приучать и таковым во всю мою жизнь пребыл; слабое виноградное вино составляло навсегда единый мой напиток.

Во время же моего в самом Крыму пребывания нужда моя была столь велика, что я, находясь в карауле или в табуне, нередко не имел чего есть и потому садился вокруг солдатского котла и с оными едал их кашу. Солдаты воображали, что я к ним от особливой привязанности сие делал, и тем меня более любили.

Должен я к моему стыду сказать, что сначала краснел сесть между их, по предрассудку в младенчестве вперенному, будто стыдно толикое фамильярство благородного с человеком, которого высокомерие дворян назвало, не знаю по какому праву, народом черным. После, входя в лета, я уже распознал, что мы все люди и рождены равно и что между простыми гораздо

больше благородно мыслящих, нежели между теми, которые себя сим титулом величают.

Сей же поход доставил мне случай заслужить отличную похвалу и благодарность как от полковника, так и от своих сотоварищей. Полк, оставя Шагингирейский Окоп и войдя в глубину степи, в один день переход был сказан 20 верст, но мы идучи от 7-ми часов утра да 10-ти вечера, сим верстам конца не видали и потому начали сомневаться, настоящей ли мы дорогой следовали, ибо проводников в сей пустыне негде было взять, холод был нестерпим, люди и лошади, не подкрепив себя целый день пищей, начали ослабевать, но наконец дошли мы до двух дорог, разделяющихся в разные стороны, из которых по одной казались нам знаки пошедшего прежде нас нашего обоза, а по другой, хотя следов никаких и не было, но вдали видны были два огня. И так полк, не ведая куда итить, остановился у разделения сих дорог, а я вызвался ехать узнать о виденных нами огнях. Два драгуна сопровождали меня и хотя мы доброю рысью ехали, но не так скоро могли достигнуть до сих огней ради чрезмерных сугробов снежных, опасались же мы и того, чтоб огни сии не угасли и тогда бы мы, не имея пред собой сего путеводителя, могли пропасть в сих нам не известных местах. Наконец достигли мы до оных, где я увидел человек десять запорожских казаков, тут в землянке живущих и упражняющихся в рыбной ловле, которые мне сказали, что ежели обоз наш взял другую дорогу, нежели сию, где они живут, то он погибнет в степи, а лучшее средство итить на их землянку и войдя мы в днепровские луга, где лесу довольно и изредка можно достать сена в зимовьях казацких. Возвратясь я к полку о всем сем уведомил своего полковника, который приказал следовать полку к отысканной землянке, где я велел казакам разложить еще больше огонь, чтобы не угасая служил вместо провожатого, а мне повелено было следовать скорее с десятью унтер-офицерами для занятия лагеря; по праву сильного, я выгнал запорожцев из землянки, которую определил полковнику квартирой, а для полку занял лагерь в лесу, котором люди обогрелись, не видавши семь дней дров.

Главная оставалась забота по расположении полку узнать, куда девался обоз, который отыскать я опять вызвался; четыре драгуна и один запорожец были мои провожатые. Мне должно было опять обратиться к тому месту, где мы увидели раз-

двоившуюся дорогу, показавшую нам след нашего обоза; уже гораздо ободнело, когда я оной достиг, и она привела меня в пространный редут, графом Минихом сооруженный во время его походов в Крым, в котором я нашел обоз, в кучу сжавшийся, не ведая куда итить и где полк находится; я оный препроводил к полку. Полковник, за сию мною оказанную услугу всему полку, приказал меня не наряжать ни в караул и ни в какие другие посылки, говоря, что я один раз хорошо потрудился и потому заслуживаю сию отличность. Сие мое по степи крымской гулянье происходило в ночь на 18 ноября.

Глава V

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ НА ЗИМОВОМ ПРЕБЫВАНИИ. 1784 ГОД

Крепость Алексеевская была избрана главной квартирой нашего полка, которая сама по себе ничего не значит, а служила прежде защитой пределам России от набегов крымских татар. Дворянство, живущее в околичности сей крепости, расположено было к веселостям, а полковник наш подал к тому случай, будучи человек, привыкший жить в свое удовольствие, и потому, имея огромную и хорошо выученную музыку, танцы нередко бывали во всю зиму, а к тому театр полковой, который был очень не худ, придавал немало случаев к утехам. С приходу полка в свои квартиры я был оставлен в штабе для исправления адъютантской должности. Сверх моей должности остальное время я провождал записыванием всего того, что находил любопытства достойным по службе и в разговорах; в сем случае имел я предметом то, чтобы изострить себя хотя немного к писанию российского языка, ибо до сего я не мог порядочно ничего написать, а притом отделял частицу денег из бедного своего жалованья на покупку книг и начал составлять библиотеку. Таковой мой поступок доставил мне сверх пользы собственной еще и ту, что в полку взирали мои сотоварищи на меня с некоторым уважением; на все и офицерские пиршества я был приглашаем, от чего никогда не отказывался, дабы не заслужить их негодования и не подать им о себе мыслить, что я ими пренебрегаю, но никогда не знакомился ни с карточной игрой, ни с бутыльной и из сего я приобретал

пользу для будущего своего поведения, ибо бывал свидетелем ссор и других неприятностей, как сие нередко случается между людьми, у которых винные пары отнимают рассудок; возвращаясь я домой не ложился до тех пор, пока все таковое происшествие и следствие оного не положу на бумагу, и затвердив оные в своей голове; вышла польза та, что я во всю мою службу не был никогда замешан ни в какую неблагопристойную историю.

Молодому воину свойственно, на квартирах отдыхая, подумать и о любви: из немалого числа дам и девиц, посещавших моего полковника, наиболее мне нравилась г-жа Колокольцова, жившая тогда у г-на Исленьева под именем племянницы, и должно сказать, что я замечал из ее со мной обращения, что и я ей не противен был. Сия госпожа, о которой я не имел еще случая говорить, есть богатого, в городе Пензе живущего полковника Колокольцова жена; г-н Исленьев, находясь с полком в сем городе и заметя обхождение ее мужа с ней, не соответственное доброму в доме согласию, и пленен будучи ею, умел втереться к ней в любовь. Сия взаимная склонность была скрыта во все время пребывания в Пензе полку, но когда оный долженствовал выступить в другое место, тогда г-жа Колокольцова доведена была г-м Исленьевым до того, что она дала слово за ним следовать. Сей приехал в один день обедать к г-ну Колокольцову, в то время находившемуся в одной из своих деревень; и без всех околичностей объявил ему, что он намерен взять с собой его жену; г-жа Колокольцова подтвердила своим согласием таковое его объявление.

Должно себе представить положение в сии минуты такого мужа, у которого гость жену похищает! — От удивления он пришел в себя только тогда, когда увидел ее готовую сесть в карету г-на Исленьева, взяв при том с собой маленькую свою дочь, закричал: людей! — дабы удержать таковой наглый увоз своей жены, но в сие время показался в его деревне эскадрон драгун, будто мимо идущий, а на самом деле ему назначен был час, когда появиться, дабы подкрепить сие предприятие.

Мужики, увидев войско, опустили свои дубины и сделали дорогу г-ну Исленьеву следовать с его добычею. Г-н Колокольцов, по выходе уже полку из Пензы, начал помышлять о возврате своей жены и потому отправился в Петербург, где подал просьбу, старался, кланялся, издерживал деньги, но сторона г-

на Исленьева превозмогла; г-жа Колокольцова объявлена племянницей г-на Исленьева и от несносностей, ее мужем ей причиняемых, позволено ей жить где пожелает, и потому она избрала быть у своего мнимого дяди. Сим кончилось такого странного рода дело решением еще страннее.

Надобно в сем случае знать то, что госпожа Колокольцова оставила в то время при своем муже несколько детей, а г-н Исленьев ради ее в Москве бросил свою жену также с детьми. Г-н Исленьев, держась того, что она ему племянница, наблюдал ту благопристойность, что всегда приготовлял ей особливый дом, в котором она под именем племянницы днем находилась, куда и съезды для обедов и балов всегда делались. Впрочем, госпожа Колокольцова была прелюбезного свойства женщина: умна, ловка, весела, вежлива до самого нельзя; одним словом, с первого раза всякого к себе привязывала; доказательством сего служит то, что она, будучи в таком состоянии, на которое не всякий равнодушно взирает, везде не токмо принята, но и почтена во всех лучших беседах была.

Таким образом балы и театры занимали нас попеременно, а ласка, мне оказываемая госпожою Колокольцевою, всякий день возрастала, и наконец должность моя, требующая быть всегда у полковника, а к тому удовольствие, ею оказываемое видеть меня чаще возле себя, сделали, что я уже в доме почитался как некий ближний родственник. Госпожа Колокольцова ясно могла видеть, сколько я ее люблю, но всегда убегала случаев, дабы я ей не изъяснился в моей страсти, которую, однако ж, поддерживала надеждой, оказывая мне желание видеть меня везде с собой: в танцах я был всегда ее кавалер, в театре и из оного никто не имел ее руки кроме меня. Таковое обращение женщины ее достоинств с человеком моих лет не могло иначе мною растолковано быть, как что я ею любим, однако ж предстал один случай, подавший повод к начальному нашему объяснению.

Сидел я во время одного бала довольно задумчивым, ибо действительно во мне нечто странное происходило, и я чем более разбирал свое положение, тем более находил госпожу Колокольцову любви достойною. Она, сев возле меня, сказала: «Нельзя ли знать причину такой перемены в мущине, которого свойство было всегда затевать веселости?» — Я ей отвечал, что сию странную перемену произвела во мне она, а каким образом истолкования бы были излишни, говоря с

женщиною, имеющею проницательность обширную. На сие она сказала: «Вы думаете о таком деле, которым можно меня погубить» — и потом отошла от меня прочь.

В таких моих обстоятельствах получено в полк повеление об отправлении меня в Грузию, где мне и состоять под начальством тамошнего резидента полковника Бурнашева. Всякий легко себе представлял, что я сего не исполню, будучи очень доволен своим в полку положением: служба моя шла хорошо, любим начальниками, любим сотоварищами и наконец любим наипрекраснейшей женщиной, которой я столько был занят, что с душевным соболезнованием помышлял о моей с нею разлуке. Полковник меня уговаривал остаться в полку и обещал сие переделать, ежели мое на то желание объявлю.

И положено о сем просить князя Потемкина, которого в то время ожидали в Кременчуге, а притом будучи я написан поручиком в повелении, присланном обо мне в полк, то просить о сем полку подтверждения, не будучи оному известно, почему меня сим чином полагают, ежели же сие произошло от ошибки, то г-н Исленьев обещал меня представить в полковые квартермистры, а до того времени начальству донесено, что я по болезни не могу быть отправлен в повеленное место. Итак до исполнения сего оставался я между страхом и надеждой.

Госпожа Колокольцова наговорила мне тысячу обязательных слов, дабы удержать при себе, и в день получения сего обо мне повеления довольно она открыла тайну своего сердца. Слезы, на ее глазах появляющиеся, изъяснили и чувства ее души.

Спустя несколько дней после сего полковник мой уехал в Харьков по некоторым надобностям. Весна только начиналась, и апрель месяц своею приятною погодою доставил случай к частым прогулкам в близ лежащие около крепости Алексеевской рощи, при которых я неотлучно находился с г-жою Колокольцевою. Госпожа Колокольцова уже выдержала несколько раз от меня мои объяснения в моей страсти и принужденною нашлась мне признаться, что я ею не меньше любим. В один день возвратившись мы с прогулки положили остальные вечера проводить в саду, что и произошло гораздо за полночь, и в сие время в одном для меня счастливом кустике доставила мне сия любезная женщина проводить приятнейшие в ее объятиях минуты; намерения ее не было пуститься на последнюю слабость до того дни, пока не узнает, останусь ли я в полку, но

минута предстала, в которую мое торжество было определено. Да и какая бы женщина могла за себя поручиться, находясь ночью наедине с мужчиною, ею любимым и которому пылкость страсти придавала великую смелость.

Г-н Исленьев, возвратясь из Харькова и получив известие, что князь Потемкин уже в Кременчуге, и потому взяв меня с собой, отправился в сей город, в котором мы остановились на одной квартире с дежурным Его Светлости генерал-майором Салтыковым, который моему полковнику был хороший приятель. Г-н Исленьев, представив меня ему, объяснил все со мной случившееся в рассуждении моей грузинской поездки и потому просил, дабы и он приложил старание о оставлении меня по-прежнему в его полку, что он и обещал; и так я наверно полагал свои желания выполненными, но недолго сия моя мечта продолжалась: в вечеру был приглашен на бал к губернатору г-ну Тутолмину мой полковник, куда и я с ним последовал. Город был наполнен съехавшимся для приезду Его Светлости дворянством со всех мест, и потому и на балу собрание было велико, танцы были в разных комнатах; я, проходя оные, рассматривал танцующих, как в одной из оных заметил я многих из моих родных, в том числе моего отца и дядю моего Хорвата, которые, казалось, удивились, увидев меня там. Отец мой, который всегда со мной обходясь ласку оставлял за порогом, сшиб меня почти с ног, сказав: зачем я туда приехал и что он полагал меня давно в Грузии. Я ему объяснил в коротких словах все мое положение, чем он был недоволен, ибо это его было старание о моем на Кавказ отправлении, писав о том г-ну Бурнашеву, который меня у вышнего начальства требовал; по мнению моего отца, я там долженствовал обрести свое счастье, и сия мысль родилась от следующей причины. Семейство г-на Бурнашева, отправившись в Грузию, имело своим провожатым отставного прапорщика Якшича, труды которого резидент, будучи очень человек расчетистый, не ведал как наградить наидешевейшим для своего кармана образом, и потому изобрел средство просить царя Ираклия о произведении его в грузинские подполковники. Лист пергаменту на сей химерический чин ничего царю не стоил, а Бурнашев, полагая сие наградой, отделался от Якшича. Сей по простоте своей искал быть приняту тем же чином в службу российскую, чему все смеялись, но отцом моим сие уважено и толковано было совсем иначе, и сей

лист, напечатанный у подошвы Кавказа, произвел странное впечатление над мыслью старого Пишчевича у берегов Днепра; он был человек, крайне занимающийся всякого рода дипломами, и потому я должен был ехать в Грузию будучи поручик не менее как за фельдмаршальским достоинством георгиевских толпищ.

Полковник мой и г-н Салтыков, не желая ничего начинать о уничтожении моей в Грузию поездки, не поговорив о том прежде с моим отцом, дабы я в сем случае не понес его на себе гневу, и потому на другой день были у его и старались его уговорить, дабы он отменил положенное мое отправление; г-н Исленьев при сем случае отдавал всю справедливость доброму моему поведению и прилежанию к службе. Все сие было тщетно, ибо определено мне непременно видеть Грузию и чем скорее, тем лучше. Когда я явился пред моего отца, то должен был выдержать строгий выговор в словах не совсем умеренных от него за мое неписание к нему, ибо я, полагая его в Белоруссии, туда к нему по прибытии полку на зимовые квартиры и писал, а к дяде отправил нарочного из крепости Алексеевской, которого уведомлял о успехе моей службы и о скудости моего кармана, но отец мой в сие время уже находился в Крылове, чего мне ведать было нельзя, не имея от него вовсе писем. Дядя мне объявил, что в тот день положено было меня высечь за сие неписание, но похвала мне, г-м Исленьевым приписанная, немало споспешествовала меня от такового наказания избавить.

В сей же мой приезд в Кременчуге немало меня опечалило известие о смерти друга моего г-на Келюса, в котором я потерял человека, истинно мне приверженного. Сей и другие в жизни моей случаи, в которые смерть похищала у меня добрых приятелей, подали нередко случай после скорби размышлять, что чувствительному человеку не должно бы никогда обязывать себя ни дружеством, ни счастливой женитьбой, ни достойными детьми, ибо когда привесть себе на мысль, что мы смертны и то страшное рока нашего предопределение, которое исполниться неминуемо с вами должно, и нас навсегда отделит от столь чувствительному сердцу милых предметов, то и выходит — дабы в сей кратковременной жизни не испытывать душевных сетований, должно бы жить без всего вышесказанного.

Отец мой, чтобы скорее отделаться от меня, наградил меня ста рублями на дорогу и велел ехать в назначенное мне место, причем напоминал мне, что пора жить своими деньгами, которых я не ведал откуда взять, и чтобы я не надеялся на его помощь, что весьма справедливо! — жизнь и воспитание я от, него получил, а о прочем должен пещися сам! — после сего без дальних сетований отправился он в свою деревню, а меня оставил в Кременчуге. На просьбу же мою выправиться у князя Потемкина о моем поручистве, мне только известном по повелению присланному в полк, он отвечал, что он осведомлялся и может меня уверить, что я точно произведен Его Светлостию в сей чин.

Несколько дней спустя полковник мой отправился обратно в крепость Алексеевскую для отведения полку в Псковское наместничество, я с ним же поехал и, несмотря на предписанные мне моим отцом правила бережливости, оставил я Кременчуг, имея в кармане только около двадцати рублей, а остальные потребил на обмундирование себя новым образцом, данным драгунским полкам, и сими деньгами должен я доехать до места пребывания г-на Бурнашева, сумма ни мало несоразмерная пространной дороге, мне тогда предлежавшей.

Госпожу Колокольцову застал я в крайнем беспокойстве, ожидающую, что я привез о себе, а узнавши мою участь, сожаление ее было велико, но переменить уже сего мы были не в силах. Мое положение всякий себе легко представить может, тот, кто ведает, сколь сильно действует в молодом сердце в первый раз воспалившаяся страсть. Сию любви достойную женщину я тем более буду помнить, что она, чувствуя истинную ко мне дружбу, наделила меня такими советами, которые кроме добра мне ничего не предначертывали.

Полк, отправившись в свой путь, оставил меня одного в немалых размышлениях: с одной стороны, любовь занимала душу мою, с другой — неимущество мое преисполняло мысль мою, и все сие соединя вместе, делало во мне чудное впечатление, которое в некоторые минуты доводило меня почти до отчаяния.

Глава VI

ОТЪЕЗД МОЙ НА КАВКАЗСКУЮ ЛИНИЮ. ПРОИСШЕСТВИЯ, СО МНОЙ НА ОНОЙ СЛУЧИВШИЕСЯ. ЕЗДА МОЯ В ГРУЗИЮ. 1784 ГОД

В сем моем положении сколько сетование мне не было свойственно, но ехать надлежало. За неимением прогонных денег решился я пуститься в путь на своих лошадях, которое шествие продолжал таким порядком: впереди я верхом открывал путь, за мной мой слуга на другой верховой лошади, за ним следовала повозка, тремя лошадьми влекомая, которую погонял другой мой слуга, в повозке кот крымской, долженствовавший также видеть Грузию, Бурнашева, Кавказ, Ираклия и проч. Таким образом следовал сын богатого отца для приобретения неведомо чего и неведомо где. Пока сказанные выше двадцать рублей отягощали мой карман, то я не находил надобности ничего продавать, но наконец сия сумма из моего кошелька исчезла, и так, прибыв в крепость Святого Димитрия Ростовского, увидел себя без гроша и потому принужденным нашелся отделаться от своих верховых лошадей. В сем месте выискался добрый купец, который, видя мою неопытность и догадываясь денежную мою нужду и потому представляя все пороки моим лошадям, как будто из милости причислил их в свою конюшню, отсчитав мне за оных сорок рублей, которые по меньшей мере ста пятидесяти стоили. Я вышел из дому сего честного торгаша, делая ему великие поклоны за то, что им был обманут и научен впредь осторожности, а он показывал вид человека, одолжившего меня, заплатив столько денег, по его словам, ни за что.

Таким образом, не имея уже на чем наездничать, поместился я с своим котом в повозку и, искупив все нужное для себя и людей своих для дороги, оставил крепость Ростовскую. Переехав реку Дон, вошел я в пространную степь, разделяющую владения донских казаков с Кавказскою областью. К скуке, мною и без того терпимой, предстал и путь, сугубо оную умножавший; пустыня, оком несоразмеримая, не представляла так сказать ни одного предмета, которым бы человек в горести мог оживиться; все было мертво и уныло на сей даже и безводной степи, ибо хотя и есть кое-где ручейки, но и те редко имеют пресную воду, а большею частью или солона, или горька. Ко

всему этому нередко черкесы закубанские посещают сию дорогу и убивают или в полон забирают проезжающих; одним словом, я уже почитал себя умершим, видя столь неблагоприятное начало моего заточения. Были, однако ж, в немалом одна от другой расстоянии так называемые почтовые станции, где пребывание имели и несколько казаков для сопутствования отправляемых курьеров ко двору с Кавказа; я всегда наблюдал ту осторожность, чтобы располагать свои ночлеги при сих станциях, но в один день опоздав не мог сего сделать и потому остановился ночевать посреди степи, при одном случившемся болотистом ручейке. Поутру проснувшись, увидел, что мои лошади, сорвавшись с арканов, на которых из предосторожности они всегда держаны были, ушли неведомо куда; долго люди мои и я тщетно их искали и, наконец уставши от сей по степи ходьбы, возвратились к повозке. Таким неожидаемым случаем оставался я в странном положении в сей пустыне, лишенный способа продолжать свой путь. Размышления мне ничего не помогали, а лишь умножали мою горесть.

В таком положении проводил я большую часть дня, но наконец увидел прибывшего к тому же ручейку донского офицера верхом с пятью казаками, которые, как они говорили, расположены были тут отдохнуть. Я прибегнул к сему начальнику и, изъясня ему свое приключение, молил его подать мне руку помощи в сем случае. Сей бородатый офицер, пошептав с своими подчиненными несколько слов, отрядил двух из их в степь искать, как он говорил, мою потерю, я вне себя был от радости, видя в донце столь похвальный поступок: дать помощь в такой крайности молодому и ему вовсе незнакомому человеку — это было нечто более, нежели великодушие. Перед вечером я увидел своих лошадей, приведенных, но когда я хотел их взять, то сей козачий начальник мне объявил, что не иначе мне оные отдадутся, как с заплатой 25-ти рублей; я изумился при толь гнусной подлости, но наконец поторговавшись, принужденным нашелся на 15-ти рублях примириться и таким образом выкупил я свою потерю из козачьего полону и ту же минуту, невзирая на наступившую ночь, пустился в путь, дабы сии лошадиные сыщики еще вторично от меня не потребовали денег или, лучше сказать — не украли бы их, ибо они верно ночью уже возле повозки моей были и видя нас всех спящих — их взяли; но лошади будучи незавидные и потому решились отдать.

Может быть, я в сем случае ошибаюсь, но на счет подлеца позволительно иногда и согрешить.

Крепость Ставропольская было первое место на пути моем мне представившееся после разлуки моей с г-жою Колокольцевою, где мои рассеянные мысли немного пособрались. Крепость сия лежит на горе, а вокруг оной изрядное местоположение представляет совсем другие предметы зрению, нежели скучная пустыня, мне от берегов донских предлежавшая. Подполковник Алексей Андреевич Беклешов и несколько домов с их семействами, меня обласкавшие, подали мне на первый случай совсем другое понятие о линии Кавказской, нежели какое я до того о оной имел. Я тут увидел, что можно и в сей стране время делить приятно и, употребив четыре дня для своего в оной отдохновения, пустился далее. Во время моего в сем месте пребывания проехали чрез Ставропольскую крепость два сына царя Грузинского, следовавшие в Петербург; один из них был духовного сана, а другой принят в российскую службу полковником. После сего посудить всякий может, прав ли г-н Якшич, требуя быть подполковником такой службы, в которую сын Ираклия, заключившего дружественный союз с монархиней России, едва принят полковником; то и другое равно забавно. Оба царевича чрез переводчика со мной говорили и узнавши, что я еду в их отчизну, выхваляли оную сколько можно больше. Сии Георгиянские высочества и правы, будучи люди, не видавшие ничего лучшего.

Георгиевская крепость было то место, где я увидел генерал-поручика Потемкина, к которому явясь довольно им был ласково принят, судя по его врожденной надменности и занимаемому им месту в таком краю, на который вся Европа тогда взирала по затеям, какие Россия у подошвы Кавказа производила. Местоположение сей крепости есть нарочито хорошо, имея в виду все горы Кавказские; впрочем, она сама по себе была бы скучна, ежели бы тут главная квартира не имела своего пребывания, а к тому при оной расположен был пространный лагерь, отчего людство было велико. Сия крепость украшалась также немалым числом прекрасного пола, между которыми жена генерал-майора Пеутлинга отличалась красотой, умом и бойкостью. Г-н Потемкин жил довольно весело, всякую неделю давал балы, чему другие генералы и полковники следовали, и потому в сем месте нередко молодежь танцами

занималась. Г-н Потемкин будучи великий волокита, и потому случалось и то, что сей повелитель привозил к себе на бал со всей линии дам и в таком случае расставливались лошади, которые доставляли так сказать на крылах сих красот в главную квартиру, где предавались веселью, танцам и проч.

На другой день моего в сию крепость приезда г-н Потемкин мне объявил, что я останусь при нем и не поеду в Грузию. Г-н Бурнашев, находясь под его повелением, и потому не мог в сем случае ничего переделать, а я полагал, что г-н Потемкин сие делал ради того, чтобы при удобном случае выполнить великолепные посулы, мне им в Петербурге обещанные.

Должность моя была невелика и состояла в том, чтобы быть всякий день налицо пред своим начальником по нескольку часов; впрочем, я делал свои посещения другим и обознакомившись был всеми любим. Время на своей квартире проходило у меня в чтении, ради чего библиотека г-на Потемкина мне была открыта, познакомившись я с хранителем его книг. Сверх сего я занимался собранием всего любопытного, до Кавказа и оного жителей касающегося, записывая притом и военные происшествия той страны я все сие не только служило мне препровождением времени, но делало и пользу ту, что я продолжал привыкать сообщать бумаге свои мысли. Тот день, в который почта приходила в Георгиевскую крепость, был для меня также немало полезен, ибо г-н Потемкин неоспоримо был один из умнейших в России людей, и, любопытствуя ведать, что в свете делается, держал ведомости разные, и когда оные приходили, то собиралась беседа отборных людей к толкованию политических происшествий: полковник Герман, подполковник Тамара, доктор Ренекс и еще несколько человек составляли сей круг — люди все такие, которые почти выросли ездивши по чужим землям. Г-н Потемкин всегда читал вслух оные и на каждом пункте, исследования достойном, останавливаясь, делались рассуждения о положении той земли, силе, образе правления, способностях государя, оною управляющего, и сие заводило иногда в историю прошедших времен и к догадкам будущих случаев. Я никогда не пропускал случаев быть при оных, и могла ли быть мне лучшая школа для моего научения? Сверх всего г-н Потемкин имел дар писать и говорить красноречиво. Г-н Потемкин посылал меня иногда курьером в разные места Кавказской линии, чрез что он испытывал мою расторопность,

а я обозревал места и знакомство заводил еще больше со всеми на оной живущими. Одна из таковых посылок едва мне жизни не стоила: съезжая с довольно крутой горы, козак, правивший лошадьми, полагал за лучшее когда он их сведет в руках, но лошади испужавшись начали бить, под которых козак и попал; я один оставался на телеге и меня лошади тащили под гору во всю мочь. Я видя, что, спустясь вниз, должно будет проехать чрез довольно узкий невысокий мост, соединяющий две горы, и потому решился спрыгнуть с телеги и от сего на землю падения лишился чувств. Козак, взяв меня на свои руки, отнес к тут случившемуся ручейку и, обливая водою, едва привел меня в себя, но как я после доехал до крепости Георгиевской, того ничего не помнил. Вся правая сторона моего тела, на которую я упал, была в опухоли, что и не мудрено, ибо удар был жесток и тем опаснее, что земля от бездождия затвердела как камень. Старанием доктора Раппе Егора Ивановича, который, сверх его искусства, есть и предобрейший человек, сделавшийся мне хорошим приятелем, я был в скором времени опять поставлен на ноги. Сие выздоровление тем более меня обрадовало, что г-н Потемкин около того времени получил повеление князя Потемкина о следовании ему в Грузию, для переговоров с царем Ираклием о делах политических, касающихся до того, чтобы в случае войны России с Портою, каким наиудобнейшим бы образом можно было турок от той стороны посетить в Анатолии. В сию поездку я был назначен, которую я охотно делал, дабы узреть Кавказ поближе и ознакомиться с Грузией, землей толико славящейся красотой своих женщин. Карман мой был также не пуст; я, прибыв в Георгиевскую крепость, продал своих лошадей и повозку, а к сему получил за треть жалованье и все сие вместе составляло рублей около двухсот, сумма хотя и несоразмерная достатку моего отца, но когда я себя ставил в счет бедных офицеров, живущих одним жалованьем, то мой капиталец что-нибудь значил. Г-н Потемкин отправил меня в разные отряды войск, за рекою Тереком расположенные, которых часть назначалась для его в Грузию препровождения, что выполня велено мне было ожидать его в крепости Владикавказе, лежащей у самой подошвы гор. Быстрый Терек я переехал кое-как у города Моздока, ибо ветер был силен, паромы неисправны, а кормчие и того меньше.

Первый отряд, мне на пути представившийся, был у редута

Григорий-Полисса; тут я увидел полковников Пиерия Николая Юрьевича и Белича Ефима Ивановича, первый грек, а последний сербин, следственно, мой земляк. Г-н Пиерий для приезда г-на Потемкина изготовлял свой полк Астраханский пехотный к смотру и потому учил его всякий день. Сего полковника в его воинских оборотах я заметил, что греческие фаланги было то, что его наиболее занимало; мысль его была из россиян сделать греков, да и сам стремился итить по пути Александровом; как бы то ни было, но полк был хорош и в стрельбе замечалось великое искусство. Г-н Пиерий меня очень полюбил и во время обеда желал непременно, чтобы в моих жилах была хотя частица греческой крови, выводя сие из того, что моя матерь была хорватовой фамилии, которая происходит из Греции. Я, дабы угодить Пиерию и Беличу, разделил себя пополам, чем они и остались довольны.

Путь за Тереком не безопасен; чеченцы, народ необузданный, живущий тут в соседстве, делали разбои над проезжающими, и потому два моих земляка дали для моей безопасности 20 уральских козаков, которые меня и препроводили до Владикавказа, где я нашел коменданта, предобрейшего человека, подполковника Матцена Карла Ивановича; тут же находился с егерским батальоном подполковник принц Гессен-Рейнсфельдский, который меня столь много полюбил, что пригласил жить с собою в его палатку. Сей принц, которому тогда было не более 25-ти лет, был с добрым воспитанием и много ездивший по чужим краям, имел сведение обо всем великое; разговоры его были для меня полезны и наставительны.

В первых числах сентября г-н Потемкин вместе с генерал-майором Александром Николаевичем Самойловым, племянником князя Потемкина, и немалою свитою прибыл в Владикавказ, будучи извещен чрез г-на Бурнашева, что царь Ираклий собирался оставить свою столицу и на половине дороги встретить гостей, к нему едущих. По сему известию г-н Потемкин отправил меня в город Тифлис; письмо, мною царю доставленное, содержало просьбу, дабы он его избавил от лишних почестей. Я, получа десять козаков для моего конвоя, пустился в путь и не замедлил достигнуть до пропастей кавказских, ужас не привыкшему к оным человеку наводящих. Тут встретятся в одном месте горы, на которые поднимаясь казалось конца не предвидится, потом едва вершины оных достигнешь,

должно паки спущаться в стремнины несоразмерной глубины, в другом месте можно видеть дорогу, которую едва тропинкой назвать можно, проложенную по косогору или в полугоре, на которой висят каменья чрезмерной величины и грозящие, так сказать, ежеминутным падением. Ударение быстротекущего Терека о каменья один стук ушам делает, а снег с гор скатывающийся с ужасным треском другой ужас наводит. В добавок к сему проезд в сем ужасном месте от живущих тут разных горских народов, нельзя сказать, чтоб был безопасен, которые не будучи никому подвластны и имея один образ человеков, а впрочем совершенные дикари, полагающие почти долгом себе подобного ограбить и даже убить. Жилища их или скудные хижины, или в камнях выдолбленные ямы.

Козачий конвой меня проводил только до деревни Ларсы, принадлежащей осетинскому князю Ахмету. Сия деревня лежит на мысу вышедшей высокой горы, на которую надобно вскарабкаться с трудом, чтоб, войдя на оную, увидеть несколько выдолбленных в камнях ям, составляющих все строение деревни Ларсы. Я имел от генерал-поручика Потемкина открытый лист, на котором написано было: «Объявитель сего, войск Ее Императорского Величества поручик Пишчевич, отправленный мною к его высочеству, царю Ираклию, которому всем в Кавказе обитающим князьям и узденям повелеваю чинить всевозможную в проезде помощь». Таковой высокопарный вид казался генерал-поручику Потемкину достаточным для моего проезда, и потому он на прогоны не дал мне ни копейки. На другой стороне сего листа написан был смысл сей бумаги на турецком языке.

Я, оставя мой конвой у подошвы горы с одним козаком, пошел к князю Ахмету. Его сиятельство я нашел сидящим у огня, разложенного посреди его норы, ноги поджавши. На одной стороне лежало ружье, а на другой сабля, по жилищу разбросана там и сям солома и несколько ковров. Сам же он занимался обстругивая своим острым ножом как бритва маленькие палочки, которые видно нарочито для препровождения времени ему приготовлены были, и сии потом стружки бросал в огонь. Двое из его рабов, стоя за спиной, ожидали его приказаний, из которых один говорил немного по-русски. Надобно знать, что сей Ахмет за что-то был в неудовольствии на генерал-поручика Потемкина, и, прочитав грозное повеление, по-

велитель Кавказа с сердцем начал говорить тому из своих прислужников, который разумел по-русски, и при сем разговоре указывал на небо и свою саблю.

Слуга, выслушав своего господина, начал мне объяснять его слова, из которых я понял следующее: «Скажи этому офицеру (то есть мне), что так как он вошел ко мне с видом доброго расположения, а не наглостью, с какою некоторые из между их делают, то ему в угодность я дам лошадь и проводника до деревни Степанц-Минде, за безопасность в дороге отвечаю я, для того, что мой будет проводник; впрочем, вот мой бог (указывая на небо), а это мой государь (указывая на саблю), я никаких Потемкиных знать не хочу; я князь и никого не боюсь».

После сего я вышел из норы сиятельного владыки и, возвратясь к своим козакам, увидел скоро приведенную мне лошадь и пешего провожатого. Отправив козаков обратно в Владикавказ, пустился далее на сей нового рода почте и увидел, что горского князя гордость в силах переменить русскую пословицу: «Пеший конному не товарищ». — Следуя я за моим провожатым, имел много кое о чем подумать; с одной стороны, предстояли ужасы природы моим глазам, с другой, мое положение посреди сих пропастей с одним человеком, которого не разумел, ведущим меня Бог ведает куда-либо я и наслышался, что чрез Кавказ дорога проложена, а мне везде предлежали тропинки; следственно я мог думать, что мой провожатый ведет меня куда-либо на гибель, а не по настоящей дороге; притом из-за всякого камня я мог быть убит, я после узнал, что присутствие человека их земли предохраняет всякого иноземца от беды. И так мой сопутник, кроме того, что меня провожал, но был и мой Egide. — Далее, я удивлялся гордости нищего князя, презирающего повеление столь значащего в сем краю начальника, который почти вслед за мной шел, и приписывал это чувствам независимости. Но когда представлялось мне положение сего владыки, то я находил, что он точно мог безбоязненно braver пышного начальника. Что бы ему сделал Потемкин со всею силою у Кавказа стоящею, ежели бы пошел против его: Ахмет, навьючив нищенское свое имущество на своих скотов, пошел бы далее в пропасти и, нашед новые норы, поселился бы. Такому подвижному имению никакая сила не страшна. Сии размышления довели меня до деревни Степанц-Минде пред вечером.

Прибыв я в деревню Степанц-Минде, принадлежащую грузинскому князю Казибеку, с которым я уже был знаком в Георгиевской крепости, я был им приглашен в его дом или лучше сказать в его землянку. Здесь прислал меня к себе звать грузинский министр иностранных дел, князь Бегдабегов, высланный царем Ираклием навстречу г-ну Потемкину. Явясь я к нему, увидел себя пред почтенными сединами украшенным старцем, которым я был принят со всевозможною вежливостью, и он долго со мной чрез переводчика разговаривал; я у него ужинал со многими еще грузинскими князьями и дворянами, при чем чихирь или грузинское вино вдоволь разливалось. Я располагал в тот же вечер ехать далее, но мне сказали, что в сих местах ночью никто не ездит, будучи проезд крайне опасен. На другой день князь Бегдабегов прислал мне на дорогу разных фруктов, за какую ласку я пошел его благодарить; он мне сказал, что в сих местах почт не имеется, то посему и дана мне обывательская лошадь, и притом он меня препоручил трем грузинским князьям, при которых было несколько служителей, едущих, как они говорили, в Тифлис, которым было приказано наблюдение, дабы я в дороге не имел ни в чем недостатка. После сего я оставил Степанц-Минде и пустился в путь.

Дорога от Степанц-Минде покрыта была глубоким снегом, пред тем шедшим, и холод был довольно чувствителен. Нельзя мне здесь не упомянуть подлость моих попутчиков: уже мы отъехали от места нашего ночлега довольное расстояние, как догнали стадо овец, из одной деревни грузинской выгнанное, долженствовавшее идти на вершины гор для сыску себе корму; дорога была столь узка, что едва в одну лошадь можно было ехать, а в сторону глубина снега препятствовала своротить. Князья закричали (сколько я мог разуметь) на пастуха, позади стада шедшего, чтоб проворнее дал дорогу, ибо российский офицер едет. Имя россиянина грузину есть не бесстрашно, и потому сей бедняк бросился вперед стада, чтобы скорее оное в гору своротить, а между тем один из грузинских сиятельств подхватил овцу весьма искусно и положил ее поперек пред собой, прикрыв оную своею буркой, которою они себя от непогоды защищают, и тотчас все трое оглянулись на меня, позади их едущего. Я показал вид, что подлости их не заметил. Продолжая мы свой путь далее, бедной овце наскучило такое дол-

гое под буркою заточение и потому начала понемногу голос подавать. Князьям же, по-видимому, не хотелось, чтоб я оный слышал и потому начали, с своей стороны, во все горло петь; песни сии были сколь странного, столь и противного голоса, что меня внутренне забавляло, видя сию тройку невежд, из таковой безделицы раздирающих свое горло. Наконец подъехали мы к другому стаду, и они, пустив овцу в оное, начали с пастухом говорить, по-видимому, продавали оную, ибо сей дал им две абазы, что делает наших денег 60 копеек; таковая родилась прибыль от их воровства, но я рад был, что избавился концерту, в котором овца своим голосом первенствовала.

После сего происшествия приехали мы в деревню Кобий, которая построена под навесом каменной горы, вышиною сажен в 50, жители сей деревни не хотели переменить мою лошадь, но князья-воры оную насильно отняли. От сей деревни проехав версты три, начинаются снеговые горы, на которых холод был чрезмерен, проехав оные, спустился я при деревне Кумлисцихе и явился после стужи в совершенное лето: таковая скоропостижная перемена климата представляла некую очаровательность и занимала душу удовольствием, какое мы чувствуем при наступлении весны после неприятностей зимних. Дорога была наиприятнейшая и, так сказать, усыпана небольшими рощами, наполненными фруктовыми деревьями, с коих плоды остаются несобираемыми за неимением довольного числа рук. От подошвы снеговых гор верст на 30 лежат по обе стороны дороги в полугоре небольшие, но частые так называемые деревни Тиулеты, до конца которых мы в тот день при наступлении вечера достигли, и расположились ночевать у одного грузинского мужика, на хозяйство и дом которого без жалости взирать было не можно; подобной нищеты у поселянина мне ни пред тем, ни после того не случалось нигде видеть. От трудов желал я подкрепить себя пищей, и как судя, по хозяйской неопрятности, боялся я чего другого потребовать, то и просил молока, изъяснясь своим попутчикам разными знаками, но я напал на людей, ведающих мастерство овец красть, а не толковать мои пантомимы. Наконец в вечеру я увидел пришедшую с поля хозяйскую корову и, взяв одного из моих спутников за руку, привел к оной и растолковал ему, что мне надобно молока, причем князь показался забавным, смеялся во все горло и объявил хозяйке мою надобность. Здесь имел я

случай видеть наблюдаемую грузинами чистоту: молоко от не совсем чистой посуды несколько сделалось засоренным, хозяйка, по-видимому, захотела прислужиться *русси афицерия* и потому начала оное процеживать сквозь подол своей рубашки; действие и самой чистоплотной женщине довольно годное, но каково было должно быть в сем случае сие, ибо георгиянской сей хрычовки оный был не без всячины. Увидев я приготовление сего мне угощения отказался от молока, хозяйка о сем донесла князьям, которые, посмеявшись довольно, в моих глазах молоко выпили, за которое, однако ж, из моего кармана заплата учинена. Когда время настало ужинать, то сел хозяин с своею семьею и мои три попутчика на земле в кружок, а я отказался, боясь дабы и тут не наблюдалось подобной чистоты, как при доении коров. Пред каждым поставлены были небольшие чашки, наполненные вареными бобами, в кои налили орехового масла и положили также всякому хлеб, наподобие лепешек сделанный. Служители моих спутников сидели поодаль от своих господ и глотали то, чего их вельможи недоедали. Наконец посетили хозяина поп и человек с восемь мужиков, всякой из них принес свои бобы с лепешками и сим умножили стол хозяйской, сев также в круг. Сколько я мог заметить, то я был первым предметом их разговора, потом глядя мне все в глаза смеялись, я думаю, что эта радость происходила на счет молока, ибо хозяйка своими рассказами увеселяла беседу. Положение мое в тот день легко сравнить можно с тем, когда человек находится в плену таких людей, коих он языка не разумеет.

На другой после сего день проснувшись, я поутру увидел первое то, что мои попутчики меня оставили в незнакомом мне месте и притом облегчили несколько мой и без того миниатюрный экипажец: трубку и один пистолет их сиятельства изволили увезть; однако ж при всем этом доставили случай удивляться грузинской умеренности, ибо часы и сабля им еще с вечера нравились. Ограбить меня совсем никакой бы мудрости им не стоило, меня, который предался крепкому сну и той безопасности, какую вселить могут люди, нашими союзниками почитающиеся, а к тому же сии люди были достоинства княжеского. После сего мое старание обратилось, как бы отправиться далее и сие сделать наидешевейшим образом, ибо г-н Потемкин снабдил меня открытым листом, повелевавшим страшному Кавказу мне делать всякого рода пособие в пути, а деньга-

ми для заплаты лошадей или проводников не рассудилось ему меня обременять. Народы, посреди которых я находился, мало уважали поведения и своих владык, а тем менее генерала, которого листа они и не разумели, будучи оный писан русским языком. Итак не оставалось мне ничего другого делать, как приставать с некоторыми угрозами к своему хозяину о даче мне лошади, но он долго меня не разумел, наконец разными моими показаниями пальцами, руками и ногами меня понял и, взяв мою руку, пригласил за ним идти. Путь наш продолжался версты две в гору, и, пройдя небольшую рощу, остановились мы у одного дома, который по-видимому, князю принадлежал; я сие потому полагал, что приведши меня грузин некоторый род подобострастия оказывал хозяину оного, а впрочем изба и одежда сего сиятельства ничем не различествовала с простым мужиком, а к тому князь был босиком и только что пришедший с рыбной ловли. Приведший меня грузин долго вбивал в княжую голову мое приключение, но сей, казалось, его не понимал, а оглядывал лишь меня пристально. После продолжительных толков князь отправил моего провожатого, а меня ввел в свою избу, где сидела молодая девушка, при входе моем мне зад оборотившая, которой лица во все время моего у их бытия я не видал; князь же занимался рассматривать неукраденный пистолет, саблю, одежду мою и проч. Чрез час посланный возвратился с другим мужиком, которому что-то князь приказывал и из их разговора вышел превеликой шум, продолжавшийся немалое время, после чего мы все отправились и прибыли к дому приведенного мужика, у которого князь хотел лошадь для меня взять, а мужик не давал, князь грозил ему палкою, но мужик, вынув кинжал, приготовился к обороне. Его босое сиятельство не рассудил более тут оставаться, а потому убрался и избавил меня быть посредником при сем поединке; но я, его догнав, требовал неотлучно лошади, он, видя, что от меня не отделается, пошел к другому мужику, где после долгих споров я получил лошадь и человека верхом в проводники.

Дорога от Тиулетов лежит в дремучем лесу, наполненном горами и пропастями; подъезжая к одной из оных, мои проводник, сколько я из его лица мог заметить, очень оробел и тотчас поворотил свою лошадь с большой дороги в густой лес на тут лежащую тропинку. Я сначала не хотел за ним следовать, но он говорил мне тихим весьма голосом: *леки*, то есть

лезгинский народ, непримиримые враги грузин, но видя, что я его не разумел, прибегнул к знакам и, взяв палку, приложился так, как бы из ружья хотел стрелять, и, указав на большую гору, к которой мы приближались, повторил несколько раз *леки*, из чего я понял, что он хотел сказать о опасности сего места, в котором лезгинцы заседали, дабы удобнее нападать на проезжих. И так я положил следовать за ним по тропинке, путь наш продолжался в великой тишине, и притом грузин часто оглядывался во все стороны, верст восемь продолжалась сия трусливая езда, пока не выехали мы опять на большую дорогу; тут мой провожатый пустил свою лошадь во всю прыть скакать, чему и я беспрекословно последовал, и сия скачка продолжалась несколько верст, потом остановясь, мой проводник слез с лошади, начал креститься, и имя *леки* с его языка не сходило, по-видимому, благодарил Бога за избавление от предстоящей гибели, родившейся по моему мнению от единого воображения. После сего краткого молебствия, мы отправились далее и пред вечером я увидел себя в монастыре Анануре: подъезжая к оному, я немало обрадовался, увидя у ворот монастырских сидящих русских егерей, из которых один играл на балалайке припевая, а другой плясал. Это национальное зрелище меня утешило безмерно, я поспешил к ним и узнал, что здесь находились для залога при одном унтер-офицере четыре российских егеря, сотовариществу обрадовался, вообразить легко можете, сколько я их всякой тот, кто два дня находился так, как я, между людьми, которых не разумел и не мог с ними изъясняться.

Архимандрит сего монастыря прислал меня к себе пригласить, которым я был довольно обласкан; возвратясь на свою квартиру, потребовал я егерей к себе, у которых расспросив о дороге узнал, что я от Тифлиса отстоял на один день езды. Между тем не евши я два дня кроме хлеба ничего, желательно мне было себя пищей подкрепить и, потому дав деньги егерям, поручил им промыслить чего для моего ужина и, когда оный был приготовлен, то я увидел несколько князей грузинских, вошедших ко мне, которые пробормотав на своем языке мне поздравление, увидевши их землю, а паче самих их, после чего сели за трапезу и, насытив свои желудки моим мизерным кушаньем, принялись опоражнивать кувшин с принесенным для меня вином, который вмиг осушили; принужденным нашелся

я послать еще оного принесть и упоил сих георгиянских вельмож копеек за шестьдесят. Егеря мне объявили, что это одно из обыкновений той земли, чтобы приезжему помочь допить и доесть то, что он для себя приготовил. Нового покроя гостеприимство, в одной Грузии известное. Когда они меня оставили, то я предался размышлению всего того, что видел в сей новой для меня земле. Дорогу, мною в сии три дня сделанную, можно разделить на все времена года: от Владикавказа до начала ущелин Кавказских осенью почесть можно, потом до Степанц-Минде первые снега при начале зимы от сего до конца снеговых гор самую глубокую зиму, а оттуда до конца деревень Тиулетов приятную весну, а от оных до Ананура настоящее лето. С таковым смешением приятного и жестокого натуры перемен и в столь короткое время редко можно где повстречаться, а к тому же главные черты свойства народа в сие же время предстали пред меня: за исключением мне изъявленной князем Бегдабеговым ласки и гостеприимства, впрочем я испытал грузинское корыстолюбие, опрятность, храбрость при едином воображении лезгинов, небрезгливость их, сколько можно на их слова полагаться, проворство в присвоении чужого, до какой степени можно себя безопасным считать между ими, и наконец, что князь грузинский с своими рабами есть властелин бесчеловечный и напротив сего, столь мало опять уважаем сей гордынею надменный вельможа чужим рабом.

Глава VII

ПРЕБЫВАНИЕ МОЕ В ГРУЗИИ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В КРЕПОСТЬ ГЕОРГИЕВСКУЮ. 1784-Й ГОД

Переночевав в монастыре Ананур, на другой день егерский унтер-офицер, разумея по-грузински, растолковал тамошнему начальнику по моему приказанию, что мне надобна лошадь, которую я получил и, сверх того, как дорога мне предлежавшая от лезгинских набегов небезопасна, то пять грузин составляли мою дорожную стражу и которые очень на то походили, что как скоро увидят одного лезгина, то меня оставят; при всем этом я с ними доехал до деревни Душету, отстоявшей

от Ананура в десяти верстах, при которой я повстречался с восемью на грузинских лошадей посаженными российскими егерями при одном унтер-офицере от полковника Бурнашева, отправленными по дороге на случай, не встретится ли какой посланной от г-на Потемкина, которому служить безопасным конвоем. Итак я отпустил мою трусливую грузинскую гвардию обратно, а с егерями соединясь не замедлил увидеть лагерь одного батальона егерей, расположенный на так называемой горе Туан, в котором я застал г-на Бурнашева, выехавшего из Тифлиса для встречи г-на Потемкина. Г-н резидент, увидя меня, весьма повелительно сказал мне: «Я ведаю давно ваш приезд на линию, где вы праздно прожили и заставили только себя долго ожидать, а здесь я бы мог вас употребить для составления карты Грузинской земли». Я, выслушав его терпеливо, отвечал ему, что я находился при г-не Потемкине и прислан был туда к царю Ираклию с письмом, а не для делания планов. Г-н Бурнашев, услыша сие, переменил тотчас свою гордость на ласку и поцеловавшись обошелся со мной как нельзя лучше; отобедав я у него отправился далее, имея в своем конвое десять конных егерей и тридцать грузин. Въезд мой в город Тифлис был замечателен потому, что жители оного, а особливо проезжая лавки все кричали: *Енерали модис*, то есть генерал едет, полагая меня его передовым. Сие они из того заключали, что всех офицеров, в двух егерских батальонах в Грузии находившихся, знали, а меня увидя, нового человека, положили, что я присланной от г-на Потемкина, которого весь город с нетерпением ожидал. Пред дворцом столько стеклось народа, что я едва проехать мог, всякий спрашивал, когда генерал будет. Царя я застал по двору прохаживающегося, которому подал письмо от г-на Потемкина; он чрез переводчика расспрашивал меня о разных вещах, касающихся до сего генерала, а наконец спросил и обо мне, кто я таков и мой чин. Когда я получил от его отпуск, то пошел к г-же Бурнашевой ужинать, а ночевал на отведенной мне квартире, на которую пришед застал я от царя мне присланный ужин, состоящий из живой курицы, вина и разных фруктов.

На другой день пришел ко мне один из придворных царских служителей с вопросом, не возьму ли я деньгами для своего стола, дабы я мог себе приготовлять свою пищу по своему вкусу; надобно знать, что царь имел привычку кормить офи-

церов, к нему прямо присылаемых, из которых многие к стыду российского имени брали деньги. Я отвечал посланному, что мне ни то, ни другое не надобно. В тот день обедал у госпожи Бурнашевой и познакомился с поручиком Фомой Богдановичем Красинским и лекарем Михаилом Ивановичем Измайловым, находившимися при резиденте; оба меня на первый случай много обласкавшие, которые и после всегда остались мне добрыми приятелями. После обеда мы трое пошли в пространные сады, за городом лежащие, которые составляют гулянье тифлисское; в сих гульбищах под тенью дерев сидя кучки грузин и заливаясь чихирем кричат во все горло песни, играют на балалайках и бьют в бубны. Всякая из сих бесед, видя нас мимо их идущих, приглашали нас в свое сотоварищество. Мне все тут виденное нравилось потому, что оно для меня было ново; европеец, въезжая в пределы Азии, находит отмену против тех обычаев, какие им в его отчизне оставлены, а всякая новость человеку нравится. Я частыми остановками при таковых их беседах подал случай мыслить о себе своим сотоварищам, что мое любопытство далеко простирается, и потому г-н Измайлов мне сказал: «Я бы желал, чтобы вы перешли жить в мой дом, где будете иметь случай видеть прекрасных женщин и узнаете все их обычаи; жена моя — богатого тифлисского купца дочь, которую посещают лучшие в сем городе женщины». Легко себе представить можно, что я такового предложения не откинул и того же еще дня перешел в дом г-на Измайлова, где мне была отведена особливая комната; супруга его будучи прелюбезная женщина, говорившая немного по-русски, обласкала меня чрезмерно.

Таким образом провождал я дни в Тифлисе, обозревая в оном все, что было любопытства достойного. В один день, возвратившись домой позже обыкновенного, удивление мое было соразмерно тому удовольствию, которое г-н Измайлов устроил единственно в мою угодность. Он составил беседу из осьми наипрекраснейших грузинок, из коих самой старшей едва ли было двадцать пять лет; они все сидели, по своему обыкновению ноги поджавши полумесяцем на разосланных на полу коврах, имея свои покрывала на плечи опущенные, чрез что вся приятность их лиц являлась во всем своем блеске, пред ними горело несколько свеч и поставлены были блюда с разными фруктами. Я, войдя в комнату, сим зрелищем был приведен вне

себя. Госпожа Измайлова представила меня им как друга ее мужа; они все наперерыв старались мне изъявить знаками свое удовольствие. Госпожа Измайлова взялась быть переводчицей своим подругам всего того, что я для их лестного в тот вечер ни говорил. Две из сих красот, взяв меня за руки, посадили между собой, потчевали фруктами, пели песни и, видя мой веселый нрав, то и он оставя ту робость и застенчивость, с каковою являются в публике; тут предались совершенной вольности как будто бы со мной век знакомы были, позволили мне с собой всякого рода резвости; истину говоря, я мыслями от удовольствия в тот день терялся. Когда подали ужин, за всякой так сказать ложкой, следуя обычаю той земли, следовал стакан вина, которое грузинки без всякой застенчивости пьют, и оное их развеселило до того, что после ужина пели, играли на бубнах и плясали. Таковая утеха продолжалась за полночь, после чего должно было расстаться, причем г-н Измайлов как хозяин дома учредил, чтобы всякая из них со мной поцелуем прощалась, уверяя их, что это есть обычай европейский, с которыми он тот вечер проводили, следственно и должны нравам оных следовать; грузинкам сие показалось кстати сказанным и потому хозяйскую волю выполнили. Признаться, они мне все нравились, но говоря по-султански: я бросил платок на одну лет шестнадцати красотку, которой имя было Нина; глаза ее в продолжение ужина беспрестанно с моими встречались, которых пламя довольно изъясняли огненное ее сложение, она потчевала меня фруктами, называла: *Ламази Александре*, то есть милый Александр. Госпожа Измайлова сие заметила и потому шепнула ей несколько слов на ухо; она, простившись с нами, вышла с прочими ее подругами из дому, но чрез полчаса опять явилась и отдалась в мои объятия. Какую ночь я проводил с сей более нежели милой женщиной, изъяснять был бы напрасный труд, ибо как описать то, что есть неизъяснимо; натура одарила нас в сем случае тем, что есть свыше всего. Наступивший день нас разлучил, но она обещала своего Ламази Александре посещать чаще, что, однако ж, не сбылось: муж ее, будучи довольно достаточный купец, летами уже более на ту древность походивший, при которой таковая юность не могла в верности свой счет сыскивать, и потому он, сведав о той счастливой ночи, которую его милая Нина со мной разделила, бил ее нещадно и заточил в деревню одного дворя-

нина, своего приятеля, г-ну же Измайлову и его жене грозил за таковое ему нанесенное бесчестие отомстить; многие грузины, приятели г-на Измайлова, советовали и мне беречься сего ревнивца, как такого человека, который в мщении границ не полагал, но всеми сими георгиянскими страхами мы не уважая, продолжали делать свое, да и свойственно ли молодому воину знакомиться с опасностями?

Госпожа Измайлова опять пригласила на ужин к себе своих приятельниц, но оный без милой Нины был не столь весел или мне таким показался оттого, что я ею был занят. Я вышел на минуту в свою комнату, куда увидел вошедшую и одну из гостей, которая вела г-на Измайлова за руку, дабы он мне ее мысли изъяснил, состоящие в том, что тифлисским красавицам весьма обидно будет, ежели только одна Нина мое сердце тронуть могла. Я, чтоб ей показать, что она столько хороша, что можно и ею заняться, и потому просил г-на Измайлова ей сказать, что замеченная ею во мне задумчивость происходит оттого, что я занят одной из составляющих нашу беседу, но не ведаю, мыслит ли она обо мне. На что она отвечала: «Ежели Александре только о сем беспокоится, то это напрасно, ибо он всем моим подругам нравится, а мне преимущественно». За таковые лестные для меня мысли и за незнанием языка мне нечем было ей отвечать как не поцелуем. Г-н Измайлов, видя же себя лишним при столь коротком объяснении и что дело обойдется и без переводчика, и потому оставил нас одних; я обнял грузинку, которая для одного вида несколько пожеманилась, но сдача фортеции скоро последовала, ибо говоря солдатским языком: что может против россиянина устоять! — возвратясь мы опять к беседе, должны были выдержать на счет нашего тайного объяснения разные шутки, от которых я отделался молчанием и незнанием по-грузински, а моя подруга запела песнь и тем прекратила шпынства. Таким образом перешли чрез мои руки и еще некоторые в разные времена из женщин, посещавших дом моего хозяина, из которых ни к одной я особливым образом не был привязан, ибо в сем случае одна новость давала им преимущество. Но наконец сыскалась одна, которой я верность соблюл во все время моего в Тифлисе пребывания, и это великая жертва от молодого человека. Госпожа Измайлова имела приятельницей одну молодую вдову, которая со времени потери своего мужа вела жизнь весьма уеди-

ненную и потому благопристойность ей возбраняла являться в наши вечеринки; ей наговорено обо мне очень много хорошего, из чего родилось в ней любопытство меня видеть и для сего назначила женские бани; госпожа Измайлова уверяла меня, что я в ней увижу женщину, не уступающую красотой потерянной мною Нине. Все сие устроено было так, что в помянутых банях одна комната была откуплена для нашего свидания, в котором случае содержатели оных отвечают за безопасность тех, кто вверяет себя их присмотру. Когда я явился к оным, то банщик повел меня длинными темными сенями, в которых передал меня в руки старухи, а сия ввела меня в небольшую комнату, едва освещаемую небольшим окном, в куполе сделанном, где я увидел на диване сидящую грузинку, которой едва ли было двадцать лет, и при таковой молодости наиприятнейшее лицо. Она указала мне возле себя сесть, за которым приглашением, я доказал милой вдове, что россиянин горазд утешать сетующую красоту.

Волокитные мои происшествия заставили меня на некоторое время забыть сказать о прибытии г-на Потемкина в Тифлис, для встречи которого Ираклий всевозможное великолепие употребил. Семь дней проводил сей военачальник в столице Грузии, в которое время ежедневно виделся с царем, и все переговоры клонились на пагубу сочеловеков нам, и без того уже робких турков. После чего положено было г-ну Потемкину возвратиться обратно на линию, а г-ну Самойлову оставаться в Грузии и следовать в землю Лезгинскую с войском Российским, вспомоществуем будучи войском Грузинским. Нетерпение мое было велико видеть сражение; г-н Потемкин спросил у меня мое желание за ним следовать или оставаться с г-м Самойловым, на что я ему отвечал, что мне еще не удалось никогда участвовать в победах россиян и потому желал бы быть сопричастником оных; после чего мне велено было явиться в команду г-на Самойлова.

Оставив Тифлис, г-н Самойлов последовал к границе грузинской прилежащей к Лезгинской земле; в деревнях Кизиках соединилось войско Российское, как в Грузии пребывавшее, так и часть оставленного г-м Потемкиным из его конвоя, и в ожидании прибытия царя Ираклия с георгиянцами мы проводили немало времени, дождь шел проливной ежедневно и в сей скуке забавило нас следующее происшествие. Оставалось нас для

сей экспедиции несколько человек волонтеров штаб- и обер-офицеров, которые и жили все с г-м Самойловым вместе в одной большой избе, которую удобнее сараем назвать было можно; отставной обер-квартеймейстер Зегер был один, который отрекся быть в нашей беседе, и потому жил с майором Ольденбургом особо; они будучи оба иностранцы и потому вместе лучше как-то соглашались, нежели с русскими. В один вечер отужинали мы довольно поздно и после оного сидели долго разговаривали, дождь шел проливной и ночь была очень темная. Г-н Самойлов уговаривал обоих иноземцев, дабы с нами остались ночевать, но они не хотели расстраивать своего образа жизни, раз заведенного, и потому отправились на свою квартиру, а особливо г-н Зегер, который был датчанин. На другой после сего день из их квартиры дано знать, что они, накануне пошедши к г-ну Самойлову, более оттуда не возвращались; весь день проводили в тщетном оных иске, наконец в вечеру мы увидели г-на Зегера, явившегося пред нас запачканного в сажи и грязи, и объявлением своего приключения подал случай довольно на его счет повеселиться. Когда они с г-м Ольденбургом оставили нас, и будучи их квартира не близко от нашей, то они, в темноте потеряв дорогу, положили идти по разным тропинкам, и кто прежде настоящую дорогу сыщет, тот и голос подавать будет другому; г-н Зегер попал на землянку, имевшую по грузинскому обыкновению большую квадратную в потолке сделанную дыру, которая сему жилищу служит и окном и трубой, в которую и упал и из оной начал кричать; г-н Ольденбург, полагавший, что датчанин попал на настоящую дорогу, и потому направил стопы свои на его голос, отчего и упал в ту же трубу и руку себе очень повредил. Сия землянка была пуста и наполнена водой, отчего и хозяева ее оставили, а только заперли оную на крепке снаружи. Таким образом наши путешественники проводили в оной всю ночь. Поутру хозяин землянки пришел об оной проведать и, отворив дверь, увидел г-д майоров купающихся в оной. Суеверие грузинам вообще свойственно, и потому хозяин, испугавшись второпях не внемля их крику, опять запер дверь, удалился скорыми от оной шагами, полагая наверное, что черти в образе россиян избрали своим оную жилищем. Пред вечером он уже узнал, что ищут пару чудаков, и потому привел разосланных к своей землянке, в которой обрели свою потерю. Надобно знать,

что сей датчанин по-российски вовсе не говорил, немецкий язык болтал, французский коверкал так, что разуметь почти нельзя было, и потому можно рассудить, каково было смешно слышать рассказы, в которые он вмешивал слова всех сих языков.

Когда Грузинское войско с нами соединилось, то все вообще и выступили к берегам реки Алозани, которую перейдя положено было войти в землю Лезгинскую. Войска Российского было с небольшим полторы тысячи человек, а Грузинского около 4000 с довольным числом артиллерии. В сем случае г-н Самойлов вверил мне особенное начальство над 40 драгунами и 10 казаками, с которыми определен я был охранять особу царскую. Итак с сею горстью людей положено было мне самому себя как рекрута обстреливать.

Тринадцатого октября достигли мы берегов Алозанских, а на другой день повстречались с четырьмястами наиотчаяннейшими лезгинцами. Принц Гессен-Рейнсфельдской послан был с 200-ми егерей начать бой и вытеснить неприятеля, засевшего в лесу; наступление наших было жестоко, лезгинская оборона отчаянна. Г-н Самойлов въехал в лес, чтоб ободрить своих, приказав мне с моею командою, оставя царя при его войске, быть в его прикрытии, но после я долженствовал спешить своих драгун для умножения егерского огня. В сие время принц Гессен-Рейнсфельдской был тяжело ранен, которого из лесу вынесли, а г-н Самойлов приказал ударить сбор, дабы вызвать своих из оного, видя, что урон наших и грузин (которые также в огонь вмешались) уже был довольно замечателен, а пользы не предвиделось. Противулежащий берег был, так сказать, усеян лезгинцами, собравшимися в один миг из ближайших своих деревень, следственно в глазах их переход чрез сию реку был бы не без великой потери, тем более, что Алозань от сильных дождей вышла из берегов, а мы, не имея понтонов и ниже лодок, не могли оную перейти.

Таким образом окончив мы дело, которого почти и не начинали, восприяли обратный путь в Тифлис. Принца же раненого оставили в Кизике, который в пятый день нашей с ним разлуки умер. Я в нем потерял такого человека, который меня много любил; тело его доставлено в Тифлис, где и предано земле.

Сим предприятием на Алозань не сделав лезгинцев смирнее, лишь их раздражили, но должно и то сказать, что встреча

нам нечаянная 400 лезгинцов (которые вовсе не ведали о нашем походе, а они положили было разграбить некоторые грузинские деревни) послужила нам к лучшему, ибо, ежели бы мы вошли в их землю гористую, лесом и ущельями преисполненную и притом обороняемую отчаянным народом, нас была горсть, ибо на пособие грузин надеяться, было нельзя, — то бы из нас, может быть, и одна душа не спаслась.

Два дня достаточно было для приготовления нашего в обратный на линию путь, чем мы более спешили потому, что переход в столь позднее время чрез горы снеговые становился час от часу опаснее, и потому г-н Самойлов, соединя весь обоз и провиант, принадлежавший его свите, поручил все сие мне; для прикрытия сего дано было 40 егерей, 30 драгун и 20 козаков в мою команду, с таковым при том наставлением, дабы я поспешал и ожидал его прибытия в деревне Кумлициге, лежащей у подошвы снеговой горы. Тифлис я оставил не без сожаления; до монастыря Цхеты, отстоящего в 20 верстах от города, проводили меня: моя любезная вдова, г-жа и г-н Измайловы и г-н Красинский, где со мной проводили ночь, а на другой день они возвратились в Тифлис, а я пустился в свой путь.

Следуя к деревне Душету, я наехал в лесу на одного лежащего грузина, который, казалось, истощив все свои силы в пути, не мог далее продолжать оного, имея сильную лихорадку. Я приказал его поднять и, положа на повозку, доставил в Душет, в котором я располагал ночевать. Тут я узнал, что он принадлежал одному живущему в сей деревне дворянину, который из благодарности, а более из трусости (ибо свойство грузин есть, видя команду идущую, оказывать всякого рода вежливость, даже до низкости начальнику оной), пришел меня благодарить за доставление его мужика, прося притом, чтоб я в его доме квартирой остановился. Я, который невеликий был охотник слушать нескладные рассказы грузин о военных делах их предков, чем они гостя всегда увеселить стараются, но, однако ж, от какого-то предчувствования согласился на его желание. Хозяин потчевал меня плодами своего сада, говорил много нелепого и глупого, представлял своих сыновей, лошадей, собак, птиц и проч., утверждая притом, что ежели бы не боязнь, наводимая лезгинцами, то его успехи по хозяйству еще больше были бы. Женщин же хотя и не показывал, но они выглядывали украдкой в щелки дверей. Когда я и еще два грузинских попа

(которые ели и пили за четырех) отужинали, то хозяин отвел меня в особливую комнату, где я нашел несколько подушек, мне для ночлегу приготовленных. Хозяин, оставляя меня, приказал, чтобы мне спящему никакого беспокойства не было нанесено; однако ж при всей наблюдаемой тишине я вовсе не мог уснуть и около полуночи услышал кого-то, прошедшего несколько раз мимо дверей моей комнаты, а наконец с великою осторожностью оные отворились, в которые я увидел вошедшую женщину в длинном покрывале, имея фонарь спрятанным под оным. Затворить дверь, поставить оный на пол, поспешно сблизиться со мной и броситься в мои объятия — это все было мгновенное дело. При сей ее скоропостижности покрывало с нее спало и представились моим глазам черты лица моей любезной потерянной в Тифлисе Нины. От радости я был вне себя и не иному случаю приписывал сие неожидаемое свидание, как тому, что хозяин мой был самый тот ее мужа приятель, в дом чей она была заточена. Спросить же ее о сем мне нельзя было не разумея мы друг друга. Она мне в сию ночь наговорила тьму, и все слова сколько мне казалось изъявляли душевную ее радость, увидевшись со мной. Наступившая утренняя заря нас разлучила, после чего я часа с два уснул, не спавши всю ночь, да кто бы до такой степени прийти мог в беспамятство, чтобы уснуть, чувствуя возле себя прекраснейшую грузинку. Оставя я Душет по причине сильного дождя и грязи, не мог далее ночевать монастыря Ананура, где в вечеру вторично меня удивила Нина, явясь предо мною верхом в мужской одежде. Лошадь ее по усталости своей доказывала, что она мастерица скоро ездить. Ночь мы проводили вместе, а поутру отправил я обоз и команду вперед, сам проводил версты за три по душетской дороге милую Нину; последнее наше прощанье произошло под ветками одного дерева. Она, облившись слезами и расцеловав меня, сев на свою лошадь, пустилась скакать, а я, проехав Ананур и догнав свою команду, прибыл на другой после того день в деревню Кумлициг, а чрез два дня и г-на Самойлова увидел у подошвы снеговой горы; здесь узнали мы, что на горах выпал столь глубокий снег, что невозможно бы было с обозом отважиться на оные пуститься. Итак г-н Самойлов решился оный оставить в Кумлициге. С нами была пушка, с линии взятая, которую оставить г-на Самойлова никакие невозможности не могли бы побудить, и сие ради того,

чтобы неприятели князя Потемкина не сказали, что одним из его племянников орудия в чуждой земле разбросаны были, после мнимо одержанной над лезгинцами знаменитой победы, за какую выдавали тогда, можно сказать, ошибку 14 октября. Г-н Самойлов, призвав меня пред себя, сказал: «Я надеюсь на ваше прилежание ко всему тому, что послужит к пользе и чести службы, и потому препоручаю вам пушку перевезть чрез снежную гору; вы, выполняя сие, усугубите лишь ту доверенность, которую уже заслужили от своих начальников». К сему перевозу пушки определено было 150 грузин, которые впереди оной дорогу прочищали; несколькими парами волов оная была влекома и еще оных на две перемены за пушкой гнали. Ход чрез сию гору был 18 верст, но я на оный употребил 14 часов и уже поздно в вечеру пришел в деревню Кобий, где лишь успел остановиться, как поднялась сильная вьюга, которую уже во всей ее силе я испытал на горе, жители Кобий удивлялись нашей отважности, ибо ежели бы ночь на оной застала, то мы бы были погибшие. Я в тот день, дабы удобнее управлять ходом пушки, сии 18 верст перешел пешком, имея почти до пояса снег, чему г-н Самойлов и все были очевидцами, когда он со всею своею свитою оставшись еще долго после меня в Кумлициге меня обогнал. Г-н Самойлов в тот вечер изъявил мне свою признательность и о сем в донесении, писанном г-ну Потемкину с великою похвалою, на мой счет отзывался.

Г-м Самойлов, будучи доволен моими трудами, и потому на другой день не хотел более меня обременять провожанием пушки, а определил к оной капитана Садовского с его эскадроном астраханских драгун, которому и приказано впереди следовать; г-н Самойлов гораздо после пушки выступил, но вскоре, догнав оную, увидел, что г-н Садовский опрокинул ее с небольшого пригорка в лощину довольно глубокую. Г-н Самойлов отказал капитану от команды, приказав мне пушку и эскадрон взять в свое ведомство; таким образом прибыли мы в Владикавказ, откуда г-н Самойлов меня отправил к г-ну Потемкину с известием, что он горы перешел. Прибыв я в крепость Георгиевскую, был принят с великою ласкою г-м Потемкиным, который расспрашивал много о нашем в Грузии после его пребывании.

Г-н Самойлов не упустил и лично г-ну Потемкину говорить обо мне с великой похвалой, а сей при немалом собрании мне

его одобрение объявил, которое заключил сими словами: «Столь похвальные ваши поступки заслуживают быть известны, и потому я не премину о оных в донесении ко двору говорить и просить вам за оные награды». Легко себе представить всякой может, до какой степени сие льстило мою молодость. Таким образом я сам собой и своим поведением составил себе покровителей, и путь надежный и моему счастью уже начал было открываться, ибо г-н Самойлов, отъезжая тогда в Петербург, хотел меня с собой взять, где обещал, представив князю Потемкину, просить, дабы он меня взял в особое свое покровительство; но судьба, играющая лучшими нашими предопределениями, сие иначе устроила, ибо приключившаяся мне лихорадка положила меня в постелю; все искусство доброго моего приятеля доктора Раппе было недостаточно поставить меня так скоро на ноги не токмо к отъезду г-на Самойлова, прожившего не более недели по его возвращении из Грузии, но и к предприятию пути с г-м Потемкиным я был не в силах, который месяц спустя после г-на Самойлова туда же уехал. За два дня пред его из Георгиевской крепости выездом он присылал осведомиться, могу ли я с ним следовать, но г-н Раппе отвечал, что слабость моя тому противится. Г-н Потемкин препоручил генерал-майору Пеутлингу, после его остававшемуся начальствовать линией, дабы он, по моем выздоровлении, прислал меня в Петербург.

Глава VIII

ВОЛОКИТСТВО МОЕ ЗА ГОСПОЖОЮ ПЕУТЛИНГОВОЮ. — РАЗЛУКА. — Я ЛИШАЮСЬ ЧИНА. — ПОХОД В КАБАРДУ. — ПРИЧИНЫ, ПОБУДИВШИЕ МЕНЯ ОСТАВИТЬ Г-НА ПОТЕМКИНА. — НАЧАЛО МОЕГО СЛУЖЕНИЯ В АСТРАХАНСКОМ ДРАГУНСКОМ ПОЛКУ. 1785-Й ГОД

Г-н Потемкин оставил Кавказскую область, со всех сторон обеспеченную тишиною, и потому г-н Пеутлинг более ни о чем не помышлял, как соблюдая оную, дать случай молодежи, воинство Кавказское составляющей, весело время провода. Его ласковость всех к нему привязала, жена его будучи свойств прелюбезных и крайняя неприятельница скуки, из чего родились

собрания и нередко танцы, чему подражали и другие чиновники охотно, и кто был здоров, тот верно через день танцевал.

Я, же отдавшись в руки эскулапов, не мог иначе ничего делать, как по их предписанию, сидеть дома, занимаясь книгами: это составляло мое удовольствие первые четыре недели 1785-го года. Правда, что толикую веселость несколько порасстроили горцы, восставшие тогда против россиян. Появившийся в Чеченской земле лжепророк, слишком известный под именем Имам-Мансура, обратил все внимание на себя веселившегося воинства; должно было противустать затеям сего возмутителя, обнадежившего кавказских дикарей, что бог ему изверил изгнать из той страны россиян; сие, а более деньги, которыми Имам-Мансур был вдоволь запаслив, недоброхотами славой гремящей России, побуждены были кавказские жители извлечь меч, из чего впоследствии 1785 года загорелся огонь во всем Кавказе*.

Около сего времени я получил от своей болезни малое облегчение; первый мой выход был к г-ну Пеутлингу, которым был столько обласкан, сколько можно ожидать было от начальника доброго. Госпожа Пеутлингова, нравившаяся с первого взгляда всякому, и потому я, который всегда был друг женщин, не без удовольствия видел ее, осыпающую меня такими приветствиями, которые, кроме лестного ничего не представляли молодому человеку. Между прочим она мне сказала, что я слишком долго лишал публику георгиевскую удовольствия видеть себя, и будучи охотник танцевать, заставлял не один раз замечать мое отсутствие, ибо танцы не с довольною живостью производились. Она во время моей болезни не редко у г-на Раппе осведомлялась о успехах его лечения, из чего я понимал ее желание меня видеть скорее выздоровевшего. Правда, что всегдашнее ее со мной обращение питало мое молодое самолюбие, подавало случай замечать, до какой степени я ей не противен.

---

* О похождениях Имам-Мансура, заинтересовавших собою европейскую дипломатию, и даже Фридриха Великого, и имевших важное значение в истории борьбы между Турцией и Россией за обладание Кавказом, см. Zinkeisen J. W., Geschichte des Osmanischen Reiches in Europa, 6 Th. (Gotha, 1859), s. 529—540, 577—584.

Дабы дать о сказанном мной лучший толк, то надобно несколько обратиться к первому времени моего на линию приезда: ласка ее и желание со мной часто танцевать была мною замечена с приезда моего в Георгиевскую крепость, но тогда мысль моя была еще преисполнена госпожою Колокольцевою, а притом частые мои курьерские поездки, чтобы начать формальный приступ к сердцу госпожи Пеутлинговой. Накануне моего в Грузию отъезда был бал у г-на Потемкина; госпожа Пеутлингова, танцуя со мной, сказала: «Не забудьте посреди грузинских красот тех, кои вас на линии помнить будут!» — после чего обратила сии слова в шутку на счет дочери, полковника Ребиндера, но я в ее глазах нечто тогда такое заметил, которое заставило меня думать, что она относила сие более к себе.

Надобно знать, что, с приезда моего на линию, полковнику Ребиндеру я очень нравился, у которого была дочь прекрасного лица, чему 15-летний возраст придавал всю живость юности; ему желательно было очень меня иметь своим зятем. Я тогда менее всего помышлял связывать себя такими узами, которые человеку не прежде, как достигнув совершенных лет, предпринимать надлежит, дабы содеять оные прочными, а притом сей добрый человек не ведал того, что всем было известно: г-н Потемкин обладал уже тем, что бы его дочери должно было сохранить для будущего ее супруга, а всего удивительнее в сем случае то, что мать молодой Ребиндеревой подала на сие приобретение г-ну Потемкину руку помощи и сие за кое-какие безделушки, коими он расщедрился пред сим из матерей извергом. Таковую супругу, а и того лучше тещу г-н Ребиндер мне в своих мыслях определял, из чего родилась превеликая всего его дому ко мне привязанность, который, однако ж, я посещал изредка, ведая, что г-н Потемкин в сем случай ревностью азиятцу не уступал; а притом будучи дом г-на Ребиндера против его дома, то он почти считал в оный входящих.

Прекрасная Ребиндерова не имела в моем сердце никакого места, ибо молодость ее, а более неопытность в делах волокитных с первого разу меня от нее отвели; я в ней заметил девицу застенчивую и вовсе неспособную подкреплять предприимчивость любовника, и я всегда о ней был таких мыслей, что без корысти любящей своей матери, она бы осталась при своей непорочности; я заключил сие из того, что матери ее всякий

раз стоило усилия, дабы отдать ее в объятия г-на Потемкина, которое свидание происходило в доме пастора, преподававшего молодой Ребиндеровой уроки в Священном Писании. Г-да лютераны не должны косым взглядом меня встречать, обнаружившего подлость их священнослужителя, которые все вообще наружностью своею столь много хорошего обещают, но попы суть везде одинаковы и за деньги на все пуститься готовы. Сей же случай упомянул я ради того, что сия девица одним звеном будет зацеплена в моей будущей интриге с госпожою Пеутлинговою, хотя и безвинно, но ею обманут был муж той, которая в сем случае свой счет сыскивала, и к сей выдумке сам г-н Пеутлинг подал случай таким образом. Спустя несколько дней после моего выздоровления он мне объявил приказание г-на Потемкина о присылке меня в Петербург, которого я не в силах был предпринять, ради крайне истощенного моего кармана: грузинская моя поездка и тифлисское веселое житье столь меня разорили, что я едва десять рублей в кармане имел в то время, когда меня г-н Пеутлинг снаряжал в Петербург, а к сему последовавшее на линии беспокойство от горских набегов заставляло ожидать почти ежедневно приезда г-на Потемкина на линию, и следственно внимание всех обращалось на новые сего края происшествия, тем более, что тогда все другие пределы России были покойны, следственно лезгинская экспедиция выходила уже обветшалою, для получения за которую награды долженствовало ехать с г-м Самойловым и тогда бы можно было ожидать всего доброго, ибо это была новость, а всякая новость скоро проходчива. Г-н же Пеутлинг таковое мое от поездки петербургской отречение толковал иначе; он говорил своей жене, что я будучи влюблен в молодую Ребиндерову и потому оставить ее не соглашался.

Наступившая сырная неделя подала случай умножить веселости; госпожа Пеутлингова, желая доставить публике перемены удовольствия, потому изобрела дать маскарад, продлившийся во всю ночь. Таковое никогда небывалое на линии собрание было пред тем возвещено в разных крепостях, чего ради съехалось со всех мест обоего пола немалое число особ, чрез что людство в крепости Георгиевской сделалось необычайное. Доброхотствующие России горские князья, не имеющие о таковом бале ни малейшего понятия, многие в оный явились. Я, чтобы показать себя в оных порядочно одету, в первый раз в

жизни своей приступил задолжать в лавку взятием из оной всего нужного безденежно; средство, к которому бы я не приступил, ежели бы ведал, что один долг заводит нас в другой и доставляет тьму неудовольствий и беспокойствие такому человеку, который долгом поставляет устоять в слове; долги человека бедного мучат и убивают душу.

Вольность и непринужденное обращение, свойственное сего рода сборищам, подало случай мне изъясниться госпоже Пеутлинговой, до какой степени сердце мое ею тронуто; причем ответ ее был, что ей не противно видеть меня своим добрым приятелем, но мужчина моих лет более всего напоминает об осторожности.

Несколько маскарадов, данных сряду, сблизили меня с госпожою Пеутлинговою до того, что я требовал от нее для лучшего объяснения переговорить наедине, отчего она отказывалась, утверждая коль великой бы она себя в таком случае подвергла опасности, но я уже из опытов знал, что таковые страхи у женщин проходчивы, и потому продолжал начатое дело.

В один вечер пришел я к г-ну Пеутлингу, которого застал в кабинете, занятого отправлением в разные места линии курьеров; а вышед в гостиную комнату, нашел беседу из нескольких особ, занимающихся вистом; госпожа Пеутлингова играла на фортепьяне, возле которой я взял место; она увеселяла меня всеми теми пьесами, какие ведала, что я люблю, в которое время я ей твердил одно и то же, чтобы иметь с нею тайное свидание; наконец она дала слово, буде курьерское отправление ее муж продлит, дать мне случай изведать, до какой степени она на мою скромность полагается, только предписывала мне смиренность, ибо продолжала она: «Мы будем весьма близко в соседстве с кабинетом мужа моего». Обстоятельства нам благоприятствовали в тот вечер. После ужина, когда все разъехались, то я, выходя из дому, увидел по предлежавшей мне дороге госпожи Пеутлинговой посланницу, которая мне объявила, что ей приказано меня провести в уборную госпожи ее комнату, в которой я в ожидании, что со мной вдаль случится, сел на тут случившемся диване. Отворившаяся дверь представила мне госпожу Пеутлингову, которая, сев возле меня, сказала: «Вы желали со мной наедине видеться, я оное выполняю, однако ж будьте смирны, повторяю вам, ибо одна тонкая перегородка нас только разделяет с мужниным кабинетом». Я ее волю вы-

полнил, ни слова не говорил, ибо уста наши, так сказать, склеились; тишина, ночник, едва освещавший тесный уголок, нами занимаемый, и даже диван, на котором мы сидели, все призывало нас к удовольствию; я сделался предприимчивым, госпожа Пеутлингова сопротивлялась слабо, и мы не замедлили разделить всю приятность сих счастливых минут. После сего уверит ли меня кто, что женщины, ежели вздумают мужей своих посвятить в дураки, то от того можно будто предостеречься; например, в сем случае г-н Пеутлинг трактовал с спокойствием духа о министерстве Кавказской страны, воображая жену свою покоющеюся, но она в самое то время загоняла его в стадо оленей.

Таким образом я провождал время наиприятнейшее с сей любви достойной женщиной; скромность составляла весь план сего дружества. Впрочем, предпочтение, госпожой Пеутлинговой мне пред толиким множеством молодых людей сделанное, вскружило мою голову, и я в сем приятном забытии дням своим счет вел наравне с минутами.

Дабы г-на Пеутлинга отвести совсем от подозрения, то госпожа Пеутлингова изъявила г-же Ребиндеровой свое желание учить ее дочь разному рукоделию, отчего молодая Ребиндерова была всякий день у госпожи Пеутлинговой, при которой мне приказано было играть роль страстного любовника. Г-н Пеутлинг в сем случай был крепко обманут; он говаривал, что находит свое удовольствие взирать на любящихся юношей! — Супруга же его в таком поступке свой счет наилучше находила. Хитрости в войне и любви суть позволительны. Есть люди, которые против сего восстают и скажут: как можно до такой крайности играть участью молодой девицы? — Я пред сим упоминал, что ее доброе имя уже было разыграно, и она в сем случае ничего не теряла; впрочем, не видим ли мы ежедневно женщин, предпринимающих для удовлетворения себя все, что только скорый их ум изобрести может. Таковые случаи суть обыкновенны, текущие для порядку с прочими вещами наряду.

Частые г-на Пеутлинга разъезды по линии оставляли мне довольно времени для тайных с его женой свиданий: одно из таковых ночных моих посещений едва меня и мою подругу не ввело в великие хлопоты. Г-н Пеутлинг, отправившись в город Кизляр, располагая в оном прожить долго, но в одну ночь,

когда мы наименее его ожидали, вошла комнатная госпожи Пеутлинговой девка уведомить нас, что передовой, прискакавший от г-на Пеутлинга, объявил, что он за ним вслед едет. Не успела она сие выговорить, то нам уже слышен был въезд его кареты на двор. Таким образом, будучи я почти пойман в чужой постеле, поспешно из оной старался убраться; уборная госпожи Пеутлинговой комната на тот раз сделалась моею. Лишь успел я за собой дверь затворить, то г-н Пеутлинг вошел в спальню. На другой день я узнал, что я одолжен благодарностью был, за извещение о приближении г-на Пеутлинга, ездившему с ним артиллерии капитану Кнобелю, бывшему мне всегда хорошим приятелем и которому все мои дела сведомы были; он, наверное, полагал меня с госпожою Пеутлинговою вместе и потому с последней станции от Георгиевской крепости, отстоявшей в 10-ти верстах, послал передового, и сие самое меня предостерегло, а в противном случае я был бы найден мужем вместе с его женой.

Посреди толиких моих удовольствий получено с прибывшим из Петербурга курьером определение г-на Пеутлинга Выборгским губернатором. Я долженствовал расстаться с моею любезною; разлука сия стоила мне много горести. Проводил я ее до начала Царицынской степи, где она требовала, как последнего доказательства моей к ней горячности, обещание приехать к ней в Выборг. Возвратясь в Георгиевскую крепость, я предался уединению; чтение отгоняло несколько мою печаль, а впрочем мое тогдашнее положение уподоблялось на того больного, от которого средства к его исцелению отняты. Из Сарепты получил я от госпожи Пеутлинговой письмо, в котором она отлагала времени испытать, столько ли она любима, сколько я уверял; сие относила к приезду моему в Выборг, но спустя несколько после сего дней узнал я, что г-ну Пеутлингу переменено быть вместо Выборга в Уфе правителем. Последовавшие после со мной обстоятельства и всегдашнее неимущество денег отвлекли меня далеко от моего обещания.

Одно неудовольствие можно сказать рождает другое; то, которое последовало за разлукой с госпожою Пеутлинговою, было другого рода и причинившее справедливую скорбь моей душе: сделанное по драгунским полкам производство доставило случай видеть в оном и мое между прочими имя; приятели мои обрадовавшись спешили, посетив меня в моем уедине-

нии, поздравить с капитанским чином; таковое приветствие обещало мне много лестного и на будущую мою службу, но когда рассмотрели получше помянутое производство, то увидели необычайное повышение, ибо я произведен был из поручиков в подпоручики и помещен в Астраханский драгунский полк, тогда состоявший в числе Кавказских войск; из сего я увидел, что выправка, моим отцом сделанная о моем мнимом в поручий чин повышении, была ничего меньше, как достоверна, отчего слишком год именовался я тем, чем не был.

Надлежало и против сего нового неудовольствия вооружиться терпением. Скажут, может быть: «Где же обещания г-на Самойлова за Лезгинскую экспедицию?» Отвечаю: «Там, где и г-на Потемкина мнимое мое адъютантство!» — Твари, именуемые нами вельможами, не были бы вельможи, ежели бы они не обманывали, не хвастали и не играли теми, над коими слепое счастье их поставило. Когда они видят от неудачи, предполагаемой ими, препону своему величию, тогда, сближаясь душой с людьми, обещают золотые горы тому, кого определили быть действующей пружиной в сей машине; нужда проходит, обещания исчезают. Г-ну Самойлову трудность предстала у снежной горы; моя опрометчивость к службе показалась ему способною к сему предприятию; я, быв употреблен, цель его выполнил. А он, уехав в столицу, где дворские интриги, голоса подлых льстецов, превозносивших похвалами нанесенную на бумаги гибель лезгинцам, и другие того же рода мелочи заняли его совершенно. Скажут мне: «Для чего я не явился ему на глаза, он бы вспомнил?» — Благодарен я за сие, ежели он сын отечества и видел во мне нечто такое, которое подавало надежду, что могу со временем быть полезен тому же отечеству, то его долг (как гражданина, а не вельможи) никогда такого человека не забывать. Говоря я так, не чином дорожу — чин в моих глазах есть ничто, а мыслю о том, что случайный человек мог бы меня вывесть на стезю ту, по которой бы я достиг со временем быть полезным в чем великом моему отечеству. Правда и то, что во многих случаях вельможи затмевают достоинства своих подчиненных, имея столько понятия, чтобы видеть, что они были бы только оттенки того, кто им подчинен, ежели бы он на их степень взошел.

Бригадир Апраксин, начальствовавший тогда Астраханским драгунским полком, который был преисполнен хороших

офицеров, испытывал уже меня до того, чтобы я к нему в полк перешел, но, узнав мою привязанность к С.-Петербургскому полку, потому оное отложил; но когда судьба сама меня завела к нему и он, проезжая почти в то время Георгиевскую крепость, объявил мне, что ему приятно будет меня видеть служащего с ним и чтобы я не старался опять быть переведен в прежний мой полк. Я ему в сем дал слово, но на приглашение его в тот же раз явиться к полку решиться не мог, не имея причин оставлять мое служение при г-не Потемкине.

В сие время обстоятельства линии были весьма критические; победа совершенная, одержанная лжепророком над отрядом полковника Пиерия, ободрила горцев, отчего волнование в горах и ожесточение жителей оных доходили до чрезмерности против россиян. Раздробленное повсюду малыми частями, наше войско не в силах было поставить должной преграды неприятелю, подоблющемуся приливу и отливу морскому; грабежи по дорогам, нападения на все посты слабые были столь часты, что никто не смел из крепостей показаться, ежели не желал на веревке водим быть в горы. В сей суматохе слабость голов наших генералов оказалась во всей своей силе, и они в нерешимости ничего не предпринимали.

Г-н Потемкин на линии ожидаем был всеми с нетерпением; всякий ведал не страшный его меч, но всего надеялись от головы, которая обделает все и восставит на линии прежнее спокойствие. Наконец пушечные выстрелы с валов крепости Георгиевской возвестили нам приезд толико ожидаемого начальника, которого у невских берегов женитьба задержала долее, нежели он полагал. Редкая красота его супруги не заменит всеконечно той пролитой крови, которая последовала от отсутствия его в стране, ему вверенной.

Первая посылка, в которую меня г-н Потемкин употребил, была для встречи графа Ангальта, обозревавшего тогда Россию; ласковость его везде была чрезмерна, которую и я испытал в самой высшей степени. Любопытство его до жителей Кавказа я удовлетворил во всех частях, чему он был столько доволен, что г-ну Потемкину говорил обо мне как о таком молодом человеке, который совершенно сведущ был о крае, в котором служил. Обстоятельства внутренней линии, где тогда не без погрешностей было, я умолчал, а то, что на тот раз горцы с нами делали, он и без рассказов видел.

Г-н Потемкин, желая привести горцев в обузданность и потому собрав достаточно войска, вступил в землю Большой Кабарды, разглашая, что сие делал в том намерении, чтобы жителей оной наказать за шалости, ими содеянные на линии. Кабардинцы, расположившись со всем своим имуществом в неприступных кавказских ущельях, менее всего о таковых угрозах помышляли. Около месяца мы проводили в разных лагерях, походах и оборотах, но черкесы оставались при своем положении и из сих маневров ничего бы не вышло, ежели бы храбрый полковник Нагель не прекратил сию игру разбитием шедшего на помощь кабардинцам Имам-Мансура. Сия по справедливости знаменитая для тамошнего края победа доставила покой всем; кабардинцы, видя чудеса мнимого святоши ниспроверженными, усмирились и в знак своей верности отправили несколько князей ко двору испросить себе помилование в содеянном ими зле.

Должно мне предложить, что со мной в сем походе случалось: сколько г-н Потемкин мне оказывал ласки пред выступлением в Кабарду, столько напротив, возвратясь, казался он мною недовольным. Со мною то сделал, что с Стародумом у двора Фонвизиным толико справедливо выводимое в его «Недоросле»; вельможи уподобляясь во всем двору: «Либо рассердятся на человека, либо его рассердят!» — Последнее со мной случилось: моему начальнику вздумалось поставить мою службу отечеству наряду с услугами, какие бы я мог ему из вежливости оказать; супруга его оставалась в крепости Георгиевской, он, видя мою опрометчивость в исполнении возлагаемых на меня препоручений, потому употребил меня на ежедневную к ней с письмами посылку; таким образом поступать вздумал он с человеком, который, отложа всякое тщеславие, мыслил о себе совсем иначе. С начала я сие исполнял с обыкновенною моею скоростью, в том чаянии, что сие мое курьерство, видя мою усталость от ежедневной верховой скачки, он прекратит, но когда сего не случилось, то я в один раз вместо одного дня, мною всегда на сию дорогу употребляемого, положил два дня слишком. Что сие значило — не надобно было быть великим магиком; г-н Потемкин ясно понял, что мне его посольство не нравилось и что я не в своем месте употребляем быть не хотел. Вдобавок к сему его неудовольствию предстал другой случай, который меня исключил вовсе из таковых посланничеств: зас-

тупившего мое в сих посылках место офицера любопытство побудило узнать, что г-жа Потемкина приписывала своему мужу по-французски на конверте, и потому занес прежде оное ко мне; я увидел сии слова: «Податель сего есть негодяй, медленно ездящий; Пишчевич в сем случае расторопен!» Неосторожность ее довольно чудна, писать такой аттестат одному и другому и сие на конверте! — Но кто ведал голову сей женщины, тот удивляться не будет, ибо ежели бы она к своей красоте имела ум, то была бы чудесное произведение; известно что редко натура сия два достоинства вместе расточает. Ревнивому Потемкину сего было довольно, а притом он ведал мои приключения с г-жою Пеутлинговою, которое ему казалось дерзновенно, ибо вельможи не прощают никогда смельчаков, добирающихся до корпуленций их супруг. Г-н Потемкин был мужчина поистасканный в Венерином поприще, который по всем счетам ненадолго мог служить 16-летней красавице, которая притом и похабство ставила ни во что. Таковой муж, всего опасаясь, заключит, что я могу со временем быть опасным для его лба курьером, и потому перестал вовсе меня на сию посылку употреблять.

Прошло немало времени, в которое я не был никуда посылаем, но в один день г-н Потемкин, давши мне повеление к бригадиру Апраксину, приказал оное доставить в Константиногорское укрепление, в котором он тогда с отрядом находился. Я рассудил не ехать околичною дорогою, тогда для курьеров проложенною, на которую бы мне по меньшей мер четыре дня должно было употребить; а притом говоря правду, имея приятелей в канцелярии г-на Потемкина и потому мне почти все его бумаги были известны. Я знал, что повеление г-ну Апраксину содержало остановку его отряда, которому было прежде предписано разорить некоторые жительства абазинского народа, в тишине тогда жившие, но от единого подозрения, будто и они к возмущению склонны, долженствовали быть ограблены, жилища сожжены и другие претерпеть злополучия, которых война есть изобретательница. Спасти народ от гибели зависело от моей езды; час бы я промедлил, они бы погибли! — Итак, имея я довольное число уральских козаков в своем конвое, которых удальство было мне порукою в случае неприятельского нападения, побудило меня пуститься прямою дорогою берегом реки Малки; путь тогда бывший хотя и не-

безопасен от кабардинских набегов, но я благополучно прибыл в помянутое укрепление. Г-на Апраксина я застал выступающего для назначенного предприятия; бумага, мною ему доставленная, остановила сию экспедицию. На другой день возвратился я в главный корпус, г-на Потемкина удивление было немало видеть мое скоропостижное появление, и сие мое усердие причтено мне в вину, которое лишь увенчало его уже на меня и без того неудовольствие. При всей моей бедности и беспомощной службы, я оным не уважал, что гордому вельможе была обида незагладимая; душевное мое удовольствие было выше всех покупаемых подлым раболепством почестей: моим старанием спасен от меча и огня невинной народ. Это было больше, нежели милость надутого начальника.

Он имел тогда своим любимцем артиллерии капитана Батурина, которого все достоинство состояло в том, чтоб влагать новости в уши г-на Потемкина, и будучи человек без души (да кто с оной и возьмется за таковую должность!) — нередко поддерживал свое фаворитство вымышленными анекдотами. Сему Батурину г-н Потемкин изъявил свое на меня неудовольствие и мою малую рачительность усердствовать ему. Г-н Батурин мне между прочим в разговорах сказал, «что г-н Потемкин полагает мой поступок умышленным, ибо я гораздо меньше времени употребил съездить к г-ну Апраксину, имея дорогу в три раза далее, нежели с письмом к г-же Потемкиной». На сие возражение мое было таковое: «Посылка моя к г-ну Апраксину была по службе и потому прилагал все способы, дабы доставить ему как наискорее вверенные мне бумаги. Когда же я еду к г-же Потемкиной, то уверен, что везу письмо от мужа к жене; следственно скакать сломя голову было бы безрассудно». Таковой мой ответ г-н Батурин обстоятельно донес г-ну Потемкину, за что я вовсе был лишен его милостей, почему и я с моей стороны начал удаляться.

Возвратясь из Кабарды в крепость Георгиевскую, г-н Потемкин в один день мне сказал: «Пишчевич! Я бы желал вас видеть ближе к себе». Но все сие не переменило моих мыслей, старался от него отделиться, более потому, что в походе с ним нестерпимо быть: он любил видеть при себе расторопных офицеров, но о состоянии их в походе вовсе не заботился, нет для них ни палатки, ни стола, ни лошадей; одним словом, ежели бы я не имел приятелей, то нередко бы спал под колесом его кареты и ел бы у маркитанта, а что больше ко всему этому, то

его надменность, убивавшая всякую чувствительную душу. Все сие вместе заставляло меня желать быть в полку, где тогда офицер исправный и доброго поведения не имел случая бояться; ничего, но в сем случае, я ожидал, чтобы г-н Апраксин повторил мне свое желание видеть меня в полку, что и случилось: он, приехавши в Георгиевскую крепость и видя мое отчуждение от г-на Потемкина, возобновил мне свое приглашение в полк, с обещанием вверить мне эскадрон, на что я согласился, и он говорил о том с г-н Потемкиным, который долго не соглашался удовлетворить его просьбу, но наконец я был отпущен в полк. Сим моим поступком я терял, может быть, много, но надобно и то знать, что я выведен был из терпения. Гордость вельможи столкнулась с гордостью офицера. — Таким образом, возымело окончание мое при г-н Потемкине пребывание; положено было меня послать с первым донесением князю Потемкину о усмирении кабардинцев, которого просить о даче мне на потерянный мною поручичий чин возобновительного подтверждения и за труды мои Лезгинского похода и теперешнего Кабардинского в награду капитанский чин; за первый, не краснея, я бы оный мог принять, а во вторую мою кампанию, говоря правду, я ничего не делал, кроме езды моей к прекрасной г-же Потемкиной. Все сии предположения моя кичливость, вельможами упрямостью называемая, опрокинула, и я, прибыв в Георгиевскую крепость поручиком, выехал из оной одним чином меньше.

При всех, понесенных мною беспокойствах в сей Кабарду походе, я не выпускал из виду своей пользы, дабы приобретать новые познания в воинском искусстве; ни одного лагеря я не пропустил, чтобы его не обозреть во всех частях его положения, заметить крепкие оного места и слабые не положить на бумагу и не сделать к оному мысленно как нападения, так и обороны. Сделав на сей раз привычку, которая и осталась при мне во всю мою службу, из чего я великую в военных познаниях приобретал пользу. Впоследствии моей службы, какой бы трудный переход ни случился, я всегда держался моего правила, ни жестокость жара, ни дождь, ни стужа мне в сем преграды не полагали; никто не видал, дабы я прежде исполнения сей, самим собою на себя возложенной должности, вошел в мою палатку на отдохновение, да и войдя в оную рылся я в разных планах и книгах для отыскания чего-либо сходного с тем положением места, на каком мы находились, чтобы увидеть, что

в оном сказано. Сотоварищи мои, видя мое таковое препровождение времени, говаривали, что я ни одного во всю мою службу перехода не сделал наравне с другими, а всегда вдвое или втрое, разумея, что я всегда еще, по прибытии на место, с лошади не сходил часа три, а иногда и больше. На другой день верно никто, после всего понесенного мною накануне беспокойства, раньше меня пред фронтом не являлся. Одним словом, душа моя пылала одним воинским духом, и я посвящал всю свою жизнь на то, чтобы успеть быть в великом чем полезным отечеству; я тогда не рассуждал, что к трудам и старанию познать свое ремесло надлежало, чтобы и счастье мне благоприятствовало.

Крепость Ставропольская была местопребывание полка Астраханского драгунского, в которую я явясь был обласкан г-м Апраксиным и всеми моими сотоварищами чрезмерно; полк был на доброй ноге, составленный весь из однодворцев, заслуживший славу быть против неприятеля неустрашимым. Офицеры составляли редкое в одно место собрание молодых людей; все были с воспитанием, способны к службе, драке с неприятелем и в собраниях обхождение с ними г-на Апраксина было на дружеской ноге, а всех вместе связывала редкая приязнь и доверенность, что и было залогом той неустрашимости, какую полк сей изъявлял в местах, где он сталкивался с неприятелями отечества.

На другой день назначено было конное полку учение; г-н Апраксин прислал мне прекрасную верховую лошадь из своей конюшни, а чрез адъютанта объявил свое желание, дабы я на оной выехал пред десятый эскадрон. По окончании оного поручено было мне отвезть знамена в крепость; г-н Апраксин, догнав меня со всеми офицерами, сказал: «Я желаю, дабы вы, приняв 10-й эскадрон в свое начальство, на коне, мною вам присланном, умножили славу, полком заслуженную». Всякая доверенность молодому воину приводит его чувства в восторг; я был слишком в тот день доволен честью мне делаемою моим начальником: в мои лета и в моем чине иметь уже начальство над эскадроном более меня всеконечно льстило, нежели бы капитанский чин, г-м Потемкиным обещанный за скорую мою доставку писем его супруге.

После службы, которая в сем полку со всею точностью и строгостью производилась, балы нас занимали нередко. Наконец г-н Апраксин уехал в Москву, а с ним и большая часть старших штаб-офицеров, оставив начальство над полком секунд-майору Махвилову, и сим кончился 1785 год.

Глава IX

Я С ЭСКАДРОНОМ В ЕКАТЕРИНГРАДЕ. — ПОХОД. — ЛЮБОВЬ МОЯ С МОЛОДОЮ БУЛЫЧЕВОЮ В АБАЗЕ. — БОЙ НА НЕВИННОЙ ГОРЕ. — СКУКА НА ЗИМНЕМ ПРЕБЫВАНИИ. — СТАН В БЕШТОВЫХ ГОРАХ. — ЗНАКОМСТВО МОЕ С ДЕВИЦЕЮ ШМИТОВОЮ. — НАЧАЛО ВОЙНЫ ТУРЕЦКОЙ. — ДВА ПОХОДА ЗА КУБАНЬ. 1786 И 1787 ГОДЫ

По требованию г-на Потемкина полка Астраханского одного эскадрона со всею полковою музыкою в Екатерингради, где тогда назначено было открыться Кавказскому наместничеству, я с моим эскадроном был отряжен к сему празднеству, которое было не столь великолепно, как того ожидали, ибо отпущенную на оное Императрицей сумму г-н Потемкин рассудил у себя оставить, выведя, однако ж, оную по своему обыкновению в расход. Устроение шести городов в сем наместничестве подало случай к мнимым издержкам: Екатеринград, Кизляр, Моздок, Александров, Георгиевск и Ставрополь, которые уже существовали крепостьми.

Кончилось сие торжество самобеднейшим потешным огнем, после чего все войско, сведенное для сего празднества, было распущено в свои непременные пребывания. Приближаясь к Ставрополю, повстречался я с каретой, в которой сидела молодая г-жа Булычева, дочь полка нашего майора, которая, расчислив время моего пути и потому взяв с собой одну из своих подруг, выехала под видом прогулки к тем местам, откуда меня ожидала. Она мне сказала, что ей весьма приятен случай нечаянно представший к моей встрече. Я еще не говорил ничего о сем моем новом волокитстве: балы, даваемые г-м Апраксиным, сблизили меня с сей девицей, которая была прелюбезных свойств и привлекательного лица. Решимость молодым сердцам свойственна: мы скоро наши взаимные чувства один другому объявили, но отдаление мое к открытию наместничества прекратило сие хорошо начатое дело; прибыв же в Ставрополь, я опять оное возобновил, а несколько времени спустя следующее приключение подало случай и на другие предприятия. Весенний наипрекраснейший день заставил уговориться ставропольских дам сделать прогулку в поле, за которыми немало офицеров последовало; молодая Булычева любила верховую езду и управляла лошадью искусно. Прогулка наша от города простиралась верст за пять. На возвратном пути,

сблизившись с крепостью, госпожа Булычева предложила молодежи скачку, за которой долго все следовали, а потом один за другим начали отставать; я один еще держался подле нее, когда лошадь ее, закусив удила, начала несть; опасность была в сем случае тем большая, что лошадь несла прямо на рогатки, на контрэскарпе поставленные. Я в сем случае подал ей помощь, схватив лошадь за удила, и тем удержал. Госпожа Булычева, спрыгнув с оной, едва могла опомниться, потом благодарила меня за избавление ее в предстоявшей ей опасности. Сей случай сделал меня смелее, а мою любезную уступчивее; добродетель, видя нас столь скоро идущих вопреки ее правил, не замедлила нас оставить, а мы в забытии самих себя сделали то, что случиться долженствовало между двумя молодыми особами различного пола. Из объятий моей любезной военная труба вызвала меня на ратное поле: абазинцы, о которых я говорил и за избавление которых от гибели я лишился милостей г-на Потемкина, будучи растроганы, сведав, что их определено было разорить, потеряли доверенность к россиянам и потому решились уйти за Кубань. Отряд войск был собран, дабы оному воспротивиться, в числе которых и полк наш находился; для начальствования сей экспедицией избран был подполковник барон Мейндорф, человек, нималейшего понятия не имеющий о своем ремесле, и потому сделал все те ошибки, какие сделать надлежало, дабы обесславить ими оружие России, затеять драку не у места и не вовремя и почти способствовать уходу абазинцев.

Сблизившись мы с их селениями видели, что они находились в готовности к уходу, один барон Мейндорф сего, казалось, не видал, которого притворною приверженности абазинцы старались обольстить; выиграть время они желали ради того, пока обещанная им из-за Кубани помощь прибудет. Когда сие вспоможение в нескольких тысячах человек прибыло, тогда абазинцы сняли личину и, отправив ночью свои семейства в предположенный путь, сами соединились с закубанцами и изготовились к бою. Мы сделали на них нападение, они оборонялись храбро, и после десятичасового сражения обе стороны разошлись; закубанцы, будучи поддерживаемы положением крепкого места, ими занятого, совершенно прогнаны быть не могли, тем менее, что нас было только около двух тысяч человек под ружьем, опирающихся на слабое знание и еще слабее голову во всех частях плохого Мейндорфа.

Таким образом, потеряв мы абазинцев, возвратились, однако ж, с новыми лаврами в Ставрополь, ибо полк наш свое дело производил с обыкновенною неустрашимостью. Я в сем случае приобрел похвалу своих сотоварищей и подчиненных; нападение я сделал на одну часть того неприятеля, который желал прорваться в оставленной нами наш обоз, которого и оттеснил.

Возвращался я из сего похода с тем предчувствованием, какое человеческое сердце подает признаки, ежели должно чему над ним неудовольственному случиться. Увидев Ставрополь, не замедлил я узнать от молодой госпожи Булычевой, что я должен с ней разлучиться потому, что ее отец определен в Кавказское наместничество советником. Отъезд их в Екатеринград последовал несколько дней спустя по возвращению моем из абазинского похода.

Отряд полковника Муфеля, в котором полк Астраханский находился, во все сие лето не имел, можно сказать, ни одного дня покоя: закубанцы делали частые и дерзкие набеги; смелость их простерлась до того, что нападали на наши крепости. Один из таковых их набегов подал случай 19 июня к жестокому сражению, в котором я участвовал. Закубанцы отогнали у калмык лошадей; г-н Муфель, сведав сие, подхватил полку Астраханского четыре эскадрона с двумя пушками, преследовал их и, невзирая на жестокий жар, в тот день случившийся, мы сделали 60 верст, пока их настигли у Невинной горы. Сражение началось двумя эскадронами, которые г-н Муфель употребил к нападению на неприятеля, в числе которых и я был, а потом многочисленный неприятель, окружа и все четыре эскадрона, держал нас в беспрестанном огне около пяти часов, наконец уставши столько же, сколько и мы, и не в силах будучи нас одолеть, отступил. В сей день я заслужил от г-на Муфеля отменную похвалу за смелость, мною в сем сражении оказанную, он изъявил свое желание, дабы я съездил с донесением к г-ну Потемкину, о сем сражении писанном. Сего начальника я застал в крайнем беспокойстве, ибо чрез кабардинцев он уже имел неверный слух, будто в жестоком сражении на Невинной горе четыре эскадрона полку Астраханского вовсе погибли, и сколько он ни недовольным был отгоном калмыцких лошадей, но выхвалял храбрость душ, полк Астраханский составляющих. Реляция г-на Муфеля преисполнена была отличной в рассуж-

дении меня похвалы, о чем и князю Потемкину донесено было, но все сие осталось, как и прежнее, в забвении. Шалости черкес до того умножились, что не смели и говорить у двора о случающихся на линии неприятностях, а и того меньше просить награды трудившимся в оных.

Вскоре за сим г-н Апраксин возвратился из Москвы, будучи произведен генерал-майором, и долженствовал, хотя он и назначен быть шефом полку Астраханского, оный сдать прибывшему на его место полковнику Депрерадовичу, моему родне, человеку нималейше не сродному управлять полком, как ради его старости, частых болезненных припадков, так и ради того, что служа век свой, службы не понял. Сие г-на Депрерадовича к нам определение мне тем более казалось неприятным, что я располагал никогда с родными своими не служить, а в сем случае судьба его завела ко мне.

1787 год начался для меня тем приятным, что сделанное по драгунским полкам производство доставило и мне вторично мой поручий чин.

Г-н Апраксин, сдавши полк, отправился в Петербург, а нас оставил со стариком, полагающим всю исправность полка в том, чтоб полковничий карман был набит деньгами. Все веселости от нас улетали; молодежь можно сказать отборная, из какой полк наш составлен был, принужденною нашлась предаться уединению. Мое время текло между службой и чтением.

Ко всему этому неудовольствию, г-н Потемкин изобрел средство показывать хищному неприятелю часто войско в глаза, заставив конницу поэскадронно всю зиму прогуливаться по берегу Кубани. По особливой его к полку нашему доверенности сия участь пала на нас, невзирая на то, что во все лето мы беспокоились несказанно; другие же полки в сие время не тревожились ни мало, имея начальников предстательствовавших о оных; мы же имели в г-не Депрерадович полковника, не умеющего поддерживать свой чин и похожего на сироту, прилепленную к многолюдному семейству, которое, заслужив уважение и похвалу от другов и недругов, само оное все и поддерживало добрым обществом штаб- и обер-офицеров. Зима в том году во всей России была жестокая, и часть своей лютости уделила и на Кавказскую страну; но не уважая ни страшных вьюг, ни крепких морозов, нам определено было прохаживаться по Кубанской степи, ежечасно ожидая, *авось* где-нибудь повстре-

чаемся с неприятелем и подравшись заслужим спасибо от своего главноначальствующего, в сие время нежившегося на диване с прекрасною своею супругою. Всю зиму проводили мы в дороге между Ставрополем, крепостьми Прочным Окопом и Преградным Станом, расстояние не так близкое, и между которыми не имелось никаких селений, и потому снежные сугробы составляли места наших ночлегов и отдохновений. Крепкое мое сложение, познакомившись раз с военными трудностями, сносило все терпеливо.

В сию же зиму приехало и семейство г-на Депрерадовича в Ставрополь; жена его при пожилых летах была расточительница, кокетка и со всеми пороками беспутной женщины. Две дочери: старшая без воспитания, без ума, была, впрочем, смирная девка; меньшая, которой тогда едва восемь лет было, подавала уже о себе заключать, что пойдет по пути матушки своей. Сын его был молодчик лет в 26, также без всякого воспитания, полагающий все счастье в трубке и вине, которого, однако ж, отец называл исправным офицером, а мать — великим плясуном.

Сие прекрасное семейство, при наступления сырной недели, было приглашено к бригадиру графу Дероурку (sic!), которого семейство было опять в другом роде шутливо. Сей Дероурк был англичанин, мешавший в разговорах свой природный язык с исковерканным русским, французским и немецким; росту он был по крайней мере 26-ти вершков. При чрезмерной суетливости спешил говорить, делая безостановочно телодвижения до крайности смешные, причем замечалась привычка: правой рукой часто схватывать манжеты рубашки, которую иногда в забытьи вытаскивал довольно далече из определенного ей места; левая же рука также не праздною оставалась, ей определено было в сие время оправлять исподнее платье, которое поминутно опущалось. При разговорах обыкновенно старался того, с кем оные начинал, прижать в угол, и граф избирал место так, чтобы не ушел пойманный человек; ибо он иногда доходил до того, что никакая бы учтивость не возбранила от его уйти; надобно знать, что англичанина рот не в великой чистоте содержался, из которого при разговорах слюни вдоволь вылетали и ко всему этому его сиятельство левой руки пальцы поминутно обнюхивал — все сие вместе заставляло его бегать самых не брезгливых людей.

Таков был граф, но супруга его была другого рода: немка, сблизившись летами с 50-ю, росту была почти графского, у которой молодость была на уме, чего ради одевалась подобно 20-летней молодке; румяны и белилы поддерживали лак ее лица и несколько натягивали морщины оного; кокетствовала с первым попавшимся ей в глаза, которому, нередко сама изъяснившись, без лишних договоров сдавалась; таковой легкий к ней приступ мог бы собрать ей целый полк волокит, но похабство и наипрекраснейшей женщины мужчин здравого смысла от ее отводит, и потому один только поручик Бистром решился за добрую плату пачкаться около ее сиятельства.

Три дочери и два сына, которых для формы граф назывался отцом, составляли их семейство, о добронравии и воспитании которых отец и мать меньше всего думали; однако ж старая графиня взяла на свое попечение дочерей, а пожилой граф управлял добронравием сыновей и говаривал: «Я больше от своих детей ничего не требую, как того, чтобы умели жить в свете»! — И сие состояло в том, чтобы выйти, сделав гостям по поклону, удалиться паки в свои норы, откуда, выглядывая промежду дверей, кривляться тому, что их любопытство заметит.

Старшая дочь имела уже около 15-ти лет, но матушкой одеваема была в детское платье, дабы хотя сим средством выиграть несколько лет своей старообразности; ситцевое платье составляло всю одежду всех ее дочерей, у которого длину и широту прибавляли ежегодно смотря по прибавлению роста сих несчастных детей; одежда сия, составленная из разных полос, имела еще и ту выгоду, что оная представляла верное исчисление лет каждой молодой графини, полагая на каждый год по одной полосе в длину и ширину.

Глупости, творимые моим полковником, и очевидное опущение полку во всех частях наскучили мне до того, что я с артиллерийским офицером Сальковым отправились погостить к жившему в Донской крепости полковнику Муфелю, где к нам присоединился ехавший тогда из Москвы майор Берх, определенный начальствовать на линии артиллериею; человек он доброй души, умный и веселого нраву, полюбивший меня много.

Поживши мы несколько дней у г-на Муфеля, отправились в Ставрополь обратно; не показать г-ну Берху, как новому в тех местах человеку, графа Дероурка было бы грешно, и потому-то мы остановились в Московской крепости, где полк На-

рвский карабинерный, им командуемый, расположен был. Явясь мы к г-ну Дероурку были встречены в передней лакеем, который ввел нас в зал, говоря, что граф занят делом в кабинете, которому пошел о нас доложить. Зала сия была в таком положении, как будто бы недавно приступом была взята: стулья опрокинуты, столы с своих мест стащены, занавесы оторваны, пол усеян был разными изорванными лоскутками бумаги, тряпок, костями от мяса и палками, а в некоторых местах видны были и капли крови; пыль же, столбом ходившая по комнате, скрадывала несколько сию картину.

Мы спросили у лакея, что виденное нами значило? — «Дети изволили играть!» — отвечал он. Спустя несколько минут увидели мы отворившуюся из гостиной дверь, в которой находились все графские отрасли: старший сын вошел к нам и, сделав пренизкий поклон, опущая руки до самого полу, возвратился туда, откуда вышел; мундир его едва до икор доставал, рукава до локтей, а от оных порожнее место занимала рубашка, которая, казалось, год на нем без перемены была, прочее белье его отвечало чистотой оной, однако ж, сей молодец был уже поручиком войск ее Величества. Другой сын также нам показался. Старшая дочь сделала немецкую присядку, растопырив юбку в обе стороны. Вторая дочь имела нос окровавленный, а третья, будучи рождена с одной ногой короче и потому припрыгивая на оной сколь можно лучше, также спешила пред нами присесть. Затворившаяся дверь гостиной скрыла от нас сие юношество, но шум и крик до наших ушей доходил, по-видимому, дети изволили играть.

Явление старого графа пред нас было также забавно. Надобно знать, что он г-на Берха вовсе не знал, г-на Салькова мало, а меня по несчастию и любил. Первый его мне вопрос был: здорова ли моя лошадь, которая ему очень нравилась, потом, прижав в угол, старался меня уверить, сколь есть прибыльно в полку казначейское место и чтоб я сего случая не упускал быть оным, имея полковника роднею. Сие уверение продолжалось добрые полчаса; я, будучи предоволен его лаской и не ведая, чем избавиться от такой тягости, напомнил ему, что у его был гость, едущий из Москвы, с которым он еще ни слова не говорил. Англичанин, не спрося, кто сей гость, оставя меня, обратился к г-ну Салькову, которого также в угол прижавши, начал расспрашивать новости московские; сей, не ведая оных,

указал ему г-на Берха, которому уже он надоел до самого нельзя. Но графиня, бывшая на тот раз в гостях, возвратившись домой, прекратила наше мученье, но доставила другое позорище не меньше забавное: она лишь увидела весь сказанный в зале беспорядок, то и сделала напуск на своего мужа, за прием нас в такой комнате; ругательства, которыми она потчевала своего супруга, подали нам тотчас мысль, что она большой в дому.

Граф, стоявший во все сие время в безмолвии, увидя свою жену, ушедшую на ее половину, принялся за слугу, которому влепил пощечину за нечистоту залы. Аглицкая оплеуха была столь сильна, что человек упал с немалым криком, на который сбежались: графиня, г-н Бистром, дети и люди, и прибавляя всякий своего шуму, отчего сделался во всем доме генеральный крик. Это уже не дети изволили играть, а сами старики взбудоражились. Наконец пришли люди с метлами и очистили комнату, после чего сели играть в карты, что и продолжалось до вечера. Граф в сие время сидел в углу, не говоря ни слова. Ужин опустил занавес на сем театре; графиня, прощаясь с нами, пригласила нас на следующий день к обеду и балу.

Мы, возвратясь на свою квартиру, предались смеху; все то, что мы видели и слышали в сей день, заставило нас почти всю ночь не спать.

Когда мы на другой день явились к графу, то прежде всего были впущены в его кабинет; граф, казалось, вовсе забыл случившееся накануне. Пред ним мы застали полкового писаря, читавшего суточный рапорт о полке, а граф оный записывал по-английски на лоскутке бумаги, причем старший его сын служил переводчиком отцу и писарю.

Такова Россия всегда была: всякий пришлец имеет хлеб в оной; составя в себе сумму, оставляет Россию и в своем отечестве поносит ту землю, в которой он свою бедность оставил. Например и сей случай: все достоинство г-на Дероурка состояло в том, что он иноземец, чего достаточно было, дабы его предпочесть природному. Такой человек желательно знать какой порядок может завести, не ведая ни нравов, ни языка той земли, в которой уже ему вверена часть, которой целость зависит от его расположений.

Граф, окончив свой перевод, предался рассуждениям, уверяя нас, что «в России надобно быть очень осторожну иност-

ранцу, который обманут легко может быть теми, которые на бумаге бойки»! После сего он нас уведомил о его примирении еще вчера с своею женою, причем г-н Бистром был посредником.

К обеду приехал умножить беседу графскую приглашенный для веселостей сырной наступившей недели г-н Депрерадович с его отборным семейством. Сии два дома веселились тут три дня, после чего разъехались по домам, благодаря графа за представления всего нами зримого. В последний вечер дети графские дали маленькую пьесу: во время ужина тесноты ради им был накрыт стол в гостиной, где и музыка играла; молодежь сия поссорилась за первым блюдом, из которого не все получили кушанье, граф и графиня грозили им вилками и ножами, дабы напомянуть благопристойность, но сие не произвело ничего и дети положили следующее кушанье атаковать у дверей, вооружась ложками, ожидали оного и, сделав нападение, опрокинули соусник. Таковой беспорядок обратил всех глаза в ту сторону и музыка перестала играть.

Граф, оставя нас и схватя у музыканта кларнет, влепил оным каждому сыну и дочери по нескольку ударов; плачь их, соединясь с музыкой, составили странный вокальный и инструментальный концерт, а граф, возвратясь за стол, сел и продолжал свой разговор весьма покойно с тем, которого он оставил для сей экспедиции.

Такова моя жизнь была в сию зиму: домашние проказы доставляли нередко случай видеть чудные происшествия Депрерадовича с его женой, которые также не довольны один другим были, и нередко дело доходило до жарких схваток, в которых мой полковник всегда проигрывал; все сие нам казалось новым, которые привыкли видеть своих начальников в благопристойном виде.

Вздумаю ли было выехать, первое на пути повстречается Дероурк со всем причтом; находясь в разъезде, встречаюсь в Преградном Стане с комендантом стариком Науендорфом, который уморил себя над гаданием в карты в столь уединенной и от всех отделенной крепости, какова была ему вверенная. В Прочном Окопе вижу коменданта же майора Коха, человека дряхлого и совершенно оглохшего, имевшего с собой родную сестру, с которой, дабы более породниться, спал, как уверяют, на одной постеле. Здесь я проигрывал целые сутки и

выезжал всегда с больным горлом, глухарь мучил меня расспросами о новостях линейных.

С наступлением весны полку нашему, в уважение трудностей, сносимых зиму и лето от столь близкого с закубанцами соседства, переменены квартиры в город Александров, яко несколько поотдаленнее от кубанских берегов, но и тут они беспокоить нас не оставляли. В сем новом месте простояли мы первые летние месяцы, а в поле составлены разные отряды войск, долженствовавшие удерживать дерзость закубанских наездников. Главный корпус, в котором и г-н Потемкин присутствовал, расположен был в Бештовых горах при Константиногорском укреплении; полк наш определен был в сию часть.

В сем лагере составлено было у нас общество дружества: подполковник Рик, майор Берх, доктор Раппе, архитектор Дигбий и я; время у нас проходило в прогулках в прекрасно расположенных местах около нашего лагеря, впрочем, разговоры и чтение сводили нас всегда вместе; г-жа Потемкина, находившаяся в лагере, видя нас неразлучных, наименовала сие маленькое общество ложей масонов.

В один день г-на Раппе должность завела в больницу, состоящую в Константиногорском укреплении, за которым я сотоварищества ради последовал; лекарь Шмит над оной имел присмотр, который после пригласил нас к себе и представил нам свою прислугу и дочь. Первая имела оцарапанное лицо, а последнюю украшали два или три на лице синие пятна, но при всем этом молодость сей девочки и изрядное личико заставили меня не один раз на ее бросать глаза; она не замедлила сие приметить и отвечала мне тем же. Пока старик Шмит говорил о своем деле с г-м Раппе, то я успел ей несколько слов сказать насчет ее прелестей; сие моей девке вскружило голову.

Г-н Шмит, узнавши, что я говорил по-немецки, и потому атаковал меня на сем языке, менее получаса рассказал мне все свои приключения: что он служил до того в конных полках и был два раза разжалован в цирюльники, что он женат в другой раз и от сего супружества имеет дочь, мною виденную, а первую свою жену он убил за ее злость, от которой имеет сына, но он будучи так же зол, как и его матушка была, и потому заточен в кухню, где живет с людьми, не входя вовсе в парадные комнаты.

Посещая я иногда сего злого человека, он заключил, что я его полюбил, тогда, как я любил только его дочь, и потому, видя мою связь с г. Раппе, привязался просить, дабы его определили в наш полк на очистившееся лекарское место смертью нашего эскулапа; я долго отговаривался, но когда присоединилась просьба его дочери, то уже я не мог отказаться, тем менее, что сия ветреная девка не отказывала мне также ничего: в короткое время я успел с нею иметь несколько тайных свиданий, в которых испытал, что раз девка на распутство пустившаяся пределов себе в том не ставит. Она меня уведомила, что первая ее страсть была к поручику Круглову, от которого носила плод, следствие таких же их свиданий, и который, будучи честный человек, обещал на ней жениться, а она, будучи бесчестная девка, ставила ни во что пользоваться его отсутствием, который тогда был послан для приема рекрут, и имея один раз брюхо набитое, не имела причины более ничего опасаться. Я приступил к г-ну Раппе, который злого Шмита причислил к нашему полку, а врачебной управе представил о помещении его навсегда к оному.

Сей старик доставил мне в один день случай видеть, до какой степени он властвовал над своим семейством: я, приехав к нему, застал окна ставнями закрытыми, и слуга, у дверей стоявший, объявил мне, что г-на Шмита дома не было, а между тем слышен был в оном немалый вопль разных возрастов людей, а к тому звук палочных ударов доходил до моих ушей; я, оставя сей дом побоища и ужаса, поехал к секунд-майору Бранту, коменданту Константиногорского укрепления, человеку очень хорошему, от жены которого узнал, что слышанный мною шум есть не что иное, как воюющий г-н Шмит с своим семейством и что ежели жена, дочь или сын в чем-либо проступятся, то слуга затворяет все ставни и подает в комнаты свечи, хотя бы то было днем; злонравный Шмит вооружается горловым длинным чубуком, и сие было орудие, коим он мучил свою семью, от которого, конечно, им приходило не песни петь.

Окончание экзекуции возвещал он колокольчиком, и потому слуга отворял опять ставни. После таковой муки наказанные должны соблюсти лица, спокойствие изображающие, под опасением вторичной закрышки окон. После сего я не удивлялся тому, что он первую жену закупорил в землю и второй

украсил разными знаками лицо, а удивлялся только тому, что дочь после всего мною слышанного еще охарашиваться изволила пред зеркалом, затевала интриги и кокетствовала как нельзя больше.

Любовные мои посещения прекратились отъездом г-на Шмита в город Александров, а я с эскадроном моим был послан в отряд обер-квартермистра Штедера, долженствовавшего обозреть разные места в самых недрах Кавказа. Мы достигали до подошвы страшного Эльборуса; труды на сей раз были наши не малы: всходить и опущаться по страшным пропастям, но не меньше имевшие приятные местоположения. Г-н Штедер был преисполнен любопытства, я, которого он любил, тоже, и мы поощряли один другого к дальнейшим исследованиям положения Кавказа. Сия посылка послужила мне еще лучше узнать горы и напоминала дорогу, мною в Грузию сделанную, которая тогда, открывая ежедневно новые предметы, служила мне забавой.

Возвратившись в главный корпус, мы узнали, что турки объявили России войну. Г-н Потемкин, дабы блеснуть каким-либо предприятием при начале оной, перешел с 16-ю тысячами человек Кубань на несколько дней с таковою при том осторожностью, что войско, составляя несколько отрядов, имело главный корпус позади всех и потому оный ни в каком деле с неприятелем не участвовал, чрез что план г-на Потемкина исполнился, который был крайний неприятель свисту пуль. Поход сей кончился сожжением нескольких черкесских деревень, и столкнулись раз или два войско с неприятелем, в одной из которых верх хотя и не наш был, но о том в донесении умолчано. Перешед мы обратно Кубань, узнали, что начальником войска Кавказского назначен генерал-аншеф Текеллий, которому сдавши войско, г-н Потемкин сам отправился в Екатеринград.

Когда узнали о приближении г-на Текеллия к нашему корпусу, то выслан я был с эскадроном ему навстречу; г-н Текеллий, остановясь, спросил, кто я таков? — Когда узнал, то и был я им очень обласкан, напомянул мне мои детские лета, в которых он меня знал, и казался довольным, что по прошествии столького времени являюсь вдруг пред его с эскадроном. На другой день г-н Текеллий говорил со мной долго о всей моей службе, после чего он изъявил мне свое желание, дабы я отвез к г-ну Потемкину на 20 тысяч рублей ассигнаций, у кото-

рого принять таковое же число серебром для расходов того похода, какой г-н Текеллий вторично за Кубань предпринимал.

Прибыв я в Екатеринград и исполнив возложенное на меня дело, пошел отыскивать моего тифлисского приятеля г-на Измайлова, который, возвратясь из Грузии, в сем месте находился. Свидание мое с ним и его женой было трогательно, ибо я ими был любим истинно; они меня пригласили взять мою квартиру с ними вместе: отдохновение мне тем нужнее было, что я для скорейшей езды пустился в сию поездку верхом; козачье седло заставило знать моим разломанным костям, сколь на оном невыгодно ездить непривыкшему.

После разных разговоров не спросить о любезной моей тифлисской Нине было бы преступление, которого сия красота не заслуживала, и я от них узнал, что дворянин, в доме которого я с нею ночь проводил, был приятель ее мужа и тот самый, к которому он ее отправил, дабы со мной разлучить. На другой день оставила она Душет и отправилась в Тифлис, ибо уже были, за несколько дней до моего в сию деревню приезда, присланы два служителя за ней, которых она склонила на свою сторону и, переодевшись в платье одного из них, явилась ко мне в Ананур, а на другой день соединившись с оными, остававшимися в одной деревушке, ожидая ее возвращения, отправилась в Тифлис, но, проезжая так называемое Мухраново поле, была захвачена лезгинцами, в числе которых был один князь, которого красота Нины пленила.

Два месяца она проводила в жилище сего лезгинца, которого страсть всякий день к ней умножалась, и он было положил на ней жениться, ежели она оставит свой закон; Нина, ведая всю власть, какую господин над пленницей в Азии имеет и потому на некоторое время положила притворяться, будто соглашается на его предложение. С сего времени князь ее часто брал с собою в разные поездки, в которых она всегда верхом его сопутствовала. В один день будучи они на охоте и, когда служители разбрелись по лесу, она оставалась одна с князем, которого жажда понудила встать с лошади, оставя на седле свое ружье, прилечь к ручейку, дабы напиться; предприимчивая грузинка, спрыгнув с лошади и схватив ружье, уставила оное дулом в его спину, выстрелила. Натурально в таком расстоянии нельзя было ожидать промаху. После сего сев на его ло-

шадь, которая была добротнее, пустилась в путь и чрез несколько дней явилась в Тифлис, где, часто меня вспоминая, рассказывала г-ну Измайлову и его жене наше свидание в Душете. Наконец приключившаяся ей горячка вогнала ее в гроб. Таковой конец последовал сей любезной, в цветущих ее летах, женщины.

Отдохнув в Екатеринграде, я возвратился в корпус, где все нашел в движении; всякий изготовлялся на новые труды. Войдя опять в землю закубанцев и не нашед нигде сопротивления, мы достигнули до Кавказских пропастей и, проходя по ущелинам оных со всеми тягостями, лишь служили удивлением горцам, которые с вершин высочайших гор взирали на нас. Сражений нигде не было, ибо ни один черкесин не мыслил о скопище, а они все свое внимание обратили к тому, как бы запрятать свое семейство и имущество подалее. И так мы, сожегши все, что на пути нашем ни повстречалось, возвратились обратно в свою землю.

Сие было время, в которое по настоящему судя долженствовало мне оставить линию, ибо можно было догадываться, что важных предприятий в том краю никаких произойти не могло ради того, что война наша была превращена в оборонительную против такого неприятеля, которого у двора не уважали, хотя, впрочем, он дрался храбрее турок. Другая же невыгода была для молодого человека и та, что внимание всех было обращено на армии, против турок назначенные, и все, кто только имел случай и способ, туда собирались, где правда и небесполезно трудились. Я же к таковому перехождению не мог пуститься, как ради того, что не имел на то денег, а притом и отец мой запретил мне переходить из полка Астраханского, а больше препятствовала надобность снабдить себя экипажем вступление в сей полк понудило меня войти в долг, который выплатить и содержать себя одним жалованьем было мудрено. Правда и то, что отец мой мне сего года определил сторублевый пансион ежегодно, и сие в награду за ту неустрашимость, которую я оказал в сражении на Невинной горе, о чем слух до него дошел чрез посторонних людей. Сей пансион продолжался еще год, а потом уменьшен до 60, а наконец и вовсе прекратился. Сия малость не могла выплатить долгу, который тогда состоял рублях в 400.

Я, прибыв в Александров, застал приращение своей род-

ни, ибо полка нашего капитан Деконский женился на старшей дочери г-на Депрерадовича. Сей Деконский был поляк, желавший переполячить невоспитанную упрямую сербку, из чего рождались многие неприятности для спины его супруги. И так в сем городе тогда были две комедии: одна в доме г-на Деконского, а другая в доме г-на Шмита, в обеих не без палочных ударов было.

Спустя несколько времени прибыл в сей город г-н Бурнашев со всем своим семейством и остановился на несколько дней у г-на Депрерадовича; он, по оставлении Россиею Грузии совершенно ее судьбе, отправлялся тогда к князю Потемкину.

В сие время съехалось еще к нам много проезжающих в Георгиевск на поклон г-ну Текеллию, где была опять главная квартира; такое собрание подало случай к удовольствию и танцам, после чего все разъехались, а я остался опять между книгами, эскадроном, а иногда и с молодою Шмитовою. Сие последнее мое препровождение времени прекратилось приездом к нам поручика Круглова, который и действительно был до безумия влюблен в свою распутную невесту. Г-н Шмит, узнавши его намерение, не хотел иметь русского зятем; и так сей прибегнул с своею невестою в покровительство г-жи Депрерадовичевой, которой сделали во всем исповедь. Сия будучи великая охотница в чужие дела вмешиваться, и потому дала в том руку г-ну Круглову, что молодой г-же Шмитовой быть его женой. Ходатайство г-жи Депрерадовичевой несколько дней было безуспешное; но когда она объявила г-ну Шмиту, что он не замедлит быть дедушкой своим внучкам, тогда разжалованный цирюльник по обыкновению немецкому, призывая гром, молнии и всех чертей на погубление своей дочери, предался лютейшему мучению и, не видя дочери, которую на сей бешеный час госпожа Депрерадовичева удержала у себя, напал на жену, не довольно смотревшую за честью своей дочери, над спиной которой чубук не один был переменен. После усильных требований госпожи Депрерадовичевой г-н Шмит объявил, чтоб она делала с его дочерью, что хочет, о которой он уже и слышать не хотел. Итак госпожа Депрерадовичева положила свадьбе быть в ее доме и ее иждивением. Когда все было готово к венцу, то госпожа Депрерадовичева послала просить г-на Шмита, чтоб он увидел свою дочь и простил бы ее, на что сей наконец и согласился.

Итак госпожа Депрерадовичева изобрела идучи к венцу зайти к г-ну Шмиту, что и устроила таким образом: впереди музыка полковая играла марш, за оною слуга нес на подушке пару венцов, украшенных разными цветами и лентами; за сим следовала госпожа Депрерадовичева, держа справа за руку г-на Круглова, а слева его невесту; заключался сей странный кортеж бабами всякого звания, по сторонам шли молодежь — офицеры нашего полку, смеючись до упаду всему виденному. Зашед к г-ну Шмиту, который простил дочь и желал ей всякого благополучия, но когда все поднялись идти в церковь, то г-н Шмит, пропустив госпожу Депрерадовичеву в двери, а дочери своей дал сильный толчок, от которого она выскочила скорее, нежели думала, и в прихожей упала в протяжку; после чего г-н Шмит, затворясь в своей крепости, решился никуда не выходить.

Госпожа Депрерадовичева, как устроительница сего празднества, пришла в бешенство и, кончив сочетание любящихся, напала на своего мужа, чтобы он наказал дерзость лекарскую. Г-н Депрерадович, видя явную обиду, сделанную его жене, чем бы ее бранить за вмешивание себя не в свое дело, послал звать злого Шмита к себе, но сей не пошел; г-н Депрерадович, которого непослушание больше привело в бешенство, написал ему ордер, но сей и письменному повелению столько же повиновался, сколько и словесному. После чего послано было несколько человек караульных взять его; оробевший Шмит, видя войну, и потому сдался и, прибыв к полковнику, просил прощение.

Весь день проводили в танцах, а в вечеру, когда время наступило новобрачных весть в постелю, то госпожа Депрерадовичева опять с музыкой сие выполнить поручила офицерше нашего полку госпоже Марковой, и они отведены были в дом старого Шмита. Сей, будучи до крайности злобен и растроган бесчинством своей дочери, но принужден будучи повиноваться силе полковницы, водившей своего мужа за нос, и потому решился в последний раз отомстить молодой и молодому. Только что они улеглись, а страшный Шмит, будучи несколько навеселе, вооружась чубуком, вошел в сени, где, повстречавшись с госпожою Марковою, дал ей несколько раз вдоль спины, которая не видывала такого переполоху, выскоча из дому и не попавши в ворота, а вылезла в дыру, в которую со двора на-

воз выбрасывали, и отправилась не оглядываясь в свой дом.

Г-н Шмит, войдя в спальню молодых, выгнал жениха в одной рубашке на улицу, а дочь свою бил, сколько его зверской душе потребно было, потом вытолкал ее со двора. После сей экспедиции вышел он за ворота, дабы видеть, куда девались его неприятели, и, увидя тут старика нашего полку капельмейстера, которого и попотчевал несколькими ударами. Надобно знать, что когда отправились молодые, то несколько офицеров пошли к дому г-на Шмита в том чаянии, что там что-нибудь произойдет забавное, и, когда рассерженный и пьяный Шмит показался на улицу, то они по легкости своей ушли, а капельмейстер, будучи человек пожилой, но весельчак, последовавший за молодежью и не в силах будучи уходить, и потому отведал Шмитов гордовой чубук.

Молодые собрались будучи в одних рубашках в дом госпожи Марковой, где и проводили остаток ночи. На другой день надлежало выкупать их платье от г-на Шмита, которого он не давал, говоря, чтоб они пришли взять его благословение, но молодые, будучи предовольны родительскою милостью, им накануне оказанною, не пустились вторично в опасность. Госпожа Депрерадовичева пошла в его дом с немалым конвоем и взяла одежду молодых. После сего г-н Круглов, прожив еще два дня, отправился с своею женою к своему месту, а г-н Шмит от злости ежедневно бил свою жену и сына; бешенство его до того дошло, что он было принял яду, и потом струсив послал о сем уведомить премьера-майора Львова, который со всеми нами прибежал к сему злонравному немчину и, ежели бы не подана была скорая помощь, то сей бы негодяй закрыл навеки глаза. После сего он не будучи определен врачебною управою в наш полк, а назначен в Кизляр, куда и отправился. Я сие с его дочерью мое знакомство, впрочем ничего значащее, для того со всею подробностью описал, что сия женщина спустя несколько лет соделает мне на несколько времени некоторые неприятности, о чем я впоследствии сего сочинения упомяну.

Часть вторая

Глава II

ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЕ В ГЕОРГИЕВСК. — ПОХОД К ГОРОДУ АНАПЕ

Возвратившись в Георгиевск, я был очень обласкан г-м Текеллием. Мысль его была меня оставить при себе и взять в адъютанты свои младшие; сим средством он надеялся примириться с моим отцом, с которым он был как в Цесарии, так и выехав в Россию истинным другом; г-н Текеллий к сему примирению неоднократно делал первый шаг, но отец мой твердо стоял в том, чтоб больше не видать г-на Текеллия, как такого человека, который лишил его случая продолжать служение отечеству, и по его словам таковая вина не могла быть ни прощена, ни забыта.

Г-н Острожский, видя сие г-на Текеллия намерение, не знал как его от сего отвлечь: наговорить ему обо мне что ни есть ко вреду моему не мог потому, что весь корпус о моем поведении ему бы прекословил, а согласиться меня видеть в своем сотовариществе не мог по той причине, что я бы искал не в нем, а в самом г-не Текеллие, и видя, что сей старик уже меня любил и потому худой бы я был Острожскому подражатель. Я бы сего г-на Текеллия намерения и не знал, ежели бы г-н Острожский не открыл своего неудовольствия о моем оставлении при г-не Текеллии доктору Раппе, не ведая, что сей мой друг, от которого я все узнал. Дней десять моего в Георгиевске жития г-н Острожский меня крайне ласкал и выхвалял, все выгоды и честь, какие приносит молодому офицеру начальствование эскадрона; сим он желал меня подстрекать, дабы я к полку следовал, а в один день и до того дошел, что спросил, скоро ли я отправлюсь к полку, на что я ему отвечал, что, будучи из оного вытребован повелением главноначальствующего к отправлению курьером, должен таковым же опять к оному причислен быть. Г-н Острожский из сего моего ответа понял, что я не очень набиваюсь ему дорогу к милостям г-на Текеллия перебивать, и потому видно солгал г-ну Текеллию, будто я прошусь в полк,

ибо на другой после сего день я получил повеление полку о моем в оный отправлении.

Оставя Георгиевск, я прибыл в Александров, где начал волочится за г-жою Гановою: это была жена майора нашего полка Густава Федоровича Гана, человека мне с давних времен добрым приятелем бывшего; он, по моем отъезде в Елисаветград, ездил в город Кизляр и там женился на бригадира Вишнякова дочери. Молодость его супруги и некая живость в глазах, подобная тому огню, который мы замечаем во взгляде азийских женщин, подающие намеки тайного их желания, достаточны были меня заставить забыть прежнюю мою с г-м Ганом дружбу и влюбился совершенно в его жену. В самое то время, когда мы уже друг друга совершенно вразумили и я надеялся пуститься на дальнейшие предприятия, получил я известие, что скоро войско пойдет в поход и потому долженствовало мне явиться к полку, тогда расположенному лагерем на берегу Кубани. Я расстался с г-жою Гановою, уверяя ее всегда любить, она в том же дала мне слово.

Прибыв к полку, вступил я опять в командование 10-го эскадрона. Не прошло и недели после сего, как вдруг увидели мы прибывшего принимать полк Астраханский драгунский полковника Дмитрия Михайловича Зыкова. Князю Потемкину дошли слухи о изрядном прежнем положении нашего полка и потом о совершенном оного опущении, и потому г-н Депрерадович учтивым образом выгнан из службы с награждением бригадирского чина, а г-ну Зыкову поручено начальство полка. В сем случае положение г-на Депрерадовича было слишком замечательно, чтобы можно было о нем умолчать и не удивляться его терпению, его беспечности: начиная с полка, то оный был в совершенной неисправности; жена обесчещена офицером полка нашего, который ее прибил уличивши ее ему в неверности; сын пил до того, что в беспамятстве было себя заколол, но скорая помощь подана; дочь, выданная за г-на Деконского, по отъезде моем в Елисаветград лишилась ума и несколько дней сряду на мою беду призывала меня в безумстве к себе, потом выпрыгнув в окно ушла и по трехдневном пропадании отыскана в одной рубашке на кладбище сидящею, откуда ее с великим трудом могли взять, толико ей там понравилось. Все сие с г-м Депрерадовичем случилось в течение трех месяцев, а он о сем и не думал, и ежели бы таковое равнодушие

происходило от ума, то бы это был человек неслыханного терпения. Наконец полк сдан по долгим спорам, и за всю неисправность кончилось дело расплатой деньгами, и мы, лишаясь в г-не Депрерадовиче совершенного осла, получили в замену толикому собору глупостей полковника в г-не Зыкове, человека честных правил, великолепно и весело живущего, строгости преисполненного, что до службы касалось. Это была кажется мена довольно прибыточная. С начала я было с ним не ужился, ибо кто есть без слабости, а он имел ту, что хотел всякого попробовать. При осмотре эскадронов, как в пешем, так и в конном учении, отдал моему эскадрону совершенную похвалу против всех других, но он желал, дабы офицеры искали в нем и были безотлучно около его с видом обожания; я, сие заметив и не сделав привычки к раболепству, положил только у него быть по службе; ему сие показалось досадно и потому он говаривал: «Я Пишчевича за его упрямство терпеть не могу, а когда увижу его эскадрон, то нельзя его не любить!» — Несмотря на сие, я положил по окончании похода, тогда преднамереваемого, оставить полк Астраханский, а перейти в Таганрогский драгунский, куда я приглашен был полковником Беклешевым.

Вскоре за сим послано повеление всему войску выступить в поход разными отрядами вниз по Кубани. В один день, будучи я дежурным по войску, пошел рапортовать поутру генерал-майору князю Ратиеву, в отряде которого мы состояли; он меня знал и всегда отлично со мной обходился, и потому узнав стороною, что я намерен полк Астраханский оставлять, советовал мне того не делать, говоря, что ему бы неприятно было видеть расстроенным столь прекрасное собрание офицеров.

Продолжая поход правым берегом Кубани, мы пришли к развалинам Архангельского редута, назначенного сборным местом всему войску, где узнали, что на противулежащей стороне скопище закубанских черкесов препятствовало другому отряду, пред нами пришедшему, пользоваться водою из сей реки, засев в лес, стреляли по всем, кто к берегу ни подходил. Князь Ратиев почел сие за обиду войску и потому положил до прибытия главноначальствующего занять левый берег и прогнать дерзкого неприятеля. Он взял с собой часть своего отряда, в числе которых и я с своим эскадроном находился. Под жестоким неприятельским огнем мы переехали на лодках Кубань и, прогнав неприятеля, заняли берег; чрез два дня после

сего г-н Текеллий прибыв велел всему отряду князя Ратиева перейти на противулежащий берег, под прикрытием которого мост наводить положено было. Несколько дней после сего черкесы оставили нас в покое, после чего появилось их до 700 человек пред нашим лагерем. Князь Ратиев выступил с частью своего отряда им в лицо; нападение на их произошло от нашего полка, который в сем случае очень отличился и прогнал скопившуюся черкесскую толпу. Полковника Зыкова мы в сем случае заметили нетрусость, да и он немало выхвалял опрометчивость полка ему вверенного. Князь Ратиев, донося о сем деле главноначальствующему, говорил обо мне с отличною похвалою, как о таком офицере, который в его глазах с эскадроном в тот день отличился. Г-н Текеллий, увидя меня на другой день у развода, выхвалял мой поступок пред всем собранием. Но чтобы попало мое имя в реляцию, то надобно было искать в г-не Острожском, чего я не сделал, и потому никто из моих знакомых не имел удовольствия видеть оное напечатанным в донесениях во все время начальствования у Кавказа г-на Текеллия. А следующий случай подал г-ну Острожскому меня совсем не любить: все войско перешед Кубань следовало подошвою Кавказских гор к турецкому городу Анапе; на одном переходе получили известие, что нашим квартермистрам, впереди нас находящимся, черкесы мешали своим наездничеством занимать лагерь. Г-н Текеллий отправил в помощь оным дежурного своего бригадира Савельева с частью казаков, подкрепляемых нашим полком. Неприятель, увидя наше приближение, не замедлил от занимаемого лагеря отступить, но занять позицию у большого леса, в котором часть оного спряталась и из которого, когда мы на них наступили, переранили у нас людей и лошадей. Г-н Савельев, видя, что без пехоты в лесу не будет успеха, и потому послал меня донесть все происшедшее г-ну Текеллию и требовал, буде надобно из леса выжить неприятеля, присылки егерей. Г-н Текеллий, которого я уже застал в лагере, очень не одобрил наше наступление конницею на лес и, пока в отряде г-на Савельева убивали людей, сей старик занялся мне рассказывать семилетней прусской войны один случай, в котором он ранен от нерассудного наступления на засевшего в лесу неприятеля, и окончивши оное, велел, дабы г-н Савельев возвратился в лагерь. Сие мое г-ну Текеллию посольство крайне г-на Острожского на меня озлобило за то, что

я прямо г-ну Текеллию вошел с донесением г-на Савельева; а не отнеся прежде ему, как он было то завел, чтобы никто не смел приближаться к главноначальствующему, пока не побывает у него. И так сие сделано, что г-н Острожский меня терпеть не мог, а г-н Текеллий напротив всегда, где со мной ни встречался, вступал в разговор и оставлял часто обедать у себя, но уже мною сказано было прежде, что судьба сего старика определила быть всегда водиму своими письмоводителями, адъютантами и проч., и потому ласка главноначальствующего не сильна была одолеть против меня ненависть его адъютанта.

Продолжая поход, мы далее поставили свой стан при речке Убине, куда к нам выехал из гор черкесский князь Аджи-Гирей с объяснением, что он с своими подданными желает присягнуть на верность России, и при том донес, что неподалеку от него живут другие князья, которые, не желая следовать его примеру, пользуются великим богатством и имеют множество скота, которых разорить весьма бы удобно было, ежели бы послать хотя небольшую часть войска. Г-н Текеллий для сего отрядил 26 сентября подполковника Мансурова, можно сказать, с горстью людей, в числе которых и я с моим эскадроном находился. Аджи-Гирей, заведя нас в тесное место, сам ушел, а мы увидели себя окруженных более нежели десятью тысячами черкес и турок с пушками. Бой был неравный, ибо нас было с небольшим тысяча человек, но мужество или лучше сказать отчаянность в сем случае была нашим путеводителем: мы находились от корпуса только верстах в осьми, окруженные горами и непроходимыми лесами; более трех часов мы уже были в драке, отступая к корпусу шаг за шагом, а дерзкий неприятель нас преследовал и окружил весь корпус, который был расположен весьма невыгодно; ночь прекратила бой сколь чудный, столь и посрамительный для нашего войска, в котором весь день стоя на одном месте только лишь отстреливались. В сей день меня отменно в своем донесении г-н Мансуров одобрял, но г-н Острожский все сие ни во что поставил.

После сего поручения гоняться за скотом, мы дошли до города Анапы, слабо тогда укрепленного и имеющего малый гарнизон, но, ничего под оным не сделав, пустились в обратный, путь на линию, и около исхода ноября месяца достигли своих квартир, претерпев довольно нужды все войско в безуспешном сем походе. Вся тактика наших генералов состояла в

том, чтоб искусно жечь убежища черкесские и разорять их вконец, дабы они ведали, что генеральство наше ничего другого не знало.

По возвращении моем в Александров застал я в оный прибывшим брата моего Ивана Семеновича. Г-н Зыков имел довольно случаев видеть в сем походе неустрашимость полка Астраханского и потому жалел лишиться офицеров, из которых большая часть хотела оный оставить по некоторым с начала его обидам, и так он обратился к другому средству: начал нас ласкать, и мы положили остаться в том же полку.

Г-н Зыков был человек любивший веселости, и потому очень часто у него были съезды из других мест обоего пола господ; танцы во всю сию зиму нас занимали, а при том не забыто было приведение полка в настоящий порядок, который было опустился в малое время начальствования оным г-на Деперадовича; мысль г-на Зыкова была, доведя полк до совершенной исправности, стараться, дабы оный выведен был с линии в армию князя Потемкина.

Возвращение мое из похода возобновило мое волокитство за г-жою Гановой, но я нашел ее во многом переменившеюся; находясь столь долго в обращении с одним своим мужем, начала его больше любить, нежели прежде! — Это не была беда! — а к тому ж сделалась набожною, вот это была беда! Однако ж я решился на приступ такой крепости, которая будучи столь долгое время в облежании, а о сдаче не помышляла. Комнатная ее девка была избрана мною в мои лазутчики; она ввела меня в один вечер во время отсутствия г-на Гана в спальню своей госпожи, которая уже находилась в постели и, видя толикое предательство со стороны своих приближенных, по некоторой слабой обороне сдалась на волю победителя. В сию ночь разные страсти ее занимали: приятность, воспоминая начало нашего знакомства — мое отсутствие — верность к мужу, слезы, мое возвращение, досада на девку, нерешимость продолжать столь хорошо начатое дело, просьбы ее забыть; все сие вместе наконец запечатлевалось совершенным удовольствием, после которого следовали уверения, что меня любит. Однако ж возвращение ее мужа прекратило все, он был уже хотя и не молод, но добрым обхождением с своею женою и предупреждением ее желаний, обрел в ее сердце первое место; она меня просила остаться ее другом, но впредь не надеяться больше на ее слабость.

Глава III

ПРОИСШЕСТВИЯ, СО МНОЙ СЛУЧИВШИЕСЯ В 1789 ГОДУ И В НАЧАЛЕ 1790 ГОДА

1789 год не был никакими особыми для меня приключениями примечателен, кроме что будучи оный крайне болезнен для войск, на линии состоящих, и умерло очень много, но я особливым крепким своим сложением выдержал все время в совершенном здоровье. Полк наш расположен был большую часть лета лагерем у круглого леса, отстоящего от Александрова не в дальнем расстоянии. Учения были ежедневно, и полк доведен был до совершенства. В июне месяце узнали мы, что г-н Текеллий отставлен от службы, а место его заступал генерал-аншеф граф Иван Петрович Салтыков. Услыша имя Салтыкова, я уже почитал себя на самой вершине своего благополучия, ибо толикратно слышал я от отца моего, что граф Салтыков был из числа лучших его приятелей; и так кто бы на моем месте будучи не почитал себя благополучным. Встреча сему новому начальнику была изготовлена со всею важностью, приличною его чину, знатности и месту занимаемому; он ехал в сей край с великою доверенностию, производить мог до премьер-майоров. Полка нашего большая часть была расставлена в разных местах для его встречи. Я с моим эскадроном ожидал его в деревне Карамыке. Ласка, им мне оказанная, была велика и умножила лишь мою надежду к будущему моему благополучию; с ним также ехал тогда нашего полка шеф Апраксин, который находился при графе дежурным генерал-майором.

Возвратившись в Александров, застал я своего полковника Зыкова одержимым горячкою, который чрез несколько дней после того и умер к крайнему сожалению всего полка. В начальствование полка вступил премьер-майор Махвилов и доказал, что ничего не может быть выгоднее как прием полка от умершего полковника; невзирая на то, что графом Салтыковым приписана была похвала полку, который он нашел во всем совершенстве, а г-н Махвилов, задобрив графского правителя канцелярии князя Салагова, такового ж грузина, каков был и сам, пустился опорочивать в полку все и показать к службе многое неспособным, так что начтено до 40 тысяч рублей на покойного и положено все его походное имущество продать на пополнение сего мнимого недостатка. Несчастный Зыков

из гроба своего не мог возразить против несправедливости! — Офицеры хотя и говорили, но их голос был не слышен... Сей Махвилов был человек добрый, служивой, хлебосол, но, впрочем, без малейшего воспитания и полагающий в деньгах все блаженство света; жена его была также грузинка, умная женщина, но лукавая и великая ханжа. Итак имение Зыкова, бывшее небедное, состояло в многом серебре, разных других вещах немалой цены, выставлено было в зале и с молотка на бильярде продано без малейшего зазрения совести. Г-н Махвилов многим офицерам, забывшим добро Зыкова, зажал рот, позволив нравившиеся им вещи купить за бесценок. При столь жалостном грабительстве не без смеха было, ибо когда г-жа Махвилова знаменовала себя крестом, сожалея притворно о г-не Зыкове, а муж ее с бесстыдною жадностью, когда доходило до лучших вещей, то вооружался молотком сам и тремя ударами решал покупку на свою сторону, приговаривая притом, что он все сие прочит в приданое своей дочери. При сей продаже чуть моей книги не продали, которую брал у меня г-н Зыков на прочтение; я, увидя поднятый над оною молоток, закричал, что я еще жив и что эта книга мне принадлежит. И ежели бы на оной не было моего имени, то быть бы ей под молотком.

Теперь обращусь к графу Салтыкову, которого весь предмет клонился к тому, чтоб линия во время его начальствования пребыла покойною и чтобы хищность горцев обуздать, которые тот год как будто нарочито избрали своим отдохновением и не делали нигде нападений большими партиями. Все войско продержано сей ради причины до глубокой осени в лагерях, где мы зарылись в землянки. Граф все сие делал в ожидании только из Петербурга позволения ему туда отбыть, которое наконец и получено, и он в начале декабря оставил линию. Пред его отъездом я был в Георгиевске, где г-н Апраксин говорил с великою похвалою о моей отличной службе и просил мне у графа в награду капитанский чин; когда я отъезжал к полку, то граф меня уверил, что я не буду забыт при делаемом тогда по Кубанской армии производстве, но когда оное обнаружилось, то я себя в оном не нашел. Мне бы и по старшинству в сей чин досталось, но граф перевел из пехоты двух капитанов в наш полк, которые, заняв порожние места, содеяли мне преграду в повышении. Итак граф, отбыв с линии, оставил меня преисполненного тех же мыслей о дружестве его к моему отцу,

каковых я уже довольно опытов имел от генерал-поручика Потемкина.

Сей случай доказал мне, что друзья моего отца Потемкин и Салтыков меньше мне оказали доброхотства, нежели его неприятель Текеллий, при котором ежели бы я не имел преградой злость Острожского, то сей бы отца моего недруг доставил бы мне скоро стезю, по которой бы я достиг моего по службе счастия. Еще должно и то сказать, что, может, был бы я произведен в капитаны, ежели бы поклонился князю Салагову, правителю канцелярии графа Салтыкова, которого протекция много значила, ибо его воля составляла волю графскую, но я будучи протежирован г. Апраксиным, который был не в ладу с князем Салаговым, и потому сей прежде ордером причислил вышереченных двух капитанов, а потом сделано производство, следственно ваканции и не оставалось, а ежели бы воля была Салагова творить добро, то он бы прежде сделал производство, а там бы их причислил и как они своею охотою шли в драгуны служить, то могли бы исверх комплекта остаться.

Начальство войск Кавказских перешло отбытием графа Салтыкова в руки генерал-поручика Юрия Богдановича Бибикова, человека падкого на деньги, и потому он положил сколь можно скорее обогатить себя выведением в расход суммы, на чрезвычайные издержки определенной; и так затеял зимой 1790 года поход за Кубань, а потом и к городу Анапе. Два эскадрона нашего полка к сему предприятию были назначены; г-н Махвилов назначил меня начальником обоих оных и, когда я совсем уже был готов к выступлению, тогда получено от г-на Бибикова расписание войску, шедшему с ним, в котором подробно были означены все чины и при сих двух эскадронах сказано быть двум капитанам. Итак не будучи я в сем чине и потому не удалось мне разделить тех трудностей, какие мои сотоварищи понесли в сем походе, о чем я всегда жалеть буду, ибо никогда, наверное, уже не повстречаюсь с толиким смешением нужд, бедствий, храбрости и голоду, каковыми сей поход ознаменовал себя. Одним словом, россияне в сем случае показали себя свыше человеков. Зимнее наше в Александрове пребывание было более нежели скучное; беседа ежедневная между одними своими сотоварищами не имела никакого предмета новости. Я не жил, а мучился и потому положил обозреть часть

линии от Моздока до Кизляра лежащую, где я еще не бывал. Случай к сему предстал тот, что г-ну Гану, находившемуся в Кизляре для покупки лошадей, надлежало отвезть денег 3000 руб., я сие взял на себя. В продолжение сего пути, я останавливался во всякой крепости и проживал по нескольку дней. Екатериноград удержал меня некоторое время по причине тогда наставшей сырной недели; явился я к тамошнему губернатору Сергею Афанасьевичу Брянчанинову, пригласившему меня на бал, во время которого я виделся с молодою Булычевою, вышедшею замуж за надворного советника Тумашевского; сей, ведая все происходившее в Ставрополе между мною и его супругою, оказал ей свое неудовольствие ради того, что она вступила в танцы, и потому она из оных удалившись, занялась картами. Таковым бессмысленным поступком г-н Тумашевский открыл всем более, нежели надобно было, насчет прошедшего поведения своей жены. Всякий, кто знал ее охотницей танцевать, мог легко видеть, что мое появление в Екатериноградe было не по сердцу г-на Тумашевского; однако ж при всем толико строгом наблюдении г-жа Тумашевская несколько вечеров сряду нашла случай со мной видеться наедине.

Оставив сей город, я прожил несколько дней в Моздоке у подполковника Бориса Александровича Мансурова, моего начальника в Убинском сражении; здесь я свел знакомство с лекарем Григорием Федоровичем Улазовским, человеком умным и столько ж любопытным, как и я; мы положили вместе продолжать путь в Кизляр. В Науре употребили мы два дня, дабы отплатить за ласку, нам оказанную бригадиром Иваном Дмитриевичем Савельским, который был человек крайне сведущий о положении Кавказа и оного жителей; нас попеременно занимали разговоры о той стране. Впрочем г-н Савельский всегда рад, ежели его посещают, и старается угостить наилучшим образом; музыка и певчие занимают беседу по вечерам. В Червлионской станице равно я был обласкан генерал-майором Ларионом Тимофеевичем Нагелем и всем его семейством. Таким образом, продолжая мы путь далее обозревали все любопытства, достойные на берегу Терека, входили в подробность нравов козаков моздоцких, гребенских и семейных. В Кизляре проводили мы десять дней, в которое время я со многими в сем городе познакомился; бригадир Иван Петрович Горич, подполковник Федор Карпович Сенинберг и майор Андрей Кар-

лович Сизинг и г-н Ган были те, у которых я наиболее время делил. В один вечер г-н Ган заигрался в карты у г-на Горича, а я, пришед к его жене, застал оную жалующуюся на нездоровье и крайне задумавщуюся; разговор наш начался ничем и продолжался тем же, ибо язык говорил без согласия сердца, но чувства наши разумели между собой гораздо лучше; я сделался предприимчив, г-жа Ганова уступчивою, и мы в забытьи сем предались тому, чего уже никак не думали возобновлять. Такова есть сила первой страсти: женщина как бы ни остерегалась, но выискиваются минуты ей изменяющие. Сие было последнее наше свиданее как любовников, впрочем, мы всегда жили как добрые приятели.

Возвратясь из сей поездки в Александров, застал я мой эскадрон в унынии и замешательстве; г-н Махвилов ожидал меня с нетерпением: прапорщик Рос, озлобясь на любимого моего драгуна Купреянова, бил его столь нещадно, что сей спустя несколько после того дней и умер. Весь эскадрон требовал у г-на Махвилова моего возвращения. Сей Рос впоследствии сего сочинения нанесет мне неудовольствие, и потому надобно о нем нечто сказать: он был солдатом прусским, откуда бежал, записался в цесарскую службу, где обличен будучи в воровстве, прогнан сквозь строй; после чего с расписанной спиной ушел в Польшу, где находился слугою во многих домах, пока наконец дошел до России, верное и прибыточное пристанище всем бродягам. В Петербурге он вступил слугою к генерал-поручику Потемкину и, будучи роста большого и потому одет по тогдашнему обычаю егерем, прибыв на линию, вздумалось ему служить в войске и проситься в Астраханский драгунский полк; г-н Потемкин произвел его вахмистром и определил по его желанию. Я, находясь при сем генерале, знал сего Роса потому, что он нередко за моим стулом стоял, чего ради он видя г-на Апраксина, потом и г-на Депрерадовича ко мне хорошо расположенных, прибегнул под мое покровительство и имел дар плакать когда вздумает, и потому представил себя беднейшим человеком; я вошел в его состояние, испросил у г-на Депрерадовича ему кадетский чин и определение в мой эскадрон, где все выгоды ему доставлены были, а наконец досталось ему и в прапорщики и по моему отбытию в Кизляр по раскомандировке офицеров оставался он начальником моего эскадрона. Из смерти Купреянова вышло бы превеликое следствие,

совсем на беду Росу клонящееся, ибо доказано было, что смерть сему драгуну последовала от побоев им претерпенных. Я едва упросил г-на Махвилова, чтобы он сей случай предал забвению.

До августа месяца полк наш простоял в лагере, близ Александрова расположенном, в которое время прибыл к нам полковник Алексей Ильич Муханов и принял полк; он был человек в обращении хороший, но не разумеющий службы, и потому полк начал опущаться; сей г-н Муханов полюбил меня очень, и все время я долженствовал с ним делить.

Глава IV

ПОРАЖЕНИЕ БАТАЛЕ-БЕЮ. — ПОМЕХА, МНЕ СДЕЛАННАЯ В ДОСТИЖЕНИИ ПРИГОТОВЛЕННОГО МНЕ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРОМ ГЕРМАНОМ БЛАГОДЕЯНИЯ. — ЕЗДА МОЯ В БЕНДЕРЫ. 1790 ГОД

Генерал-поручик граф Антон Богданович Дебальмен, вступивши в начальствование войск Кавказских, имел довольно труда в расположении беспечности линии; войска в сем году столько же было больного, как и в прошедшем, а известия доходили, что из Анапы анатольский Батале-бей шел с корпусом турок и черкес на линию; отчего сумятица в сем году происходила немалая по всей линии, а наконец граф Дебальмен, располагавший выступить против турок, сам заболел и остался в Георгиевске. Генерал-майору Герману предоставлен был лавр за поражение Батале-бея. Полк наш случился в его отряде. Г-н Герман двинулся к Кубани и разными походами и оборотами понудил Батале-бея войти в нашу границу, ибо он ожидал нас в горах на себя, но малолюдство нашего отряда поставило бы неравный бой с столь превосходным числом неприятеля. 30 числа сентября было назначено для сей знаменитой битвы, в которой Батале-бей попал в наши руки со всем своим лагерем, 30-ю пушками и военнопленными. Г-н Герман, употреблявший меня и до сражения в разные посылки с эскадроном, а в самый тот день я до прибытия всего отряда занимал гору, важности для успеха победы немалой стоящую. Находясь несколько дней сряду в трудах, нужен был мне покой, и потому, когда мы поставили свой стан гораздо уже поздно в вечеру в том месте, где стоял турецкий, я в своей палатке, отдыхая, пил кофий, потче-

вая оным и пленного раненого турка, мною на поле битвы поднятого, которому я велел перевязку сделать. В сие время приходит от г-на Германа ко мне офицер, с приказанием к нему явиться. Когда я пред его предстал, то он мне сказал: «Ваша служба всем нам известна и неполучение за оную никакой награды также, и потому поручаю вам сие донесение (отдавая мне запечатанный пакет на имя г-на Дебальмена) доставить графу Дебальмену, в котором я ему кратко описываю победу, предоставляя вам как очевидцу все обстоятельства оного рассказать, и притом прошу его в вознаграждение усердной вашей службы отправить вас с донесением оной курьером к князю Потемкину; ведая я, с каким удовольствием его светлость примет сие известие, могу вас наперед поздравить майором».

Отправясь в Георгиевск, я по дороге ободрял все селения, приведенные сближением турок в крайнюю робость, везде толпы обоего пола людей меня встречали и едва верили Баталебееву поражению. Ко всей сей беде черкесы начинали делать разные наглости; во время моего проезда на расстоянии трех верст казак один ими убит впереди меня, а другой позади. Благоприятная мне минута помогла избегнуть всякого злоключения. Георгиевск, который я застал в немалой смятности, также привезенным мною известием ободрился; графа Дебальмена в тот вечер моего приезда я не видал, по причине его жестокой слабости, а дежурный его подполковник Николай Петрович Лебедев отнес ему в спальню столь радостную весть; полагали, что оная послужит немало к его выздоровлению. Граф чрез него велел мне сказать, чтоб я был готов ехать в Бендеры, где имел тогда свое пребывание князь Потемкин, с сим донесением, но что по слабости своей отлагает до следующего утра мое отправление, в которое он расспросит меня о всем происшедшем обстоятельно.

Казалось, что счастье на мою сторону начинало приклоняться, но оно и на сей раз меня обмануло. Справедливо говорится, «что, где черт ничего не успеет, туда всегда женщину посылает».

Сделав в тот день более ста пятидесяти верст переезду верхом, я был не без ослабления своих сил и потому предался покою в одной из комнат графских, занимаемых на время его болезни доктором Раппе. В приятных для меня мечтаниях вкусил я сладчайший сон, в которое время графиня Дебальмен

старалась опрокинуть все для меня судьбою приготовленное: она видела ясно, что графа, супруга ее, бытие скоро прекратится, и имея в виду одно свое и пяти детей положение довольно недостаточное, а ведая, колико граф был взыскан милостью князя Потемкина, и потому решилась послать с донесением Батале-беева поражения регистратора Юдина, человека ей совершенно приверженного, который бы его светлости, при столь радостном известии мог обстоятельно изъяснить положение не Кавказской страны ее мужу вверенной, а графского семейства. Таким образом, в ту же ночь, невзирая на слабость своего супруга, которым она совершенно управляла, понурила его сия бездушная женщина подписать донесение князю Потемкину о разбитии турок, столь же краткое, какое было прислано от г-на Германа, который полагал, что я, ведая все обстоятельства сего предприятия, дополню изустным донесением. Короче сказать, женщина, вмешавшаяся не в свое дело, всего сего не разбирала.

На другой день граф получил несколько облегчения, г-н Лебедев ему доложил о несправедливости, мне сделанной, и упомянул, что всему корпусу известна моя усердная, но несчастная служба, для вознаграждения которой я и был избран в сию посылку. Граф, призвав меня пред себя, жалел о моем приключении, и не имея, что в свое оправдание сказать, утверждал, что оное произошло от ошибки, и, расспросив подробно случившееся сражение, отпустил меня с уверением, что как скоро сделается ему лучше, то отправит меня с одним письмом к князю Потемкину, в котором будет мне просить воздаяния за всю мою службу, но сего не случилось, ибо два дня спустя после он умер. Генерал-майор Сергей Алексеевич Булгаков, приняв начальство войск Кавказских, прибыв в Георгиевск и будучи ко мне хорошо расположен, жалел немало о случившейся мне неудаче. Совет его был мне ехать обратно к г-ну Герману и просить, дабы я был отправлен с подробным донесением случившегося дела; я сие исполнил, но г-н Герман, полагая меня уже в предположенном пути, дал обещание к сему отправлению другому, и потому слова переменить нельзя было.

Г-н Герман, распустив свой отряд в квартиры, отправился в Георгиевск, взяв и меня с собой; здесь положено было с г-м Булгаковым изыскать, какое благоприятное донесение, с которым бы я мог быть отправлен к князю Потемкину. Пока все

сие со мной делалось, а г-н Юдин прибыл в Бендеры в самое то время, когда в оном горевали о неудачном предприятии на крепость Килийскую и оплакивали смерть храброго генерала Меллера-Закомельского; лишь князю Потемкину г-н Юдин был представлен, то он его произвел в капитаны и велел отпустить тысячу рублей на его издержки. Бендерским жителям возвещена была слава войск Кавказских 101-м пушечным выстрелом, и его светлость предался радости, ибо линию Кавказскую полагали погибшею. Когда собрание стало у его светлости велико, то призван был г-н Юдин для объяснения краткости донесения; сей, не ведая ничего о линии и далее Георгиевска не бывалый, не мог ни в чем дать толку, тогда князь начал немало досадовать, что не прислан такой, который был очевидец сего дела; однако ж г-н Юдин остался с наградой ни за что.

Разбитие Батале-бея понудило некоторых закубанских черкес искать покровительства у России; число сих доброхотствующих нам простиралось до 20 тысяч душ, и потому с сим донесением г-н Булгаков меня отправил к его светлости, а притом г-н Герман, сочиня план одержанного им сражения, со мною же отправил и писал письмо к г-ну Попову, правителю дел при его светлости, и просил его о повышении меня чином, прописывая все, что со мной графиня Дебальмен сделала.

В городе Черкаске едва я не утонул, переезжая довольно неисправный мост, на Дону наведенный; доски раздвинулись и моя телега было опустилась под оный, но сбежавшимися людьми удержана. Воды в ней уже столько было, что все перемочилось, а план, данный г-м Германом, лежал наверху в деревянной трубке и по легкости своей было поплыл в Азовское море, но с заплатой рубля казак на лодке его догнал. Зашед в сем город в лавки для покупок, немало удивился я, повстречавшися в оных с г-жою Колокольцевой, которую судьба вела на Кавказ, ибо г-н Исленьев, будучи произведен генерал-майором, в тот корпус был определен; он ее отправил вперед, а сам оставался еще в Бендерах. Свидание столь неожидаемое было с обеих сторон принято с великим удовольствием, должно было согласиться, сколь я ни спешил ездой, побывать в ее квартире на несколько минут, вместо которых протекли у нас часы и наконец настигшая ночь принудила меня у ней ночевать.

Продолжая мой путь далее, прибыль я в Кременчуг и, пе-

рехав Днепр в Крюкове, простоял несколько часов на сильном дожде при наступившей уже ночи; квартиры были набиты солдатами трех полков, в сем месте ради переправы остановившимися, ибо мост уже был разведен, лошадей на почте не было, и так я с бывшим при мне драгуном обременили своим экипажем свои спины, пустились по улице, имея грязь по колена, искать себе ночлега. У одного дома сквозь ставни отворенные виден был мужчина, прохаживающийся по комнате, в военном сюртуке; я положил у него просить ночлега, но лишь вошел в комнату, то наше удивление было обоих равно свидевшись: это был майор Логин Карпович Бергольц, служивший капитаном в С.-Петербургском драгунском полку и мне бывший хорошим приятелем.

На другой день я заехал в деревню отца моего, который на тот раз отбыл в Петербург за приемом из монастыря старшей моей сестры. Здесь я застал письмо его, которое долженствовало быть отправлено ко мне на линию и писанное им при отъезде в Петербург; в оном он меня извещал, что он, желая меня видеть служащего ближе к себе, просит о переводе меня в легкую конницу армии князя Потемкина; мне таковой оборот милости родительской был слишком приятен, и я сел ему писать и благодарил, изъясняя все со мной случившееся после сражения Батале-беева. В сие время увидел я вошедшего ко мне дядю моего Хорвата, который, проезжая нашу деревню, на большой дороге лежащую, узнал о моем приезде и потому поспешно возвратился, дабы со мной видеться. Дядя меня уведомил, что отец мой начал переменяться против меня и жалеет о неудачном моем служении, что г-н Таборович умер, который было завел вражду между отцом и сыном до того, что родитель мой было положил меня никогда не видать, что смерть сего более нежели чудного родного, а притом от всех слыша о моем поведении и службе, взяли верх над нелепыми рассказами г-на Таборовича.

Простившись с дядею, я пустился далее в свой путь и, прибыв в Елисаветград, остановился в доме француза тут жившего Иосифа Ивановича Тёла, с которым я подружился во время моего в сем городе в 1788 году пребывания. Он человек очень сведущий и умный, у которого я застал в гостях молдавского господаря Мавро-Кордато, обласкавшего меня много и пригласившего меня к себе ужинать. Изящность дарований и об-

ращения сего принца привязывали с первого раза всякого к нему. Оставив столь любезных особ, я прибыл в деревню Злынку; темная ночь, грязь и дождь заставили меня остановиться до утра в сем месте. Около полуночи услышал я необычайный крик в соседней избе человека, просящего помощи. Хозяин мой, я и драгун выскочили и, войдя в дом соседа, увидели его связанного, который нам объявил, что три человека, войдя к нему, потребовали денег, которых у него до 500 руб. было, и взяв оные, а притом и жену его посадя в телегу, ускакали; все сие производилось при угрожении его зарезать, буде малейше закричит. Между разбойниками он узнал одного, в которого его жена была влюблена и он было скрылся из их деревни более года.

Реку Буг я переехал в Ольвиополе, при котором месте сходились трех государств границы: Ольвиополь-Российское, Богополь-Польское и Гольта-Турецкое — и продолжал путь очаковскою степью верхом, ибо тут телег не было. Дорога в Бендеры лежала возле самой польской границы, которую тогда занимали посты войска Речи Посполитой, пренадменные своим ополчением, и величаясь тем, что некоторым образом они тогда отложились от подвластия России; разъезжая на добрых конях по своей земле и имея головы, излишнею рюмкою налитые, грозили всех россиян истребить; по всей границе было повеление на все сии храбрования ничего не отвечать, ибо Россия, имея пред собой турок, поляков оставляла до времени торжествовать пустяками.

Прибыв в Бендеры ночью, я остановился в трактире, где переоделся в платье, сшитое из солдатского сукна, которым я себя еще на линии призапасил, ведая то, что в угодность князя Потемкина в главной его квартире никто не мог иначе предстать. Лишь начало рассветать, то я явился к г-ну Попову, дабы его застать одного, которого пробуждения ожидал еще добрых часа два, а наконец он вышел ко мне, развернув план Баталe-беева сражения, расспрашивал меня обо всем подробно и потом, когда оделся, то с оным пошел к князю Потемкину. На письмо же г-на Германа мне сказал, чтобы я взял терпение, что все бывшие в сем деле будут награждены.

Глава V

ПРЕБЫВАНИЕ МОЕ В БЕНДЕРАХ. — ПЕРЕЕЗД МОЙ ИЗ ОНЫХ В ЯССЫ. 1790 ГОД

С приезда моего в Бендеры я легко мог понять, что важность Батале-беева дела уже пришла в остудение, ибо тогда всех занимал Измаил, под которым граф Суворов толикою славою себя покрыл. Чтобы мне получить чин, надлежало было приехать вместо Юдина, ибо князь Потемкин имел привычку отправлять с донесением какой-либо победы и ко двору тогда же курьера, который ему оную доставлял, но на сей раз, видя в Юдине человека неведущего ничего о сем деле, и потому отправил капитана, которого Императрица наградила майорским чином, деньгами и бриллиантовым перстнем.

Всякий день я посещал дом князя Потемкина, который тогда балами, волокитством и концертами занимался. Съезд был необычайный, великолепие у сего фельдмаршальского двора превышало некоторых царей; одним словом, я посреди толикого шума не без удовольствия время провождал, вырвавшись из кавказской глуши, нашел здесь много своих знакомых, в деньгах недостатку не имел, ибо на линии на сию поездку занял. Князь Потемкин не меньше меня занимал своею особою; кому неизвестен сей во всем никому не подобный, чудный и великого ума человек: видел я его в Крыму лежа на софе, окруженного фруктами и казавшегося ничем не занимавшегося, но посреди толикой беспечности Крым покорил России. Видел я его в Елисаветграде провождающего время смотрением, как 34 генерала, без всякого начальства проживавшие при нем, попеременно играли на бильярде, и после сего очаковский упорный приступ ознаменовал свету его предприимчивость. Видел я его в Бендерах, во всем блеске пышного и сластолюбивого вельможу у ног княгини Долгоруковой, и в то же время распоряжавшего воинством на важное покорение Измаила.

В один из сих дней находясь я в передней г-на Попова, которое было вместилище всем ищущим чего у его светлости; подошел ко мне Острогорского легкоконного полка полковник Рахманов, сказал: «Я узнал, что вы Пишчевич и племянник Лазарю Степановичу Пишчевичу, в моем полку служащему майором, он вас переводит в мой полк, и я по его просьбе

поручаю вам 1-й эскадрон в начальство и потому прошу вас, как скоро будете переведены, поспешите своим отправлением к полку». Слова сии меня удивили, и я оставляю на суд рассудка, таковое приветствие было ли средство к приласканию такого офицера, который привык быть уважаем своими начальниками. Впрочем, отец мой писал, что я буду переведен в легкую конницу, но в какой полк — того не означал, по письму, им писанному князю Потемкину, и поэтому я ни с которой стороны не мог думать, чтобы он поручил дяде моему меня покровительствовать, которому самому нужна была протекция. Когда князь Потемкин и граф Салтыков, будучи приятели моему отцу, не успели мне ничего сделать, стало быть мне милостивцем быть было нечто сверх нежели обыкновенное.

Чудный приступ г-на Рахманова, а еще чуднее, что он, не зная меня вовсе, поручал мне эскадрон, как будто из милости, побудил меня на толикую грубость дать ответ почти такого же смысла: «Я (отвечал я ему) не ведаю, о каком переводе говорите и никогда не располагал ни в какой полк напрашиваться, эскадрон же имею уже пятый год без помощи дядюшек, и оный есть таков, который я ни на какой первый не променяю». Г-н Рахманов после сего ответа увидел свою ошибку и что гордость его наказана, отошел от меня и, чтобы показать будущему своему офицеру, что он что-нибудь у г-на Попова значит, сунулся было к дверям его кабинета, но дерзкий мальчишка, охранявший вход оного, его от того удержал; и так сей мой новый милостивец остался со мной и со многими другими в передней. Узнал я, что дядя мой был любимец г-на Рахманова, а сего уже и довольно было, дабы меня понудить не служить с сим моим дядею, которого я, однако ж, с моего младенчества любил, а притом я держался все своего правила не служить с родными, а и того меньше значит в полку что ни есть по милости дядюшек. Однако ж я положил, дабы узнать яснее, что все сие значило, выправиться в канцелярии его светлости, где уведомлен был, что все делаемые переходы по армии состоят в руках премьер-майора Тетерина, к которому я пришед спросил, не имеется ли у него какого сведения о переводе поручика Пишчевича из Астраханского в Острогорский полк». Он мне отвечал, что есть у него о двух братьях, переводимых в помянутый полк, по просьбе дяди их, который на него сию комиссию возложил; я ему отвечал, что я один из тех и, не сделав привычки, чтобы

мной мог кто располагать, и потому пришел его просить уничтожить одно из тех прошений, до меня касающееся. Г-н Тетерин мне отвечал, что я напрасно сие делаю, ибо буду переведен с награждением чина, а притом переделать сие уже нельзя, ибо переводы лежат уже для подписки пред его светлостью. Г-н Тетерин, делавший за деньги всякого рода гнусности, обещал дяде моему за плату послать в Астраханский полк о выключке меня, яко поручика, а в Острогорский причислить ротмистром, и сие у г-на Тетерина называлось быть повышену в чине! — На все сие я г-ну Тетерину отвечал, что ежели он не уничтожит сего дела, то я доведу до того, что его светлость будет знать. Г-н Тетерин, преисполненный гордости и высокомерия, едва удостаивал выслушивать сию мою грозу, а не только, чтоб ее сбыточною полагать. Я в крайней досаде оставил г-на Тетерина быть повышену в чине столь гнусным образом, это не входило в мою голову, когда я оный неоднократно заслужил честным образом, но не получил, то лучше ничего; все сие меня удивляло, и я с сим моим дядей не видался с того времени, как был еще в училище, и почему он сие затеял делать, тогда я не знал.

Пришедши я в залу его светлости, увидался я тут с премьер-майором Яковом Ивановичем Коробьиным, с которым я издавна был хорошим приятелем; он, заметя досаду, на моем лице изображенную и от разговора с г-м Тетериным происшедшую, и узнав от меня о причине оной, пошел к сему продавцу чинов и уверил его, что ежели он не переменит моего перевода, то, знавши мое свойство, может его уверить, что я сдержу свое слово, и сие дело дойдет до сведения его светлости. По-видимому все сие понудило г-на Тетерина отложить для другого мне делаемую милость, ибо спустя несколько дней переводы по армии вышли, но в числе оных ни меня, ни брата моего не было. Сие, однако ж, г-н Тетерин не забыл и отомстил мне, как я после упомяну.

Имел я письмо от дяди моего Хорвата к губернатору Екатеринославскому, Василию Васильевичу Каховскому, человеку, не живущему никогда в своей губернии, а находившемуся тогда у продовольствия армии провиантом; по-видимому, он счеты свои лучше находил при сем поручении, нежели в губернии. Сей человек считался старым знакомцем моему отцу и добрым приятелем моему дяде, который его в своем письме

просил подать мне помощь к получению капитанства. Имел я правилом прежде нежели адресоваться с письмом, кому случалось быть поручаему, старался я его увидеть и по обращению с другими располагал, являться ли к нему или нет. Г-на Каховского мне показали, наружность его меня обманула. Иезуитское его лицо показалось мне изображающим доброту его души. Он был лукав, я был худой физиогномист, и сие меня обмануло. Я к нему явился и застал г-на Каховского, занимающегося интересными расчетами с душевным его наперсником премьермайором Мартыновским, и следственно помешал в какой ни есть статье государственного воровства; г-н Каховский, прочитав письмо с наморщенным лбом мне сказал, чтобы я в другое время у него побывал. Подумай всяк о только вальяжной глупости сего над четвертьми губернатора, которому, сделав я пренизкий поклон, вышел в твердом намерении никогда больше не покушаться отворять дверей его дома.

После сего посещения был я у генерал-аншефа Ивана Васильевича Гудовича, тогда определенного начальствовать войском Кавказским. Сей простоты преисполненный генерал был пренадменный человек, которого князь Потемкин держал тогда в узде и поставил ниже травы; он едва удостоил у меня спросить, зачем я в Бендерах. Когда я его оставил, то догнавшей его адъютант сказал мне, чтобы я явился в его канцелярию, где меня запишут. Я ему отвечал, что я уже записанным состою пятнадцать лет! «Но, — отвечал мне адъютант, — генерал напомянет г-ну Попову о вашем на линию отправлении!» — И сего не нужно, отвечал я, ибо г-н Попов меня всякий день видит и знает, зачем я здесь живу, и я не затем и приходил, а желание мое было себя представить новому моему начальнику.

После покорения Измаила князь Потемкин на четвертый день праздника Рождества Христова переехал на жительство в город Яссы, куда и мне г-н Попов приказал следовать. В сей путь я отправился с подпоручиком Алексеем Петровичем Лебедевым, который, служа в Кавказском войске, мне был истинный друг и прибывший туда также искать поручичьего чина. Людство, за его светлостью последовавшее, было необычайное, выставленных на станциях лошадей никак недоставало, и потому ехали на одних, доколе их сил становилось, после чего, останавливаясь на дороге, проживали по нескольку дней. Это бы неминуемо и с нами последовало, ежели бы не проворство

бывшего со мною драгуна от того нас избавило: мы кое-как дотащились на усталых своих лошадях до одной почты уже поздно в вечеру, на которой лошадей только и было что заготовленные для генерал-майора Вита, тогда везущего свою прекрасную жену вслед за князем Потемкиным, заступившую место княгини Долгоруковой. Драгун вмешался в свиту Витову и, усердствуя в упряжении ему лошадей, вмешал наших трех усталых, а оттуда трех свежих взял; молдована, нашего погонщика, мы понудили править сими лошадьми, предоставляя его лошадям высокую честь везти любовницу его светлости. Таким образом, нас двое, драгун, слуга Лебедева и молдован вместились в тележку, на которой и один бы с нуждой мог сидеть; на пути повстречались мы с шестью лошадьми и одним молдованом, и потому, следуя заведенному порядку в армии, принудили мы его с собой ехать, и дабы облегчить повозку свою, то посадили на тех лошадей верхом драгуна и слугу и с сими вершниками прибыли мы в местечко Кишинев. Здесь мы, отдохнув часа три в постоялом доме, запрягли повстречавшихся нам лошадей и пустились далее. Грязь, проливной дождь и холод — все нам на пути предстало, ночь настигла нас в дремучем лесу, где лошади нас везти не могли далее; и так мы остановились тут и послали драгуна и слугу в деревню, впереди нас лежавшую, сыскать лошадей или волов дабы нас туда дотащить. Посланные наши ночью дошли до оной и напали нечаянно на конюшню казачьего старшины, в оной с командою квартировавшего, из которой взяв трех добрых лошадей привели к нам. Казаки встревожились о потере лошадей своих, бросились во все стороны оных искать, как наконец поутру мы сами с оными им в руки явились, прибыв в ту же деревню. Старшина в первом бешенстве хотел нас угрозить своим полковником, к которому мы и пошли, но сколь я обрадовался, увидев в нем Андреяна Карповича Денисова, моего старого в училище товарища, с которым я с тех пор не видался. Он, узнав меня, обнял, а старшина, видя сие, закусил язык.

Оставя мы г-на Денисова продолжали свою дорогу и на другой день в вечеру прибыли или, лучше сказать, пришли пешком, ибо лошади от нас далеко отстали, к реке Пруту, где в одной землянке повар г-на Попова оставался и давал стол проезжим за плату необыкновенно дорогую; но кто целый день не ел, тот о цене не заботится. Землянка была наполнена проез-

жими, всякого сигнал был: давай есть! — Повар едва успевал оное изготовлять, как саранча все посекала. Стол состоял в битом мясе в кострюле, на скорую руку недоваренном, из которых за каждую повар брал со всякой души по голландскому червонцу. Встали мы из-за кастрюли вполголодны, но утешил нас один офицер, принадлежавший канцелярии его светлости, тем, что хотел уверить всех, что горы нами в тот день пройденные, были хребты Африканских гор; я не ведал, что он чрез сии хребты хотел сказать и потому вопросил его: точно ли он уверен в том, что предлагал? – «Как мне не знать, — отвечал невежа, — я нахожуся при княжой канцелярии». — Из чего я заключил, что канцелярия его светлости наполнена великими географами.

Накануне Нового года мы увидели себя в Яссах, употребив на переезд 150 верст семь дней, остановился я с г-м Лебедевым на одной квартире. Треск в вечеру по всему городу раздавался от ударения бичами. Мне сказали, что это есть одно из обыкновений той земли, что толпы людей ходят и, ударяя бичами под окнами дома, поздравляют хозяина с наступающим новым годом, и сие бичевание изображает прогнание старого года, за что им должно платить; изрядно сказал я, что город-то норов, и дав волю хлопать сколько угодно, не заплатил дани ни копейки сему чудному обычаю.

Глава VI

ПРОИСШЕСТВИЯ СО МНОЙ В ЯССАХ. — ВОЗВРАЩЕНИЕ МОЕ НА КАВКАЗСКУЮ ЛИНИЮ. 1791 ГОД

Ясская моя жизнь имела для меня довольно приятности: всякое утро провождал я в дому его светлости, где людство бывало необыкновенное; три раза в неделю у него бывали балы, а три же дня давались в сем городе редуты, в которых за умеренную плату вечера провождались в танцах и игре; дамы в оные собирались офицеров армейских, а многие и молдавских господ жены. Итак шесть дней я являлся в публику, а седьмой оставлял для себя, в который по своему обыкновению предавался чтению и размышлениям всего виденного и слышанного во всю неделю. Стол имел я в знаменитом Ясском кофейном

доме грека Чумы, где множество также собиралось генералов, штаб- и обер-офицеров, здесь можно было наслышаться разных суждений, часто обиняками выводимых, но которые, сличая с видимыми делами, нередко доводили до сведения различных тайных дел ясского владыки.

Г-н Попов отбыл в Петербург с подробным донесением о покорении Измаила, а я остался без всякого решения по письму, ему писанному г-н Германом; при его отъезде, когда я ему о себе напомянул, он мне сказал, что при награждениях, которые за одоление Батал-бея последуют, я не буду забыт. Все сие было великолепная посула без исполнения, и потому дня три после его отъезда я решился подать просьбу его светлости, по совету многих моих знакомых. Сия просьба состояла в краткой записке моей службы и просьбы о награждении меня чином капитана. К сему предприятию я тем скорее решился; что рассуждал, что в сем случае не было никакой подлости просить толико раз мною заслуженный чин у своего фельдмаршала. Впрочем множество было дорог, которыми доходили у сего вельможи до получения желаемого, но все оные показались мне подлыми и честному воину несвойственными. Притом я на сие более пустился и ради того, чтоб себя не упрекать неисполнением оного; ибо многие подававшие таковые записки получили просимое. Князь Потемкин, проходя из половины графини Браницкой в свою спальню, принял мою записку; при сем случае и многие другие подавали оные же; в том числе и мой приятель Лебедев; князь вошел в спальню, а затворившаяся за ним дверь скрыла как его, так и мою бумагу от моих глаз. Люди, жившие при сем дворе с давних времен и ведавшие порядок дел, советовали мне: чтобы получить совершенный успех в начатом деле, попросить одного из камердинеров его светлости, дабы он подкладывал почаще мою бумагу выше всех тех, которые у его на столе во множестве лежали, или закладывал бы оною то место в книге, где князь остановился чтением, которое есть средство, дабы просьба чаще ему в глаза кидалась, и он посему приказывал выполнять или ради того, что она ему наскучит видя все одну бумагу, или ее издерет, а чаще бывает, что выполнит догадываясь, что верно кто из окружающих имеет свою в том пользу, которым вельможи охотно угождают, ибо нередко жизнь их в руках таких людей, от которых приготовление и пищи и питья их зависит, и таким образом пред-

стоя чаще его глазам, будет наконец исполнена. Оставляю на рассуждение всякому честному человеку, что я мыслил в сию минуту как о тех подлецах, которые думали, что я соглашусь быть капитаном чрез посредство камердинерское, так и о том, у которого таковыми дорогами сыскиваются награды за службу отечеству.

Без сей подлости я на другой же день был произведен капитаном, ибо князь на моей записке отметил своею рукою сие повышение, но бумага сия попалась в руки негодяя Тетерина, которого я себе сделал злодеем в Бендерах. Человек, пустившийся было мошеннически мне сей чин доставить, недолго размышлял выкрасть из между бумаг сию записку, мною с отметкою самим виденную. Когда всем вышло решение просившим в один со мною день, а я не видел себе ничего, то пошел к подполковнику Янченкову, оставшемуся правителем дел после г-на Попова и на тот раз по слабости своего здоровья бывшего в своей квартире, и объяснил ему причину моего прихода. Г-н Янченков написал записку г-ну Тетерину, бывшему по нем старшим в канцелярии о отыскании сего дела; я оную отнес Тетерину-вору, которую прочитав, тотчас пошел сам к г-ну Янченкову, не проговорив со мной ни слова. Я нередко заметил, что, как скоро человек войдет при какой знатной особе в правители письменных дел, то поставляет как будто долгом не иметь ни честности, ни души. Так и в сем случае сделано. Г-н Янченков предпочел представления, сколь ни были лживые к своему оправданию, своего товарища моему делу и моей справедливости.

Я чтоб не остаться при сем, подал вторичную просьбу его светлости, в которой прописал утерю записки и прочее, следственно хотя не именовал, но выводил на руку гнусности Янченкова и Тетерина. Но на сие уже ничего не могло выдтить, ибо его светлость того дня в вечеру получа чрезвычайного из Петербурга курьера отправился ко двору с толикою поспешностью, что на другой день Ясской его двор сделался как будто необитаемым. Отправление мое из Ясс зависело от канцелярии его светлости, я явился, к г-ну Янченкову, который мне сказал, чтоб я делал, что я хочу! Таковой ответ офицеру, находившемуся в службе, показался мне довольно странен! — Но г-н Янченков был на меня злобен, как ради вторичной моей просьбы князю поданной, так и потому, что я с того времени,

как утрачена записка о моем производстве, навострив свой язык, дал ему волю потчевать всем тем, что я знал гнусного на счет сих чиновных писцов его светлости.

Г-н Лебедев, получа поручичий чин, был отправлен курьером на Кавказ, а я уговорился ехать с премьер-майором Коробьиным, и наняли мы лошадей до Ольвиополя, полагая наверное, что оных на учрежденных почтах не имелось, судя по людству, какое тогда за его светлостью потащилось. Таким образом оставил я Яссы, прожив в оных без мала два месяца во всяком удовольствии, сделав знакомство со многими, которые меня полюбили, но по службе своей ни в чем не успел.

В сем же города виделся я с полковником Золотухиным, с которым, при начале войны я в Елисаветграде свел довольно тесное знакомство; ласка, им мне всегда оказуемая, довольно заставляла меня верить, что я им был любим. Его удивление было велико видеть меня чрез четыре года продолжающейся войны все еще поручиком. Сей достойный всякого почтения человек соболезновал обо мне как о друге своем и советовал мне приехать на будущую кампанию в армию его светлости, где он надеялся, будучи любим графом Суворовым, мне доставить перемену чинов. Мне жаль, говорил он, видеть вас без всякой пользы служащего отечеству в столь неизвестном краю, и потому приезжайте ко мне; моя в сем случае польза та, что я буду иметь приятеля, с которым могу время делить, а к тому ж уверен, что вы своими достоинствами сыщете случай переменить свою судьбу. Я ведал, что г-ну Гудовичу велено было овладеть Анапой, и потому спешил к своему полку, но после обещал г-ну Золотухину выполнить его волю; но окончание войны с турками переменили обстоятельства в России, а потом войска вошли в Польшу, где мой любезный Золотухин в сражении под местечком Дубенкою пал на поле чести. Казалось, что судьба нарочито прекратила жизнь сему великодушному человеку для того, что он выискался быть моим помощником.

Прибыв я и г-н Коробьин к реке Бугу, увидели мы оный только что вскрывшимся от льду, который препятствовал переезду. Место, в котором мы остановились, было против Ольвиополя лежащее местечко турецкое Гольта, брошенное ими и в конец разоренное, следственно негде было обогреться, и потому мы решились сколь ни опасно было на переезд. Запорожский козак взялся нас на своем челночке по одиночке доста-

вить в Ольвиополь. Г-н Коробьин пустился вперед, и запорожец с великим искусством и смелостью управлял между немалыми льдинами столь малым судном, которое самым малым притолкновением к льдине могло бы быть опрокинуто; г-на Коробьина он доставила благополучно к противулежащему берегу и, возвратившись, взял меня. Сей новый Харон, отъехав несколько от берега, не мог пробиться сквозь стеснившиеся льдины, а опасность была та, что ежели бы они окружили судно, то бы унесли с собой, не в силах будучи человек оным управлять. Запорожец не находил другого средства к спасению как пристать к польскому местечку Богополю. Часовой сей нации, поставленный у берега с тем, чтоб к оному никого не подпущать, грозил по нас стрелять, буде мы приближимся к берегу. Видя с двух сторон напасть, решились мы наконец, употребив все силы, пройти льдины, что нам не без опасности однако ж и удалось.

В Ольвиополе мы пошли к г-ну Пулевичу, пограничному почтдиректору, человеку мне знакомому, земляку, а может быть и родне, ибо все сербы полагают себя родными, просить помощи о переправе наших повозок, на противулежащем берегу оставшихся. Сей дурында, высокомерия преисполненный, отказал нам в пособии, но не забыл упомянуть, колико он был взыскан милостью князя Потемкина, и сквозь толикое чванство усматриваем был род могущества ему на границе вверенного. Впрочем, сей старик был презабавной балагур, старавшийся нас уверить, что своею решимостью и армией, состоящей из 10 или 15 почтальонов, удерживал он в страхе польских два батальона пехоты и четыре эскадрона конницы, в Богополе расположенных, которые сей ради причины не начинали тогда еще неприятельски действовать против войск Императрицы, а что они хотели стрелять по офицеру того же войска, это не входило в счет. Мы, довольно посмеявшись на счет толико страховитого для поляков почтмейстера, отправились в имевшийся тогда в Ольвиополе постоялый дом, где прекрасная жидовка Роза, дочь хозяйская, сделала такое чудо, что нам в столь скучном городишке время протекло весело.

На другой день приложили мы старание к переправе своих повозок, которые на нескольких составленных вместе лодках перевезены не без опасности и не без трудности. Услугу сию нам оказали четыре гарнизонные обвешанные медалями сол-

дата; сии почтенные воины за рублей пять готовы были утопиться. После чего, напоив сих удрученных старостью героев и обняв милую Розу за наше препровождение времени, оставили мы Ольвиополь, продолжая путь на почтовых.

В Елисаветграде я уже не застал почтенного Мавро-Кордато, который тогда находился в Петербурге. В трактире остановились мы обедать; содержатель оного был курляндец, забавлявший нас во время стола рассказами о своей отчизне и не выпустивший от себя до того времени, пока не выметал нам свою экзерцицию войск герцога Курляндского за неимением ружья кочергой.

В сем городе я расстался с г-м Коробьиным, отправившимся в деревню свою близ Екатеринослава лежащую, а я поехал в Скалевую. Прежде нашего разлучения, я дал слово г-ну Коробьину заехать к нему, когда последую на линию. В Скалевой я не застал моего отца, который еще находился в Петербурге, и потому поехал я в Крылов свидеться с своими родными. Здесь я прожил три дня, после которых выехал на линию, направив свой путь чрез Екатеринослав, дабы выполнить обещанное г-ну Коробьину. В доме отцовском я оставил ему письмо, в котором объяснил все со мной случившееся в Бендерах и Яссах. В Екатеринославе лютость погоды, взволновавшая Днепр, удержала меня два дня, после чего я прибыл к г-ну Коробьину, у которого дня четыре пробыв пустился на линию; оную я застал в великом движении преднамереваемым тогда походом к городу Анапе. Г-н Муханов обрадован был очень моим приездом; эскадроном моим начальствовал в мою небытность вновь выпущенный из гвардии капитан Книпер, которому велено тотчас мне оный возвратить.

Глава VII

ПРИСТУП К ГОРОДУ АНАПЕ. — НАЧАЛО НА МЕНЯ Г-НА ГУДОВИЧА НЕУДОВОЛЬСТВИЯ. 1791 ГОД

По предписанию главноначальствующего войска из разных мест линии в исходе апреля месяца двинулись в поход. Местом сборным назначен был Темиж-бек, урочище на берегу Кубани. Полк наш, пришед в Ставрополь, застал тут еще несколько

полков, мимо идущих к назначенному месту, куда в тот же день и г-н Гудович прибыл, который приказал всему у Ставрополя собравшемуся войску при оном дневать.

На другой день поутру все чиновники были у развода в главной квартире, военные разных полков музыки увеселяли собрание, идущее на врага отечества; похвалу же всеобщую заслужила нашего полка музыка и певчие — плод стараний неусыпного г-на Зыкова.

В вечеру был бал у подполковника Петра Николаевича Львова, женившегося пред тем незадолго на дочери г-жи Колокольцовой, той самой малютке, которую она с собой взяла, оставляя дом мужа своего. На сем действительно военном бале странно было видеть пестроту, представляющуюся глазам: все чиновники по обыкновению, введенному тогда князем Потемкиным, были одеты в куртки солдатского сукна и, имея конные офицеры повешенные чрез плечо ледунки, предавались в сем боевом наряде пляске английских и французских контртанцев. На сем бале столь весело было, что г-н Гудович, будучи человек уже не молодых лет, сделал сотоварищество молодежи в резвости. Идучи я на неприятеля в сей день возобновил все то удовольствие, которое ощущал тому восемь лет назад в обращении с г-жою Колокольцовою, которая жизнь свою с г-м Исленевым тогда оставила и жила у своей дочери. Сию великую мою в ремесле волокитном учительницу я никогда не забуду, с толиким умением она вкралась в мое сердце. Тогдашнее несходство уже ее лет с моими делали великую разность, но при всем этом я оставил Ставрополь, влюблен будучи в г-жу Колокольцову столько же, сколько я ею был занят, оставляя ее, следуя в Грузию. Следствия обыкновенные первой страсти, которой довольно узреть предмет, ее возжегший, дабы паки вспыхнуть от, так сказать, под пеплом тлеющей искры.

Когда все войско, назначенное к Анапе, собралось у Темижбека, то г-н Гудович затеял оным маневрировать стоя на одном месте: Темижбекское местоположение представляло довольно мест, в которых бы искусный военачальник мог изострить разными военными хитростями ту еще неопытную молодежь; тут представлялись глазам горы, леса, долины, переправы, тесные проходы и проч. Я в тех мыслях и был, что г-н Гудович подает прежде наставления как биться и одолеть неприятеля умом; но вместо сего он выбрал равнину, на кото-

рой выстроил обыкновенный с турками боевой порядок, то есть несколько каре, а между ими поставил конницу, которые при игрании музыки туда и сюда прохаживались от первого часа пополудни до заката солнца. В продолжение сих оборотов г-н Гудович показал нам опыт своей запальчивости, ибо в первом движении своего бешенства приподнял было свою трость, чтоб ударить одного пехотного офицера за то, что он несколько вперед из линии вышел. Возвращалися мы в лагерь, ехало нас немалое число вместе, я и не выдержал чтоб не сказать: «Главноначальствующий наш видно нас считает за совершенных неуков даже и в том ремесле, как с турками воевать; я едучи сегодня на сборное место право воображал видеть маневры Фридриха II, а вместо того попотчевали нас слишком нашим глазам примелькавшимися карейми, — а при том, говорил я: — главноначальствующий имеет привычку замахиваться на офицеров тростью, но здесь есть много таких, которые сделали свычку быть всегда с тростьми, так иногда таковые палки в горячности могут столкнуться». — В нашем обществе был премьер-майор Николай Федорович Титов, наперсник, наушник, сводник и пр. г-на Гудовича, которого он за особенные домашние ему услуги в два года вывел из сержантов до премьер-майора; сей г-н Титов того же вечера г-ну Гудовичу мною выговоренное пересказал. Я сей случай ради того упомянул, что от оного началось г-на Гудовича на меня неудовольствие и я от его понес, обиду немалую, как это будет видно после; не одобряю я вовсе мною сказанное на счет маневров, но я не мог вытерпеть того, что он умничал пред нами столь ничего незначащими маневрами.

От Темиж-бека последовав вниз по Кубани и переправившись оную без всякого от горцев сопротивления, вошли в подошву Кавказа. В первой части сего сочинения я обещал опять говорить о дочери драчуна Шмита, вышедшей в замужство за г-на Круглова. Странна покажется, может быть, всякому сия смешанная пестрота: маневры г-на Гудовича, поход к Анапе и упоминание о ничего не значащей девчонке лекарской, но сему смешению причиной г-н Гудович, а не я. — Продолжаю: г-жа Круглова, со смертью своего мужа, осталась распорядительницею своего поведения и, не имея пред глазами чубуков отцовских, сделала из себя лотерею, которую разыгрывать пустились молодые и пожилые люди за добрую плату. Из первых

покупщиков на ее прелести явился г-н Гудович, которому она еще оставшеюся свежестью своей молодости понравилась; он ей предложил жить у него на содержании, которое она без всякого зазрения приняла и потащилась за ним к стенам анапским. И как сия женщина была довольной простоты, то надменность нового ее положения превзошла меру. В один день долженствовал обоз всего войска проходить сквозь тесную лощину, у которой от стороны гор показалось несколько черкес, намеревавших какою-либо нашею оплощностью воспользоваться; я был оставлен с моим эскадроном и одною пушкою для защиты оного. Когда весь обоз прошел, то я отправился к голове оного, где мне велено было следовать до лагеря; здесь г-жа Круглова ехала в своей карете. Случилось спущаться с одной небольшой горы; сия возгордившаяся потаскушка вздумала требовать от меня чрез присланного лакея 10 драгун для спуска ее кареты. Я велел ей сказать, что я с эскадроном там находился совсем ради других причин, нежели для спуску ее кареты, и потому в сей требуемой помощи отказал. Она по прибытии на место принесла на меня жалобу в мнимой моей грубости своему любовнику, которому сего было довольно, и, соединя мои рассуждения о темижбекских маневрах, дабы возненавидеть. Как сей человек не мог никогда скрыть ежели на кого злобствовал, то того же дня у вечерней зори показал мне свое негодование; он спросил у моего полковника Муханова обо мне, тогда, когда я возле его сам стоял: «Этот Пишчевич что тому Пишчевичу, который был полковником Ахтырского егерского полку?» Г-н Муханов отвечал, что он не знал. А я хотя и слышал его вопрос, но как не у меня спрашивал, то ответу ему на оный не дал. — Г-н Муханов, видя, что он останется моею молчаливостью без ответа, повторил мне его вопрос, которому я сказал, что я того Пишчевича сын! Поступок сей моей бывшей любовницы меня взбесил, и потому в один день избрал я случай, когда она сидела у окна своего домика, забавлять окруживших меня моих приятелей рассказами, не упоминая имен той забавной свадьбы, мною описанной в конце первой части. Г-жа Круглова приняла сие за предисловие выдаваемых мною в свет ее приключений и потому во всяком случае старалась мне делать досады. Многие мои приятели советовали мне быть осторожну, но я продолжал бить в набат.

Войско, прибыв к стенам анапским и обложив сей город,

производило по нем огонь 12 дней, но, видя упорность начальствовавшего в оном трехбунчужного Мустафы-паши, г-н Гудович решился на приступ, который 22-го июня произведен со всею жестокостью разъяренных воинов: дрались с обеих сторон с необычайною лютостью, но наконец россияне превозмогли и, войдя в город, обагрили свой меч как в крови оттоманских воинов, так женщин и младенцев невинных. С начала я с моим эскадроном находился в большом резерве под начальством бригадира Александра Васильевича Поликарпова, а потом, когда шедшие на приступ колонны были оттеснены, то велено драгунским эскадронам из резерва итить к стене; мы прискакав до контрскарпа, спешились и с примкнутыми штыками вошли на вал, который удержав за собою открыли путь прочему войску в крепость; сие мужественное драгун действие удивило как своих, так и турок, и мы в тот день заслужили всеобщую похвалу.

Я, войдя в город с моим эскадроном, нашел толпу турок, на которую наступил, опрокинул и преследовал до берега морского, куда часть, спасшаяся от штыка, бросилась, и убегая одной смерти обрела другую. В сей день, ежели бы я был сроден к грабительству, мог бы обогатиться; когда воины турецкие совершенно были одолены и выведены из крепости, тогда велено было войско пустить на добычу; многие чиновники к стыду их последовали примеру простого воина, обременили себя неприятельскою корыстью и, навьючившись таким образом и не краснея, являлись в свой стан. Я оставался на валу возле своего знамени с несколькими ранеными драгунами, а эскадрон мой вошел в лавки, преизбыточно наполненные всякого рода товаром, пред нашим пришествием незадолго из Анатолии привезенным, где они себя обогатили.

Мимо меня проводили со всех сторон пленных, как из одной таковой кучи я услышал по-русски закричавшего турка, называя меня по имени; я удивился увидя себя в Анапе знаема; он меня просил избавить его от смерти. Войдя я в средину сей толпы, узнал его: он находился в услужении моего бывшего полковника Депрерадовича, от которого отошел и попал к своим прежним одноземцам, ибо он был взят в прежнюю турецкую войну ребенком в Бендерах, выкрещен и выкормлен г-м Депрерадовичем. Я его взял и после доставил опять к прежнему его господину.

После покорения Анапы сделан отряд войска под начальством подполковника Сенинберга к городу Суджук-Кале, древнему генуезскому укреплению; я в числе сего отряда с моим эскадроном находился. Суджук-Кале мы застали брошенным, из которого турки ушли на судах в Трапезон; мы оного часть стен разорили, строение сожгли, а пушки бросили в море.

Возвратившись я в Анапу, узнал, что бывший нашего полка начальником г-н Махвилов от удара параличного пошел в гроб; такова кончина постигла сего, впрочем доброго, но жадного к присвоению чужого, человека: не приезжай г-н Муханов год прежде и не прими полка с великою умеренностью, то бы участь г-на Зыкова постигла г-на Махвилова, а может быть, на том же билиярде и тем же молотком размытарено было имущество, неправильно стяжанное. Забавно мне было слышать, возвратясь на линию, превозносима себя похвалами его женой за то, что при рассматривании записок, кто у него заимствовался деньгами, я увидел, что меня в числе его должников не состояло, а я ему был должен двести рублей и потому, заняв оные, ей возвратил; сие показалось великим чудом сей бесхарактерной женщине, что молодой человек сам вызвался должником умершему.

Войско, оставив разоренную Анапу, возвратилось к берегам Кубани, где получено известие о заключенном с турками перемирии, которому последовал вскоре и настоящий мир, и потому Кавказское войско возвратилось на линию.

Линия мне сделалась нестерпимою по окончании войны, в которую я не успел, при всем моем усердном служении, никакой себе в чине перемены сделать. Впрочем, служение на оной мне не толь дико казалось, чтобы оное полагать несносным, как то утверждали ленивцы и несмысленные тунеядцы. Напротив, я полагаю тамошнюю службу школой молодому офицеру, тамошние труды удовольствием молодым воинам, с примечанием служащим: горы, леса, частые перемены предметов и положений острят ум воина, который определяет себя на высшие достоинства. При сем не советую ни одному туда переходить, кто привык кресты и чины получать даром, ибо они не сыщут в бодром черкесе робкого турка, ниже в горделивом персиянине низкого поляка.

Множество случаев мне предстояло к возвышению чинов такими дорогами, которыми честный воин гнушается. Я в та-

ком случае согласен лучше, чтобы отечество мне осталось должным наградой, нежели я ему службой.

Вот в чем состояла моя утеха! — Вот чем я величался! — Ведаю, что многие смеялись таковому мнению, но за то они не ведали прямой цены тем почестям, которые получали ни за что! — На сей раз голова моя была преисполнена происходящими в свете делами, и я бы полетел в Германию, ежели бы у меня деньги были. Среди собрания всех европейских армий, против французов тогда действовавших, полагал я театр усовершенствованию своему в военном искусстве; признаюсь, что к теории, мною из книг приобретенной, в практике небольшой походов, мною сделанных, недоставало мне участвовать в двух или трех кампаниях против войск регулярных, и тогда бы я достиг до верха своих желаний!

Мне больше не нужна была практика турецкой войны. Я сих ничего значащих воинов видел на приступе, видел в частных сшибках, видел в полевых сражениях, везде суть они одинаковы, везде их робость очевидна. В моем мнении сии азийские донкишоты исключены из числа брановосцев.

Верю, что они были не таковы во время принца Евгения и что должно было их побуждать храбростью и искусством. Победы при Центе, Белграде и другие покрыли славою сего великого вождя, которого мечом остановлены магометане от дальнейших предприятий на завоевание христианства. Тогда Россия только что возраждалась от внутренних потрясений. Верю и тому, что турки были лучшими воинами против графа Румянцева-Задунайского, но я говорю о недавно оконченной войн, что турки сделались весьма слабы, робки и устрашены русским именем до того, что при едином на них воззрении оружие свое бросают. Судьбами управляющим было определено довершить россиянам турецкое уничтожение, начатое принцем Евгением. Довершили они оное славно для себя, гибельно для турков.

Глава VIII

Я НАГРАЖДАЮСЬ ЗА ПРИСТУП АНАПСКИЙ ЛИСТОМ БУМАГИ. — Г-Н ГУДОВИЧ, Г-ЖА КРУГЛОВА И ПРАПОРЩИК РОС СОЕДИНЯЮТСЯ К ОТНЯТИЮ У МЕНЯ ЭСКАДРОНА. — Я ПРОИЗВЕДЕН В КАПИТАНЫ. — Я ПРИЗВАН ПРЕД СУД ИЗ-ЗА ДВУХ ЧЕТВЕРТЕЙ МУКИ И ОДНОГО ЧЕТВЕРИКА КРУП. — Я ОСТАВЛЯЮ СЛУЖЕНИЕ НА КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ. — ПРИБЫТИЕ МОЕ В ГОРОД САРАТОВ. 1792 ГОД

Одобрением г-на Поликарпова я за приступ анапский получил по именному повелению одобрительный лист, в котором прописано действие моего эскадрона во время овладения Анапы. Здесь место упомянуть, что мне определен был орден Св. Геория 4-го класса, но оный достался моему брату. Вот как сие случилось: г-н Герман не преставал напоминать, прибыв в Петербург, г-ну Попову о писанном ему в Бендеры Пишчевиче, которого следовало наградить за разбитие Батал-бея. Когда получено донесение о покорении Анапы, г-ну Попову поручено было означить награждения против имени каждого смотря по заслугам; первый Пишчевич, ему попавшийся, был мой брат, он, полагая его мною, назначил ему военный орден, а, найдя в том же списке и другого Пишчевина, написал ему одобрительный лист. После сего увидев г-на Германа, сказал ему: «Я думаю, что ваш Пишчевич может быть доволен, ибо ему назначен военный орден!» – Г-н Герман, узнавши, когда награждение вышло в публику, ошибку, отвечал ему: «Правда, получивший сию награду может быть доволен, но оный есть не тот, о котором я вас просил». — Сие награждение лежало до 1792 года, ибо смертью князя Потемкина дела таковые остановлены были, в который оное прислано на линию.

В начале 1792 года постигла меня новая досада: прапорщик Рос, о котором в сем сочинении я уже раз имел случай упоминать, во время моей бытности в Яссах, управлял капитаном Книпером, в мое отсутствие начальствовавшим 10-м эскадроном, и сделав свычку к такому в эскадроне самовластью, трудно ему было привыкать опять к подчиненности, в каковой я его держал, а притом я ему сделал выговор за разные обиды, им причиненные во время его владычества эскадроном, разным добрым драгунам. Сей гнусный человек, видя себя при мне ничем, и потому переменился против рядовых: из жестокого сделался вдруг мягкосерден, ласков и ищущим их приязн-

ни. Во время похода нашего под Анапу он завел дружество с лакеями г-на Гудовича, от которых узнал о недоброхотстве их господина мне. Я ему выговаривал нередко за таковую связь. В Анапе сей Рос навьючил себя добычею, в том числе достал и денег, а, возвратясь на линию, нашел он случай посредством слуг г-на Гудовича быть приняту к сему генералу на ординарцы. Во время сего ординарчества он езжал часто в полк под разными предлогами. Здесь сей подлец принялся эскадрон мой возмущать против меня. Все сие доходило до меня, но я и верил и нет всему слышанному, и потому оставлял без исследования, тем скорее, что я уверен был в несодеянной мною по эскадрону низкости; толикая моя беспечность почтена подлым Росою за пренебрежение им, и потому оная лишь его поощрила к окончанию им предпринятого. Намерение мерзкому Росу тем легче удалось в действо произвести, что тогда в полку Астраханском служба очевидно опущалась; старые офицеры, коих уже не так много в полку оставалось, не будучи поощренными, а вновь определенные от незнания еще службы до того довели, что в некоторых эскадронах непростительные шалости творились. На все сие г-н Муханов взирал сквозь пальцы. Я же мой эскадрон всегда содержал в строгости и требовал наибольшего повиновения и порядка.

В продолжение сырной недели эскадрон мой, которому я дал волю гулять, воспользовался оным до того, что упившись два капральства осмелились в ночь разделить свои артельные деньги между собой и, убоявшись наказания, как скоро проспались, то старший вахмистр с шестью рядовыми ушли как скоро рассвело. Они, явившись в Георгиевск, предстали своему покровителю Росу, который их на сие настроивши, при сем случае оробел и, продержав без всякой решимости целые сутки у себя в квартире, наконец сыскал им покровительницу г-жу Круглову, которая, злобствуя на меня, доложила о их прибытии г-ну Гудовичу, которому беглецы жаловались на притеснения мною делаемые и разные выдумки строгости ради, которые в других эскадронах не бывали видны, что я за 1791-й год не удовольствовал их фламским полотном на летнюю одежду и что они, видя г-на Муханова ко мне хорошо расположенного, не осмелились ему жалобу принесть, а прибегают под покровительство главноначальствующего.

Решение г-на Гудовича было скоропостижно. Спустя дней

восемь беглецы присланы при офицере обратно в полк; в повелении г-ну Муханову изображено было, дабы от меня 10-й эскадрон взять и меня определить к старшему капитану в эскадрон; беглецов распределить по разным эскадронам, наблюдая, чтобы ни одного не было в том эскадроне, в котором я буду; всем вообще чинам в полку напоминал г-н Гудович, дабы не мстили сим негодяям. А в заключение всего, главноначальствующий повелевал собрать 10-й эскадрон и спросить, правильно ли жаловались на меня беглецы, которое показание представить ему на рассмотрение. Всего забавнее было последнее определение, что оставалось рассматривать, когда сентенция заключена и поведено эскадрон у меня взять. Легко можно понять, до какой степени главнокомандующий был на меня гневен; при сей обиде торжество мое было совершенно, что поручик мог до такой крайности взбесить генерал-аншефа. Это все еще были следствия темижбекских маневров.

Что ж принадлежит до артельных денег, разделенных в пьянстве без моего ведома, то в сем они вольны, говорил покоритель Анапы, понеже деньги им принадлежали! — Браво, г-н Гудович! — Сие весьма справедливо сказано, и против сего ни слова: собственность наша должна без сомнения зависеть от нашего распоряжения, но чего же ради в войске нашем тогда установлены были артельные деньги, за целость которых отвечал эскадронный начальник. Фламское полотно вольно с меня взыскать и удовольствовать эскадрон.

О просимом беглецами фламском полотне можно г-на Гудовича спросить, как можно отдать то, чего я сам и весь полк не получил; оное лежало тогда в казначействе и называлось хозяйственно сбереженною вещью, следственно поручика и силы недостаточны были оное оттуда вытащить, обороняемое страшною полковничей инструкцией. Изображенные же беглецами притеснения, от меня терпимые, суть следующие: гулять в праздники эскадрону моему позволено было, но с таким подтверждением, дабы их никто не видал валяющихся бесчувственными по улицам, в лагере не позволялось являться драгунам в безобразном виде, а долженствовали будучи раздеты проходить в обозе или из палатки в палатку прикрыв себя плащом; походом мой эскадрон всегда следовал как бы пред лицом какого генерала со всевозможным равенством, отставать от взводов без позволения ни за какою надобностью нельзя было.

— В сем случае они правы, ибо так всегда бывает, когда начальник полковой не отдает должной справедливости тому, в части которого порядок службы соблюдался, а вместе с ним и его подчиненным, и не делает должного взыскания с упускающих оную; солдат, все сие замечая, видит, когда полковник сего требует, или только эскадронного начальника это воля, и потому считает себя уже притесненным и почитает порядок вещью лишнею и затейливою. Сей полк, привыкая к строгости во время начальства г-д Апраксина, Зыкова и Махвилова, вдруг увидел в г-не Муханове начальника, не заботящегося о том, что во время похода драгуны отстают от фронта под разными предлогами и потом кучею скачут, догоняя полк, что в лагере водили на водопой лошадей мимо ставки главноначальствующего и видны были драгуны в одних рубашках и портках, босиком и без галстуков, одни сидя на коне, другие пешие. Такового порядку беглецы от меня ожидали, но я согласен был лучше их лишиться, нежели приучать себя к такому роду службы.

Эскадрон мой по приказанию г-на Гудовича был собран, г-н Муханов у их спрашивал о причинах, побудивших беглецов принесть на меня жалобу; часть большая из них молчала, другая приписала причину разделение денег, некоторые отзывались мною довольны; молчавшие сим самым подавали знать, что они от меня избавиться желали бы, дабы могли самовольничать. Все сие представлено на рассмотрение г-ну Гудовичу, который, видя вздорную претензию, но злобствуя на меня, не хотел оправдать уже им обвиненного. Здесь последовало вторичное г-на Гудовича решение, не меньше забавнее первого: он предписал г-ну Муханову, чтобы он бежавшим из 10-го эскадрона сделал пред полком выговор за то, что они мимо полковника пошли на меня просить. Впрочем, он говорил, хотя и не правильно они на меня жаловались, но они уже довольно наказаны, будучи распределены по другим эскадронам! — Какое скотское сравнение наказаний: людям, солгавшим и замаравшим меня, и мне, которого и за вину всеконечно обидеть больше нельзя бы было! — Г-н Муханов, ничего не в угодность г-на Гудовича сделать не смея, отрешил меня от начальства эскадрона 10-го, невзирая на то, что и он в сем деле обижен много, а при том эскадронным начальникам, которым достались беглецы, связывались руки словом «мщение», а тем самым подавался повод к наглостям людям, уже ободренным в

преступлении, и наконец фламское полотно тащили насильно из казначейства. В сем случае нельзя не сказать, что г-н Муханов, будучи совершенно добрый и честный человек, не за свое дело взялся полком управлять; я о его полковничестве всегда мыслил так: ежели бы меня произвели в сей чин и требовали, чтоб я таковым был в полку, каков он, то я бы отрекся от чести управлять полком.

Итак я лишился эскадрона, которым, начальствуя близ семи лет, не довел полк не токмо прогонять сквозь строй какого-либо из оного шалуна, но ниже палками полком не был никто наказан; ни малейшей жалобы никогда на 10-й эскадрон не было приносимо, воровство, буянство из оного было изгнано; стало быть, я какой-нибудь порядок завел, дабы довести до желаемой цели, но сего не приводили к моему оправданию и не давали случая мне о том пред главнокомандующим изъясниться, ибо злоба, им на меня питаемая, не позволяла приносить никакого оправдания. Сей случай сделал в полку толико тревоги, что в четыре после сего дня бежало из оного 36 человек к г-ну Гудовичу — все с разными на своих начальников требованиями, но фламское полотно у всех на языке было. Г-н Гудович, желая сие укротить, прислал повеление в полк, дабы бежавшие от меня были прогнаны сквозь строй в страх другим, а в партикулярном письме г-ну Муханову запрещал сие в действо производить, а приказывал, выведя полк, прочесть повеление о их наказании, после чего показать вид, что они им прощаются. Таковое кукольное игрище было в действо произведено, к смеху всех благомыслящих. Однако ж сие не уняло беспорядок в полку: два унтер-офицера бывшего моего эскадрона, обличены в воровстве и оказании своим начальникам грубости, были лишены чинов и прогнаны сквозь строй. При сем случае 10-й эскадрон вспомнил строгого своего Пишчевича и всю гнусность своего поступка. Толико есть справедливо: что испортить солдата потребна минута, но довесть его годы до порядка не достаточны.

Сколько мне приятно было видеть себя пред сим эскадроном — это только можно чувствовать, а описать не в состоянии. Я иначе пред сей почтенный фронт не выходил во время начальствования полком г-на Зыкова, совершенного знатока службы, как будучи уверен, что получу благодарность за исправность эскадрона. Во время сражения 10-й эскадрон был

неустрашим, надежду полагал на мою преданность к отечеству, а я на их смелость, из чего рождалась та похвала от начальства, которая всегда после схватки с неприятелем преследовала мой эскадрон. Неоднократно мои драгуны говорили, что со мной готовы во все опасности пуститься, а особливо я заслужил от их сию доверенность в 1788 году во время Убинского дела. Мог ли я воображать тому несколько лет назад, чтобы лакей, стоявший за моим стулом, соделався в короткое время моим по воинской службе сотоварищем, соединится с потаскушкой и бессмысленным главноначальствующим для причинения мне толикого неудовольствия.

Я, сдав эскадрон, объявил себя больным и, не неся никакой службы, жил уединенно; чтение книг и посещение моих сотоварищей, любивших меня, все занимали мое время; в таком положении проводил я три месяца, ожидая, не предстанет ли какой случай уехать с линии. В апреле месяце, когда войска вышли в лагерь, я отправился в Георгиевск к другу моему Лебедеву, у которого в палатке весь апрель, май и часть июня месяцев, столько приятно сколько можно в беседе истинного друга, а после возвратился в Александров, в котором прогулки и чтение прогоняли мое время; а притом я езжал часто в Северную крепость, в которой оставался под видом немощи, дабы не быть в лагере, полковник Петр Алексеевич Чемоданов. Надобно коротко обращаться с сим человеком, чтоб изведать, до какой степени в нем было много хорошего и много дурного: сведущий, умный, много читавший, хлебосол, ласков, замысловат в шутках — это его хорошее. Но вот и дурное: в полку, ему вверенном, был деспотом, поставляя офицеров своими рабами. От сего все то, что мыслило благородно, его оставило, которых места заняты негодяями, с которыми он как с последнею тварью обходится. — Казачья девка не иначе входила в постель г-на Чемоданова как на договоре, чтоб он ей доставил достоинство барыни! — Сие выполнялось таким образом: призывался унтер-офицер, которому предлагалось жениться на такой-то казачке, бедняк соглашался, девка шла в объятия полковника, а из оных к венцу; за таковое снисхождение унтер-офицер по представлению г-на Чемоданова поступал в аудиторы или адъютанты, посредством которого казачка становилась барыней и снабжалась приличным одеянием на счет г-на Чемоданова, на что деньги нередко употреблялись или

артельные, солдатские, или из церковной суммы. — Таковыми офицерами весь Владимирский пехотный полк был наполнен. Время мое я с ним делил таким образом: приехавши займусь с ним разговором, продолжавшимся обыкновенно несколько часов, после чего предлагается быть балу. — Он зовет слугу, которому приказывал созвать всех барынь, а по его наименованию матичек, которые являются в лучших нарядах и усаживаются в зале, мужья их в сие время держатся толпой у дверей раболепски. Показывается г-н Чемоданов, а с ним и я. — Матички все привстают и кланяются, а он, подходя к ним приветствия ради, треплет их по щеке и спрашивает: «Что вы, скурехи, здоровы ли?» Потом обращаясь к их мужьям: «Что, дурачки, пили ли вы сегодня?» — После сего начинается потчеванье: г-ну Чемоданову и мне шоколадом или кофеем, а матичкам пуншем, а дурачкам по стакану сивухи и после двух или трех залпов музыка начинает греметь, под которую все собрание пляшет до того, пока наскучит, после чего без всяких околичностей их высылал вон. Таков был образ жизни человека с редкими дарованиями.

В сей промежуток получено из Петербурга производство, сделанное за приступ анапский, в котором наконец и я поступил в капитаны. Военной коллегии повелено было дать по чину всем тем, кои за взятие сего города не получили орденов. Г-н Муханов предложил мне в начальство эскадрон, но я кроме 10-го не хотел никакого с таковым при том требованием, чтобы солгавшие на меня беглецы и негодный Рос отданы были мне серьезно к наказанию и ожидали бы от меня помилованья. Г-н Муханов не смел о сем и подумать, а для меня не оставалось никакого предмета на линии; война кончилась, скучная жизнь, образ тамошней войны мне уже стал слишком известен, гонение мне Гудовича — все сие призывало меня от нее удалиться. — Дело состояло только в том, каким образом выплатить долг, мною на оной нажитой — расстаться, не заплатив тем, кто меня одолжал, был бы поступок, которым бы я себя век упрекал. Я решился воспользоваться выходом полков карабинерных с линии, долженствовавших тогда следовать внутрь России, и потому положил было идти в Каргопольский полк, в который прибывший тогда новый полковник Тараканов старался пополнить оный молодыми и хорошими офицерами, застав в оном большею честью старость, дряхлость и леность, одним словом, тень офицерскую. Решившись я таким

образом на оставление линии ожидал только, чтобы г-н Тараканов меня пригласил в свой полк.

Александр Дмитриевич Буткевич, начальствовавший тогда Ростовским карабинерным полком, знавший меня в Крылове и наслышившись от г-на Апраксина обо мне много хорошего, узнавши, что я намерен был надеть синий кафтан, первый предстал с своим предложением, дабы я перешел в его полк, которому квартиры назначены были в городе Саратове. Г-н Буткевич при сем приглашении обещал мне дать займообразно денег для заплаты моих на линии долгов, которые тогда до двух тысяч рублей простирались. На сей заем я тем скорее согласился, что был почти уверен оный выплатить в скором времени, выйдя в Россию, наслышавшись, что начальники эскадронов квартирою в той стране наживали деньги, и я надеялся не токмо сей долг г-ну Буткевичу выплатить, но еще и иметь столько денег, чтобы отправиться в Польшу, где тогда только начинались ратования против поляков; я мысленно уже услаждался надеждой быть с чинами, крестом и проч. Я рассчитывал наверно все сие получить, ежели и в половину в той стране моего служения будет столь усердного, как на линии. Последствие сего сочинения покажет, сколь все сии предположения были химерические! — и что Бог нашею судьбою управляет, а не мы. На сие я тем скорее согласился, что полк его шел совсем в противную сторону от дома моего отца, в котором я положил было никогда не быть, и вот тому причина: брат мой, получа орден, отпросился в отпуск в дом отцовский, от которого был обласкан; он, с одной стороны, младшего сына видел украшена военным знаком таким, какового тогда в офицерском чине во всей армии и десяти человек не было; с другой стороны, видел старшего сына, давно служащего без эскадрона, обиженного хотя и неправильно, но старик сего не разбирал, а говорил, что когда генерал-аншеф отнял у меня эскадрон, стало я виновен. Хотя, впрочем, не было на линии ни одного человека, который бы не утверждал ведая мое служение, что у меня эскадрон отнят неправильно и по праву сильного. Он брату моему велел перейтить в один из полков, около дома нашего расположенных, а меня казалось забыл, и на мое ему письмо брат доставил мне в ответ род записки, в которой изъявлял отец мой свое мне неудовольствие за неповиновение в Бендерах перейтить в Острогорской легкоконный полк. Он мне писал: «Я было все здесь устроил к твоему благополучию, но ты

приездом своим все расстроил». — Я только от брата узнал, что уничтоженное мною в Бендерах чудным образом устроенное мое производство было с согласия моего отца сделано и что по его воле я долженствовал быть в Острогорском легкоконном полку. И так я видя, что о постигшем меня на линии неудоводьствии отец мой не токмо не соболезновал, но еще меня обвинял, а потому положил и не ехать в дом отца моего и не писать ему, хотя бы это мне стоило и лишения наследства и сие лишение впоследствии времени я втвердил в свою голову до такой степени, что ежели бы о сем и ведомость дошла, то ни малейше бы меня не опечалила. Таким образом я поступал во всю свою жизнь и в трудных для меня обстоятельствах полагал всегда последствия для себя самохудейшия и, когда в половину против оного со мною случалось, то я вместо печали предавался радости.

Судьба, играющая нами как дети шариками, не замедлила сравнять г-на Гудовича со мной: у меня из эскадрона ушло семь человек и он сие чудом поставлял, а у его три полка Донских казаков вышло из послушания и, перевязав своих начальников, отправились на Дон и глупости его на сие столько достало, что он их упустил так сказать из рук в такое время, когда 25 тысяч войска стояло в поле и войска русского. Г-н Савельев был отправлен им вслед; когда, я узнал, что преследующие оных сравнялись с Александровым, то я отправился из любопытства туда и, явясь г-ну Савельеву, просил, его, дабы, ежели надобность предстанет, он меня употребил на службу. Он мне отвечал, что сей козачей шутке конец воспоследовал, ибо они ушли, а погоня ему вверенная пришла в усталость, и потому он, оную оставив на отдыхе, сам поедет в Северную крепость ожидать повеления от г-на Гудовича на посланное ему его донесение. Он пригласил меня с собой: мы ехали на его линейке, шестью лошадьми запряженной; и начав с одной горы опущаться, лошади испугавшись начали нас тащить, и как гора была довольно крута и укрыта лесом, то линейка, ударяясь о деревья, понудила всех с оной упасть; один г-н Савельев и я удержались, даже кучер и форейтор упали, после сего, будучи мы взбесившимися лошадьми вытащены на гору, стояли над вторичной кручей, которая несравненно бы была для нас гибельнее первой, ежели бы волжские казаки, с нами бывшие, не подоспели удержать лошадей.

Возвратясь из сего кратковременного похода в Александров, застал я требование от учрежденной военного суда комиссии в Екатеринграде, дабы я предстал пред оный, и вот в чем дело состояло: когда наш полк квартировал в Ставрополе, тогда находился в оном при провиантском магазине прапорщик Митюрин, человек молодой, ветреный и мотыга; он брал от подрядчиков вместо муки, круп и овса деньгами с тем намерением, что, покупая на линии все оные дешевле, пополнит магазин, но вместо того деньги пустил на ветер, провианта не купил, и когда оный начали свидетельствовать, то не оказалось по счету до трех тысяч четвертей муки и круп. И так ветренник Митюрин отдан под суд, где он пять лет вывертывался всякими манерами из беды, а наконец научен он был ведущим крючкотворство человеком показать, что он оный продал офицерам полку Астраханского драгунского, дабы вместить многих в сие дело. Г-н Митюрин мог тем скорее освободиться; он на сие пустился и показал на г-на Апраксина и на всех офицеров, бывших тогда в полку, из которых многие вышли в отставку, другие в прошедшую войну убиты или померли, а оставалось еще в полку из бывших тогда налицо не более пяти или шести офицеров, в том числе и я, и потому меня требовали для ответа, почему я осмелился приступить к покупке казенного провианта. Судьба моя выдумала мне сыграть сию шутку, поставив меня на одной доске с преступником Митюриным; я, повинуясь ее воле, отправился в Екатеринград, где явясь к презусу военного суда майору Лейману, который мне объявил, что нужно иметь от полка мой послужной список, дабы сличить поведение мое с подсудимым Митюриным, и которого я, не ведая крючкотворческих дел, с собою не привез. Я написал к г-ну Муханову о присылке оного, чего ради пока оный прислали я отправился в Моздок, где прожил с неделю у подполковника Мансурова, а возвратясь в Екатериноград узнал, что мой послужной список был получен. — Явился я в суд, в котором застал г-на Леймана, четырех офицеров за асессоров и одного аудитора, сей суд составляющих, вмещавшихся в простой казачей избе; и как они вместе со мной в оной вошли, то нужно им было сесть по местам, и потому г-н Лейман мне сказал, чтобы я вышел, пока буду призван по форме пред суд. Г-н Лейман, будучи немчин, наблюдал всю аккуратность своих соотчичей. Сей формы, за неимением другой комнаты, я ожидал в

сенях, вместе с хозяйскою, домашнею птицею и преступником Митюриным. Прошло немало времени, пока господа судьи в избе сидя кашляли, плевали и проч., наконец унтер-офицер пошел им объявить о моем приходе. Аудитор вышел в сени и сказал мне, чтобы я явился в суд. Лишь я пред оный предстал, то уже оный мне смешным показался, ибо презус и асессоры, оставя свое настоящее положение и надувшись подобно индийским петухам, сидели за простым столом, покрытым изодранным солдатским красным сукном, на стульях половину изломанных, которые бы могли упасть, ежели бы они не поддерживали оных одной из своих ног; пред ними стояло зерцало, на которое почтенные судьи и на всю избу дышали питым накануне простым вином. Такого покроя людям судьба несчастных отдана была в руки! — После молчания нескольких минут презус спросил меня: не имею ли я какого подозрения на господ, составляющих оный суд? — Я ему отвечал, следуя порядку, что никакого! Хотя, впрочем, я и весьма их подозревал в пьянстве. Аудитор тотчас записал мой ответ, который я долженствовал своею подпискою утвердить, что они были честные кавалеры. После сего аудитор мне прочитал, что прапорщик Митюрин показал, что мне продал из казенного провианта муки две четверти, круп один четверик. Я тут только узнал, из какой малости я был призван пред зерцало, а до того я право думал, что дело о несколько тысячах четвертей состояло. На сие я отвечал, что я в таковой малости никогда нужды не имел и на покупку казенного провианта тайно никогда не приступлю. — Сие также аудитором поставлено на бумагу и я оное подписал. После сего г-н Митюрин был введен, которому прочитали мое возражение на его показание, но сей закоснелый в преступлении человек настаивал в своем, которому презус объявил, что он не имеет свидетелей к моей улике, ибо показывал, что я провиант купил, а кто его мне привез — не ведал: явная ложь, ибо верно я на себе его не понес, и потому суд полагается более на мои слова, нежели на его явно уже изобличенного преступника, и потому я отпущен в полк. Я оставил Екатериноград, проклиная Митюрина и его муку, на которую поездку я более денег на прогоны издержал, нежели бы заплатил за всклепанный на меня провиант.

Возвращаясь в Александров, я в Георгиевске узнал, что получено уже повеление о высылке карабинерных полков в

Россию. Г-н Буткевич приступил к г-ну Гудовичу о причислении меня к Ростовскому полку, но сей, долго не соглашаясь, наконец дал мне паспорт на 29 дней в отпуск в город Саратов, а г-н Буткевич взял сие на себя, чтобы отправить мое прошение в Военную Коллегию о моем переводе в его полк, которое и последовало когда мы пришли в Саратов.

Я возвратился в Александров, где изготовился к походу, куда чрез несколько дней полк Ростовский; пришел, и мы направили свой путь по берегам Волги, чрез степи царицынские. Оставление мною служения на Кавказе произошло 21 сентября. Я расстался не без душевного сожаления с Астраханским полком, в котором столько лет сделал свычку, был любим, уважаем; сотоварищи мои меня отпущали с знаками совершенной ко мне привязанности: большая часть драгун 10-го эскадрона пришли ко мне и, имея глаза исполненные слез, простились с своим прежним начальником. Между офицерами, которые меня верст за 10 от города проводили, находился и полковой квартермист Зиновий Никитич Попов, бывший в моем эскадроне старшим вахмистром и которому за долговременную и добрую его службу выпросил я кадетской чин с таким старшинством, посредством которого чрез год ему досталось в прапорщики, а г-н Зыков, заметя его расторопность и честность, доставил ему полкового квартермистра чин. Сей человек сохранил во всю свою жизнь ко мне благодарность и редкую привязанность, при прощании слезы им проливаемые препятствовали много говорить, а коротко пожелал мне столько счастья, сколько я ему добра сделал. Я всегда жил со всеми в полку приятельски, но между всеми имел себе истинного друга поручика Александра Ивановича Федорова, который таковым мне навсегда остался. Итак избавился я скучной линии и за сие преимущественно обязан 10-му эскадрону и подлому Росе и нельзя в сем случае не сказать, что нет худа без добра.

Царицынская степь может почесться сухопутным морем, на которой воды, кроме в реке Маныче, и то горькой нигде нет, равнина не оканчивающаяся предстает глазам, на которой вмещаются многочисленные табуны калмыцких лошадей, множество волков и сагайдаков; ни с лесом, ни хижиной нигде нельзя повстречаться; одне калмыцкие кибитки видны, но и те почти всякую неделю переносятся с одного места на другое.

В семнадцать дней мы перешли четыреста восемьдесят одну

версту, разумея от города Александрова до деревни Цацы, которая была первая нам повстречавшаяся, вышед из степи царицынской. Радость наша была неописанна, увидев себя в теплых квартирах и избавившись несносной пустыни, которая бывает не меньше опасна, ежели на оной застанут проходящих снег и вьюги. В Цаце мы простояли два дня, после чего полк пошел проселочною дорогою до города Царицына, а полковник Буткевич со многими офицерами заехал из любопытства посмотреть гернгутерскую колонию Сарепту, толико известную разными изящными своими рукодельями. И подлинно странно, выйдя из почти непроходимой и дикой степи, повстречаться у конца оной с столь хорошо выстроенным местечком, какова Сарепта, где не токмо российские товары, но и иных земель сыскать можно; сие общество имеет во всех главных российских городах свои конторы, а сношения и с заграничными местами. Здесь надобности нет, покупая разные вещи, переходить из одной лавки в другую; один огромный покой вмещает все для дам, мужчин, хлебопащцев, солдат и проч.

Нельзя не сказать, что ежели бы Петр I мог встать, то он бы столько России в теперешнем ее положении удивлялся, сколько он то делал ездючи в чужих краях! Сей городок был бы еще лучше выстроен, ежели бы изверг Пугачев, посетивший оный, с сонмом грабителей, зажигателей и проч., не опустошил Сарепты. Начальник сарептский со многими из старшин сей колонии явился к г-ну Буткевичу, которые изъявили нам свое желание, дабы мы провели в их усадьбе время приятно. На другой день поутру мы были у их церкви, где выслушали весьма умственно сочиненную речь их пастора, имеющую предметом честность и доброе поведение граждан. После обеда мы были водимы сарептским обществом по всем их рукодельного мастерства заведениям; чистота повсюду нами замечена была чрезмерная; наружную скромность и благоговейное лицо никто лучше их составить не может. Жалости достойные девки, запертые в так называемом Сестрином доме, представляют образ мертвецов, бледность их лиц, не имеющая ни капли крови, темно-голубые под глазами пятна, суть ясные доказательства, колико они мучимы безбрачностью. С другой стороны виден дом братьев, которые одержимы одною с сестрами болью, и говоря по-человечески: ежели бы сии дома соединить, хотя на один месяц, то колико бы сия бедная молодежь переменилась и Сарепта бы не замедлила увидеть своих домашних

сарептчикове! Гернгутеры выдумали из своего городка сделать место священнее, нежели был рай, жаль только то, что Сестрин дом не вмещает ни одной столь предприимчивой дамы, какова была прародительница наша Ева, а то бы скоро узнали братья всю сладость запрещенного яблока. В вечеру мы были приглашены к градскому начальнику, где сыгран был концерт ремесленниками сей колонии; управлял оркестром хлебник; мы их похвалили, и потому наши хозяева едва не надселись над своими инструментами, толико они усердствовали нам угодить, и концерт был сыгран изряднехонько, хотя и был составлен оный из ткачей, столяров, сапожников и проч. Забавило нас очень и то, что сия музыка с начала было очень оробела, видя с нами полкового капельмейстера, которого они почитали виртуозом, и потому, дабы испытать его умение, предложили ему скрипку; сей, будучи весьма посредственный музыканта, отговорился, что без очков играть не может. Сарептяне доставили ему немедленно оных разных разборов и, увидев, что он играл не лучше их, и потому пришли в смелость; мы, дабы оправдать своего капельмейстера, который впрочем был пренадутый немчин, уверили Сарептскую капелию, что он у нас полковой литаврщик, чем взбесили своего капельмейстера до того, что, прийдя в Саратов, он вышел из полка.

Оставив Сарепту, мы нагнали полк в города Царицыне, где два дня простояли, в которое время я принял в свое начальство второй эскадрон полка Ростовского, хотя в оный еще и не был переведен. В последних числах октября мы сблизившись к Саратову, начали чувствовать всю лютость зимы великороссийской, и потому, не входя в город всем полком, эскадроны были распущены ближайшими дорогами в определенные им селения от наместнического правления. Ни одного не было назначено в Саратов, кроме штаба; г-ну Буткевичу желательно было, дабы я с моим эскадроном в оном или по крайней мере поблизости города квартировал, и потому приказал мне на первый случай остановиться в экономическом селе Мордовом, на берегу Волги лежащем. Сих крестьян я нашел в преизбыточном состоянии; вокруг меня поселены было колонии немецкие, выведенные из Саксонии; двадцать с лишком лет тогда было, как на берегу Волги не видали никакого войска, и потому мы были приняты с распростертыми руками.

Расположив мой эскадрон и проводив с оным несколько дней, я отправился в Саратов. <...>

ЖУРНАЛ КАМПАНИИ ПО КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ ПОКОЙНОГО ГЕНЕРАЛА ОТ ИНФАНТЕРИИ И КАВАЛЕРА ИВАНА ИВАНОВИЧА ГЕРМАНА 1790 ГОДА ОТ 22 СЕНТЯБРЯ ПО 30 ЧИСЛО*

22 число. Корпус, которым я командовал, стоял на Куме, при Песчаном броду,** расстоянием от Георгиевской крепости версто около 60-ти.

Боевых чинов было в лагере около 3000; сего числа я возвратился из помянутой крепости, где последний раз и виделся с покойным графом де Бальменом, которого я оставил едва дышащего. По прибытии моем в лагерь, слухи повторялись со всех сторон о приближении неприятеля, и хотя оные продолжались уже больше месяца, но письма, которые иные татарские владельцы, услышав о возвращении моем в корпус , в оригинале от Батал-бея прислали ко мне, и в которых он разглашал великие свои силы и обнадеживал их о скором своем прибытии и непременном истреблении всех неверных в сей стороне, равно же и приезд обратный одного абазинского князя, Атажука Ахлова,*** родни нашему подполковнику Мансурову, который сам был у Батал-паши, привели меня в крайнее сомнение. Последний еще описал мне великость турецкого лагеря, число пушек и сказал, что множество султанов и князей с горскими народами окружают его и всякий день более их при-

---

* Впервые опубликован в «Отечественных записках» за декабрь 1825 г.; вторая публикация — отдельным изданием (Екатеринодар, 1896).

** Урочище Песчаный брод находилось на левом берегу р. Кумы, верстах в 8–9-ти ниже ст. Суворовской. На подробной карте России, ч. XV, изд. 1795 г. на этом месте значится редут. Редут этот носил названия Песчанобродского и Кумского, сохранив их даже после перестройки старого редута на новый штерншанец, названный Кумским. На неизданной карте Кавказской линии конца прошедшего столетия Е. Д. Фелицына Кумский штерншанец обозначен на левом берегу р. Кумы, в 9 вер. к востоку от стан. Суворовской, в том месте, где впадают в Куму с правой стороны р. Горькая и с левой — р. Идар-Су. Затем на той же карте показан еще редут Кумской (он же Овеченский) в вершинах р. Овечки и Танлыка (т. е. там, где обозначен Кумской редут на карте самого генерала Германа). — Здесь и далее прим. 2-го Хоперского казачьего полка подъесаула Толстова.

*** Фамилии Мансуровых и Ахловых ногайского племени, а не абазинские князья, как ошибочно полагал генерал Герман.

бывает. Сколько он мог узнать в турецком лагере, который он нашел тогда в Урупе, Батал-бей намерен был поспешно приблизиться к Кубани, переправиться через сию реку и дать баталию, если будет кому, а потом идти прямо на Георгиевскую крепость, где он ожидал соединения всех кабардинцев и Шаха, который тогда с толпами разных народов стоял на Сунже, ожидал приключений и по оным располагал себя вести. А как сии известия были согласны со всеми обстоятельствами, в которых находилась тогда граница, я тот же день поднял свой лагерь, оставя сильный арьергард для подвоза себе хлеба, в котором я имел крайнюю нужду. При Песчаном броде учредил я сильно укрепленный пост под ведением майора Веревкина, который тогда оставлен был с отрядом в сих местах для надзора за народами, там живущими, и удержать связь между корпусом и Георгиевскою крепостью. Поход был 17 верст и лагерь на левых вершинах Талмыцких.*

23 число. Поход был к Кубани 33 версты, а лагерь на реке Подбаклее, расстоянием от реки Кубани прямо верст около 10-ти;** разъезды были посланы до самой Кубани, но кроме маленьких партий, издалека подъезжающих, ничего не приметили. На походе примечены были необыкновенно частые переезды живущих там татар, и в их селениях мужеского пола, выключая детей, почти никого не видно было.

24 число. Учредя сильный пост в Кумском редуте*** для

---

* От Песчаного брода отряд генерала Германа пошел на запад и остановился, вероятно, на левом берегу р. Танлыка в $7^1/_2$ верстах от нынешней Суворовской станицы.

** 23 сентября отряд продолжал движение на запад, прошел мимо Кумского редута, затем повернул к сев.-зап. и остановился лагерем на правом берегу реки Овечки, близ того места, где она изменила свое северное направление на северо-западное. Подлинная карта Германа, составленная на основании глазомерной съемки пройденной им местности, не отличается точностью и в особенности страдает погрешностями в начертании рек. Ввиду этого мы признали необходимым приложить к журналу Германа современную нам карту с обозначением на ней передвижений русского и турецкого отрядов и всего хода сражений 30 сентября. Под именем Подбаклеи следует подразумевать переделанное русскими на свой лад ногайское название р. Овечки — Батмаклы, что в переводе на наш язык означает — тонкая река. Вообще с приходом русских на Кубань были переделаны названия многих речек, местностей и т. п. Так, турецкое название Инджик-су русские переделали в Зеленчук. Под этим же названием река эта значится и на неизданной карте Е. Д. Фелицына.

*** Кумской редут показан на карте Е. Фелицына там же, где он значится и на карте Германа, т.е. в вершинах р. Батмаклы (Овечки) и Танлыка.

сокрытия большой дороги в Георгиевскую крепость, поход был до самой реки Кубани 16 верст и лагерь был на берегу оной реки; так называемый Кубанский редут на крепком и возвышенном месте.* В сей день слышны были в первый раз сигналы турецкие из больших орудий. Разъезды были посланы за Кубань, но далее до устья Малого Зеленчука не могли ехать; неприятельские сильные партии везде уже разъезжали; во многих местах в горах виден был большой дым, что есть у горских народов обыкновенным сигналом для собрания к назначенному месту и пыль великая после обеда поднялась между Большим и Малым Зеленчуками; все известило нас о приближении неприятеля и перед вечером сигналы слышны были гораздо ближе прежнего, но в ущельях никоим образом не можно было видеть неприятельского расположения, горами от нас сокрытого. На ночь я послал трех отборных казаков о двух конях с обещанием по их заслугам вознаграждения с тем, чтобы [с] помощью темноты ночи старались дойти до самого неприятельского лагеря и разведать оного положение, сколько возможно будет. Тот же день послал я вторичное повеление бригадиру Беервицу, чтобы он поспешил отряд свой соединить со мною, и уведомил его о приближении неприятеля.

25 число. Во всю ночь слышны были сигналы в турецком лагере; на рассвете благополучно возвратились посланные казаки, потеряв там одну заводную лошадь, которую бросили, так как неприятель, приметив их, начал за ними гнаться; они были у самого турецкого лагеря, который мне описали довольно верно, как мы после узнали, и реченый лагерь был по их донесению, верст 25 от нашего за Малым Зеленчуком, при самом входе в ущелья,** и мы сами скоро увидели, что сие было справедливо. Провиант мой прибыл мукою, который немедленно перепекли, и в тот же день отправил я находящегося при мне обер-квартирмейстера Штедера к генерал-майору Булга-

---

* На подробной карте России изд. 1795 года Кубанский редут значится на возвышенности правого Кубанского берега между впадающими в Кубань речками Овечкою и Жмуркою. На карте же Е. Д. Фелицына он показан у самого впадения р. Келты (Жмурки) в Кубань.

** Не подлежит сомнению, что турецкий лагерь находился на левом берегу р. М. Зеленчука, в 4-х верстах ниже нынешнего селения Атажукинского, там, где существует и поныне хороший брод через реку и пролегает дорога к Баталпашинску.

кову, который с другим корпусом находился вниз по Кубани, верст около 80 от меня,* дал реченому обер-квартирмейстеру с собою план общей атаки, с тем, чтобы согласить между собою день переправы и пр.; наши пикеты были на той стороне Кубани на высотах.

После обеда неприятельский большой разъезд около 2000 конных показался в первый раз поближе нас и остановился верст около 10 от нашего лагеря на высотах же,** пикеты наши приближались к лагерю, но неприятель за ними не последовал. Оба лагеря остались на прежних местах; в этот день прибыла ко мне фамилия Ислам Муссина, который всегда отличался верностью к России, Рослам-бек и иные многие служить при мне волонтерами. Вскоре после их возвратился из турецкого лагеря разными дорогами побочный сын Ислама Муссина, посланный мною к туркам уже от Кумы. Через него я узнал все подробно.

26 число. Примечены были разные толпы неприятеля, идущие от Малого Зеленчука к Кубани; послан был разъезд по Кубани примечать их: они оказались фуражирами, так как в этих местах оказались некоторые татарские деревни. Весь сей день был употреблен для перепечения хлеба и устроения вагенбурга, чтоб на всякий случай быть готовыми. Перед вечером соединился с корпусом отряд бригадира Беервица благополучно; к ночи был отряжен секретный разъезд вверх по Кубани, который приметил во всю ночь огни около того места, где после был турецкий лагерь. Сигналов в эту ночь никаких не было.

27 число. Опыт сделан был у нас боевого, данного мною, порядка; войска оказались во всех частях исправными и исполненными усердием. Вскоре после вступления нашего в лагерь примечена была великая пыль в горах как бы от большой идущей колонны; сия пыль продолжалась от Малого Зеленчука до Кубани по весьма известной мне дороге, которая весьма видна нам была с возвышенного места, расстоянием от нас вер-

---

* В помещаемом здесь же, вслед за сими примечаниями, рапорте князю Потемкину от 8 октября № 5 Булгаков объясняет причины, по которым он не мог принять участия в отражении турецкого корпуса Батал-паши.

** Высоты между Кубанью и М. Зеленчуком на запад и северо-запад от стан. Баталпашинской.

стах в 60-ти.* Нетрудно было ожидать намерения неприятеля. Я оставил вагенбург свой под надежным прикрытием и взял провианта с собой на 4 дня, пошел в поход и стал лагерем в прежнем своем месте на речке Подбаклее,** 16 верст от бывшего расстоянием от места, куда неприятель тянулся, верст около 18-ти.

Корпус, который при мне находился, состоял из 3600 боевых чинов, а всех на все было 4000 людей. Пушек со мной было от парка 6 и 12 полковых.

Сегодня возвратился в наш лагерь посланный обер-квартирмейстер, привез известие, что генерал-майор Булгаков, подняв свой лагерь, приближается ко мне с тем, чтобы купно действовать со мной.

28 число. Посланы были сильные разъезды к Кубани и посредством их примечен был неприятельский лагерь уже на правой стороне Кубани, для укрепления которого турки работают прилежно***. Еще примечена была беспрестанная пыль за

---

* От Кубанского редута в сторону М. Зеленчука нельзя видеть на 60 верст. Это, вероятно, описка или опечатка. От Малого Зеленчука к Кубани есть несколько дорог чрез Эльбурган и ниже его, и самая дальняя из этих дорог, видимая с того редута, отстоит от него на 25—30 верст.

** В примечании 4-м было уже указано место ночлега отряда генерала Германа на правом берегу р. Овечки. От того места до предполагаемого турецкого лагеря по прямой линии будет верст 18-ть, а до Кубанского редута верст 14-ть. Впрочем, безусловно, принимать все расстояния, указанные в журнале, невозможно, и, очевидно, и сам Герман считал их приблизительными.

*** Соображаясь с содержанием журнала и картой Германа и с топографией данной местности и ссылаясь также на «Материалы к новой истории Кавказа» П. Буткова, мы пришли к заключению, что Батал-паша переправился со своими войсками на правый берег Кубани по двум бродам: по тому, что против устья р. Джеганаса, и другому, который ниже первого верст на пять, около покинутого аула Мусы Туганова. В указанных местах и теперь есть броды и есть дороги, идущие с левого возвышенного берега к тем бродам: вероятно, и в старину здесь были и броды, и дороги, ведущие к ним с обоих берегов. О месте переправы и о лагере Батал-паши П. Бутков говорит: «...следуя от р. Лабы и М. Зеленчука, Батал-паша 28 сентября переправился на правый берег Кубани, близ устьев р. Джеганаса, по двум мелким бродам против Воровсколесского редута (в то время Воровсколесского редута не существовало. Таковой построен был в 1792 году недалеко от нынешней ст. Воровсколесской. В старину Воровским лесом (так назывался он потому, что в нем укрывались воровские, хищнические партии черкесов) назывался лес, росший на возвышенностях между реками Джеганасом, Абазинкою и Тамлыком. Против переправы Батал-паши через Кубань в 1790 году, как раз на том самом месте, где находился его лагерь, на карте Е. Фелицына значится Тохтамышский редут. Очень возможно, что он назывался и Воровсколесским. В 1792 году для наблюдения за Воровским лесом был построен в верхнем течении р. Тамлыка редут Тамлыцкий, который служил промежуточной связью между Кубанским и Кумским редутами), а затем «...имел свой лагерь на реке Тахтамысе, при горе сего имени». На карте Германа лагерь Батал-паши показан между р. Тотамы-

Кубанью по той дороге, по коей турки шли и многие толпы горских народов, по высотам все тянущиеся к оному лагерю. В случившихся во время рекогносцирования стычках захвачен был один казак и уведен неприятелем.

Все сии обстоятельства подали мне мысли: 1) что Батал-бей еще не совсем в сборе; 2) что по прилежному укреплению лагеря на самом броде он приготовляет себе свободную ретираду, — следовательно, трусит; 3) что по незанятию высоты, лежащей против его лагеря,* которая составляет кубанский берег от самых ущельев до Невинного редута, он не разумеет своего ремесла или слишком надеется на свои силы.** Я решился занять эту высоту, около трех верст от его лагеря, дабы по обстоятельствам, атаковать или принудить его к бою, и, по крайней мере, держать его в виду, пока генерал-майор Булгаков успеет соединиться со мною. Сие предприятие не было, однако ж, без затруднений: надо было делать две переправы и лезть на высокую гору; мес-

сом и Батырсу, в 3 верстах ниже впадения последней в Кубань. — Выше уже замечено было, что карта Германа страдает неправильностями начертания рек. Герман ошибочно принял нижнее течение маленькой речушки, значащейся на карте Е. Фелицына под именем Кенсендык, за устье р. Тохтамыса (Абазинки), и это обстоятельство лишало до сих пор возможности определить точно место переправы и лагерь Батал-паши, так как на современных нам картах устье Тохтамыса (Абазинки) показано на 6 верст далее того места, где обозначено оно на карте Германа. Существовавшее на этот счет недоразумение вполне разрешается теперь картою Е. Д. Фелицына, на которой мы встречаем и название загадочной р. Батырсу (Джегонас). По разъяснениям Е. Д. Фелицына оказывается, что верхнее течение этой реки известно было у ногайцев в прошедшем столетии под именем Джегонаса, тогда как нижнее называлось Батырсу, что означает чистая прозрачная вода. Если принять во внимание, что на карте Е. Фелицына расстояние между устьями р. Батырсу и Кенсендыка (6$^{1}/_{2}$ вер.) оказывается почти таким же, как и расстояние между р. Тохтамысом и Батырсу на карте Германа (6 вер.), то не остается ни малейшего сомнения в том, что переправа и лагерь Батал-паши были в 7 верстах выше Баталпашинска, на равнине, расстилающейся между р. Джегонасом и Кенсендыком, несколько выше устья последней, где и поныне видны следы окопов, братские могилы и курганы.

* Высоты, лежащие против устьев р. Кенсендыка и хутора Валуйского. Расположением на этих высотах Батал-паша прикрыл бы обе дороги, пролегавшие от Кубани к Куме и далее в Кабарду. Впрочем, верхняя дорога была неудобна для движения обозов и артиллерий, а потому Батал-паша рассчитывал воспользоваться и нижнею дорогою, пролегающею по правому берегу реки Абазинки (Тахтамыша), что и привел в исполнение 30 сентября, хотя и неудачно, так как потерпел поражение от русских.

** Высоты эти, командуя над всею окружающею местностью, действительно представляются наиболее выгодным стратегическим пунктом. Очевидно, Батал-паша не знал этого.

тоположение мне все известно было; я стоял уже прежде сего на том самом месте, где был турецкий лагерь, даже и [на] самой той высоте, которую я хотел захватить от неприятеля, имел я более месяца свой лагерь. Я собрал вечером своих сотоварищей и объявил им мое намерение. Они были все согласны, представляли, однако ж, что лучше будет выполнить сей предмет в ночи, особливо потому, что корпус наш невелик в рассуждении неприятельских сил, а турки имели случай узнать состояние наше через захваченного казака, на что я согласился. Сделав нужные учреждения, пошли мы в поход около 10 часов вечера. Ночь была претемная и шел небольшой дождь; но сколь ни осторожны были принятые меры, чтоб друг от друга не отдаляться, как ни известны самим нам были дороги и сколь ни исправны были наши проводники, однако ж мы заблудились при самом почти выходе из лагеря и друг друга сыскать не могли. Сигналы и шум были накрепко запрещены, выключая одной встречи с неприятелем, даже и собак не велено при себе иметь. Всякий проводил ночь, кто где, находился в немалом беспокойстве.

29 число. На рассвете нашлось, что колонны были около 5 верст одна от другой; та, которую вел бригадир Беервиц, попала на переправу через Подбаклею.* Мы приметили, что наша неудача шла к лучшему: переправа была столь трудная, что мы в темноте ночи никак не могли бы переправиться. Корпус начал переправу с самого утра и продолжал оную до полудня. Для прикрытия оной посланы были сильные партии к турецкому лагерю и перепалки были горячее прежних.** Лагерь был занят при переправе верст около 10-ти от турецкого. Я известился, что генерал-майор Булгаков будет иметь того дня ночлег при Невинном мысе, верстах в 60-ти от меня. Перед вечером примечены были по верхней дороге,*** идущей от турец-

* Вышедшие из лагеря колонны в 10 часов вечера проблудили в степи на восток от р. Овечки. Колонны, вероятно, имели назначение продвинуться к югу, достигнуть вершины р. Овечки, переправиться там и занять Тахтамышевские высоты. Из этих колонн только колонна Беервица попала куда следует, и то, вероятно, благодаря движению правым берегом реки Овечки, а остальные войска, проблудив до утра, заночевали в степи отдельно одна колонна от другой.

** Отряд генерала Германа переправился через р. Овечку (Подбаклею) верстах в 7 выше лагеря. Прикрывавшие переправу пикеты и патрули были выдвинуты на высоты правого берега р. Абазинки и далее к западу.

*** Ближайшею к турецкому лагерю верхней дорогой в Кабарду надо считать дорогу, пролегающую по возвышенности правого берега Джегонаса (Батырсу), которая на карте Германа не показана.

кого лагеря через Белую мечеть в Кабарду и в Георгиевскую крепость, большие толпы и даже обоз. Сие движение привело меня в крайнее сомнение. Я чувствовал, коль скоро Батал-бей примет марш к Куме и утвердится в абазинских горах, то соединение с кумскими татарами и абазинцами, равно как с кабардинцами и шахом, запретить ему не будет возможно и что вся граница кавказская в наибольшей опасности. Нельзя было терять времени: Белая мечеть расстоянием от турецкого лагеря только на один переход. Когда Батал-бей захватит Беломечетские дефилеи и переправу через Куму, то дойти до него между вершинами Танолыцкими и Тахтамызскими и атаковать его почти не было бы возможности; напротив того, он свободен был вести себя по обстоятельствам, как бы ему захотелось, и тогда трудно бы было предвидеть, которые могли бы из сего следствия произойти. Притом я не мог точно отгадать намерения его из сего движения. Он волен был идти мимо меня по верхней дороге, оставить пост на Куме для наблюдения моих движений и прямо следовать в Георгиевскую крепость; или он мог бы равно отделить от себя сильный отряд по сей дороге мне в тыл и во фланг, а между тем атаковать бы меня спереди, или мог бы удержать меня, если бы я вознамерился идти на его лагерь, что после и оказалось. Я послал в сию ночь секретные разъезды во все стороны, перед конною цепью кругом всего лагеря лежала пехота в траве; движения неприятельские слышны были во всю ночь, но сигналов никаких не было. Сие тесное положение, в котором я находился, не могло быть продолжительно; все приготовлено было к какому-нибудь важному приключению на сей границе и все извещало меня о приближении оного. Надеясь на помощь Божью, решился я в ночи атаковать неприятеля на рассвете.

30 число. Едва только стало видно, я собрал своих сотоварищей и, объявя им свое намерение, изъяснил при этом, что я нахожусь в таких обстоятельствах, что, не дожидаясь прибытия генерал-майора Булгакова, необходимо должен атаковать неприятеля, что ежели я дам ему только свободу еще ныне, то потеряю не только Куму, но, может быть, и всю границу. К тому же и хлеба более не было, да и подвозить провиант из вагенбурга ни время, ни положение наше не позволяли. Приказано было тотчас варить кашу, дабы люди не были слабы в драке, а между тем сделаны были нужные приготовления и от-

даны приказания. Около 6-го часа утра тронулся авангард, составленный из 700 человек разного рода войска с двумя пушками, под предводительством много уже раз испытанного офицера майора князя Орбелианова. Он имел повеление поспешно занять командующую высоту за левою вершиною Подбаклея в 4-х верстах от российского лагеря* и держал оную до прибытия корпуса до последнего человека. Вскоре после отправления авангарда вдруг палатки были сняты и корпус выступил в поход в 5 колоннах; на самом выходе получил я известие от генерал-майора Булгакова, что он ныне поднимается от Невинного мыса и надеется быть к ночи к Кубанскому редуту, где учрежден был мой вагенбург. Но жребий был кинут, авангард приближался уже к высоте, и перепалки начались со всех сторон. В то время как корпус тронулся, пошел дождь, — счастливая российская примета, которая и сбылась и в тот день более, нежели ожидать можно было. По нашему уже несомнительному движению горы около Танлыцких и Тахтамызских вершин зачернились, и из разных мест поспешали сильные толпы горских народов, дабы заградить нам дорогу.** Князь Орбелианов успел, однако ж, занять высоту, и как пехотные колонны принуждены были обходить левую вершину Подбаклейскую по причине крутой и топкой переправы, то я взял

* «Командующая высота за левою вершиною Подбаклейскою» — это возвышенность, которая тянется по правому берегу реки Абазинки против истоков р. Овечки и Топки и далее по направлению к западу, где ныне хутор Валуйского. На эту-то возвышенность и двинулся авангард князя Орбельянова, прикрываясь цепью конных казаков и фланкеров. Почти одновременно с нашим авангардом на ту же высоту, но с противоположной стороны, подымаясь, по переходе на правый берег р. Абазинки (Тахтамыша) наступали турки, вероятно, с целью занять высоты и тем прикрыть нижнюю дорогу. Для турок встреча с русскими была неожиданная, так как, несмотря на свое превосходство в силах, они не могли оттеснить русских и принуждены были принять бой в самом невыгодном для себя положении. Так, например, наш левый фланг, состоявший первоначально из авангарда князя Орбельянова и впоследствии подкрепленный другими колоннами, с успехом отражал неприятельские войска, бросившиеся на него во фронт и в тыл; турецкая же артиллерия, как пишет генерал Герман, «хотя шибко и проворно действовала, но вредить нам не могла», потому что турецкие батареи были расположены ниже наших. Тыл боевого расположения турок был обращен к р. Абазинке.

** Нужно полагать, что горская конница утром, 30 сентября, двигалась к Куме по верхней дороге правым берегом реки Джеганаса. Заметив наступление авангарда, черкесы свернули к реке Абазинке и кинулись на русских, но фланкеры и казаки отбросили их.

немедленно кавалерию** и поспешил подкрепить авангард, который был версты с полторы от сей переправы. Часть горских народов прибыла уже к боевому месту, и сильные начались перепалки. Приметив, что немалая часть турецкой пехоты с артиллерией также прибыла уже и беспрестанно прибавлялось оной более из лагеря, я послал к нашей пехоте поспешить с артиллерией ко мне. Турки, растянув свою линию по над речкою Тохтамысом, открыли свои батареи. Вскоре после их скорых выстрелов артиллерии майор Афросимов поспешил с своею батареей, равно и пехота немедленно примкнула ко мне. Горские народы, бывшие в то время в великом уже сборе, сделали обще с турецкой кавалерией сильный удар на мой тыл и оба фланга, отчего часть конницы моей несколько потерпела и придалась к пехоте, но резервы вышли и кавалерию опять смяли и опрокинули оную. Фрунт наш занят был во все время самими турками, и сражение продолжалось уже во всех частях с разными переменами около двух часов; но решительного еще ничего нельзя было применить; между тем, артиллерии майор Афросимов успел сбить неприятельские батареи на правом их фланге; огонь примечен был реже и гораздо слабее. В то время приказал я ударить правому моему крылу под командой бригадира Беервица прямо на неприятельское левое, и для подкрепления его следовала кавалерия правого крыла, равно и все легкие войска с полковником Буткевичем; с левого крыла отрядил я кавалерийскую колонну под командою полковника Муханова, с тем, чтобы ударить на неприятельское правое, ворваться в пехоту и опрокинуть оную, а для подкрепления всей атаки и для прикрытия тыла колонн следовала за ним остальная пехота. Турки, не выдержав удара, расстроились, опрокинуты были и старались спасаться бегством без малейшего порядка; наши преследовали их во все стороны, многих убили, а иных взяли в плен. В числе первых был и один паша; примечено было в горских народах, что их атака гораздо ослабела, как скоро они увидели, что мы идем прямо на турецкую линию, и даже до того, что большая их куча, состоявшая тысяч из 5-ти, отъехала несколько далее назад и остановилась на возвышен-

* Колоннами нашего отряда в бою 30 сентября командовали: бригадиры Беервиц и Матцен и полковники: Муханов, Чемоданов и Буткевич (последний командовал кавалериею).

ном месте, дабы смотреть, кому судьба определит победу, и коль скоро они увидели, что турки уже разбиты, то ускакали и исчезли из виду. Большая часть закубанских черкесов бежала обще с турецкой кавалерией в лагерь, который они тогда разграбили, сколь успеть могли в скорости; пушек с патронными ящиками отбито было в поле 11; другие же увезены турками заранее в лагерь.

В 4-м часу по полудни спустился я со всеми войсками с высоты кубанского берега, собрал и устроил корпус, велел взять из ящиков патроны, определил прикрытие к неприятельской артиллерии и к пленным и остановился ввиду турецкого лагеря, который был от нас версты две с небольшим. В помянутом лагере видно было еще много людей, которые приготовлялись к защищению оного, притом также приметить можно было в нем великое бегание, о котором я судил, что турки расстроены и не знали, что делать. Я решил атаковать их лагерь, не теряя времени, и воспользоваться своим счастием, хотя большая часть моих товарищей были противного мнения и представляли мне, что люди устали, что у них мало осталось патронов, что довольно уже сделано в этот день и что ночь уже недалека. Я тронулся с корпусом; но, как турки ожидали нас прямо на лагерь и к тому приготовились, то я пошел несколько верст по дороге в горы* и совсем не на лагерь, но вдруг повернулся против правого фланга, который укреплен был слабее других сторон. Увидев сей поворот, турки вышли из лагеря не далее версты от оного, конницею, которая вступила с нашими в сражение, но сие был лишь один вид, чтобы дать пехоте несколько времени убраться за Кубань. Мы опрокинули ее, шли стремительно и овладели турецким лагерем почти без малейшего сопротивления. При оном взят был Батал-бей с его чиновниками и многими другими турками в плен; едва могли спасти жизнь реченого сераскира, и он сколько ни кричал и просил помилования, объявляя свой чин, из окружающих его иные были изрублены, а другие ранены, но егери-кабардинцы подоспели к нему и спасли его. В турецком лагере были взяты еще 19 медных пушек и походная мортира, много ящиков пороху, свин-

* Отряд пошел низом у подошвы возвышенностей от хутора Валуйского к поселку Джеганасскому. Здесь под выражением «в горы» нужно подразумевать Кавказский хребет.

цу, инструментов и разных припасов, и хотя черкесы успели уже ограбить турецкий лагерь, но все еще нашлось много добычи разного рода, которая досталась победителям. Так кончился день, который навсегда останется памятен для жителей Кавказа, с коим исчезли навсегда дальновидные неприятельские планы, так что и следов не осталось после оных. Войска Её Величества одержали совершенную победу с весьма малым уроном, многие имели случай отличиться перед прочими, но все оказали единодушное и отличное усердие. Имена первых внесены в особливой и подробной о сем сражении реляции, выключая сражения. Некоторые были мне особливыми помощниками в сих тесных и прекрутых оборотах, в которых я находился от самого 22 числа, и их усердие к службе и рвение заслуживают не токмо мое всегдашнее признание, но и награждение от верховного начальства.

Майор князь Орбелианов, войска Донского полковник Луковкин, капитаны Деконский и Струков, поручик Пищевич,* подпоручики Энгельман, Струков, Шелевский и Козлов, обер-квартирмейстер Штедер и адъютант мой Казаринов употребляемы мною были беспрестанно и ежечасно с великою пользою. Их неутомимое усердие весьма меня облегчало и немало способствовало ко всеобщему благу. Я не могу кончить журнал сей достопамятной кампании, не сделав еще некоторый примечаний. Есть без малейшего сомнения Провидение Божие, которое управляет нашими деяниями, не токмо важными и касающимися до благополучия какой-нибудь знатной части человеческого рода, но даже и теми, которые кажутся маловажными и коих следствия от наших глаз сокрыты. Российские войска испытали сие над собою во все время сей кампании. Все приключения, которые казались нам противными, шли к лучшему. Но как Бог помогает обыкновенно только трудящимся и неусыпно старающимся выполнять долг, который на них возложен, да позволено мне будет здесь судить о человеческих делах как человеку, Батал-бей не мог обнять сию великую машину, которую дали ему в руки; даже он не умел порядочно завести оную и поведением своим нимало не оправдал сделанной ему доверенности. Первая и самая главная

* Из неизданных материалов для истории Кубанской области Е. Д. Фелицына видно, что этот же самый Пищевич отличился и при взятии крепости Анапы ген.-аншеф. Гудовичем в 1791 году.

ошибка его была в том, что он остановился на Кубани без всякого предмета и потерял трои сутки, невозвратные для него по тогдашнему положению границ на пустое укрепление своего лагеря, и тем самым не только потерял он доверенность у горских народов, но и дал нам время исправиться и узнать его поближе. Если бы он шел, нимало не останавливаясь на Кубани, прямо по верхней дороге к Белой мечети, и переправясь через Куму, утвердился бы в Абазинских горах, атаковать нам его не токмо было бы трудно, но почти и невозможно. Он имел свободное время делать движение сие беспрепятственно. Батал-бей, имевши способность скрыть от нас посредством гор свое намерение, прибыл нечаянно 27 числа к Кубани и переправился через сию реку. Еще было довольно рано и часа 4 оставалось до ночи. Я был от него более 25 верст прямою дорогою, которою не мог идти с корпусом, обходя около 30, а от Белой мечети около 40 верст; он же напротив, находясь от последнего места не более 20 верст, мог быть там того же числа в ночи или 28 весьма рано. Я, идя на удачу и почти в отчаянном положении, мог едва достигнуть дотуда в самую ночь 28 числа. Разные народы, бывшие уже давно в готовности, начиная от самого Дагестана и ожидая только Батал-бея, соединились бы с ним без всякого сомнения, и если бы войска наши, бывшие соединенными в корпусах и отрядах, и остались целыми, дрались бы и даже победили бы после неприятеля, но большую часть селений и жителей тогда спасти никак нельзя было бы.

Во время самого сражения турки сделали три непростительные ошибки: первую, что не заняли или не употребили все силы для отбития от нас высоты; вторую, что не тянулись вверх по Тахтамысу и не заняли возвышения влево от российского корпуса, которое я не мог держать по малому количеству войск; а третью, что дали бой в том невыгодном для них месте, где их артиллерия, хотя и шибко и проворно действовала, но вредить нам почти не могла.

---

* В данном случае ген. Герман ошибается: из тех же материалов Е. Д. Фелицына усматривается, что еще в начале сентября на марше к Тамани, при выступлении с р. Кирпилей, барон Розен получил уведомление от ген.-анш. Коховского и князя Потемкина о движении турок к Кабарде, и потому Розен направил свой путь к устью Лабы, а 21 сентября дал знать о своем движении графу де Бальмену и послал ему маршрут с тем, чтобы он мог известить его,

С нашей стороны также разные были ошибки: корпус г-на генерал-поручика Розена находился без всякого предмета и пользы около Лабы, по совершенному незнанию неприятельских намерений.* На самой линии стоял корпус генерал-майора Булгакова, около Прочного Окопа без всякого употребления; а он мог бы идти на Лабу и купно с генералом Розеном остановить неприятеля, не дойдя до сей реки. Я же сам, сошед без всякой основательной причины с важной позиции моей при Кубанском редуте, открыл Кубань переходом моим на Песчаный брод, как будто вся опасность уже миновалась. Я мог бы тогда равно и в то место доставить себе провиант с добрым распоряжением иметь корм для лошадей или, лучше сказать, я должен бы был сберечь оный сначала и ожидать того, что легко предвидеть можно было. Мы знали уже и довольно верно, что Батал-бей прибыл около половины сентября на Лабу. Тогда мы имели еще время соединиться и идти ему навстречу. По сомнительным и нетвердым распоряжениям нашим потеряли мы время, навлекли на себя сомнения горских народов и тем самым подвергли границу такой опасности, что баталбейская экспедиция могла бы легко переменить театр войны, ежели бы оная была в других руках; но все сии ошибки поправлены были неисповедимым Провидением Божьим и особенным России счастьем и окончились благополучно.

если бы потребовалась помощь к отражению корпуса Батал-паши, но де Бальмен, по случаю тяжкой болезни, ничего ему не ответил. Более подробные сведения о намерениях Батал-паши бар. Розен узнал из показаний узденя Хамурзы Магомета, взятого в плен бригадиром Поликарповым 21 сентября, когда турецкий корпус уже перешел Лабу и находился вне сферы влияния отряда Розена. Таким образом, бар. Розен лишен был возможности приостановить дальнейшее движение Батал-паши к Кубани, но зато своими действиями за Кубанью он значительно способствовал к отвлечению горцев, которые в противном случае могли бы присоединиться к туркам и увеличить их силы. Обвинение в бездействии бар. Розена нельзя поэтому признать основательным.

С. А. ТУЧКОВ

ЗАПИСКИ. 1766–1808

Глава 10

ПРОИЗВОДСТВО ТУЧКОВА В ГЕНЕРАЛ-МАЙОРЫ И ЖЕНИТЬБА. — КОЛОНИИ СЕРБОВ. — ЗЕМЛЯ ДОНСКИХ КАЗАКОВ: СТАНИЦА АКСАЙСКАЯ, ГОРОД СТАРЫЙ ЧЕРКАССК. — ВОЙСКОВОЙ КРУГ. — ИСТОРИЯ ВОЙСКА ДОНСКОГО. — ДОНСКАЯ СТЕПЬ. — МОСКОВСКАЯ КРЕПОСТЬ.—ДОНСКАЯ КРЕПОСТЬ. — ГОРОД СТАВРОПОЛЬ.— КАВКАЗСКАЯ ЛИНИЯ. — НАЧАЛЬНИК КАВКАЗСКОЙ ЛИНИИ ГЕНЕРАЛ КНОРРИНГ. — КАВКАЗСКИЕ МИНЕРАЛЬНЫЕ ВОДЫ. — ГРУЗИЯ И РОССИЯ. — ПОХОД ТУЧКОВА В ГРУЗИЮ. ЧЕРКЕСЫ. — ОСЕТИНЫ.— ТЕРЕК. — ДАРЬЯЛ. — ИЗВЕСТИЕ О КОНЧИНЕ ПАВЛА I. — ГЕНЕРАЛ ЛЕОНТЬЕВ. — КАЗБЕК. — МОНАСТЫРЬ НА КАЗБЕКЕ. — ПЕРЕХОД ВОЙСКА ЧРЕЗ КАВКАЗСКИЙ ХРЕБЕТ. — АНАНУР. — МЦХЕТ. — ТИФЛИС. — ГРУЗИНСКИЙ ЦАРЕВИЧ ДАВИД. — ГЕНЕРАЛ ЛАЗАРЕВ.

Производство Тучкова в генерал-майоры и женитьба

Я не успел еще осмотреться в новом моем расположении, не только чтобы просить отпуска, как в сверх ожидания моего произведен я был в генерал-майоры и назначен шефом кавказского гренадерского полка, находящегося на Кавказской линии. Причиною сего неожиданного производства было то, что Павел I рассердился на корпус князя Конде*, а потому и новых французских эмигрантов, из которых многие служили в российском войске в достоинстве полковников и были старше

---

* Принц Конде (Louis-Henry-Joseph, due de Bourbon —1764—1830) — последний в роде Conde, отец злополучного герцога Энгиенского, расстрелянного Наполеоном, глава французских эмигрантов-роялистов, был принят в 1797 году со своим корпусом в русскую службу Павлом I. Корпус этот численностью около 10000 чел. расположен был в Волыни.

меня по службе. Хотя Павел I наблюдал старшинство при производстве, но сие обстоятельство заставило его отступить от принятого им правила и произвесть меня в генералы. С крайним сожалением оставил я Фанагорийский гренадерский полк и отправился на Кавказскую линию чрез Шклов. Я не мог там долго медлить; но генерал Зорич успел выдать за меня свою племянницу и снабдить нас всем потребным для дальнего сего путешествия. Прочие же обещания он оставил до удобнейшего времени, в чем как я, так и жена моя, не имели ни малейшего сомнения.

Колонии сербов

Проехав Белоруссию и часть Малороссии, прибыл я в слободы или колонии поселенных сербов, из которых прежде составлялись гусарские полки. Сии жители имели достаточное количество земли, не платили никаких податей; но зато в потребном случае каждый дом поставлял одного гусара. Он, прослужив восемь лет, возвращался в свое семейство, а на место его поступал другой. В проезд мой все сии права были уничтожены и оставлены были им только земли как собственность. Между тем заметил я, что природные воины живут несравненно чище и богаче, нежели прочие поселяне.

Я не говорю ничего о затруднительном и неприятном путешествии, а особливо в зимнее время, чрез украинские степи, прикасающиеся к владению донских казаков. Это испытал я над собою, проведя целую зимнюю ночь в степи, засыпанный снегом, невзирая на то, что я имел карету и несколько других экипажей. Сие случилось со мною, не доезжая верст 15 до города Ахтырска.

Земля донских казаков: станица Аксайская, город Старый Черкасск

По прибытии в землю донских казаков, первое селение, обратившее мое внимание, было казачья станица Аксай. Она имела тогда более трехсот хорошо построенных домов, в числе которых находилось много каменных в два этажа. Оттуда прибыл я в Старый Черкасск, столицу Донского войска. Я на-

зываю его Старым Черкасском, потому что гораздо после сего моего путешествия столица казаков перенесена была на правый берег реки Дона и названа Новым Черкасском. Сей город построен был на острове, составляемом двумя рукавами реки Дона или древнего Танаиса. Каждой весной при разлитии вод он был затопляем, почему и построены все дома в два этажа. Через весь же город проведен высокий на деревянных сваях мост, от которого поделаны маленькие мостики, сообщающиеся со вторым этажом каждого дома. Зимою и летом по сему мосту никто не ездит, а по обеим сторонам оного по улицам; во время же водополи служит он вместо улиц. Тогда все жители оставляют нижнее жилье и переходят в верхнее. Сверх сего неудобства, по причине большого населения, хозяева почти не имеют дворов для содержания домашнего скота. Перед наступлением же весны самое необходимое количество оного, даже и дворовых птиц, жители должны отправлять в загородные свои дома, называемые там хуторами. В селе Черкасске находится несколько весьма красивых каменных церквей, для построения которых, равно как для дома войсковой канцелярии и Гостиного двора, или лавок выбраны возвышенные места, непотопленные водою. Соборная церковь богато украшена и хорошей архитектуры, равно как и дом войсковой канцелярии. Лавки, хотя не таковы, но составляют изрядное, довольно обширное каменное здание. Несколько каменных домов, порядочно построенных, придают городу изрядный вид; впрочем, все дома, хотя и деревянные, но выгодно расположены. Не можно довольно похвалить всех вообще донских казаков, не исключая и самых бедных, за чистоту и опрятность, в их домах соблюдаемые. Не только по нескольку раз в неделю моют они полы и внутренние стены домов, которые не имеют ни штукатуры, ни обоев, но даже наружные стены самых малых домов моют с песком по нескольку раз в год. Часто покрившийся уже от ветхости деревянный дом покажется новым.

Я приехал в Черкасск накануне Крещения, праздника, толико почитаемого обеими католическими церквами. Сверх того, день сей на Дону достоин потому примечания, что в оные избираются станичные атаманы и есаулы.

Надлежит знать, что донские казаки имеют свои поселения по правому берегу реки Дона, вниз по сей реке, начиная от границы Воронежской губернии. Они простираются до земель,

принадлежащих городу Азову, который лежит неподалеку от устья сей реки, впадающей в Азовское море или древний Палус Меотидес (palus Meotydes), подле города Таганрога. Станицами называются казачьи селения. Название сие произошло от слова *стан*, что знаменует на старинном российском, или лучше сказать, славянском языке, лагерь. Вероятно, при завоевании казаками у татар сей земли были на тех местах постоянные лагери или биваки, потому что казаки и по сие время не употребляют палаток, а для долговременного, по обстоятельствам войны, пребывания, строят шалаши и землянки в защиту от зимнего холода. Сии лагери, как видно, обратились потом в постоянные жилища. Каждая таковая станица состояла прежде из ста домов, окруженных рвом и валом. Она обязана была выводить по требованиям войскового правления по сто конновооруженных казаков. Впоследствии станицы сии увеличились как числом домов, так и жителей и, следовательно, высылают больше казаков. Город Черкасск, еще в бытность мою, состоял из десяти станиц и разделялся на десять частей. А сие показывает, что в сем месте была главная квартира или лагерь общего их начальника, и поныне войсковым атаманом называемого. При нем находилось всегда два полка или один атаманский, превышающий вдвое прочие полки числом людей; все казачьи полки состоят из 500 человек.

Войсковой круг [1]

Прибыв в сию столицу казаков, принят был я с великою учтивостью. Все чиновники посетили меня поутру, в числе которых находился и сын войскового атамана Иловайского, бывший тогда уже в чине генерал-майора. Он, поздравив меня с приездом и праздником, присовокупил, что отец его сам желал бы иметь сию честь, но он нездоров. Я и прежде сего обязан быть ему посещением, как генералу, старшему мне чином, а сие обстоятельство заставило меня поспешить. По прибытии к нему, он после весьма учтивого приема сказал мне: «Не угодно ли вам будет посетить нашу соборную церковь и посмотреть некоторые обряды, в этот день исполняемые? Я по слабости моего здоровья не могу там находиться, разве только при выборах. Сын мой будет вам в том служить вместо меня; а по

окончании прошу сделать честь пожаловать ко мне на обед». Итак поехал я с сыном его в соборную церковь, куда пред окончанием литургии, довольно долго продолжавшейся с великой пышностью церковного обряда, прибыл и сам войсковой атаман. При выходе из церкви увидел я построенных в два ряда некоторых донских чиновников, держащих регалии войска, знамена, жалованные разными российскими государями за отличные подвиги сего войска, грамоты, содержащие их преимущества и похвальные за услуги России, и медали. Войсковой атаман при сем случае не оставил рассказать мне в коротких словах, каким государем за что именно даны были оные войску донскому. Когда прошли мы сей ряд регалий, тогда как державшие оные, так и прочие чиновники, составили обширный круг, в который приглашен был и я. Один чиновник в виде провозглашателя вышел на средину, положил на землю казачью шапку, а на оную большую трость с превеликим серебряным набалдашником. Сия трость называется ими *насека*, ибо на набалдашнике ее вырезано или насечено имя станицы. Она означает достоинство станичного атамана или есаула. В больших церемониях ее носили прежде пред атаманом или есаулом. Положа трость на шапку, поклонился он на все четыре стороны и потом довольно громко произнес сии слова: «Атаманы молодцы, славное Войско донское! Не стало у нас на тихом Дону станичного атамана Н. Н. в станице М. М. Изволите ли вы на выбор I. I.?» Причем называл он по имени и по отчеству прежнего атамана, название станицы и имя избираемого ими кандидата. Молчание означает согласие. А буде кто сим выбором недоволен, тот должен снять свою шапку и бросить кверху, после чего имеет он право войти в средину круга и говорить, почему не соглашается на таковой выбор. Но так как все следы вольного правления уже и тогда почти совсем были изглажены, то ничего подобного тому не случилось.

По некотором молчании, означающем согласие на выбор нового атамана, вошел в круг сменившийся атаман. Он поклонился до земли на четыре стороны и, потом встав, произнес громко сии слова: «Атаманы молодцы! и все славное войско Донское! благодарю вас за то, что вы в течение трехлетнего моего управления меня охраняли и любили». Тут произошел некоторый тихий шум, означающий взаимную признательность. По выходе из круга прежнего атамана вступил новоизб-

ранный. Есаул подал ему насеку и трость. Но прежде, нежели принять ее, он сделал также поклоны и произнес следующее: «Атаманы молодцы! Славное Войско донское! Прошу охранять меня и любить». В ответ на сие раздались слова: «Будь справедлив и милостив». После этого принял он трость, вышел из круга и весь круг разошелся.

По окончании сего обряда поехали мы все на реку Дон, покрытую тогда толстым и крепким льдом. Там отправлена была обыкновенная церемония освящения воды греческою церковью, на сей день установленная. Она кончилась колокольным звоном, пушечною пальбой и выстрелами из мелкого оружия. Все потом разошлись, а я поехал в дом войскового атамана.

На обед его приглашены были все чиновники, находившиеся тогда в Черкасске. За столом было более пятидесяти особ, но ни одной женщины. Угощение состояло из многих блюд, на европейский вкус приготовленных, из лучших донских и греческих вин с довольною умеренностью. И я ничего необыкновенного не заметил при этом, исключая того, что пред окончанием обеда вошла в залу одна женщина, богато одетая по образцу донских женщин. Она была в пребольшой парчовой шапке, украшенной драгоценными камнями и жемчугом, из-под которой не видно было ни одного волоса. На ней был кафтан из такой же материи, сшитый на образец казацкого. Он спускался ниже колен и имел золотые круглые пуговицы, украшенные каменьями и резьбой. Из-под кафтана видна была на груди красная шелковая рубаха, а ворот обшит был нитками жемчуга. Она имела на себе пояс, покрытый золотыми с камнями бляшками, а под кафтаном широкие шелковой материи шаровары или казачье исподнее платье, доходившее до самых ее туфель из желтого сафьяна. Это обыкновенная одежда всех донских женщин, исключая богатства. Девицы же их повязывают головы платками, из-под которых видны пристойно расположенные волосы. Задние волосы заплетают в косу, которую не загибают на голову. Поэтому девичий убор не столь безобразен, как женский.

Сия женщина держала в руках пребольшой серебряный поднос, на котором стояло множество рюмок с вином. Подойдя к войсковому атаману, подала она ему оный; атаман взял одну рюмку. Она поставила поднос на стол, поклонилась ему

в ноги, потом встав, поцеловала ему руку, а после в губы. Он произнес какое-то приветствие и, выпив за здоровье ее мужа, сказал мне: «Это жена прежнего станичного атамана; она благодарила нас всех за доброе обращение с ними во время его управления». Сия женщина после сего пошла по всем домам, кланялась, только не в ноги, подавала всем вина и целовала каждого в губы; а гости пили за здоровье ее мужа. Когда обошла она всех, тогда явилась другая с таким же подносом, но исполнила то же, что первая. Это была жена нового атамана. И все гости поздравили ее с новым достоинством ее мужа.

По окончании стола попросил нас атаман в другую комнату. Там увидел я множество женщин, одетых подобно двум представившимся при столе. Они сидели на широких диванах, поджав ноги по-азиатски, а перед ними стоял превеликий стол, покрытый вареными в сахаре и сухими конфектами, множеством наилучших плодов, чем донская земля весьма изобилует. Между тарелками стопки графинов с сладким вином. При вступлении нашем они все встали и поклонились. Хозяйка просила нас сесть, и когда все сели, то она, взяв две тарелки конфект, разносила сама и потчевала гостей. Потом ее заменила другая, доколе не обнесла всех тарелок. Таким же образом потчевали нас несколькими родами сладкого вина; этим и окончилось все угощение; и все поехали домой. Вот все, что я мог заметить на счет образа жизни знатнейших особ сего народа.

По возвращении моем в квартиру посетил меня один мой давний знакомый, гражданин донской П. Отец его, чиновник Войска донского, вздумал воспитать его в Московском университете, где и был он студентом. Наконец, оказав довольные успехи в науках, был вместе со мною членом вольного российского собрания, при сем университете учрежденного. Окончив курс в университете, должен он был по правам Войска донского возвратиться в свое отечество и служить в казачьих полках. Прослужив несколько кампаний против черкес и закубанских татар, достигнув звания штаб-офицера, возвратился он в свой дом. Во время воспитания своего он оказывал больше склонности к математике и стихотворству. Войсковое правление определило его на должность землемера. Так как стихи его, сочиняемые по образцу Горация и Вергилия, не весьма нравились донским казакам, то в надежде на лучший успех занялся он сочинением истории сего войска. Наконец она и была

напечатана в Петербурге. Он читал мне свой проспект, начало истории и рассказывал о многом, до сведения оной касающемся и почерпнутом им из достоверных источников. Потому неизлишним почитаю упомянуть здесь об истории и правах сего великого и настолько уже известного в Европе войска.

История Войска донского

Г. П., подражая древним деописателям, начинает свою историю с баснословных времен и выводит первое происхождение донских казаков от амазонок, потому что амазонки жили на берегах реки Танаис, ныне Доном называемой. Далее он говорит о сарматах, скифах и других древних народах, населявших сию часть земли. Потом присоединяет к ним рассказ о славянских народах и так доходит до позднейших времен.

Но по всем соображениям вероятнее всего кажется, что донские казаки суть не иное что, как русские люди, удалившиеся в нынешнее их местопребывание по разным причинам. Это было во времена великих князей российских, около той эпохи, когда сила татарского народа начала приходить в упадок, когда они жили еще на левом берегу Дона и при подножии гор Кавказских (остатки их и поныне там существуют) и когда в рассуждении опасности от их набегов земли сии никем не были заняты. В те смутные времена России многие толпы сего народа, удаляясь в сию степь, силою оружия утвердили там свое жительство. К ним присоединились выходцы из греков, армян, молдаван, поляков, татар и калмыков. В самом начале жен брали они себе иногда добровольно, но по большей части насильно от смежных с ними азиатских народов.

Наконец, когда они устроились и сделались почти особливым народом, тогда по одноплеменности и единоверью, а может быть и по другим причинам, на некоторых условиях и добровольно покорились они державе Российской. Но сии условия и преимущества мало-помалу совсем ныне уничтожены монархами российскими. Это стоило иногда крови. Но по большей части такого рода дела оканчивались несчастиями некоторых частных людей.

Донская степь

Пробыв несколько дней в Черкасске, отправился я на Кавказскую линию в город Георгиевск. Переехав реку Дон по льду, увидел я пространную, никем не населенную степь, простирающуюся слишком на сто верст. Донское правительство, сколь ни было то затруднительно, учредило через оную почтовые станции и устроило на каждой удобные покои как для проезжающих, так и для содержащих почты и конвойных казаков. Сии последние бывают там необходимы по причинам нередких набегов закубанских татар и черкес, которые нападают на проезжающих, грабят, убивают и увозят в лес. Сия пространная степь могла бы с выгодою для жителей быть заселена, если б недостаток воды и лесу тому не препятствовал. В колодезях на почтовых станциях вода столь противный имеет вкус, что в зимнее время предпочитают оной снеговую. Для отапливания же и приготовления пищи употребляют сено.

Московская крепость

По проезде этой необитаемой степи первое селение есть крепость Московская, если можно назвать крепостью небольшую площадь, окруженную земляным валом с несколькими бастионами. Последние укреплены и вооружены малого калибра пушками. В ней находится комендантский дом, караульни и провиантский магазин. Предместье же оной составляет казачья станица, или деревня, населенная хоперскими казаками. Они так названы потому, что переселились сюда с Хопра; их земля и поселения принадлежат к донскому войску.

Донская крепость

В нескольких верстах от этой крепости, на расстоянии одной почтовой станции, находится крепость донская, с такой же станцией и почти в таком же положении. Вообще все крепости Кавказской линии в одинаковом виде, исключая Георгиевскую, как главную. Она хотя обведена таким же валом, но гораздо обширнее прочих и имеет внутри больше домов.

Город Ставрополь

Далее следует уездный город Ставрополь, состоящий из такового же хоперского казачьего полка, станицы, присутственных мест, домов судейских, нескольких греческих, армянских и русских семейств, которые поселились здесь для торговых промыслов. Не доезжая несколько до Ставрополя, вид местности начинает переменяться и становится гораздо приятнее, по причине некоторых возвышений и посредственной величины их. Они состоят из песка, смешанного с глиной, и покрыты слоем черной земли. Сии горы содержат особого рода мягкий, несколько песковатый, смешанный с маленькими раковинками камень, который можно пилить употребляемой для дерева пилою и тесать топором. Почти все дома в Ставрополе построены из такого камня, довольно прочны и красивы. Вода, начиная от Донской крепости, как в небольших речках или лучше сказать ручейках, так и в колодезях, становится гораздо вкуснее и здоровее.

За Ставрополем следуют не в дальнем одна от другой расстоянии крепости: Северная и Александровская, во всем подобные Московской и Донской, исключая местоположения. Наконец, в 60-ти верстах от Александровской — Георгиевская, главная на Кавказской линии крепость.

Между помянутыми крепостями поселены довольно значительные деревни. Жители оных суть однодворцы* и крестьяне, переселенные сюда из великой России, так же малороссияне и отставные солдаты. Сии последние не платят никаких податей, прочие же дают все, что определено в великой России. Они почти все довольно в хорошем состоянии; ибо земли в избытке производят всякого рода потребности, исключая недостатка в лесе, и то не везде. Но они могли бы быть гораздо блогополучнее, если бы набеги черкес и татар не причиняли им иногда великих несчастий и не препятствовали бы в полной свободе заниматься хозяйством. Случаются нередко такие

---

* Однодворцами с давнего времени в России называется мелкое дворянство, пришедшее в бедность и утратившее свои права. Они принадлежат государю, платят подати и дают рекрут, с тою только разницей, что взятый из помещического или государственного имения рекрут обязан служить 25 лет; а сии служат только 15 и потом получают отставку.

времена, что земледелец не может выехать в поле без военного прикрытия. Дома их по большей части — мазанки, сделанные из плетня и покрытые камышом, но довольно удобны. Они упражняются в земледелии, садоводстве и скотоводстве. Сия последняя хозяйственная отрасль, по причине обширных степей, изобилующих травами, находится у них в лучшем пред прочими состоянии, хотя и подвержена большей опасности. Между крепостями и селениями находится несколько редутов и отдельных казачьих постов, как для охранения жителей, так и проезжающих.

От крепости Северной при ясной погоде можно видеть снеговой хребет Кавказских гор, от Черного до Каспийского моря простирающийся. Он представляется в виде полукружия, которого конечности исчезают вдали, невзирая на то, что сей хребет отстоит еще от оной на 800 верст.

Крепость Георгиевская окружена земляным валом, укрепленным плетнями, как и прочие, имеет до шести бастионов, считая с редуитами, и примыкает к большой реке Подкумку, впадающей в реку Малку. Со стороны крутого и обрывистого берега Подкумка не имела она в мое время никакого укрепления. В оной находилась тогда одна деревянная церковь, дом для главнокомандующего Кавказской линией, несколько казенных и обывательских домов, казармы, магазины и до двадцати армянских лавок. Она имеет за экспланадой маленькое предместье, состоящее из хижин, построенных женатыми солдатами и полковыми маркитантами. В нем также были при мне казармы для одного батальона. Казачья станица, как и при прочих, находится от оной в трех верстах и населена так называемыми волжскими казаками, потому что они переселены туда с реки Волги. Они прежде также принадлежали к донскому войску, так как реки Дон и Волга, — хотя первая впадает в Азовское, а вторая в Каспийское море, — в некоторых местах течением своим довольно сближаются. Есть одно место, где обе реки состоят одна от другой не далее сорока верст.

При крепости Георгиевской один день в неделю отправляли многолюдные торги, называемые базарами. На них съезжались черкесы, нагайские татары, а иногда и калмыки. Они покупали у приезжающих из России купцов и армян медную и железную посуду и другие первых потребностей товары, также пшеницу и разный хлеб от тамошних поселенцев. Продавали же масло, сало, просо, лошадей, рогатый скот и овец.

Прибыв в крепость и в то же время уездный, а ныне губернский город Георгиевск, я принял начальство Кавказского гренадерского полка. Но прежде, нежели начну я говорить о происшествиях, и мое время приключившихся, — намерен я сказать нечто вообще о Кавказской линии.

Кавказская линия[2]

Пространная сия земля начала быть известна и зависима от державы Российской в царствование царя Иоанна Васильевича Грозного. Сей государь, покорив в 1554 году Астрахань и путешествуя неподалеку от Кавказских гор, узнал, что часть донских казаков с давнего времени удалилась из своего жительства и обитает в горах Кавказских. Он вызвал их оттуда и поселил на берегу реки Терека между Кизляром и Моздоком. Они назвались гребенскими казаками от гор Кавказских, называемых в просторечии гребнями. Они-то суть первые обитатели российские, появившиеся на Кавказской линии.

По кончине Иоанна IV настали опять смутные для России времена, почему держава сия не могла обращать почти никакого внимания на помянутые земли, исключая Астрахани. Это продолжалось до времен царствования императора Петра I. Он около 1720 года повелел сделать некоторые укрепления на реке Тереке. Потом императрицы Анна и Елизавета посылали туда свои войска; а наконец Екатерина II привела Кавказскую линию в то состояние, в котором нашел я оную в царствование императора Павла I в 1800 году.

Реки, протекающие на семь пространств земли, суть: Терек, Кума, Малка, Подкумок, Кубань и Лаба. Из них некоторые хотя довольно велики, но ни одна не судоходна. Сверх того, имеет Кавказская линия много небольших ручьев, доставляющих изрядную воду. Там находятся в трех местах весьма полезные против разных болезней минеральные воды. Близ крепости Константиногорской, в шестидесяти верстах от Георгиевска, находятся теплые, а в 28 верстах за оной при подошве так называемых Бечтовых гор, или Пятигории, холодно-кислые источники. При Гребенской же казачьей станице, неподалеку от реки Терека — горячие воды. О двух первых буду я говорить подробнее, а о последних скажу, что оных с некото-

рого времени никто не посещает, то есть с тех пор, как открылись вышеупомянутые. При сих последних горячих водах несколько лет тому назад случилось одно весьма печальное происшествие. Воды эти так горячи, что опущенная в нее курица в две минуты так будет разварена, что можно разобрать ее руками по суставам. Поэтому больные пользовались только парами, устраивая над оным ряд кроватей, на которые ложились. Один архиерей, страдавший разными припадками, приехал туда для пользования. Но по несчастью кровать, на которую он лег, обломилась и он кончил жизнь свою в сих кипящих водах*.

Почва земли Кавказской линии довольно возвышена и суха, берега рек имеют достаточно леса, а степи изобилуют множеством лекарственных и потребных для скотоводства трав. Со всем тем воздух там весьма нездоров, продолжительные лихорадки и скорбуты лишают многих здоровья и жизни. Присланная для открытия причин столь пагубных последствий медицинская комиссия определила, что сие происходит от малого населения и от сильного плодородия земли — сочные, густо и высокорастущие травы, почти никем не собираемые, сгнивают на корнях и чрез то наполняют воздух азотом.

Не считая крепости Астраханской и Владикавказской, находящейся далеко за линией, у самой подошвы гор Кавказского хребта, находилось в оное время 15 крепостей, а именно: Кизлярская, Моздокская, Екатериноград, Марьинская, Павловская, Георгиевская, Константиногорская, Александровская, Северная, Донская, Московская, Кавказская, Усть-Лабинская, Шелководская и Екатеринодар. Из этих тогда уже Марьинская и Павловская были оставлены; а ныне построена еще Кисловодская.

Все сии крепости, за исключением Кизлярской и Моздокской, не имеют постоянных гарнизонов, а охраняются полевыми пехотными и конными полками, которых квартирование и число по обстоятельствам подвергается перемене. Сверх вышеупомянутых крепостей, находится там довольное количество редуитов и укрепленных казацких станиц, защищаемых по большей части тамошними поселенными казацкими полками.

---

* Это был архиепископ Астраханский Мефодий, мощи которого почивают под спудом в Астраханском соборе. Скончался 29 мая 1776 года.

Полки эти следующие: Гребенский, он может в случае нужды поставить до 3 тыс. хорошо вооруженных всадников. Семейный, так названный потому, что в царствование Екатерины II переселены были некоторые семейства с Дону, — он может поставить до 6000 человек. Волжский, переселенный с берегов Волги, и Хоперский, переселенный с реки Хопра, впадающей в Дон, он — в равных силах с Семейным. Правый же фланг линии к Черному морю, по берегам рек Кубани и Лабы, охраняется черноморскими казаками. Они прежде известны были в России под названием запорожских казаков, потому что прежде их жительство было за порогами реки Днепра. Они переселились туда в царствование императрицы Екатерины II с переименованием черноморскими казаками. Причиной этого были их разбои, производимые ими в Польше и Малороссии, а также слишком вольные и малосогласующиеся с порядком правления, а ниже с зависимостью постановления. Вообще все сии казаки весьма хорошо вооружены и имеют добрых лошадей, по большей части черкесской породы. Живут они в хорошем состоянии относительно хозяйства, храбры и опытны в воинских действиях против хищных своих соседей. Но черноморские разнятся от прочих тем, что хотя и составляют они изрядную легкую конницу, имея добрых лошадей, однако же между тем и нехудые выходят из них матросы, — особенно же для гребной флотилии, где нередко отличаются они своею храбростью и расторопностью. Они гораздо многочисленнее прочих и могут в случае нужды поставить до пятнадцати тысяч воинов, имеют свою артиллерию, из которой довольно успешно могут действовать. К ним в помощь отряжается еще по очереди, смотря по обстоятельствам, по нескольку донских и уральских казацких полков. Но сии, приходя туда, в рассуждении неопытности своей, появляются пред оными настоящими рекрутами, так что одному из поселенных на линии казаков поручается от двадцати до сорока человек таковых, вновь пришедших под начальство. Донские и уральские казаки, по причине открытых мест, ими занимаемых, и большого их числа, преимущественно обвыкли действовать пиками. Линейные же напротив — ружьями, пистолетами и саблями, равно употребляют они и кинжалы; пики же, когда приказывают им иметь оные, почитают они излишнею тягостью. Калмыки, кочующие в степях кавказских, употребляются равномерно для охране-

ния сей линии, но больше для конвоев, разъездов и посылок. Для оборонительных же и извещательных постов преимущественно употребляются казаки.

Кавказская линия имеет против себя своими соседями и неприятелями следующие народы. Начиная от Астрахани, или от Каспийского моря против левого фланга оной, обитают в кавказских горах *чеченцы*, народ весьма воинственный, хищный и жестокий. Число их обстоятельно определить нельзя, так как они для военных действий и набегов нередко соединяются с другими кавказскими народами, иногда и с лезгинами. Образ правления сего народа республиканский. Они живут в разных деревнях, управляются избираемыми по очереди старшинами. За ними следуют черкесы, разделенные на Малую и Большую Кабарду. Первая может поставить до шести, а вторая до восьми тысяч храбрых и хорошо вооруженных всадников. Они имеют своих князей и дворян, называющихся узденями. Правление их род феодального, смешанного с республиканским. Близ Черкас, простираясь к берегам Черного моря и горам кавказским, обитают абазинцы, народ не столь военный и хищный, как черкесы, но гораздо многочисленнейший. В образе же своего правления они сходствуют с первыми. Против правого фланга линии, около Черного моря, за рекою Кубанью и Лабой, живут так называемые *закубанские татары*, находящиеся под турецким правлением в зависимости от анапских пашей. Прочие же вышеупомянутые народы почитают себя ни от кого независимыми, исключая черкес, которые признают иногда покровительство России.

Образ жизни и нравы сих народов довольно уже описаны другими. Остается мне сказать, что хотя они все магометанского исповедания, но, исключая татар, не весьма ревностны к своей религии, так что почти нигде не видно мечетей.[3]

Главным начальником Кавказской линии был тогда генерал-лейтенант Киселев,* которого я лично не знал, потому что скоро по прибытии моем туда, он сменен был генерал-лейтенантом Кнорингом. Однако ж успел он сделать мне поручение, состоящее в усмирении мятежа среди поселян одной боль-

*Вероятно, генерал Павел Иванович Киселев, бывший в 1799 г. шефом Казанского мушкетерского полка.

шой деревни, именуемой Мамаев Кут. Сие возмущение во всем подобно было происшедшему незадолго пред сим в Псковской губернии, о котором я уже говорил, только по малости там русских крестьян оно было не столь значительно и потому скоро было прекращено.

Разные народные смятения, возникшие вскоре после вступления на престол Павла I, от которых пострадало много частных людей, произошло от неопытности его в правлении.

Вот последствия самовластного правления, неограниченного никакою конституцией. Екатерина и при всех своих дарованиях, при сердце добром, человеколюбивом, при большом просвещении разума и при неусыпном попечении о благе подданных — по желанию ли удалить сына своего Павла I от престола и возвести на место его внука своего Александра I, удалила его от всех дел и сведений о правлении. Павел I, вступив на престол, отослал от себя всех, кои окружали мать его, невзирая на их опытность и способности, и окружил себя людьми, подобными Аракчееву и Кутайсову. Первый при худых своих свойствах, тупом понятии и недостаточном воспитании, вышедши из Кадетского корпуса, прямо определился к нему в Гатчину*. Там он до вступления Павла на трон ничего не видал и ничем не занимался, кроме практического ученья артиллерийских солдат и обрядов службы. Причем и мало читал по несклонности его к такому упражнению и по незнанию иностранных языков. Другой — пленный турок, попавший в малолетстве ко двору, не получивший никакого образования в науках, служивший там в нижних должностях и не видавший ничего, кроме Гатчины, то есть двора наследника престола. Хотя он и одарен был от природы проницательнейшим разумом, нежели Аракчеев, и лучшее имел сердце, но мог ли он быть министром** в таком пространном государстве, какова Россия?

Павел I был весьма страшлив, да и имел к тому причины, как то доказали последствия.

---

* Допуская «худые свойства» Аракчеева и недостаточность его воспитания, ему нельзя, однако, отказать в больших заслугах, оказанных в бытность его генерал-инспектором артиллерии, где он выказал несомненные организаторские способности в деле переустройства русской артиллерии.

** Л. П. Кутайсов, занимавший исключительно придворные должности, никогда министром не был.

Поэтому самые малейшие и ничего незначущие тревоги, почти не имеющие никакого способа к великому возмущению, до него доходили. Он принимал известия о том с великою важностью и брал самые строгие меры. Лица, посылаемые для приведения в порядок такового рода дел, по неопытности своей, а больше по собственным видам, для наград, увеличивали эти тревоги. А частные, иногда совсем невинные люди от того страдали. Я поступал сему противно, и оттого-то, может быть, меньше получал наград, нежели другие.

В таких летах, в каких Павел I и вступил на престол, учиться царствовать, избирать министров и вместе желать все переменить — есть дело невозможное. Оттого-то многие пострадали, да и сам он сделался, наконец, жертвою своего своенравия.[4]

Начальник Кавказской линии генерал Кнорринг

Главным начальником над Кавказской линией был тогда генерал-лейтенант Кнорринг, которому поручены были и политические дела с Персией и Грузией. Кнорринг был человек весьма добрых свойств, кроме того, что по новости своей в управлении столь важным постом руководствовался он иногда советов своих окружающих. Пристрастие же этих лиц простиралось только по большей части до награждений тех, которые с ними хорошо жили. Ничего незначащие военные действия против черкес поручались их приятелям, которые придавали сим действиям важность и получали награды. Но сие злоупотребление слишком обыкновенно в России, чтоб говорить о нем обширнее. Между тем нельзя не сказать, что при нападении сих народов на малые посты и отряды потребна бывает иногда великая храбрость и распорядительность.

Кавказские минеральные воды

Наконец, приключившаяся со мною жестокая лихорадка, смешанная с другими припадками, свойственными тому климату, заставила меня испытать на себе полезность кавказских минеральных вод. Для поправления моего здоровья потребны были кислые воды. Но прежде нежели достичь оных, должно проезжать вблизи теплых. Сколько я ни был тогда слаб, одна-

ко ж любопытство понудило меня посетить сии теплые воды. Они находятся почти в самом предместии крепости Константиногорской и истекают из вершины весьма высокой, утесистой и каменистой горы. На самой верхней плоскости ее находится довольно широкое отверстие, или жерло, столь глубокое, что удары о его берега в оное камнем, повторяясь несколько раз, становятся раз от разу слабее и наконец по причине глубины теряются вовсе из слуха. По всем соображениям можно заключить, что помянутое отверстие было некогда жерлом вулкана, или огнедышащей горы.

В неприметном расстоянии от поверхности оного водятся особого рода дикие голуби, которые при повержении камней стадами оттуда вылетают.

Источник горячей минеральной воды находится неподалеку от самой вершины горы и стремится до подошвы оной, становясь постепенно холоднее; но и при самом конце своем довольно еще тепел. В мое время воды сии мало были обработаны, исключая нескольких купелей по скату горы, имеющих разную степень теплоты. Они высечены были в камне, составляющем самую гору, из которых над двумя только построено было из досок что-то вроде небольших бань или теплиц; кроме этого и всходов на гору, ничего другого не было сделано. И это было устроено собственным иждивением начальников Константиногорской крепости, без всякой помощи от правительства. Химическое разложение сей воды давно уже совершено и известно свету. Скажу только, что главнейшая составная часть оной есть *серная печенка*, запах которой ощутителен за несколько верст до горы. Вода сия полезна против скорбутных, ревматических, паралитичных и других принадлежащих к сим родам болезней. Ее употребляют в виде купанья, а некоторые и пьют. Сначала вкус кажется весьма противным, но больные скоро привыкают к оному и при употреблении внутрь не чувствуют никакого отвращения.

Проехав сквозь крепость Константиногорскую в 2 верстах, или в четырех немецких милях, находятся холодно-кислые воды. Они-то и были потребны в то время к восстановлению моего здоровья. Они находятся при подошве так называемых Бечтовых гор, в виде небольшого озерка, простирающегося в длину до шести саженей и столько же почти в широту. Вода, отстоящая не более одного фута от поверхности земли, находится в беспрестанном кипении, весьма мутная и черностью

своей походит на лужу вблизи какой-нибудь кузницы. При том она столь холодна, что три минуты трудно выдержать, спустя в оную руку. По берегам сего озерка положены доски и приготовлены для желающих пользоваться стеклянные кружки, собственным иждивением тамошних начальников. Почерпающему сию воду кажется, что он берет в кружку самую грязь. Но едва поспеешь донести ее до рта, как в то же мгновение оседает на дно черный песок, подобный железным опилкам, и вода сделается так чиста, как самый прозрачный кристалл. Вкус несколько кисел, но приятен. Она кипит наподобие зельтерской, имеет некоторую летучесть и производит легкую отрыжку, отзывающуюся серной печенкой. Я не знаю приятнее для меня напитка, как сия вода, смешанная с сахаром и с особого свойства белым кисловатым вином, добываемым на Кавказской линии. При сей смеси происходит такое кипение, что едва некоторую часть можно удержать в стакане. Сия вода производит жажду, но сколько бы человек ее ни пил, он не почувствует ни малейшей тягости в животе. Она очищает и укрепляет желудок, производит аппетит, помогает пищеварению; без излишества возбуждает нервы и дает силу и легкость. Упорная лихорадка при совершенном расстройстве желудка, от которой страдал я несколько месяцев, так что все лекарства оказывались недействительными, оставила меня единственно от употребления сей воды. В две недели пребывания моего там сделался я совершенно здоров. При сих водах в мое время не было никакого жительства, ни укрепления. Больные должны иметь с собою палатки, или предпочтительно оным калмыцкие кибитки. Это особого рода будка, состоящая из складных решеток, обвернутых толстыми войлоками, каковым не преминул я запастись. Для безопасности же пользующихся водою от набегов соседственных народов полагаются воинские отряды. Пищею же запаслись из Константиногорска, для доставления которой отряжаются вооруженные конвои.

Грузия и Россия

Еще до болезни моей главный начальник Кавказской линии генерал-лейтенант Кнорринг обещал при первом случае послать меня с Гренадерским моим полком в Грузию. Необхо-

димым полагаю я объяснить здесь причины таковых походов войск российских в сие государство.

С давних времен цари грузинские имели никоторое сношение с государями российскими, как по единоверию, так к притеснению сего народа персиянами и турками и по причине внутренних мятежей. Некоторые из царей сей земли искали покровительства российского, но известные по истории походы туда войск российских начались со времени правления царя Феодора Иоанновича, правившего с 1584 по 1598 год. Государь сей, по просьбе грузинского царя Александра III, послал войска свои в Грузию на помощь Александру против персиян. Потом грузинский царь Теймураз, утесняемый персиянами и турками, лично был в России, дабы испросить помощи царя Михаила Феодоровича, царствовавшего с 1613 по 1645 год. Но по тогдашним обстоятельствам царь российский не мог ему оказать оной, и он принужден был возвратиться в свое отечество. После сего царь Теймураз посылал в Россию для снискания покровительства еще малолетнего внука своего Ираклия к царю Алексею Михайловичу, царствовавшему с 1645 по 1676 год.

В 1649 году по причине народных смятений и утеснений от турок грузинский царь Арчил III отправился в Россию к царю Феодору Алексеевичу и там остался навсегда. Подобные сим обстоятельства принудили царя Вахтанга поехать в Россию и искать покровительства императора Петра I, поелику он во время похода своего в Персию многие имел сношения с Грузией и обещал свое покровительство. Но, прибыв в город Царицын, получил он известие о кончине сего государя, а потому принят был под покровительство императрицы Екатерины I.

Имеретинский царь Семен равномерно искал покровительства и защиты Российского престола. Поэтому, как для вспоможения ему, так и грузинскому царю Ираклию II, прислан был в 1769 году с войском генерал граф Тотлебен. После него начальствовал также войсками генерал-лейтенант Сухонин, а в 1772 году войска российские вышли из Грузии.

После смерти толико известного государя Персии Надир-Шаха*, возникнувшие в сей земле великие нестроения со сто-

* Надир-Шах, родом туркмен, известный своими победами над турками. 1688—1747.

роны защитников престола побудили грузинского царя Ираклия предаться совершенно покровительству императрицы Российской Екатерины II. Поэтому и заключен был на сей предмет в 1783 году особый трактат, вследствие которого вступило тогда же в Грузию два батальона егерей. Вслед за ними прибыли генерал-лейтенант граф Потемкин* с довольно сильным отрядом войск российских. Он пробыл там недолго и, возвратясь на Кавказскую линию, оставил по себе там начальствовать генерала Самойлова**. В 1787 году, по некоторым политическим обстоятельствам, войска российские возвращены были из Грузии. По выступлении войск российских ускакал в Персию некто Ага-Магомет-хан и объявил себя шахом всей Персии. Сей новый шах предложил царю Ираклию принять его покровительство. Когда же тот на это не согласился, предпочитая покровительство России, то помянутый шах вступил в Грузию с многочисленным войском, взял и разорил почти до основания столицу сего государства — город Тифлис.

Это произошло в 1795 году. По получении известия о том в России, посланы были туда для защиты Грузии два батальона егерей. А в 1796 году императрица Екатерина II, объявив войну Персии, послала против них большой корпус войск под предводительством графа Валериана Зубова***, который отрядил в Грузию генерала Корсакова-Римского****. Война под начальством графа Зубова производилась им с великим успехом. Он в короткое время покорил персидские крепости:Дербент, Баку, Сальян, Кубу и Шемаху. Но вскоре потом скончалась императрица Екатерина II, а Павел I, по непостоянному своему характеру, в начале своего царствования не хотел ни с кем иметь войны. Он хотел даже поставить все полки своей армии в те города и губернии, по именам которых они названы единственно для различия одного от другого, — несмотря на необ-

---

* Граф Павел Сергеевич Потемкин, генерал-аншеф, подписавший договор с грузинским царем Ираклием о подданстве России. 1743—1796.

** Самойлов Николай Борисович, впоследствии генерал-аншеф и сенатор. Зять светлейшего князя Таврического.

*** Граф Валериан Александрович Зубов, брат фаворита, впоследствии член Государственного совета и шеф 2 кадетского корпуса. 1771—1804.

**** Известный Александр Михайлович Римский-Корсаков. 1753—1840. Впоследствии член Государственного совета и кавалер Андрея Первозванного.

ходимость иметь войско на известных пунктах. Надобно сказать, что хотя полки в России с давнего времени имели имена разных городов Империи, но никогда не составлялись они особенно из жителей оных, а в каждом полку находились солдаты, набранные по удобству из разных губерний. Павел I хотел переменить и сие, желал, чтобы каждый полк находился в том месте, которого носит он имя, и состоял из жителей оного, что вовсе было невозможно. Однако ж сие и другие намерения побудили его при вступлении своем на престол вывести войско российское из Персии и Грузии. И если бы Ага-Магомет-хан не был в 1797 году убит одним из его рабов, то, без сомнения, он довершил бы покорение Грузии под власть персидскую.

В 1796 году умер грузинский царь Ираклий, а царство по нем принял сын его Георгий XIII.

В Персии по смерти Ага-Магомет-хана принял на себя достоинство шаха Баба-хан. Баба-хан не оставил сделать предложение царю Георгию о своем покровительстве; но он, следуя примеру отца своего, отправил послов в Россию, испрашивая такового у императора Павла I. Поэтому и посланы были в 1799 году в Грузию два егерских полка. Вскоре после сего прибыл туда тайный советник граф Мусин-Пушкин, о котором я уже упомянул, и сделал с царем Георгием особенные условия о разрабатывании грузинских рудников.

Возвратясь от Минеральных вод, к удивлению моему, узнал я, что вместо моего полка послан был в Грузию другой, под начальством генерал-майора Гулякова.

В 1800 году умер последний грузинский царь Георгий XIII. Правителем же сего государства, по воле двора российского, объявлен был, впредь до рассмотрения, старший его сын царевич Давид, служивший в войске российском генерал-лейтенантом. Сие происшествие было причиною еще неожиданного похода войск российских в Грузию.

В начале 1801 года получил я повеление выступить с гренадерским моим полком в Грузию. Так как должен я был следовать не в дальнем расстоянии от местопребывания главнокомандующего линией — генерала Кнорринга, то и поехал я к нему, как для получения некоторых наставлений, так и для того, чтоб объяснить ему, сколько позволяет мне подчиненность, что он лучший полк своего войска расстраивает походом чрез Кав-

казский хребет, сыпучими снегами покрытый, и притом в средине зимы, когда вовсе нет никакого сообщения.

До свидания моего с генералом Кнорингом не знал я еще о кончине царя грузинского. Он, объявив мне об этой кончине, сообщил за тайну, что государь сей пред смертью своею сделал завещание, по которому уступает он царство грузинское навсегда державе российской. Всякий просвещенный читатель скажет: «Какое имел он на то право без согласия народа»? — Но право сильного всегда будет неоспоримым, если есть хотя малейший к тому предлог. Впрочем видали мы в нашем веке, что сильные и того изыскивать не старались. Генерал Кнорринг упредил мое намерение, сказав мне, что он крайне сожалеет о том, что полк мой должен будет много претерпеть от столь трудного похода, — что он, дабы отложить поход до весны, о том все что мог, писал к императору Павлу I, и вот что получил в ответ. Тут показал он мне его рескрипт. Государь пишет к нему следующие слова: «Вы говорите мне о невозможностях, я их знаю; но измеряю оные усердием войск моих ко мне, а они должны измерять свои заслуги по мере моей признательности и щедрот. — Генерал Растопчин объяснит вам о том подробнее». Отношение генерала Растопчина содержало именем государя обещание наград за этот трудный поход как для высших чинов, так и для нижних. Награды разделены были на степени и для высших чиновников состояли в недвижимом имении, чинах и орденах с указанием количества имения, степени чинов и орденов. Для генералов определены были все сии три награды, о которых по справедливости можно сказать, что они были в полной мере достойны не только щедрого, но даже расточительного характера императора Павла I.

Поход Тучкова в Грузию. Черкесы

Получив часть экстраординарной суммы и сделав на свой счет запас некоторых вещей для подарков горским народам, для снискания нами от них пособия в столь трудном походе, отправился я к моему полку с надеждою, что щедроты императора навсегда устроят мое состояние.

Я встретил полк мой на походе из Георгиевска к Моздоку и, переправясь в сем городе чрез реку Терек, следовал чрез

Малую Кабарду, или землю черкес. Народ слишком известен, чтоб его описывать. Скажу только, что он не может быть назван ни оседлым, ни кочующим. Они хотя имеют деревни и дома, но весьма легкой постройки. Дома эти состоят из плетней, вымазанных глиной и покрытых камышом или соломою. В них живут они от 2 до 5 лет, соображаясь с истощением паствы, вследствие множества содержимого ими скота. Потом оставляют они деревню, переходят на другое место, а дома предают огню. Хотя сей народ неблагорасположен к державе российской, однако ж, я нашел средство пройти чрез земли их не только беспрепятственно, но еще и с содействием с их стороны. На пути сем построено было несколько редутов во время похода в Грузии генерала графа Потемкина. Но тогда были оные совсем оставлены и разрыты, как и крепость Владикавказская. Последняя лежит при самой подошве гор Кавказских, в окрестностях ее кончаются владения черкес и начинаются земли осетинских, или тагаурские.

Осетины

Осетины занимают ущелье гор Кавказских, простирающихся от Владикавказа или от границы черкесской до самого высочайшего снегового хребта, откуда горы начинают спускаться к югу. Сей перелом отделяется горою, известною под названием Кайшаур. Впрочем, осетинами называется простой народ, тагаурцами же именуют себя их старшины или дворяне. Они и дают свое имя сему ущелью, называемому Тагаурским. Однако я должен заметить здесь, что, кроме оных, многие обитают еще в некоторых ущельях гор Кавказа, принадлежащих Грузии. Но сии не имеют уже над собою тагаурцев, а принадлежат иные короне грузинской, иные же помещикам грузинским. Известнейшие из оных суть: князья Эристовы и Мачебэловы.

Расставшись с черкесами на их границе, встречен был старшими осетинскими, или тагаурцами, которые о походе моем были предуведомлены. Я следовал оттуда в сопровождении представителей народа до первого их селения Балты. Дорога от Владикавказа до помянутого селения идет по берегам реки Терека, протекающей в ущеле гор Кавказских. Ущелье на сем месте еще довольно пространно, хотя каменисто и гористо.

Терек

От Балты до древней разоренной крепости Дариял начинаются все величайшие трудности путешествия. Горы Кавказские, верхи которых теряются из вида, соединяются ближе, ущелье стесняется, река Терек стремится посередине оного по огромным каменьям с ужаснейшим шумом. Она оставляет по обеим сторонам столь узкие, притом гористые и каменистые берега, что невозможно даже следовать. Тогда должны переезжать чрез реку с одного берега на другой по устрояемым ежегодно для того мостам. В средине же лета, когда снега на Кавказе начнут частью таять, река сия разливается и наполняет все ущелье. Тогда не остается другого сообщения через сии горы, как по самым верхам оных, в иных местах верхом, а в других пешком. Там же, где дорога пересекается стремнинами, опускаются вниз по веревкам с одного берега и поднимаются таким же образом на другой, при пособии тамошних жителей. Но и та дорога, по которой я следовал, столь была затруднительна, что на пяти верстах расстояния должны были переезжать до тридцати мостов. Я должен был употреблять к артиллерии моей, состоявшей из трех 12-фунтовых пушек и трех 24-фунтовых единорогов, всех людей и лошадей моего полка. Прочие же тягости я оставлял назади, чтоб таким образом переходить в день две или три версты*.

Дарьял

Преодолев сии трудности, достиг я крепости Дарьял, где остановился для собрания тягостей и отдохновения. Сие приписывают Дарию, императору Персии, но неизвестно которому. Другие же приписывают построение Дарьяла персидскому царю Фридону, построившему Дербент. Он построил Дарьял против набегов козар, или хозар, народа, столь известного в истории российской. Это было около 2302 года от сотворения мира, считая сие по греческим хронографам. В сем месте река

* Ныне дорога сия несколько исправлена и не столь затруднительна, как была в мое время.

Терек разделяется на две части и составляет небольшой остров, или лучше сказать, огромный обрывок скалы, едва не равняющийся высотою своею с вершинами прочих гор. На вершине его построен небольшой замок, со стенами и башнями из тесового камня. Внизу окружает скалу другая такая же стена с башнями, и наконец, третья и четвертая — до самой воды, в некотором одна от другой расстоянии. Всходы высечены в камне и закрыты по местам каменными стенками. Древнее сие здание местами обрушилось, а впрочем, чрезвычайно крепко и, без сомнения, простоит еще несколько веков.

Известие о кончине Павла I

В сем месте нас догнал нарочный с уведомлением о кончине императора и о вступлении на престол сына его Александра. Мы учинили присягу на верность сыну и наследнику его, который назван будет, ибо Александр надеялся иметь потомство. Некоторые чиновники предложили мне вопрос, следовать ли далее, или остановиться и послать нарочного к главнокомандующему, как он сие решит. Я отвечал на сие, что мы должны исполнить повеление покойного императора; впрочем, если бы что было противное оной, то главнокомандующий поставил бы нас уведомить. Чрез посылку же потеряем мы время и будем иметь недостаток в продовольствии; и так решились мы следовать далее.

Генерал Леонтьев

Через несколько недель по выступлении моем с Кавказской линии, послан был в Грузию еще один пехотный полк, под начальством генерала Леонтьева. Сей Леонтьев служил прежде в гвардии, под особенным начальством Александра I, бывшего тогда наследником престола, и, следовательно, лучше знал, нежели я, сколько государь сей умеет ценить усердие. Поэтому остановился он, не доходя Владикавказа, и послал донесение о невозможности следовать далее. Главнокоманду-

ющий столько был тем недоволен, что послал полк казаков его туда проводить. На сие генерал Леонтьев отозвался, что хотя он готов исполнить повеление, но не может принять на свою ответственность убытков и расстройства, каковые чрез таковый поход вверенный ему полк претерпеть может.

Казбек

От Дарьяла до селения Казбека, или Стефанцминда, лежащего неподалеку от одной из высочайших гор кавказских, дорога несколько лучше. Ущелье начинает быть пространнее, подъемы и спуски не столь высоки и круты, а каменья на дороге не столь крупные.

В цепи гор, составляющих хребет кавказский, высочайшие суть: Шат, или Эльбрус, и Казбек. Вершины их достигнуть невозможно, равно как и приближаться к оным по причине топких болот, их окружающих. Я слышал, будто за болотами, окружающими Эльбрус, находится часть твердой земли, обитаемой особливым немногочисленным народом. В самые же жестокие зимы болота местами замерзают и можно к тем людям проходить. Будто некоторые из них приходили к гр. Потемкину, когда он начальствовал на линии, и принесли в подарок небольшие серебряные кувшинчики своего изделия, кои и отправлены были им к императрице Екатерине II. Язык сего народа имеет некоторое сходство с осетинским. Впрочем, никогда не был там никакой путешественник. Покрытая вечным снегом гора Казбек также окружена непроходимыми болотами, но не столь обмерзлыми, как Эльбрус, или Шат. Неподалеку от оной находится другая, временно только покрывающаяся снегом. Но она столь высока, что хотя, по неимению с собой потребных орудий, не могли мы измерить ее высоты, однако скажу, что находящийся на вершине ее огромный монастырь и церковь св. Стефана представляются идущим по большой дороги моделью фута в два в поперечнике.

Гора, селение и помещик оного называются Казбек. По церкви же, в монастыре находящейся, называют иногда селение по-грузински Стефанцминд, т.е. св. Стефана. Владелец селения, грузинский дворянин Казбек, издавна преданный

пользе России. Хотя он и почитает фамилию свою весьма древней, но неизвестно, получили ли предки его наименование от горы, при которой поселились, или, как Атлант, дали горе свое имя.

Монастырь на Казбеке

Прибыв в помянутое селение, захотел я побывать в монастыре, на вершине горы находящемся, о чем сказал г. Казбеку.

— Хорошо, — отвечал он мне, — но надобно дать о том знать священнику, живущему в другом селении, при самом всходе на сию гору. Он имеет ключи от монастыря и от церкви, потому что оный давно уже оставлен и никого там нет.

Я попросил его о том. Итак, на другой день с полковником моего полка, Симоновичем, и некоторыми офицерами поехали мы туда из лагеря нашего верхами. Прибыв в деревню, где жил священник, должны мы были оставить лошадей и всходить на гору пешком, по излучистой тропинке, окружаемой с одной стороны ужаснейшей стремниной. Отдыхая несколько раз, достигли мы, наконец, до монастыря, пред которым находится довольно пространная равнина, покрытая травою. Он примыкает к лесу, состоящему из огромнейших сосен. Стены монастыря, кельи и находящаяся посредине церковь сложены из превеликих, весьма гладко отесанных, гранитных камней, а карнизы и прочие украшения — из белого мрамора. Церковь простой греческой архитектуры, почти без наружных украшений, кроме карнизов, довольно пространна и светла. Иконостасы, закрывающие алтарь, как-то обыкновенно бывает в греческих церквах, выточены все из белого мрамора, равно и образа — выпуклой работы или рельефом. Хотя вообще вся работа довольно искусно и тонко совершена, но изображения святых отзывают веком Константина Великого, когда науки и художества были в Греции в великом упадке.

Войдя в церковь, попросил я священника отслужить молебен. Во время сей молитвы, с небольшим полчаса продолжавшейся, раз шесть переменялась погода: снег, дождь, град, буря, прекраснейшее солнечное сияние следовали одно за другим. По словам священника, такие перемены там обыкновенны. По окончании молитвы пошли мы осматривать окрестности мо-

настыря. Я приметил в одном месте крутизну горы, покрытую травою с растущими изредка большими деревьями. Она простиралась до самой той деревни, в которой оставили мы лошадей. Один молодой горный житель, сын помянутого священника, знающий несколько по-русски, находился тогда при мне. Я спросил его: почему не сделают тут дороги и не ходят более близким путем? «Много было бы работы, — отвечал он мне. — Эта гора так крута, что тут никак взойти на нее невозможно». — «А можно ли сойти? — спросил я его». «Можно, — отвечал он мне, — мы иногда сходим, только с большой осторожностью». — «В чем же состоит эта осторожность?» — продолжал я. — «Если кто спустится с этой горы, то он уже никак не может остановиться, а должен будет бежать до самой деревни, чего ни грудь, ни ноги выдержать не могут. Мы же сходим так: надобно заметить впереди себя какое-нибудь дерево и, бежа, целить на него, держа руки вперед. Опершись о дерево, сесть на него верхом, собраться с духом, встать, держась за оное, потом пуститься до другого и так далее почти до самой деревни, где начинается равнина». Я попросил его сойти таким образом. Он спустился. Мне показалось это весьма легко, и я последовал за ним. Казбек и прочие, увидя сие, напрасно мне кричали. Я не мог никак остановиться, но, помня данное мне наставление, правил бег свой на деревья и, может быть, при восьми или десяти оных понемногу отдыхал. Мы пришли очень скоро в дом священника, где подали мне завтрак. Я разговаривал с его семейством, смеялся над моими товарищами, что их так долго нет. Они же удивлялись моей смелости, выговаривали сыну за такое предложение мне. Наконец, в ожидании их лег я на лавку и заснул. Я спал больше часа, как прибытие моих товарищей меня разбудило. Они вошли в горницу, им также подали есть, а я, лежа на лавке, смеялся тому, что должен был их так долго ожидать. Но, когда пришло время ехать в лагерь, я, не чувствуя никакой боли, не мог встать; ноги совсем у меня отнялись. Меня взяли под руки, с превеликим трудом посадили на лошадь и довезли до лагеря. Там спирты и опытность моего врача едва чрез сутки привели меня в то положение, что я, хотя и чувствовал слабость в ногах, но мог ходить.

Выступив из сего места, прибыли мы к деревне Сион и расположились лагерем на небольшом возвышении при реке Тереке. На другой день провожавший меня Казбек сидел со мною

в палатке и разговаривал. Вдруг показалось мне, что я слышу сильный громовой удар. Это было в марте месяце. «Рано у вас начинаются громы?» — сказал я ему. — «Это не громы, — отвечал он мне, — но авалан, или снеговой обрыв, упавший с горы. Мы можем еще его увидеть, если поспешим». Итак выбежал я с ним из палатки. Гора, с которой последовал сей обрыв, была нам видна; но отстояла, по словам его, около семи миль. Мы приметили катящийся с горы черный кусок величиною с обыкновенную шапку, а за ним тянулась черная черта, казавшаяся не толще только нитки. «Это превеликая гора, — сказал он мне; а за нею течет широкая и глубокая река». Я рассмеялся привычке горных жителей, любящих в разговорах своих все увеличивать.

После этого пошли мы смотреть древнюю церковь, стоящую на горе позади лагеря. Прошло с небольшим час, как я при выходе моем из церкви крайне был удивлен, увидя весь мой лагерь в превеликом смятении. Солдаты с возможной поспешностью таскали на ближайшую гору палатки, провиант и экипажи, то же делала и моя прислуга. В столь краткое время река Терек наполнилась водою так, что выступила из своих берегов и потопила все пространство, занимаемое лагерем. Причиною сего были три снеговых обрыва, один за другим последовавшие в расстоянии нескольких миль от нас. Через час вода совсем упала, но я предпочел остаться на горе, нежели занять прежнее положение лагеря.

В сем месте должен я был простоять три дня, дабы запастись санями для перевозки артиллерии и прочих тягостей чрез снеговой хребет Кавказских гор, ибо далее и вблизи оного нет годного к тому леса. В сие время занемог я лихорадкой с теми самыми припадками, которыми страдал на Кавказской линии. Казбек советовал мне еще остаться тут несколько дней, потому что нет еще никакого сообщения через снеговые горы. Оно, по его примечаниям, скоро откроется. Я не принял его совета и решил лучше дождаться помянутого сообщения при самой подошве снегового хребта, нежели в трех милях от оного. Поэтому выступил я туда и расположился при последней деревне Коби, с северной стороны оного лежащей.

Переход войска чрез Кавказский хребет

Каждый день ожидали известия о возможности перехода чрез снеговой хребет. Наконец чрез пять дней пришли люди с южной стороны оного и сказали, что можно уже приступить к очищению от снегов дороги для перехода полка. Восемьсот человек осетинцев употреблено было в сию работу. И чрез три дня сказали мне, что можно уже начать переправу, но не иначе, как по частям. Поэтому послали вперед две роты гренадер без экипажа в первую с нижней стороны хребта деревню Койшаур. Она получила свое название от снеговой горы, чрез которую должны мы были переходить. Получив уведомление, что они туда пришли, послал я целый батальон и артиллерию, которая больше всего меня затрудняла. Все потребные к тому меры были приняты: она была разобрана и положена на сани.

Кроме батальона число рабочих осетинов для препровождения оной было умножено.

Но кто может противиться действию натуры?

Едва сей отряд выступил и скрылся из вида, как услышал я превеликий гром от снегового обрыва. Скоро после того прискакал ко мне артиллерийский офицер в превеликом страхе и сказал, что он не знает, что сделать с пушками и батальоном, так как они шли впереди. Он же по трудности дороги с зарядными ящиками остался позади, ожидая помощи рабочих. И только что он тронулся с места, как в глазах его упавший снеговой обрыв сделал дорогу вовсе непроходимой. Первым моим попечением было узнать о состоянии людей и пушек, и потому послал я самых расторопных горских жителей о том наведаться. Они с превеликой трудностью, на лыжах, перейдя снега и льды, завалившие дорогу, принесли мне приятное известие, что батальон и пушки находятся уже в деревне. Обрыв упал между пушек и ящиков, и на три версты завалил дорогу, вышиной местами от пяти до двенадцати саженей. Сколько можно было собрать еще горских жителей, все заняты очищением сего обрыва, что продолжалось два дня.

Хотя болезнь моя ежедневно усиливалась, но я хотел прежде переправить весь полк и потом уже перебраться сам. Однако осетинские старшины начали меня уговаривать, чтоб я поскорее переехал в деревню Койшаур. Они говорили, что там

не только буду я иметь больше выгод, но и воздух в оной несравненно здоровее, нежели в деревне Коби, окруженной болотами и лежащей с северной стороны столь великого хребта. Здесь от самого приближения ветров всегда господствуют холод и сырость. Я согласился на их предложение и поручил остальную часть полка моему полковнику. Но сам я так ослабел от болезни, что не в силах был сесть на лошадь. Поэтому уступили они для меня небольшие обложенные плетенкой сани. Восемь человек запряглись в оные, столько же отряжено было для поддерживания, — и так переехал я благополучно снеговой хребет Кавказских гор. Вслед за мною перешла и остальная часть полка.

Здесь должен я сделать одно мое замечание, что вообще все болезни прилипчивы, если они свирепствуют в большом количестве людей. Прибыв в сказанную грузинскую деревню, расположился я на квартире у одного зажиточного земледельца. Все домашние, а особливо женщины, были удивлены, что я во время припадка, в самую теплую погоду, лежа при огне, под несколькими шубами, не мог согреться. Они крестились и читали молитвы, не зная, что есть лихорадка. Даже и по сие время, когда они ее узнали на себе, нет у них особого названия сей болезни. Они называют оную на своем язык сицива, что значит холод.

Но когда с трудных походов по знойным степям персидским, по снеговым кавказским и другим горам, от изнурения и недостатков в продовольствии, наполнились больными русскими солдатами грузинские селения, тогда и жители их познали неизвестные им прежде болезни. И часто целые деревни страдали наповал разными болезнями.

Неподалеку от деревни Койшаур есть источник кислой минеральной воды, несколько похожей на кавказскую. Свойство ее еще по сие время не исследовано. Но когда мне о ней сказали, то я велел принести несколько бутылок, начал употреблять ее и почувствовал великое облегчение. Но добрый мой хозяин, придя ко мне однажды, сказал: «Не пейте этой воды: она не здорова». — «Почему же ты это знаешь?» — спросил я у него. «Вот почему, — продолжал он: — покойный царь наш Ираклий долго был болен. Лекарь присоветовал ему пить эту воду, и мы должны были возить ее к нему в Тифлис; но он недолго ее пил и скоро умер». — «Каких лет был тогда ваш

царь?» — сказал я ему. Мужик призадумался и отвечал: «Ему было больше восьмидесяти лет, если не девяносто. Наш поп лучше о том знает, вы можете у него спросить».

Ананур

Отдохнув и исправив все повреждения, причиненные столь трудным походом, следуя по берегу реки Арагвы, достигли мы затем и селения Ананур. Кто впервые въедет в пределы Грузии, тому, конечно, удивительно покажется, что, подъезжая к какому-нибудь селению, о котором он предварен, не видит он никаких признаков жительства, кроме башен, замков, а иногда церкви. Это потому, что все дома жителей состоят из землянок, крыши которых ровны с поверхностью земли.

О величине селения можно судить по числу башен. Несколько дворов имеют одну, больше две и три башни. Если же есть замок, окруженный каменною стеною с несколькими башнями, то это означает довольно многолюдное селение. Все сии укрепленные места построены в защиту от набегов лезгин и других неприятелей, как-то: персиян и турок; а иногда и от народных возмущений, которым сия страна нередко бывает подвержена. Таковы были в мое время Ананур, Душет, Мцхет и прочие местечки и деревни, исключая городов Тифлиса, Гори, Телавы и некоторых деревень в Карталинской провинции, лежащих около границ Империи.

Мцхет

Оставя Ананур, прибыли мы в Душет — местечко, принадлежащее царевичу Вахтангу, сыну покойного царя Ираклия; а оттуда в Мцхет, древнюю, давно оставленную столицу царей грузинских. Он лежит при самом соединении рек Куры и Арагвы.

Это селение, как я пред сим сказал, не имеет ничего, кроме нескольких землянок, окруженных большою старинною каменною стеною с башнями, вновь строившегося и еще неоконченного патриаршего дома в два этажа и древней весьма огром-

ной церкви в греческом вкусе с готическими украшениями. Эта церковь построена из тесаного гранита, смешанного в украшениях с разного цвета камнями и мрамором. Другая же, подобная ей и древностью еще превышающая первую, вовсе оставленная, находится вне замка, на другом берегу реки Арагвы, первая служит кладбищем царей грузинских, и последний из них Георгий XIII погребен в оной. Сия церковь славится хранением самых достопамятных предметов то есть хитона, или верхней одежды I. X., о котором грузинская история следующее повествует: во времена Спасителя Грузия находилась в зависимости от римлян, которые набирали воинов изо всех подвластных им земель, равно и из Грузии. Один мцхетский уроженец был римским воином, находился при распятии Спасителя и получил по жребию хитон Его, который привез он потом в свое отечество.

Я не видел сей достопамятности, хотя тогда и потом несколько раз были в церкви. Она хранится в пещере или весьма низком своде, устроенном внутри в стене с правой стороны. Вход в нее хотя устлан бархатом, обложенным галуном, но так низок, что в эту темную пещеру непременно должно ползти на коленях на протяжении нескольких сажен.

Те, которые там были, сказывали, что там горит лампада, при свете которой видели они небольшой закрытый ковчежец, обитый бархатом; в нем хранится сия святая вещь. Другие же грузинские историки повествуют, что некоторые иудеи во время последнего плена удалились и обитали в Грузии. Из них один, по имени Элиос, находился при распятии и получил по жребию сий хитон. Но так как евангелие ясно говорит, что именно воины метали жребий об одежде I. X., а других воинов там в Иерусалиме не было, кроме римских, то следовательно, это не согласно с выше сказанным. Грузинский царевич Давид Багратион, сын последнего царя Георгия XIII, из исторических записок которого взял я сию статью, выводит, как и все Багратионы, родословную свою от израильского царя Давида. Поэтому имеет он в гербе своем арфу и пращ. Вообще, герб их разделен на пять полей: в средине св. Георгий, герб царства грузинского, сверху с правой стороны арфа, под нею пращ, с левой — хитон, а внизу одноглавый орел, потому что грузинский царь Вахтанг Гурасланий имел в супружестве дочь греческого императора Макана, что произошло около 450 года по Р.

X. Нет никакого противоречия в том, что грузины есть один из древнейших народов в Азии и что известен он в истории прежде многих европейских родов. Древнейшая из всех греческая история, начинающаяся с баснословных времен, довольно пространно говорит о походе аргонавтов в Колхиду и о похищении Язоном золотого руна. Между тем видим мы по истории грузинской, что Колхида, нынешняя Мингрелия, в истории с Имеретиею и Грузией не раз составляли одно государство и один народ. Наречие и в некотором отношении нравы их мало один от другого рознятся.

Колхида, названная так греками, получила свое наименование, может быть, не без причины. Слово «Колхида» не есть греческое, а грузинское. Оно знаменует на их языке, с изменением только одной буквы, то есть О в А, вместо «Колхиды» «Калхида» или «Кал-хидэ», в переводе девичий мост. На границе Мингрелии и Имеретии есть и поныне урочище, известное под именем Калхидзэ, на котором находятся древние развалины каменного моста чрез реку Рион (древний Фазис). Предание наглядно говорит о сих развалинах, что будто одна их царевна, обольщенная греческим путешественником, бросилась с сего моста в реку и там погибла. Поэтому урочище сие получило название Калхидэ, или Девичий мост. Это имеет некоторое сходство с баснословною повестью и об аргонавтах.

Основание Мцхета теряется в древности. Грузинская история приписывает оное некоторому Мцхетону, происшедшему в седьмом поколении от Ноя и владевшему Грузией. Во время правления грузинского царя Мариана, сына столь известного персидского шаха Хозроя, Грузия приняла христианский закон, что произошло в начале IV века. Царь Мариан крещен был в 312 году, и греческий император Константин Великий послал к нему для утверждения христианства Евстафия, епископа Антиохийского.

В 455 году царь Вахтанг Гургаслан построил при реке Куре город Тифлис, где до того была небольшая крепость, основанная персами. Сын же его Дачи перенес туда столицу царей грузинских.

Грузины имеют свой особенный язык, письмо и книгопечатание, распространяющееся в Имеретию и Мингрелию. Но он, по словам их историков, состоит из смешения сирийского, персидского, греческого и арабского.

Тифлис

Город Тифлис лежит по обеим берегам реки Куры, которая разделяет нынешнюю Грузию на две провинции: Карталию и Кахетию, получил наименование свое от теплиц, или теплых минеральных вод, в предместии оного находящихся. Слово «Твили» на грузинском языке означает теплоту.

По прибытии моем в город Тифлис представился он мне кучею камней, среди которых было две улицы, по которым можно еще было проехать. Но дома большей частью и на оных были разорены. От дворца царского оставались одни ворота, остальное все срыто до основания. Нашествие Аги-Магомет-хана, шаха персидского, при конце царствования императрицы Екатерины II, о котором я пред сим упомянул, было причиною сего разорения.

Грузинский царевич Давид

В Грузии управлял тогда царевич Давид, старший сын последнего грузинского царя Георгия XIII. Он служил вместе с тем в российском войске генерал-лейтенантом. Так как некоторые члены царского дома, именно братья и сыны царя Ираклия, отца Георгия XIII, имели по завещанию Ираклия некоторое право на престол грузинский, то Георгий искал покровительства двора российского, дабы старший сын его Давид был по нем наследником. Надобно сказать, что с давнего времени цари и царевичи грузинские имели разные российские ордена, а последние — чины в войске. Таким образом сыны Георгия были капитанами в российской гвардии.

Император Павел I, вступив на престол, отдал приказ, чтоб все офицеры, находящиеся в отлучке от своих полков, в продолжение известного времени непременно к оным явились, в противном случае будут исключены из службы.

Царь Георгий употребил сей случай в свою пользу и послал в Петербург сынов своих Давида, Мариана и Иоанна, бывших тогда капитанами гвардии. Павел I принял их с благосклонностью. Они же старались еще больше оного заслужить, подражая ему в непомерной его охоте к воинским строям и учениям, в чем более старался успевать царевич Давид.

В короткое время произведены были все они в генерал-майоры. Младшим даны были пехотные полки, а старший Давид оставлен в Преображенском гвардейском полку, которого был шефом. Георгий XIII, чувствуя слабость здоровья и приближение смерти, писал к императору, дабы он отпустил к нему старшего его сына Давида. Павел I не только сие исполнил, но утвердил его наследником царства грузинского, произвел в генерал-лейтенанты и дал ему орден св. Александра. За несколько же месяцев пред тем посланы им были в Грузию трон, корона и все царские регалии: ибо прежние во время нашествия Аги-Магомет-хана все были им взяты. Но с кончиною царя Георгия переменились обстоятельства. Сей царь предвидел самые великие замешательства, которые должны были последовать после смерти от потомков царя Ираклия. Эти последние искали покровительства у дворов персидского и турецкого, имели сильную партию и возмущали народ. Поэтому-то Георгий решился пред кончиною своею сделать духовную, по которой уступил он все свое царство державе российской. Итак бывший наследник Давид по кончине отца своего назван был только правителем Грузии впредь до рассмотрения дел. Но так как вскоре потом лишился жизни и Павел I, то остались оные дела еще в большем замешательстве.

Некоторые говорили, что его намерение сделать Грузию пребыванием мальтийских кавалеров, а царевича Давида гроссмейстером сего ордена. Как бы то ни было, но с кончиною Павла I все его предприятия разрушились. А дела в Грузии остались еще в большем замешательстве, ибо сыновья Ираклия Юлан и Александр, к которым присоединились некоторые князья и дворяне, ушли первый в Турцию, а другой в Персию. Они снискивали там лезгинские партии и делали набеги на Грузию.

Генерал Лазарев

В сие время над войсками российскими начальствовал в Грузии генерал Лазарев. Он же управлял и частью политической, ибо бывший при дворе грузинском посланником действительный статский советник Коваленский, по смерти царя Георгия, выехал в Петербург.

Лазарев получил довольно хорошее воспитание, обладал сведениями и опытностью в делах военных. Он был довольно храбр, честен и добр, но имел нечто в характере своем, что многим не нравилось. Он был слишком подозрительным, при том не в меру унижал себя пред начальниками, чего взаимно требовал и от подчиненных. Старался не принадлежащие ему части дел подчинить себе, мешался иногда в оные, не терпел тех, кому таковые в особенности были поручены. Поэтому он имел много неприятелей, что было отчасти причиной печальной его кончины, о которой не оставлю я сказать в своем мест. По прибытии моем в Тифлис, нашел я его уже в несогласии с царевичем Давидом, с которым прежде был в дружбе. А также сделался он и великим неприятелем бывшего министром г. Коваленского, единственно потому, что главнокомандующий генерал Кнорринг имел к нему доверенность. [6]

Мы все нетерпеливо ожидали прибытия главнокомандующего генерала Кнорринга в надежде, что, сделав уже сношение с императором Александром, он решит судьбу Грузии. Но он, приехав, сказал мне за тайну, что не знает еще, будет ли земля сия принадлежать России.

Прибыл он единственно для обозрения сей земли и для узнания, будут ли по крайней мере доходы оной соразмерны с издержками на ее защиту. «А данное слово и обязанность государей российских защищать христиан, особливо единоверных, против варварства могометан?» — осмелился я возразить. «Теперь во всем другая система, — отвечал он на то. — Однако ж я сам вижу, что постыдно для монарха российского из скупости отказаться от защиты известного рода, который предки его старались привлечь в свое покровительство и который ныне желает быть в подданстве России. И я с моей стороны употреблю все, чтоб отклонить государя от сего неприличного державе российской поступка».

Обозрев Грузию, поехал он на Кавказскую линию, дабы отправиться оттуда в Москву, когда приглашен он был для присутствия при коронации императора Александра I.

Глава 11

ИМЕРЕТИНСКАЯ ЦАРИЦА АННА. — ГРУЗИЯ ВСТУПАЕТ В РУССКОЕ ПОДДАНСТВО. — БЕСПОРЯДКИ В ГРУЗИИ. — ЦАРЕВИЧ ВАХТАНГ. — КНЯЗЬ ЦИЦИАНОВ. — ДРЕВНОСТИ ГРУЗИИ. — ЦАРЕВИЧ ГРУЗИНСКИЙ БАГРАТ И ЦАРИЦА МАРИЯ. — СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ЛАЗАРЕВА. — ТУЧКОВ — ПРАВИТЕЛЬ ГРУЗИИ. — ЛЕЗГИНЫ. — СМЕРТЬ ГЕНЕРАЛА ГУЛЯКОВА. — ПРИЧИНЫ ВОЙНЫ НАШЕЙ С ПЕРСИЕЙ. — АРМЯНСКИЙ ПАТРИАРХ КНЯЗЬ ИОСИФ. — АРГУТИНСКИЙ-ДОЛГОРУКОВ. — ЧУМА В ГРУЗИИ. — ВЗЯТИЕ ПЕРСИДСКОГО ГОРОДА ГАНЖИ. — КОНЧИНА ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I. — ПОХОД В ИМЕРЕТИЮ. — ПОХОД В ПЕРСИЮ.

Имеретинская царица Анна

По отъезде генерала Кнорринга беспокойства стали час от часу в Грузии увеличиваться. Между тем случилось следующее приключение. Полк мой расположен был в Тифлисе и Гори; а одна рота под начальством майора Б. стояла на границе Имеретии в местечке Сурам. Пред тем я сказал уже о Соломоне, царе имеретинском, изгнавшем чрез возмущение законного царя сей земли Давида. Супруга же его, царица Анна, с однолетним сыном осталась в Имеретии. Соломон в начале по молодости царицы не почитал ее для себя опасною. Когда он утвердился в правлении, то удовольствовался только тем, что, захватив ее сына, который был еще при кормилице, велел посадить его в башню. При этом он приказал, чтобы никто не смел произнести ни одного слова на каком бы то ни было языке в присутствии сего младенца. Он думал, что ребенок чрез это останется нем на всю жизнь и не будет уже ему опасен. Мать его, царица Анна, супруг которой находился в Турции, должна была по необходимости терпеливо сносить таковое тиранство. Но когда он узнал, что Грузия поступает в подданство России, то заключил, что и она может быть ему опасна, и потому решил лишить ее жизни. Царица Анна, узнав о том заблаговременно, нашла способ уйти из Кутаиса, столичного города Имеретии, и скрывалась в непроходимых лесах и горах сей части. Соломон употребил все способы ее сыскать. Опасность для нее час от часу увеличивалась. В таком положении нашла она случай написать и послать письмо к майору моего полка г. Б., стоявшему на границе. Она просила его в убеди-

тельнейших выражениях, дабы он употребил все зависящие от него средства спасти ее жизнь. Майор прислал письмо сие ко мне, а я показал оное г. Лазареву, как моему начальнику. На сие сказал он мне, что сам собою не может он ни на что решиться, а представить главнокомандующему. «Время не терпит сей медленности», — сказал я ему. «Что же делать? — продолжал он, — я не смею». Опасаясь, чтоб и с ней не последовало того, что недавно случилось с турецким пашой, отправился я в город Гори и Сурам под предлогом осмотра моего полка. Прибыв в Сурам, условился я тайно с майором Б. о спасении царицы. На сей предмет находился уже при нем присланный от нее человек, который знал место, где она скрывается. На границе нашей, неподалеку от оного, стоял казачий пост. Майор Б., по приказанию моему, уведомил начальника поста, что он извещен, что в одну ночь имеет быть сильное нападение на оный лезгин. Поэтому туда и послано в подкрепление 50 человек гренадер с надежным офицером, которому по старшинству поручил начальство над постом. Царица была о том уведомлена, а посланный от нее человек находился при офицере. В одну темную и ненастную ночь велено было на самом посту сделать ложную тревогу. Часовые были к тому склонены. Итак, под предлогом преследования лезгин, бросились гренадеры в лес при барабанном бое, что было знаком для царицы, в которую сторону надлежало ей спасаться. Она явилась к сему отряду. Офицер ее принял, проводил чрез границу и тот же час послал о том донесение. На другой день прибыла она в сопровождении нескольких женщин и мужчин в Сурам. Я донес о том главнокомандующему и генералу Лазареву, написав, что при случившейся тревоге и преследовании неприятельской партии, подчиненные мои, встретив в лесу царицу, искавшую спасения, решились оную защитить и препроводили для безопасности на свой пост. Главнокомандующий был доволен моим поступком, донес государю, который, дав ей приличное содержание, велел препроводить в Тифлис с должной царице почестью.

Хотя генерал Кнорринг при отъезде своем из Тифлиса уверял всех, что Грузия останется в подданстве России, но многие в том сомневались. Поэтому-то и поручил он мне, в уверение обывателей сего города, строить на предместье большой каменный дом для его пребывания и присутственных мест. Сие довольно огромное строение в несколько месяцев окончено

было грузинскими мастерами и рабочими, так что Кнорринг, возвратясь с коронации и найдя оное готовым, крайне был удивлен поспешностью и чистотою работы. Надобно сказать, что грузины имеют много искусных каменщиков, штукатуров и каменотесов. Кажется, что искусство сие с давних времен усвоили они от греков. А то обыкновение, что потомство ремесленников никогда не выходит из своего состояния, способствовало их усовершенствованию. Сие правило распространяется в Грузии не только на ремесленников, но и на докторов, священников и прочих, исключая одно дворянство. Однако и в оном потомки военных или гражданских чиновников по большей части поступают в состояние своих предков.

Грузия вступает в русское подданство

В 1802 году г. Кнорринг, возвратясь с коронации в Тифлисе, привез с собою действительного статского советника Ковалевского в качестве правителя или губернатора Грузии, брата его вице-губернатором и несколько гражданских чиновников для составления правительства. Все члены царского дома и знатнейшее дворянство приглашены были в столичный город. Надлежало всех привести к присяге на верность и подданство престолу Российскому. Для этого как знатнейшие обыватели, так и народ разделены были на сословия по исповеданиям вер. В соборную греко-грузинскую церковь собраны были обоего пола члены царского дома, дворяне и прочие лица сего исповедания; при этом присутствовал сам генерал Кнорринг. К армянам отряжен был генерал Лазарев, к католикам римской церкви — тифлисский комендант, а я послан был к магометанам. Сей обряд окончился без малейшего замешательства.

На другой день приступили к открытию правительства, а я назначен был командовать войсками, долженствовавшими быть при сей церемонии. Поэтому, выводя войска поутру, начал я располагать оный батальон по обеим сторонам дороги от городских ворот до дому главнокомандующего. При сем случае не могу я умолчать об одном необыкновенном явлении в природе. Духовная процессия и гражданская церемонии были еще не готовы. При самой ясной погоде, занимаясь расположением войск, почувствовал я под землею глухой удар с ре-

вом. Оглянувшись, я увидел мой левый фланг в превеликом смятении. Сперва земля вблизи оного с каменьями и кусками глины поднялась на воздух высотою сажень на десять. За нею последовал столь же высокий водомет воды шириною во все пространство отверстия. Едва успел я доскакать до сего места, как вода упала вниз, и только в сей пропасти — шириною в поперечнике до 5 фут — слышен был еще рев оной. Генерал Кнорринг смотрел тогда в окно и, как все, удивлен сим явлением. Мы имели время собрать с ним все веревки, бывшие в его доме, их набралось сажен до 100, привязали камень, но никак не могли достать дна сей пропасти.

Обряд открытия правительства с приличным оному торжеством кончился так же спокойно, как и присяга.

Через несколько дней после сего получил я от генерала Кнорринга довольно неприятное для меня поручение, он посылал меня к вдовствующей царице Марии, супруге последнего грузинского царя Георгия XIII, дабы отобрать от нее все царские регалии и доставить к нему. Я не распространяюсь здесь в описании ее ограничения и тех затруднений, которые я при том имел. Скажу только, что кончил сие поручение довольно благополучно.

Учредя таким образом правительство, генерал Кнорринг отправился на Кавказскую линию, но при проезде ущелья гор Кавказских был он атакован обитателями оных. Он имел с собою довольное прикрытие, но совсем тем три дня был блокирован, и если б не подоспела помощь с Кавказской линии, худо бы с ним последовало. И так с большим трудом открыл он себе путь силою оружия.

Беспорядки в Грузии

С отъездом его умножились смятения и беспокойства в Грузии. О членах царского дома генерал Кнорринг сделал весьма выгодное для них представление императору. Последний дал поэтому повеление руководствоваться их наставлениями в народоправлении, а особенно советами царевича Вахтанга, сына Ираклия, которому тогда же присланы были бриллиантовые знаки ордена Св. Александра.

Однако эти люди начали теперь возмущать народ против правительства российского, увеличили тайные переписки с

Персией, Турцией или с удалившимися туда царевичами Юланом и Александром. Царевичи Пранас и Иоанн, также сыновья Ираклия, ушли в Имеретию. Многие князья и дворяне без позволения правительства удалились за границу, и все вместе не переставали писать возмутительные письма в Грузию. Оставшаяся же там часть неблагонамеренных не переставала распространять разные вредные слухи, о нашествии персиян и собрании турецкой армии.

Юлан и Александр, первый от границ Имеретии, а другой — Персии с собранными ими лезгинскими партиями делали набеги на свое отечество и разорили многие селения. Донской казацкий полк, следовавший с Кавказской линии в Грузию, весь истреблен был осетинцами в ущельях Кавказских. Татары округов Борчалинского и Шамшадильского явное оказывали возмущение. Все сии обстоятельства понудили генерала Лазарева для безопасности войск вывести их в лагерь — на известные пункты. Егерский его полк поставлен был во 2 линии от Тифлиса к стороне Борчалинского округа, а я с двумя батальонами моих гренадер расположился в трех верстах от сего города. Прочие же войска, как-то: полки кабардинский, под начальством Гулякова, Тифлиский — Леонтьева, один батальон моего полка, артиллерия и казаки расположены были там, где была потребность. Но я, стоя под самым Тифлисом, не имел ни одной ночи покоя: тревоги, фальшивые атаки передовых постов, даже ружейные выстрелы с ближайших гор, производимые в самый лагерь неизвестными людьми — заставили нас не спать целые ночи и беспрестанно посылать партии в разные места для открытия неприятеля. Наконец пресечено нам было всякое сообщение с Россией и главнокомандующим. Мы удостоверились, что действующими пружинами сих возмущений были члены царского дома. Главнейший же из них был царевич Вахтанг, столь облагодетельствованный императором и коего советами предписано было нам руководствоваться. Не получая никакой помощи или повеления от главнокомандующего, мы были принуждены составить совет и по определениям оного, невзирая ни на что, действовать решительно. Членами онаго были генерал Лазарев, я, правитель Коваленский и некоторые из преданных России князей, как-то: князь Иван Орбелианов и князь Соломон Тарханов.

Царевич Вахтанг

Не упоминая о многих подозрениях на царевича Вахтанга, жившего во все время в Душетском своем замке, комендант сего города донес совету, что примечено им и другими, как народные толпы по 100 и более человек по нескольку раз ежедневно приходят в замок царевича. Однако никто не приметил, чтобы они оттуда возвращались. Но, бывая довольно часто в замке, он не мог заметить, чтобы количество людей в оном умножалось. Поэтому он полагает, что сей народ, получая от царевича оружие и тайными проходами выходя из замка, собирается в соседних горах и лесах. О таких скопищах он имеет уже довольно верные известия.

При рассуждении о сем донесении, предложил я послать одного из членов совета к царевичу Вахтангу, который бы представил ему всю опасность, в какой войска российские находятся. И так как нам предписано руководствоваться его советами, то просить его, чтоб он прибыл в Тифлис для снабжения его своими наставлениями. Когда же он приедет, дать ему почетный караул, который бы наблюдал за его поступками. Мнение мое было одобрено, и я с князем Соломоном Тархановым назначены были к исполнению этого. Но надлежало сохранить тайну в сем деле, а мы все окружены были шпионами противных партий. Почему в отвержение всякого подозрения условились мы, чтоб на другой день г. Коваленский дал большой обед в своем доме. По окончании же его князь Орбелианов, имевший дом в предместье, попросил бы всех гостей к себе на вечер. Таковые собрания бывали между нами нередко. Когда же смеркнется, то под предлогом возвращения домой удобно мне будет неприметным образом на верховой лошади, потому что других экипажей мужчины в Грузии не употребляют, выехать из предместья и ехать куда хочу. Но в Грузии нельзя было тогда ездить без прикрытия. Поэтому потребное число отборных казаков посланы были еще с утра. Им велено было по два и по три человека в разные ворота выехать из города и, скрывшись в ближайшем лесу, ожидать моего приезда.

Все было исполнено наилучшим образом. Князь Тарханов, один майор моего полка и мой адъютант, тоже выехав по одиночке, соединились со мною по дороге.

Я должен был в летнюю ночь переехать 10 миль, чтоб застать царевича поутру в его доме. И так поспешно я проезжал мимо урочища Гартискари, где находился пост одного егерского батальона при двух малых пушках, и приказал начальнику оного быть в готовности по первому моему повелению поспешить в Душет. И, взяв у него еще несколько казаков, я поехал далее.

Пред отъездом моим в сей городок рассудил я скрыть настоящую причину моего туда прибытия и выставить предлогом смотр полуроты моего полка, там квартировавшей. К царевичу же послал сказать, что я намерен сделать ему посещение и тогда объявить ему просьбу совета. Для этого направился я прямо к моему капитану. Прибыл я довольно рано, и тогда же он приказал ему готовить людей для смотра. Комендант, придя ко мне, просил меня пристать в его квартире по невыгодности капитанской. На это я согласился и в то же время послал к царевичу моего майора с предложением о свидании. Он возвратился и сказал, что царевич еще спит.

Подождав несколько, послал я в другой раз. Мне сказали, что он одевается и не может теперь меня принять. Вместе с посланным моим пришло несколько его придворных с извинением, поздравлением меня по случаю моего прибытия и с просьбою прислать к нему князя Тарханова. Хотя я на сие и согласился, но послал в третий раз сказать ему, что имею поручение говорить с ним о делах государственных и что обстоятельства не позволяют мне дожидаться. Вслед за посланным пошел я и сам, взяв с собою князя Тарханова. Но едва вышел я на улицу, как увидел бегущего мне навстречу грузина, который с торопливостью сказал мне, что царевич бежал! Я закричал казаков, сел сам на лошадь и увидел его в довольном отдалении. Он спешил верхом с одним человеком, к другому небольшому замку, принадлежащему дворянину его Глалежеладзеву, в трех верстах от Душета. Пустясь в преследование, приметил я, что он въехал в ворота. Я приказал окружить замок и, выбив ворота, вошел в средину. Но, к удивлению, все было там пусто, и никого не нашли мы во всех покоях, кроме одной спрятавшейся престарелой женщины. Впрочем, увидели мы там довольно жизненных запасов, ружей, пороху и свинцу. После многих допросов старуха наконец показала нам один погреб, в котором нашли мы лошадь царевича и че-

ловека, бывшего с ним. Тут показала она новый подземный ход до соседственного леса и сказала, что царевич на приготовленных лошадях ушел чрез этот проход. Нечего было больше делать как посылать за войском. Возвратясь в Душет, приступили к поискам его в городе. По приезде моем туда нашел я отряд гренадер, стоящий на площади. Супруга же его, выйдя на башню замка, кричала народу о притеснении крови столь любимого ими царя Ираклия и требовала мщения. Вскоре прибыл ко мне батальон из Гартискари с пушками, и я издал прокламацию, что именем императора освобождаю всех подданных царевича от его власти и зависимости, как нарушителя присяги. А между тем, дав обо всем знать в Тифлис, требовал еще помощи, которая не замедлила прибыть. Послал я также в Карталинию к преданным России князьям Эристовым, дабы они, собрав сколько могут надежных людей, поспешили ко мне. Они не замедлили явиться с 800 человек своих подданных. Однако многие мои поиски и движения оставались тщетны. Наконец узнали мы, что царевич скрывается в ущелье Тиулетинских гор. Народ тиулетинский почти совсем дикий, однако же, смелый и храбрый. Он принадлежит Грузии, занимается больше скотоводством, довольно постоянный, в потребных случаях давал войско царю. Не имеет он почти никакой веры, хотя и видны у них во многих местах старинные церкви. Священников выбирают себе сами и называют их деканозами, что значит на грузинском языке протоиерей. К ним имеют они неограниченную доверенность. Из всех христианских правил содержат они только одни посты, учрежденные греческою церковью. Св. Георгия почитают за Бога и жертвуют ему, заколя, скотов. В одном из их храмов находится преогромный образ св. Георгия, пред которым их священники делают разные телодвижения, пляшут, вертятся и падают без чувств, после чего сообщают народу повеления, полученные ими от св. Георгия, которые исполняются без возражения. Сверх того, есть в их земле древний дуб, называемый ими Багратион, который они так же почитают священным. Если кто от роду Багратионов уйдет к ним и, обняв сей дуб, скажет: «Предок мой, защити своего потомка», — то народ всеми силами обяжется его защищать.

Рассказав о всех сих обстоятельствах, князья Эристовы советовали мне послать к сим вышеупомянутым деканозам и

попросить их, чтоб они прибыли ко мне. Я последовал их совету. Сии ужасные видом своим, с превеликими бородами, деканозы прибыли ко мне. Я старался хорошим приемом и подарками склонить их, чтобы они выдали царевича. Но они отвечали мне: он Багратион и был у священного дуба. И хотя они в том отказали, однако же, согласились показать мне все места, в которых могу я пресечь ему путь, если он захочет уйти от них. Они обещали склонить народ его оставить.

Но при этом просили, чтоб я не вступал в их земли, ибо в таком разе народ примется, конечно, за оружие и они не в состоянии будут его удержать. Впрочем, постараются они сделать так, что царевич принужден будет сам явиться ко мне.

Отобрав от них подробные сведения о помянутых ими дорогах и отпустив их, того же дня послал я на эти дороги воинские отряды. Сам же с большею частью двинулся и стал при входе главного ущелья, Гудомакарским называемого, ведущего к сему народу.

Пушечные выстрелы и звуки барабанов при вечерней и утренней заре слышны были в их жительствах. Между тем деканозы не оставляли трудиться в мою пользу.

На третий день по прибытии моем в помянутое ущелье 10 августа 1802 г. прислал ко мне царевич Вахтанг человека с просьбою, чтобы я предупредил кровопролитие и отнюдь не шел бы далеко в землю тиулетинцев, так как он сам чрез несколько часов будет ко мне. И подлинно чрез три часа по отъезде его посланного приметили мы вдали небольшую конную партию. Это был царевич с его окружающими. Приближаясь к лагерю, снял он с пояса свою саблю и повесил себе на шею. В таком виде подойдя, сказал мне: «Вот моя голова и сабля». Я отвечал ему на то, что государь мой не требует ни того, ни другого. «Но прибытие ваше в Тифлис необходимо нужно, и для того прошу вас последовать туда вместе со мною».

И так в 12 дней кончив сию экскурсию, возвратился я с ним в Тифлис, где и оставался он до прибытия в Грузию генерал-лейтенанта князя Цицианова. Чрез задержание его сделалось несколько спокойнее в Грузии и открылось сообщение с Россией чрез Кавказ, ибо жители сих гор были довольно ему привержены.

За сие представлен был я к награждению орденом св. Анны 1 класса; но так как император недоволен уже был г. Кнорринг, то и сей подвиг мой оставлен был без внимания.

Князь Цицианов

Вскоре после сего происшествия главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии генерал-лейтенант Кнорринг был сменен генерал-лейтенантом князем Цициановым, о котором упоминал я в начале моих записок, повествуя о возмущении в Польше в 1794 году. Цицианов не замедлил прибыть в Тифлис.

Он был грузин и имел много родственников в сей земле. Дед его приехал в Россию с его отцом, где они остались навсегда. Он был одарен от природы острым разумом и довольно образован воспитанием, познанием и долговременною опытностью в военной службе, был честным и хотел быть справедливым; но в сем последнем нередко ошибался. При этом был он вспыльчив, горд, дерзок, самолюбив и упрям до той степени, что наконец чрез то лишился жизни, как мы увидим то впоследствии. Считая себя умнее и опытнее всех, весьма редко принимал он чьи-либо советы. Мало было среди его подчиненных таких людей, о которых имел бы он хорошее мнение. Ежели кому не мог или не хотел делать неприятности по службе, то не оставлялись всякими язвительными насмешками, в чем он был весьма остр. Но за подобные ответы ему, даже в шутках, он краснел, сердился, а иногда мстил. Таковой его характер был причиною в молодости его многих для него неприятностей.

И, наконец, когда он командовал в Польше гренадерским полком, то до того дошел, что почти никто из офицеров не хотел служить под его начальством. Один из них, не снеся сделанных ему обид, до такой степени лишился терпения, что, в присутствии многих знатных чиновников, решился дать ему пощечину. Сей несчастный был тогда же арестован. Но дабы пресечь такой неприятный для него самого суд, дал он сам способ сему офицеру уйти за границу. Хотя дело этим и кончилось, но он оставался на худом замечании до кончины императрицы Екатерины II. Он имел около шестидесяти лет, когда прибыл в Грузию, но был довольно бодр и видом величав.

По приезде своем в Тифлис, во-первых, оказал он свое неблагорасположение ко всем тем, которых почитал приверженцами генерала Кнорринга. Более прочих подверглись гонению оба брата Коваленские и те, которые с ними были в связи. Ге-

нерал Лазарев рад был сему случаю и помогал ему в том. Неуважительное его обращение с членами Царского дома не только их самих, но и многих знатнейших обывателей восстановило против него. Он хотел решительным средством пресечь мятеж в Грузии и набеги лезгин. А чрез войну с Персией, которую непременно искал повода начать, хотел показать молодому императору Александру великие свои способности. Один раз, смотря со мною на карту Азии, указал он на персидский город Дербент и сказал мне.

— Я бы хотел, чтоб вы там были военным губернатором, или, — указывая на Имеретию, — здесь были тем, чем я в Грузии.

Я поблагодарил его за добрые обо мне мысли и сказал, что оба сии места еще не у нас в руках. Вскоре потом дал он повеление отправиться на границу Имеретии для какого-то оказательства. Я пробыл в пограничном городе Сураме больше месяца, без всякого дела. В Тифлисе же приказал он тайно генералу Лазареву в ночное время окружить войском дом царевича Давида, арестовать его и с сильным прикрытием вывести в пределы России. Это исполнено было без больших трудностей. То же самое учинено с царевичем Вахтангом и с престарелой царицей Дарией, супругой давно умершего царя Ираклия, которые все отправлены были в Петербург.

Древности Грузии

В проезд мой из Тифлиса через г. Гори до Сурама случалось мне видеть две достойные примечания древности. Первая Упал-цихе, крепость, построенная одним из древнейших царей Грузии Упалусом. Он царствовал по истории их прежде эпохи Александра Македонского; следовательно, крепость едва ли не современна Трое. По справедливости можно удивляться неутомимости в трудах и постоянству в работах древних. Стены сей небольшой крепости высечены из целика каменной горы. Внутри ее находятся также высеченные из камня, до двадцати довольно пространных домов, с плоскими потолками и с проходами для соединения одного с другим. Свет получается в них только с одной стороны, там, где гора оканчивается утесом наподобие стены, — чрез большие окна, в одном просе-

ченные. Река Лиахва, протекающая у подошвы сей горы, доставляла воду жившим в оной. Для безопасного получения оной изнутри стены до самой воды высечен в камне довольно пространный подземный ход. Неизвестно для чего, весь этот ход внутри отделан в виде улитки, или винта, как бы был он просверлен ужаснейшей величины винтом. Пред окончанием сего хода высечена пространная комната, с каменными лавками, для отдохновения. А пред нею, воспользовавшись также отрывком горы, образовали часть стены, закрывающую набирающих воду. Въезд в крепость высечен в горе и защищен такою же стеною. Надобно сказать, что в Грузии много находится подобных жилищ, высеченных в каменных горах. Но они не так обширны и гораздо проще обработаны, притом и не столь древние. Их относят к первым христианским векам, сюда будто бы первые христиане укрывались от гонения язычников. Другие же, напротив, говорят, что они устроены жителями тогда, когда великие опустошения от нашествия разных народов принуждали их скрываться в неприступных горах. Другая достопамятность есть находящаяся неподалеку от дороги из Гори до Сурама, так называемая и поныне вообще всеми грузинами, Лукулис-Мта, то есть Лукуллова гора. На ней виден еще древний вал и ров, каковыми обыкновенно римляне окружали свои лагеря. Нет никакого сомнения, что консул Лукулл некоторое время стоял на оной с своим войском. [7]

Наскучив пребыванием в Сураме, просил я главнокомандующего князя Цицианова позволить мне возвратиться в Тифлис, где удобнее мог я заниматься управлением вверенного мне полка, поелику два батальона оного расположены были в сем городе. Это он мне позволил. [8]

Царевич грузинский Багратион и царица Мария

По окончании смотра и угощения генералом Лазаревым в приготовленной для того палате князь Цицианов сказал мне через адъютанта своего, чтоб я не возвращался домой, а поехал бы с ним к нему. На дороге подъехал ко мне другой адъютант и сказал, что князь Цицианов просит меня к нему на чай. Я уже имел довольно неприятностей от князя Цицианова, и, признаюсь, приглашение сие было для меня не весьма прият-

но. Но как это было род приказания, то и не мог я не поехать вместе с прочими прямо в его дом. Гостей было довольно. Долго мы сидели, дожидаясь чаю, как явился в комнату один егерский капитан и донес князю Цицианову, что он по данному приказанию прибыл к нему с ротою егерей и отрядом казаков. С великим неудовольствием велел он ему выйти в переднюю комнату, и сам, вышедши за ним, выговаривал ему там за его неосторожность. И ходя по комнате, нашел он случай сделать мне неприметными другими знак, по которому вышел я к нему. Тут спросил он у меня: хорошо ли вы знаете расположение дома царевича Давида? — Знаю отвечал я, потому что этот дом царевич строил при мне. — Итак, продолжал он: возьмите этого капитана с егерями и казаками, окружите помянутый дом, в нем живет теперь царевич Баграт с своим семейством (сын царя Георгия XIII). Обезоружьте его и, до рассвета вывезши его из города, проводите под прикрытьем до Мцхета (4 мили до Тифлиса). Там вы дождитесь генерала Лазарева, он не замедлит прибыть к вам с царицей Марией (супругой царя Георгия XIII). Тогда отдайте ему царевича и с прикрытием, ежели то будет потребно, а сами возвратитесь в Тифлис. Генерал Лазарев, прибавил он, проводит их в пределы России.

Время было довольно позднее, и ночь темная. Получив сие неожиданное поручение, отправился я в ту же минуту к исполнению его. А генерал Лазарев еще до того, неприметным образом, неизвестно куда, удалился из дому князя Цицианова.

Дом, в котором жил царевич Баграт, стоял почти за городом и окружен был неровными местами. С потребною осторожностью приближаясь к оному, приметили мы в одной лощине несколько вьючных лошадей и мулов. Я велел их захватить, что исполнено было без всякого шуму. Наконец, окружив дом, вошел в покои, в которых находился царевич Баграт. При нем было до сорока человек грузинских дворян, не считая его слуг, вооруженных по обыкновению саблями и кинжалами. Я, вызвав царевича в другую комнату, объявил ему полученное мною приказание, равно и то, что дом его окружен. Он был тем весьма встревожен и, возвратясь в комнату, где все находились, сказал о том вслух. Молодая его супруга, бывшая в беременности и тут случившаяся, упала в обморок. Мы поспешили подать ей помощь. Царевич же сказал мне: «Я охотно готов исполнить все вами сказанное, лишь только не разлу-

чайте меня с нею». — На сие отвечал я ему, что хотя князь Цицианов о супруге вашей мне ничего не приказал, но я беру это на себя, и вы можете ехать вместе. После сих слов начали собираться на путь. Вошедшие в комнаты егеря помогали им укладываться. Я должен сказать, что когда шел еще к царевичу, то на дороге, по приказанию князя Цицианова, присоединился ко мне подполковник Монтрезор с ротою мушкетеров. В продолжение сих сборов, послал я офицера сказать князю Цицианову, что все идет довольно благополучно и чтоб он позволил мне, оставив там подполковника, побывать на время у него. Он на то согласился и прислал генерал-майора князя Орбелианова, чтоб он между тем заступил мое место. Возвратясь к нему, нашел я генерала Лазарева, который сказал мне, что он арестовал царицу Марию и что целый батальон егерей окружает ее дом.

Я объявил князю Цицианову о позволении, данном мною супруге царевича ехать с ним, в чем Цицианов не стал прекословить. Между тем я попросил позволить мне заехать в мою квартиру и распорядиться там относительно моего отъезда. При сих словах генерал Лазарев сказал то же. Главнокомандующий отвечал нам сие: «Поезжайте, господа, но чтоб пред наступлением дня все было исполнено так, как я о том вам приказал». Я заехал еще к царевичу и дал повеление, чтоб поспешнее собирались; а когда все будет готово, дали бы мне знать. Приехав домой и распорядясь, отдохнул я не больше часа, как приехавший ко мне казацкий офицер объявил, что все готово и что уже начинает рассветать. Я сел на лошадь и, проезжая мимо дома генерала Лазарева, увидал на крыльце многих офицеров его полка. Я спросил их: поехал ли генерал туда, куда ему должно? — Нет еще, отвечали они мне. — Я не имею времени с ним увидаться, продолжал я, но скажите ему, чтоб он поспешил, ибо уже начинает быть довольно видно. Сказав сие, поехал я далее. Прибыв к своему месту и найдя все в готовности, выступили мы в путь.

Царевич и супруга его ехали верхом со мною и казались довольно спокойными. Отъехав верст пять и приближаясь к небольшому лесу, сказал мне царевич: «Жена моя устала; позвольте нам отдохнуть в этом леску; а между тем мы велим приготовить завтрак». Я велел выбрать место и расположить прикрытие. Но говоря о сем, увидел я скачущего во весь дух по

дороге от Тифлиса моего камердинера. Я поехал к нему навстречу. И только что он приблизился, как сказал мне с великою торопливостью, что жена моя послала его ко мне сказать, чтоб я был, сколько можно, осторожен, ибо генерал Лазарев умерщвлен царицей Марией. Он не знал никаких подробностей, но сказал мне, что видел, как несли его мертвого в его квартиру. Я приказал ему ехать домой; а сам, возвратясь, велел удвоить осторожность и, не говоря ничего, приступил с царевичем и прочими к завтраку, приготовленному моим поваром. Во время завтрака приметил я издали едущего по дороге квартирмейстера полка генерала Лазарева. Я встал и пошел к нему навстречу. Этот офицер, повторив сказанное мне моим камердинером и не имея времени говорить о подробностях сего происшествия, отдал бумагу и сумму денег, привезенную им мне от князя Цицианова. Главнокомандующий, во-первых, уведомляя меня кратко о смерти генерала, пишет, чтоб я, прибыв с царевичем в Мцхет, дождался там ген. кн. Орбелианова, который препроводит ко мне царицу с ее семейством. Затем приказывает мне, чтоб я, приняв оную, отобрал, как у нее, так у царевича и у всех прочих, буде еще найдется, всякого рода оружие и поступил с ними не как с особами царского рода, но как с убийцами и преступниками. Далее, присоединив к себе прикрытие, имеющее прибыть с кн. Орбелиановым, я должен был препроводить их чрез горы Кавказские до крепости Владикавказа. Там найду я коменданта Моздокской крепости с отрядом его гарнизона. Отдав ему их, я должен возвратиться в Тифлис. Потом упоминает он об известных ему опасностях, предстоящих мне на пути от грузин и от горских народов. Ввиду этого, повелевая мне брать с постов, на пути моем находящихся, столько войска, сколько мне потребно покажется, присовокупляет, что когда встречу я один драгунский и один егерский полк, следующие из России в Грузию, то могу и оные присоединить к себе. Наконец Цицианов требовал, чтобы с каждого перехода посылал я к нему нарочного, с уведомлением о моем положении. Окончив чтение, пригласил я сего офицера к завтраку и возвратился с ним к дорожным моим товарищам. Царевич, увидя его и зная, что он грузин, спросил его на своем языке: что нового? «Ничего, — отвечал он». — «Что делает царица?» — «Не знаю». — «Здоров ли генерал Лазарев?» — «Здоров!» — отвечал квартирмейстер. Я прервал сей разговор,

объявив, что время уже ехать, — и до полудня, чтобы избавиться от жары, потребно нам поспешить в Мцхет.

Через несколько часов по прибытии моем в Мцхет князь Орбелианов препроводил ко мне царицу Марию — ту, у которой я за год перед этим отобрал знаки царского достоинства. Он препроводил ее вместе с дочерью ее и покойного Георгия XIII, Тамарою, девицей семнадцати лет, и еще с малолетним сыном и дочерью, с несколькими женщинами и мужчинами — их прислугой, с батальоном егерей и сотнею гребенских казаков.

Смерть генерала Лазарева

Генерал князь Орбелианов, ночевав со мною, имел время рассказать мне все подробности о смерти генерала Лазарева. Но прежде должен я упомянуть о личной против него ненависти сей царицы, которой он сам был причиною. Сия особа, вторая супруга царя Георгия XIII, имея с небольшим тридцать лет от роду, была весьма чувствительна и притом слабого здоровья. За несколько времени пред сим происшествием князь Цицианов посылал неоднократно генерала Лазарева, чтобы уговорить ее ехать в Россию. Она никак на то не соглашалась, отговариваясь слабостью здоровья, тем более, что приходится ехать верхом до самой границы, что почти необходимо. Генерал Лазарев показал ей один раз небольшие русские дрожки, на которых можно было проехать по сей дороге. Но она отвечала, что никогда не ездила на таком экипаже и что никак не согласится сесть на оный. Тогда велел он сделать довольно спокойные и хорошо убранные носилки, или портшез, по-грузински трахтереван называемые,— экипаж, употребляемый в Грузии пожилыми женщинами. Лазарев сам стал в оные и велел себя носить мимо ее окон, останавливаясь пред оными и хваля пред ней спокойность сего экипажа. Все предложения генерала Лазарева делаемы были царице с некоторого рода насмешкой и недовольным уважением. Она жаловалась на то князю Цицианову и не получила никакого удовлетворения; отговорка же ее ехать заставила их принудить ее к тому силою. Итак генерал Лазарев, окружив ночью дом ее батальоном егерей, сказал ей,

что до рассвета должна она будет непременно выехать, что он объявляет ей сие именем князя Цицианова, действующего по повелению императора Александра. На сие отвечала она ему «Князь Цицианов был некогда мой подданный; а император российский не знаю какое имеет право со мною так поступать: я не пленница и не преступница, притом слабость здоровья моего, как вы то сами видите, не позволяет мне предпринять столь далекий путь». Генерал Лазарев говорил ей много против того, но она сказала ему: «Дайте мне отдохнуть, завтра увидим, что должно будет делать».— С сими словами вышел он от нее.

С рассветом вместе со многими офицерами вошел он в ее комнату и нашел ее сидящею на преширокой и низком диване или софе, каковые употребительны в Азии. С нею сидела старшая ее дочь и еще две женщины, и все накрыты были большим одеялом. Генерал Лазарев начал принуждать ее к отъезду, а она представляла ему прежние отговорки. Тогда генерал Лазарев, выйдя на галерею, окружающую дом, сказал своим офицерам: «Берите ее и с тюфяками, на которых она сидит». Едва они коснулись дивана, как у царицы, ее дочери и у всех бывших тут женщин появились в руках кинжалы. Офицеры отступили, а двое из них выбежали на галерею: один кричал генералу Лазареву: «Дерутся кинжалами», а другой солдатам: «Егери, сюда». Генерал, услышав сие, сказал последнему: «На что егерей»?.. С сим словом вошел он в комнату, в которой по причине раннего утра недовольно было еще светло, да и занавесы у окна были опущены. Однако же увидел он царицу, стоявшую на полу подле дивана; а дочь ее, девица довольно высокого роста, стояла позади нее на диване, возвышенном от пола меньше фута. Царица, увидя генерала Лазарева, сказала: «Как вы немилосердно со мною поступаете! Посмотрите, как я больна. Какой у меня жар?» И при этом она подала ему левую свою руку. Но лишь только взял он ее за руку, как правой ударила она его в бок кинжалом, повернула кинжал и в то же мгновение выдернула из тела. Говорят, якобы она за несколько дней пред тем брала уроки у одного известного лезгинского разбойника, оставившего свой промысел, как действовать сим оружием. Она пробила его насквозь, а дочь хотела дать ему еще удар по голове большим грузинским кинжалом. Но так как он от великой боли согнулся, то она

промахнулась, и удар сей попал матери ее по руке несколько пониже плеча. И она рассекла ей руку до самой кости. Генерал-майор Лазарев едва мог дойти до дверей, упал и кончил жизнь.

При сем смятении тотчас дали знать князю Цицианову, генералу князю Орбелианову, коменданту и полицмейстеру. Все, кроме князя Цицианова, поспешили прибыть и нашли царицу и прочих стоящими на прежних местах с кинжалами в руках. Князь Орбелианов начал говорить царице, чтоб бросила кинжал, но она ничего ему не отвечала и ничего не делала. Тогда полицмейстер армянин, бывший еще при последнем царе в сей должности, носивший грузинское платье, взяв в руку теплую свою шапку, ухватил ею кинжал царицы и, выдернув из руки, причинил ей тем еще несколько ран на ладони. После этого она упала без чувств; а вступившие егери обезоружили прочих женщин, с осторожностью оборотив ружья прикладами и прижимая их оными к стенам покоя. Тот же час начали их отправлять в путь, причем приказали осмотреть, не имеют ли они спрятанного под одеждою оружия. Молодая царевна, сидя уже на дрожках и увидя сие, вынула из кармана маленький перочинный ножичек, бросила егерям и сказала с усмешкой: «Возьмите, может быть, и это для вас опасно».

Во время сего происшествия улицы, по которым надлежало им ехать, наполнились народом. Но он только с удивлением смотрел на все происходящее и ни на что не отважился. Из этого можно заключить, что не было никакого заговора со стороны царицы, а только одни личные неудовольствия на Цицианова и помогавшего ему в том генерала Лазарева были причиною сего печального происшествия. На другой день по прибытии моем в Мцхет царица сделалась очень больна: но надлежало следовать далее. Поэтому послал я в Тифлис, чтобы прибыл поскорее медик моего полка, который, догнав нас на втором переходе, чрез нисколько дней возвратил ей прежнее здоровье.

В ночь, которую проводил я в Мцхете, прибыл ко мне на подкрепление еще батальон гренадер моего полка. И так, приняв все воинские предосторожности, следовал я без роздыхов чрез Душет, Анапанур, Койшаур, чрез снеговой хребет Кавказских гор и достиг селения Казбека, или Степансцминды, без

всякого приключения. Пред сим селением встретил я драгунский полк, под начальством генерал-майора Портнягина. Он следовал в Грузию с Кавказской линии. Не предвидя никакой опасности, не захотел я обременять себя излишеством войска и потому, на другой день позволив генералу продолжать свой путь, остановился на сутки отдохнуть в Казбеке. Там на другой же день явились ко мне 30 человек гребенских казаков. Они, быв посланы из Грузии на Кавказскую линию, не могли пройти чрез находящееся впереди, на пути моем, ущелье, потому что горские жители, в числе нескольких тысяч, заняв помянутое дефиле, начали по ним стрелять из ружей, двоих убили и трех ранили. Я велел им присоединиться к моему отряду.

Чрез несколько часов явился ко мне еще капитан одного пехотного полка, находящегося на линии, и донес мне, что рота его находится неподалеку от этого места, что он тот самый, который способствовал генералу Лазареву в переходе его чрез предстоящее ущелье, когда тот препровождал царевичей Давида и Вахтанга, и что ему предписано было расположить таким же образом оборонительные посты по ущелью и при переходе моем. Но как тогда для большого удобства прошел он сие ущелье и дожидался при входе в оное прибытия генерала, и потом услыша об оном, в то же время занял посты, так он хотел и теперь поступить, но горские жители к тому его не допустили. Открыв сильный ружейный огонь со всех возвышенных мест, убили у него четырех солдат и десять ранили. Тут узнал я, что князь Цицианов не напрасно предписал мне столь важные предосторожности. Присоединением сей роты отряд мой еще усилился. Но надлежало приготовиться к переходу ужаснейшей в свете дефилеи, занятой неприятелем. Сделав все потребные к тому распоряжения, выступил я поутру из моего расположения.

Перед сею дефилеею находилось довольно ровное пространство, по которому, устроившись в боевой порядок, двинулся я вперед с барабанным боем. Горские жители не вытерпели и слишком рано открыли огонь и тем самым показали мне место своего расположения. Я поспешил приблизиться к подошве гор и чрез то стал под их выстрелы так, что они не могли мне вредить. Осмотревшись тут, вошел я в самую дефилею, придерживаясь левой стороны оной. Находившиеся на вершине оной люди не могли мне делать вреда, по причине

великой высоты и крутизны. А справа хотя я и был открыт, но с быстротою пустился до одного заворота сей дефилеи в левую сторону. В сем углу стал я закрыт со всех сторон, но дорога поворачивалась вправо и впереди находилось небольшое пространство и мост чрез реку Терек. Он был сильно обороняем со всех сторон. Впереди же сего моста был другой, еще опаснее первого, потому что устроен был по изгибу реки и одной стороной примыкал к крутому утесу гор. Неприятель также поспешил показать мне сию опасность, пустив тучу превеликих каменьев тогда, когда находился я еще за первым мостом. Сие происходило в окрестностях Дарьяла, места мне известного, о котором довольно я пред сим говорил. И я знал, что, перейдя оба сии моста, буду почти вне опасности. Поэтому разделил я мой отряд на три части. Одну, составленную из спешившихся гребенских казаков, превосходных стрелков, вооруженных винтовками, с частью второй послал я штурмовать горы с левой стороны. А сам с двумя частями поспешно бросился через первый мост. Неприятель произвел сильный огонь, однако мало сделал вреда, — мы перебежали. Но мы не устремились влево, как вела дорога к другому мосту, на который усугубили они тогда бросание камней, а прямо к крутому утесу горы с правой стороны. Тут я опять оказался в безопасности и послал другую часть, состоящую из гренадер и егерей, штурмовать горы с правой стороны. Штурмовать горы не так опасно, как станы или крепостные линии. Природа, производя оные, не помышляла о взаимной обороне линий, как военный инженер, располагающий укрепление. В горах больших и малых мертвых углов много; к тому же растущие по местам деревья и кусты, отделившиеся большие камни, водомоины, бугры, лощины — все способствует штурмующим, и сама высота закрывает их от неприятеля, находящегося наверху. Итак оставался я с моим резервом внизу, доколе обе мои колонны не взобрались на вершины гор. Более часа огонь почти не действовал, стреляли изредка по мне без всякого успеха, потому что я стоял в закрытом от выстрелов углу. Как вдруг увеличившийся звук выстрелов, крик и барабанный бой возвестили мне, что наши уже на вершине горы. Сильнейшая перестрелка была вверху против второго столь опасного моста, и видно было, что наши сражались с защищающими его. Я воспользовался сим временем и перешел благополучно через мост. Меж-

ду тем, штурмующие принудили горных жителей оставить свои места и отступить к своим жилищам. Переходя мост, остановился я за оным и дождался возвращения обоих моих отрядов. Сверх всякого ожидания урон с моей стороны был весьма мал и состоял, по большой части, из легко раненных. Во время сего действия царица, находившаяся с особым прикрытием в месте не весьма опасном, в котором изредка только посещали ее ружейные пули, не раз присылала мне сказать, что эти люди сражаются за деньги, данные им ею. Она обещала заплатить им известную сумму, если они ее освободят. Потому теперь она просила меня, чтобы я позволил ей послать к ним человека и заплатить обещанную сумму, для того, чтобы они оставили нас в покое и не проливали больше крови. Я велел ей сказать, чтоб она поберегла свои деньги, а мы найдем способ и без того пройти.

Собрав моих людей, в тот же день достиг я до селения Балты и ночевал в оборонительном положении, удалившись уже на довольное расстояние от опасных положением своим гор.

На другой день, следуя от Балты до Владикавказа, встретил я на пути егерский полк, идущий из Крыма в Грузию. Если б я знал об этом ранее, то стоило бы мне промедлить только один день в Казбеке — и переход мой через дефилею весьма был бы облегчен, потому что она была бы атакована тогда с двух концов.

Прибыв в крепость Владикавказскую, нашел я ее уже возобновленною, она имела коменданта и гарнизон. Тут дождался я моздокского коменданта, с частью его гарнизона, которому, сдав царскую фамилию, отправился обратно в Тифлис. Жители гор Кавказа, имевшие в предмете только одно освобождение царицы, предоставили мне на возвратном пути свободный ход чрез их дефилею.

По возвращении моем, князь Цицианов отнесся к сему моему делу только как к исполнению моей должности, и так представил императору, почему и не получил я никакого награждения.

Тучков — правитель Грузии

Гонение его против Коваленских увеличилось. Он искал всякими способами их погубить. Наконец, без всякой причи-

ны он отрешил одного от должности губернатора, а другого — вице-губернатора, предал их суду и выслал из Грузии. Мне же он сделал предложение принять должность правителя или гражданского губернатора. Я отвечал на сие ему, что определил себя навсегда к военной, а не гражданской службе, что в последней не имею ни малейшей опытности и что если б избрал сей род службы, то давно мне бы быть губернатором какой-нибудь губернии в моем отечестве. На сие сказал он:

— Но кого же употреблю я на сию службу? Вы сами знаете, что грузины — народ военный и что обстоятельства и положение сей земли требуют, чтоб управляющий оной был человек военный, тем более, что и я не всегда могу быть в ней по многим причинам. Сверх того, представил я сие императору и получил в ответ, чтоб избрал к сей должности одного из способнейших генералов, под начальством моим находящихся. Не льстя себя нисколько, сами вы согласитесь, что выбор сей должен пасть на вас.

Я поблагодарил его за хорошее мнение о моих способностях, но сказал, что я никогда не был намерен переменить военную службу на гражданскую и оставить полк, для приведения которого в то состояние, в каком он ныне находится, употребил я всевозможное старание.

— Все это останется при вас, — отвечал он мне. — Я давно говорил вам о Дербенте и об Имеретии; но первое от нас удалено, а второе скоро может последовать. Итак как вы не желаете оставаться в сей должности, то я представлю императору и буду просить другого, вам же предоставлю покорение Имеретии, а до того времени должны вы непременно принять предлагаемую вам должность.

И на другой день он прислал мне письменное повеление о вступлении в отправление оной. Получив оное, отнесся я ему таким же образом и просил, чтоб он не лишал меня отправляемых поныне мною военных должностей и командования полком, а для того позволил бы мне заниматься неделю по гражданской и неделю по военной части. В это же время вместо меня заступал бы вице-губернатор исключая дел важнейших, для решения которых буду я уделять время от военных моих обязанностей. Он согласился на то и прислал вторичное повеление. И я принял должность правителя Грузии.

Князь Цицианов обратил тогда все свое внимание на усми-

рение лезгин, опустошавших набегами своими Грузию, и на изыскание причин для войны против Персии, чтобы показать пред молодым императором военные свои способности. По требованию его, прибыло в Грузию, кроме встреченных мною на пути драгунского и егерского, еще три пехотных полка, а именно саратовский, севастопольский и 7-й егерский.

Лезгины

Что принадлежит до лезгин, то усмирение их необходимо для спокойствия Грузии. Но в отношении персидского государства с давних времен политика Российского двора старалась преимущественно для своей выгоды и безопасности, чтоб пределы России были окружены слабыми, а не сильными соседями. Со времени истребления в Персии Софийского поколения, начиная от обладания оной — Надир-шахом до нынешнего Баба-хана или Фет-Али-хана, похитители престола один другому наследовали, и персияне разделены на многие ханства или княжества. Поэтому старался кабинет российский поддерживать несогласия между оными и шахом, дабы не дать никому утвердиться в сем достоинстве и чрез то составить сильную империю. Князь Цицианов из собственных видов нарушил сию систему войною с сею державою, а император Александр — заключенным союзом с Фет-Али-ханом и признанием его в достоинстве шаха всей Персии, как это увидим мы впоследствии.

Для удержания набегов лезгинских построил князь Цицианов редут на реке Алазане, составляющий местами только границу земель, принадлежащих сему народу. Этот редут он назвал Александровским и поставил в оном два батальона пехоты и полк казаков. Но сие нисколько не препятствовало лезгинам, переправляясь выше и ниже сего укрепления, делать набеги на Грузию.

По повелению его, генерал-майор Гуляков, напав нечаянно на их селения, разорил две довольно значительные деревни — Джаны и Белоканы. Князь Цицианов столько был сим доволен, что, по представлении его, наградил его орденом св. Анны I класса. Но вскоре потом, в исполнение его предписания, генерал сей пошел против лезгин, собравшихся при селении Сакатало.

Смерть генерала Гулякова

Лезгины, встретив его в поле близ помянутого селения, по первым выстрелам отступили и скрылись в селение. Генерал Гуляков, ободрившись счастливым успехом, пошел преследовать их в самые улицы. Они составляли столь узкие проходы, что едва четыре человека рядом могут пройти между каменными стенами, окружающими сады. Когда большая часть отряда его вошла в сию теснину, где не только из пушек, но и ружьями не можно было действовать, — лезгины в великом множестве бросились из своих садов с саблями и кинжалами, умертвили генерала и истребили целый батальон. Оставшаяся часть и не вступавшая еще в улицы едва могла собраться и ретироваться.

Причины войны нашей с Персией

Причины к войне с Персией состояли в требовании князя Цицианова выдать грузинского царевича Александра с прочими князьями и дворянами, туда удалившимися, и признать в достоинстве патриарха всей Армении архиепископа Даниила. Последнее почиталось по обстоятельствам, о которых должен я сказать, несравненно важнее первого. Но все сношения по сим и другим политическим предметам князь Цицианов производил с такою гордостью, дерзостью и в столь оскорбительных для двора персидского выражениях, что сделался чрез то личным неприятелем всех персиян.

Армянский патриарх князь Иосиф

По смерти армянского патриарха избрание оного зависит от завещания покойника, согласия на то духовенства и народа. Но утверждение нового патриарха в его достоинстве зависит, во-первых, от двора российского, который со времен Петра I приобрел право покровительствовать всем христианам, в землях магометанских пребывающим. Во-вторых, утверждение патриарха зависит от Порты Оттоманской, по множеству армян, в ней обитающих, а также и потому, что константинополь-

ский армянский патриарх некоторым образом подчинен патриарху, живущему в древней Армении, которая принадлежит ныне державе персидской. Наконец, утверждение это зависит от двора персидского потому, что гора Арарат и Эчмиадзинский монастырь, неподалеку от оной стоящий, находятся во владении Персии, да и сам патриарх почитается подданным сего государства.

Аргутинский-Долгоруков

В царствование императрицы Екатерины II находился в России при князе Потемкине один армянский монах, по имени Иосиф Аргутинский, происходивший от древней армянской княжеской фамилии. Сей Иосиф был человек весьма хитрый и пронырливый. Князь Потемкин употреблял его по части дипломатической азиатского кабинета, чему знание им восточных языков, положение земель азиатских, знание обстоятельств, а также природные дарования его немало способствовали. Он приобрел чрез то благорасположение князя и достиг пред кончиною его сана архиепископа. По смерти сего князя, пред началом войны с Персией, которая производилась под предводительством графа Валериана Зубова, родного брата любимца Екатерины II, князя Платона Зубова, Иосиф сделался необходимым в политических делах сей земли, как тамошний уроженец, имевший множество там родственников и знакомых и знавший его обстоятельства. По кончине императрицы и падении доверенности Зубовых, оставаясь в Петербурга, нашел он средство посвятить Павлу I одну книгу. Это было не что иное, как перевод армянской литургии и прочих молитв, сею церковью отправляемых, на российский язык. За точность оного я не отвечаю, скажу только, что обряды и молитвы в изданной им книге весьма сходствуют с отправляемыми греческою церковью. Цель же сего перевода была та, чтоб показать императору Павлу I удобство соединения веры армянской с греческою. Павел I легко проник в его намерение и так был тем доволен, что Иосиф сделался ему близок и, зная нрав сего государя, осмелился сделать ему весьма странное предложение, которое имело, однако же, желаемый успех. Именно: Иосиф привел некоторые доказательства того, что слово Артаксеркс

на сирском и Аргута на армянском означают долгорукого. А так как император Павел, хотя по женскому колену, происходит от роду князей Долгоруких, а он — Аргутинский, то, следовательно, оба они происходят от Артаксеркса. Кто бы мог подумать, что Павел не только принял сию мысль, но дал сему духовному и всем его родственникам фамилию и герб русских князей Долгоруковых, с прибавкою князь Аргутинский-Долгоруков. Родственники его, которых довольно в России и в Грузии, пользуются навсегда сим правом. Не довольствуясь тем, по кончине патриарха Великой Армении, Павел I употребил все способы, чтоб архиепископ князь Иосиф Аргутинский-Долгорукий возведен был на престол патриарший. По совершении сего отправился он на Кавказскую линию, как я уже о том упомянул, а оттуда в Грузию, с намерением ехать в Армению. Но неприятели его и партия персидская не оставили подозревать его в выше сказанном намерении, — ибо церковная утварь и одежды, им с собою привезенные, сходствовали несколько с греческими. В один день отправлял он литургию в соборной армянской церкви и пригласил к оной, а потом к своему обеду, всех знатнейших русских и грузинских чиновников. Во время обеда вдруг он так занемог, что принужден был выйти из-за стола и чрез пять дней скончался.

Кончина Павла I последовала чрез несколько недель после его. Итак, патриаршеский армянский престол оставался некоторое время праздным. Императору Александру I представлен был на утверждение в достоинстве патриарха архиепископ Давид, находившийся в Персии. Он, сделав о нем сношение свое с дворами персидским и турецким, его утвердил, на что и те были согласны. Но спустя несколько времени противные стороны представили императору, что выбор Давида был пристрастен и вовсе несправедлив, что большая часть духовенства и народа его не желают, а хотят все, чтоб на месте его был архиепископ Даниил, который находился тогда в России. Александр утвердил в другой раз Даниила, а утвержденного им прежде Давида объявил лжепатриархом. Порта Оттоманская, хотя после некоторых затруднений согласилась с желанием двора российского, но шах персидский никак не хотел признать Даниила. И Давид, уже посвященный патриархом, оставался в Персии признанным в своем достоинстве и пребывал в столичном своем монастыре в Эчмиадзине.

Даниил поехал в Константинополь, где принят был как патриарх. Но он не мог быть тем доволен и, дабы увеличить число преданных себе в Персии и чрез то свергнуть Давида, отправился оттуда в Анатолию, в турецкий город Карс, на границе Персии. Противник его, сведав о том, подкупил карского пашу, который его захватил и отослал к Давиду, а сей сбрил ему голову и бороду и заставил работать у себя на кухне.

Князь Цицианов был весьма рад, что все сии обстоятельства дают ему повод к началу войны с Персией. И потому стал он делать приготовления к осаде города Ганжи.

Я, состоя тогда правителем Грузии, употреблял свое время, сходно с данным мне предписанием, на гражданскую и военную должность. Поэтому одну неделю я находился в Тифлисе, другую же — в лагере моего полка, в 4-х милях от города.

Чума в Грузии

Слухи о появившейся в Грузии заразительной болезни доходили до меня и до князя Цицианова, но он никак не хотел тому верить. Посланные же для узнания медицинские чиновники в угодность ему подавали двусмысленные донесения. В один день по вечеру, находясь в моем лагере, получил я от него нарочного с предписанием, чтоб я по встретившимся весьма важным обстоятельствам немедленно прибыл в Тифлис. Притом он делал замечание, как осмелился я оставить город в такое важное время? Я не знал ни о какой важности, но в ту же минуту поехал и прибыл туда ночью, когда уже все спали.

Дежурный офицер, явившись, уведомил меня, что в городе оказалось моровое поветрие, что князь Цицианов велел запереть ворота и никого не выпускать. Между тем по просьбе родственников своих и знакомых позволил он коменданту выпустить некоторых тайно. Народ сведал о том и начал роптать, собираясь толпами на улицах. В то же время Антоний, патриарх грузинский, родной брат покойного царя Георгия XIII, просил его также о позволении выехать из города. Получив таковое, он в надежде на уважение, которое имеет к нему народ, поехал на линейке открыто за город. Толпа следовала за ним. Когда он приехал к воротам и начали ему отворять оные, тогда народ бросился, опрокинул караул, запер ворота и об-

ратил экипаж патриарха назад, крича: «Ты не имеешь ни жены, ни детей и не хочешь, однако, умирать с нами, обремененными семействами». Князь принял сие за явный бунт, велел поставить по всем улицам заряженные картечью пушки и удвоить караулы. Старшины народа пошли к нему с просьбой, но он велел забить их в колодки и содержать под стражей.

Поутру на другой день, готовясь ехать к нему и в присутствие губернского правления по моей обязанности, нашел я у себя на столе три пакета: один от полицмейстера, другой от инспектора врачебной управы, а третий от земского исправника. Все они были одного содержания и уведомляли меня, что в городе Тифлисе и окрестностях оного открылось моровое поветрие. Я поехал к князю Цицианову и донес ему о том. Но он с великим гневом сказал мне: «Это неправда и одна их пустая выдумка, чрез которую они приводят народ в смятение». Я пошел в присутствие и нашел там такие же три пакета от тех же лиц. Старший член предложил, чтоб секретарь, распечатав, прочитал их вслух. По окончании чтения спросили все о том моего мнения. Я взял сии бумаги, пошел и показал князю Цицианову, который так рассердился, что тут же послал за оными особами, велел их арестовать и посадить на гауптвахту. Но они сказали ему: «Вы можете взять наши шпаги, бумаг же своих мы не возьмем».

Причина нерасположения князя Цицианова

Когда я возвратился в присутствие, вице-губернатор подал мне бумагу, сказав: «Вот правило, которым должны мы руководствоваться в таком случае».

Это был манифест императрицы Екатерины, подтвержденный Павлом I и Александром, на предмет появления в какой-нибудь губернии подобного несчастия. В этом манифесте наряду с подробным указанием необходимых мер, какие в сем случае принимать предписывается, между прочим сказано: «Губернатор, в губернии которого появится моровое поветрие, должен немедленно донести о том сенату, сообщить во все соседственные губернии для принятия предосторожности, распустить судей, запереть присутственные места и остановить течение всякого рода дел. Буде же из каких-либо видов он того

не учинит, то подвергается жесточайшему наказанию (лишению чинов и орденов). А ежели члены правления о таком его поступке умолчат и не донесут сенату, то все без изъятия подвергнутся еще вящему наказанию». Мне не оставалось ничего более делать, как, написав о том донесение, послать в сенат с отправлявшеюся в тот же день почтой. Вот причина гонения князя Цицианова на меня до самой его кончины. Он не доносил о болезни императору и не намерен был того сделать, надеясь укротить свирепость сей болезни предполагаемыми им мерами. Это объясняется тем, что предосторожности от этой болезни давно были ему предписаны и суммы на учреждение карантинов были отпущены. Он же не успел привесть того в исполнение, как чума начала свирепствовать.

Присутственные места и вместе квартира князя Цицианова находились за городом, как я пред сим о том сказал. Возвратясь оттуда, нашел я все площади наполненными народом, который кричал и грозил употребить силу. Приблизившись к толпам, сказал я народу, чтобы он избрал двух или трех представителей и прислал ко мне. Я выслушаю их просьбу и непременно буду стараться удовлетворить их желание. Слова сии возымели свое действие. Народ разошелся, представители явились и объявили мне просьбу народа, которая состояла только в том, чтобы выпустить их из города. На сие отвечал я, что не могу сего сделать, не учинив надлежащего к тому распоряжения и не доложив наперед главнокомандующему. Впрочем просил их обождать и поехал прямо к нему.

Деятельность Тучкова во время чумы

Едва успел я выговорить, что должен выпустить жителей, как он закричал: «Что вы делаете? Они разнесут чуму по всей Грузии». — «Нет, — отвечал я ему, — меры против того уже мною предположены. Река Кура, протекающая в Тифлис, образует за городом большой остров, называемый Ортачала. Вам известно, что на оном большая часть обывателей имеет свои сады, время благоприятствует пребыванию там. Продовольствие жителей можно будет устроить при помощи лодок по правилам карантинным. Но что касается до самого выпуска, то от ворот до самой переправы на остров я расположу казац-

кие полки, дабы никто не мог удалиться в сторону. Выпуск последует по билетам в одни ворота, где будут собраны все медицинские чиновники и очищены ближайшие дома, в которых будут всех осматривать. Здоровые пойдут на остров; а которые хотя мало окажутся сомнительны, те останутся в городе. Медицинские чиновники в свое время должны будут посещать остров Ортачал. И если и затем покажутся у кого признаки сей болезни, тех отправлять на другой остров, неподалеку от оного находящийся».

Выслушав сие довольно терпеливо, сказал он мне: «Делайте, как вы находите лучшим, я даю вам полную власть и не буду в то мешаться. Но знайте, что все неприятные последствия останутся на вашей ответственности».

Я был весьма доволен его ответом, поехал в город и объявил все мною сказанное представителям, которые были еще больше меня обрадованы.

Тот же час приступлено было к распоряжению. Я приказал заготовить несколько тысяч билетов и собраться народу по частям к моему дому на другой день. Я сам раздавал билеты, в которых означалось число душ мужского и женского пола всякого хозяина дома. И три дня занимался тем от самого рассвета до глубокой ночи. Все меры осторожности, дабы не заразиться самому, были употреблены, и все происходило в довольном порядке. Но на третий день почувствовал я небольшой озноб, слабость в глазах и ногах; а сев за обед, лишился совсем вкуса, так что не мог различить сахар от соли. Не говоря о себе ничего, спросил я у случившегося при том лакея о сих признаках. Он отвечал мне, что это предвестие чумной болезни. Через час упал я со стула и меня в обмороке без чувств перенесли в особую комнату. Несколько часов был я в совершенном беспамятстве. По вечеру, уже придя в себя и открыв глаза, увидел я сидящего вдали князя Цицианова и почти всех чиновников. Я начал говорить. Лекарь, приблизившись ко мне с осторожностью, нашел меня в сильном жару. Все средства были употреблены, и я, на третий день освободившись от сего припадка, чувствовал только остатки слабости. Медики уверяли меня, что приступ чумы был не довольно силен и что, сверх того, скорым выздоровлением обязан я крепости моего сложения.

Итак, выпустив всех здоровых людей, остался я с больны-

ми, зараженными чумой, с полицией и медицинскими чиновниками в городе. Из них большая часть принесла в жертву жизнь, исполняя свою должность. Из прислуги моей умерло в три месяца только два человека, в городе же умирало от 10 по 40 человек каждый день.

Строго приказано было наведываться о вновь заболевающих. Но так как свирепствовали еще и другие болезни кроме чумы, то не только полиция, но иногда и медицинские чиновники, обманываясь вследствие поспешности, соединяли сих несчастных с чумными. И они делались чрез то жертвою иногда необходимых их ошибок. В предотвращение этого учредил я особый дом, под названием дом сомнительных. Всякого заболевшего приказано было проводить в оный, где лекаря, осмотря с прилежностью признаки их болезней, разделяли их на незаразительных и чумных. Это немало избавило людей от преждевременной смерти.

Нищие, которых довольно в Тифлисе, ходя везде и принимая все от подающих, размножали чуму. Для устранения этого я не имел почти никаких казенных сумм в моем распоряжении и потому принужден был сделать подписку. Собрав деньги, учредил я богадельню и запретил нищим бродить по улицам.

Свирепствовавшая в Грузия чума разделялась на три степени, которые все начинались горячкою с ознобом по временам. Первая, не столь опасная, состояла в бобонах или опухолях, появившихся под мышками и в пахах. Если больной имеет довольно силы к перенесению воспаления, причиняемого нарывом, и ежели оный дозреет и прорвется, то больной по большей части выздоравливал. Медики помогали этому пластырями, припарками и разрезыванием, так что больных только половина умирала, 2-я состояла из карбункулов, или небольших чирьев, появлявшихся в разных местах на теле. Хотя употребляли и на оные разные пластыри, но из 10 человек умирало по семи и более. 3-я, от которой ни один не выздоравливал, состояла в появлении по всему телу мелких черных и красных пятен. Степени прилипчивости не можно было определить: иные смело обращались с больными и ничего к ним не приставало; другие же, напротив, заражались почти без прикосновения. Я приведу здесь один весьма странный случай, достойный внимания медиков.

Странный случай

Должно сказать, что не все жители, кроме больных, вышли из Тифлиса; оставалась еще некоторая часть бедных людей, которые сами не хотели оставить город. В одну ночь обход моих гренадер нашел подкинутую, недавно рожденную девочку. Это было неподалеку от моего дома. Я дал кормить ребенка одной солдатке моего полка, муж которой был слесарем и почти с самого появления чумы не был на своей квартире, занимаясь в мастерской казенной работой. Жена его, кормившая своею грудью помянутого ребенка, чрез несколько недель умерла чумой. И так как жила она одна, то узнали о том лишь тогда, когда полицейский обход, проходя мимо ее хижины, стал стучать и, не получив никакого ответа, вошел в ее комнату. Найдя ее мертвою, крайне удивлены они были, увидя ребенка, сосавшего еще ее грудь. Люди сии, вытащив тело с нежною осторожностью, взяли ребенка, обмыли в уксусе, окурили и принесли ко мне. Сия бедная девочка несколько дней пробыла на моем дворе, где один старый солдат кормил ее рожком. Она была здорова, выросла, вышла замуж, живет и поныне, имея много детей.

Князь Цицианов, поручив мне начальствование над Грузией, пред наступлением осени пошел с войском осаждать персидский город Ганжу. Я должен был доставить ему все необходимое. Сверх того предписал он мне сделать заготовления для моего полка и других войск по дороге в Имеретию, которые, по взятии Ганжи, под начальством моим туда последуют.[9]

Взятие персидского города Ганжи

Между тем князь Цицианов, осадив персидский город Ганжу, предложил владельцу оного Жеван-хану такие жестокие условия, что он никак не мог согласиться на сдачу города. Я уже и прежде сказал, что он старался показать молодому императору Александру I воинские свои способности и для того искал кровопролития. Хотя Жеван-хан сам видел, что он не в состоянии противиться, но был столь оскорблен дерзким отзывом князя Цицианова, что решил лучше умереть, нежели предать себя его власти.

По некотором безуспешном действии устроенных пред городом батарей решил главнокомандующий предпринять штурм. Крепость Ганжинская окружена каменною стеною и рвом без правильной обороны: к тому же стены во многих местах от времени были разрушены. Хотя они и были поправлены наскоро, но непрочно.

В числе жителей почти половина состояла из армян, на которых, как на христиан, не мог хан много полагаться. Все способствовало начатому предприятию. Ночью город был взят, почти все жители истреблены, а Жеван-хан убит, сражаясь на стене.

Князь Цицианов не оставил тогда же меня о том уведомить. Я, поздравляя его с победой, поздравил вместе и с прекращением чумы в Тифлисе. Я донес ему, что жители после надлежащего очищения введены в их дома и что он без всякой опасности может с войском своим вступить в город.

Чрез несколько дней прибыл он в Тифлис. Холодный его прием обнаружил мне некоторое его неудовольствие. В тот же день он мне сообщил, что так как, по представлению его императору, назначенный на место мое правителем Грузии генерал-лейтенант князь Волконский имеет скоро прибыть, то чтобы я, сдав должность вице-губернатору статскому советнику Тарасову, выступил со вверенным мне полком на границу Имеретии. Там должен был я ожидать дальнейших его повелений и в то же время обратить внимание на исправление дорог, ведущих внутрь этой страны, и приготовить все, потребное к переходу чрез хребет гор, отделяющих сие государство от Грузии.

Итак, выступив в назначенный путь и дойдя до пограничного местечка Сурама, расположился я там, в ожидании его повелений.

Елизаветполь

Я должен сказать, что князь Цицианов, по взятии Ганжи, переименовал сей город в честь супруги Александра I Елизаветполем и сделал самое великолепное донесение о сем подвиге храбрости отличившихся при том чиновников и вообще всех, бывших на штурме. Он награжден был за то орденом св. Алек-

сандра, чиновники же разными орденскими знаками и чинами, а солдаты по рублю на человека. Но в то же время прочитал он в издаваемых ежедневно Высочайших приказах, что войска, бывшие в один день при разводе в Петербурге, за исправность получили также по рублю на человека. Цицианов столько был сим тронут, что имел дерзость представить императору просьбу, чтоб позволено было нижним чинам, бывшим при штурме Ганжи, на полученных ими рублях сделать скважины и на каких-нибудь ленточках носить их при мундирах в знак отличия от полученных другими за развод. Сей поступок его остался без ответа.

Он сделал также представление о чиновниках, участвовавших в прекращении чумы в Тифлисе. Все, начиная с митрополита и до последнего полицейского офицера, были награждены, исключая меня. Высшее же правительство не удостоило даже спросить, что же делал в сие время губернатор и где находился?

Обиды, причиняемые мне князем Цициановым, сим не кончились, как то можно будет увидеть из дальнейшего.

Чрез несколько недель по прибытии моем в Сурам появилось в оном моровое поветрие. Поэтому я, оставив город, расположился с полком моим в окрестных селениях, принял все меры предосторожности и донес о том князю Цицианову. Но и тут в одной деревне, занимаемой батальоном полковника Симоновича, открылась между жителями сия опасная болезнь и несколько человек из нижних чинов оною заразились. Тогда велел я помянутый батальон вывести в лагерь, хотя было то еще в исходе февраля месяца.

За несколько времени пред тем прибыл ко мне из Петербурга полковник князь Козловский. Он служил все время в гвардии и был уже полковником гвардии Преображенского полка. Но, наскучив там заниматься одними пустыми строями и желая испытать себя в войне, просился в Грузию с определением во вверенный мне гренадерский полк.

Кончина императора Павла I

Мы скоро познакомились и обрели взаимную доверенность. Поэтому в один день рассказал он одно обстоятельство, каса-

ющееся кончины императора Павла I, которое может быть немногим известно.

Я знал, что печальный конец сего государя известен всем россиянам и довольно верно сообщен свету некоторыми иностранными писателями. Но участвовал ли в заговоре против отца старший его сын, нынешний император Александр I, и согласен ли он был лишить его жизни? Многие еще сомневаются. Поэтому надеюсь я, что приводимое здесь справедливое повествование об этом происшествии может решить сей вопрос.

Все знают, что император Павел I был великий охотник до военных строев и каждый день оными занимался. При этом он наказывал, поощрял и награждал отличившихся. Хотя поступал он в сих случаях с великим своенравием, так что иногда наилучший строй привлекал его гнев и неудовольствие на чиновников, получавших за то выговоры и аресты, а нередко и другие важнейшие наказания; но за то в другое время терпел он ошибки и за весьма посредственно представленный строй награждал и осыпал благодарностью.

К чести сего государя можно сказать, что гнев его был всегда временный, а награды оставались навсегда. Это однако совсем противно правилам и характеру его наследника.

За день или, лучше сказать, за несколько часов до кончины Павла I полковник Козловский, бывший тогда капитаном гвардии, вместе с прочими, поутру, при разводе, представлял ему свою роту. И хотя она была в совершенной исправности, но император был недоволен и Козловский получил от него жестокий выговор с угрозами. Надобно сказать, что со времени Павла I и доныне в Петербурге гвардия выводит всегда в развод больше войска, нежели потребно для занятия караула во дворце. В присутствии императора начинает она ученье, по окончании которого излишние солдаты возвращаются в свои казармы. Офицеры же остаются до тех пор, пока назначенные для караула, исполняя заведенные в таком случае обряды, пойдут для занятия своих постов. При этом не вступающие в караул офицеры остаются зрителями и стоят особо. Во время сего последнего действия огорченный Козловский стоял с прочими. Александр, проходя мимо, сказал ему с веселым видом: «Здравствуй, князь! Отчего ты так скучен?» — Он отвечал ему с чувствительностью: «Как не быть скучному, когда мы упот-

ребляем всевозможное старание, чтоб угодить родителю вашему, но видим только неудовольствие его и гнев». Александр взял его за руку и сказал тихо: «Потерпи немного, потерпи, скоро все переменится». — После сих слов, отойдя несколько шагов, возвратился он к Козловскому и спросил его, знаком ли он с генералом графом Паленом.

Козловский отвечал, что знает его, как военного губернатора столицы. — «Этого не довольно, — продолжал Александр: — Я бы советовал вам короче с ним познакомиться, он в великой милости у государя».

Козловский, не ведая ни о чем, не знал, чему приписать сии слова. Но, возвратясь домой, нашел на столе билет от графа Палена, которым приглашает он его к себе на вечер и ужин. Удивление его увеличилось. Но, проснувшись того дня рано и утомясь ученьем, он лег отдохнуть после обеда. Пред вечером пришел к нему один из его приятелей, капитан гвардии, и спросил его, поедет ли он сегодня к гр. Палену. «Я имею от него билет, — отвечал Козловский, — но, признаюсь, что весьма не хочется мне туда ехать». — «Отчего ж?» — сказал ему капитан. — «Ты знаешь, — продолжал Козловский, — я не люблю больших собраний и знакомства с неравными мне». — «Как можно отказать такому знатному человеку? — возразил его приятель. — Знаешь ли ты, что чрез то можешь иметь много неприятностей?» — «Знаю, — отвечал он, — и потому, хотя и против желания, но должен буду ехать».

Собрание у графа Палена

В назначенный час Козловский прибыл в дом генерала Палена. Стоявший у дверей швейцар, рассмотрев с большим прилежанием его билет, дал знак, по которому вышел лакей и проводил его по лестнице. Войдя в комнаты, увидел он превеликое собрание генералов, полковников, штаб- и обер-офицеров и многих других чиновников, которые все были пьяны. Генерал Пален, лишь только его приметил, как закричал: «А, Козловский — ты должен поравняться с нами!» — И подлинно, несколько кубков шампанского вина поравняли его с прочими. Тут хозяин, взяв его за руку, повел в особую комнату, где увидел он на столе премножество разного оружия. При этом

сказал ему генерал Пален: «Знаешь ли ты, что мы сей ночью готовимся переменить участь России и низвергнуть с престола тирана? Выбирай себе оружие, которым ты лучше умеешь действовать». Козловский пришел от того в такое замешательство, что, не отвечая ничего, взял пару пистолетов и положил к себе за пазуху. «Осторожнее, — промолвил Пален: — они заряжены и слишком исправны». При сих словах вошли в комнату многие из заговорщиков и спрашивали его, как поступить им с императором? На это отвечал он им французской пословицей: «Quand on fait une omellette on casse les oeufs» («Когда делают яичницу, то бьют яйца»). К ужасу и сожалению, пословица сия в буквальном смысле совершилась с несчастным императором Павлом I.

Тут заговорщики разделены были на разные группы, в одну из которых причислен был Козловский. Все они пошли от генерала Палена разными улицами к Михайловскому замку.

Последствия сего известны свету. Остается мне сказать, что супруга Павла I, императрица Мария, и сын его Константин ничего этого не знали. Но что касается до Александра, то в ту же минуту, когда отец его окончил жизнь, все заговорщики пошли в известную им комнату, в том же замке находящуюся, тут нашли Александра, одетого в полный мундир, хотя было то уже далеко за полночь.* Они поздравили его императором, вышли с ним на главный двор замка, на котором собрано было несколько батальонов гвардии. Они также провозгласили его государем и учинили присягу. Павел I имел некоторое предвестие о заговоре против него, и для того послал он за генералом Аракчеевым, который тогда был удален от двора и жил в своей деревне. Но граф Пален, сведав о том, именем императора, как военный губернатор, дал приказ на все въезды не пропускать его в город. Это и было исполнено: ибо за несколько часов пред сим происшествием был он у заставы, и караульные не впускали его в город. Зная непостоянный характер Павла I, Аракчеев не был удивлен отменой приказания и поехал назад.

---

* Указание на активное участие Александра в заговоре, сделанное Тучковым со слов князя Козловского, не сходится с показаниями Саблукова и особенно князя Чарторыйского, который в своих записках опровергает это обвинение. Вообще к отзывам Тучкова об императоре Александре, к которому, как видно, он относился недоброжелательно, следует относиться с осторожностью. — *Ред.*

Но если бы сего не было и он успел бы прибыть в Петербург, то по ужасному его жестокосердию он не пощадил бы не только всех заговорщиков, но и самого Александра. Однако ж достойно примечания то, что по вступлении его на трон знатнейшие из заговорщиков, как-то: два брата графы Зубовы, генерал Талызин и многие другие скоро умерли, почти скоропостижно. Аракчеев же сделался у него в великой доверенности, которая и по сие время продолжается.

Поход в Имеретию

С наступлением весны князь Цицианов прислал ко мне повеление выступить со вверенным мне полком из настоящего расположения и стать лагерем при деревне Али, на границе Имеретии. Близ этой деревни идет довольно большая дорога, ведущая в сию землю. Так как заразительная болезнь в батальоне полковника Симоновича прекратилась, то, соединив все три батальона, расположился я на берегу реки Куры при помянутой деревне. Находясь там, узнал я, что четыре батальона егерей пришли в Сурам, о чем князь Цицианов не уведомил меня, равно как и о поездке своей в Имеретию. Но проезжая туда, должен он был ночевать в одной деревне, неподалеку от моего лагеря. Я, сведав о том, послал ему почетный караул и приехал сам к нему с начальниками батальонов. Он принял нас с большою холодностью и на другой день весьма рано отправился в Сурам, где, взяв егерские батальоны, вступил с оными в пределы Имеретии.

Через три дня получил я от него повеление отрядить один батальон под начальством надежного чиновника в Имеретию. При этом я должен предписать этому чиновнику, чтоб он, по вступлении своем туда, старался приводить жителей к присяге на верность и подданство императору Российскому. Буде же встретит он какое-либо препятствие, немедленно донес бы мне, а я, вступив туда с оставшимися двумя батальонами, принудил бы их к тому силою оружия.

Я послал туда полковника Козловского с его батальоном, от которого на другой день получил донесение, что два больших селения добровольно учинили присягу и что он ожидает того же и от прочих. Но в тот же день прибыл ко мне нароч-

ный от князя Цицианова с уведомлением, что царь имеретинский присягнул на подданство, и чтобы я поэтому возвратил к полку своему отряженный на сей предмет батальон. Это и было тогда же исполнено.

Возвратясь из Имеретии и остановясь в городе Гори, князь Цицианов приказал мне прибыть к нему. Он принял меня весьма ласково, рассказал о делах Имеретии и о намерении своем идти в Персию и овладеть городом Эриванью. При этом прибавил, что, устрашенные судьбою города Ганжи, персияне его боятся. В доказательство этого показал он мне письмо эриванского хана, которым уведомляет он, что по прибытии его с войском готов он отворить ему ворота и сдать город. Разговор сей кончился тем, что он предложил мне принять на себя должность министра при дворах имеретинском и мингрельском. Но так как сии государства находятся в войне друг с другом, то я должен стараться их проверить, определить между обоими демаркационную линию, чтоб без воли Российского правительства ни та, ни другая держава не могла оную преступать. И наконец я должен найти средства завладеть турецкою крепостью Поти, лежащею на Черном море, не охлаждая, однако ж, союза между двором российским и Портою Оттоманской.

Для этого должно мне сдать полк старшему по себе, взять из оного на выбор 20 гренадер, одного штаб- и 2-х обер-офицеров, для составления почетного караула и моей свиты, и получить от него пять тысяч рублей и драгоценный кинжал для подкупа потинского паши. Ежели ж средство сие не удастся, то чтоб я выпросил у паши позволение расположиться гренадерам моим в крепости. Они же пусть завяжут дружбу с янычарами (несмотря на то, что ни один из них не знал по-турецки), уговорить их под предлогом прогулки выйти из крепости, а самим в это время занять оную. Или уговорить пашу ехать с собою на охоту и предложить, чтоб он янычар своих взял с собою, а самому с гренадерами поспешить овладеть крепостью. Буде же и то не удастся, то возмутить народы имеретинский и мингрельский и, соединясь с ними, напасть на упомянутую крепость и взять силою оружия. Когда же Порта Оттоманская будет спрашивать у меня о причине такового поступка, то ответствовать, что я, преследуя хищническую лезгинскую партию, нашел крепость оставленною и потому занял ее, оста-

вить же оную не могу без воли высшего правительства.

Удивительно покажется всякому, что сии нелепые предприятия и наставления присланы были князю Цицианову от министерства российского. А еще удивительнее, что он, будучи действительно прежде человеком умным и зная все обстоятельства, мог дать мне на то повеление! Если бы я и мои гренадеры имели все способности самого Магомета, то в нынешние времена не могли бы в том успеть.

Не оставалось для меня ничего больше, как только сказаться больным. Итак, исполнив сие, поручил я начальство над моим полком старшему по мне полковнику кн. Козловскому.

По прибытии своем в Тифлис князь Цицианов прислал повеление моему полку следовать и расположиться лагерем поблизости сего города. Итак я, оставаясь один в пограничной деревне Али, написал к нему письмо, прося позволения приехать в Тифлис для пользования себя у тамошних медиков. Он согласился на сие. Но так как болезнь моя довольно долго продолжалась, то и послан был на место меня в Имеретию статский советник Литвинов совсем с иными поручениями, как я о том узнал после.

Поход в Персию

Оправившись от болезни, принял я начальство над моим полком, которому в тот же день велено было выступать и следовать в пределы Персии. Князь Цицианов, послав полк мой вперед, сам с корпусом, состоящим из одного драгунского полка, 8 батальонов пехоты, двух казачьих полков и до трех тысяч конновооруженных грузин, выступил тремя днями после. Таким образом я находился всегда за три перехода впереди его, чего никогда не делается ни с каким авангардом. Он не дал мне нисколько конницы и даже казаков для открытия, и притом не сделал никаких наставлений. Я даже не знал, как поступить мне, когда я встречу персидские войска, поелику явного разрыва с сею державою и манифеста о войне не было. Все его повеление состояло только в том, чтобы я, дойдя до соединения реки Арпачая с рекою Залгой, ожидал там его прибытия с корпусом.

Через два перехода вступил я в пределы древней Армении.

Все представляло там необитаемую пустыню; разоренные замки, церкви, селения представляли жалкий вид великого опустошения и с давних времен забвения. Земля сия наполнена высокими и каменистыми горами, соединяющимися с отраслями Кавказа и Арарата. Между ними раскинулись пространные и, как видно, довольно плодородные, никем не занимаемые долины. Два каменных моста, чрез которые случилось мне переходить, устоявшие против насилия народов и времени, заслуживают внимания путешественников. Один на реке Кше, а другой на Алгете. Первый построен из тесаного гранита, а другой из мрамора. Построение сего последнего приписывают великому Помпею.

Я шел пять дней, не встречая никого на пути моем, кроме диких зверей. В шестой день, остановясь для отдохновления с лагерем на высоких горах Армении, приметил я разъезжающих вдали двух человек верхом. Они, казалось, хотели приблизиться к нам, но чего-то опасались. Я приказал делать им разные знаки, по которым они, осмелясь, приехали ко мне. Это были два грузинских татарина, посланные разведать о приближении моего полка от генерал-майора Леонтьева, стоявшего с двумя батальонами в провинции Козахской на границе персидской. Они подали мне от него маленькую записку, в которой уведомляет он, что предписано ему соединиться с моим полком, но он не знает, скоро ли он прибудет. Притом со всех сторон окружен он неприятелем и не может оставить крепкого места, в горах им занимаемого, до моего приближения. Чрез сих же татар уведомил я его, где нахожусь и когда могу с ним соединиться. На другом переходе встретили меня три присланных им казака с подробнейшими уведомлениями о его положении.

Соединение наше долженствовало быть при реке Арпачае, где назначено мне было ожидать прибытия главнокомандующего. Итак, чрез два перехода спускаясь с высоких гор на пространную долину, орошаемую небольшою рекою Арпачаем, приметил я в горах палатки генерала Леонтьева. Я подал ему знак тремя пушечными выстрелами, после которых палаток не стало уже видно. Но персидская конница рассыпалась по всей равнине и, подъезжая поодиночке довольно близко, смотрела на мой поход. Они видели, что у меня нет ни одного кавалериста, и потому были так смелы. Я, устроя каре, с музыкой и ба-

рабанным боем шел на назначенное мне место. И когда начал я занимать лагерь, то персияне меня оставили, не сделав ни одного выстрела. Скоро услышал я барабаны генерала Леонтьева, и он часа через три соединился со мною, имея с собою два батальона пехоты, 4 пушки, 70 казаков и до 100 человек вооруженных конных армян, которые были слугами двух находящихся при нем армянских архиепископов.

Расположившись оборонительным лагерем, принуждены мы были составить военный совет, что в таком случае предпринять? Число находящегося против нас войска было нам неизвестно, равно и намерения оного. При том оба мы не имели никаких повелений от князя Цицианова на счет военных действий. Прибывший же в наш лагерь архиерей объявил мне, что семь тысяч армянских семейств, удалившихся из Персии, дабы поселиться в Грузии и вступить в подданство России, находятся не в далеком от нас расстоянии, что видимый нами корпус персидского войска пришел их возвратить или всех истребить. И это неминуемо последует, если мы замедлим их защитить.

Лишь только поставлены были из казаков и армян передовые посты, как персияне, сыскав таковые же отряды, поставили против оных, на расстоянии пушечного выстрела. Я приказал своим отступить несколько к лагерю, а персияне приблизились. Тогда на известном расстоянии, подкрепив слабые мои конные отделения отрядами пеших стрелков, велел я конным начать пальбу. Персияне начали с нами перестреливаться. Наши, отступая, наводили их на пешие отряды, что продолжалось до самой ночи, почти без всякого урона с нашей стороны. Во время сего действия прискакал из персидского лагеря и спасся от преследования вплавь через реку один давно захваченный пленный грузин. Он объявил, что видимое нами войско состоит из восьми тысяч отборной персидской конницы, под начальством шаха Зады то есть старшего сына и наследника персидского императора Баба-хана, или Фет-Али-хана. Сам же он служил при нем в должности кафеджи, то есть кафешенка, и захотел воспользоваться прибытием войск наших, чтоб освободиться из неволи и возвратиться в свое отечество.

Сообразив сии обстоятельства, решился я атаковать неприятеля на другой день поутру и для того в ночь устроил на лагерном моем месте вагенбург. Оставив для прикрытия оного

четыреста человек пехоты, при двух орудиях большого калибра, с рассветом дня выступил я двумя колоннами, имея 1200 человек пехоты, и пушки, и помянутую выше конницу. Первая колонна шла слева, а вторая справа, и конец первой равнялся в некотором расстоянии с головою второй. Сей простой маневр весьма полезен против азиатских войск.

Лишь только персияне приметили мое движение, как, оставив свой лагерь, заняли лежащие на пути моем высоты. Потом, бросившись с них с великою поспешностью, окружили меня со всех сторон. Но скорое построение из колонн двух каре в положение перекрестных выстрелов, и картечных и ружейных, очень скоро их опрокинуло. Они отступали, собирались, нападали, ретировались и так водили меня с места на место, до самого вечера. Я не имел конницы и потому не мог их преследовать. Одни только пушки заставляли их часто отступать. Наконец, остановился я на одной горе, а персияне против меня на другой. Между сих гор была довольно пространная и глубокая лощина, по которой текла небольшая речка. Необходимость воды для обоих войск поддерживала перестрелку; но сие не решило бы ничего, если б не был посредине небольшой курган, никем не занятый. Я приметил, что неприятель, собираясь за оным почти поодиночке, небольшими толпами проезжал вправо, вниз по лощине, неизвестно куда, и назад не возвращался. Дабы открыть причину такового его движения, послал я к помянутому кургану отряд казаков. Неприятель, увидя сие, отделил против них сильный отряд конницы. Я подкрепил моих казаков пехотой при одной пушке. Персияне же обратились всею своею силой на сие отделение, тогда и я с обоими каре спустился вниз. Несколько минут продолжалось сражение, как увидал я, что мимо кургана идет дорога чрез узкий дефиле к их лагерю, который с сей точки был у меня в виду. Поэтому поспешил я прежде их вступить в сие дефиле, окруженное превысокими, утесистыми горами. Тщетно покушалась, по справедливости сказать, славная их конница пробиться сквозь два каре, идущие один за другим прямо на их лагерь. Боковые фасы шли от гор в расстоянии пистолетного выстрела, и потому не было возможности проехать мимо. Итак, решились они, поднявшись на высоты, упредить меня объездом. Но горы были слишком круты и объезд дален. Невзирая на то, взобрались они на оные и почти в одно со мною время прибыли к лагерю. Однако же

успел я на одном из двух построить одно продолговатое каре и тем занять всю средину лагеря. Трикратно начинали они сильную атаку, но каждый раз были опрокинуты. Наступившая темная ночь прекратила сражение. Неприятель ретировался, оставя нам в добычу весь свой лагерь, до ста человек пленными, 20 армянских семейств, у них в плену находившихся, множество лошадей, скота и разных военных запасов.

Я ночевал в их лагере и на другой день поутру приметил приближающийся к оному неприятельский отряд. Быв окружен посланным от меня войском, он был взят в плен и состоял из одного чиновника и 150 человек рядовых.

Исполняя повеления начальника моего ожидать его прибытия при соединении рек Арпачая и Залги, возвратился я к моему вагенбургу и стал в предписанном положении. Князь Цицианов, услышав сильную пушечную пальбу, целый день продолжавшуюся, крайне был встревожен моим положением, а еще более потому, что в тот день ни один из посланных им не мог ко мне доехать, так как я со всех сторон окружен был персидской конницей. Полученное от меня донесение о поражении неприятеля его успокоило.

Надобно сказать, что пред сим сделал он на меня представление императору, что я ослушался его повеления и не поехал для министерского поручения в Имеретию, а самовольно с полком своим пошел под Эривань. Но сие представление отправлено было по обыкновенной почте. Донесение же о моей победе послано было с нарочным, прибывшим в то время из Петербурга. Поэтому то и другое пришло почти в одно время. И я за сие сражение получил только одну благодарность от императора.

На третий день главный корпус соединился с моим отрядом. Князь Цицианов разделил все войско на три части: авангард поручил он генерал-майору Портнягину, всю пехоту и артиллерию мне, а арьергард генералу Леонтьеву.

В сем порядке продолжали мы свой поход по необитаемым местам несколько дней, не встречая нигде неприятеля. Знаменитая гора Арарат открылась взору нашему. Не доходя пяти миль до лежащего при подошве ее армянского монастыря, именуемого Эчмиадзин*, остановились мы для дневки. Князь

* Эчмиадзин — древний армянский монастырь в Эриванской губернии, местопребывание католикоса, епископа всех армян.

Цицианов собрав к себе генералов, сказал нам: «Завтра будем мы иметь весьма трудный поход. Пять миль по высоким и каменистым горам должны мы сделать в один день; при сильных жарах на пути нашем нет ни одного источника, поэтому прикажите запастись водою. Трудно нам будет, но зато отдохнем на другой день. В Эчмиадзинском монастыре осталось только три монаха. Я займу дом патриарха. Гг. генералы поместитесь в архиерейских, а солдаты в кельях. Говорят, что их такое множество, что достаточно будет для всего нашего корпуса».

Не доходя двух с половиной миль до монастыря, надлежало нам спускаться с гор на пространную целину, орошаемую реками Залгой и Араксом и составляющую славную плодородием своим Эриванскую провинцию. Но по справедливости сказать можно, что она славна больше трудолюбием своих обитателей, нежели благодетельностью природы. Сия провинция состоит из равнины, окруженной с севера так называемыми Гесабускими горами, чрез которые мы шли; с полудня горою Араратом с не весьма возвышенною цепью гор, соединяющихся разными отраслями с Кавказом и рекою Араксом; с востока так называемыми Кизицкими, или Козахскими, горами, составляющими границу Грузии, а с запада рекою Арпачаем, отделяющей Анатолию от Персии.

Лесов здесь вовсе нет, исключая находящихся в городе, принадлежащих сему владению. Почва покрыта тонким слоем шафровой породы камня, растрескавшегося в мелкие четвероугольники, из расселин которого произрастает одна простая полынь Absintium Vulgare. С начала апреля месяца до октября никогда не бывает здесь дождя. Это обстоятельство приписывают высоким горам, оную с трех сторон окружающими. Но жители нашли средство завести прекраснейшие в свете сады и обогащать себя обильным произрастанием пшеницы, сорочинского пшена, хлопчатой бумаги и шелководства. Для сего с давних времен сделали они большое водохранилище, весьма искусно каменными плотинами и стенами укрепленное. Оно находится в части гор Кизикских, им принадлежащих, при урочище Кирх-булак, что значит сорок источников. И в самом деле множество источников природою и искусством там соединены. Вода удерживается и скопляется, а в потребном случае открываются шлюзы и все равнины сей провинции покрываются водою. На них растет сорочинское пшено и хлопчатая бумага,

прочие же произведения наводняются по мер потребности. Со всем тем все ровные места несколько раз в лето покрыты бывают стоячею водою, отчего воздух при жестокой жаре становится весьма тяготителен для людей и заводится множество ядовитых насекомых, как-то: тарантулов, скорпионов, фаланг или скорпионов-пауков и проч.

По сей причине все жители в летнее время оставляют селения, в низменных местах находящиеся, и удаляются в горы, так что почти всегда в сей провинции находится по два селения одного названия: одно в горах, а другое в долинах, где живут они во время зимы.

Персияне знали задолго о прибытии нашем и успели дать шлюзам своим другое направление, и провинция не была наводнена. За то, кроме реки Залги и колодезей в Эчмиадзинском монастырье почти нигде не было воды.

Не доходя с милю до помянутого монастыря, войско наше весьма ослабело, переходя при сильных жарах покрытые каменьями довольно крутые и высокие возвышения и претерпевая недостаток в воде. В сие время услышали мы в Эчмиадзинском монастыре колокольный звон, что было пред вечером. Князь Цицианов сказал мне: «Нас готовятся встречать со крестом». И с авангардом, состоящим из драгун, казаков, батальона егерей и двух легких пушек, поспешил он к монастырю.

Но едва потеряли мы их из вида, как услышали ружейную пальбу. И посланный за посланным приезжали ко мне от главнокомандующего с повелением, чтоб я как можно скорее поспешил прибыть с пехотой и артиллерией.

Пред захождением солнца прибыл я к монастырю и соединился с авангардом, имея при знаменах полков не более как по 80 и по 100 человек, прочие же от изнурения лежали по дороге. Арьергард же едва прибыл на другой день.

Эчмиадзинский монастырь, о котором буду я иметь случай говорить впоследствии, окружен высокими каменными стенами из тесового гранита, украшенного по местам мрамором. Он занят был тогда персиянами, которые, по приближении нашего авангарда, открыли пальбу.

При нем на одном небольшом канале находилась мельница на возвышенном месте, а пред нею на камнях башня. И в тот вечер не была она еще занята неприятелем. В окрестностях сего главного монастыря находятся еще четыре, не столь об-

ширные, отстоящие от него в расстоянии от 4-х до 5 верст. Но монастыри сии были тогда пусты.

Князь Цицианов расположил войско свое лагерем в одну линию, правым флангом к главному монастырю, расстояньем от оного на пушечный выстрел. И в ту же ночь он дал повеление готовиться с рассветом дня штурмовать монастырь. Для сего назначены были два батальона гренадер, один моего полка и один, составленный из гренадер Саратовского и Тифлисского полков, и один полк егерей. Но не только не было приготовлено лестниц, но даже не сделано было никакого рекогносцирования.

На другой день, едва начало рассветать, главнокомандующий прислал сказать мне, чтоб пехота, назначенная на штурм, выходила, а прочие были бы в готовности. Лишь только приступил я к исполнению сего повеления, как увидел со стороны скачущих наших казаков с передовых постов с известием, что персияне со всех сторон идут нас атаковать. И подлинно не замедлили мы открыть вдали многие неприятельские колонны, поспешающие к нашему лагерю.

Так как отряд, приготовленный к штурму, был выведен на место прежде других, то князь Цицианов взял его и пошел вперед против неприятеля, не дав мне никакого повеления.

Оставшись начальником, устроил я войско свое в боевой порядок следующим образом. Два батальона гренадер моего полка составили каре на правом фланге. Два батальона пехоты под начальством генерала Леонтьева устроили каре на левом фланге, драгунский полк я поставил в линию между обоими каре, а батальон Саратовского полка, находившийся в арьергарде и едва пришедший по отбытии уже князя Цицианова, составил каре позади линии. Наличным же караулам преподано было собирать повозки и строить из оных вагенбург между линией и задним каре.

Едва только приступили к строению вагенбурга и не сняли еще палаток, как главнокомандующий, попав с отрядом своим между двумя малыми монастырями, которые персияне успели занять, и будучи с трех сторон окружен неприятелем, прислал ко мне, чтоб я немедленно отправил к нему в помощь Драгунский полк, что и было исполнено. Вслед за сим прибыл другой от него посланный, дабы я отрядил генерала Леонтьева с его каре, влево к находящемуся пред линией небольшому

монастырю расстоянием версты в четыре. Лишь только выступил Леонтьев, как третий посланный приехал с приказанием, чтоб я с моими гренадерами поспешил к нему. Едва тронулся я с места, как, наконец, четвертый, подполковник Чуйко, правящий должность генерал-квартирмейстера, прискакал ко мне сказать именем главнокомандующего, чтоб я к нему не шел, а обратился вправо и занял позицию между главным монастырем и мельницей. И так пошел я туда, оставив лагерь и обоз не убранными; а для прикрытия его остался всего только один батальон пехоты. Но так как монастырь и мельница заняты были неприятелем, то и принужден я был очистить мельницу, чтоб иметь по крайней мере хотя с одной стороны точку опоры. Мельница скоро была занята моими, и я расположился на показанном мне месте, где не замедлил открыть большую неприятельскую колонну, идущую мимо меня. Не зная точного направления оной, начал я действовать из пушек, чем принудил неприятеля удалиться на расстояние вне пушечных выстрелов. Но с высоты, занимаемой мельницей, приметил я, что сия колонна, равно как другая таковая же, прошедшая мимо отряда генерала Леонтьева, и еще третья сзади устремились все на наш лагерь. Тут едва успел я подоспеть к спасению оного, ибо персияне были уже между наших палаток. Я приказал ударить в штыки и при помощи остававшегося там батальона прогнал их из лагеря. Между тем успели они взять всех пленных и несколько палаток. Впрочем, денежная казна, стоянки главнокомандующего и других генералов, провиант и запас военных снарядов были сохранены.

Собрав палатки и построив вагенбург, оставил я в оном вышеупомянутый батальон с тремя пушками, а сам с каре моим занял высоту, находившуюся на правом фланге того места, где была наша линия. Оттуда мог я видеть все направления неприятельских колонн. В сие время князь Цицианов оказался столь окруженным неприятелем, что до самого конца сражения не получал я больше от него никаких повелений.

Персияне в сем месте не замедлили сильно атаковать меня своею конницею со всех четырех сторон. Должно представить себе здесь всю быстроту их кавалерии, в числе по крайней мере в шесть раз превышающем мой отряд. Они скакали во всю прыть при беспрерывной пальбе из коротких своих ружей и сопровождали стрельбу ужаснейшим криком. Можно сказать,

что земля тряслась от топота, а пыль, подобно густой и мрачной туче, затмила совсем сияние солнца. Но картечные выстрелы наших 6-пудовых единорогов и успешное действие мелкого оружия скоро рассеяли сие страшное зрелище. Неприятель отступил с уроном, а у меня ранено только 10 человек рядовых.

Потом выдержал я еще два подобных нападения, но успехи неприятеля всякий раз были слабые. Несколько часов провели мы спокойно, как пред наступлением вечера увидел я большую колонну с знаменами впереди, скачущую прямо к моему каре. Я почел сперва всех за неприятелей и приготовился встретить картечными выстрелами. Но с приближением их я рассмотрел, что это были знамена и литавры нашего Драгунского полка с обыкновенным их прикрытием, отрезанные и преследуемые неприятельскою конницею. Тут удалось мне воспользоваться местоположением. Они скакали подле одной довольно глубокой лощины, простирающейся до моего каре, почему и послал я в оную отряд надежных стрелков. Неприятель не мог приметить сего движения и открыл их только тогда, когда они, пропустив драгун, начали по ним стрелять с большим успехом. Сия неожиданность обратила персиян назад. И знамена с их прикрытием успели между тем вступить в каре.

Пред наступлением ночи увидели мы отступающим нашего главнокомандующего с бывшим при нем отрядом. Он пробился сквозь неприятельские силы и ретировался, отстреливаясь. А персияне, следуя в некотором расстоянии за ним, при играния на трубах стреляли ему в тыл. Положение места позволило мне поставить на одно возвышение 4 $^{1}/_{2}$-пудовых единорога и, пропустив своих, начать пальбу по неприятелю. Это его остановило, и тем кончилось сражение.

Князь Цицианов, приближаясь к одному ручейку, стал при оном лагерем и устроил каре, в которое вступил я, по его повелению, составив из отряда моего правый фланг оного. Когда я прибыл к нему, то сказал он мне: «Я бы должен был вас благодарить за то, что вы спасли пользу государственную и имущество всех нас; но вы в продолжение всего сражения действовали самовольно, оставив пост, на котором приказано было вам находиться. Вы счастливы тем, что вам удалось исполнить полезное дело; а если б последовала малейшая неудача, то подверглись бы вы строгой ответственности». Тщетно возразил я

ему, что в продолжение всего сражения не получал я от него никаких повелений и не имел способа посылать к нему с донесениями о действиях неприятеля, а потому и решил действовать по собственному усмотрению. Он не оставил, однако ж, точно в таком виде представить о том государю, что стало началом его ко мне неблагорасположения, которое он оказывал во всех случаях. Этого я сперва не мог заметить, полагая причиною принижения заслуг моих тайные замечания князя Цицианова на мой счет, внушаемые государю. Но я узнал впоследствии, что император Александр точно почитает вредным и даже опасным свойством решительность подчиненного генерала, а особенно ежели приметит притом некоторые его способности, какими бы успехами ни была эта решительность сопровождаема, и он лучше терпит урон от беспрекословного повиновения, нежели выгоды от решительности. Сие правило распространяет он и на главнокомандующих. И только в одно время, когда Наполеон начал уже приближаться к Москве, предоставил он свободу генералам действовать решительно, а сам не мешался ни в какие распоряжения, доколе французская армия не была уже за пределами России. Тогда явился он, возобновил всегдашнюю свою систему и все строгие взыскания за всякие мелочи, до пуговок, крючков и тому подобного относящиеся.

Глава 12

СРАЖЕНИЕ С ПЕРСАМИ. — ОСАДА ЭРИВАНИ. — ГИБЕЛЬ ПОДПОЛКОВНИКА МОНТРЕЗОРА. — СНЯТИЕ ОСАДЫ. — ЭЧМИАДЗИНСКИЙ МОНАСТЫРЬ. — СОКРОВИЩА ЭЧМИАДЗИНА. — ОТСТУПЛЕНИЕ. — УСМИРЕНИЕ КАВКАЗСКИХ ГОРЦЕВ. — ОТСТАВКА ТУЧКОВА. — ПОЛКОВНИК КАРЯГИН. — ЗАХВАТ ЭЧМИАДЗИНСКИХ СОКРОВИЩ. — СЧЕТЫ ПО СДАЧЕ ПОЛКА. — ПОХОД КНЯЗЯ ЦИЦИАНОВА ПРОТИВ Г. БАКУ. — ГИБЕЛЬ КНЯЗЯ ЦИЦИАНОВА. — ОТЪЕЗД ТУЧКОВА ИЗ ГРУЗИИ.

Сражение с персами

После сего сражения, на другой день, весьма рано персияне атаковали нас со всех сторон. Сражение продолжалось до самой ночи. Мы стали неподвижно в каре, имея внутри оного

слабую нашу конницу. Они перестреливались с нами на дальнем расстоянии, так что едва их ружейные пули могли достигать к нам почти без вреда. Артиллерия наша редко имела случай действовать, потому что они сгущенными толпами старались не приближаться на пушечный выстрел, а продолжали перестрелку рассыпавшись. Одна их конная артиллерия (если только можно так назвать фальконеты, возимые на верблюдах) иногда нам вредила. Но она не могла долго держаться против наших батарей. Легкой или заменяющей конную артиллерию у персиян являются продолженные фальконеты, по большей части железные, от 1 до 2 фунтов калибра, из которых стреляют они свинцовыми ядрами. На седле верблюда передняя лука сделана из весьма толстого дерева, укрепленного со всех сторон железом. Посредине ее находится скважина, в которую вставляется железный стержень, раздвоенный вверху, и пушка утверждена запорами своими посредине оного так, как обыкновенно утверждают фальконеты на корабельных бортах. Ее можно оборачивать во все стороны, возвышать и опускать дуло. При каждом седле утверждено маленькое красное знамя, по сторонам кожаные сумы с зарядами, а на седле канонир, имеющий в руках пальник и прочую принадлежность. Они обыкновенно по нескольку десятков следуют один за другим в один ряд, довольно скоро занимают назначенные им места. Когда остановятся, то канониры дергают своих верблюдов за особые шнуры, при уздах укрепленные, отчего все верблюды ложатся на землю, подогнув ноги под брюхо. Тогда канониры с них сходят, ложатся за верблюдами, заряжают свои пушки и действуют.

Сии животные довольно стойко выдерживают пушечные ядра, так что если убьют одного верблюда, другой, находящийся подле его, остается неподвижным. Но гранаты весьма их пугают, и нередко случалось, что от одной удачно пущенной гранаты целая такая батарея рассеивалась по всему полю, оставя своих канониров на месте.

С наступлением ночи неприятель нас оставил в покое. Но затем на другой день пред рассветом атаковал он в третий раз. Около шести часов утра приметили мы, что вода в находившемся близ нашего лагеря ручье совсем исчезла. Персияне вверху оного, при мельнице, что близ главного монастыря, сделали плотику, заперли воду и поставили в том месте батарею о

трех небольших пушках. Во время жесточайшей жары войско наше целый день было без воды. Сражение по обыкновению продолжалось до самой ночи, с наступлением которой неприятель пошел в свой лагерь.

В сию ночь князь Цицианов не принял никаких мер, дабы помочь изнуренному жаждой его войску. С наступлением дня, как персияне опять нас атаковали, хотя они привезли с собою две большие пушки, но действие их столь было худо, что ни одно ядро не могло попасть в наше каре. В шесть часов пополудни войско наше, томимое жаждой, начало выходить из послушания. Несколько человек гренадеров моего полка, составлявшего правый фланг, вышли из линии и пошли вперед. Я догнал их и спросил: «Куда вы идете?» — «За водой», — отвечали они мне. Тут пришло мне в мысль происшествие, недавно случившееся в отряде полковника Карягина. Он был атакован персиянами между Ганжей и Шушей, терпел в провианте великий недостаток. Поручик вверенного ему егерского полка, а именно Носенко-Белецкий, командовавший ротой, в которой находилось тогда не более 80 человек, получив от полковника приказание занять одну высоту бывшую впереди, вышел из линии, пошел прямо и отдался со всей своей ротой неприятелю. Там приняли его с великими выгодами. К несчастью, происшествие сие не могло быть скрыто в нашем войске и известно было каждому солдату. Чего ж не можно было ожидать при такой крепости и от всего нашего корпуса? На ответ «за водой» сказал я моим гренадерам: «Так ли ходят за водой?» — «А как же?» — возразили они. — «Постройтесь в колонну, — отвечал я им. — Вас мало, я прибавлю еще людей, офицеров, барабанщиков и сам укажу вам дорогу». При сих словах выступившие из линии, коих было до 150 человек, остановились. Я построил их в колонну, прибавил еще одну с капитаном и офицерами и велел штурмовать батарею и разрыть плотину. Стоявший подле меня полковник егерского полка присоединил ко мне еще две роты егерей. Князь Цицианов, подъехав ко мне, закричал: «Кто послал за водой?» — «Я», — отвечал я ему. — «Как осмелились вы повелевать в моем присутствии?» Подъехав к нему поближе, сказал я ему: «Солдаты вышли уже из повиновения, и прежде нежели мог бы я вам о том донести, все войско легко могло бы последовать сему примеру. Сверх того неизвестно, с каким намерением может быть и все двину-

лись бы вперед. Поэтому решился я поступить повелительно в присутствии вашем и готов за то ответствовать по всей строгости; но знаю, что спасаю тем целость всего корпуса». Тут переменил он голос и начал мне при всех давать выговор, для чего я не так распорядился при сей командировке и для чего не придал к сему отряду несколько конницы, которая, однако ж, не была под моим начальством. И он приказал тотчас двум эскадронам драгун и одному полку казаков следовать туда же.

Неприятельская батарея скоро была взята, но пушки успели персияне увезти. Плотина была разрыта, и войско получило воду. Не сомневаюсь я, что сей поступок мой представлен был императору слишком решительным.

В сей день персияне ранее обыкновенного окончили сражение и на другой день нас не атаковали. Поутру, после развода, весь генералитет и штаб-офицеры собрались к главнокомандующему. Рассуждали о действиях и намерении неприятеля, всякий предлагал свое. А я, с моей стороны, представил главнокомандующему, что почитаю за лучшее переменить теперешнее место лагеря и расположиться на берегу реки Залги, отстоящей от нас не далее 12 верст. Там не будем мы в опасности другой раз лишиться воды, будем ближе к Эривани, следовательно, удобнее через шпионов можем узнать о положении и состоянии сего города. И наконец, разведав точно, где и в каком расстоянии находится лагерь персиян, мы можем идти атаковать их самих.

Сие предложение одобрено было князем Цициановым, и он того же дня дал повеление готовиться к походу. Итак на другой день весьма рано выступили мы с великою осторожностью. Весь корпус построен был в каре, артиллерия по углам и в средине фасов, а все патронные, палочные ящики и прочие повозки внутри каре в 24 линии. При каждой таковой линии находилось по одному офицеру верхом с несколькими казаками и по одному барабанщику. Последнее на тот случай, что, ежели в какой-нибудь линии обоза сделается какое-либо повреждение, то барабанщик должен ударить отбой. Это повторится во всех полках, и целое каре остановится, доколе поврежденное исправится и барабанщик не начнет бить поход. Легко можно себе представить, сколько такой марш затруднителен. Едва после остановки за одной линией тронутся с места, как слышен отбой в другой линии. Притом шли мы по каменисто-

му и неровному местоположению, каждая линия имела свое направление, и ни одна повозка не могла повернуть ни влево, ни вправо, чтобы на пути не встретиться с другой. И потому повреждения в обозе были бы весьма часты. Здесь должен я признаться в моей нескромности, что я уподобил сие движение походу фельдмаршала Миниха в войне его против турок, где возили в каре бочки с водой, а перед линиями несли на плечах рогатки, — и назвал я оное черепашьим маршем.

Выступя весьма рано, совершили мы наконец по вечеру двенадцативерстный переход, в продолжение которого люди весьма нуждались в воде. Во время похода нашего неприятель хотя показывался по сторонам, но нас не атаковал. Нам надлежало остановиться на берегу реки верстах в четырех ниже Эривани, но вблизи сего места находился старинный замок, занятый неприятелем.

Несколько удачно пущенных бомб и ядер нашей артиллерии и приближение пехотных колонн принудили его оный оставить. Посланный для того отряд занял замок, а прочие расположились лагерем на берегу реки Залги, по-прежнему построившись в каре.

Дабы атаковать неприятеля в его лагере, надлежало нам переправиться через помянутую реку. Но не было у нас понтонов, и потому князязь Цицианов приказал делать плоты, а по неимению леса ломать каменные стены замка и вынуть деревянные связи, внутри стен находящиеся. Сия работа продолжалась дней восемь, пока успели спустить два небольших плота.

Во время нашего там пребывания пришел к нам армянский монах из Эчмиадзинского монастыря и донес князю Цицианову, что персияне оставили оный и что в оном находится небольшой запас провианта. Он был весьма сим обрадован, ибо близкий недостаток в продовольствии уже предвиделся. И потому он тот же час послал майора Сенминута с двумя ротами пехоты и двумя малого калибра пушками занять монастырь. Это и было исполнено без препятствия.

Наконец наступил день переправы через реку и нападения на неприятельский лагерь. Весь корпус разделен был на четыре каре, в которых заключались конница и пехота. Первое каре состояло из егерей, долженствовавших, по открытии неприятеля, действовать рассыпавшись, второе — из гренадер под

начальством моим; в третьем состояла конница и пехота под начальством самого главнокомандующего; а четвертое составляло арьергард из двух батальонов пехоты под командою генерала Леонтьева. Все сии каре должны были следовать одно за другим, а потому шесть фасов остались без действия.

По переправе егерей через реку надлежало переправляться моему полку. Но по величине калибра моих артиллерийских орудий не мог я больше одной пушки поставить на плот, что произвело бы великую медленность. К счастью, бывшие при мне казаки в нескольких саженях ниже переправы открыли такой брод, что не только пушки, но даже ящики с зарядами можно было перевести без всякого повреждения. Итак все воспользовались моим открытием и скоро переправились, оставив плоты, стоившие восьмидневной работы, без всякого употребления.

Следуя вышесказанным порядком, оставили мы Эривань в левой стороне верстах в пяти и, не доходя одной довольно высокой и крутой горы, открыли неприятеля, расположенного наверху оной. Нам надлежало проходить мимо сей горы, левым флангом, под его выстрелами. Поэтому князь Цицианов отрядил полковника Козловского с двумя батальонами штурмовать помянутую гору. Прочие же следовали у подошвы оной по дороге, ведущей на сию высоту и выходящей по правому флангу неприятельской линии. Едва Козловский успел взойти на гору, как егеря, следуя по дороге, появились справа. Персияне, увидя сие, с поспешностью отступили к своему лагерю и начали собирать палатки. Между тем мое и прочие каре с артиллерией все взошли на сию высоту. Я с егерями и гренадерами пошел вперед на неприятеля; но князь Цицианов, прибыв сам, остановил нас у одного ручья. Казаки успели захватить несколько палаток и навьюченных верблюдов. Персияне же ретировались, и тем окончилось сражение. Мы остались ночевать при том ручье. Ночью услышал я некоторый шорох около моей палатки. Встав и посмотрев через полы, увидел я двух верблюдов с пушками на седлах. Я приказал часовому кликнуть солдат и их взять. Более десяти таковых вооруженных верблюдов, таким же образом нам доставшихся, представлено было нашему главнокомандующему. Он приказал поместить оные в число трофеев. Сии животные, испугавшись, как я пред сим сказал, наших гранат, разбежались, бродили потом по ме-

сту сражения и пришли в наш лагерь.

Князь Цицианов на другой день велел отправить благодарственное молебствие за одержанную победу и послал пышную реляцию, возвыся подвиги тех, которым хотел он наград. Эта реляция с ужасными прибавлениями напечатана была в российских и иностранных ведомостях. Император Александр принял то за истину и наградил чинами и орденами многих лиц, из которых некоторые вовсе ничего не делали и не подвергались ни малейшей опасности.

Осада Эривани

Тотчас после молебствия пошли мы к городу Эривани, на берегу реки Залги, в надежде, что, устрашенный нашей победой, хан сего города отворит ворота и примет нас с покорностью. Но вместо того раньше встретили нас из предместья ружейными выстрелами. Князь Цицианов приказал пехоте приблизиться и ломать каменные стены, окружающие крайние дворы оного. Жители, увидя сие, отступили и собрались около главной мечети и караван-сарая, или гостиного двора; но и тут они недолго сопротивлялись и ушли все в крепость.

Предместие Эривани довольно велико, имеет несколько мечетей, из которых главная весьма обширна и хорошо построена, преизрядный гостиный двор, или караван-сарай, небольшой загородный ханский дом с прекрасным садом и множество обывательских домов в один и два этажа. Впрочем, по обыкновению азиатов все строения из камня и кирпича, с плоскими двойными крышами, исключая, однако ж, мечетей, оканчивающихся кверху куполами. Дворы и сады окружены небольшими каменными стенками. Множество излучистых и весьма тесных улиц и переулков, к которым нескоро можно привыкнуть, составляют сие предместие. Оно отделяется от крепости эспланадой, или ровным местом, простирающимся на дальний ружейный выстрел.

Ближайшие к крепости строения, с левой стороны оной, начинаются от самого берега реки Залги и продолжаются в сказанном расстоянии, несколько не доходя правого фланга крепости. Там оканчивается предместие довольно просторным полем, также до берега реки простирающимся.

Князь Цицианов расположил свою линию осады за первыми стенами разных строений, примыкающих к эспланаде крепости, следующим порядком. С правого фланга нашей линии от берега реки начиналась так называемая дистанция полковника Симоновича; подле оной — генерал-майора Портнягина, в которой находилась и главная квартира, за нею — моя; за моею — полковника Козловского, а за оною на левом фланге генерал-майора Леонтьева. Но так как строения предместья с левого нашего фланга не достигали до реки, а находилось довольно пространное поле, о котором я выше упомянул, то для соединения линии построено было два редута, соединенных постами. Для сообщения отрядов с главной квартирой приказано было сломать стены дворов, садов и домов. А где проходящие поперек улицы или переулки открыты были крепостными пушками, там построить траверсы из фашин и земли. Составив таким образом коммуникационную линию, батареи расположили по дистанциям; каменные стены неприятельских домов, в которых поделали мы амбразуры, послужили нам бруствером.

Неприятель, как видно, совсем не имел намерения удерживаться в предместье, потому что не только не нашли мы ничего в домах, но даже двери и оконницы во многих были вынуты.

Крепость Эриванская есть неправильный многоугольник, обведенный каменными стенами с башнями по углам. Она состоит из двух продолговатых четвероугольников, соединенных между собою, из которых правый у́же левого.

Со стороны реки она слабо укреплена, и сверх этого, высота, находящаяся на противном берегу, в недалеком расстоянии, превышает укрепление. Впрочем с трех сторон окружена она двойными каменными стенами с рвами. Внешняя стена несколько ниже внутренней, и ров пред оною не столь глубок. За сей стеною находится довольное пространство, каковое персияне имеют во многих крепостях и называют ширас. За сим ширасом следуют ров, более глубокий, и стена выше первой. Таким образом, ежели осаждающие вознамерились штурмовать, не сделав брешей в первой стене, то они должны иметь двойные лестницы. И взойдя по коротким на первую стену, они должны перетаскивать чрез нее долгие, чтоб утвердить их при второй стене.

При занятии нами предместия неприятель сделал на нас из крепости несколько пушечных выстрелов с ядрами, не причинив, однако ж, никакого нам вреда. Перед вечером поставили мы пушки свои по батареям и открыли пальбу, которую также скоро прекратили. Поутру на другой день увидели мы несколько человек, вышедших из крепости с белым знаменем. Это были чиновники, посланные от хана, которых и проводили прямо к князю Цицианову. Представляясь ему, во-первых, поздравили они его от имени своего хана с благополучным прибытием; во-вторых, просили извинения, что народ осмелился сделать несколько выстрелов против войска императора Российского, и присовокупили, что хан — по известной необузданности азиатской черни — с опасностью собственной жизни едва успел прекратить сие действие. И, в-третьих, они сообщили, что хан намерен сдать крепость, как о том прежде писал, но просит три дня для составления кондиций. Князь Цицианов на сие согласился и отпустил посланных.

Три дня прошли спокойно, а четвертый провели мы в напрасном ожидании посланников, и потому перед вечером открыли мы опять пальбу со всех батарей. Крепость отвечала нам только несколькими выстрелами, а на пятый день поутру явились переговорщики. Они сказали, что хан готов принять от князя Цицианова те условия, которые он предпишет, что все его чиновники на то согласны, но народ колеблется и для склонения его хан просит еще два дня. Князь Цицианов, согласившись на то, написал кондиции и отдал посланным.

При столь многих случаях перестрелки с неприятелем начал у нас оказываться недостаток в пушечных зарядах и патронах. Для доставления их послан был от полка моего капитан Снышков с потребным прикрытием в крепость Караклис, отстоящую от Эривани милях в пятнадцати. При этом взяты были все меры, чтобы осажденные о том не ведали.

Протекли положенных два дня, и из крепости никто не показался. Принуждены мы были опять начать пальбу. И только на третий день пришли посланные с донесением князю Цицианову, что все готово было к сдаче, но духовенство, сведав о том, отвратило народ от сего намерения. Однако ж хан надеется оное подкупить, требуя на то еще только два дня. Главнокомандующий весьма рассердился и сказал, чтобы ответ был через два часа, в противном случае решится он на штурм и не

пощадит никого, и хан будет первой жертвой. И в то же время отдал приказ делать во всех отрядах штурмовые лестницы. Принялись за работу; но по неимению лесов должны было ломать каменные дома и выбирать из них потребное к тому дерево. И потому работа производилась медленно.

Накануне сего последнего посольства генерал Портнягин, расположенный с отрядом своим в ханском саду, вздумал дать обед для главнокомандующего. На этот обед приглашены были все генералы и полковники, по прибытии которых князь Цицианов не замедлил туда явиться. Едва сели мы за стол, накрытый под одним преогромным абрикосовым деревом, защищавшим более шестнадцати особ от солнечного зноя, как прибежали к нам с известием, что неизвестно какая конница, напав на наши табуны, пасущие за нашей линией, более 200 лошадей отогнала; причем 40 человек убито из числа пасущих и прикрытия. Во все это время не приметно было, чтоб в большом количестве выходили вооруженные люди. Да и не могли бы они пройти мимо наших постов без сопротивления. И потому князь Цицианов не мог домыслиться, какое то было войско? Он надеялся узнать о том на другой день от переговорщиков, долженствовавших по условию явиться.

Но тщетно. Из крепости никто не показывался. И мы возобновили пальбу, хотя с большою бережливостью. Однако она ни к чему не послужила; осажденные хотя иногда нам ответствовали выстрелами, но также без успеха.

Недостаток в провианте начал сказываться, и солдаты получали уже только половинную порцию, выдаваемую всегда на три дня, а четвертый проходил в требовании и приеме. Более всего чувствительно было неимение соли, которую старались сыскивать в персидских конюшнях, потому, что персияне имеют обыкновение в стенах оных подле яслей вмазывать куски так называемой каменной, из земли добываемой, соли. Но и сей было весьма недостаточно. Уксусу и воды вовсе не было. За провиантом же всякий день посылали отряд в Эчмиадзинский монастырь и брали понемногу из найденного там небольшого запаса. Сей монастырь отстоял от нас только в полутора милях. Но как для удобнейшего действия по крепости, так и для вседневной переправы помянутого отряда построен был на противном берегу реки Залги редут, с тремя большими орудиями, и поставлен в оном батальон пехоты.

Так как при квартире моей, сверх состоящих на батарее орудий, находилась одна трехфунтовая пушка, то и брали оную всякий день для посылки в монастырь. Отряды же пехоты и казаков производились из полков по очереди. Они возвращались всегда перед вечерней зарей.

Спустя два дня после нападения неизвестного неприятеля на наши табуны возвратившийся из монастыря отряд с провиантом донес, что видел вдали неприятелей, в великой силе, судя по пыли идущих, и что можно различить подъезжающих к ним издали конновооруженных людей. Но при сем донесении было и разногласие: иные уверяли, что видели войско, а другие утверждали, что то были стада деревенских жителей, при которых в тех местах всегда находится по нескольку конных людей для всегдашней безопасности. Последнее имело некоторое подобие правды: если, по словам их, предполагаемый неприятель состоял в великом числе, то почему же бы не осмелился он сделать нападения на малый отряд фуражиров, тем более, что подъезжавшие к ним могли видеть их число? Как бы то ни было, однако же, князь Цицианов в вечернем приказе предписал осторожность и велел наскоро сделать позади его линии небольшой редут, окруженный вместо вала простым ложементом, и поставить в оном батальон пехоты.

После пробития вечерней зари и по возвращении всех адъютантов с приказами к своим отрядам потребованы были они опять в главную квартиру. Они, прибыв обратно, привезли нам известие, что капитан Снышков благополучно возвратился и привез достаточное количество пушечных зарядов и ружейных патронов, что он находится за рекой подле нашего правого фланга и что князь Цицианов приказал немедленно послать команды от всех отрядов принимать заряды и наискорее разносить их по дистанциям и батареям. Сие повеление исполнено было всеми с отменною скоростью; ибо при пушках находилось уже не более как от 10 до 15 зарядов, да и ружейных патронов разве несколько больше. Со всем тем, по темноте ночи, не успели разделить оные по ящикам и сумам и принуждены были положить на батареях и в дистанции кучами на постланные солдатские шинели и в виде осторожности покрыть таковыми же.

Часа за полтора до рассвета услышали мы на одном передовом посту левого нашего фланга ружейную пальбу. Но сие

показалось нам сперва мало значащим, ибо таковые выстрелы нередко производимы были часовыми по выходящим ночью из крепости для набирания фуража. Однако же пальба час от часу начала увеличиваться и открылась на всех постах. С крепости же начали тогда бросать к нам бомбы, сильно стреляя из пушек и ружей. Тут узнали мы, что сзади атакованы во всех пунктах персидской армией под предводительством самого шаха Баба-хана, или Фет-Али-хана. И в это же время последовали из крепости три вылазки. Одна ударила на правый наш фланг и прошла до квартиры главнокомандующего, где в тот раз в караул вверенного мне полка гренадеры дали сильный отпор ружейным огнем. Неприятель, по темноте ночи, счел сей караул за большой отряд и потому, обратившись несколько влево, вошел в гостиный двор. Но, к счастью, собраны были там все грузинские повозки, взятые нами пред выступлением в поход под провиант. При них находились и их хозяева, то есть крестьяне грузинские, вооруженные, однако же, по обычаю страны, ружьями, пистолетами и кинжалами. Сии люди, услышав вблизи их пальбу, приготовились и встретили персиян из-за своих повозок сильным ружейным огнем. Сия вторая неудача побудила их еще принять налево. И они попали на отряд полковника Симоновича; это привело их в такое замешательство, что они решили пробиваться назад. Между тем начало рассветать. Гренадеры прогнали их за свою линию; а вооруженные грузины преследовали их почти до самой крепости и, несмотря на пальбу из оной, поражали их нещадно.

Второй отряд вылазки покусился сделать нападение на линию нашу между моей и полковника Козловского дистанциями, но был отражен картечными выстрелами с наших батарей.

Третья была удачнее прочих. Она, учинив нападение на наш левый фланг, при помощи атакующих с тылу войск Баба-хана овладела обоими нашими редутами. При сем находившиеся в оных отряды бесчеловечным образом были умерщвлены и ни один человек не был пощажен. Но чрез несколько часов оба помянутых редута, опять с немалым кровопролитием взяты были нашими штурмом.

Сражение продолжалось целый день и состояло в стрельбе с крепости, в нападении неприятеля и отпоре наших в разных пунктах. Этому немало способствовали тесные улицы, окруженные каменными стенками дома, сады, неровность место-

положения предместья и достаточное количество снарядов, так счастливо за несколько часов до сражения к нам привезенных.

Сказывают, что после сего сражения Баба-хан велел повесить своего шпиона, донесшего ему, что у нас мало пороху. Это вероятно; но мог ли он успеть узнать, что транспорт с зарядами прибыл в то время, когда Баба-хан выступил из лагеря своего нас атаковать? Рассчитывая время сие, непременно должно было так быть. Если бы успел он атаковать нас накануне, то неминуемо доведены мы были бы до отчаяния и учинились, может быть, все жертвой совершенно проигранного сражения...

По окончании сего сражения, неприятельское войско, окружив нас со всех сторон, расположилось лагерем в расстоянии от нашей линии на дальний пушечный выстрел. Но в сем положении находилось оно только три дня, потом отступило за полумили, как видно для выгоды. А на прежних местах поставил Баба-хан до семи пикетов, каждый из тысячи человек, и таким образом совершенно нас блокировал.

В сем состоянии пробыли мы близко шести недель, стараясь напрасно сделать бреши в стенах крепости, ибо артиллерия наша была к тому недостаточна. Голод сделался несносен. Едва четвертая часть хлеба солдатам была выдаваема и то всегда на три дня; а четвертый, иногда и пятый проходили в проволочке. Лошадиное мясо без соли, совершенное неимение крепких напитков, жара августа месяца в Персии и нездоровая вода реки Залги, которую сами жители тех мест редко пьют, а довольствуются проведенной посредством труб из гор, которые, однако, давно уже были пресечены, — все сие произвело в нашем войске множество больных и умирающих. Князь Цицианов относил сие по большей части к тому, что солдаты, не имея довольно хлеба, с жадностью едят разные садовые плоды, а особливо незрелые. И потому он строго сие запрещал. Но я нашел способ, по крайней мере для моего полка, употребить в пользу множество плодов из садов, вблизи нас находящихся. Я посылал нарочно команды, приказывая собирать кислые и незрелые плоды, которые приносили ко мне. Их крошили мелко, варили в воде и получали весьма острый квас. К счастью, росло вблизи нас множество особого рода полевого хрену, которого листья имеют сильную горечь и летучую остроту.

Собирали сии листья, сушили, толкли и потом, насыпая в известном количестве в солдатские манерки, наливали помя-

нутым квасом и зарывали их в землю в таком месте, где солнце ударяет. Таким образом чрез два дня получался весьма острый и крепкий напиток, укрепляющий желудок. И я каждый день давал моим солдатам поутру и пред обедом по манерочной крышке. Польза была очевидна; и хотя я объявил то главнокомандующему и всем, немногие в том мне последовали.

Гибель подполковника Монтрезора

Спустя недели три после прибытия Баба-хана и после того, как он окружил наш отряд, когда Цицианов, предвидя могущий скоро последовать совершенный недостаток в продовольствии, послал подполковника Монтрезора в крепость Караклис для доставления провианта. При этом он дал ему три легкие пушки, 600 человек отборных солдат от разных полков, из которых каждый имел при себе по сто патронов, всех вооруженных грузин до 3 тыс. человек и с ним предводителя грузинского дворянства, нашего генерал-майора князя Ивана Орбелианова. Сей отряд выступил во время темной ночи. Надеялись, что неприятельские пикеты его не откроют, ибо грузины обещали провести оный скрытыми дорогами. Но персияне, дав оному пройти миль восемь для того единственно, чтоб нам не слышно было пальбы, окружили его со всех сторон. Подполковник Монтрезор, устроив отряд свой в каре, продолжал поход свой, отстреливаясь беспрестанно сряду несколько дней. Персияне дали знать между тем царевичу Александру, который с 10 тыс. войска отправлен был Баба-ханом в Грузию, дабы произвести там возмущение. Он поспешил возвратиться из пределов Грузии и встретил Монтрезора, не доходя три мили до Караклиса. Тут персияне, обще с царевичем, сделали на него сильное нападение. Не стало у солдат патронов и зарядов при пушках. Однако, несмотря на безмерное превосходство неприятеля, ударили они в штыки, как отчаянные. И все почти до одного погибли, исключая нескольких грузин, спасшихся бегством, двух тяжело раненных офицеров и человек десяти рядовых, которых персы пощадили и взяли в плен. Подполковник Монтрезор и все прочие офицеры были убиты, орудия достались неприятелю, князь Орбелианов был тяжело ранен и взят в плен.

Долго не знали мы о сем несчастии и недоумевали, чему приписать то, что чрез несколько времени по отбытии сего отряда увидели мы на стенах крепости множество выставленных знамен. Музыка играла в нескольких местах, при чем гарнизон стрелял из пушек и ружей холостыми выстрелами. С наружной же стороны стен один конный человек с небольшим прикрытием возил мертвую голову, воткнутую на пику. Это была голова несчастного Монтрезора, и торжество это обозначало истребление его отряда, о чем они задолго прежде нас узнали.

Наконец и мы получили подробное известие о сем несчастии от коменданта Караклисской крепости. Он нашел средство уведомить главнокомандующего чрез одного армянина, прошедшего тайно мимо неприятельских постов. Он также донес о том, что царевич Александр с отрядом персидских войск, после сего сражения, вошел опять в Грузию.

Огорченный сим известием, князь Цицианов скрыл оное в тайне и собрал военный совет. Я не прощаю себе моей нескромности, ибо, прибыв в главную квартиру, сказал я некоторым моим знакомым: «Как мы похожи на докторов: когда больной умирает, тогда собираются они на консилиуме». Я не сомневаюсь, что сии слова переданы были князю Цицианову.

Когда все собрались, то главнокомандующий дал нам для прочтения все бумаги, извещающие нас о крайности нашего положения, и присовокупил, что со всевозможным уменьшеньем имели мы продовольствия не более как на три дня. Он предложил нам решить, что в таком случае делать, штурмовать ли крепость, или снять осаду и ретироваться за пределы Грузии.

Не трудно было решить сию задачу. Всякий здравомыслящий легко может рассудить, как можно думать о штурме, когда осталось у нас под руками не более 4 т. слабых и изнуренных голодом солдат, когда крепость сильно укреплена против штурма, как я пред сим уже оную описал; когда находится в ней гарнизону до 6 тысяч, и притом все жители вооружены, и наконец, когда позади нас в самом близком расстоянии находится шах персидский с 60 тысячами войска.

Голос князя Цицианова и нескольких особ был штурмовать. Но большая часть бывших на том совете, в том числе и я, предлагали отступить. И так дело решалось большинством голосов.

По окончании совета предложил я главнокомандующему следующее: «Мы имеем еще провианта на три дня, которые пройдут в принятии надлежащих мер к снятию осады. Потом, отступив до Эчмиадзинского монастыря, всего 12 верст, найдем мы там еще небольшой запас и при бережливости можем с оным дойти до границ Грузии, откуда могут нам вывезти провиант навстречу. А потому, дабы не подать вида отступления и показать пред высшим начальством, что все средства к овладению крепостью были употреблены, — не прикажете ли от сего же дня поставить брешь-батарею на правом фланге нашей линии. Находящаяся на эспланаде мечеть, на близкий ружейный выстрел от крепости отстоящая, много этому способствует».

Князь Цицианов принял сие предложение. В тот же вечер батарея была готова и начала бить брешь, хотя с небольшим успехом.

После сего моего предложения спросил он у меня: «Как же думаете вы отступать?» На сие отвечал я ему, что чрез несколько часов могу представить ему на бумаге несколько маневров сего действия для избрания лучшего. Он сим оскорбился и сказал, что знает тактику не хуже моего. Затем последовал другой вопрос: «Скажите, — продолжал он, — скажите, как опытный генерал, может ли Высочайшее именное повеление остаться без исполнения?» — «Какое повеление?» — спросил я. — «Мне велено взять Эривань непременно». — «Назначено ли вам для того время?» — отвечал я ему на то. — «Нет; но хотя точно время не определено, я буду в ответственности, ежели не исполню воли Государя», — был его ответ. Тут начал я ему предлагать следующее: «Сами видите вы невозможность при нынешних наших обстоятельствах овладеть крепостью. Отступим, пробьемся сквозь неприятеля, пойдем в Грузию, — укомплектуем там полки, запасемся провиантом и военными снарядами, придем ранней весной и употребим все меры к исполнению воли императора».

На сие возразил он: «Разве не знаете вы, что мы в самом Тифлисе окружены шпионами и что всякое наше предприятие, прежде нежели приступим мы к исполнению его, известно внутри Персии. И в будущую кампанию может с нами то же случиться, что и ныне». — «Правда, — продолжал я, — но я думаю, что для сего потребно будет сделать развлечение непри-

ятельских сил. Для сего же, полагаю я, должно будет вооружить эскадру в Астрахани на Каспийском море, посадить на оную достаточное число десанта и войска, велеть оной идти к Астрабаду, лежащему в средине Персии, бомбардировать сей город и, буде можно, сделать высадку. Предприятие сие не подвержено никакой опасности, потому что персияне не имеют флота».

Молчание князя Цицианова было знаком его согласия на то, как увидим это впоследствии.

Между тем должен я упомянуть здесь о трудности для войска российского покорить силою оружия крепость Эриванскую. По отбытии моем уже из Грузии и по кончине князя Цицианова, главное начальство принял там фельдмаршал граф Гудович, весьма опытный генерал. Но покушение его взять сию крепость было тоже неудачно, и он должен был отступить с уроном.

Пред сим довольно уже сказал я, сколь сильно крепость сия укреплена против штурма.

Отрыть траншеи, делать бреши, хотя бы и было возможно, но мы не имели в Грузии осадной артиллерии: по трудности дорог почти нельзя оную доставить туда. Принудить же крепость к сдаче бомбардированием единороги наши мало к тому способны. [10]

Блокада, по многочисленности персидского народа, могущего в непродолжительном времени собрать многочисленную армию, почти невозможна. Но так как давно то принято мнение, что нет непобедимой крепости, то и сие с значительным пожертвованием может быть взято. Но будет ли приобретение оной и потом содержание стоить необходимо потребных издержек? [11]

Снятие осады

День 3 сентября назначен был к снятию осады Эривани и отступлению. По пробитии вечерней зари начали свозить пушки в батареи. А дабы неприятель не мог нечаянно на нас напасть, учреждено было до 80 малых извещательных постов в разных улицах и переулках предместья, о положении которых заблаговременно дано было мне знать.

Отступление должно было начаться с левого фланга, за оным следовал правый. Я же, начальствовавший срединой линии, должен был дождаться, пока войско правого фланга пройдет много миль, потом собрать все вышеупомянутые посты, присоединить их к своему отряду и составить арьергард.

Ночь была весьма темная, в крепости царствовала великая тишина и ничего не было приметно, кроме того, что по временам, в разных местах, опускали мы в ров больше подсветы. Вероятно, услышав движение и стук колес на батарее, подумали они, что не готовимся ли мы к штурму?

За час до рассвета успел я собрать порученные мне посты и выступить с арьергардом моим из предместья эриванского. В сие время наш авангард встретился с одним неприятельским постом, который, как видно, приметив великое движение войска, заключил, что мы идем атаковать главную их силу. Поэтому, сделав только несколько выстрелов, отступил к оной. Мы же продолжали путь свой до реки Залги и, переправившись за оную, расположились лагерем. Того же дня узнали мы, что неприятель, собрав свои палатки, напрасно ожидал нас на месте своего лагеря. Узнав, однако же, настоящее наше намерение, пришел он ночью на берег реки и, поставив пушки, продолжал по нас пальбу несколько часов. Но так как берег, ими занимаемый, несравненно был возвышеннее нашего, то все его ядра, при темноте ночи, перелетали чрез наш лагерь, не причинив ни малейшего вреда.

На рассвете выступили мы к Эчмиадзинскому монастырю, где предположено было быть дневке, чтоб несколько отдохнуть и забрать остальной провиант, там находящийся. В нем на последних днях нашей осады была такая крайность, что я сам три дня довольствовался особого рода травой, растущей в той стороне. Она подобна тонкой спарже и имеет кисловатый вкус. Мы варили ее и принуждены были есть без соли.

Неприятель, перед выступлением нашим из лагеря, успел переправить ниже нас по течению реки отряд войска и несколько пушек. Поэтому, лишь только мы, по обыкновению нашему, устроившись в одно каре, отошли версты с две, начал он стрелять на нас из пушек с левой стороны. Но артиллерия наша заставила их скоро замолчать.

К вечеру пришли мы на назначенное место. Князь Цицианов расположился своею квартирой в самом монастырь, а нас

поставил лагерем подле оного, разделив весь корпус на три каре. Правое было под начальством моим, левое г. Леонтьева, а среднее Путятина. Расположившись таким образом, условился я с некоторыми штаб- и обер-офицерами пойти на другой день осмотреть столь славный во всей Азии армянский Эчмиадзинский монастырь. Некоторые путешественники называют его Араратским, потому что находится он неподалеку от толико известной в Св. Писании горы Араратской. Но поутру неприятель сделал нападение на фуражиров наших, запасавщихся травою в степях против среднего нашего каре. Мы потеряли до 10 человек; однако же высланные от нас отряды уничтожили дальнейшее покушение неприятеля и принудили его отступить.

Сие небольшое сражение кончилось поутру в 9 часов. Итак, имел я время с некоторыми офицерами осмотреть Эчмиадзинский монастырь.

Эчмиадзинский монастырь

Эчмиадзин значит на армянском языке первый исход. Предание о нем простирается до всемирного потопа и утверждает, якобы Ной, вышедши первый раз из ковчега своего, остановившегося на горе Араратской, на самом том месте, где находится вышеупомянутый монастырь, принес там жертву Всевышнему. Предание сие существует во всей Азии и во многих странах Европы. Поэтому все народы имеют большое почитание к оному, — не только разных сект христиане и магометане, но даже и евреи.

Монастырь сей окружен высокою стеною, с башнями по углам, из темного дикого камня, с карнизами и другими украшениями из мрамора и разноцветного камня. В средине находится главная церковь из высеченного гранита готической архитектуры; она высока, пространна и соразмерность во всех частях хорошо соблюдена. Площадь, окружающая оную, вымощена плитами из белого мрамора. Ее окружают патриаршие дома, монашеские кельи и прочие принадлежащие к монастырю строения. От оных до самой церкви насажено несколько аллей из абрикосовых и гранатных деревьев. Для этого в помянутом мраморном помосте просечены около каждого де-

рева довольного пространства круглые отверстия, в которые видна зеленеющая трава. Сверх того, подле рядов из деревьев высечены в помосте, но не до самой земли, небольшие каналы. Они, для освежения воздуха, наполняются проточной текучей водой, проведенной из ближайшей высоты. Патриарший дом построен в два этажа, а прочие в один, — из камня, смешанного с кирпичом, и прекрасно оштукатурен снаружи и изнутри. В этом каменщики сей части Азии, равно как и в высекании камня, весьма искусны. Они выделывают на мраморе и других камнях разные узоры, наподобие самого тонкого кружева.

Мы хотели войти в церковь, но она была заперта. Монах сказал нам, что должно просить на то позволения у армянского архиепископа Иоанна, прибывшего с нами из Тифлиса. Поэтому пошли мы к нему. Невзирая на то, что он был со мною знаком в Грузии, весьма удивило нас то, что он начал учинять некоторые затруднения, чтоб приказать отпереть для нас церковь. Но когда я повторил ему свою просьбу и не скрыл удивления моего в отказе его в первый раз, то он, отведя меня особо, сказал:

— Вам известно, что оба патриарха, Даниил и Давид, ушли отсюда и увезли с собою все монастырские сокровища. Однако же известие сие не совсем справедливо: часть оных еще скрыта в главной церкви; и князь Цицианов приказал оные достать, —теперь занимаются там сей работой.

— Тем лучше, — отвечал я ему. — Мы увидим церковь и хотя часть тех сокровищ, о которых столь много говорят везде.

Сии слова убедили его приказать отпереть церковь, и он пошел туда с нами.

Главная церковь

Церковь внутри довольно пространна и светла, вымощена мраморными плитами. Стены украшены изрядною живописью, с позолоченными карнизами. В числе образов есть несколько экземпляров хорошей итальянской работы, присланных венецианскими армянами. Хотя в армянских церквах, наподобие римско-католических нет иконостасов, как в греческих, и алтарь открыт, но стена за оным имеет обыкновенно многие при-

личные украшения, какие делаются на иконостасах. И она, может быть, по смыслу греческого слова, названа иконостасом, поставленным не пред алтарем, как у греков, но за оным. И так иконостас в сей церкви совсем особого вкуса. Вместо резьбы и позолоты, наполняющей, по обыкновению, пространства, находящиеся между образами, все покрыто полированной черепахой, украшенной разными вырезками, в которых с довольным искусством везде вставлен перламутр. Кафедра патриарха, архиепископская и места для других особ, равно клиросы и перила пред алтарем, покрыты также черепахою и перламутром. Не знаю что тому причина, но и в домашних потребностях в домах патриарших и архиерейских находил я много таких украшений.

Архиепископ Иоанн показал нам посреди церкви складенную в большую кучу разную золотую и серебряную утварь, жемчуги и драгоценные каменья, сказав:

— Вот что патриархи при побеге своем не успели с собою взять; но еще не все вынуто.

Между тем, как мы занимались рассматриванием украшений церкви, вошел князь Цицианов с другой стороны в оную и, увидев меня, сказал:

— Вы любопытствуете, видно, что имеете для этого довольно праздного времени.

— Так, — отвечал я ему, — на сей раз, окончив все дела, до службы касающиеся, осталось для меня несколько свободного времени, чтоб посмотреть столь знаменитое здание.

Сокровища Эчмиадзина

— Вы находите свободное от службы время, — продолжал он, — а я ни минуты не имею. И потому извольте собрать все сокровища, здесь находящиеся, прикажите их увязать в тюки, запечатайте моею, вашею и архиерейской печатью и под прикрытием вашего полка доставьте их в Тифлис.

Я спросил его, прикажет ли он сделать опись.

— Когда этим заниматься? — отвечал он. — Мы завтра выступаем и, может быть, будем атакованы неприятелем. Но я пришлю вам на то письменное повеление.

Сказав сии слова, вышел он из церкви и через несколько

минут прислал чрез адъютанта своего повеление на бумаге, чтоб я взял все вещи без описи и чтоб до рассвета были оные помещены на вьючных лошадей и находились бы в моем лагере.

Я послал еще за несколькими офицерами, мастеровыми и рабочими моего полка и принужден был этот день и ночь заниматься собиранием вещей, увязкою и печатаньем тюков. Мы нашли большой запас восковых свечей и, имея их в руках по нескольку, ходили по церкви, искали по всем углам и забирали все вообще драгоценности. Казалось, что не оставалось уже ничего больше, как в одном темном углу я нашел пред иконой Спасителя большую золотую лампаду, украшенную каменьями.

— Вот что мы еще забыли! — сказал я архиерею.

Лампада Надир-шаха

— Не трогайте этой лампады, — отвечал он. — Если по отбытии вашем придут сюда персияне и оной не найдут, то готовы будут разорить и церковь, и монастырь.

Я спросил у него тому причину. Он велел для того отнять мраморную плиту, находившуюся под образом. За ней находилась небольшая железная дверь. По открытии оной вынули серебряный ящик, в котором хранилась грамота персидского императора Надир-шаха, при котором была послана сия лампада с тем, чтобы завсегда горела пред помянутым образом.

На издержки, силою той же грамоты, утверждает он сему монастырю двенадцать армянских деревень в вечное владение.

Архиерей рассказал мне потом, что Надир-шах был отчаянно болен и видел во сне, что кто-то сказал ему, чтоб он для возвращения своего здоровья ехал в Эчмиадзинский монастырь и там пред иконой Спасителя, в левом углу церкви находящейся, принес молитву. Католический священник-миссионер, занимавшийся, как и прочие в Азии находящиеся, медициной, пользовал императора в его болезни. Император рассказал ему свой сон, и он советовал непременно то исполнить.

Шах Надир раньше не бывал никогда в сем монастыре; но лишь только вошел он в церковь, в то же время нашел он виденный им во сне образ. Он молился и посвятил помянутую

лампаду. Путешествие ли, перемена ли климата или другие непостижимые причины, как говорил архиерей, избавили его от болезни. С тех пор лампада сия всегда горит пред образом.

Бывшие при том монахи показали мне две доски, о которых уверяли они, что они суть остатки от Ноева ковчега. Одна из оных длиною в 6, а другая в 7 футов, шириною, кажется, с небольшим в один фут, толщина же дюйма в три. Из коего они дерева, узнать было невозможно, потому что одна выкрашена коричневой краской и покрыта довольно хорошим лаком, наподобие каретного. Другая же вся обита голубым атласом и посредине прибит небольшой серебряный крест. Всякий может рассудить, что сии ни на что непотребные украшения придуманы незнающими монахами и не соответственны никакой древности. Со всем тем видел я некоторых простолюдинов из армян, которые молились пред оными, крестились, кланялись, целовали и клали деньги.

Пред наступлением дня исполнил я повеление князя Цицианова и привез в мой лагерь на одиннадцати вьючных лошадях оставленное патриархом богатство Эчмиадзинского монастыря, состоявшее в драгоценных камнях, жемчугах, золоте и серебре. А так как архиерей Иоанн должен был возвратиться с нами в Тифлис, то и упросил я его находиться в моем отряде и вместе со мною почасту осматривать целость тюков с сокровищами.

Отступление

Поутру выступили мы тремя каре левым флангом; правый, бывший под моим начальством, составил арьергард. Сей порядок марша продолжался до самых границ Грузии, и исключая узких проходов, где по необходимости должно было следовать колоннами; становились же на лагерь всегда одним каре.

Пожар в степи

Едва отошли мы несколько верст от монастыря, как неприятель сильно атаковал мое каре. Я отстреливался, по време-

нам останавливался, удерживал стремление его картечными выстрелами и таким образом достиг назначенного для лагеря места тогда, когда прочие отряды успели уже отдохнуть, а неприятель оставил свое нападение.

На другой день последовало то же самое; но на третий персияне начали показываться только издали. Приметив же, что отряд мой в самое жаркое время шел через степь, покрытую высокой и сухой травой, а ветер дул на нашу сторону, они, желая воспользоваться сим обстоятельством, зажгли траву. Густой дым и пламя со всех сторон нас окружали, а треск от горящей травы совершенно заглушал неприятельские выстрелы, так что мы не иначе могли узнать о его приближении, как по пулям, прилетавшим к нам сквозь дым без всякого звука. Трудно было сделать какое-нибудь распоряжение. Треск от травы заглушал командные слова, причем дым препятствовал произношению оных. К тому же для всех распоряжений имел я при себе только полковника Симоновича и одного адъютанта, прочие же офицеры, не считая умерших, были тяжело больны и отправлены по другой дороге в Грузию. В сей крайности, желая по крайней мере увидеть, близко ли находится неприятель, бросился я верхом налево и приметил, что не более как в пятидесяти шагах от нас находится довольное пространство степи, на котором трава совершенно уже сгорела и погасла. Итак не оставалось мне ничего больше к спасению, как, пренебрегши всею опасностью огня, велеть моим гренадерам приподнять патронные сумы, сколь можно выше, и поспешнее бежать сквозь дым и пламя на примеченное мною обгорелое место. Больше всего страшили меня ящики с зарядами, но и те счастливо туда достигли.

Тут устроясь в боевой порядок, начал я действовать против неприятеля и ожидал, когда вся трава на предлежащем мне пути сгорит. Находящиеся же неподалеку крутые и каменистые горы подавали мне надежду на прекращение сего пожара.

Сражение окончилось только несколькими ранеными с моей стороны. Но я пришел на лагерь тогда, когда прочие готовились уж выступать, — пришел с изнуренными солдатами, паче всего по неимению воды, при несноснейшей жаре, увеличившейся еще от огня.

Тучков ранен

Гористое местоположение не позволяло более идти в каре, и потому готовились мы выступить тремя колоннами одна за другой. Лишь только все отряды и артиллерия выступили, а я с одним полком без пушек оставался еще на месте, как неприятель успел поставить три батареи и начал стрелять против моей линии, готовясь атаковать конницею. Князь Цицианов, услышав сие, поспешил прислать ко мне пушки, действие которых принудило замолчать их батареи, а конницу — отступить. При сем случае получил я легкую рану в ногу повыше колена, но не счел нужным рапортовать себя раненым.

Хотя неприятель был отражен и я выступил вслед за другими, но принужден был с высылаемыми от неприятеля партиями вести, отступая, беспрестанную перестрелку. Эти нападения его на арьергард, под начальством моим состоявший, продолжались, считая от выступления нашего из-под монастыря до самых пределов Грузии, девять дней беспрерывно. И окончились совершенно тогда, когда остановились мы лагерем в пяти верстах от пограничной нашей крепости Караклис. Отсюда получили мы достаточное продовольствие, как для людей, так и для оставшихся у нас лошадей, и притом обывательские подводы в пособие.

От сего места отправился князь Цицианов прямо в Тифлис, корпусу же приказал идти по полкам, каждому в назначенные квартиры. А мне велено было с гренадерским моим полком следовать к Тифлису, расположиться лагерем поблизости оного и ожидать дальнейшего повеления. По прибытии моем в сию столицу Грузии узнал я, до какой степени простирается вражда против меня князя Цицианова. Не входя в подробное исследование причин, скажу только, что довольно было низких душ, которых почитал он себе преданными и которые все мои разговоры и суждения с прибавлениями и часто в противном смысле ему переносили. Недовольно было ему того, что я не получил ничего за все мои дела в сей трудной и опасной экспедиции, тогда как многие были награждены. Открыл я еще, что князь Цицианов изыскивает все способы очернить меня в мыслях Государя и подвергнуть несчастью. Всеми мерами старались возмутить против меня моих подчиненных, но не могли в том успеть. Поэтому, дабы совершенно расстроить

мой полк, в котором находилось тогда не более 400 человек рядовых и только шесть человек офицеров, изнуренных необыкновенными трудностями, велено мне было в конце октября месяца, когда в Кавказских горах начинается суровая зима, следовать туда. Там должен был я усмирять волнения, возникшие со времени выступления нашего под Эривань между народами, там обитающими. По слабости же полка мы должны были оставить знамена в Тифлисе.

Здоровье мое довольно уже было расстроено, а все будущие виды по службе представляли мне одно несчастье. Я знал наперед, что, сколько бы я ни отличился моими подвигами, награжден не буду; малейшая же ошибка или неудача может совершенно меня погубить. Поэтому, отдав князю Цицианову лично сокровища Эчмиадзинского монастыря, в целости мною доставленные, я объявил себя больным и подал прошение в отставку. Князь Цицианов был весьма тому рад и в то же время, надеясь притеснить меня при сдаче полка, дал предписание, дабы поручил я начальство старшему по себе. Сдача же полка должна последовать тогда, когда возвратится оный из экспедиции в Кавказские горы. За болезнью полковника Козловского, полковник Симонович, приняв начальство, выступил в назначенный поход, куда отправился и сам князь Цицианов с другими войсками, остававшимися в сию кампанию в Грузии.

Усмирение кавказских горцев

Во время пребывания нашего за границей происходили великие неспокойности в сей земле. Жители Теулетинского ущелья гор Кавказских и некоторые осетинские селения взбунтовались, отреклись от подданства российского, выгнали исправников, пресекли сообщение с Кавказской линией и нападали на малые наши отряды. С другой стороны лезгины увеличили свои набеги. Остававшийся там начальником генерал-лейтенант князь Волконский несколько их усмирил; но предприятия посланного с другой стороны генерал-майора Талызина были не столь удачны. Он обманом мятежников заведен был в опасные места, принужден ретироваться и зарыть в землю пушки, чтоб не достались в их руки. Князь Цицианов весьма недо-

волен был распоряжениям князя Волконского, а Талызина предал суду. Он принудил их обоих искать средства удалиться из Грузии, в чем наконец и успел. В феврале месяце возвратился князь Цицианов с войсками своими из гор Кавказских.

Отставка Тучкова

Так как он получил уже мою отставку, то и приказал мне сдать полк полковнику Симоновичу, потому что старший полковник Козловский уволен был в отпуск. При этом он хотел, чтоб все недостатки полка, происшедшие от столь трудной экспедиции, поставлены были на мой счет. Но так как Симонович против того возразил, то и приказал он остановиться ему при этом и ожидать прибытия генерал-майора князя Маматказина, назначенного на место меня шефом полка. Сей поступок его заставил меня послать просьбу к Императору, который повелел все, чего недоставало в полку, принять на счет казны. Я отставлен был с позволением носить мундир, или, как просто говорится в ежегодных приказах Императора, с мундиром. Это ныне есть род награждения, тогда как со времен Петра I, или с начала заведения регулярных войск в России, не только не было сие награждением, но напротив, требовалось от всех остальных военной службы чиновников и даже солдат, чтоб они в праздничные дни или в праздничных собраниях непременно являлись в своих мундирах, в чем были при отбывке. Особенно для нижних чинов подтверждалось это данным им указом, к непременному исполнению. Павел I за наказание лишал многих мундира при отставке. И подлинно, что может быть обиднее для генерала или чиновника, служившего несколько лет, как, не лишаясь чина, лишиться того права, которое предоставлено всякому солдату. Но у Павла I это было наказанием, а Александр I обратил то в награждение, чем военный человек и без того по всем правам пользоваться должен. И что было наказанием при его отце, то сделалось обыкновенным постановлением для всех, которые не выслужили определенных лет, в каких бы чинах они ни были.

По прибытии Маматказина князь Цицианов поехал в марте месяц в Ганжу, или Елисаветполь. Хан Шушинской провинции, быв подозреваем в измене и опасаясь мщения Баба-хана,

или Фет-Али-хана, шаха персидского, решил Шушинскую крепость отдать русским. Должно было поспешать. Но не было в готовности близко войска, а потому Цицианов принужден был послать подполковника Лисаневича с одним егерским батальоном. Баха-хан, сведав о том, ускорил так же послать сильный корпус, так что Лисаневич не успел даже ввести свой обоз в крепость и вошел только с одними егерями.

Полковник Карягин

Посланный вслед им полковник Карягин с двумя батальонами был окружен со всех сторон, тяжело ранен и едва совсем не погиб. Не имея ни провианта, ни воды, принужден он был прибегнуть к военной хитрости. Он вступил с персиянами в переговоры о сдаче. В то же время он просил у них позволения стать при одной небольшой речке в недалеком от нее расстоянии и чтоб прислали ему они провианту, а до совершенной сдаче сделали бы перемирие. Персияне на то согласились, некоторые чиновники приехали в его отряд и доставили продовольствие. Карягин имел при себе много повозок, которые устроены были в четырехугольный вагенбург, из-за которых принужден он был обороняться по причине несоразмерного числа атакующих. С ним было также несколько армян, знающих хорошо все окрестности. Итак он с позволения неприятеля перешел к сказанной речке и стал в том же порядке. Хотя персияне окружили его своим пикетом, но не довольно близко. Поэтому он, воспользовавшись темнотою ночи, оставя повозки в линиях, вышел тихо с своими егерями из вагенбурга. Армяне провели его до одного древнего замка, лежащего в самом ущелье гор. В сем замке находилась часть запасов персидского войска с малым прикрытием. Оно было столь оплошно, что он успел тотчас по прибытии овладеть сим укреплением. Там был он опять атакован и, не видя средства к защищению, ушел ночью с войском своим в пролом, примыкавший к самым неприступным горам. Усердные армяне скрытыми дорогами успели провести его обратно до Ганжи. Сей храбрый полковник умер скоро потом от полученных им ран.

Князь Цицианов, по отбытии своем из Тифлиса, оставил начальником в Грузии генерал-майора Портнягина. Войска же

при нем было только одна рота егерей и до 60 человек гренадеров, вышедших из госпиталя. В сем состоянии помянутого города получено было верное известие, что царевич Александр и Шах-Зада, наследники персидского престола, с 40 тысячами войска идут к Тифлису. Жители Грузии весьма были тем устрашены, и все начали собираться в столицу. Г. Портнягин, не предвидя ниоткуда помощи, составил совет, к которому пригласил и меня. Общая польза и собственная безопасность заставила меня принять воинскую обязанность, хотя я был уже в отставке. Первое предложение мое было сделать исчисление жизненных припасов, в магазинах и во всех обывательских домах находящихся, и сколь можно, запастись оными из ближайших селений. Пороху, свинцу и ядер было достаточно. Но надлежало исправить старые лафеты грузинских пушек и пристроить к каменным стенам города возвышенные платформы. Это принял я на себя.

Жители города Тифлиса состоят по большей части из купцов и ремесленников, не говоря о хлебниках, мясниках, садовниках и прочих разной промышленности людей, необходимых в больших городах. Все они любят оружие, умеют им действовать и почитают щегольством иметь по возможности хорошее. Ремесленники занимаются своей работой всегда в своих лавках, где и продают готовые вещи.

Для обороны мы разделили начальство над городом на части, и, по совету моему, приказано было всем жителям, по пробитии вечерней зари, выходить с оружием на площадь. Там комендант рассчитывал их на сотни и десятки и приказывал каждому отделению занимать назначенное ему на городской стене место. Не считая пеших передовых постов и конных разъездов, все должны были во всю ночь находиться на стенах. Женщины приносили им ужин, а они проводили всю ночь в разговорах, музыке и песнях. По пробитии утренней зари оставались одни караулы, по очереди наряжаемые. Прочие же жители возвращались в свои дома, где отдыхали до 10 часов утра. После чего открывались лавки, начинались торговля и ремесла и продолжались до вечера. Таким образом в течение нескольких дней продолжалась вся воинская осторожность без особливого отягощения для жителей.

Слух о нашествии персиян был справедлив. Они вступили в Борчалинскую провинцию Грузии, населенную татарами. Эти

последние за год пред тем обещали иметь для них в запасе достаточное количество провианта, но по причине неурожая не могли исполнить своего обещания. Раздраженные сим цесаревичи Александр и Шах-Зада велели казнить несколько человек агаларов, татарских наследственных старшин, составляющих между ними первую степень дворянства, отнеся сие обстоятельство к их измене. После этого они намерены были возвратиться. Но татары, желая им за то отомстить, склонили их продолжать поход чрез ущелья гор, населенные армянскими деревнями, обнадеживая их найти в оных достаточное продовольствие. Персияне на то согласились. Они же, уговорясь с армянами, своими соседями, дали им вступить в тесные ущелья гор. Потом, напав на них нечаянно со всех сторон, произвели сильное пораженье. Царевич и Шах-Зада едва с малым остатком своего войска успели спастись бегством. Освободившийся при сем случае из плена наш генерал-майор грузинский князь Орбелианов привез нам сие известие. [12]

Захват эчмиадзинских сокровищ

Стоявший с полком своим близ границы Персии генерал-майор Несветаев, узнав, что армянский патриарх со всем богатством возвратился в Эчмиадзинский монастырь, сделал на оный нападение. Патриарх успел уйти, но Несветаев захватил все бывшие при нем вьюки, монастырские сокровища и много святынь, из которых знаменитейшими были большая часть животворящего креста и копья Логина сотника, которым пронзил он ребра Спасителя.

Копье Логина сотника

О сей последней святой достопамятности армянские историки повествуют следующее. Когда Иисус Христос родился и был распят, тогда Армения, хотя и имела своих царей, но была в зависимости от римлян. Логин сотник, будучи армянином, служил в войске римском и находился при распятии, как упоминается о том в Евангелии. Устрашенный чудесами, при том последовавшими, получил он веру в Спасителя Мира, принял

учение апостолов, оставил воинскую службу и, возвратясь в отечество, принес свое копье. Оно с тех времен хранилось в основавшейся уже тогда первобытной христианской церкви.

Из той же истории известно, что еще прежде сего происшествия армянский царь Тридат писал к Спасителю, прося его посетить его страну. К нему послан был евангелист Лука. Итак армяне имеют право древностью своего христианства поставить себя выше всех европейских народов.

От сего копья хранится одно железо. Оно плоское, наподобие продолговатого, вверх обращенного сердца, или сказать экс-пантона, недавно вышедшего из употребления в европейских войсках. Длина его невступно один фут, а широта при нижнем конце дюймов в пять. Посреди ратовища, как видно уже потом, изображен осьмиконечный крест.

Генерал Портнягин, начальствовавший тогда в Тифлисе, не хотел принять помянутых вещей без свидетельства знатного духовенства, чиновников и дворянства; к чему приглашен был и я. Но, к общему удивлению, нашлось, что кроме святынь все доставленные генералом Несветаевым вещи были весьма малозначащи.

Счеты по сдаче полка

Между тем узнал я, что генерал Маматказин составляет ведомость о недостатках бывшего под начальством моим полка с большим прибавлением против настоящих. Хотя Император и повелел принять оные на счет казны, но я не хотел, чтобы такой несправедливый счет отнесен был к моему несмотрению. Еще вскоре по получении мною отставки, не сдавая никому моей должности, дал я приказ, по которому все ротные командиры, квартирмейстеры и казначеи должны были подать мне ведомости о числе и состоянии находящихся у них вещей, за их подписанием, с засвидетельствованием всех штабофицеров. Почему и просил я г. Маматказина прислать мне его ведомость для рассмотрения, так как найдутся, может быть, в оной такие предметы, которые приму я на свой счет. Получив его ведомость и поверив ее с находящимися у меня, увидел я, что вместо требуемых им 60 000 рублей следует пополнить недостатки с небольшим в 2 000 руб. Видя такую его несправедливость, отослал я ведомость его в Грузинское гражданс-

кое правление, прося составить мне с оной засвидетельствованную копию с прибавлением в оной белой графы для поверки. Получив обратно обе ведомости, подвел я счет, за который ответствуют по силе находящихся у меня ведомостей все штаб- и обер-офицеры полка. По этим же ведомостям полковые недостатки простираются с небольшим только до 2 000. Потом я отослал к нему обе ведомости при моем отношении. Г. Маматказин столь был неосмотрителен, что послал оные к Императору с жалобою на меня. Государь по рассмотрению оных, сделал ему жестокий выговор, послал 5 000 руб. серебром и присовокупил, что если он сделает еще какие притязания в приеме полка, то в то же время прислан будет на место его другой начальник.

Лишь только он счет получил, то тогда же прислал мне квитанцию, а князь Цицианов — подорожную, открытый лист для конвоя и повеления исправникам для доставления всех выгод во время моего проезда чрез их округи.

Хотя князь Цицианов всегда был ко мне неблагорасположен, однако ж, совет мой, данный ему при осаде Эривани, оставался у него в памяти. И потому с возвращением своим из сей экспедиции писал он в Астрахань, дабы вооружили эскадру на Каспийском море. По повелению его той же весной генерал-майор Повалишин, бывший комендант в Астрахани, с двумя тысячами татарского гарнизона, посаженными на фрегаты и военные галеоты, вышел в море. Но вместо того чтоб идти к Астрабаду, предписано ему было иметь плавание только до берегов Шемахинской провинции. Проходя мимо приморского персидского города Баку, требовал он сдачи крепости; но как хан бакинский ему в том отказал, то и пошел он далее к Шемахе и сделал высадку на берег оной. Хан сей провинции, собрав войска, вышел ему навстречу, и Повалишин по неудачном сражении отступил на свои суда. Оттуда пошел он обратно к Баку и вторично требовал сдачи; когда же и в другой раз было ему отказано, то приступил он к бомбардированию города. Между тем персияне успели построить несколько приморских батарей, с которых открыли против эскадры его столь сильный огонь, что он с большим повреждением его фрегатов вынужден был ретироваться на остров Сару. Отсюда и послал он донесение к князю Цицианову о неудачных своих покушениях.

Поход князя Цицианова против г. Баку

Князь Цицианов столько был тем раздражен, что, произнеся при всех на счет его самые обидные слова, сказал, что он сам пойдет с двумя тысячами войска сухим путем и уверен, что чрез несколько дней возьмет Баку. Он был тогда в Ганже, и надлежало ему для сего проходить поблизости гор Дагестанских, населенных лезгинами. Эти последние могут в короткое время поставить до 40 тысяч лучших всадников, и при том они были уже столько им оскорблены. А далее он должен был проходить через владение Шемахинское, хан которого отразил десант Повалишина. Поэтому все отнесли сперва сии слова князя Цицианова исступлению его гнева. Но они еще более были удивлены, когда он, взяв с собою две тысячи пехоты, двести казаков и несколько полевых пушек, выступил в назначенный самим себе поход.

Я был тогда еще в Тифлисе и ожидал кровопролитной встречи при подошве гор Дагестанских, но, сверх всякого чаяния, прошел он мимо них без малейшего препятствия. Шемахинский же хан встретил его с большими почестями и просил его покровительства. Легко можно было догадаться, что в таковом их покорстве скрывается опасный ход. Но князь Цицианов, как видно, вовсе о том не думал, и, придя к Баку, стал лагерем в расстоянии на дальний пушечный выстрел от крепости. В первый день его туда прибытия, после полудня, явился в ставку его персидский чиновник с ключами крепости и с договором о сдаче. Ослепленный мнимыми своими успехами, князь Цицианов с гордостью спросил его: «Ты ли хан Бакинский?» — «Нет, — отвечал чиновник, — я его посланный». — «Возьми же, — сказал он, — твои ключи, поди в крепость и скажи хану, чтоб он сам подал мне ключи и на коленях просил прощения в его поступках. А без того, взяв город, велю прогнать его сквозь строй». Чиновник, взяв ключи, пошел обратно и возвратился чрез несколько часов, принеся следующий ответ: «Так как хан мой, — говорил он, — имел уже намерение воевать против войска великого Александра*, то и почитает он несоответственным званию его, не получив прощения, явиться в неприятель-

* Персияне в льстивых и обманчивых своих выражениях всегда называют так императора Александра I.

ский лагерь. Если же князь желает непременно, чтоб он сам подал ему ключи и просил прощения, то он готов сие исполнить с тем, чтоб назначено было ему для того место между лагерем и крепостью и определено было время, в которое ему явиться и в каком числе людей». Князь Цицианов отвечал ему: «Я буду сам четверт». — «И хан мой возьмет с собою не больше трех человек», — сказал посланный. После сего вышли они оба из палатки. Князь, указав посланному круглое возвышение между лагерем и крепостью, сказал: «На этом кургане, завтра поутру в шесть часов». Выслушав сие, посланный поехал в крепость.

Гибель князя Цицианова

В назначенное время князь Цицианов, взяв с собою подполковника грузинского князя Эристова, одного адъютанта и одного казака, поехал верхом к сказанному возвышению. Едва примечено было сие из крепости, как появились оттуда четыре человека, в числе которых был и хан. Не доезжая шагов с пятьдесят до кургана, сошли они с лошадей, хан взял блюдо и, положа на оное ключи, пошел пешком к князю Цицианову. Увидя сие, сошел он также с лошади, что и прочие сделали, принял ключи, отдал своему адъютанту и, сказав несколько слов хану, стал садиться на лошадь. Лишь только поставил он ногу в стремя, как один из бывших с ханом, выхватив из-за пояса пистолет, выстрелил ему в самый затылок. Он упал под лошадь. А выстрел сей был знаком для отряда самых легких персидских всадников, которые, быв скрыты поблизости в одной лощине, с невероятною скоростью окружили высоту. Прежде нежели наши успели взяться за оружие, отрубили они всем головы, исключая казака, которого отпустили в лагерь; тела же убитых увезли в крепость.

Генерал Повалишин, соединившийся с отрядом покойного князя Цицианова и принявший начальство, не знал что делать. Он стрелял по крепости, но ему мало отвечали; а наконец получил он и повеление от прибывшего в Грузию фельдмаршала графа Гудовича возвратиться со всеми в Астрахань.

После сего происшествия жители города Баку, опасаясь мщения русских, прибегнули к новой хитрости. Они взбунто-

вались против своего хана, выгнали его из города, а правление поручили его сестре. Сия женщина, якобы гнушаясь поступком своего брата, отдала город и провинцию державе Российской, за что получила от оной знатное вознаграждение; а брат ее награжден был в Персии и получил другое ханство.

Отъезд Тучкова из Грузии

Пред отъездом моим из Грузии Анна, царица имеретинская, просила меня, чтоб я взял от нее письма и подарки к императору Александру и ко всей высочайшей фамилии. Письма ее состояли в изъявлении благодарности за покровительство; а подарки — в оружии для государя и в шалях для государынь. Я, надеясь найти еще знакомых людей у двора, решился ей в том не отказать. Итак в конце 1805 года оставил я Грузию. Около ста особ знатнейших жителей проводили меня при выезде из Тифлиса до первого ночлега, а некоторые из них до самых гор Кавказских. Когда же проехал уже я границу Грузии, то нарочно посланный привез мне свидетельство за подписанием почти всего духовенства, дворянства, граждан и купечества города Тифлиса, состоящее в том, чти во время свирепствовавшей в сем город чумной болезни принял я все спасительные меры к сохранению их жизни и имущества; что, отделив здоровых от зараженных и выпустив первых в надежное место, остался сам с одними зараженными чумою, медицинскими и полицейскими чинами и проч.

Я представил сие свидетельство куда следовало, но без всякого успеха. И тогда же я заключил, что начали у нас награждать не по заслугам, но по произволу высшей власти.<...> [13]

МЕМУАРЫ ГРАФА ДЕ РОШЕШУАРА, АДЪЮТАНТА ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

(Революция, Реставрация, Империя)

<...>Мы вышли из Анапы вечером. Ришелье расстался с нами в версте от города; он направился по дороге в Тамань, а мы повернули вправо и углубились внутрь страны. Стоял конец июня, удушливая жара позволяла идти только ночью: нашими проводниками в этой незнакомой местности, поросшей непроходимыми чащами, были черкесские князья, враждовавшие с теми, кого мы собирались наказать, мурзы, знатные татары и, главным образом, доблестный Газлам-Гхераи.

Перед восходом солнца мы остановились в прелестной долине, орошаемой рекой Атакум, чтобы предоставить отдых пехоте. Генерал принял все предосторожности, хотя казаки-разведчики не обнаружили присутствия неприятеля: он воевал уже несколько лет на Кавказе и знал из опыта, как пользуется воинственное население гор малейшей неосторожностью для нападения врасплох на беспечные отряды, оканчивающегося их полным уничтожением. Были установлены конные разъезды и аванпосты, пока пехота варила себе обед и пользовалась четырехчасовым отдыхом.

Старый черкес, Пек-мурза <...> сказал нам: «Мы в недалеком расстоянии от жилища Шеффи-Бея, предводителя отряда, совершившего набег на казаков, похитившего их жен и угнавшего скот; долина, где мы расположились, принадлежит ему; его аул следует разграбить». Генерал приказал мне захватить пятьдесят казаков и столько же стрелков, чтобы разорить указанный аул. «Будьте осторожны, не двигайте сразу всех людей, пошлите казаков-разведчиков осмотреть селение, убедиться в присутствии или отсутствии жителей. Остерегайтесь засад, держите всегда в запасе сильный резерв, в особенности не относитесь легкомысленно к врагу, если он решится оказать сопротивление. Предупреждаю вас, что молодцы эти неустрашимы и чрезвычайно опытны в искусстве ведения войны; сту-

пайте, Бог вам на помощь! У меня будет наготове отряд, чтобы вас выручить, в случае, если там окажется слишком много черкесов». Генерал знал, что мне впервые предстояло иметь дело с неприятелем и кавказский способ войны мне незнаком; принятая на себя ответственность вменила мне в обязанность ни в чем не уклоняться от его мудрых наставлений.

Наш проводник по выходе из лагеря повел нас по тропинке влево; скоро мы очутились в густой чаще, однако, затем разредевшейся к нашему счастью и превратившейся в высокоствольный лес, позволявший видеть, что происходило вокруг. Три казака двигались впереди вместе с проводником; еще четыре следовали за ними на расстоянии пистолетного выстрела, шесть казаков с каждой стороны прикрывали фланги колонны, остальные находились около меня; я расставил шесть стрелков между колонной и фланговыми казаками. Так прошли мы версты две и наконец увидали первые строения аула. Семь казаков авангарда проникли в селение с пиками наперевес, но, будучи людьми осторожными, несмотря на нетерпение предаться грабежу, не сошли с лошадей, не уверившись, покинуты ли дома жителями, или нет; и благо им, потому что не успели они поравняться с первой саклей, как раздался выстрел. Юноша соскочил с плоской кровли, испустив пронзительный крик, долго звучавший у меня в ушах: «Это тревожный крик, — предупредил меня проводник, — Будьте осторожны». Я сейчас же отделил половину своего маленького отряда в застрельщики. Едва было закончено построение, как завязалась горячая перестрелка между моими стрелками и человеками тридцатью черкесов, гораздо более искусных, чем мои солдаты. Я приказал половине казаков спешиться и передать лошадей двум или трем из товарищей, остававшимся в центре.

Местность была для нас неблагоприятная, в одну минуту у нас оказалось четверо раненых; неприятель под прикрытием деревьев мог спокойно прицеливаться. Я спросил у проводника, не более ли открыта другая сторона аула? Он ответил, что шагах в ста впереди находится безлесая долина. Я приказал прекратить стрельбу, выслал вперед унтер-офицера с пятнадцатью стрелками беглым шагом для занятия поляны и последовал за ним с остальной частью своего отряда. Такой маневр не мог совершиться без новых потерь; был убит мой самый храбрый сержант, и шесть стрелков и казаков ранены муллой

в зеленой чалме; его сын заряжал ружье, пока он стрелял из другого; бедняга сержант был сражен пулей в сердце в ту минуту, когда хотел броситься на проклятого муллу; за его смерть не замедлило последовать отомщение. Воспользовавшись мгновением, пока мулла менял ружья, на него устремился казак и пронзил ему тело пикой. Увидав, что бешеный мулла убит, его спутники обратились в бегство. Я вышел из лесу, энергично преследуя последних нападавших, до поляны, где я очутился в большей безопасности; вскоре они исчезли окончательно. Боясь, как бы не совершить нового промаха, я остановился, попрежнему под прикрытием застрельщиков: выслал двадцать казаков обыскать аул, захватить что можно и поджечь сакли. Когда был разложен огонь, изнутри сакли послышались крики, указывавшие на присутствие там женщин. Я приказал подать им помощь. Тридцать голов рогатого скота, шесть лошадей, полтораста баранов, много ячменя, восемь женщин, пять грудных младенцев, трое больших мужчин (и среди них брат главы аула) достались нам в виде трофеев. Стрелки и казаки разделили между собой захваченное платье и оружие; я взял на свою долю кинжал, найденный за поясом ужасного муллы.

Обратив аул в пепел, я собрал добычу и двинулся в обратный путь, торопясь выбраться из леса, где небольшие силы легко могли отрезать нам отступление. Раненые были в состоянии идти пешком; тело сержанта положили на носилки, наскоро сплетенные из ветвей. Генерал, услыхав горячую перестрелку, выслал мне в подкрепление роту солдат, доктора и повозку для раненых и пленных, стеснявших движение. Солдаты пожелали нести носилки, где покоилось тело сержанта: несмотря на усталость, они захотели отдать ему эту последнюю честь.

По возвращении генерал поздравил меня с полным успехом предприятия. Три пленника, в том числе брат Шеффир-Бея, предоставляли нам возможность произвести выгодный обмен с черкесами. Что касается пленниц, я ожидал увидеть красавиц-черкешенок; но меня постигло полное разочарование! Все были старые и некрасивые. Одна из них рассказала, что она казачка, похищенная несколько месяцев тому назад; ввиду ее беременности у нее спросили, кто же тому причиной? «Бог знает, — отвечала она, — их было так много, что я не знаю, кто отец ребенка!»

Мы выступили из лагеря около полуночи, чтобы опустошить владения Кхалабат-Оглы, убийцы отца нашего друга Газлама, главного зачинщика последнего набега на казаков и их жестокого врага. Следовало его наказать примерным образом, чтобы надолго лишить возможности нападать и грабить.

Полное отсутствие дорог делало продвижение очень утомительным: приходилось расчищать себе путь среди густых лесных чащ и зарослей и строить мосты через каждую речку или поток для переправы артиллерии. Наконец, в девять часов утра показалось жилище вождя. Некоторые приготовления к защите доказывали, что он был предупрежден; ему не удалось их закончить. Казаки устремились на главный аул, даже не ожидая приказа генерала, и сразу зажгли его в нескольких местах. Все население спаслось бегством в соседние леса, не успев ничего с собой захватить; нам в добычу досталось большое количество лошадей, рогатого скота, баранов; все было покончено раньше, чем мы успели осмотреться и принять меры предосторожности для обеспечения своей безопасности. Пехота, изнемогавшая от усталости, улеглась без горячей пищи. Положение оказалось отвратительным: перед нами крутая гора; с обеих сторон непроходимые леса; наконец, сзади узкий проход, по которому мы пришли, — единственный выход из ужасной западни.

Воспользовавшись бездействием черкесов, застигнутых врасплох нашим нападением, генерал Гангеблов построил войска четырьмя каре, расположенными в виде четырехугольника. Два каре передней линии выдвинулись по возможности дальше в узкий проход, наш единственный путь отступления. Генерал поместился в центре с резервом пехоты, фургонами, артиллерией и двумя сотнями казаков; остальная конница была выслана в проход, чтобы обеспечить свободный путь. Когда все построения были выполнены, генерал приказал лечь двум рядам с каждой стороны каре, а третий ряд остался на ногах, чтобы сторожить и не дать себя захватить врасплох. После четырехчасового отдыха и горячего обеда генерал решил покинуть эту опасную позицию и провести остаток дня в местности, более благоприятной. При первом же движении мы подверглись нападению со всех сторон; к счастью, путь отступления оставался свободным. Полчища всадников в же-

лезных бронях вынеслись из непроходимых лесов; пешему европейцу не удалось бы пробраться сквозь эти чащи без помощи топора. В одну минуту нас окружило шесть тысяч всадников, вооруженных ружьями, саблями, пистолетами, пиками и даже луками, стрелявшими остроконечными стрелами, причинявшими тяжелые поражения. Нас ждала погибель: если бы генерал заранее не построил войска в каре, при нападении столь яростном и внезапном, ни одному из нас не удалось бы спастись. Застрельщики поспешно отступили к каре, легли, чтобы дружным залпом двух рядов встретить первый натиск нападающих. Генерал, находящийся в центре, приказал зарядить картечью пушки, из которых можно было стрелять, не рискуя ранить своих людей; картечь произвела ужасное действие на полчища конницы: около двухсот человек легли на месте; оставшиеся в живых устремились в атаку с новой яростью; тщетно самые отважные храбрецы пытались прорвать наши ряды; об европейскую тактику и хладнокровие солдат усилия их разбивались бесплодно. Они старались проникнуть сквозь интервалы до наших пушек, артиллеристы падали около своих оружий, сраженные пистолетными выстрелами и даже сабельными ударами. Генерал приказал трем стрелковым ротам встретить штыками неустрашимых наездников и заставить их отступить; я принял участие в этой атаке, при чем подо мной была убита лошадь, но я сам не получил ни малейшей царапины.

Наш меткий огонь и штыковая атака рассеяли полчища всадников и дали нам возможность продолжать отступление, сражаясь на протяжении двух с лишком верст. Наконец на склоне дня мы добрались до своего прежнего лагеря. Положение было превосходное, мы могли удобно развернуться; несколько залпов повзводно, десяток пушечных выстрелов освободили нас совершенно от присутствия неприятеля. Генерал, уверенный, что ночь пройдет спокойно, потому что турки и черкесы бьются только днем, принял однако все предосторожности, чтобы оградить себя от неожиданного нападения. Он воспользовался отдыхом, чтобы привести в известность наши потери; оказалось двадцать один человек убитых, в том числе два офицера и четыре унтер-офицера, сорок человек раненых и двенадцать лошадей, выбывших из строя. Потери черкесов, вероятно, были значительны: наши солдаты

обобрали более трехсот трупов, богато одетых и вооруженных. Я так долго останавливаюсь на подробностях этой экспедиции, чтобы дать понятие, как велась в то время война на Кавказе.

На следующий день мы продолжали свой путь в другом направлении. Генерал потребовал, чтобы проводники заранее предупреждали о характере местности, где пролегал наш путь, боясь очутиться снова в таком же опасном положении, как вчера. Предав огню еще несколько аулов, захватив большое количество лошадей, рогатого скота, баранов, мы снова перешли через Кубань и вступили в пределы России, через неделю после выступления из Анапы. <...>

Месяц спустя я был произведен в поручики, оставаясь попрежнему в свите новороссийского генерал-губернатора, прикомандированным к его особе в качестве адъютанта. По представлению герцога Ришелье генерал Ганглеблов был награжден Георгием 3-й степени.

По возвращении в Одессу я вступил в исполнение своих служебных обязанностей при герцоге Ришелье. Племянник генерала Коблея, коменданта города Одессы, по фамилии Стемпковский, заменил Альбрехта, убитого под Измаилом. Мы следующим образом поделили работу: старший адъютант, капитан, знаток канцелярского дела, разбирал рапорты войсковых частей, находившихся под командой генерал-губернатора. Я, младший адъютант, заведывал домом, частными делами герцога, расходами, конюшней, перепиской на французском языке, работами по украшению города Одессы: устройством бульваров и садов, тротуаров, собрания. Затем следовал Стемпковский, без определенных обязанностей. Это был прекрасный товарищ. <...>

<...> Постоянные набеги, совершаемые черкесами, требовали быстрого усмирения. В Петербурге был решен серьезный поход для примерного наказания зачинщиков беспрерывных грабежей. Несмотря на большое желание, мне не пришлось в нем участвовать.

Мой брат уже несколько месяцев руководил возведением редутов для укрепления границы на берегах Кубани. Он играл видную роль в этой экспедиции. Генерал Рондзевич, главнокомандующий, поручил ему произвести ложную атаку. Он должен был первым перейти Кубань и привлечь внимание и силы

черкесов, тем временем как генерал, подоспев с другой стороны, должен был захватить неприятеля между двух огней. Отряд, вверенный Людовику, состоял из четырех стрелковых рот целого казачьего полка, шестисот лошадей и батареи горных гаубиц.

Брат переправился через Кубань в темную ночь. Совершив пятичасовой переход, он напал на аул эмира Ахмета, главного зачинщика всех нападений на владения казаков. В одну минуту все селение сделалось добычей пламени; только крики убиваемых женщин, да плач детей, испуганных пожаром, отвечали на громкое "ура" казаков. Все мужчины под начальством своего вождя совершали новый набег на казачьи селения, к своему несчастью как раз в том месте, где генерал Рондзевича предполагал вступить в Черкесию. Вместо нескольких казаков они наткнулись на целый корпус и понесли большие потери.

Брат, убедившись в отсутствии мужчин в ауле, захотел прекратить убийства женщин, советуя набрать по возможности большее количество пленниц. Казаки, опьяненные кровью, не слушались; ему пришлось преградить им дорогу при помощи более дисциплинированных саперных солдат. Около горевшего дома брат увидел молодую девушку замечательной красоты: на ее грудь было направлено три штыка; плетью, родом кнута, из ремней, толщиной в палец на короткой рукоятке, он разогнал убийц. Девушка, уже раненная, видя в брате спасителя, бросилась ему на шею, чтобы избавиться от верной смерти. Наконец брату удалось заставить себе повиноваться; он собрал свой отряд, подсчитал пленниц — сорок человек женщин и детей — и приказал отступать, оставив на месте шестьдесят трупов. Молодая девушка, преисполненная благодарности к спасителю своей жизни, с радостью подчинилась обычной судьбе пленниц в этой стране, где они становятся рабынями победителей. Аббаса поселилась в палатке своего господина и повелителя, не только не ропща на свою участь, но видимо радуясь ей, потому что страстно полюбила своего избавителя. За блестящее поведение брат получил чин майора при штабе.

Поход генерала Рондзевича увенчался полным успехом: было захвачено большое количество мужчин, женщин, детей, скота и хлеба. Благодаря такому наказанию, черкесы присмирели на несколько лет. Они стали просить мира, приняли все предложенные условия и получили разрешение выкупить или

обменять забранных у них пленниц. Эмир-Ахмет предложил в обмен за свою дочь несколько кобылиц; атаман уговорил генерал-губернатора принять выгодное предложение; герцог Ришелье, обладавший широкими полномочиями, подписал мир. Брата уведомили о желании Ахмета, он отвечал, что не станет делать препятствий, отказался от выкупа, но заявил, что не в его власти вернуть прекрасную пленницу в том виде, как она ему досталась, она носила под сердцем очевидный залог близости с ним. Отца предупредили о таком приключении, извиняясь превратностями войны, незнанием высокого происхождения пленницы и т. д. «Она беременна, — сказал эмир Ахмет, — тем лучше, я продам сразу корову и теленка!» Трогательная отцовская заботливость! После того состоялась требуемая передача. Бедная Аббаса пришла в сильное отчаяние, когда настал час разлуки с тем, кто спас ей жизнь, был ее первой любовью, и ей пришлось вернуться к отцу, нисколько не тронутому ее слезами: он только высчитывал, сколько получит взамен кобыл и мешков соли, по условиям оценки скрещения пород. <...>

<...> Выступив из Суджук-Кале за два часа до рассвета, мы пришли к полудню в прекрасную долину, хорошо возделанную, окружавшую большое селение. Пока пехота обедала и отдыхала, Газлам отправился с казаками на разведку неприятеля. Вернувшись, он взволнованно подъехал к Ришелье и сказал ему: "Я возмущен предательством князей, заманивших нас сюда, в особенности, доводами, какими они постарались меня ослепить, чтобы вовлечь вас в это предприятие. Негодяи будут жестоко наказаны, клянусь в этом, или я сам останусь на месте! Я хочу отомстить и доказать, что я не способен на измену! Вожди, нам указанные, действительно здесь, но в сопровождении по крайней мере десяти тысяч вооруженных воинов, скрывающихся в лесах. Судя по замеченным мною приготовлениям, скоро последует нападение; постарайтесь занять ущелье, замыкающее долину, раньше чем им завладели черкесы». Герцог Ришелье уверил Газлама, что не сомневался ни в его верности, ни в его преданности, и отдал приказ двинуться вперед. Газлам, с разгоревшимися глазами, сбросил серый башмак на руки сопровождавшего его всадника и появился весь закованный в железо, обнажил саблю, повешенную на кисть руки на богато вышитом темляке, натянул лук, взял стрелу из колчана и ринулся вперед во главе двух казачьих полков, по-

лучивших приказ занять ущелье. Он был великолепен. Два батальона 22-го стрелкового полка и четыре орудия следовали за казаками беглым шагом; они достигли цели беспрепятственно, но едва двинулся центр отряда, стремясь по возможности уменьшить промежуток, как раздавшиеся со всех сторон пронзительные крики послужили сигналом общей атаки. Несколько залпов картечью не остановили неустрашимых воинов; пришлось отбивать их нападение штыками; началась ужасная рукопашная борьба, окончившаяся страшной резней.

В пылу битвы черкесы не заметили, что оказались между двух огней, авангарда и центра. Чтобы завершить поражение, Газлам-Гхераи, овладев входом в ущелье, повернул свои казачьи полки; один впереди строя, он воодушевлял их голосом и движениями и направился с ними к опушке леса, чтобы отрезать врагу всякое отступление, как вдруг пуля ранила его в поясницу. Он подозвал своего друга, Султана-Али. «Поддержи меня, чтобы врагам не насладиться радостью при виде, что Газлам упал». В эту минуту вторая пуля раздробила ему челюсть. Черкесы устремились вперед, чтобы его подобрать, но казаки, боготворившие его, не допустили их овладеть телом. Полная победа осталась за нами, черкесы оставили до двух тысяч трупов на поле сражения. Казаки рассыпались повсюду, подожгли аул, сгоняли стада, обезумевшие от залпов и от пожара. Засада, устроенная для нас, дорого обошлась зачинщикам! Я слышал, что двадцать лет спустя черкесы вспоминали еще об этом деле, где потеряли самых славных вождей своих. С нашей стороны урон, за исключением Газлама, был незначительный.

Газлам, умирая, с угасшими глазами, поручил жену и детей заботам Ришелье, склонившемуся над ним. Эскорт, состоявший из всех его друзей, проводил его смертные останки до селения в Крыму, где он жил. По приказу губернатора, ему были отданы почести, следуемые полковнику, каковой чин был ему пожалован государем в прошлом году. Художник, шотландец Ален, преподаватель рисования детям графини Потоцкой, нарисовал картину, представлявшую Газлама и Миру, переплывающих Кубань: лица были очень похожи и местность передана очень верно; картина имела большой успех. Его И.В., великий князь Михаил, купил ее и сделал с нее гравюру. Казаки, боготворившие Газлама, украсили этой гравюрой свою ставку. Мира вышла замуж за Султана-Али через несколько месяцев после смерти Газлама.

ДВА ГОДА В РОССИИ

Глава VI

ПРИБЫТИЕ В МОЗДОК. — ОТЕЦ ЭНРИКЕ

<...> Моздок — достаточно многолюдный город, и ему суждено в недалеком будущем играть важную роль благодаря торговле и стратегически важному расположению. Он находится на левом берегу Терека; река сия берет начало в Кавказских горах и, прихотливо извиваясь, впадает в Каспийское море, образуя с последним зримую границу меж Европой и Азией.

Немало миссионеров-иезуитов обосновалось в Моздоке; предвидя будущность сего города, они держат помещение, предназначенное для оказания гостеприимства проезжим католикам. Казенная квартира, куда Ван-Галена направили по предъявлении им подорожной, оказалась крайне грязной и жалкой, поскольку местная знать из-за постоянных превратностей войны находится в удручающем положении: комендант Моздока жаловался на скудость своего жилища и посоветовал Ван-Галену обратиться в иезуитскую миссию и попросить приюта на ночь. Тогда вся миссия сводилась к двум монахам, один из коих объезжал округу, исповедуя поляков и прочих католиков, служащих в русских войсках; другой, отец Энрике, принял Ван-Галена с величайшим радушием и сердечностью. Пристанища наших миссионеров в Азии, как правило, не защищены от грабежа и разрушения, неизбежных в подобной войне. Наш путник устроился в доме, обставленном со вкусом, хотя и не роскошно; ему подали хороший ужин, затем монах нанес ему визит, оказавшийся весьма приятным благодаря разнообразным и поучительным речам досточтимого отца. По акценту Ван-Галена он сразу определил, откуда тот родом, и высказал горячее желание узнать, какие необычайные причины привели испанца в столь отдаленные края; и, дабы вызвать его на откровенность и побудить к рассказу о пережитых им приключениях, отец Энрике начал с того, что поведал ему о своих.

Монах, сидящий перед Ван-Галеном, был одним из самых необыкновенных людей, каких ему доводилось встречать в жизни. Он знал все европейские языки и, сверх того, китайский, грузинский и персидский; заметим, что персидский язык в Азии распространен так же широко, как французский — в Европе и испанский — в Америке. Рожденный в Намюре, в Бельгии, он с 1773 по 1775 год объехал всю Италию и Германию. Вынужденный оставить родину по причине французской революции, он решил отправиться в более отдаленные страны; много лет провел он в Китае; оттуда двинулся через Азию; на всем своем пути он проповедовал Евангелие и обращал язычников в истинную веру, а теперь обосновался в Моздоке, где, без сомнения, сказал он, и завершит свой путь. Чувство глубокого почтения, внушенное Ван-Галену отцом Энрике, внезапно подверглось испытанию, когда тот невольно выказал свои политические пристрастия: он явно искал способа восстановить Ван-Галена против генерала Ермолова. Очевидно, монах был хорошо осведомлен обо всем, что творилось вокруг него, и хотя миссионерам запретили пребывание на Кавказе, добрейший святой отец в точности знал, что и когда там происходит. Источником его осведомленности были, разумеется, исповеди. Таким образом, он знал обо всех операциях главнокомандующего лучше, нежели комендант Моздока: на картах, составленных им самим, он отметил пункт, где после трехдневного перехода расположилась ставка Ермолова.

Если учесть силу влияния миссии, руководимой незаурядными умами, да еще в такой стране, где, несомненно, вражда к русской империи долго еще будет передаваться из поколения в поколение, то не только не следует осуждать власти за то, что они запретили иезуитам въезд на Кавказ, но, напротив — следует удивляться, что им еще дозволили перейти Дон и поселиться в столь важном стратегическом пункте, как Моздок.

Иезуиты, бесспорно, исполняют свою высокую миссию весьма успешно и самоотверженно; но их деятельность, при всей ее важности, куда более опасна для планов русского правительства, нежели коммерческая алчность приморских государств, снабжающих воинственных горцев оружием, что подстрекает последних к дальнейшему сопротивлению.

Когда Ван-Гален рассказал миссионеру о своем отъезде из Испании, тот не оценил великодушного жеста Александра, предоставившего испанцу убежище.

— Каждый год ермоловская армия теряет двадцать-тридцать тысяч солдат и соответственное количество генералов и офицеров, — говорил ему отец Энрике, — сие доказывает, что он не жалеет пушечного мяса для бойни, конца коей не предвидится; отсюда следует, дорогой майор, что вы не слишком-то выиграли, жертвуя для общей бойни испанское пушечное мясо, и вряд ли стоит благодарить за это мясника...

От Моздока до Кавказа идет прямая дорога — великий путь в Грузию и Персию: дорога на Кизляр следует по левому берегу Терека.

Вечером 31-го Ван-Гален выехал из Моздока, оставив на попечении иезуита своего арапчонка, не вынесшего тягот пути, и в сопровождении казачьего конвоя, предоставленного ему комендантом Моздока как любому офицеру, едущему в район боевых действий, продолжил свой путь.

Глава VII

НАРОДЫ К СЕВЕРУ И ВОСТОКУ ОТ КАВКАЗСКОГО ХРЕБТА. — ЧЕЧЕНЦЫ

На Кавказе западную часть края или губернии населяют черкесы или черкашины, чьи земли простираются с северо-востока на юго-запад; мы приводим оба названия этого племени, поскольку русские по определенным соображениям обыкновенно именуют черкесами перешедших к ним на службу черкашинов, хотя те и другие ничем не различаются в одежде. Вдоль центральной части, выразимся так, хребта находятся поселения Большой и Малой Кабарды, живут осетины или осеты, а далее к востоку соседствуют с Каспийским морем и Дагестаном чеченцы. Разум приходит в смятение, когда взор обращается к положению Грузии, единственная дорога в каковую через Кавказские горы протяженностью в шестьдесят лиг едва проходима для пешехода: немыслимым делом представляется овладение этой землей, и иные даже поражаются грандиозным планам России присоединить к себе столь недоступную страну, чья история теряется во мраке языческой мифологии; на каждом шагу здесь встречаешься со свидетельствами величайших событий в жизни людского рода, ибо все здесь напоминает о Кире, Александре, Митридате, самом опасном враге рим-

ского народа со времен Ганнибала; в последующую же эпоху она была театром ожесточенных столкновений между Византийской империей и Персией. <...>

Кавказские горы во все времена были обителью многочисленных разбойничьих шаек; приверженность старинным обычаям, беспокойный и воинственный нрав, а равно прирожденное стремление к независимости, которое энергичней проявляется в сердце естественного человека, нежели в душах тех, кто приобщен к утонченным благам цивилизации, заставляет их противиться любому чужеземному владычеству.

Хотя каждое племя горцев отлично от других, все они сходны между собой своей любовью к оружию, склонностью к разбою, яростью в сражениях, неистовой мстительностью и почитанием законов гостеприимства.

В горах этих проживает почти миллион человек, способных носить оружие и привычных воевать в сей местности; сыновья с двенадцатилетнего возраста принимают участие в грабительских набегах вместе со своими отцами, деля с ними все опасности, и многие уже к четырнадцати годам из-за полученных ран лишены возможности покидать родное селение. <...>

Горцев, разделенных непрестанными войнами либо объединяющихся для совместных опустошительных набегов в долины и на равнину, тайными происками возмущают против русского владычества турецкий и персидский кабинеты, и можно утверждать, что все Кавказское пограничье для России является страной, населенной скорей заклятыми врагами, которых нужно подчинять силой оружия, нежели покорными подданными или данниками. Во времена Ермолова было положено немало сил и принесены большие жертвы, дабы держать черкесов, а равно их непосредственных соседей осетинов и кабардинцев в замирении и спокойствии на их собственных землях. Что же до части хребта, примыкающей к Каспийскому морю, то тамошние племена яростно противились любым способам замирения.

С баснословной древности там обитают племена чеченцев и лезгинцев, более многочисленные, чем другие, и наводящие на соседей изрядный страх своим воинственным нравом, дикостью и пристрастием к разбою. Владения чеченцев располагаются между лезгинскими горами и землями кабардинцев и простираются от гребней гигантских гор до берегов реки Терек; горский этот народ выделяется среди прочих обитателей

Кавказа небольшим ростом, крайне воинственным видом, а равно и одеждой.

Дом чеченца построен из ломаного камня, однако он такой же белый, а внутри в нем так же чисто и опрятно, как и в скромных хижинах, стоящих среди валенсийских полей. Постелью чеченцу служат овчины, каждодневной пищей хлеб из пресного теста, испеченный на раскаленных камнях, и кусок полупрожаренного мяса: если же рацион этот удается сдобрить небольшим количеством водки, ничто в мире не может сравниться с его блаженством. Земля, на которой они обитают, чрезвычайно плодородна, однако возделывание ее дает лишь кое-какое количество ячменя (крайне редко пшеницы), скверный табак для трубок да немного лука; этим, пожалуй, ограничивается то, что они получают да и хотят иметь от земли. Охота и разбой вечно гонят их из дому, эти занятия являются для них единственными способами прокормления семьи. Чеченские женщины не столь грациозны и статны, как черкешенки, и хотя по натуре они сладострастны, но принуждены вести унылую, замкнутую и жалкую жизнь. Искусное плетение позументов и золотое шитье на чекменях фиолетового сукна (самый распространенный цвет), какие носят начальники чеченцев, свидетельствует, несмотря на дурной вкус этих изделий, о тонкости рук несчастных сих женщин и показывает, на что они были бы способны, будь им дано хотя бы посредственное образование. Прелесть, какой Природа щедро наделила эти создания, оказывается недостаточной, чтобы тронуть сердца воинов, которые жаждут лишь немедленного удовлетворения своих желаний. Эти дикие горцы, как, впрочем, и другие мусульмане, привычны куда выше ценить коней, чекмени, оружие, водку и трубку, чем преходящую красоту своих женщин.

Черкесы, как проживающие ближе всех к Черному морю, получают контрабандой из порта Анапа, ибо крепость эта была в 1812 году в какой-то мере восстановлена турками, все необходимое для военных действий в обмен на малолетних мальчиков, но более всего на женщин, из которых турки, разумеется, выбирают самых красивых; сюда устремляются также купцы иных наций, влекомые алчностью, ставшей доминирующей страстью нашего столетия, для торговли, столь же отвратительной и постыдной, как и торговля неграми, каковую хоть как-то изобличают пылкие проповеди аболиционистов, требующих

отмены рабства. Таким образом, затраты кавказских горцев на войну компенсируются их природной неприхотливостью, добычей от непрестанных набегов, но прежде всего этой позорной торговлей живым товаром.

Наступление старости, а таковой у них считается возраст от шестидесяти до восьмидесяти (что свидетельствует об их исключительном долголетии), принуждает к отдыху, и старец безропотно удаляется в самую дальнюю и темную каморку в доме, где со стоическим терпением дожидается прихода смерти. Когда же он умирает, старший сын берет себе его оружие и доспехи, предметы бесценные, которые у них переходят из поколения в поколение, в точности как в наших семьях дворянские грамоты. Наследство это обыкновенно состоит из длинного ружья небольшого калибра, длинного же пистолета, кинжала с лезвием шириной в два дюйма у рукоятки и сабли, чаще всего дамасской. Кавказские горцы крайне редко используют копье и стрелы — излюбленное оружие азиатов, проживающих на равнинах.

Чеченцы, столь же ревниво оберегающие свою личную свободу, сколь нетерпимы они к любому иноземному игу, установили в своей стране некую форму федеративного правления.

В обычных условиях старейшины, то есть те, кому перевалило за шестьдесят, решают на своих собраниях вопросы управления, судят тяжбы; при первом же сигнале к войне они на своем собрании выбирают молодого воина, который, благодаря хитрости и доблести, более всего достоин встать во главе воинственных соплеменников, и тот, сложив с себя оружие, получает из рук трех самых старейших членов собрания кольчугу и знаки обретенного сана. Покуда длится война, кровная месть между отдельными родами прекращается. Мстительность — одна из главнейших страстей тамошних горцев; гибель всякого чеченца в бою либо в ссоре обязывает прямых наследников погибшего к неумолимому мщению его врагам. Подобные грубые инстинкты и пренебрежение, выказываемое к женщинам, более всего препятствуют распространению цивилизации и росту народонаселения на этих землях,

Не было еще случая, чтобы кто-либо когда-либо видел чеченца безоружным: они либо погибают, либо убивают. Никогда, даже во сне, он не расстается со своим ужасным широколезвенным кинжалом; правая рука чеченца неизменно лежит

на его рукояти. По манере сжимать оную распознают различные фазы его горделивой воинственности. Это смертоносное обоюдоострое оружие в полтора фута длиной имеет такую остроту, что им можно бриться. Клинки кинжалов, изготавливаемые с превосходным качеством в этой стране и в особенности в Тифлисе, выдерживаются в некой ядовитой смеси, которая делает смертельной всякую рану, нанесенную ими. Когда горец видит, что враг чрезмерно настойчиво преследует его, он берет большим и указательным пальцем правой либо левой руки кинжал за острие и бросает в преследователя с такой меткостью и сноровкой, что в большинстве случаев бросок этот оказывается для того гибельным.

Окрестности Кизляра на всем протяжении от этого города до Моздока, недавно открывшиеся для цивилизации и культуры, неизменно оставались добычей набегов чеченцев, которые, нежданно спустившись из своих гнезд за Тереком, опустошали весь этот край, где Ермолов основал казачьи станицы. И тут как раз нагрянувшие ночью чеченцы захватили в плен мужчин и женщин, угнали стада, похитили плоды земли и к рассвету ушли за Терек в свои неприступные логовища.

Генерал Ермолов, неутомимый распространитель цивилизации в этой любопытнейшей части своей губернии, сознавая необходимость дать ей защиту от губительных набегов, собрал на Тереке часть своей армии и, покинув весной (а здесь это единственное время для военных кампаний) Тифлис, принял командование экспедицией.

Глава VIII

ТЕРСКИЕ КАЗАКИ. — ПРИБЫТИЕ В ШТАБ-КВАРТИРУ ЕРМОЛОВА

Терская линия, прежде пустынная и опасная, последние годы занята станицами казаков, переселенных с Кубани и Дона; семейства их уже занимаются хлебопашеством на этой плодородной земле и построили тут себе дома.

Казаков этих не следует смешивать с проживающими в тех местах, откуда они вышли; здешние казаки отличаются от них одеждой, какую носят, и чрезвычайным усердием как в земледельческих трудах, так и в исполнении военной службы. Командир в каждой такой станице является одновременно и ал-

кальдом, то есть цивильным и военным начальником; именно к нему следует обращаться с подорожной, чтобы встать на постой, получить конвой и подмену почтовых лошадей, поскольку жители станицы обязаны незамедлительно предоставлять их, причем офицерам, чиновникам и курьерам за половину тех денег, какие они взимают с армян и прочих проезжих партикулярных лиц.

Во времена Ермолова поселенцы на Тереке находились в непосредственном подчинении офицеров и назначенных командиров из регулярной кавалерии кавказского корпуса; спустя два года после введения этой системы было отмечено, что терские казаки стали значительно дисциплинированней и деятельней, особенно когда входили в соприкосновение со своими соседями-горцами, Генерал Ермолов, понимая выгоды, какие можно извлечь из разумного использования казаков, сумел в тот год сформировать из них многочисленные подразделения горной артиллерии и весьма удачно применить их для расширения русского владычества на высокогорье.

Из терских казаков сформированы линейные эскадроны, к которым приписаны все мужчины от пятнадцати до пятидесяти лет. Помимо сопровождения, которое они поставляют для охраны обозов, почты и офицеров, они обязаны незамедлительно, через двадцать четыре часа после получения приказа от своего начальствующего, быть готовыми выступить в поход, а чтобы хозяйственные и полевые работы не останавливались на многие дни, с определенной регулярностью сменяется третья часть действующего войска, каковая с помощью женщин, стариков, мальчиков, чей возраст еще не вышел для службы, и инвалидов делает самое необходимое. Кроме того, с 1819 года обязаны они посылать с артиллерией, ежели в том имеется потребность, контингент в один либо два эскадрона. Во времена, когда там был Ван-Гален, в терских казачьих поселениях насчитывалось уже двадцать восемь эскадронов; пехоты, в отличие от русских поселений на севере, там нет. <...>

Средства на содержание каждого казачьего эскадрона черпаются из части доходов от продажи урожая, каковая регулярно производится на рынках Кизляра. Когда казаки пребывают вдали от дома, но на территории своих гор, то получают умеренное содержание, достаточное для прокормления человека и лошади, а также на подковы для нее.

Верность и гостеприимство терских казаков таковы же, как и у их собратьев с Дона. Путешественник, которого они сопровождают, может быть уверен в полной своей безопасности, ибо они скорей погибнут, нежели бросят его. Однако всякому не принадлежащему к их вероисповеданию и проезжающему по их землям следует позаботиться о том, чтобы иметь при себе запас сахару, рому, чаю и погребец с самыми необходимыми вещами, поскольку поселенцы бедны, а сверх того, столь фанатичны в исполнении требований своей религии, что непременно уничтожают предметы повседневного обихода, которыми случилось воспользоваться путешественнику-иноверцу.

<...> Внутри дома их так же чисты и опрятны, как у донских казаков. Как и там, в домах терских казаков главными украшениями комнаты являются симметрично развешенное оружие и конская сбруя, а также — свидетельство их набожности — изображения святых.

Торговые сношения между Тифлисом, Астраханью и Кизляром чудесным образом обезопасились и развились после основания этих поселений; прикрытые линией весьма искусно размещенных крепостей и редутов, они составляют защиту от набегов горцев; благодаря этому русская казна без особых тягот получала значительные доходы, а многие из сопровождавших Ван-Галена поселенцев, вышедших из назначенного для службы возраста, слыли в здешнем крае весьма успешными дельцами.

Проехав от Моздока пятьдесят верст по плодородной, хотя и малонаселенной равнине, Ван-Гален прибыл в Наур, главную станицу Терской области, с весьма приличными улицами и рынками; она сплошь окружена укрепленной стеной, способной защитить жителей от внезапного нападения их соседей-горцев.

Шелковская, расположенная на берегу Терека в девяноста верстах от Наура, — станица небольшая, однако укрепленная. Здесь Ван-Гален нашел два полка, направленные на Кавказ по возвращении из Франции: выйдя из Георгиевска, они следовали в штаб-квартиру, располагавшуюся после одного довольного неопределенного дела в сорока верстах по течению Терека в горах Чечни. Он присоединился к ним, дабы сделать свое путешествие более занимательным. <...> В день прибытия Ван-Галена в Шелковскую началась переправа на противоположный берег Терека; триста калмыцких повозок, до отказа на-

груженных провиантом, тянули волы, столь же уродливые, как их погонщики, и, переправившись через реку, собирались под прикрытием редута, дабы затем отправиться в путь под защитой вышеупомянутых полков. <...>

Два дня гигантский этот обоз перебирался на другой берег, после чего медленно (со скоростью волов) потянулся по чудесной стране, где сочетание лесов, скал, потоков создавало столь живописные и поэтические уголки, какие только способно представить человеческое воображение; земля эта, казалось, молила приложить к ней руки, чтобы отблагодарить за это несметными богатствами. На следующий день конвой прибыл в окрестности Андреевского, столицы чеченских владений. Вокруг этого городка, занятого под штаб-квартиру Ермолова, стояли биваком войска, которыми он командовал в сей экспедиции. На небольшом расстоянии от лагеря оба полка сделали привал в ожидании распоряжений от Ермолова. Неожиданно, вместо адъютанта, явился сам Ермолов, причем пеший и без всякой помпы. Едва солдаты заметили его на ближней возвышенности, как тотчас имя Алексея Петровича с неподдельным восхищением стало передаваться из шеренги в шеренгу, и вскоре колонны были оповещены о приближении этого великого человека. У нас в Европе нет такого обыкновения и нет слов, которые способны были бы передать оценку воинских достоинств главнокомандующего, какая выражается русскими солдатами, когда они называют его крестильными именами без упоминания фамилии. Возвращаясь после Парижской кампании, император Александр доверительно признался одному из своих адъютантов, что никогда не испытывал большего душевного удовлетворения, чем однажды ночью, когда услышал, как солдаты, недавние победители в Лейпцигской битве, называли его в разговоре между собой Александром Павловичем, вместо того чтобы титуловать, как положено, царем.

Всем новоприбывшим офицерам было приказано на следующий день в шесть утра представиться главнокомандующему. Они были введены в кибитку Ермолова графом Николаем Самойловым, одним из четырех адъютантов генерала. Тот обнял знакомых офицеров, служивших под его началом в кампаниях 1812 и 13 года. После чего долго беседовал с остальными офицерами. <...> Генерал проводил параллель между широкомасштабными военными действиями в Германии и войной в

горах, где более необходимо обладать инстинктом, чем полководческими талантами, а в завершение порекомендовал им практически изучить такие различные методы ведения войны, как метод Фридриха* и метод (тут он бросил взгляд на Ван-Галена) Мины.**

Ермолов роста был высокого, сложения геркулесовского и чрезвычайно пропорционального, могучей комплекции: внешность имел благородную; черты его лица были не грубы, а само оно было исполнено достоинства и энергии; когда же он устремлял на кого-либо живой и проницательный взор, в нем читались безукоризненная душа и возвышенная натура. Никто, учитывая его положение, не был менее склонен блистать заученными фразами: поистине, мало кто нуждался в этом менее, чем Ермолов.

Отпуская офицеров, Ермолов сделал знак Ван-Галену задержаться, и вскоре они остались вдвоем, после чего главнокомандующий, сложив руки за спиной, сказал, что был извещен о его скором прибытии, подробно говорил о том, в каком превосходном состоянии Ван-Гален найдет полк,*** куда он назначен в чине майора, в заключение же пригласил его отобедать у себя в обществе других генералов и офицеров, приглашение которым он только что приказал передать своему адъютанту. <...>

Тремя днями ранее прибытия Ван-Галена в штаб-квартиру, то есть в тот самый день, когда он приехал в Шелковскую, была одержана решительная победа над чеченцами, которыми предводительствовал один из их князей; бросив раненых, лагерь и город, он в смятении бежал с остатками своего войска в горные дебри. Из двадцати тысяч мусульман и евреев, что проживали в Андреевском (или Андрееве, Эндери), остались в городе лишь один мусульманский священнослужитель да с сотню семидесятилетних стариков, укрывшихся в мечети. Ермолов воспользовался посредничеством этих старейшин, чтобы убедить побежденных в своих миролюбивых намерениях, вну-

---

* Фридрих — имеется в виду Фридрих II Великий (1712.—1786), король Пруссии, талантливый полководец.

** Мина — Франсиско Эспос-и-Мина (1784—1836), испанский генерал, командовал испанскими герильясами (партизанами) в войне против Наполеона.

*** Знаменитый Нижегородский драгунский полк.

шил им совершенное доверие, и посему семьи, блуждавшие в горах, мало-помалу стали возвращаться к покинутым очагам; мастерские продолжили работу, прерванную этим событием, ибо, несмотря на свое варварское состояние, люди здесь достаточно усердны и способны трудом своих рук удовлетворить собственные нужды. Ткани, пояса и всевозможные галуны, которые вырабатывают женщины в Андреевском, славятся в этой стране. <...>

Вскоре после прибытия Ван-Галена в столицу Чечни туда возвратилась большая часть ее жителей, и некоторые батальоны получили приказ войти в поселение, где разместилась штаб-квартира, под которую была занята одна из башен. Азиаты именуют башней любой дом или дворец, принадлежащий благородному роду; башня, занятая Ермоловым, соседствовала с мечетью и наилучшим образом доминировала над всей окрестностью. <...>

Покуда Ван-Гален не доехал до Андреевского поста, у него не было случая оценить многократно воспетую красоту горянок; но случай не замедлил представиться. В тот же день, как Ван-Гален остановился в штаб-квартире упомянутой крепости, он шел по улице с одним офицером, и на плоской крыше добротного дома они увидели двух перепуганных девушек, зовущих на помощь и жестами, и удрученным выражением лиц. Зрелище для обоих офицеров было ново и удивительно. Они пребывали в твердом убеждении, что на всем Кавказе, от Черкесии до Каспийского моря, лицо женщины скрыто от очей любого смертного, если только он не ее господин. Они тут же вошли во двор дома и там увидели нескольких русских солдат; те явились сюда по приказу командира или сержанта, несомненно, отданного по недоразумению, и собирались устроиться здесь на постой; женщины, увидев наших солдат впервые в жизни, почувствовали себя в большой опасности и потому позвали на помощь; видя, что солдаты удалились без какого бы то ни было насилия, по единому знаку офицеров, обе девицы рассыпались в живейших изъявлениях благодарности. Они настойчиво приглашали офицеров подняться по лестнице наверх, в залу; их спасители, разумеется, поспешили принять приглашение. Подойдя ближе, они застыли как вкопанные, не зная, что сказать и что делать дальше, настолько поразила их прозрачность нежной кожи и деликатность сложения обеих жен-

щин; и хотя они были различны по возрасту, но равно очаровательны (то были мать и дочь): словом, с первого взгляда невозможно было решить, какая из них краше. Несомненно, в сем краю матери незачем прятать своих дочерей, опасаясь невыгодного сравнения. Офицеры последовали за нимфами в соседние покои, проявляя по отношению к ним величайшую учтивость, и там они увидели почтенного старца, мирно покуривающего свою короткую трубку, обычную для здешних мест. Старец подал знак, и они уселись на ковры, расстеленные слугами по распоряжению сеньор. Впервые в жизни пришлось им сидеть вот так, на азиатский манер, скрестив ноги: поза весьма неудобная, особливо для тех, кто носит русские форменные панталоны. Едва они уселись, как те же самые женщины, предложив им ароматную воду для омовения рук, поставили пред ними корзины и подносы со свежими и сухими плодами, кремы, сладкие напитки, но офицеры даже не притронулись к яствам, настолько увлекло их созерцание двойного чуда грации и соблазнительной красоты.

Удлиненные эбеновые брови, маленький рот, смуглое, но с тонкими чертами, улыбающееся лицо, соблазнительно свежие губы, ровный ряд мелких зубов ослепительной белизны, маленький точеный нос, черные глаза, то живые, то внезапно томные, лоб высокий и открытый, но в меру, высокий рост, изящные, полупрозрачные руки — таков образец кавказской красоты, явленный двумя чеченками. На матери были две туники разных цветов и неодинаковой длины, поверх турецких шальвар цвета бычьей крови; плат, охватывающий косы, ниспадал на плечи, шею окружало ожерелье из драгоценных камней грубой обработки, довольно ценное. Дочь была в белой тунике из легкой ткани, почти прозрачной, не будь бесчисленных складок, и скрепленной на плече тяжелой золотой брошью; узкий расшитый пояс сжимал ее стан; сквозь складки туники просвечивали тончайшие шальвары, и небрежно повязанный плат не скрывал ее великолепных черных волос. Носки стыдливой девы были необычайного цвета. Оба офицера не могли отвести глаз от волшебниц, и те, слегка обеспокоенные восхищением своих заступников, перестали их потчевать и обратились на своем языке к старцу, который с величайшим спокойствием продолжал курить трубку.

Когда Ван-Гален рассказал о своем приключении адъютантам генерала, с которыми также случались подобные вещи, он

узнал, что эта семья не принадлежит к мусульманам, но происходит от иудеев, уже давно поселившихся в здешнем краю; их дочери, вступая в брак лишь со своими единоверцами, сохранили в неприкосновенности чистейший тип красоты, и по сей причине поставщики женщин в серали Константинополя и гарем персидского шаха оценивают их весьма высоко.

Когда офицеры вышли из того дома, среди людей, идущих по улице, они увидели женщин, покрытых обычной чадрой, но лишь для вида: они часто откидывали ее, их лица были привлекательны, глаза — выразительны, и в целом они сильно отличались от европейских кокеток; но среди них не было ни одной, достойной сравнения с двумя гуриями, покорившими офицеров.

За полчаса до обеда они явились в башню к генералу. Все приглашенные заторопились в столовую, их оказалось больше, чем приборов на столе; впоследствии, часто бывая у Ермолова, Ван-Гален узнал, что такое случалось нередко, поскольку генерал принимал без особого приглашения всех, кто желал разделить с ним обед. Пока слуги исправляли упущение, Ван-Гален был в той же комнате, где толпились остальные, ожидая, когда каждому укажут его место по чину, согласно строгой военной субординации; Ермолов радушно поздоровался с офицерами, первым подошел к столу и, не глядя, занял ближайшее место, пригласив сесть рядом с собою одного из генералов, затем поманил двух других, случайно оказавшихся на дальнем конце стола; тут все убедились воочию, что можно садиться где хочешь, не соблюдая чинов.

Неприхотливость Ермолова была поистине спартанской. Несмотря на свой рост и могучее сложение, он никогда не пил крепких напитков и даже вина, разве что разбавленное, и то крайне редко; из различных поданных блюд едва ли отведал два; ел мало и торопливо, по большей части холодные закуски. По ходу разговора генерал много раз обращался к Ван-Галену, расспрашивая его о путешествии, только что завершенном, и утверждая, что Ван-Гален, без сомнения, первый испанец, посетивший Кавказ; естественно, разговор остановился на испанских событиях. «Господин майор, — иронически заметил Ермолов, — инквизиция в вашей стране всегда выступает с большой важностью, а вы, мне кажется, несетесь, очертя голову, так где же ей за вами угнаться».

После обеда все последовали за генералом на земляной вал, возвышающийся над поселком, откуда открывается широкий обзор и далеко видны тучные поля и виноградники Кизляра. Там, опершись на пушечный лафет и втягивая в себя большие понюшки табаку, с довольным видом он взирал на порядок и спокойствие, царящие в Андреевском. Он приказал штабным офицерам подсчитывать, сколько жителей за день возвращается с гор к своим очагам.

Время отдыха Ермолов обычно проводил в занятиях, не требующих большой затраты сил. В странах, где столь часты случаи вероломства и убийств, он тем не менее не страшился выходить за пределы форпостов один, в сопровождении одного лишь проводника — весьма опытного в своем деле местного уроженца, а тот, как всякий черкес, никогда не расставался со своим смертоносным кинжалом. Ван-Гален, для кого все сие было внове, немало дивился такому поведению генерала, не скрывая своего удивления от его адъютантов, но те его уверили, что генерал не опасается предательства, поскольку уверен в себе и в том, что горцы его уважают; с другой стороны, генерал убежден, что если он изменит свой образ действий, он незамедлительно потеряет свой авторитет у непокорных народов.

Молодые адъютанты Ермолова принадлежат к лучшим семействам империи. Он обращается с ними отечески, воспитывает их своими советами и увещаниями: он держится в их обществе с прямодушием брата, в редкие минуты отдыха позволяет им любые развлечения, ограничивая их разве что в игре или пьянстве; сии страсти порабощают поляков и русских еще в большей мере, нежели американцев. У Ермолова не было личного секретаря, он привык обходиться без оного; он сам составлял в своем уединенном кабинете большую часть деловых бумаг: тяжкий труд для одного человека, и нужно иметь очень хорошую голову, чтобы управлять областью, равной по своей протяженности нашему полуострову, включая Португалию, да еще если управление ею, и особливо Грузией, сопряжено в настоящее время с препятствиями, вызванными жесточайшей войной, конца коей не предвидится.

Вечером, когда удалялось небольшое общество, образующее его семейный круг, как он его называл, Ермолов предавался различным трудам: либо завершал неоконченные дневные дела, либо читал — занятие, страстно им любимое с мла-

дых ногтей, из коего он, благодаря своей отличной памяти, извлекал немало пользы для себя. И, поскольку на часы он не смотрел, то выпускал из рук перо или откладывал книгу лишь тогда, когда его начинало клонить ко сну. И будь он в походной палатке или в тифлисском дворце, он ложился на диван или походную кровать часто даже не раздеваясь, и несколько раз за ночь подымался проверить посты, прежде чем заиграют зорю и пушечный залп возвестит приближение утра.

«Ни опрометчив, ни робок» (Non temere, non timide) — так переводится с латыни девиз на родовом гербе Ермолова, и он действительно таков был с врагами. Немногие русские генералы, за исключением Суворова и, разумеется, Петра Великого, обладали в столь высокой степени прирожденным даром и секретом пробуждать к себе любовь у солдат. И впрямь мало кто в России так заботился о благоденствии своих подчиненных, как Ермолов, и так был скуп, когда дело касалось пролития их крови. «Мюрат, — говорил он, — своими шутовскими самонадеянными эскападами погубил больше французов, чем смогла бы положить их наша картечь».

Вера войск в Алексея Петровича, как все называли его, была столь велика, что когда он принимал командование какой-либо операцией, ни у кого не возникало сомнения в ее успешном исходе. Следуя принятой системе обеспечения безопасности терских земель, на следующий день после одержанной победы Ермолов принялся за создание второй линии укреплений на дорогах и на подходах к склонам Кавказских гор, обращенных к упомянутой реке, дабы тем самым принудить горцев, которым оставлялась полная свобода внутреннего управления, отступиться от своих разбойничьих привычек и в иных принципах воспитывать своих детей под неусыпным надзором и покровительством русских гарнизонов, размещенных в этих крепостях, и дабы сами эти горцы начали пользоваться благами более цивилизованного состояния. <...>

Чеченцы, спасшиеся после разгрома под Андреевским, отступили на берег Терека, бывшего естественной границей их земель. Через линию на противоположном берегу непрестанно проходили колонны казаков, и в те дни всякое время можно было видеть их, обремененных добычей и трофеями; на каждом шагу встречались табуны лошадей, отбитых у чеченцев при их последних отчаянных попытках сопротивления. <...>

Комендант Ефимович и Ван-Гален пробирались, таким образом, сквозь сию ярмарочную неразбериху с небольшим конвоем, покуда ни остановились в полдень, не доехав двадцати верст до Наура: здесь у Ефимовича была резиденция, среди вверенных ему колонистов. Они отобедали и вместе провели вечер: дом его находился в двух шагах от церкви; он состоял из четырех прекрасно расположенных комнат, необходимая мебель была сделана руками самих колонистов довольно искусно. Слуги уже их ожидали и накрыли на стол чрезвычайно быстро и аккуратно.

Ван-Гален расстался с Ефимовичем ближе к вечеру, дабы выехать в Наур, куда он прибыл уже ночью. В Науре он отдохнул прежде чем отправиться дальше, в Моздок. Едва забрезжил день, как он выехал с конвоем на почтовых; полдень еще не наступил, а он уже спешился у дверей иезуитской миссии.

— Что хорошенького вы мне принесли, дорогой майор? — таков был первый вопрос отца Энрике после приветствия.

— Величайшую редкость, — отвечал Ван-Гален, входя в дом со святым отцом; тот уселся, ожидая, покуда Ван-Гален приведет себя в порядок.

— Надеюсь, не ухо какого-нибудь чеченца?

— Ничего подобного, — возразил Ван-Гален, — всего лишь пергамент из Мекки, снятый со стены мечети в Андреевском; думаю, для вас он весьма любопытен, поскольку вы знаете арабский...

— Давайте, давайте его сюда; я переведу его и отошлю своему начальству, в память об одном испанце; посмотрим, посмотрим... — и Ван-Гален вынул манускрипт из сумки и протянул священнику. После непродолжительного молчания, когда тот, казалось, пристально разглядывал пергамент, он вдруг обернулся к Ван-Галену и сказал:

— А как дела? Как вам показался Ермолов?

Услышав краткий и уклончивый ответ, он заметил:

— Уж слишком вы простодушны, друг мой, из ваших слов я просто не узнаю хамелеона, о коем идет речь.

И святой отец привел различные случаи, имевшие место меж Александром и пресловутым генералом, но мы о них умолчим, не будучи достаточно осведомлены в сем вопросе. Напоследок он сказал, что Александр счел разумным удалить генерала от своей особы, сделав его главнокомандующим над войска-

ми, состоящими из отчаянных голов, для ведения войны против дикарей, дабы он окончил свои дни среди всевозможных бед и напастей. «Ведь он, — продолжил добрейший служитель Божий, — всею своею политикой выказывает ненависть к любому иноверцу: он терпеть не может поляков и питает отвращение к священнослужителям любого вероисповедания, кроме собственного. Он прекрасно знает, сколько благодеяний изливает наш Орден на весь мир, он сам много раз одобрял его деятельность в моем присутствии; и тем не менее, если бы он оставался при дворе, то, вернее всего, он лишь ускорил бы ход событий, усилив губительный удар, нанесенный делу святых отцов в России, а все потому, что государи забывают, сколько сделал для них папа Римский».

Кое-что из высказываний отца Энрике показалось Ван-Галену справедливым и совпадало с тем, что он прежде читал по русской истории; но он не стал упоминать о роковом случае с сестрой князя Голицына, соблазненной в Петербурге одним из отцов-иезуитов, и спросил отца Энрике, что общего, по его мнению, между вмешательством пап в политику, имевшем место в прежние века, польским посольством Антония Посевина, прошениями к царям — и добрыми или дурными свойствами генерала Ермолова.

— Много, даже чрезвычайно много общего, дорогой майор, — возразил иезуит; когда вы завяжете знакомства со здешними офицерами-католиками, то, если вы еще не разочарованы, то уж тогда разочаруетесь непременно.

Желая завершить тему, Ван-Гален, дабы не выходить из себя по пустякам, сказал: «По моему мнению, иностранный офицер поступает на службу в армию другой страны с единственной целью — повиноваться и быть полезным; он не должен вмешиваться в чужие дела».

Что ему больше всего нравилось в иезуите, так это чрезвычайная скромность в одежде, воздержанность и уединенность жизни: качества, внушившие уважение к нему среди местных жителей. Его добродетели, гостеприимство и скромность сделали его в глазах Ван-Галена идеалом священнослужителя; но когда отец Энрике рассуждал на политические темы, столь чуждые истинному призванию проповедника Евангелия, он неожиданно превращался в ярого поборника интересов своего ордена. Сия странность не раз проявлялась, когда они встре-

чались в Моздоке, и тот возражал Ван-Галену с природной французской живостью: «Что сталось бы с Орденом, если бы мы не вмешивались в дела земные? Вы не знаете нашей истории; известно ли вам, майор, что сказала Бонапарту одна дама, моя землячка, когда тот во время революционного террора выразил ей свое неудовольствие по поводу того, что прекрасный пол вмешивается в политику? — «Когда дело доходит до того, что дамам отрубают головы на гильотине, будет только справедливо, если они тоже вмешаются в политику». Так вот, когда дело доходит до того, что мы становимся familia nómada (семьей кочевников), дабы смирить якобинский дух, защищая права наших монархов, а те потом изгоняют нас из своих государств, то будет только справедливо, дорогой майор, если отцы-иезуиты вмешаются в политические или мирские дела».

На другой день пребывания Ван-Галена в Моздоке, а это был день отъезда, он проводил отца Энрике до деревянной церкви; тот просил его сделать набросок для нового алтаря; сей эскиз да еще скромное добровольное пожертвование на храм — вот и все, что он согласился принять. Ван-Гален оставил ему свою кибитку с тем, чтобы он продал ее при первом случае, и когда прибыл конвой, они расстались, и Ван-Гален выехал из Моздока верхом, отправляясь к месту назначения.

Глава IX

КАВКАЗСКИЙ ПЕРЕХОД

Уже за Моздоком, в четверти лиги до переправы через Терек, находится карантин, где все путешественники, направляющиеся на север, в Грузию, остаются на некоторое время под наблюдением, а вещи их подвергаются окуриванию; такой же карантин для путников, едущих в обратном направлении, есть и на супротивном берегу; вечером того же дня Ван-Гален переправился через реку на лодке, особо для того предназначенной. Чума приходила в Грузию довольно часто, ее заносили турки и персы еще до правления генерала Ермолова, что и было главной причиной установления сети карантинных пунктов в сих краях, от Егерлыка и до Тифлиса. Поскольку места, откуда прибыл Ван-Гален, не вызывали опасений, на осмотр хва-

тило нескольких часов. За Тереком, где начинается Азия, и вплоть до Кавказа, располагаются крупные военные посты. Первый из них, Константиновский редут, находится на тридцать третьей версте, второй, Елисаветинский, на двадцать восьмой, и третий — Владикавказская крепость — еще через двадцать две версты. Каждый день на рассвете из одного поста к другому отправляется отряд в сто пятьдесят–триста человек, чаще всего с одной пушкой: необходимая предосторожность для отражения дерзких налетов кабардинских или черкесских шаек, обыкновенно разъезжающих близ дороги; об их стремительных атаках читатель уже имеет некоторое представление.

Ван-Гален ехал в отряде, вышедшем из карантина ранним утром; отряд продвигался столь медленно, что никак не мог доехать до первого поста в тот же день; таким образом, Ван-Гален должен был провести ночь на марше, в том же установленном порядке, что и днем. Солдаты превосходно обосновались в сих редутах, ими же для себя и построенных, и поскольку армянские купцы ездят той же дорогой, здесь попадаются постоялые дворы, где хозяйствуют порою русские, а порою местные уроженцы; их заведения постоянно пополняются съестными припасами и местным вином. У стен каждого укрепления солдаты разбили небольшие огороды, также везде достаточно парных бань, без коих русские войска положительно не могут обходиться.

Между Моздоком и Владикавказом пролегают одна за другой две большие долины, пересеченные продолжением гор второго ряда, почти параллельных главному хребту и покрытых рощами, на подходе к коим и расположен Константиновский редут; оттуда можно охватить взором течение Терека и Моздок. Дичь водится здесь в таком изобилии, что если бы порядок следования не запрещал путникам охотиться, они могли бы всякий день обеспечивать пропитание отряда. Ван-Гален, идущий пешком впереди отряда, увидел какое-то черное пятно, но трудно было определить на расстоянии, что там такое, и ему подумалось о возможной засаде; но, приблизясь, он обнаружил орла, спокойно сидящего в виду отряда на расстоянии пистолетного выстрела.

Елисаветинский пост, куда они прибыли на другой день, выстроен на равнине, в месте куда менее благоприятном, чем

они проезжали ранее: первоначальное укрепление, что русские выстроили здесь же двадцать два года тому назад, было затем, несмотря на героическое сопротивление, захвачено кабардинцами и черкесами, и те, по рассказам, сожгли его дотла. К нынешней крепости примыкает несколько хижин, принадлежащих замиренным кабардинцам, послушным правительству: они живут за счет проезжих. В Константиновском Ван-Гален забыл ключ от своего сундука и попытался его вернуть; один из офицеров крепости сказал, что некий кабардинец вызвался доставить ключ за несколько часов; тот подъехал верхом, его плоская черная шапка была увита белой перевязью, и офицер сказал Ван-Галену, что сия перевязь есть отличительный знак кабардинского священнослужителя.

На следующее утро ключ уже был у Ван-Галена, и, поскольку его предупредили, чтобы он не платил за услугу вперед, ибо сие могло быть сочтено за знак недоверия, то теперь ему пришлось щедро оплатить ночное путешествие славного мусульманского священника.

Посередь равнины меж Елисаветполем и Владикавказом дорога вплотную подходит к берегам Терека, на коих виднеются кабардинские хижины, и, хотя жители покорны местным властям, тем не менее они часто укрывают своих единоплеменников, и, учитывая сие обстоятельства, здесь необходимо продвигаться с такой же опаской, как и на безлюдье: столь яростны и внезапны бывают нападения разбойничьих шаек; обуздать разбойников могут лишь непрестанные карательные меры русских военных частей.

На подходе ко Владикавказу порядок следования меняется, ужесточается — не столько из-за особенностей дороги, сколько из-за коварства осетинцев, чьи земли находятся рядом. Таким образом, переход от Моздока до Тифлиса, составляющий около трехсот верст, не в пример труднее, нежели весь путь от Санкт-Петербурга до Терека; но удивительные картины кавказской природы, открывающиеся взору с каждым шагом, окупают в какой-то мере все неудобства пути.

Общество чиновников с их семействами во Владикавказе (сие название означает по-русски «власть над Кавказом»: подразумевается, несомненно, что здесь единственный ключ к единственному проходу на Кавказ) и благоденствие жизни на сей плодородной земле обещают приятность отдыху военного или

проезжего, остановившегося в городе; застройка города полностью новая, архитектура домов и улиц весьма изящна, что составляет резкий контраст с окружающей сельской простотой. Городской лазарет славится по всей округе своим лечебным воздействием, и сие приписывается благоприятному местоположению. Вступление Ван-Галена в баснословные пещеры ознаменовалось лунным затмением: в его воображении пронеслись тысячи необычайных мыслей, вызванных редчайшим совпадением, что было ничуть не удивительно для человека, любящего природу и оказавшегося в столь величественной стране. Пораженный видом горных пиков, он забыл о естественных причинах затмений и вообразил, будто его отличил сам Господь всемогущий, сокрывший в ночном светиле часть своего сияния.

Подобные заблуждения ума неудивительны для тех, кто, странствуя, сталкивается с физическими явлениями природы, многократно усиливающими впечатление от здешних мест.

Все почтовые станции, начиная от Терека и до персидской границы, обслуживаются донскими казаками, поставляющими для грузинских войск регулярные эскадроны, состоящие, смотря по необходимости, из большего или меньшего числа казаков. Иные из них назначены нести конвойную службу при почтовых станциях, другие поставляют проезжающим собственных лошадей, за коих им платят как за почтовых. В казачьих частях, стоящих вне крепостей или селений, есть дозорные бревенчатые вышки, откуда часовые наблюдают за дальней местностью и подступами к войсковому стану.

От Владикавказа до горных ущелий команды пешего конвоя сменяются через краткие отрезки пути благодаря часто расположенным военным постам: такие посты обеспечивают постоянное сообщение и дают путникам возможность передохнуть.

Комендантом Владикавказа обычно бывает полковник или генерал-майор; он занимает казенный дом, расположенный на самом почетном месте площади. Окружающие дом стены омывает Терек, прямо от ворот отходит деревянный мост через реку, за мостом — дорога в горы. Этот город, в силу плодородия окружающих его угодий, обилия дичи в обширных рощах и чистоты воздуха, необычайно быстро движется вперед по пути цивилизации.

Ван-Гален выехал из Владивостока за полдень следующего дня, с конвоем из двадцати пехотинцев и двух конных казаков. Они сопровождали его до осетинского селения Балта и в тамошнем редуте отдохнули до зари. За Балтой простирается местность с отдельными малонаселенными и легко доступными горами; она может привлечь внимание разве что тех, кто не видал ни Пиренеев, ни Альп; но, когда миновал последнюю крепость, с каждым новым шагом открывалось новое чудо природы или творения человеческих рук. Кроме суровой поры, с ноября по март, переход от Балта до Казбека расстоянием в двадцать пять верст занимает обычно весь день; на пути встречаются многочисленные селения, расположенные на почти недосягаемых кручах, и две крепости; первая, через двенадцать верст, Ларс, и вторая, в шести верстах от нее — Дарьял. Даровитому художнику потребовалось бы столько же недель, сколько верст составляет сей путь, чтобы запечатлеть щедрое разнообразие прекрасных видов, встречаемых на столь коротком отрезке пути. Спускаясь по горе от Балты, попадаешь на дорогу, неимоверными трудами проложенную человеческим гением меж сих отвесных скал, где протекает, прорываясь каскадами сквозь каменные преграды, река Терек. Неподалеку природа сотворила доподлинную арку в самом сердце скалы; пройдя ее насквозь, что составит шагов восемь или десять, и проследовав далее по дороге, забрызганной пеной бурного потока, увидишь на высокой горе Ларскую крепость. Отсюда начинается крутой спуск в ущелье до самого Дарьяла; довольно и сотни людей, поставленных наверху, дабы обрушивать вниз камни, чтобы принудить к отступлению даже превосходящие силы противника: во всей округе ни единого моста, ни единой тропы, открывающих доступ к высотам; несчетные скалы над дорогой смыкаются в арку, при малейшем подземном толчке от нее отрываются камни, загромождая путь. На выходе из сих теснин образуется мост, по нему можно заново перейти через Терек и подняться к Дарьяльской крепости; Дарьял — слово татарское, означающее «врата», как нельзя лучше соответствует своему значению. Против того же ущелья над мостом через Терек, на расстоянии брошенного камня, возвышается скала в семьсот футов, омываемая тою же рекою и увенчанная стенами старинной башни, с незапамятных времен господствующей над сим переходом. Стоит снести мост да разместить в крепос-

ти несколько стрелков — и проникнуть на Кавказ не достанет никаких сил человеческих. Если, с одной стороны, восхищаешься причудливыми очертаниями здешней природы, то, с другой стороны, следует представить, скольких жертв стоило людям возведение крепости на подобной высоте, где еще виднеются остатки древнего акведука и дорога под сводом скал, ведущая к Тереку. Можно добавить, что на вершине скалы имеется участок отлично возделанной земли, вполне достаточный для прокормления гарнизона из восьмисот человек.

На примере Дарьяла путешественник может составить себе понятие о том, сколь невыносим был деспотизм Персии, если Грузия решилась передать Кавказ под власть Русской империи и стать одной из ее провинций. Генерал Ермолов употребил все средства, бывшие в его распоряжении, дабы проложить новую дорогу, через Дагестан, но ниже еще будет сказано о ее крайних неудобствах.

Пройдя Дарьяльскую теснину, попадешь, кажется, на совершенно иную дорогу, пролегающую среди разнообразных, часто причудливых картин. Справа, грохоча, несется Терек, слева, неуклонно возрастая, тянутся скалистые откосы. Не пройдешь и двух верст, как взору открывается огромная сахарная голова, представляющая вершину Казбека: с его склонов срываются снежные лавины и, случается, загромождают дорогу на большую часть года; на дороге снег лежит и не тает, как на высоких вершинах. Здесь, в узком месте, снежные завалы образуют своего рода запруду, сквозь нее прорывается Терек и здесь приходится перебираться пешком, скользя, как на коньках, покуда не окажешься в одной версте от селения Казбек; сей короткий отрезок пути — один из самих трудных для переправы артиллерии и повозок, особливо в те месяцы, когда случаются обвалы: ущелья становятся непроходимы; в остальное же времяя для перехода через снежные горы, завалившие и запрудившие поток, приходится прибегать к помощи веревок, с каковой операцией ловко справляются привычные осетинцы, и нередко бывало, что неожиданно приключившийся обвал увлекал с собою в пропасть и путников, и лошадей. Даже тончайше очиненное перо или искуснейшая кисть навряд ли сумели бы изобразить необычайный, причудливый вид огромных снежных масс, насквозь проточенных водами Терека, чьи своенравные игры и картинные каскады умножают отголоски эха в огромных ледяных пустотах.

К селению Казбек Ван-Гален вышел на закате: на преодоление семи верст от Дарьяльского ущелья ушло четыре часа, заполненных не столько трудностями марша, сколько задержками на каждом шагу, поскольку Ван-Гален замирал от восторга при виде контраста меж высокими горами и безднами, дивясь разнообразию окрестных пейзажей, омываемых и пронизанных повсюду неисчислимыми каскадами, бегущими к Тереку через сводчатые теснины, образованные величественными громадами скал.

Селение Казбек окружено небольшим лугом, где пасется скот, принадлежащий немногим семействам селения. Ван-Гален выслал вперед негритенка, дабы им приготовили ночлег, и по прибытии нашел, что пристанище гораздо удобнее, нежели он ожидал: его разместили в доме покойного полковника Казбека, выстроенном для проезжающих.

Род Казбеков, чье имя произошло от названия горы еще в незапамятные времена, один из древнейших на Кавказе и восходит, как говорят, к древним вождям или предводителям осетинцев, одними из первых в Грузии приявших греческую веру. Их женщины, столь же необщительные, что и грузинки, передали Ван-Галену через слугу бутыль вина собственного урожая, но когда он захотел представиться им и поблагодарить за подарок, все от него прятались и убегали, словно им явился призрак: подобные манеры, и особливо их одежды, напоминают картины из жизни наших монахинь. Местное вино сильно напоминает мадеру вкусом и цветом.

Помещение, где остановился Ван-Гален, состояло из залы, обставленной на европейский манер — случай редкий в сей стране, но полковник Казбек, преданный сторонник России, распорядился обустроить жилище таким образом именно ради наибольшего удобства своих гостей. Сие помещение, полностью отделенное от башни, представляло полный контраст как изнутри, так и снаружи остальным жилым постройкам крепости, где в окнах можно было видеть жизнь местных сеньор, словно в китайском театре теней. Супротив окон залы разворачивалась величавая панорама Казбека; воздух вокруг его вершины столь прозрачен, что за тридцать верст от нее различаешь белые облака, окружающие ее и гонимые ветром, постоянным на высокогорье. Ван-Галена уверяли, что некий английский путешественник из породы людей, отважно пускаю-

щихся в подобные авантюры, обзавелся необходимым снаряжением и достиг с помощью проводника только середины подъема; тут он стал жестоко страдать от болей в груди и в ушах, и пришлось ему удовольствоваться лишь тем, что он оставил памятный знак о своей экспедиции. Казбек считается одной из высочайших вершин земли: он на двадцать или тридцать футов выше альпийского Монблана. И действительно, согласно расчетам, произведенным в присутствии Ван-Галена его попутчиком, бароном Ренненкампфом, полковником генерального штаба, вышло что высшая точка сахарной головы, представляющей вершину Казбека, находится на 18160 футов над уровнем моря, а пик Эльбруса — на 16700.

В селении Казбек проживает более трехсот душ, большей частью пастухи, зависимые от нынешнего владельца, сына покойного полковника. Единственный казачий пост расположен именно здесь, поскольку местные жители пользуются доверием властей; он размещается в старинном обветшалом доме. Большую часть года здесь дуют сильные ветры, по причине близости Казбека и высокого местоположения поселка над уровнем моря. Одна из таких бурь всю ночь сотрясала дом Ван-Галена, испытывая надежность толстых стен.

Разговоры о том, сколь опасен переход, назначенный Ван-Галеном наутро, были весьма обычными, и несмотря на бурю, он намеренно выехал на рассвете с тем, чтобы воспользоваться светлым временем дня, сопровождаемый шестью казаками, — вполне достаточный конвой в данных обстоятельствах. От Казбека до Коби (16–17 верст), где находится ближайший пост, дорога не представляет ничего примечательного, да и окрестности не слишком холмисты; от поста до поста путников подгонял проливной дождь, так что бурка Ван-Галена, представляющая накидку из верблюжьей шерсти (будучи непромокаемой, она составляет непременную часть обмундирования русских офицеров на Кавказе), оказалась и в самом деле необходимой. Справа от дороги в небольшой долине выстроена крепость Коби, и там вновь пришлось перейти Терек; он зарождается в тридцати верстах отсюда, сбегая со склонов Казбека.

В крепости Коби есть казенные квартиры для проезжающих, пищевые припасы можно приобрести в лабазе, содержит его русский крестьянин. На расстоянии пушечного выстрела

от крепости Коби дорога снова подымается в гору, и в нескольких шагах от нее начинаются источники железистых вод; не проведя специального исследования, вряд ли стоит сравнивать их с многочисленными английскими, французскими или немецкими водами; все, что мы можем сказать, доверять общему мнению, так это, что множество больных, потеряв надежду на исцеление в других местах Грузии, стекается в Коби, дабы испытать целительное действие местных вод.

Первый военный пост на нашем пути в семнадцати верстах от Коби — Кайшаур; несмотря на то, что мы ехали верхом, мы запоздали и приехали на пост лишь в семь часов вечера, сопровождаемые небольшим пешим отрядом, обычным на сей дороге. Гора Святого Христофора* — высокая вершина, на коей стоит деревянный крест, охраняющий могилу осетинской семьи, умершей у ее подножия; отсюда стекают по разные стороны реки, коими питает Кавказ прилегающие к нему долины. От горы Святого Христофора до Кайшаура с десяток верст. Ураганный ветер, не стихавший весь день и особенно свирепый на вершине, у креста, так что проезжать с обозом от Коби до Кайшаура в суровую пору не менее трудно, нежели от Дарьяла до Казбека, да еще при постоянной угрозе обвалов. Иные русские путешественники, привыкшие к своим коляскам, пытаются проехать на них сквозь теснины, но в конце концов бывают вынуждены отказаться от своей затеи и продолжают путешествие верхом, на казачьих лошадях; пока не настанет хорошая погода, повозки вытаскивают осетинцы с помощью своих могучих быков и рук, из сего не следует, что дорога плохо проложена, она не менее широка и прочна, нежели регулярные дороги. Но на всем протяжении она столь мало доступна в иные зимы, что приходится переправлять по канату срочную почту, адресованную русскому начальству в Тифлисе, либо прибегать ко всяческим ухищрениям, дабы переправить через ущелья пакеты с почтой.

Глава осетинской семьи с горы Святого Христофора взялся проводить отряд до самой крепости, после того как Ван-Гален заговорил с ним и предложил ему немного водки — угощения, наиболее ценимого азиатами. Когда Ван-Гален рассказал о встрече с горцем офицерам Кайшаурской крепости, ему поведали, что та семья оказывает путешественникам множе-

* Крестовая.

ство услуг, и все восхищаются мужеством, с коим горцы переносят суровые зимы, чуть ли не погребенные заживо в снегах. Сие весьма необычно для осетинцев, и к вышесказанному остается только добавить, что всего лишь несколько лет тому назад, до прибытия Ермолова, осетинцы безжалостно убивали русских солдат, если удавалось застать их врасплох на трудных переходах. Скупость армянских торговцев настолько велика, что они тратят больше сил на мучительную перевозку своих тюков, нежели их собственные ослы, и предпочитают одолевать неисчислимые препятствия, лишь бы не поощрять даже ничтожной платой местных жителей, готовых им помочь; хотя им было бы выгоднее сберечь время и заручиться удачей в своих многократных поездках, но лишь под охраной солдат они могут не опасаться нападения и грабежей.

На следующий день Ван-Гален выехал из Кайшаура в сопровождении четырех казаков; погода была тихой и безоблачной. Спуск оказался последней трудностью, уготованной для них Кавказом. Но после двух часов спуска вместо нескончаемой череды отвесных скал, мрачных теснин, бездн и постоянной угрозы обвалов открывается картина, исполненная совершенно иного очарования: ширится обзор, и у подножия громад, оставленных позади, раскинулись селения и поля, на коих царит весна, представляющая полный контраст с недавней зимой и, стоит перевалить гору Святого Христофора, как тут же оказываешься в разгаре лета. Луга долин орошаются Арагвой, она рождается близ горы и стекает со склона в направлении, противоположном Тереку: сие сходно с двумя склонами Баньеньи в Пиренеях, то есть с одного из них стекает Ногерас, с другого — Гаронна.

И, наконец, взору открывается Грузия, усеянная, подобно Андалузии, древними крепостными башнями и дозорными вышками, меж прекрасных полей и рощ, где даже в конце сентября не чувствуется дыхания осени. Гармоническое пение множества разнообразных птиц словно возвещает путнику, что отныне он вступает на землю обетованную Кавказа — великого живописца. Едва завершился многотрудный и долгий спуск от Кайшаура, как стали попадаться деревянные дома новой постройки, показался мост через Арагву, а на берегу ее поднялась каменная пирамида, обозначившая рубеж между выходом из Осетии и входом на плодородную землю Грузии.

В одиннадцать утра прибыли в Пайсанаур, первое селение и первый военный пост на пути, идущем по берегу Арагвы, среди множества пышных рощ, разбросанных чуть поодаль. Внезапное изменение температуры и восхитительный климат Грузии произвели сильное впечатление на путника, рожденного на брегах Гвадалквивира, под его лазурными небесами. Несчастные осетинцы сменились веселыми, статными грузинами.

Чтобы попасть из Пайсанаура в Ананур, следует пройти двадцать верст по непрерывной гряде холмов: дорога вдоль Арагвы, довольно стремительной в сих местах, часто сужается, по обеим ее сторонам среди рощ виднеются несчетные хутора и полуразрушенные прямоугольные в сечении башни, некогда служившие защитой грузинам.

Из Пайсанаура выехали с двумя казаками, но ввиду большого движения на дороге конвой вряд ли был необходим. За три версты до Ананура различаешь башни старинной греческой церкви, стоящей на скале высоко над селением, далее по дороге виден высокий утес. Несколько минут спустя натыкаешься на карантин, и, говоря по правде, путник остается там под наблюдением не долее двадцати–двадцати четырех часов, за исключением тех случаев, когда безопасность страны требует большей бдительности. Не успел Ван-Гален спешиться, как лекарь направил его в сырое и продуваемое сквозняками помещение, годное разве что для людей с более крепким здоровьем. От Ананура до Тифлиса сорок восемь верст по почтовому тракту, из коих девятнадцать до Душета, столько же до Месхема и еще десять до Тифлиса. Сия дорога до прихода Ермолова была столь же опасна из-за лезгинов, как та, что ныне пролегает через земли кабардинцев и черкесов; но теперь она вполне надежна, так что для конвоя довольно двух–трех офицеров.

Ананур, ранее довольно крупный город, ныне насчитывает от шести до восьми сотен жителей; он защищен крепостью, командование коей вверено полковнику. Отбыв срок в карантине и подвергнув окуриванию свои пожитки, путники наняли дорожных лошадей и в сопровождении одного казака тронулись в Ананур, минуя вереницы живописных хуторов, называемых в Испании усадьбами; в Душет вошли ночью. Чем дальше ехал Ван-Гален по Грузии, тем чаще отмечал он для себя ее

сходство с Андалусией: множество разбросанных хозяйств, злачные земли, веселые, всегда с песней на устах жители, даже самая леность их — все то же, что и у нас. К сожалению, и грузины, и андалусийцы обычно предпочитают жить в нужде, нежели деятельно стремиться к достатку.

Уже подъехав к Ананури и перейдя один из рукавов Арагвы, Ван-Гален увидел впереди здания нового карантина, выстроенного по приказу генерала Ермолова; благодаря удачному расположению, сей карантин успешно заменил прежний.

Полковник, командующий войском в Душете, встретил Ван-Галена с дружеской искренностью и настоял, чтобы тот провел ночь в его обществе. Будучи восторженным поклонником Грузии и всего грузинского, он, невзирая на место и время, горячо интересовался, какое впечатление сия страна произвела на Ван-Галена, рассказывал о своих собственных чувствах и мыслях по сему поводу, и таким образом часы летели незаметно.

Душет — гораздо более крупный город, нежели Ананур; в сентябре здесь наслаждаешься все той же цветущей весной; семьи сидят у порогов своих домов, дыша прохладой, когда Ван-Гален проходил по вечерним улицам, возвращаясь в дом, вернее сказать, во дворец, занимаемый комендантом и отстоящий от города на расстоянии ружейного выстрела. Здание окружено высокой толстой стеной, образующей правильный квадрат, и заключает в себе непрерывную галерею, большую центральную залу и множество комнат; в окнах вместо стекол — жалюзи весьма добротной работы, на манер андалусийских. Все здание, сложенное из крупных камней, имеет лишь один этаж и завершается плоской крышей, удобной для моциона.

Здание прежде служило временным жилищем грузинского царя Ираклия. В зале собирался верховный суд Грузии и правитель давал аудиенции, здесь же вершились по его велению зверские казни, как при дворе персидского шаха, и царь находил удовольствие при сем присутствовать. Следовательно, Ван-Гален провел ночь в одном из застенков древней грузинской инквизиции.

Командующий душетскими частями, страстный охотник, любезно проводил его на следующее утро, проделав с ним вместе добрую часть пути, и расстался с ним у ограды лагеря, примыкающего к Арагве, где ежегодно проводятся полевые учения артиллерийских рот, резерв коих размещен в Тифлисе.

Погода стояла превосходная. Попутчик из Душета рассказал ему о Месхети, невдалеке от коего они и расстались, однако не прежде чем осмотрели развалины стен, окружающие селение, и убедились, сколь занимательна история сего места. Мцхета, или Месхети, — первая столица наидревнейшего Курдистана (нынешней Грузии). Река Кура, называемая также Сиро, омывает его разрушенные стены, здесь же она принимает в себя воды Арагвы, и следует заметить, что сам город расположен в вершине угла, образованного их слиянием. Со своего основания и в течение последующих двадцати веков Месхети был, как мы уже сказали, столицей Грузии, покуда один из грузинских царей не обнаружил во время охоты источники минеральных вод в десяти верстах от города: в них и кроется причина заселения Твилисо, или горячих бань, откуда и произошло искаженное название Тифлис.

Согласно древнейшим преданиям, еще не исчезнувшим из архивов армянских монастырей, один из ближайших потомков Ноя, именно Месхет, основатель города, о коем здесь говорилось, избрал его своею столицей, и не столько из-за прелести места, сколько из-за его удобного расположения. Город отстоит на пятьдесят лиг от Арарата — горы, к коей пристал после потопа Ноев ковчег.

В IV веке нашей эры в Месхети был построен монастырь, ставший архиепископским для всей Грузии. Там находится каменная церковь, устоявшая против ярости мусульман. Барельефы, вырезанные в том же камне и представляющие аллегорические фигуры, позволяют оценить достоинство творения. В одном из закоулков разрушенной крепости ютится часовня столь тесная, что ее можно назвать скорее нишей, и вполне возможно, что именно здесь возносил свои мольбы Предвечному пленник Ноно.

Он сделал крест из двух прутов дрока, связав их своими волосами, и с этим крестом обратил в христианство царя Мириана и обрел множество последователей; во времена неисчислимых мусульманских нашествий крест из Месхети уносили в горы; затем его передали в Московию, где он и оставался, покуда Его Величество император Александр I не повелел вернуть святыню грузинам, и ныне сему кресту поклоняются в Тифлисе.

Другой монастырь, с позолоченным на московский лад куполом, отмеченным следами напрасных усилий персидской

артиллерии, расположен на берегу той же Куры. Следы на его изваяниях свидетельствуют о бессилии дамасских клинков и фанатичной ярости магометан. В нем торжественно праздновали свою коронацию грузинские цари, в нем же упокоился прах зачинателей древних родов. Руины древних памятников Мехети, сохранившиеся и поныне, ясно дают понять, сколь ужасные испытания претерпел народ; нынешнее население составляет немногим более сотни жителей, занимающих небольшое пространство, а прежде город был не меньше нынешней Москвы, и насчитывал до восьмидесяти тысяч воинов.

Над рекой вплоть до северной части Мехети по сей день видны руины строений от восьми до десяти туазов высотой, принадлежащих крепости, фундаменты коей насчитывают девятнадцать-двадцать веков: внутри крепости видны развалины древнего дворца. Летописи утверждают, что замок служил местом наслаждений некоей грузинской княжны, одержимой бурными страстями; но, утолив похоть с молодыми путниками, она велела сбрасывать их в Арагву с высокой башни, надеясь сохранить в тайне свое распутство; современные драматурги описывают схожие обстоятельства, относя их к событиям, некогда разыгравшимся в Нельской башне на Сене.

В нескольких верстах от Мехети имеется источник; при впадении в Куру он сохраняет свое название Армазм — Зкала. Некий карталинский князь обосновался здесь за много веков до Рождества Христова. Его потомки, язычники, воздвигли идола Армазму и приносили ему в жертву первенцев, детей своих подданных, отчего и произошло название источника; но на смену идолопоклонству пришло Евангелие, а идола постигла участь, общая для всех идолов.

Горная цепь начинается от Месхета, продолжается вдоль всего течения Куры и тянется через Имеретию до Черного моря. На горах, прилегающих к Месхету, и на другом берегу реки находятся пещеры, служившие укрытием для несчастных жителей столицы, которые первыми принимали на себя удар при вторжении варваров. Окрестности Мехети не только в древности были театром злодейских набегов, но даже в недавние годы лезгины и прочие мусульманские племена не стыдились чинить грузинам всевозможные обиды и грабили их, покуда успешное правление Ермолова не избавило Грузию от сей застарелой язвы.

Далее по дороге к Тифлису следует переправа через Куру, сия река извивается столь прихотливо, что, перейдя мост близ древних стен Месхети, путник уже через полчаса вновь возвращается к ним, но по другому берегу.

Уверяют, что сей мост возведен Помпеем, когда тот вошел со своими легионами в Грузию. Положение моста весьма важно для безопасности Месхета, его архитектура примечательна: в начале моста сохранились две башни — в античные времена сего было довольно для защиты моста. В двух–трех верстах от Месхети начинаются злачные поля, окружающие Тифлис, где всегда идут бороздой три–четыре бычьих упряжки, что следует приписать скорее грузинскому обычаю, нежели потребностям почвы. Еще пять верст — и взору открывается Тифлис, расположенный амфитеатром, и впереди, на берегу Куры, слева от дороги перед въездом в Тифлис, — новый карантин.

Глава X

КУРДИСТАН, ИЛИ ГРУЗИЯ. — ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ МИССИЯ ЕРМОЛОВА

Курдистан, или Курджистан, названный так по имени реки Кур, или Куры еще в стародавние времена, русские и коренные жители обыкновенно называют Грузией: сюда входят провинции Кахетия, или Кахет, представляющая древнюю Албанию;* Имеретия, прежняя Иберия; Карталиния и Мингрелия, расположенные на территории древней Колхиды.

История грузинских царств теряется во мраке веков, но памятники, оставленные различными завоевателями, рассказывают о ней больше, нежели путаные предания и древние пергаменты, переходящие из рода в род. Фантастические представления грузин о своем происхождении столь же маловероятны, что и легенды большинства народов мира. Армяне, лезгинцы, мингрелы и прочие кавказские племена полагают, что произошли от персов. Как бы там ни было, очевидно, что сии земли оказались незащищенными от любых вторжении с юга, особливо с той поры, как их полностью обособила от соседей христианская религия, и грузины, дабы сохранить свое наци-

* Албания Кавказская — древнее государство в Восточном Закавказье в IV– III вв. до н. э.

ональное единство, неизбежно должны были породить многих прославленных героев. История поведала нам, что некий Ноно, живший во времена Константина, был взят в плен и увезен в Грузию, где чудесным образом исцелил множество народу; сии исцеления почитались чудом (что подтверждало в глазах людей святость его религии); таким образом он привлек внимание царя Мириана и обратил его в христианство; покровителем своей страны царь избрал Святого Георгия, того же святого, что покровительствует русским.

Александр, Помпей и Митридат увековечили в сей стране свою память, здесь, как уже говорилось выше, находятся памятники и медали, свидетельствующие о их деяниях.

Древние подразделяли Грузию на Албанию и Колхиду: первая послужила основанием Греческой Албании; вторая была заселена колонией, отделившейся от древнего Египта. Колхида напоминает о Медее и походе аргонавтов, первом национальном начинании, о коем поведали нам греческие хроники. Золотое руно, вернее сказать, сокровища царя Эета, отца Медеи, ограбленного Ясоном, были целью их дерзкого похода хотя и не единственного. Дикие народы, жившие на восточном берегу Понта Эвксинского, постоянно опустошали своими набегами острова Эгейского моря, и греки, оберегая морские пути от их вторжений, предоставили народам западной Европы право беспошлинной навигации по Черному морю. Жители сих двух провинций и были теми иберийцами, из лона коих вышла колония, пустившая корни на дальней оконечности Европы. В подтверждение чего сообщаем, что слова, выражающие в испанском языке понятие наслаждения питьем и женщиной, в древнем иберском диалекте у грузин, произносятся так же и имеют то же значение, что и в испанском языке. Иберы, или иберийцы, предки грузин, прославились своей храбростью и победами в войнах против мидян и персов. Помпей, завоевав Армению, продолжал оттеснять к северу понтийского царя Митридата. Но когда он вторгся на берега Куры, ему навстречу вышли албанцы и иберы: произошла битва; римская дисциплина одержала верх над бесстрашием сих воинов. Впоследствии Помпей прошел по всей стране, простирающейся от Черного моря до Каспия, но не сумел проникнуть в ущелья, ведущие к вершинам Кавказа. Таким образом, хотя римляне завладели Колхидой и взяли в плен ее царя, но из той части страны, что ныне зовется малой Арменией, они так никогда и не смог-

ли проникнуть на Кавказ, сию колыбель древней Иберии.

Персы покорили Грузию, и та оставалась под их властью до той поры, Александр Великий не захватил древнейшую и огромную Персидскую империю, завладел Грузией, доверив управление ею своему сатрапу Асону. Его убил Фарнабас, родич Дария, потерпевший поражение при Арбелах и провозгласивший себя царем упомянутых провинций за три века до христианской эры. Результаты славных побед Александра известны; также мы знаем, что после его безвременной кончины все его обширные владения были поделены между военачальниками великого македонца. Персия, благодаря своему положению и союзам, объединяющим всех подданных, вновь стала могущественной державой и наводила страх на соседей.

Провинции Грузии, граничащие с Персией и с турецкой империей, были предметом дерзких притязаний обеих стран, что немало способствовало ослаблению Грузии и все возрастающей ее зависимости, поскольку ее попеременно притесняла то та, то другая сторона: к тому же грузины страдали от непрерывных войн. Но наступило царствование княжны Тамары (с 1170 по 1200), столь же прославленной в Грузии, сколь прославлена в России Екатерина II; она приложила все силы для поражения турок и персов, и благодаря ей Грузия сбросила с себя мучительное иго. Сия княжна вступила в брак с русским князем из рода Боголюбских и по смерти передала власть своей дочери, но та оказалась менее удачлива, нежели ее предки, испытав ярость славного Чингисхана, двинувшего на Грузию свое войско, дабы принудить грузин оставить Евангелие ради Корана. Но не его вторжение привело к истреблению грузинского народа; скорее всего тому виною пагубная страсть грузинских князей, свойственная многим другим государям, (передаваемая из рода в род вместе с величием), — страсть дробить свою землю на мелкие княжества, тем самым предоставляя персам возможность безнаказанных набегов. Грузинский царь Александр был как раз из таких правителей, поскольку в начале XI века подал печальный пример, оставив по завещанию каждому из своих сыновей в отдельности Кахетию, Карталинию и Имеретию с Ширваном: от сих трех царьков и произошла большая часть князей, составляющих грузинскую знать. Было сие в те времена, когда турки, неотступные соперники персов, подстрекали кавказские народы, в особенности лезгин-

цев, своих единоверцев, на опустошение Грузии в части, прилегающей к Персии, дабы таким образом обезлюдившие земли стали естественной преградой: с той поры и начались первые сношения Грузии с Россией. В 1586 году царь Кахетии Александр послал гонца к царю Московскому, Феодору I, умоляя его построить на Тереке несколько крепостей и предлагая взамен клятвенное обещание верности. Тогда царство Московское не было еще в состоянии оказать народам Кавказа надежное покровительство. Юный возраст царя и непрерывные несчастия, преследующие варяжский трон, не дозволяли московитам уделять внимание своим восточным владениям, ни тем более усердно подготавливать счастливую будущность сего союза. Отношения, завязавшиеся меж Грузией и Московией в царствование злосчастного Феодора, будут постепенно расширяться и укрепляться, покуда в царствование Петра Великого русское правительство не вмешается в судьбу Грузии вооруженной рукой. Взятие Дербента показало, что отныне Россия осознала всю важность, каковую представляют для нее южные земли. Войны в Европе и созидание своей империи, казалось, поглощали все внимание полтавского героя, так что он даже забывал о своей азиатской миссии. Но через несколько лет после его смерти, когда события в Персии весьма осложнили политическое существование Грузии, сия несчастная страна предпочла войти в состав России со всеми своими провинциями, нежели оставаться во власти смут и ненавистной тирании.

И вот некоторые подробности относительно столь важных событий. Ага-Мехмет, сын правителя одной из персидских провинций, в середине прошлого века был оскоплен по приказу Абдель-Шаха и заключен на двенадцать лет в темницу Шираза, где и пребывал до своего сорокалетия. Интриган по натуре, с кое-какими связями, вероятнее всего, семейными, и, надо думать, довольно ловкий и сильный телом, он не обладал ни храбростью, ни особыми дарованиями; тем не менее он сумел пробиться к трону, истратив немалые деньги. И с их помощью распалив еще пуще раздор меж потомками Керима. Узурпировав трон, он предался всем излишествам, доступным тирану, всем порокам, свойственным низменной, развращенной душе; он находил наслаждение, вспарывая утробы жертвам своей ненависти, душил несчастных их собственными кишками, бросал их на съедение хищникам. Подобные зверства и многие

другие совершаемые им злодейства, каковые и перс не дерзнет описать, привели к тому, что люди, потерпевшие от Мехмета, прозвали его тираном. Будучи евнухом и гнусным деспотом, он не знал наслаждений любви: живейшим наслаждением для него было лишать своих подданных возможности наслаждаться; так же поступал он и с женщинами. Взалкав новых жертв, обратил он взор к несчастной Грузии, где тогда правил Ираклий, как раз заключивший договор с императрицей Екатериной II, чье покровительство он почел достаточным основанием для отмены всех прав Персии, предъявляемых ею на Грузию. Мехмет, опасаясь того, что может лишиться не только Грузии, но и провинций Дагестана, собрал сорокатысячное войско и двинулся на Эривань, где правил хан; последний будучи в союзе с царем Ираклием, уже избавился от владычества Персии; Мехмет прогнал своих врагов до ворот Эривани и осадил крепость. Законный наследник грузинского престола находился среди отступившего войска. Мехмет продолжает свой победный марш до Елисаветполя (так прежде называлась Ганджа) и наконец, соединясь с остальным войском, направляется с ним в Тифлис, находящийся на расстоянии трехдневного перехода.

Царь Ираклий, уверенный в том, что грузинские войска, собранные под командованием его сына в Эривани, могут противостоять врагу и защитить царский дом, не мог опомниться от изумления, застигнутый врасплох внезапным появлением Аги-Мехмета, и был вынужден укрыться в Кахетии, сопровождаемый всей знатью и большей частью тифлисских жителей, захвативших с собой все самое ценное. 18 октября 1795 года Мехмет вступил в Тифлис, не встретив ни малейшего сопротивления, рубя головы тем, кто ему попадался под руку и обращая в рабство тех, кто остался жив. Эриванский хан запуган; сын Ираклия вынужден бездействовать в самый опасный момент и, упустив время, уже не может удержать свои бегущие войска; он доходит до того, что приносит клятву верности от своего имени и от имени своего отца — самую унизительную клятву, какую только может принести князь в расцвете лет, возглавляющий войска Грузии: он признает тирана своим господином и обязуется выплачивать ему ежегодную дань, какую в прежние времена Грузия вынуждена была платить Персии ценой своих страданий. Весьма довольный своим стремительном набегом, Мехмет распустил войско и вернулся зимовать в Тегеран.

Едва лишь правительство России узнало о вторжении персов в Грузию, как тотчас приказало направить туда войска под командованием генерала Валериана Зубова, и тот после десятидневного артиллерийского обстрела взял Дербент, каспийский порт в Дагестане. Продолжая военные действия в тех краях, русские полки захватили Баку и Шамаху; они уже подходили к рубежам Персии, когда в декабре того же года получили известие о смерти Екатерины II и вместе с ним приказ об отступлении.

Отнюдь не желая встречаться с русскими, Мехмет отправился в Хорасан, на восточное побережье Каспия между Персией и Туркменией, прославленной своими сабельными мастерскими и коврами.

Намерением тирана было свергнуть Шаруха, правителя тамошних народов, единственного государя во всей Азии, сумевшего добиться счастья и процветания своих подданных. Шарух отправил свои сокровища вместе с сыном в горы, и, понимая, что сопротивление бессмысленно, один выехал навстречу шаху; полагая, что тот столь же великодушен и благороден, как он сам, Шарух предложил ему всевозможные выгодные условия дружбы. Но захватчик, не удовольствовавшись отнятой провинцией, желал узнать о местонахождении его сына и сокровищ, утверждая, что имеет на них все права, поскольку его предшественник, Надир-шах, вывез их из Индии. Чтобы добиться своего, он прибег к особым пыткам, подсказанным ему воображением; пока не добился того, что Шарух, обезумев от нестерпимых мучений, прежде чем испустить дух, открыл ему, в каком месте спрятаны его сын и сокровища.

В мае 1797 года Мехмет, разбогатев и получив подкрепление людьми, вновь решил вторгнуться в Грузию: он прошел через провинцию Ширван с шестидесятитысячным войском, имея целью повстречать русское войско и померяться с ним силами; но смерть, уготованная тиранами, уже подстерегала его, она была столь близка, что не успел он подойти к Грузии, как однажды ночью в собственном шатре пал от руки убийцы, подосланного Саден-ханом, одним из его военачальников. Последний, прихватив с собой сокровища шаха, фирман и печать, каковую тиран носил на браслете, как и поныне принято у знатных людей Азии, направился ко двору в Тегеран, сопровождаемый десятью тысячами своих сторонников, с целью привлечь

к себе недовольных прежде, нежели распространится слух о смерти шаха, дабы сменить его на узурпированном троне. Четыре претендента разом вступили в спор за власть: Хаджи-Ибрагим обещаниями и дарами добился того, что новый узурпатор отказался от своих намерений в пользу Баба-хана, племенника тирана Мехмета, и тот взошел на персидский трон в 1799 году, под именем Фетах-Али-Шаха: в его царствование выдвинулся фаворит Хуссейн-кули-хан.

В 1800 году грузинский царь, следуя желанию своих предшественников, завершил дело, к коему властно вынуждали его печальные обстоятельства родной страны. После пятидесяти двух лет царствования Ираклий отрекся от престола в пользу своего сына Георгия, отдавшего свои владения под покровительство русской империи. После стольких бед спасение Грузии зависело единственно от того, свяжет ли она свою судьбу с Московией, страной, никогда не чинившей Грузии никаких обид и принадлежащей к той же вере. С другой стороны, грузин и русских объединяла ненависть к мусульманам: и разумеется, Санкт-Петербургское правительство, как только оно получило верховную власть над Грузией, согласно завещанию Ираклия своему сыну Георгию, сполна отомстило Византийской империи за жестокие утеснения, творимые их предками на грузинской земле. С некоторых пор та роль, которую играли мусульманские войска в Грузии, переменилась; жителям Кавказа более не угрожала ни тирания нынешних правителей, ни власть потомков прославленного Чингисхана. Не будем вдаваться в размышления по поводу прихотливого хода человеческих судеб в сих краях: издревле Азия, будучи не в силах прокормить свои народы, посылала их на Запад; сегодня кажется несомненным, что упомянутая сторона света, и в особенности воины с Балтийских берегов, призваны исполнить великую миссию в Азии, и развязка сей многоактной драмы должна разрешиться в Константинополе.

Россия, в силу вышеупомянутого завещания, послала свои войска от берегов Терека через труднопроходимые кавказские ущелья до Тифлиса, объявленного столицей Грузии. Новые властители препоручили управление генералу Цицианову, грузинскому князю и родичу последнего царя, человеку, оставившему по себе добрую память как среди соотечественников, так и среди русских военных, благодаря своим высоким талантам

полководца и политика. Как только он понял, что его страну поддерживает власть, способная обеспечить ее спокойствие, он посвятил свои дни отмщению, карая персов за все муки, причиненные его родине, и осушая слезы многочисленных семейств, пострадавших от произвола мусульман. Как только великий грузин стал главнокомандующим, упомянутый выше князь Александр, недовольный политическими переменами в стране, не только принялся мутить народы, но даже, видя бесплодность своих попыток, укрылся у персов и принялся всячески подстрекать их к опустошительным набегам на Грузию. Сии события привели к тому, что из Грузии была выслана княгиня Мария, родственница генерала Цицианова (и родная тетка княгини Голицыной), получившего приказ из Петербурга о немедленной отправке ее в Москву. Все сошлись на том, что княгиня, получив подобный приказ, разгневалась не столько на приказ, сколько на того, кто ей его доставил (похоже, что генерал Лазарев был прежде ее любовником): высокомерными упреками отвечала она на разумные уговоры русского посланца; затем Мария, видя, что ей возражает человек, от коего она менее всего ожидала возражений, выхватила из-за пояса своего слуги кинжал и собственноручно вонзила его в грудь Лазареву, и тот пал мертвым к ее ногам. После чего покорилась приказу, исполнение коего было только ускорено злосчастным событием. В тот год, когда Ван-Гален прибыл в Москву, княгиня жила там, достойно поддерживая свое положение благодаря пенсиону, назначенному ей правительством.

Огорчительная смерть благородного и отважного генерала Цицианова еще более осложнила конфликты, постоянно случающиеся в Грузии по причине интриг, разжигаемых из Персии пресловутым Александром.

Событие произошло накануне окончания похода в 1806 году, под командованием самого Цицианова: его победоносные войска готовились занять важную Бакинскую крепость, и осажденный в ней хан пожелал сдаться. Генерал русских войск, предполагая в своем противнике те же благородные чувства, что были свойственны ему самому, двинулся к крепости, дабы поставить свою подпись под соглашением и принять ключи от крепости. Действуя без достаточной осторожности, он взял с собой лишь несколько казаков и еще одного грузинского князя, своего родича Эристова. Жертва вероломства, он был за-

стрелен в упор из пистолета по приказу хана; тот набросился на оставшихся, велел отсечь головы князьям и незамедлительно отправить их шаху персидскому. Но, несмотря на роковое происшествие, русские войска сохраняли в своих рядах порядок и дисциплину и всего через восемь часов после трагедии солдаты, исполненные боевого пыла, штурмовали с помощью лестниц крепостные стены, не дожидаясь, покуда артиллерия пробьет в них бреши, и водрузили над Баку императорское знамя. После того как убийцы понесли заслуженную кару, солдаты откопали еще неостывшие тела князей и торжественно препроводили их, по приказу Петербургского правительства, в архиепископский Сионский храм Тифлиса.

Русское правительство, слишком занятое войной с Наполеоном, было вынуждено оставить в небрежении судьбу своих отдаленных провинций; управление ими ослабло, и средства, употребляемые правительством, более не оправдывали себя, и когда император Александр, победоносно завершил Парижский поход и воротился в Петербург, он решил постепенно привести сии провинции к замирению. Главнокомандующим на Кавказе он назначил генерала Ермолова, имея в виду его блестящие достоинства; но еще ранее Ермолов возглавил чрезвычайное посольство, направленное императором Александром к персидскому шаху для установления добрых отношений меж двумя государями, дабы придать силу мирным соглашениям, заключенным меж ними прежде; но, говоря об упомянутой дипломатической миссии, следует уточнить, была ли она и впрямь доподлинной причиной, тайной или явной (в подробности мы не входим), удаления Ермолова из Петербурга.

В прошлом Ермолов был артиллерийским офицером, много лет назад командовавшим русской и прусской гвардией в войнах с Францией, прежде всего в Лейпцигской кампании. Любопытные подробности его миссии достаточно известны, о них в России писал один из участников тех событий, разделявший в походе одну палатку с Ван-Галеном; рассказывал он о них с чрезвычайной откровенностью, так что не было смысла обращаться к его страницам, когда можно было услышать те же рассказы от него самого или от его товарищей по полку, живых свидетелей тех событий. Перейдем сразу к событиям, случившимся, когда он прибыл к месту назначения с многочисленной и блестящей свитой молодых людей, предоставлен-

ных в его распоряжение Александром; но что доподлинно нуждается в проверке, так это ошибки, допущенные иными из писателей-иностранцев (вольные и невольные), искажающие мотивы политики посланника, в отношении шахского фаворита, Хуссейн-кули-хана, сардара или правителя Эривани. Писали, что Ермолов, прибыв в Персию, проявил неучтивость, потребовав для себя почестей, полагающихся разве что самому царю, тем самым унизив наиспесивейшего воителя, какого только знала Персия; ибо он соглашался склонить голову только перед солнцем и своим государем. К сему добавляли, что русский посланник, пренебрегая старинными обычаями, строжайше соблюдаемыми до него посланцами многих народов, упорно отказывался подчиниться иным требованиям этикета, священным в глазах персов; например, снимать обувь, представляясь государю, исполнять те или иные действия, смехотворные для тех, кто не рожден в Персии, падать во прах, по обычаю восточных людей и т. д., нетрудно понять, что подобное поведение, вопреки мирным устремлениям Александра, сильно озлобляло персидских придворных. Повторяем, что Ван-Гален собирал всевозможные сведения по данной теме, расспрашивая своих друзей, дабы прояснить историческую истину.

На Хуссейн-кули-хана в Персии смотрели как на героя; но хотя политический словарь каждого из народов определяет значение слова «герой» по-своему, а мы добавим, что и каждая из враждующих сторон толкует его иначе, согласимся, что геройство этого человека заключается в совершении всевозможных злодейств, когда он сам выкалывал глаза у того или иного правителя, или отдавал приказ о его ослеплении, или в один недобрый день покрыл несколько лиг на прекрасном коне карабахских кровей, не уступающем арабским скакунам; о нем говорили, что, благодаря своей отваге и мужеству, он возвел на престол шаха. Он был главнокомандующим регулярного войска Персии и, естественно, пользовался доверием своего повелителя, Аббаса-Мирзы, в ту пору предполагаемого наследника трона. В силу своих постоянных сношений с некоторыми иностранными офицерами, в трудные периоды обучавшими его войско, Кули-хан не имел достаточных познаний в военном искусстве, да и не стремился их приобрести. Быть храбрым до безрассудства, лучшим наездником в Персии, хотя ему уже стук-

нуло 52 года; постоянно стремиться к войне против России или заключать с нею мир, будучи к тому вынужден, но с твердым намерением подбивать на мятеж народы Кавказа и других граничащих с нею провинций, не гнушаясь даже наиподлейшими средствами; предаваться всем излишествам и самой скотской похоти, уснуть в тяжком опьянении прямо на ковре в присутствии всего дипломатического корпуса — и все сие, невзирая на запрет его веры... о, да, таковые поступки в обществе и личные заслуги не могли внушить посланнику Ермолову уважения к Кули-хану.

Совершенно правильно поступил генерал, когда, приближаясь к ставке Кули-хана, заставил того выйти ему навстречу: тем самым великий герой претерпел величайшее унижение, ставшее у персов притчей во языцех; несомненно, посланник знал, что именно так и следует обращаться в Азии с двуличными людьми, льстецами и интриганами, с каковыми ему и предстояло договариваться; будучи глубоко убежден, что с придворными, известными своею подлостью, невозможно прийти к соглашению, желательному для императора, не подчинив своей воле шахского фаворита, и таким образом явить персам могущество России, что является единственно прочной основой для соглашений с ордами фанатиков, покоряющихся одной лишь силе.

Легко представить, скольких усилий стоило Ермолову сыграть роль надменного вельможи и потребовать подобающего обхождения, столь противного его природной искренности и прямоте. Зная об его прямодушии, можно судить, сколь нелегко для него было ломать комедию, чуждую его нраву и столь прекрасно исполняемую многими другими, несущими ту же должность при европейских дворах, мало похожих на персидский.

Прибыв ко двору персидского шаха, Ермолов заранее, как должно, когда обсуждался церемониал аудиенции, предоставленной ему шахом, торжественно заявил, что ни он сам, ни люди из его свиты, будучи русскими офицерами, не могут лишиться ни малейшей части от своей формы, то есть не могут подчиниться азиатским обычаям и церемониалу, и стало быть, не станут разуваться, но готовы обнажить голову; не станут надевать халатов, пусть и богатых, и будучи европейцами, не сядут на пол, как поступали до них другие дипломаты из про-

стой любезности. Да представит себе читатель, сколь оскорбило сие нежданное новшество косную, фанатичную спесь шахского двора: оно было воспринято как тягчайшее оскорбление шахского достоинства; но, действуя с привычным для них лицемерием, персы всячески увиливали от прямого ответа со свойственной им льстивой манерой. В назначенный час шах принял посланника и его свиту, как ему было угодно и со всею пышностью и великолепием, предписанным для самых торжественных случаев. Вся свита предстала пред шахом в сапогах со шпорами, согласно русскому этикету. В зале, где восседал шах, Ермолов увидел богато изукрашенное кресло, первую мебель такого рода, когда-либо встреченную в тех покоях; искусная работа и роскошная отделка кресла отнюдь не свидетельствовали о шахской нерешимости, ни об упорном его нежелании снизойти к справедливому прошению Ермолова. Разумеется, он так поступил по размышлении, рассудив, что посланник являлся таким образом и пред своим собственным государем, и удобное сидение было, таким образом, честью, оказываемой в его лице государю. Картина, представляющая сию блестящую сцену, изображает шаха, сидящего по восточному обычаю и разубранного лучшими своими алмазами и прочими каменьями, иные из коих были скрыты под его великолепной черной бородой, прославленной меж персами: по бокам трона и на ступеньках располагались его многочисленные сыновья и кое-кто из министров; напротив шаха, в двадцати шагах от него — посланник со шляпой в руке, занимающий кресло, под ногами его — богатый ковер, вокруг стоит многочисленная его свита: слева от шаха, близко к нему — четыре ликтора, если их можно так назвать, с подъятыми секирами, у его ног — крошечный бассейн, куда нередко падали головы его жертв, отсеченные по единому взгляду или неприметному знаку шаха теми же секирами, без коих не обходится ни одна церемония. Льстивые речи шаха, награждение персидским орденом Солнца, коего удостоилась русская дипломатическая миссия, и особая орденская лента, отличавшая посланника, подтвердили то, о чем мы уже говорили вначале.

Когда Александр получил донесение о событиях при персидском дворе, он назначил Ермолова главнокомандующим войсками в Грузии и генерал-губернатором всех кавказских провинций: таковы плоды усилий коварного Александрова

двора (о чем мы можем сегодня говорить открыто), где всегда хватало и соперников, и завистников Ермолова; последние желали скомпрометировать его там, где многие потеряли репутацию, и удалить его в те края, где он не будет их затмевать; и вот, как только закончились дипломатические переговоры, на него тотчас возложили самое трудное дело, требующее незамедлительных действий; и Алексей Ермолов оставил дипломатический портфель и вернулся к воинской шпаге, дабы стяжать себе славу первого покорителя Кавказа.

Глава XI

ВЫХОД С ПОЛКОМ ИЗ ТИФЛИСА. — ДРАГУНСКИЙ ЛАГЕРЬ. — ЛЕЗГИНЦЫ. — ЛАГЕРНЫЕ АНЕКДОТЫ

Карантин, расположенный перед въездом в Тифлис, есть необходимая предосторожность скорее против купцов с их товарами, нежели против офицеров и просто путников; следовательно, то, что там задержали Ван-Галена, было явным недоразумением, поскольку он со своим арапом выехал с последнего поста без конвоя. Когда все сомнения прояснились, ему было разрешено въехать в Тифлис, и на следующее утро он представился генералу Вельяминову, дабы вручить тому пакет, отправленный с Андреевского поста.

Генерал оказал ему любезный прием и тотчас рекомендовал его офицерам главного штаба, оказавшимся в городе, и меж ними завязались дружеские отношения, в особенности с бароном Ренненкампфом; сей молодой человек был родом из Ливонии, и, следовательно, земляк ван-галеновского попутчика, ехавшего с ним из Берлина: знакомы они не были. Новый приятель избавил его от необходимости подыскивать квартиру и простер свое дружеское расположение до того, что уговорил его поселиться вместе с ним, перезнакомил его со всеми, кто был в городе, и все более сближался с ним день ото дня. В то время в Тифлисе съехалось несколько европейских семей, принадлежащих к различным кругам правительственных служащих; но самое блестящее общество собиралось для охоты у губернатора Ванговена и генерала от артиллерии Ахвердова. Необщительность грузинских дам, особливо тех, что в силу

своего возраста придерживаются прежних обычаев, приводит к тому, что новое общество в Тифлисе также чуждается всякого нового человека, хотя тот должен бы стать предметом их любопытства и желанным гостем.

Для Ван-Галена Тифлис был лишь остановкой в пути, и его пребывание здесь более или менее зависело от воли генерала Вельяминова, и тот, видимо, непрочь его продлить, предоставил в распоряжение Ван-Галена свою библиотеку, свое общество и свой стол. Благодаря столь добрым знакам, через сорок восемь часов после приезда Тифлис для Ван-Галена стал вторым Петербургом, но и его он тоже вынужден был покинуть, дабы продолжить путь до места назначения. Полк был расквартирован на южной оконечности Кахетии, в Карагачском военном лагере; стало быть, в ста сорока верстах на восток от Тифлиса. После двухнедельного пребывания в Тифлисе он собирался продолжить путь, но неосторожность помешала ему осуществить свое намерение. Так, Ван-Гален вздумал подражать тем, кто уже акклиматизировался здесь, и чуть было не потерял свое крепкое здоровье, заболев перемежающейся лихорадкой, и та не покинет его все то время, что он проведет в сем климате (восемнадцать месяцев), разве что будет давать ему передышку от сорока восьми до семидесяти часов. Не будь с ним доктора Привиля, дипломированного врача, прозванного немцем и состоящего на правительственной службе, не будь рядом заботливого друга Ренненкампфа и не будь лекарств, аккуратно поставляемых отцом Фелипе, монахом-капуцином из католической тифлисской миссии, Ван-Гален непременно бы умер от столь тяжкой болезни. Во время сильнейшего приступа лихорадки его арап, воспользовавшись полнейшей беспомощностью хозяина, забрал все, что ему понравилось, и сговорясь с неким армянином, как впоследствии узнал его хозяин, подался в Персию, где такие, как он, весьма ценятся и применяются для особых услуг в гаремах; арап обосновался в шахском гареме. Таким образом, Ван-Галену пришлось воспользоваться услугами денщиков, приставленных к нему по приказу полковника и Карагача; но прошло какое-то время, прежде чем те привыкли к ломаному русскому языку больного. За два месяца он убедился в бесполезности всех стараний и забот со стороны людей, пекущихся о его выздоровлении, и решил довериться времени и судьбе, после чего, полу-

чив распоряжения генерала Вельяминова, стал готовиться к дороге. Он условился выехать с новым товарищем, недавно прибывшим из Европы бароном Унгерном; барон направлялся от главнокомандующего в полк Ван-Галена, но полковник Николай Ермолов, кузен генерал-аншефа, командующий блистательным полком грузинских гренадеров, расквартированным в непосредственной близости от их маршрута, желал на несколько дней задержаться в Тифлисе, куда он имел обыкновение наведываться, и уговорил Ван-Галена выехать вместе с ним, и тот не мог отказать ему.

16 декабря в два часа пополудни он выехал из Тифлиса с полковником и еще одним офицером высокого звания в его коляске, несколько офицеров ехали верхами; одни из них следовали в том же направлении, другие, как его друг Ренненкампф, выехали их проводить.

С декабря по январь тифлисская равнина имеет тот же вид, что и наши кастильские поля, обычно покрытые снегом. Путь представлял прямую линию до самого лагеря гренадеров, и оставив справа немецкие колонии, о коих мы еще расскажем, отряд прошел в непосредственной близости от грузинских крепостей и в шесть часов вечера подъехал к цитадели князя Шалахаева, молодого грузина; последний, предупрежденный полковником Ермоловым, уже поджидал их. Войдя в пределы стен, окружающих башню, оказываешься в одной из тех декораций, где нередко случалось бывать герою Сервантеса. Узнав о приближении отряда, князь вышел навстречу в национальной одежде, окруженный факелами, слуги завладели их конями и повозками, и путников торжественно препроводили во внутреннее помещение башни, скорее феодального замка, где в довольно просторном помещении овальной формы, полностью освещенном, имеется деревянный помост, идущий вдоль стены, устланный коврами и раскиданными по ним валиками и подушками, обтянутыми шелком, служащими, вероятно, ложем и сиденьями. Сеньоры или дамы, обитательницы замка, украдкой смотрели на них точно так же, как смотрят монахини в наших монастырях: сквозь щели в дверях, мимо коих гостям случалось проходить. Таким образом, Шалахаев оказывал им гостеприимство и от себя, и от своих дам, но с неподдельным радушием, свидетельствующим у грузин скорее о дружеских чувствах, нежели о простой учтивости. Первым подарком для каждого

из гостей была вместительная трубка, какую обычно курят русские, а тем временем хозяин дома поторапливал слуг, дабы те поскорее установили перед сиденьями широкий стол со всевозможными местными яствами. Грузинская кухня, как большая часть азиатских кухонь, состоит из различных блюд из мяса, птицы и рыбы, приготовленных с рисом, и сушеных фруктов в меду, в сахаре и с шафраном, весьма странная на европейский вкус приправа. Все же прочее — хлеб, посуда, приборы и т. д. — было накрыто так, как принято у европейцев. Поскольку ни у кого из знатных грузин нет обыкновения держать слугу, обязанности которого походили бы на службу наших мажордомов, славный князь пытался сам прийти на помощь своим нерасторопным слугам; таким образом, он уселся среди гостей лишь тогда, когда все было готово: со щедростью, принятой у них в стране, он собственноручно подносил прекрасное кахетинское вино, в точности похожее вкусом, цветом и приятностью на вина, производимые испанцами в Ламанче, особенно в Вадьдепеньясе, и вволю потребляемом на мадридских застольях. В Грузии по тем же причинам, что и в Кастилии, а именно из-за необходимости перевозить вино в мехах, вкус его портится; здесь, в Грузии, оно помогает забыть о своеобычности кухни. Пьют его из грузинского кубка, представляющего рог тура, или турий рог, отполированный и оправленный в серебро и золото: следовательно, его нельзя выпускать из руки и невозможно поставить, а пустым он не бывает; тем более, что, по грузинским обычаям, крайне невежливо было бы положить его на стол. Сие напоминает нам обычай одного могущественного европейского государя; дабы гости его пили беспрерывно, он велел подавать им обычно вино в кубках без ножки. Веселье, царящее за столом, продолжалось до полуночи; после того как столы были убраны и князь удалился, дверь закрыли; не раздеваясь, они лишь расстегнули мундиры и, склонясь головами на подушки, попытались уснуть.

На следующее утро, когда рассвело, коляска полковника была уже готова и кони его спутников оседланы; гости распрощались с князем и после часа скверной каменистой дороги, пересеченной ручьями или сухими руслами, приехали в Загорецкий пост, военное поселение или лагерь грузинских гренадеров. Расположение лагеря как нельзя лучше отвечает его предназначению. Дом полковника, пригодный не только для

совещаний, но и для приема того или иного гостя, был, как все офицерские дома, построен солдатами его полка. Барон Унгерн и Ван-Гален на тридцать часов задержались у новых друзей, примеряясь к новому образу жизни, ожидающему их на месте назначения. Среди офицеров особенно отличался по своим личным достоинствам подполковник Абхазов, грузинский князь, имеющий столь выдающиеся военные заслуги, что уже в пятнадцать лет получил Георгиевский крест —русскую награду, которую в этом полку, состоящем из отчаянных храбрецов, заслужили всего двое. Отобедав, они с полковником Ермоловым и другими офицерами сразу же отправились на конское пастбище и к полковым конюшням, и вскоре добрались до почтовой станции в Манабе (в пятидесяти четырех верстах от Тифлиса), где им предстояла ночевка. Большая часть почтовых станций — глинобитные дома, кое-как разгороженные, дабы путники, казаки и лошади не спали вместе. Завернувшись в свои бурки, офицеры уже собирались отойти ко сну, когда близ полуночи услышали грохот колес, и вскоре к ним вошел молодой господин Гринфельд, полковой казначей; он направлялся в Тифлис и хотел познакомиться с новичками; его угостили из припасов, нагруженных денщиками на полковничьих лошадей; на рассвете они распрощались, и Унгерн с Ван-Галеном двинулись к месту назначения, сопровождаемые казачьим конвоем. От ночного холода покрылся наледью неглубокий снег, выпавший несколько дней тому назад: время от времени они встречали группы грузинских охотников, сопровождающих своих господ. В десять они прибыли на станцию Дампол, что в двадцати двух верстах от поста, покинутого ими на рассвете, и немного передохнув, продолжили путь к Сигнаху, расположенному в девятнадцати верстах оттуда. У почтовой станции в Дамполе сходятся две дороги, ведущие к Карагачу через Сигнах или через Царские Колодцы, в летний лагерь драгунов, зимующих в Карагаче.

Две трети дороги на Сигнах благоприятны для езды на колесах даже в снежную пору: но последняя треть до самого города образует крутой склон, с хорошо обработанными полями вокруг живописных хуторов, и летом их вид, должно быть, вознаграждает за трудность спуска. Селение открывается взору неожиданно. Так как они проделали дневной переход пешком и подолгу отдыхали, останавливаясь на хуторах, было уже

темно, когда они обратились к военному коменданту, господину Макашеву, майору Тифлисского пехотного полка, с просьбой о квартире, и тот приютил их у себя до утра. Затем, оставив скверных почтовых лошадей и заполучив пустой экипаж полковника, едущий обратно в Карагач, они продолжили путь.

Сигнах, получивший чрезвычайную известность в 1812 году в связи с местными мятежами, является столицей Кахетии. Из-за близости к лезгинским селениям, расположенным на другом берегу Алазани, поселок пользуется дурной славой. Население его едва ли достигает трех тысяч жителей; количество солдат в гарнизоне то увеличивается, то уменьшается в зависимости от политической ситуации в стране. Сигнах расположен на продолжении горной цепи, простирающейся в направлении Телава, второго города Кахетии, и до возвышенности Царских Колодцев, то есть возвышенности, идущей параллельно главному Кавказскому хребту и отделенной от него долинами в пятнадцать–двадцать верст шириной; их покрывают рощи, омываемые Алазанью, впадающей в Куру в пятидесяти пяти верстах от Сигнаха, на крайнем Юге провинции.

Сигнах вкупе с Телавом образуют, если можно так выразиться, сторожевые заслоны против лезгинцев: последний богаче столицы благодаря своим обширным виноградникам; управляет Телавом капитан Питерс, молодой ливонец, с которым Ван-Гален познакомился в Тифлисе. Чавчавадзе, грузинский князь, получивший образование в Европе и уволенный с действительной службы по причине своих ранений, согласился остаться на службе в полку Ван-Галена в чине полковника, ввиду близости лагеря от его наследственных владений. В Телаве они намеревались нанести визит капитану Питерсу, бывшему сослуживцу ван-галеновского попутчика, состоящему в кавалерийских частях; но огромные размеры полковницкого экипажа и возможность нанести визит при более удобном случае заставили их отказаться от своего намерения.

Телавские виноградники изобильны, величина, качество и сочность гроздей превосходят виноград, произрастающий на берегах Малаги. Трудности сообщения и невозможность вывоза сильно удешевляют кахетинское вино, и редкий человек в Тифлисе не потребляет три–четыре бутылки за день.

Положение Сигнаха благодаря его редутам довольно надежное, оттуда открываются лучшие панорамы во всей Грузии. Если выйти из города на Карагач и пройти пешком по его склону верст пять, ты на каждом шагу встречаешь водяные мельницы, впрочем, сооруженные скверно, но пригодные для того, чтобы обеспечить гарнизон хлебом на всем продолжении засух. Ни в одной из провинций по ту сторону Кавказа не встретишь ветряной мельницы; в одних местах они не нужны благодаря изобилию воды, в других — местные племена обходятся без оных благодаря особому способу выпечки хлеба. Проходя по упомянутому взгорью, встречаешь прелестные поля и рощи, омываемые Алазанью; на другом берегу реки обитают лезгины, воинственные племена, о коих наш читатель уже имеет представление. Их система управления похожа на ту, что испанский завоеватель встретил в Мексике у тлакскальтеков: своеобразный административный совет состоит из наиболее влиятельных старейшин, и вождем племени избирается обычно тот, кто на деле докажет свою свирепость по отношению к врагам. Сей лезгинский Хикотенкаль держит в жесточайшем рабстве ренегатов — грузин, в прошлом христиан, живущих по берегам Алазани; будучи трудолюбивее, нежели лезгинцы, они остаются под их властью, лишь бы не покидать своих земель; их называют энгалы, главный их город Белоканы, довольно крупный, построен на склоне Кавказского хребта против драгунского лагеря примерно в восемнадцати–двадцати верстах от него. Поскольку именно здесь изготовляются знаменитые бурки, город поддерживает торговые связи с Тифлисом.

Опасность, грозящая путнику, проезжающему мимо поселений донских казаков и по Черкесии, несравненно меньше, нежели риск, коему подвергается всякий, дерзнувший проехать без конвоя 26 верст от Сигнаха до Карагача: все сие по той причине, что границы, определяющие Кахетинскую провинцию от лезгинского нагорья, обозначены единственно течением реки Алазани, а ее легко перейти вброд. Обычно лезгинцы устраивают засаду в придорожных зарослях и, захватив добычу, уходят за реку и скрываются в горах. Наши путники почувствовали бы унижение, если бы, отправляясь к месту расположения своего полка, воспользовались казачьим конвоем, что сильно уронило бы их во мнении русских офицеров. Таким

образом из Сигнаха они отправились без конвоя, положась на свое оружие, быстроту коней и сноровку возницы, но, проехав половину дороги, они вдруг наткнулись не на лезгинцев, но на врага иного рода, а именно на лекаря, ехавшего верхом в обществе своего денщика в том же направлении. Его фамильярный тон, его взгляд, засверкавший, когда он представился им, назвав себя главным хирургом полка, сразу показало, где его слабое место. Здесь явно не обошлось без паров Кахетинского. И Ван-Гален не мог не подумать о том, в какие руки суждено ему отдать свое выздоровление. Уведомив их обо всем, чего они не знали о полковых офицерах, он предложил им не только свой кров, но и чужие квартиры; вероятно, он даже не вспомнил, что Ван-Галену в его состоянии лучше всего подошел бы полковой лазарет. Поскольку они ехали в открытой коляске, следовало опасаться, что их плюмажи могут в любой миг привлечь внимание лезгинцев.

Остановились у ворот дома полковника: последний, будучи извещен о их приезде, увидел их из окна. Звали полковника Климовский: будучи майором гвардейского полка и адъютантом великого князя Константина в кампании 1812 и 1813 года, впоследствии он принял командование драгунским Нижегородским полком. Лет сорока от роду, отважный, он хорошо разбирался в воинских делах, и единственным его недостатком было то, что он не получил для сей страны обычного образования: знал только свой родной язык, а это обязывало всех офицеров также разговаривать только по-русски, что на протяжении трех месяцев стало для Ван-Галена истинной академией, и он весьма обязан полковнику своими немногими познаниями в русском языке, необходимыми для несения службы.

Лагерь, собственно, и представляет собою то, что называют Карагач, в его названии осталась память о древнем Карагаче, развалины коего, едва различимы днем, кажется, хранят следы Александра Великого и Помпея; но ни единая монета, ни единая надпись античных времен не могут подтвердить подобного предположения.

Казармы шести полевых эскадронов, разделенные на три корпуса по два эскадрона в каждом, обращены фасадом к горе; в сотне шагов с тылу, расположенные в том же порядке, параллельно тянутся эскадронные конюшни; между двух рядов этих

зданий размещаются деревянные дома полкового начальства и офицеров, выстроенные солдатами. На левом фланге — полковые мастерские, церковь, домик священника, лазарет и кухни. За постройку офицерских домов солдатам выдается небольшое вознаграждение, и, разумеется, предоставляются все строительные материалы; таким образом, офицер становился домовладельцем и жителем Карагача, и весьма задешево.

Как принято в России, полковник корпуса обязан приглашать за свой стол утром и вечером всех своих офицеров; прибавим к сему стоимость музыки, лечения и рабочей силы; правительство отпускает на каждый полк лишь скромное довольствие для солдат и офицеров: сюда входят ассигнование на ремонт, вооружение, латунное литье, кому и сукно для обмундирования. Таким образом, в России, и в частности в Грузии, полная военная экипировка пехотинца обходится не более чем в двадцать пять рублей, не считая оружия. Что же касается столования, то даже в отсутствие полковника сие правило не отменяется, и обед происходит в том же доме, когда с музыкой, когда и без оной, согласно желанию председательствующего, имеющего высший чин. Незнакомого офицера принимают благосклонно и предлагают ему место за столом рядом с председателем.

В главе устава, где идет речь об организации русской армии, говорится о средствах, необходимых для того, чтобы командиры воинских частей могли обеспечить огромные расходы, связанные с их должностью: таким образом, можно утверждать, что, благодаря предусмотрительности русских императоров, приложивших все свое усердие к упорядочению армии, сегодня русское войско переняло у пруссаков их завидную систему расчетов, у французов их тактику, и у англичан внутреннюю полицию и санитарную службу.

На другой день по прибытии Ван-Галена в полк, едва был дан приказ о его зачислении, как тут же к нему на квартиру явились мастеровые: плотники, шорники, кучера, портные и сапожники. Поскольку мастера обычно предлагают свои услуги тому, кто наиболее в них нуждается, ясно, что вновь прибывший оказался на первом месте. Такие мастера больше всего любят, чтобы им дали чертеж или рисунок требуемой вещи; если, например, нужно сделать коляску, не пройдет и нескольких часов, как они возвращаются со списком, где указано,

сколько им потребно кожи, сукна и прочего для того, чтобы смастерить карету или дрожки; древесину и железо они достают сами из богатых подковых запасов.

Тем временем покуда не отстроят домишко и не сколотят мебель и коляску, полковник предложил ему выбрать одно из двух жилищ, принадлежащих его помощникам, которые по служебной надобности проводят вне лагеря девять месяцев в году, как, например, уже упомянутый грузинский князь Чавчавадзе; засим полковник, захватив с собою барона и польского офицера, своего доброго знакомого, покинул Ван-Галена в его временном жилище, мучимого тифлисской лихорадкой.

Не будем говорить о распорядке жизни в лагере, поскольку он во многом совпадает с системой, установленной в регулярных войсках любой страны; остановимся лишь на тех особенностях, что показались нам достойными упоминания.

Каждая мастерская содержит определенное число работников, отобранных из солдат, наименее пригодных для строевой службы, каковые встречаются в войске; при ежегодном рекрутском наборе рекруты подразделяются на следующие группы:

1. В строевую службу ...Наилучшие
2. В денщики или в обслугу ...Средние, из крестьян
3. В лазарет и в мастерские ...Низкорослые, обученные какому-либо ремеслу

Таким образом, в России, в отличие от Испании, никто не может уклониться от рекрутского набора по причине малого роста или физического недостатка, как то: заикание, глухота и т. п., поскольку они могут нести нестроевую службу. Добавим к сему неограниченный срок службы, и вы поймете, имеет ли преимущества русский ветеран по сравнению с ветераном других стран. Если офицер, вступая в брак, оставляет свой пост и переходит на гарнизонную службу, то солдат, если захочет последовать его примеру, переходит служить в военные поселения и там живет семейно; он должен являться в полк лишь на два месяца в году на сентябрь и октябрь. Жалованье офицеру, как и солдату, выплачивается в действующей армии со скрупулезной точностью.

Ремонт лошадей производится в Кабарде, поставляющей их в изобилии, и возможно, это лучшие кони во всей империи

по своим качествам и сложению. Нищета кабардинцев позволяет офицерам закупать великолепных лошадей по весьма умеренным ценам. В Карабахе, провинции, граничащей с Персией, выращивают более грациозную и дорогостоящую породу, нежели кабардинская, и хотя сии кони не столь выносливы, они, без сомнения, столь же отважны и горячи, как лошади древней андалусской породы, и обладают многими добрыми качествами арабской породы.

Как правило, в России командир получает на ремонт меньше средств, чем требуется; но в Кабарде за лучшую в эскадроне лошадь платишь сто восемьдесят рублей, в то время как в Киеве или в центре России за такую же лошадь платишь на целую треть дороже. В полку Ван-Галена, как и во всех прочих, правительством выдается по ста двадцати рублей на каждую лошадь; если доплатить еще двадцать, можно приобрести очень хорошую; но поскольку государство не предоставляет льгот для разведения лошадей, а тем не менее всегда следует иметь их в резерве, ремонтер неизбежно переплачивает. Если бы начальство упорядочило разведение коней и способствовало скрещиванию кабардинских пород со своими, выращивая их на берегах Терека, тогда бы сие дело принесло такие же выгоды, как в Германии.

Климат в Карагаче не столь мягок, как в Тифлисе. В ущелье между Сигнахскими холмами и главным Кавказским хребтом с его вечными снегами, сталкиваются Север и Юг, а посему зима здесь на целый месяц продолжительней, нежели на равнинах. Полковник, страстно увлеченный усовершенствованием конской выучки, своим примером поощрял кавалерийские учения. С другой стороны, лошади, привычные ко всевозможным лишениям и трудам, весьма пригодны для военной службы: они получают свои пять порций фуража (две днем и три вечером), не ранее чем наслушаются пистолетных выстрелов, и пьют лишь один раз в полдень, за исключением летней поры, когда их поят дважды. Что касается солдат-ветеранов, несущих сторожевую службу, большая часть их приспособилась к здешнему климату, приятному, но обманчивому. Драгунский полк, единственная линейная кавалерия Грузинского войска, блестяще проявил себя во время персидских кампаний, тем не менее понес немалые потери; дабы сохранять мир, кавалерия расположилась форпостом на равнинах левого берега

Алазани, супротив лезгинцев, оставаясь в постоянной боевой готовности, что весьма полезно для солдат, но отнюдь не способствует внешнему блеску их командиров.

Татарская, грузинская и казачья конницы оказывают значительную помощь, содействуя русским во время операций в горах; тысяча лошадей драгунского полка служили резервом в решающих случаях и при опасных положениях во время персидских воин; в действующей русской армии постоянно приучают лошадь ко звукам выстрелов при каждой кормежке, и такая предосторожность, цель коей понятна, еще почитается недостаточной в регулярной кавалерии Грузии и Кавказа, поскольку в битве против организованной персидской армии ей зачастую приходится атаковать вражеские батареи. За несколько месяцев до приезда Ван-Галена в лагерь Ермолов, получив под свое начало парк полевой артиллерии, безоговорочно приказал начальствующему составу воспользоваться случаем и приучить лошадей к пушечным залпам, как прежде их приучили к ружейной пальбе. Вследствие чего ежедневно ставили четыре орудия в двухстах шагах от водопойных колод и, когда колонна всадников приближалась, открывали огонь.

Раз или два в месяц, по усмотрению полковника, конные маневры затягивались на два часа, и лошади со своими всадниками, нерасседланные, с нетерпением бежали к водопою сквозь густой пушечный дым, поскольку час, когда их обычно поили, уже миновал.

Ночью посты в лагере удваивались по окружности и оклики часовых смешивались с пронзительными завываниями шакалов, хищных животных, ночами выходящих на разбой и шныряющих повсюду, где водятся птицы; они собираются в стаи на полях, как только ночь укроет их тьмой. Близость другого берега Алазани, через которую легко переправиться вброд, требует усиленных мер предосторожности, особливо в темные ночи. В одну из таких самых темных ночей с горы спустилось десятка два лезгинцев; они перешли Алазань, неслышно подобрались к кордону часовых, расставленных цепью вокруг лагеря, бросились с кинжалом в руке на застигнутого врасплох часового, стоявшего на посту у дверей одной из трех казарм, убили его прежде, чем он смог поднять тревогу, и с величайшей дерзостью ворвались в комнаты, где отдыхали драгуны. Казармы устроены таким образом, что солдаты размещаются

в двух боковых помещениях, меж коими находится третье, меньшее, отделенное перегородками и ведущее к выходу; в нем симметрично расставлено оружие. Подобное внутреннее устройство могло бы привести к несчастью куда большему, нежели то, о коем мы вам сейчас расскажем, если бы отряд ночных разбойников был многочисленнее и они бы не растерялись.

Они бросились направо и налево, в оба помещения, без устали вонзая кинжалы в грудь первым попавшим под руку драгунам: предсмертные хрипы одних, крики раненых разбудили и подняли остальных, все пришло в полное смятение. Лезгинцы погасили светильники, так что могли узнавать друг друга только на ощупь, и в полной темноте продолжали резню, убивая безоружных, пытающихся выскочить и добраться до оружия. На шум прибежали дежурные офицеры и дозорные, принесли свет; лезгинцы бросились к выходу, но было поздно, —их окружил весь полк с оружием в руках; тогда иные из них закололись, другие сдались в плен, изъявляя живейшую радость при виде стольких убитых христиан. Сии фанатики, подвигнутые на злодейство своими духовными вождями с гор, понесли заслуженное наказаний. Урок, стоивший полку свыше шести десятков убитыми и ранеными, стал причиной принятых ныне мер предосторожности.

Столь строгая бдительность привела к удивительному случаю. Один часовой, завидев неясный силуэт, крикнул: «Стой! Кто идет?» Так как тот не ответил и продолжал приближаться, часовой выстрелил и сразил его наповал; подойдя, часовой увидел бьющегося в агонии тигра.

Селение Белоканы — одно из самых крупных у лезгинцев; чтобы продавать бурки в Тифлисе, торговцы едут через Карагач, и там они обязаны являться к полковнику, дабы получить пропуск на въезд в Грузию. Для сей надобности держат переводчика энгальца, очень хорошо говорящего по-русски. Он настолько сдружился со старыми офицерами полка, что ему отведено место за общим столом, в дальнем конце.

Однажды офицеры, садясь за стол, обнаружили, что не хватает толмача, а это случалось нечасто; уже приступали к десерту, когда тот явился весьма довольный, со свертком грубого полотна под мышкой: он сказал, что принес им на десерт арбуз из тех, что в его стране умеют заготавливать на зиму. Поскольку в декабре плоды весьма привлекают, все наперебой

стали просить себе ломтик; тогда толмач развязал свой узел, и на скатерть выкатилась отрубленная голова лезгинца: вот какой плод срезал дикарь, повстречав утром врага, когда тот переправлялся через Алазань, едучи на собственную свадьбу. Сей подвиг, стяжавший бы ему славу у местных жителей, не слишком-то понравился офицерам. Полковник встал из-за стола, поворотясь к страшной картине спиной, его примеру последовали остальные, перейдя в другое помещение; покуда они курили свои трубки, переводчик сел обедать, сопровождая каждый кусок радостным созерцанием а р б у з а, лежащего перед ним на столе.

В Европе много говорилось о кнуте, или об экзекуциях, якобы практикуемых русскими военачальниками по отношению к своим офицерам. Не соглашаясь с категоричностью подобного утверждения, вызванного зачастую излишним недоброжелательством, ограничимся лишь тем, что приведем один случай из многих, происходящих всякий день, и чему Ван-Гален сам был свидетелем.

Полковник Климовский, человек весьма требовательный во всем, что касается строя, и весьма пристрастный, однажды рассердился на офицера, неудачно исполнившего маневр, и перед строем дал ему по шее; тот не явился к обеду, но на другой день пришел к завтраку, и как только полковник его увидел, отозвал в сторону и сказал, что готов дать ему удовлетворение; офицер, будучи человеком отходчивым, выслушал полковника и ответил, что вполне удовлетворен. Пока дело не завершилось, в полку о нем молчали, но потом горячо заговорили; кончилось тем, что товарищи офицера порвали с ним отношения; офицер, лишенный какого бы то ни было общества, не отважился обедать со всеми и, подав прошение об отставке по болезни, не выходил из дома, куда ему по распоряжению полковника приносили еду. Главнокомандующий дал ход его прошению и получил высочайшее дозволение императора на то, чтобы несчастный вышел в отставку под любым благовидным предлогом. Через какое-то время подобный случай произошел меж двумя офицерами в Карагаче: низший по чину потребовал удовлетворения у старшего; оскорбление было смыто пролитой кровью, дело завершилось, после чего они стали добрыми друзьями.

Терпимость, принятая по отношению к дуэлям в столь во-

инственном государстве как Россия, приводит к тому, что ни один офицер не позволит оскорблять себя безнаказанно. Порою дуэли имеют характер чисто романтический. Служил в полку Ван-Галена офицер Якубович. В юности, с 1816 по 1817 год, он находился в одном из петербургских гвардейских полков, однажды друг пригласил его в качестве секунданта при какой-то ссоре; друг был убит (говорили, не совсем по правилам). Якубович, не имея возможности прибегнуть к иным средствам, попытался завести ссору с убийцей и вызвать его на дуэль, но тот, сделав вид, что не понимает, чего от него хотят, с помощью придворных интриг добился того, что его противника перевели приказом из Петербурга; его направили без повышения в звании (вещь довольно странная) в Грузию, в полк Ван-Галена, куда он отправился на почтовых. Якубович, еще будучи в России, написал своему противнику, а также его секунданту; первый снова сделал вид, что не понял; второй же, полагая свою честь задетой, тотчас принял вызов. Перчатку поднял Грибоедов, советник министерства иностранных дел в Петербурге: он обратился к министру с неожиданной просьбой отправить его с посольством в Персию (куда никто не хотел ехать) и без труда получил назначение и должность секретаря посольства. Вследствие чего он отправился в путь, рассчитав примерно время, когда сможет застать Якубовича в Тифлисе: как только Якубович получил в Карагаче сие известие, он испросил себе отпуск и выехал в столицу Грузии, там он повстречался с тем, кого искал, они стрелялись по всем правилам, и благодаря секундантам, дело не получило столь широкой огласки, как можно было ожидать. Якубович вернулся в Карагач, раненый Грибоедов продолжил свой путь в Тавриз, а виновник всей интриги преспокойно оставался в Петербурге.

Не следует удивляться, что Ван-Гален рассказывает о сем случае с такой уверенностью, поскольку он достаточно близко знал и Грибоедова, и Якубовича.

Все развлечение карагачских офицеров в свободные дни сводилось большей частью к охоте. Принимались определенные меры предосторожности, дабы охотники не превратились в дичь, и к концу дня участники собирались вместе, принося по нескольку фазанов. Пять–шесть охотников из солдат, отобранных полковником именно для сей надобности, еженедельно поставляли разную дичь, водившуюся в окрестности, боль-

шей частью фазанов, но попадались и дикие козы; отсюда следует, что чаще всего в полку добывалось не более дичи, нежели необходимо для снабжения лазарета. Как узнал однажды Ван-Гален из доверительного разговора с полковником, держать стол на шестьдесят персон, да еще дважды на дню, обходится не дороже скромной суммы в двенадцать тысяч рублей ассигнациями, что соответствует примерно пятидесяти тысячам реалов.

В самые суровые зимние дни товарищи Ван-Галена, следуя природной склонности северян, пользовались любой возможностью устроить великолепный праздник, петербургскую масленицу в миниатюре; русские горы, коньки, катание на санях — все сие занимает досуг офицеров недели две, покуда лед остается пригодным для развлечений такого рода. Вечеринки товарищей по полку сводятся к чаепитию, чай подают в толстостенных чашках, в них дольше сохраняется тепло, и, несмотря на нехватку лимонов, готовят из рома превосходный пунш; составляют партии в шахматы или в карты; курят турецкий табак, не столь дурно пахнущий, нежели обычный; к сему прибавим полковую музыку — и глядишь, долгие зимние ночи становятся менее тягостны. Попадья — единственная Ева в Карагаче. Затворническая жизнь не дозволяет ей бывать в офицерском обществе, но ее супруг, человек еще молодой и обладающий многими достоинствами, там частый гость.

Он доказал на деле свою доброжелательность и терпимость, его уважают все, независимо от вероисповедания, и когда по праздникам его видят пред алтарем, признают в нем истинного пастыря. Якубович, любимым занятием коего было заботиться о раненых солдатах, лежащих в лазарете, где он заменял лекаря, сразу обратил внимание Ван-Галена на доброго священника, чем долг часто призывал его к изголовью умирающего. Ничего подобного мы не можем сказать о трех лекарях, столь небрежно исполнявших свои обязанности, что, не будь добровольных помощников, ухаживающих за больными единственно из милосердия, стараниями сих горе-докторов весь Карагач превратился бы в огромное кладбище. Изъяны в медицинском деле обычны для кавказских войск, по невнимательности петербургского начальства к сей области, столь важной в краю, порождающем более недугов, чем где бы то ни было в империи.

Полк Ван-Галена, как и все остальные полки, поставляет в императорскую гвардию несколько человек; они ежегодно отправляются в Петербург. Эти потери, хотя и восполняемые новым рекрутским набором, не составляют и тридцатой части урона, причиненного тремя невежественными докторами, на произвол которых отдан лазарет; не будь сего печального обстоятельства, бескорыстие полковника, любовь к солдату со стороны большинства офицеров, а также качество снабжения, соблюдение чистоты и экипировка могли бы сделать полк образцовым.

Таков карагачский лагерь, где офицер и солдат драгунского Нижегородского полка делят свое время меж непременными учениями, обязанностями дружбы и благодеяниями, сражаясь с головорезами всяческого рода, среди свирепых зверей, змей, скорпионов и всевозможных насекомых, нападающих на людей даже в постели и лишь в холодную пору оставляющих им покой. В сей глуши, где люди пытаются сделать друг другу жизнь более или менее сносной, не имея никаких сношений с внешним миром, кроме приказов из Петербурга, отсылаемых еженедельно, а получаемых лишь тогда, когда дозволяет состояние горных перевалов, в конце февраля Ван-Гален получил первую весточку от своих зарубежных друзей...

...Начиналась весна. В мае полк должен был покинуть зимний лагерь и переправиться в летний, расположенный на высотах, окружающих Сигнах, под названием Царские Колодцы, в двенадцати верстах от Карагача и в тридцати двух от Тифлиса. Приезд главнокомандующего в столицу Грузии, задержка с началом летних учений в Царских Колодцах и, с другой стороны, желание Ван-Галена заняться летом чем-нибудь полезным и расширить круг знакомств побудило его испросить разрешение на поездку в Тифлис.

30 марта 1820 года он выехал из Карагача на собственных лошадях, с одним из своих денщиков, в сопровождении группы офицеров, едущих в Тифлис на несколько дней. На следующее утро они проехали лагерь грузинских гренадеров, а второй день провели в одной из двух немецких колоний, отстоящих одна от другой на пушечный выстрел и отдаленных от столицы на пять верст. По своей близости к оной, колонисты с начала своего поселения поставляют на рынок свой товар — сало, окорока, картофель и прочие овощи, продукты, прежде

грузинам неизвестные. Обе колонии населены выходцами из Вертемберга, приехавшими в Грузию по приглашению императрицы, матери Александра; по-видимому, императрица надеялась таким образом облегчить бедственное положение своих соотечественников. Русское правительство поддержало чужеземцев с удивительной заботливостью: для них были построены прочные дома, приспособленные к местному климату.

Первого апреля ранним утром прибыли в Тифлис, и там барон Ренненкампф, по своей дружеской предупредительности, радушно предложил Ван-Галену свой кров, таким образом тот сразу оказался в приятном обществе.

При встрече с генералом Ермоловым тот и сам увидел, насколько Ван-Гален ослаб физически; тем легче было Ван-Галену испросить какой-либо должности, не связанной с пребыванием в полку, хотя бы на лето; с тех пор как они расстались в Андреевском, Ван-Гален разительно изменился, и это бросалось в глаза. Действительно, после неоднократных просьб ему было обещано, что при первой возможности его назначат на какую-либо должность, а покуда он останется в Тифлисе, рядом с Ермоловым.

Глава 13

АУДИЕНЦИЯ ПЕРСИДСКИМ ПОСЛАМ. — МЯТЕЖ В ПРОВИНЦИИ КАЗИКУМУК. — ПРИКАЗ ЕРМОЛОВА О ДВУХ ЭКСПЕДИЦИЯХ

<...> В те дни взбунтовались несколько селений в Имеретии; они положили начало враждебным действиям, совершив злодейское убийство молодого полковника Пузыревского, который получил приглашение на пир от одного из вождей заговора в Гурии и, доверившись его репутации и мирному поведению, явился к нему в башню. Некоторые из вдохновителей этих беспорядков в то время находились в Тифлисе, днем и ночью льстя главнокомандующему, что вообще обычно для азиатов.

С другой стороны, хан провинции Казикумук, расположенной на южном склоне восточной оконечности Кавказских гор рядом с Дагестаном, привычный тиранствовать своих подданных, принялся чинить великие зверства над мирными жителя-

ми соседних земель, каковые он подчинил своей власти, пользуясь родственными связями с ханом Ширвана и другими бывшими вассалами Персии; тайно подстрекаемый этой державой, он вознамерился нарушить спокойствие в Дагестане, готовясь в своих владениях к дерзкому нашествию. Вот так в двадцатом году Персия подготовила пожар в двух оконечностях губернии, то есть в Имеретин и Казикумуке, Пожар этот, поддерживаемый с утонченной хитростью, главнокомандующий постарался погасить в Имеретии в самом зародыше и воспрепятствовать ему силой оружия в Казикумуке. В Имеретию был направлен начальник штаба генерал Вельяминов, который немедленно отправился из Тифлиса и за три недели сумел восстановить порядок. Миссия в Казикумуке, имеющая характер ограниченного завоевания (в отношении селений, которые того заслуживали), была поручена генералу Мадатову.* Рожденный в Карабахской провинции в армянской семье, он в ранней юности поступил на службу в русскую кавалерию, достиг высоких чинов, весьма отличился во время Парижской кампании,** а впоследствии был откомандирован в Грузию под начало генерала Ермолова.

Благодаря знанию языков и обычаев здешних племен, мужественной внешности, ловким манерам, энергичности, отважной натуре и благородному честолюбию он сделался чрезвычайно полезен для этой страны. Возможности, предоставляемые властью и положением, и богатые дары карабахского хана, который то ли по доброй воле, то ли по принуждению был неизменно щедр к нему и его семье, побуждали князя Мадатова пускаться в грандиозные начинания, неизменно заканчивавшиеся неудачей.

Ван-Гален был назначен вместе со многими другими офицерами, среди которых был и Якубович, сопровождать Мадатова. Цель экспедиции — военные действия, в которых предстояло принять участие, интересный маршрут, представивша-

---

* Сведения Ван-Галена не совсем точны. Генерал Мадатов (1782—1829) был выходцем из семьи карабахского владетельного князя. Юношей был зачислен в лейб-гвардейский Преображенский полк, а позже, во время Турецкой войны 1807—1812 годов и наполеоновских войн, сделал блестящую карьеру в кавалерии. В 1816 году по просьбе Ермолова назначен на Кавказ.

** Ван-Гален имеет в виду кампанию 1814 года, закончившуюся взятием Парижа русскими войсками. (*Прим. публ.*)

яся возможность отличиться, — все соответствовало его желаниям; похоже, даже надоедная болезнь отвязалась от него. <...>

Те, кто имел случай общаться с Ермоловым в Грузии, знают, с какой непринужденностью он принимал по утрам посетителей. Часто его заставали не вполне одетым, и он безо всяких церемоний незамедлительно отдавал приказы и распоряжения, куда более своевременные и необходимые, нежели у иных генералов, соблюдающих строгий этикет. Ван-Гален как раз был из тех, кто ежедневно посещал главнокомандующего именно в утренние часы. Однажды ему пришлось, уступая просьбам миссионера-капуцина, отца Фелипе, привести его к Ермолову; с отцом Фелипе он виделся часто и был ему весьма благодарен за неусыпные заботы, оказанные ему на одре болезни. Добрый монах уверял, что ему крайне необходимо повидаться с Ермоловым, поскольку у него вошло в обыкновение являться к нему с визитом всякий раз, когда генерал приезжал в Тифлис; но правила ордена дозволяли ему посещать генерала лишь в часы многочисленных приемов. Ван-Гален, не допытываясь, зачем сие понадобилось святому отцу и не имел ли его визит какой-либо тайной цели, сообщил о его просьбе Ермолову во время обеда; тот усмехнулся, но не возразил и согласно кивнул. На другой день в условленное время Ван-Гален зашел в монастырь за отцом Фелипе и проводил его к Ермолову. Один из офицеров (разумеется, в полной форме) проводил капуцина в кабинет Ермолова; они застали его полуодетым, в окружении многочисленных офицеров в полной парадной форме, что представляло весьма забавный контраст. Генерал встретил его со своей обычной благожелательностью, беседовал с ним то по-итальянски, то на латыни, но все о каких-то незначительных предметах, и, прежде чем облачиться в мундир, повернулся в одной рубашке к святому отцу, одну руку положил ему на плечо, другою рукой провел по его груди и бороде, как бы намереваясь представить его обществу, и сказал: «Messieurs, il faut avouer que le P. Filipo c'est un bon diable!» («Господа, следует признать, что отец Фелипе — чертовски славный малый!») Легко было представить, каким ударом были сии слова для доброго монаха: с трудом он дождался ухода генерала и сразу же, со всем смирением, приличествующим его званию, откланялся и вышел, не подойдя к Ван-Галену. Смысл ермоловского словца толковали по-разному, но Ван-Гален

понимал, что́ за этим кроется. Тайный сыск правительства хорошо знал о секретной переписке нашего монаха кое с кем из иностранцев и врагов России, укрывающихся в Персии, — тех самых, что сеяли смуту в Грузии; по сей причине капуцин и прежде не раз подвергался порицанию, даже сидел в крепости, откуда был вызволен лишь благодаря тому, что офицеры и важные особы католического вероисповедания питали к нему глубокое уважение. Было ли сие обвинение справедливым, нет ли, хотя сам отец Фелипе уверял Ван-Галена, что все дело в личной неприязни к нему начальника полиции, тем не менее он оставался под подозрением; однако Ван-Гален, следуя католической заповеди любви к ближнему, всегда защищал святого отца от нападок.

Влияние католических миссионеров в столь обширной стране весьма велико, они постоянно улавливают домашние ссоры своих прихожан, и каков бы ни был предмет разногласий, решение святых отцов для азиатов — незыблемый закон. Давние связи отцов-капуцинов с местными жителями возникли со времени их прихода в Грузию, то есть уже более двух веков, благодаря их миссионерскому опыту и умению врачевать; и неудивительно, что их общение с теми, кто остался в Тифлисе, равно как и с теми, кто укрылся в Персии, дает правительству повод для подозрения.

Борода в Грузии, да и повсюду в Азии, считается необходимой принадлежностью священнослужителя, будь он даже католик. Возможно, капуцины пользуются уважением в сих краях именно благодаря своим роскошным бородам. Так, в те времена, о которых повествует Ван-Гален, некий доминиканец, прибывший из польского монастыря с тем, чтобы присоединиться к тифлисской миссии, был вынужден, дабы не уронить себя в глазах прихожан, отпустить бороду, несмотря на свое грузинское происхождение (грузины и армяне единственные из азиатов не носят бороду).

Позади ермоловского дома — высокая гора, на ней находится греческий скит, выстроенный из кирпичей, добровольно и собственноручно принесенных на вершину теми, кто решился забраться с ношей на такую высоту — либо из благочестивых побуждений, либо ради физического упражнения.

Генерал Ермолов во время своих обычных прогулок не раз подымался на сию гору, откуда открывается великолепный вид.

Однажды вечером, когда Ван-Гален вместе с другими офицерами сопровождал генерала, тот указал ему на скит и предложил:

«Поднимемся туда, на вершину, и захватим с собой кирпичей, как добрые христиане; тем самым мы подадим добрый пример, более угодный Господу Богу, нежели визиты вашего отца Фелипе».

Поднимаясь наверх, Ван-Гален прихватил добрую порцию кирпичей, дабы подать благой пример, и оставил их на вершине для будущего безвестного отшельника.

Ермолов имел обыкновение давать аудиенцию иностранцам, когда возвращался из церкви в свой дом; на сей раз то были недавно прибывшие эмиссары персидского двора, среди которых находился один из самых приближенных людей принца Аббаса-Мирзы.* Генерал держал в руках нити интриг, которые вели эти люди среди покоренных народов, а равно знал все, что затевали они в сей стране. Тем не менее эмиссары представили химерические претензии касательно границ территории, возобновлявшиеся при каждой встрече, и как всегда заверяли, что их повелитель шах и наследный принц питают чувство искреннего восхищения в отношении императора России и его наместников; между тем, пока они рассыпались в подобных заверениях, в вышеупомянутых провинциях рекой лилась кровь невинных жертв; *таковы персы любой нации.*

Взгляда, какой бросил на них Ермолов, было бы достаточно, чтобы всякий, но только не эти безмерно коварные люди, тут же прервал свою льстивую речь. Окруженный офицерами Ермолов подозвал к себе своего толмача и приказал ему громко переводить эмиссарам, но не на персидский, а на грузинский (что чрезвычайно польстило толпе любопытствующих, которые собрались вокруг, не упуская ни единого слова из речи персов) следующее обращение:

«Царствованию варварства приходит конец по всему азиатскому горизонту, который проясняется начиная от Кавказа, и Провидение предназначило России принести всем народам вплоть до самых границ Армении мир, процветание и просвещение, однако враги цивилизации пытаются вновь отнять у них

* Аббас-Мирза (1783—1833) — сын Фет-Али-шаха, наследник престола, наместник шаха в Азербайджане, командовал персидскими войсками в русско-персидских войнах 1804—1813 и 1826—1828 гг.

эти блага. Я сам, собственными устами, объявил персидскому двору о миролюбивых устремлениях моего государя Александра, но персы своими непрестанными тайными происками заставили увянуть пальмовую ветвь, которую я им принес; коль они не отваживаются (открыто объявить войну, то пусть расскажут своему повелителю шаху, что русские орлы проникли дальше, чем кто-либо с самых древних времен; два месяца назад Персия имела возможность увидеть, как Россия отвечает на происки азиатского варварства, и убедиться, что генералы императора Александра твердой рукой карают дерзких и вероломных».*

Ермолов, привычный общаться с подобными посланцами, прекрасно знал, как и что сказать толмачу, чтобы тот не изменил ни единой фразы. В то время как грузины, исполненные горделивой радости, слушали толмача, не отводя сияющих взоров от энергического лица генерала, которому они беспредельно верили, персы продолжали отвешивать церемонные поклоны и не могли дождаться часа, когда можно будет бежать от подобного позора.

В тот же день, не успели еще персидские эмиссары покинуть Тифлис и отправиться восвояси, князь Мадатов получил официальный приказ готовиться к отъезду, дабы начать кампанию.

Глава 14

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЭКСПЕДИЦИИ ПРОТИВ КАЗИКУМУКА. — ЗМЕИ. — ЕЛИСАВЕТПОЛЬ. — ТИРАНИЧЕСКОЕ ПРАВЛЕНИЕ ЕГО ПОСЛЕДНЕГО ХАНА. — КАРАБАХ. — ШУША

Главнокомандующий назначил многих офицеров разных родов войск и разных чинов в штаб генерала Мадатова, Подполковник Коцебу (сын прославленного сочинителя, убитого в 1817 году в Германии студентом Зандом, и столь же высокоученый, как отец), назначенный начальником штаба дивизии; грузинский князь капитан Бебутов, адъютант главнокомандующего; подпоручик г-н Исаков, племянник генерала Вельями-

* Ермолов имеет в виду подавление мятежа в Имеретии весной 1820 г.

нова; поручик Якубович* (офицер полка Ван-Галена); молодой князь Казбек, владелец дома в селении, носящем то же имя, где Ван-Гален останавливался, когда переваливал через Кавказский хребет, и князь Орбелиани, представитель одной из знатнейших фамилий страны, которого сопровождал врач, а также вассалы благородного происхождения, составлявшие его феодальную свиту, образовали, считая слуг и денщиков, отряд почти в девяносто человек.

После дружеского напутствования Ермолова они покинули столицу в середине дня 7 мая; все ехали верхом, за исключением князя Мадатова и князя Бебутова, которые должны были отправиться на следующий день в почтовом экипаже.

В соответствии с инструкциями, полученными князем Мадатовым от Ермолова, им надлежало проехать без всякого воинского сопровождения или эскорта через татарские провинции, граничащие с Персией, а именно через Нуху, Ширван и Карабах. Сейчас отряд направлялся в Карабах. Генерал Мадатов назначил пунктом встречи Шушу, столицу Карабаха, находящуюся на расстоянии двухсот шестидесяти трех верст от Тифлиса. Таким образом предстояло проделать окольный путь, в пять раз превышающий расстояние по прямой дороге от Тифлиса до Кубы, где они должны были соединиться с батальонами и артиллерией, назначенными в экспедицию. Следовало пройти через мусульманские и татарские провинции без какой-либо демонстрации военной силы, доверяясь единственно уважению, какое питали в стране к русскому могуществу, и тем самым дать свидетельство доверия к туземцам. <...>

В двенадцати верстах от Тифлиса недалеко от Куры в весьма приятной местности, именуемой Саганлук, располагался казачий лагерь, однако остановка на ночлег была сделана на следующей станции Демурчесаль двадцатью верстами далее по дороге. Примитивные жилища, которые казаки строят из тростника для собственного укрытия, а равно и укрытия проезжающих и которые зовутся *балаганами,* в Испании носили бы название курятников. Они со всех сторон продуваются, так что по ночам, за исключением лета, в них холодно, днем же жарко; одним словом, жилища эти подвергают суровым испытаниям

* Якубович был в это время штабс-капитаном.

здоровье самих казаков и тех путешественников, которые обретают в них приют.

Рано утром следующего дня путешественники покинули *балаган* в Демурчесале; проехав пять верст, они увидели множество пещер, которые с ноября по март служат обителью кочевникам-татарам, подчиняющимся Грузии; остальную часть года, когда особенно жарко, татары эти проводят в окрестных горах, где пасут свои стада, подобно калмыкам. В этих пещерах, необитаемых летом, женщины в зимние месяцы ткут из овечьей шерсти знаменитые ковры, которые продаются на тифлисском рынке. Представляется неправдоподобным, что столь совершенные изделия производятся в таких неприспособленных мастерских. <...>

Посла ночлега в Шамхоре весь день ехали по бескрайней равнине, ограниченной лишь далеко на западе горами, что тянутся от Тифлиса до Карабаха; возможно, там и проводят жаркое время года те кочевники-татары, обитатели виденных путешественниками пещер. <...> Когда проехали Джехам, на горизонте показалась колонна, у подножия которой находилось русское укрепление и стоянка, или *балаган,* шамхорских казаков. <...>

Колонна (она имеет в основании квадрат со стороной примерно в четырнадцать футов) весьма высока, так что хорошо видна отовсюду с дальнего расстояния. Хотя выстроена она из кирпича, но формой своей очень напоминает Вандомскую колонну в Париже; Ван-Гален в сопровождении казака поднялся на ее вершину по внутренней лестнице, довольно уже разрушенной; однако видно, что ее неоднократно восстанавливали во время недавних войн, чтобы использовать как дозорный пункт. На иных камнях капители, которые по многим признакам древнее внешней галереи, имеются многочисленные арабские надписи, однако они куда более позднего происхождения, чем сама колонна. Некоторые утверждают, что колонна эта относится ко временам Помпея, другие же — что к эпохе Александра Великого, но в любом случае монумент сей, свидетель многих потрясений, обрушивавшихся на Грузию, некогда был одним из главнейших украшений древнего города; ныне же он служит наблюдательным пунктом русского поста и местом стоянки казаков. Один армянский купец, встреченный в Шамхоре, продал Ван-Галену за пять рублей ассигнациями серебря-

ную медаль размером в полпесеты с погрудным изображением Александра Великого и утверждал, что она из числа находок, сделанных в развалинах Шамхора. <...>

Выехав утром одиннадцатого из Шамхора, отряд направился в Елисаветполь; равнина, простирающаяся между этими двумя пунктами, чрезвычайно засушлива. Лошадям приходилось выбирать, куда ставить ногу, чтобы не наступить на клубок змей, которые повсюду преследовали их; в иных местах змей было так много, что всадникам приходилось действовать саблями. Длиной эти гады были от четырех до пяти футов, а толщина их доходила до полутора дюймов; по причине жары они пребывали в сильнейшем возбуждении. Избавление от них пришло только в двух лигах от Елисаветполя, сады и густые деревья вокруг которого составляли живой контраст оставленной позади местности.

Елисаветполь стоит на равнине, орошаемой речкой Гянджей, которая на расстоянии двадцати пяти верст от города впадает в Куру. На въезде со стороны Тифлиса находится крепость, в ней дворец, резиденция бывших ханов Гянджи, ибо так со дня своего возникновения назывался этот город. Взяв его, князь Цицианов,* впоследствии обезглавленный в Баку, дал ему новое имя, каковое он носит и поныне, в честь императрицы Елизаветы и императора Павла.

Крепость эта, построенная с исключительной прочностью и следованием некоторым принципам фортификации, не вполне, впрочем, совершенным, окруженная рвами и имевшая на вооружении турецкие пушки большого калибра, была взята русскими после нескольких дней осады со второго приступа. Хан Гянджи, хранивший в ней огромные сокровища, проявлял чудеса храбрости, пытаясь защитить траншеи; однако, оттесненный к стенам, отступил к батарее, где была чугунная пушка сорок восьмого калибра (ее сняли, но она сохранялась недалеко от того места, и Ван-Гален видел ее), вскочил на коня и с саблей в руке предпринял последнюю и безнадежную попытку держать оборону за этим орудием, но обрел там смерть: после чего все провинции, которыми он владел, перешли под

* Цицианов Павел Дмитриевич (1754—1806), генерал от инфантерии, главноуправляющий Грузией и главнокомандующий войсками на Кавказе в 1802—1806 гг. Незаурядный полководец. Предательски убит бакинским ханом. (*Прим. публ.*)

власть русского правительства. Если рассказывать о всех злодействах этого хана, получится длиннейшее повествование. С безмерной жестокостью он распоряжался жизнями всех, кто находился под его властью; его дочери, жены, служанки, все должны были по первому знаку удовлетворять его беспредельное сладострастие; насладившись и пресытившись ими, он получал удовольствие, предавая их по любому поводу свирепейшим казням.

Один человек служил управителем владений хана; он должен был, как и положено мусульманину, опускать взор, когда мимо проходила какая-либо султанша из гарема его повелителя, но однажды, пребывая в рассеянности, взглянул на одну из них; тиран, которому донесли о том, велел ему предстать перед собой и осведомился, с какой стороны он смотрел на султаншу; управитель сказал, и хан приказал немедля выколоть ему тот глаз, которым, по его разумению, этот человек совершил преступление, однако оставил после наказания у себя на службе, Тем не менее этот несчастный весьма отличился, защищая хана от русских; лишившись же вследствие перемены обстоятельств своей должности, он вынужден был довольствоваться местом прислужника при одной из мечетей Елисаветполя, где и зарабатывал себе на пропитание, когда наши путешественники встретились, с ним. Человек этот признался им, что после завоевания Гянджи русскими и по день их встречи он всего лишь один раз видел казнь, то есть за восемнадцать лет казнили всего одного преступника, меж тем как во дворце его бывшего повелителя казни происходили чуть ли не ежедневно в любую пору суток. Русский корпус нашел в этой крепости некоторые запасы, позволившие частично восполнить расходы казны, однако поскольку большая часть ханских сокровищ была закопана в землю, а тех, кто проделал это, хан велел умертвить, дабы остаться единственным обладателем тайны, русское правительство после падения Гянджи не получило тех больших средств, на которые надеялось, исходя из слухов о богатствах ее владетеля. Розыски их, время от времени производимые без разрешения отдельными лицами, а также свинец, добываемый из многочисленных шахт в окрестностях крепости, стали причиной того, что репутация некоторых чиновников из администрации Елисаветполя изрядно пострадала. <...>

Погода стояла чрезвычайно приятная, вдали виднелись

покрытые снегом горы Карабаха. Почти посередине пути между Шахбулаком и Шушей в Оксеране находился казацкий пост; он расположен в одной из красивейших долин провинции. После Шахбулака повсюду встречаются прекрасные пастбища, местность изобилует прозрачнейшими ручьями; все это свидетельствует о том, что здешние земли весьма благоприятны для скотоводства, и этот род промышленности приносит значительные богатства стране.

Вскоре после Оксерана дорога начала постепенно сужаться и через четыре версты вступила в теснину, увенчанную башнями, по сторонам которых видны были остатки древних стен; в эпоху, когда еще не знали пороха, эти стены перекрывали доступ в страну, не давая врагу проникнуть в нее. Сразу за башнями и тесниной дорога на Шушу идет под крутой уклон и до того трудна, что это даже тяжело представить.

Размеры Карабахской провинции и чрезвычайное плодородие земли сделают из нее при хорошем управлении самый полезный и продуктивный округ во всей Российской империи. Таково было, по крайней мере, мнение тех, кто глубоко знал эту страну. Дивное небо, чистейший воздух, возвышенное расположение над уровнем моря делают из Шуши одно из самых здоровых мест во всей Кавказской губернии; реки и ручьи в Карабахе, многие из которых путешественникам довелось видеть, берут начало из целебнейших родников. Лишь низменная часть Карабаха, граничащая с Елисаветполем, малоплодородна и нездорова. Едва прибыв в Шушу, Ван-Гален почувствовал значительное облегчение болезни, приступы которой мучили его в продолжение всей экспедиции, вплоть до возвращения в Тифлис. <...>

Князь Мадатов прибыл в Шушу одиннадцатого и согласовал диспозицию с ханом, и когда Ван-Гален присоединился к генералу, в Дагестан уже отправился отряд карабахской кавалерии числом пятьсот всадников под командованием одного из ханских сыновей. Пятнадцатого у Ван-Галена и его спутников был день отдыха в Шуше, и они были представлены хану генералом, назначившим на следующий день выступление в Нуху.

Хану Карабаха на вид было лет сорок-пятьдесят; роста он был довольно высокого, лицо, глаза и борода цветом были такие же, как у большинства татар; у него недоставало поло-

вины носа, которой он лишился в юности в схватке с персами. В мае хан обитал не в столице, а вне города в прелестнейшей башне, стоящей в горах рядом с дорогой на Шахбулак; там же находился и его гарем. Прощаясь с представленными ему офицерами, он, зная их маршрут, пригласил их отобедать у себя в башне в девяти верстах от Шуши, сказав, что будет их там ждать. Генерал Мадатов, у которого в Шуше имелось множество превосходных коней, сменил тех, какие того требовали, оставил здесь также коляску и остальную часть пути проделал верхом. Хан встречал их у дверей своей башни, с ним был его секретарь или министр. <...> Хан первым уселся в кресло, полагая, вероятно, что тем самым он дает доказательство своей дружественной приязни; за его креслом стояли министр и другие служители дворца, среди них *мимодар* и слуги, на которых возлагается обязанность сопровождать почетных гостей и услужать им. Кое-кто из свиты генерала пожелал посмотреть, разумеется, только со стороны, на гарем хана; офицеры эти, полагая, что коль скоро хан ввел европейские обычаи в своем доме, то, наверное, и смягчил суровое затворничество своих султанш, направились в прекрасный и весьма ухоженный сад с многочисленными искусственными каскадами, под сенью деревьев которого хан привык вкушать отдохновение. Оказалось, однако, что приверженность к европейским обычаям на гарем не распространяется; он был окружен неприступной стеной. Офицеры обратились к некоему армянину, служителю дворца, с просьбой рассказать про обитательниц гарема; тот, трясясь от страха, поведал им, что в гареме содержатся двадцать три султанши, по большей части юные, родом из семей кавказских горцев. В прежние времена, когда жизнь и смерть подданных была в руках хана, подобная нескромность могла бы стоить слуге головы. Ныне же власть хана урезана, и тяжкие наказания, каково бы ни было преступление, должны утверждаться в суде в Тифлисе, председателем которого является главнокомандующий.

Когда все вернулись в залу приема, там уже был сервирован по-европейски стол, во главе которого сел хан; рядом с ним сидел князь Мадатов, взявший на себя роль толмача и переводивший все вопросы хана; указав ему на Ван-Галена, князь сказал, что тот не знает никаких восточных языков и очень плохо понимает по-русски, потому что приехал из королевства, рас-

положенного на другом краю Европы. Хан тут же поинтересовался, кто царь (король) в его стране, на что Ван-Гален не нашел ничего лучшего как ответить, что Бурбон. Хан же похвалился часами с цепочкой, которые подарил ему Ермолов, когда был здесь при возвращении из своего посольства в Персию.

После сильного дождя, который кончился очень скоро, все выехали из башни хана, сопровождаемые *мимодаром,* молодым татарином, прекрасным наездником, чрезвычайно услужливым и деятельным, а также слугами. <...>

Глава 15

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ КУРУ. — НУХА. — ГАРЕМ И ДВОРЕЦ БЫВШИХ ХАНОВ. — ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И БОГАТСТВА НУХИ. — ФИТАХ. — МУСТАФА-ХАН. — ВЫСТУПЛЕНИЕ ИЗ ШИРВАНА В ЮЖНЫЙ ДАГЕСТАН

<...> Каждая провинция, смежная с Курой, обязана наблюдать за теми, кто переправляется через реку, и не пропускать на другой берег подозрительных лиц. Один татарин, перевозчик и сторож, за день до того позволил некоему местному вору похитить лодку и переплыть на противоположный берег. О проступке, подтвержденном другими перевозчиками, было доложено князю Мадатову, который велел явиться этому сторожу, после чего приказал казакам, сопровождавшим его в качестве ординарцев, как следует выпороть виновного кнутом (вид плетеного из кожаных ремешков бича, имеющий большое распространение в России), отчего через несколько секунд обнаженная спина провинившегося имела совершенно плачевный вид, хотя и за дело. О наглядном этом уроке немедленно стало известно, и имел он цель гораздо более важную, чем могло бы показаться с первого взгляда. Пожалуй, целью этой было показать невыгодность нарушения закона.

В Нухе рыбные тони на Куре взяты на откуп компанией армян, которая платит за это правительству Грузии довольно большую сумму. Среди тех, кто пришел встречать генерала и его сопровождающих, находилось одно из главнейших лиц этой компании; он продемонстрировал большое количество рыбы, которую выловили его рыбаки, пока офицеры обедали, что

свидетельствовало о богатстве этих вод; здесь добывают также *икру,* или *кавиар,* столь ценимую в России.

В три часа дня переправа через Куру была завершена. <...>

Двадцать второго в десять утра въехали в Нуху и спешились у ханского дворца, назначенного для постоя. В конце предшествующего (1819) года хан Нухи умер, не оставив наследников, и его государство перешло во владение России. С этого момента управление им осуществлял главнокомандующий, направивший туда майора Бодарского, весьма достойного во всех отношениях офицера, который без поддержки воинского контингента лишь с десятком казаков, оставленных ему для поддержания связи с Тифлисом, обеспечивал во вверенной ему провинции образцовый порядок. <...>

Не следует удивляться легкости, с какой произошла смена владельцев этих провинций. Жители с воодушевлением приняли новый порядок вещей, ибо они избавились от непомерных поборов, каковые налагала на них алчность ханов. С другой стороны, суровость, с какой генерал Ермолов карал своих подчиненных даже за малейшие взятки, безошибочный выбор, который он обыкновенно делал, назначая их на должность, чрезвычайно способствовали моральному покорению страны, вызывая у ее жителей доверие и уважение. <...>

Население Нухи, основным занятием которого является шелководство, составляет более сорока тысяч душ. <...> На другой день по прибытии князь Мадатов, сопровождаемый несколькими офицерами, представился в диване. А на следующий день на площади перед дворцом собрались триста всадников, выставленных Нухой для участия в экспедиции. После смотра, произведенного генералом, отряд этот направился в Дагестан под командованием здешнего татарина.* Это был молодой человек двадцати трех лет, принадлежащий к одной из первейших фамилий города, который уже успел отличиться в подобной же экспедиции прошлого года под командой своего ныне покойного отца. Он был в ранге армейского офицера, отличительным знаком чего у татар является, невзирая на чин, одна лишь лента с серебряной кистью, которая повязывается

* Обиходное название, которым обозначались представители разных горских племен (см. «Кавказский пленник» Л. Толстого).

на рукояти сабли. Вооружение этого отряда находилось в прекрасном состоянии. <...>

В тот же день татарский отряд выступил, направляясь навстречу своей судьбе. Генерал Мадатов со свитой в понедельник двадцать четвертого мая выехал из Нухи в Ширван. <...>

Ранним утром следующего дня (двадцать шестого) въехали в Ширван. <...>

Ширванский хан, звавшийся Мустафой, уже переехал в свой летний лагерь в версте от Фитаха. Его гарем располагался на высокой, плотно сбитой оградой из досок, на квадратной площадке, каждая сторона которой равнялась примерно двумстам футов и на которой размещались жилища, купальни и сады его наложниц. Недавно построенный кирпичный дом всего в один этаж служил для приема людей хана, а чуть дальше стояли кибитки, предназначенные для свиты генерала. Шатры эти, особенно хана и князя Мадатова, были такими же, как тот, в котором Ван-Гален по ту сторону Кавказа впервые увидел генерала Ермолова, когда представлялся ему, без особых отличий, если не считать, что пол в кибитке Мустафы был устлан коврами. Отослав своих приближенных, хан вошел в нее и уселся на одну из не слишком роскошных подушек, что лежали там повсюду; генерал после некоторых приготовлений, тайна которых раскроется позже, отпустил почти всех офицеров, оставив при себе лишь князя Орбелиани и Ван-Галена. Непосредственно после этого начались переговоры.

Мустафа-хан был человек лет пятидесяти, мощного сложения, среднего роста, голос имел зычный. Выглядел он весьма хорошо, несмотря на множество шрамов от ран, которые носил на теле и, надо полагать, в сердце из-за угрызений совести от бесчетных преступлений, совершенных им, замешанным, как утверждали, в непрестанных кознях персидского двора. Если верить слухам, основывавшимся на постоянном возрастании налогов в этой провинции и на всеми отмечаемой суровой экономии ее владетеля, сумма наличных денег Мустафы перевалила за двести тысяч дукатов, то есть за два миллиона двести тысяч франков, что здесь является огромным капиталом. Мустафа уже правил в Ширване, когда по последним мирным договорам, окончательно подтвержденным Ермоловым во время его посольства в Персии, эта провинция отошла к России, и хан вынужден был платить ей дань. Многие из его политичес-

ких действий возбудили подозрения в Тифлисе у полиции, глава которой почитал его за одного из самых коварных и непримиримых врагов. Основания этому давали его упорное стремление к деспотическому правлению, родственные отношения с недовольными, бежавшими в Персию, но более всего его религиозный фанатизм. Офицеры за глаза называли его «бородатой ширванской змеей». Он был близким родственником и другом хана Казикумука, против которого направлялась экспедиция, Мустафа должен был дать от своей провинции контингент в четыреста всадников; легко догадаться, с какой неохотой подготавливал он их, но генерал Мадатов, следуя неизменному принципу главнокомандующего никогда не проявлять признаков недоверия к татарам, чей характер и мужество он прекрасно знал, счел необходимым не делать какого-либо различия между этой провинцией и двумя предыдущими, не смешивая поведение жителей Ширвана и их хана.

Самое существенное в той аудиенции сводилось, как любезно поведал князь Мадатов Ван-Галену, не понимавшему ни слова из того, что говорилось, к заверениям Мустафы в верности, какими тот пытался обмануть его. Мустафа утверждал, будто у императора Александра нет более надежного подданного, а у генерала Ермолова друга, более стремящегося к сотрудничеству в замирении и приведении к процветанию всех здешних земель, и при этом постоянно отрывал правую руку от кинжала и, прижимал ее к груди, как бы доказывая тем свою верность и решительность. Аудиенция закончилась, принесли кальян, который курят на персидский манер; провожая генерала и сопровождающих его офицеров, хан пригласил их на следующий день к себе на трапезу. <...>

У генерала Мадатова имелись, как впоследствии он поведал своим спутникам, поводы, и весьма обоснованные, опасаться за свою жизнь, а равно — и за жизнь офицеров своей свиты. Поскольку единственный эскорт его составляли именно офицеры, он приказал им всю ночь по двое нести караул вокруг его кибитки. Подозрения же основывались на дерзости Мустафы и на той легкости, с какой он мог бежать вместе со всеми сокровищами и женами в персидские владения, находившиеся всего в нескольких верстах оттуда. <...> Днем хан явился с визитом к генералу Мадатову в его кибитку, а затем проводил его вместе с офицерами в свою, находившуюся шагах в

тридцати, где и была приготовлена трапеза. Мустафа был столь же привержен к старым обычаям, в которых воспитывался, сколь хан Карабаха к европейским нравам. Общество, собранное ханом, состояло из трех знатнейших представителей его рода, приблизительно того же возраста, что он сам, которые стояли до тех пор, пока хан не позволил им сесть, генерала и большей части офицеров его свиты. В кибитку вошли трое ханских слуг; один с хлопчатым разноцветным полотенцем; второй с большой склянкой розовой эссенции, накрытой золотой крышкой с отверстиями, а третий с серебряным кувшином и серебряным же умывальным тазом. Всем поочередно, начиная с хана и генерала, был поднесен таз, дабы вымыть руки, а потом, прежде чем вытереть, слуга орошал их розовой эссенцией. После этого благовонного омовения вошла следующая порция слуг с подносами; один был поставлен перед ханом и генералом, остальные перед гостями; разделившись по трое, гости уселись вокруг каждого подноса, где находилось угощение как раз на такое число приглашенных.

В центре каждого подноса диаметром фута в три находился пилав, единственное яство, подававшееся на этом пиру; это вареный рис, который после того как с него стечет вода, перемешивается с кусочками мяса и нутряного сала, сухими фруктами и шафраном, затем туда добавляют масло и держат на медленном огне, пока оно не будет готово. На блюдо его по здешнему обычаю укладывают в виде конической пирамиды высотой чуть больше фута. Вокруг пилава раскладывается всякая жареная птица, окрашенная шафраном, разнообразные фрукты, сухие либо свежие в зависимости от сезона; ставится сыворотка и холодная вода, но сваренная с медом и сухими фруктами и призванная компенсировать отсутствие вина; напитки эти подаются в больших чашах либо кувшинах. Азиаты ловко подхватывают тремя пальцами правой руки порцию пилава, уминают, придавая ему любую форму, и отправляют в рот, не потеряв по пути ни зернышка риса. Широкий плоский хлеб наподобие лепешки служит им салфеткой, а иногда также и ложкой. Левая рука неизменно лежит на поясе: таково требование хорошего тона, и это придает жителям Востока несколько фанфаронский вид.

<...> Затем повторилось омовение рук, точь-в-точь как перед началом трапезы; по правде сказать, оно было к месту и

даже необходимо, имея в виду тот своеобразный род вилок, какими пользовались при еде. После этого принесли *кальяны*, которые в соответствии с обычаем пошли по кругу. Хан время от времени предлагал свой генералу, как того требует учтивость при общении с лицами, к которым питают дружеские чувства.

<...> Подлинной столицей Ширванского ханства является прославленная Шемаха, расположенная в восемнадцати верстах от Фитаха. Несчастный этот город, подвергающийся постоянным опустошениям в гражданских и внешних войнах, переселился вместе со своим ханом в Фитах, который благодаря тому, что находится на возвышенности, был с очень небольшими затратами превращен в крепость, защищающую от войн подобного рода. Под ее защитой за двенадцать лет население Фитаха выросло до двадцати пяти-двадцати восьми тысяч человек; именно такой численности оно достигло в описываемую пору. <...>

Когда спустился вечер, хан покинул их, дабы предаться наслаждениям у себя в гареме; русские же офицеры провели ночь настороже, в точности как предыдущую. <...>

На следующее утро Мустафа дал прощальную аудиенцию в главном зале дома, смежного с его гаремом. <...>

Во время этой встречи с князем Мадатовым ханский секретарь предавался занятию, о котором даже неприятно рассказывать, не говоря уже о том, чтобы присутствовать: он все время залезал рукой под рубашку на спине и неизменно извлекал оттуда нечто, что крайне интересовало его и было целью этого омерзительного занятия. Рассказывают, что раньше персы и татары носили нижние рубахи из тафты, и якобы по правилам их религии на целый год полагалась всего одна рубаха, которую меняли только по прошествии оного; мы не беремся ручаться в истинности этого утверждения, но тем не менее легко себе представить, что скрывали под собой украшенные галунами одежды и блестящая кольчуга, а также занятиям какого рода предавался государственный министр и ближайший советчик хана. <...>

Хан, несмотря на всю свою безмерную хитрость, не сумел скрыть огромного желания задержать у себя генерала с офицерами на несколько дней, вне всякого сомнения, чтобы оттянуть начало кампании, предпринятой против его родича, что

позволило бы тому выиграть время, столь драгоценное в подобных обстоятельствах. Тем не менее отряд кавалерии, выделенный этой провинцией, выполнил приказ о немедленном выступлении в Дагестан. Князь Мадатов с офицерами покинули Фитах в девять утра двадцать восьмого мая.

Глава 16

ЧЕРТОВ МОСТ. — ДАГЕСТАН. — КУБА. — АСЛАН-ХАН И ЕГО БРАТ. — ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ РЕКИ. — СОЕДИНЕНИЕ ВОЙСК. — СМОТР ЭКСПЕДИЦИОННОГО КОРПУСА. — ПЫЛКОЕ ЧЕСТОЛЮБИЕ БРАТА АСЛАН-ХАНА

Когда продвигаешься из Ширванской провинции через нагромождения обрывистых скал в Дагестан, то справа оказывается Бакинское княжество, или ханство, которое после трагической гибели прославленного грузинского генерала Цицианова по праву завоевания принадлежит Российской империи. Хотя это самая маленькая провинция Грузии, тем не менее она дает значительные доходы, и не столько оттого, что омывается Каспийским морем, сколько благодаря богатым залежам *нафты,* которые таятся в ее земле. Некий армянин заплатил казне за право эксплуатации их более двухсот тысяч рублей ассигнациями (около восьмисот тысяч реалов). <...>

В сих краях поныне живут многочисленные семьи выходцев из Персии, а также *индусы,* верящие в Верховное Существо, зримый образ которого явлен в священном огне, ему-то они и поклоняются. Жрецы, стерегущие вечный огонь, круглый год ходят нагими, в одной лишь темно-лиловой набедренной повязке. По легендам огнепоклонников, священный огонь зародился много миллионов лет тому назад; они верят, что Творец всего сущего заключил злого духа в недрах земли, откуда временами излетает пламя: его горение следует поддерживать непрерывно, дабы помешать злому духу выбраться на поверхность. Языки пламени достигают двух-трех туазов высотой и представляют собою не что иное, как *газ,* выделяющийся из *нафты,* бьющей из буровых скважин. Его используют для освещения, а само вещество, *нафта,* добываемое армянами, употребляется еще вместо смолы или дегтя.

Погасить пламя можно, заткнув скважину куском мокрой шерстяной ткани.

Летом на берегах Дагестана, когда южные ветры раскаляют атмосферу, огромные массы газа выбрасываются в виде огненных метеоров, и это явление производит сильное воздействие на суеверные души несчастных фанатиков.

Дорога через Кавказ, которой ехал генерал со своими спутниками, сокращала путь, однако изобиловала многочисленными препятствиями, свидетельствовавшими, что пользуются ею нечасто. Пришлось взбираться в гору по крутой козьей тропе через девственные леса, никогда не знавшие топора; деревья, растущие по краям тропы, преграждали путь могучими ветвями, так что на каждом шагу приходилось останавливаться, спешиваться и вести лошадей в поводу. <...>

Когда же поднялись на самую высокую точку тропы, то неожиданно обнаружили, что она преграждена пропастью глубиной туазов в триста. Несколько древесных стволов с набросанными поперек них ветками соединяли края пропасти, образуя мост, по которому можно было преодолеть эту преграду. Князь Мадатов верхом на своем прекрасном карабахском скакуне переехал на ту сторону первым: требовалось немалое хладнокровие, чтобы обуздать в себе страх перед сей пропастью; ведь лошади, ступавшей по веткам, которые покрывали этот мост, достаточно было сделать одно неверное движение, и она вместе со всадником рухнула бы в бездну. Когда все перешли, один из офицеров осведомился у генерала, как называется этот мост.

— *Чертов!* — бросил генерал, повернувшись к Ван-Галену.

— Чертов это значит адский?

— *Не думаю, что он достоин другого имени,** — ответил генерал.

Вероятней всего, то были первые европейцы, и даже более того, первые русские офицеры, проехавшие здесь, отчего начальнику штаба подполковнику Коцебу пришла мысль оставить тут свои фамилии; все спешились и более полутора часов потратили на то, чтобы охотничьим ножом вырезать на чудовищно толстом стволе орехового дерева фамилию генерала,

* В оригинале фразы, выделенные курсивом, приведены по-русски в латинской транскрипции.

название «Чертов мост», фамилии и чины всех остальных, а также дату перехода.

Куба, древняя столица княжества того же имени, административный центр Дагестана после завоевания его русскими, выглядит достаточно уныло, хотя благодаря своему расположению в вершине тупого угла, стороны которого направлены на Баку и Дербент, в один прекрасный день сможет стать городом со значительной торговлей. Несмотря на то, что обработка земли здесь не соответствует плодородию почвы, густые кроны деревьев, обрамляющих дороги, защищают путешественника от лучей солнца. В день прибытия Ван-Галена в Кубу, — а произошло это в конце мая, — и по пути до нее через южные отроги Кавказа жара доходила до тридцати градусов. <...>

Здешние татары, невзирая на постоянное общение с русскими, несомненно ревнивее всех на свете относятся к своим женщинам и держат их в строжайшем заточении. Ни за столом, ни на прогулке, ни на дорогах нельзя было встретить представителей обоих полов вместе: крайне любезная дама, супруга кригскомиссара Григорьева была, благодаря европейскому происхождению, единственной дочерью Евы, которую смогли увидеть прибывшие офицеры.

На следующий день после прибытия в Кубу большой отряд великолепной азиатской конницы с шумом ворвался на улицы селения, возвестив о появлении двух персон, которым были предназначены первые места в этой военной экспедиции. Одним из них был Аслан-хан, суверенный владетель Кураха,* небольшого татарского княжества, зажатого, если можно так выразиться, между землями Кубы, Дербента и обширного Казикумукского ханства, на которое и была обращена его враждебность. Аслан-хан, как далее увидит читатель, пожнет плоды своего участия в экспедиции: за верность Российской империи ему предстояло сменить на троне низложенного мятежного хана. С Аслан-ханом прибыл его единственный брат,** молодой воин благородного и мужественного облика лет тридцати-тридцати четырех. Он командовал многочисленным отря-

* Курах — центр Кюринского ханства. Ван-Гален употребляет это название для обозначения всего ханства.

** Гассан-ага.

дом брата и таил в душе личную вражду к правящей фамилии, против которой шел воевать; вражду, причиной каковой были нанесенные ему когда-то оскорбления, а такое никогда не изглаживается из злопамятного сердца кавказца.

Несмотря на свои религиозные верования, каждый из них с гордостью носил на груди крест Святого Владимира, второй по значению русский военный орден, полученный за многочисленные услуги, оказанные в различных обстоятельствах Российской империи. Как неоднократно имел возможность убедиться Ван-Гален, оба они не были излишне фанатическими приверженцами пророка, и когда генерал барон Вреде, управлявший всем Дагестаном, приглашал их к столу, ни пост, падающий на ту пору года, ни предписания Корана не препятствовали им отведать все яства и воздать должное разнообразным и изысканным винам.

В то время специальные миссионеры, присылаемые в Черкесию и Дагестан Лондонским Библейским Обществом, подчиненным английской масонской ложе «Великий Восток», уже предпринимали усиленные попытки умерить фанатизм мусульман или их веру. Эти проповедники, равно как и члены их семейств, отличавшиеся примерной и праведной жизнью, пользовались особым покровительством русского правительства. Пусть даже их цели и намерения были чужды русскому кабинету, но они постепенно цивилизовали все эти племена. Оттого барон Вреде, следуя в этом смысле желаниям петербургского кабинета, со всей благожелательностью и рвением способствовал им в распространении Библии, переведенной с английского на все живые языки Азии и снабженной в Тифлисе чудесными литографиями.

Аслан-хан уже возил с собой роскошный экземпляр Библии, подаренный бароном Вреде; благодаря этому начальному шагу к обращению, то ли искреннему, то ли притворному, русские власти относились к нему с удвоенной благосклонностью.

В течение нескольких дней после прибытия в Кубу генерала Мадатова со свитой туда подходили регулярные русские части, выделенные Ермоловым в экспедицию. Начальник штаба Коцебу выезжал их встречать и назначил им встать лагерем на расстоянии полутора дней пути от Кубы в направлении вражеской территории.

Армейская артиллерия, а также артиллерия терских каза-

ков, которой пришлось идти по дагестанскому берегу и встретиться во время этого долгого перехода со множеством препятствий, дожидались в Чакуре (небольшом селеньице, расположенном в направлении Дербента) приказаний князя Мадатова.

Отряды конницы из Нухи, Карабаха и Ширвана, прибывшие почти в тот же самый день в окрестности Кубы, получили приказ выступить и идти на соединение с армейским корпусом; во время их совместного прохода через Кубу был произведен негласный смотр.

В шесть вечера первого июня князь Мадатов со штабом в сопровождении эскадрона донских казаков выступил из Кубы. Восемьсот всадников под командой брата Аслан-хана, составлявшие лучшую часть его войска, также присоединились к остальным отрядам, стоящим в лагере.

Ван-Гален нагнал их ночью на небольшом хуторе, где они стояли биваком среди усыпанных плодами черешен и диких слив; утром в десять снялись, с бивака и через поля роз, источающих сладостный аромат, направились в Чакур, где стояла артиллерия. Чакур — небольшое татарское селенье между княжествами Куба и Курах. <...> Стоит оно на возвышенности, примыкающей к южным отрогам Кавказа, откуда текут многочисленные ручьи и реки. <...> Переправляться через них небезопасно в любую пору, а тогда они были особо многоводными вследствие таяния снегов в горах. Всю вторую половину дня второго июня множество наездников Аслан-хана измеряли глубину воды в разных местах. До ночи брод так и не был найден, пришлось отложить его поиски на следующий день. Однако ночью вода немного спала; князь Мадатов назначил время переправы: первой пошла артиллерия, за ней следом фуры с провиантом и боеприпасами, причем перед каждым обозом шел опытный и искусный проводник из местных жителей, измерявший глубину. У кавалерии же был свой проводник. Глубина и скорость течения оказались не единственными препятствиями; неровное дно, вырванные деревья и отломанные ветви, вывороченные камни, что нес с собой стремительный поток, чрезвычайно затрудняли переправу и увеличивали ее опасность. Достаточно сказать, что при глубине воды по пояс пришлось затратить пять часов, чтобы переправиться на противоположный берег. Несмотря на самоотверженные уси-

лия офицеров артиллерии, потери составили два человека и шесть лошадей.

В одиннадцать войска соединились в обширном лесу, что рос на другом берегу, выстроились походным порядком и вскоре вошли в провинцию Курах. Аслан-хан, которому вступление на свою землю, недавно захваченную врагом, доставило живейшее удовлетворение, приказал в первой же деревне, куда войска пришли в середине дня, приготовить для них всевозможные фрукты и прохладительные напитки: к вечеру они были в лагере, где уже несколько дней стояли части экспедиционного корпуса. <...>

Аслан-хан, постоянно имевший от своих лазутчиков точные сведения о передвижениях неприятеля, узнал, что Сурхай-хан (таково было его имя), осведомленный о приближении русских войск, отступая со всеми своими силами к собственным границам, предпринял неудачную попытку захватить с налету крепость Чирак, расположенную на рубеже двух провинций в восемнадцати верстах от лагеря, где стоял в тот день экспедиционный корпус. Решив оказать отчаяннейшее сопротивление, он приказал всему своему ханству подняться на войну, так что теперь под его рукой находились от тридцати восьми до сорока тысяч воинов, в том числе от шести с половиной до семи тысяч конницы, не считая персидских пушек, какие ему удалось заполучить. Не сумев взять крепость Чирак, он укрепил соседствующий с ней аул Хосерек, вырыв вокруг него траншеи и превратив в самое неприступное селение в своих владениях.

Князь Мадатов, получив все эти сведения и принимая во внимание, что Аслан-хан имеет чин генерал-полковника* иррегулярной конницы, поставил его во главе всех татарских отрядов. Аслан-хан немедленно, еще до проведения назначенного смотра, из-за полного сходства в одежде неприятеля и своих людей, приказал всем им воткнуть в свои бараньи шапки по веточке, наподобие пера, чтобы в критические моменты сражения регулярные части не спутали их с врагами. Об этом отличии было объявлено в дневном приказе по корпусу, который уже на рассвете четвертого июня, чуть только сыграли

* На самом деле Аслан-хан имел чин полковника. Чина генерал-полковника в русской армии тогда не было вообще. (*Прим. публ.*)

зорю, самую приятную для жителей Востока музыку, стоял под ружьем, готовый к смотру. Двенадцать пушек восьмой бригады, причем у четырех из них прислуга была из терских казаков, батальон гренадеров (второй Грузинского полка), два линейных батальона фузилеров (второй и третий Апшеронского полка), два батальона егерей (первый и второй Куринского полка), регулярный эскадрон донских казаков и более трех тысяч легкой татарской конницы выстроились для смотра.

Воинственный вид татарских отрядов, соперничающих между собой великолепием коней, оружия и сбруи, давал все основания сравнить их с любым самым блистательным кавалерийским подразделением Европы; право, стоило увидеть, как при звуках русской военной музыки воодушевились и воины, и их кони. Отряд Аслан-хана выделялся среди всех выразительностью лиц и решительностью движений. Никогда еще грузинские провинции не представляли России столь превосходную, блестяще экипированную конницу; татарская знать окружала своих властителей; вооружена она была, подобно курдам, живущим у подножия Арарата, длинными тонкими пиками, очень легкими и чрезвычайно удобными в бою; каждый был в сверкающем шлеме, кольчуге и с круглым щитом. Всем этим князьям и знати Россия определила младшие офицерские чины, о чем свидетельствовали шнуры и кисти на их саблях, что приравнивало их к дворянам среднего ранга. И чувства, какие питали курахцы к своим противникам, и воодушевление от присутствия в их рядах брата Аслан-хана, слывшего среди татар чем-то наподобие Сида,* а равно решительные лица воинов, на которых читалось желание скорей схватиться с врагом, позволяли почти с полной уверенностью предсказывать победу. Потому-то Аслан-хан на вопрос одного из русских офицеров, держит ли он при себе, подобно Мустафе, телохранителей, ответил: «Мои телохранители — мой народ, и если я выступаю против моих врагов, весь он добровольно устремляется на защиту моей персоны и страны». Столь редкостное единение существовало между народом и его властелином; к сожалению, между братьями оно отсутствовало. Назначение Аслан-хана

* Сид Кампеадор (наст. имя Родриго Диас де Бивар, ок. 1040—1099) — испанский рыцарь, герой войн с маврами, герой эпической «Песни о моем Сиде», где представлен как воплощение рыцарских достоинств.

командующим конницей удвоило ревность и гнев его брата, ибо в его душе, исполненной неутолимого честолюбия, жила жажда возложить на свою голову венец, равно как в сердце — жажда подвигов. Разъяренный, оттого что не его облекли званием командующего, которого, по его убеждению, он один был достоин, тем паче, что даже соперники признавали его самым доблестным воином страны, он в тот же вечер неожиданно покинул своих товарищей по оружию. Какое-то время, полный ярости, он где-то блуждал, после чего, взбешенный, вне себя от гнева, ворвался в шатер Аслан-хана, который принял его, невозмутимо покуривая трубку. Он потребовал удовлетворения за то, что хан принял командование: предпочтение старшему брату жестоко оскорбило его. Хан дал ему излить свою ярость, Князь Мадатов, Коцебу и Ван-Гален вошли во время ссоры в шатер. Бешенство этого неистового честолюбца было столь велико, что присутствие генерала не то что не умерило, а скорей даже распалило его. Поскольку Аслан-хан отказался сразиться с ним, он, дрожа от гнева, разодрал на себе рубашку и, подставив брату обнаженную грудь, вскричал:

— Трус! Посмотрим, хватит ли у тебя смелости нанести безоружному удар кинжалом!

Их растащили, надо признать, не без некоторых усилий, но неприглядная эта сцена тем не кончилась. Когда брат Аслан-хана, по всем внешним признакам, успокоился, генерал дал ему понять, что принял решение именно ему поручить командование авангардом; слова эти были подобны бальзаму, пролитому на рану; огромные черные глаза молодого воина горделиво сверкнули. Интриганы-придворные принялись разжигать пылкий нрав молодого человека, являвшего собой тип истинного азиатского вождя, с: целью принять участие в будущем разделе захваченной у врага добычи; они понимали, что от уравновешенного и благоразумного Аслан-хана им ничего не перепадет. <...>

Когда Ван-Гален и офицеры обедали у генерала, подъехали верхом два мальчика и безбоязненно, с изрядной самоуверенностью осведомились, где находится князь Мадатов, добавив, что желают говорить с ним. То были сыновья Аслан-хана. Старший, несмотря на то что был хромой, имел воинственную осанку ветерана, поседевшего в битвах. Двумя годами раньше он, сражаясь плечом к плечу с отцом, был ранен пулей и после

этого принужден был ходить на костылях. Второй, которому едва исполнилось семь лет, был также при полном вооружении и отличался не менее воинственным обликом. Узнав во дворце о прибытии русских и о том, чти отец отправился на войну, они так приставали к тем, кому была вверена опека над ними, что их воспитатель, человек по виду вполне благоразумный, в конце концов согласился отвезти их к Мадатову. <...> Генерал попытался отговорить их от этих планов, но, видя, что они все непреклонней упорствуют в намерении принять участие в войне, и утомясь их ребяческим упрямством, пригрозил им отцовским гневом, а воспитателю и слугам приказал немедля увезти их домой. Юные воители расплакались от ярости, и пришлось приложить немало трудов, чтобы их схватить, посадить на лошадей и наконец отослать. Подобный воинственный пыл, крайне рано проявляющийся у этих народов, весьма необычен, когда дело касается мусульманских династических отпрысков, каковыми были те, что явились к генералу Мадатову, так как ежели вследствие ранения они лишались какого-либо из членов тела, то теряли право наследования престола после смерти отца, как и произошло в описанном случае.

Глава 17

ПЕРЕДВИЖЕНИЯ ВОЙСК. — КРЕПОСТЬ ЧИРАК. — ВСТУПЛЕНИЕ НА НЕПРИЯТЕЛЬСКУЮ ТЕРРИТОРИЮ. — СРАЖЕНИЕ И ВЗЯТИЕ ХОСЕРЕКА. — ТАТАРИН, НАГРАЖДЕННЫЙ КРЕСТОМ ПОЧЕТНОГО ЛЕГИОНА

Ранним утром пятого, едва проиграли зорю, войска покинули бивак и, пройдя десять верст, встали лагерем на большом лугу. Полторы тысячи конницы, составлявшей авангард, сопровождали несколько взводов, направленных на разведку окрестностей. Два батальона были назначены тащить пушки, так как местность была настолько пересеченной, что катить их на колесах было попросту невозможно: их тянули волоком на выдолбленных бревнах, как это проделывал и неприятель с имевшимися у него персидскими пушками разного калибра.

Затем марш был продолжен, и к вечеру пришли в Курах, обычную резиденцию Аслан-хана, где стоял русский гарнизон,

прикрывающий этот пункт от частых набегов лезгинцев. <...>

Аслан-хан всячески старался снабжать генерала Мадатова сведениями о неприятеле, которые постоянно получал от своих лазутчиков: сведения эти отличались изрядной неточностью и неопределенностью: шпионам и эмиссарам хана было весьма трудно проникать в страну, где все поднялись на войну и где каждый житель самым деятельным образом исполнял полицейские функции.

В десять утра седьмого июня войска подошли к крепости Чирак, укреплению достаточно несовершенному, однако для неприятеля, от которого она защищала границу, вполне серьезному. Она стоит на вершине небольшой горы, на склоне которой амфитеатром расположен аул Чирак. Наполовину разрушенный минарет мечети напоминал о недавнем печальном событии.

Три гренадера из русского гарнизона крепости в один из дней спустились в аул, чтобы запастись хлебом для своих товарищей. Когда они уже возвращались, на них под покровом тумана внезапно напала шайка лезгинцев. Гренадеры, видя, что до крепости добраться не удастся, почли за лучшее укрыться в мечети в надежде на скорую помощь своих товарищей. Но лезгинцы, занявшие удобную позицию, не только не оставили им никакой возможности сообщиться с крепостью, но и воспрепятствовали жителям аула помочь им, почти сразу же атаковав мечеть, так что у несчастных не осталось иного выхода, кроме как запереться в минарете и обороняться всеми возможными средствами. Ожесточенные, жаждущие крови, лезгинцы упорно рушили минарет, и через два часа верхняя его половина рухнула, точно отсеченная саблей, как раз тогда, когда отряд из крепости, безуспешно пытавшийся прийти на выручку храбрецам, вынужден был отступить и укрыться за стенами. Трое несчастных гренадеров, оказавшиеся беззащитными после разрушения минарета и превратившиеся в открытые мишени для врагов, воззвали к небесам и один за другим пали, изрешеченные пулями. Лезгинцы, не удовлетворившись убийством, отрубили им головы, руки, ноги и даже в своей свирепости дошли до того, что омывали их кровью себе лица и руки, дабы предстать перед своим ханом в таком столь любезном для него виде.

Но гарнизон не замедлил жестоко отомстить, правда, не

так зверски и бесчеловечно: когда экспедиционный корпус подошел к Чиракской крепости, там содержались пленные и два знамени, захваченные у врага в недавнем сражении. <...>

Хосереку, расположенному в двадцати шести верстах от Чирака, предстояло стать театром военных действий следующего дня, и хотя полностью отсутствовали карты, кроки и вообще какие-либо даже минимальные сведения о характере укреплений, по традиции аул этот и в русском корпусе, и среди татарских воинов считался неприступным. Ни Аслан-хан, ни его отец, ни кто-либо из его людей никогда не бывали в этих землях по причине давней закоренелой вражды. Что же до русского штаба, то у него, несмотря на значительное собрание карт и планов, не имелось никаких достоверных сведений об этой территории, так что, вне всяких сомнений, участники экспедиции были первыми европейскими офицерами, проникшими в эту часть Кавказа. <...>

Дорога из Чирака в Хосерек идет между двумя бесплодными обрывистыми возвышенностями белесоватого цвета; та, что по левую руку, по мере продвижения становилась более пологой, другая же, напротив, все круче; на вершине ее, на обширном плато, и стояла крепость Хосерек.

В шесть утра, чуть только начал рассеиваться туман, была замечена первая группа и знамена неприятельской конницы, как то и подтвердили пленные лезгины, содержавшиеся при штабе. Генерал Мадатов, вставший во главе кавалерии, тотчас отдал приказ всем колоннам ускорить шаг, а брату хана Аслана, уже знакомому читателям, приказал, используя первую же доступную тропу, произвести разведку местности по правую руку. Якубовичу и Ван-Галену, единственным офицерам кавалерии, сопровождавшим генерала, было назначено принять участие в этом маневре, который, благодаря исключительной подвижности татарской конницы, был произведен, невзирая на пересеченную местность, с поразительной дисциплинированностью, быстротой и уверенностью.

Первые две попытки русских выйти на плоскогорье оказались безуспешными из-за меткого смертоносного огня неприятеля и его численного превосходства, и лишь с третьей, уже почти отчаянной попытки они отбросили врага, который с невероятной быстротой перестроился и отступил с поразительной выдержкой, свойственной армиям совершенно другого

тактического уровня. Императорские войска понесли значительные потери, причем в обстоятельствах, с какими не приходится сталкиваться европейским солдатам, а именно из-за невероятной меткости стрельбы, особенно при отступлении, что характерно для всех кавказских наездников от Черкесии до владений лезгинцев. Когда русские, захватив первые знамена, считали операцию завершенной, а их конный авангард уже атаковал окопы вражеской пехоты, отступавший противник открыл по всей линии огонь, и брат Аслан-хана рухнул с коня, пораженный пулей в грудь; пулю эту, как показали впоследствии захваченные пленные, выпустил сын Сурхай-хана, с которым покойный стремился вступить в поединок, вызов на каковой послал ему накануне со специальным нарочным.

Событие это резко изменило ситуацию, чему немало способствовало неосмотрительное поведение татарской знати, обступившей русских. Неустрашимые воины, они, забыв о своем долге, соскочили с коней и расточали пышные хвалы своему бездыханному предводителю, который, как они верили, слышит их; тем самым они сеяли расстройство и смятение в шеренгах императорских войск; видя это, неприятель тут же повернул и с удвоенной отвагой бросился на них, так что спасение трупа брата Аслан-хана обошлось дорого. Татары, что со слезами на глазах подняли его на плечи и так несли, как бы желая тем показать свою братскую привязанность к нему, заплатили большими потерями. Последствия этого происшествия могли бы оказаться чрезвычайно серьезными и экспедиция могла бы завершиться полным поражением, если бы одна из тех случайностей, что порой решают судьбы сражений, а равно и империй, не позволила Якубовичу и Ван-Галену перестроить конницу и контратаковать неприятеля.

Среди многочисленной отборной конницы из Карабаха, оставленной в резерве и не принимающей участия в сражении, Ван-Гален отметил татарина лет сорока-сорока пяти, на груди у которого на засаленной красной ленте висела звезда Почетного Легиона. Несколько весьма выразительных, вполне соответствующих ситуации, французских слов, какими обменялся Ван-Гален с Якубовичем, а равно и то, что он сам наблюдал, помогли этому татарину понять всю критичность положения, после чего он тут же начал действовать, выступая как толмач, благодаря чему карабахская конница устремилась на врага,

оттесняя его. Генерал Мадатов, который верхом с расстояния двух верст наблюдал за передвижением своих войск, поскакал к ним в сопровождении третьего батальона Апшеронского полка, сформированного в память об обезглавленных в 1806 году в Баку Цицианове и Эристове; батальоном командовал тогда майор Мартыненко. Это подразделение, впереди которого шли три цепи стрелков, продвигаясь по самой непроходимой местности, вышло на равнину, где сражались Якубович и Ван-Гален, и, на ходу построившись в каре, открыло плотный огонь, заходя в правый фланг вражеской коннице, которая, уже оттесненная, начала отступать, хотя и сохраняя порядок. В этот момент раздался отдаленный, но тем не менее энергичный голос генерала, послуживший сигналом к одновременной решительной атаке карабахцев и апшеронцев на неприятельскую конницу, и та бросилась врассыпную, бежала с поля сражения в горы, сея смятение и уныние в селениях этой страны. В это же время среди позиций вражеской пехоты взорвался пороховой погреб, вызвав в ее рядах полнейшее замешательство; воспользовавшись этим обстоятельством, майор Мартыненко повел батальон в штыки на находившиеся перед ним брустверы, которые составляли правый фланг первой линии неприятельских укреплений. Он взял их с незначительными потерями, закрепился, чтобы иметь возможность дать отпор неприятелю, который, поняв важность утраченной позиции, пытался отбить ее, но в конце концов прекратил бесплодные попытки и отступил, укрывшись за брустверами второй линии.

Было уже десять утра, когда майор Мартыненко закрепился на правом фланге неприятельской линии; то была чрезвычайно выгодная позиция на возвышенности, откуда хорошо были видны укрепления Хосерека и лагерь вражеского резерва, устроенный на равнине, что доминировала над крепостью; в центре его стоял шатер Сурхай-хана, украшенный множеством самых разных вымпелов. <...>

Аслан-хан с частью конницы с самого начала стоял на дороге перед аулом, отбивая неприятеля, который во время операции Якубовича и Ван-Галена неоднократно большими массами налетал на него; Мартыненко получил приказ с частью людей выдвинуться к траншеям Хосерека, дабы поддержать рекогносцировку.

Русская пехота, следовавшая по дороге с генералом, остановилась, выйдя на возвышенность, доминирующую над лугами, что раскинулись вокруг Хосерека. Князь Мадатов, видя, как неприятельские аванпосты под натиском Аслан-хана отступают к крепости, и выслушав доклады офицеров штаба о состоянии укреплений и обороны, дал диспозицию наступления четырьмя колоннами. Первую составляли гренадеры Грузинского полка под командованием майора Сицианова при поддержке четырех пушек; она располагалась на левом фланге и должна была на всякий случай оставаться в резерве. Второй и третьей колонне придавались шесть артиллерийских орудий; вторую колонну, которой командовал подполковник Коцебу, составлял первый батальон Кубинского полка; третью под командой подполковника Сагинова — половина второго батальона Апшеронского полка. Эти две колонны образовывали центр и следовали по дороге прямо на селение. Аслан-хан получил приказ занять позицию с другой стороны крепости и кладбища. Четвертая колонна, составленная из второй половины второго батальона апшеронцев с приданными двумя полевыми пушками, пошла на редуты, что соединяли левый фланг крепости с возвышенностью, где располагался неприятельский лагерь. Командовать ею генерал поручил Ван-Галену.

В час дня русские одновременно пошли в атаку на крепость и были встречены сильным и частым огнем осажденных, причем в значительной мере он был обращен против четвертой колонны; обходя на короткой дистанции подножие возвышенности, она попала под обстрел с фланга со стороны стрелков, до той поры прятавшихся в укрытии.

Четвертая колонна оказалась между двух огней на пересеченной местности, где к тому же были вырыты канавы и траншеи, что делало невозможным какой-либо маневр батареи, против которой в особенности был направлен меткий огонь лезгинцев (на ногах уже остались немногие из прислуги); все это вынудило Ван-Галена ускорить штурм. Он уже приготовился к нему, но тут генерал, заметив его приготовления, спешно направил к Ван-Галену своего адъютанта князя Бебутова с приказом остановить штурм и задержать колонну до тех пор, пока батарея, расположенная в центре, не откроет огонь по неприятельским укреплениям для облегчения приступа и уменьшения возможных потерь.

Однако к моменту, когда князь Бебутов добрался до расположения Ван-Галена и передал ему приказ командующего, четвертая колонна, стоящая в шестидесяти шагах от неприятельского бруствера, огонь с которого все усиливался, находилась в слишком невыгодном положении, чтобы выполнить приказ. <...>

Да было уже и слишком поздно исполнять его, и Ван-Гален, убедив в этом князя Бебутова, взмахнул саблей, давая сигнал к штурму. Спустя десять минут, неустрашимо карабкаясь по лестнице из трупов и ранцев, солдаты овладели передовыми брустверами Хосерека, захватив два главнейших знамени лезгинской знати. Захватывая траншею за траншеей, они ворвались в селение. Неприятель, видя, что его коммуникации с возвышенностью вот-вот будут перерезаны, устремился в главную мечеть, где приготовился к отчаяннейшему сопротивлению. Здесь с Ван-Галеном соединился Сагинов с третьей колонной, который обходным маневром подошел поддержать его преждевременный штурм, меж тем как первая и вторая колонны с другой стороны крепости отвлекали осажденных на себя.

Через несколько минут была взята мечеть, защитники которой дорого поплатились за свое неразумное упорство. Знамя Апшеронского полка, развевавшееся на минарете под звуки военного марша, возвестило генералу, который наблюдал за сражением, падение Хосерека. Две другие колонны, воодушевленные столь удачным исходом, не замедлили войти в аул, подавляя последние попытки сопротивления уже ослабевшего противника.

Защищенная дорога, построенная Сурхай-ханом для сообщения между своим лагерем и крепостью, послужила прикрытием третьей и четвертой колоннам для прохода на возвышенность: колонны столкнулись с частью неприятельских резервов, которые при штыковой атаке русских поспешно бежали. Майор Мартыненко крайне своевременно, как и подобает опытному офицеру, выступил с позиции, которую ему в самом начале боя определил генерал, нанеся совместно с конницей стремительный удар по левому флангу неприятеля, и теперь уже разгром его стал полным и бесповоротным. Шатер Сурхай-хана, где встретились Ван-Гален и Мартыненко, был отдан в добычу солдатам, что в этой стране почитается за проявление наивысшего презрения к хвастливому врагу.

Аслан-хан, для которого этот день стал поистине победным, со своей конницей стоял за кладбищем: он должен был брать в плен, но не карать всех, кто, спасая жизнь, бежал из крепости, а их были сотни и сотни, особенно когда пали последние укрепления и была взята мечеть; не собираясь их наказывать, он отпускал пленных по домам, и благодаря этому вся страна очень скоро узнала о разгроме под Хосереком.

Поле боя и улицы, заваленные ранеными, лошади, военная добыча, большое количество превосходного и дорогого старинного оружия, чугунные пушки разного калибра, неумело поставленные на лафеты; от тридцати до сорока знамен, тысяча пленных (в этой варварской стране редко дают пощаду пленникам после столь ожесточенного боя), разбежавшееся неприятельское войско — таковы были результаты сражения при Хосереке.

Потери русских войск, не столь значительные как по численности, так и по знатности убитых и раненых, составили девять офицеров, триста человек пехоты и шестьсот — конницы.

Когда оба батальона Апшеронского полка спустились с возвышенности туда, где был разбит лагерь, в их шеренгах были видны значительные пробелы, произведенные неприятельским огнем, к тому же только у немногих офицеров и унтер-офицеров не было повязок, свидетельствующих о ранении; когда они пришли к месту, назначенному им для бивака, к ним подошел генерал и самолично поблагодарил их. <...>

В России существует обычай: если воинская часть брала приступом крепость или редут, иными словами, шла грудью на укрепление, то после сражения она проходит маршем перед главнокомандующим или самым высшим чином среди присутствующих, и во время этого марша в шеренгах бывают оставлены пробелы на месте тех, кто был унесен с поля боя мертвым или тяжело раненным; те же, кто отделался легкими или не слишком тяжелыми ранами, идут в бинтах и повязках в строю. Благодаря этому генерал с первого взгляда имеет представление о понесенных потерях, окончательное число которых позже докладывается ему штабом.

По завершении марша обоих батальонов (они последними вошли в лагерь) генерал по обычаю, издавна существующему в России, подозвал и пригласил отобедать к себе командиров, которые отличились при штурме и оказались достойными в

соответствии со строгим статутом военного ордена Святого Георгия, награждения им. Сагинов и Ван-Гален получили эту почетную награду. Генерал собственной рукой возложил этот же орден на грудь погибшего брата Аслан-хана. Мартыненко, Якубович, князь Бебутов, а также другие офицеры были награждены крестами Св. Владимира либо Св. Анны, которыми жалуют как военных, так и штатских лиц. К знамени Апшеронского полка была прикреплена полосатая лента национальных цветов Российской империи, то есть оранжевого и черного, являющихся и цветами ордена Святого Георгия, как знак отличия, дополняющий эту награду.

Меж тем семьи, не сумевшие или не пожелавшие бежать из Хосерека и прятавшиеся в многочисленных погребах и подвалах селения, стали постепенно вылезать из своих укрытий и подходить к генералу, который говорил с ними со всей вежливостью и гуманностью, свойственной европейским солдатам, чего эти азиаты, вне всяких сомнений, никак не ожидали.

Многочисленных неприятельских раненых, скопившихся в селении и в каждом его доме, доверили попечению родственников и священнослужителей под присмотром двух армейских хирургов. В одиннадцать вечера, перед тем как отправиться ко сну, генерал распорядился отпустить на свободу всех пленных, содержащихся в лагере. Каждому из них был выдан пропуск, и они без помех возвратились к родным очагам, так что жители Казикумука (столицы ханства) смогли убедиться, что не против них направлена враждебность русских; те хотят лишь низвергнуть угнетавшего их тирана. <...>

Так завершился достопамятный день 12 июня (24 по нашему стилю). Было много беспорядка и сумятицы, но вряд ли следует обращать на это чрезмерное внимание, поскольку они естественны и неизбежны в сражении с противником столь же воинственным, сколь и недисциплинированным. Племена здешние, убежденные, что неустрашимость и личная доблесть составляют единственные достоинства воина, с тщеславной самонадеянностью уповают лишь на самих себя и отвергают всякую дисциплину, почитая европейскую тактику проявлением трусости, каковая, по их мнению, присуща всем христианам. Ни многочисленные примеры, опровергающие их убеждения, ни тяжелые уроки, которые они неоднократно получали, не могут разрушить в них подобных предрассудков, и потому,

потерпев поражение, они приписывают его единственно лишь воле небес. Несомненно, смирение Евангелия и спесивость Корана играют в этом определенную роль, ибо воззрения таковые свойственны всем магометанам, будь то в Азии или в Африке.

Лезгинцы, хотя и являются, подобно большинству народов Кавказа, с самого юного возраста отличными стрелками, пехотинцы, пожалуй, самые никудышные в мире. Лезгинец страстно любит своего коня и верит, что конь дан Богом человеку, чтобы разделять с ним его славу и неудачи. Он с детства упражняется в верховой езде и в обращении со всяким оружием и уверен, подобно лучшим европейским стрелкам из пистолета, что пуля или стрела, пущенная им, попадет туда, куда он ее посылает. У их ружей, калибр которых на пять адарме* меньше наших, дальность стрельбы благодаря более длинному стволу раза в полтора больше, чем у тех, что приняты на вооружение в европейских армиях. Огонь их отрядов, ведущийся всегда из укрытия, удивительно меткий и непрерывный, причиняет значительные потери, каких в Европе не знают; их пренебрежительное отношение к воинской дисциплине и артиллерии усиливается еще и тем, что своим метким огнем они способны снять прислугу любого выставленного против них полевого орудия. Идут ли они в наступление или отступают, это всегда сопровождается криком и воплями, что является непременным следствием их неукротимого фанатизма. Когда им приходится сражаться на позиции (имеется в виду — укрепленной), они с длинными своими ружьями за спиной стесняются толпой, отражают удары сабель левой рукой, обмотанной, наподобие щита, *буркой,* а другой рукой бросают в противника кинжал, что при их меткости и ловкости на небольшой дистанции в редких случаях не имеет фатального результата. Их начальники в сражениях выделяются блестящими кольчугами, шлемами и шишаками, богатым оружием, украшенным золотом и серебром, и роскошным шитьем одежд, а при обороне укрепленной позиции знаменами с вышитыми изречениями их пророка.

* Адарме — старинная испанская мера веса, равная 0,179 г.

Татарские контингенты, входящие в состав русской армии, которые прежде не менее враждебно, чем лезгинцы, относились к военной тактике, благодаря общению с русскими войсками с каждым днем все больше приучаются к порядку и дисциплине, ничуть не теряя при этом своей природной храбрости, и лишь в отдельных исключительных случаях, наподобие гибели брата Аслан-хана, в пылу схватки они забывали о приобретенной выучке и с огромным трудом удерживались от испускания воплей. Татары из Карабаха, Кураха и других княжеств Грузии, включенные в русскую армию, в прежние времена составляли отборную часть персидского войска; после того как они покорились Российской империи, их помощь в войнах на Кавказе и в Армении была весьма полезна русским. Конница эта, с каждым днем все больше приобретающая черты регулярной, станет со временем одной из самых лучших частей российской армии.

Русский солдат, по натуре своей столь же неприхотливый, как испанский, идет в атаку с такой же неустрашимостью, и ему не нужно поднимать дух всякими сильными средствами, к чему прибегают в подобных обстоятельствах европейские генералы, дабы пробудить мужество в своих войсках. Огонь и неистовый напор неприятеля русские солдаты выдерживают с неизменным и полнейшим хладнокровием, а когда возвращаются в лагерь, довольствуются для удовлетворения своих потребностей куском хлеба либо лепешкой да глотком воды. Истово верующие и неизменно верные своей религии, что составляет основу их личного достоинства, солдаты по сигналу своего командира к атаке осеняют себя крестным знамением со строгим единообразием (что является одним из положений устава русской армии), бросают исполненный полнейшего доверия взор на того, кто с саблей в руке ведет их в бой, словно желая проникнуть в его мысли, и следуют за ним в полном молчании, круша врага с неутомимым напором и воодушевлением. У Ван-Галена есть крестик из позолоченного металла, который торопливо вручил ему старый солдат, смертельно раненный при штурме бруствера; сделал он это, очевидно, на всякий случай, чтобы его драгоценная святыня не досталась нехристям.

Вечером Ван-Гален поручил разыскать татарина, награжденного орденом Почетного Легиона, который так отличился

утром в сражении, и тот явился к нему ночью, когда офицеры покидали палатку генерала.

— Вы понимаете французский? — осведомился у него по-русски Ван-Гален.

— *Oui, mon Mayor,** — ответил тот на французском.

— Что означает эта награда?

— *L'Empereur me la donna a Wagram...*** и я получил бы сегодня от него вторую такую же, если бы он мог видеть нас в деле. <...>

Примечательный этот персонаж был из числа тех мамелюков, которые последовали из Египта за остатками французского корпуса и из которых впоследствии был сформирован эскадрон императорской гвардии.

Попав в плен к русским во время незабываемого отступления из Москвы, сей ветеран-азиат был выслан русской полицией на его родину в Карабах и с большой охотой исполнял свою воинскую повинность всякий раз, когда его хан собирал войско и на него выпадал жребий, и с не меньшей же охотой заменял на этой службе других.

Глава 18

БЕГСТВО СУРХАЙ-ХАНА. — ИЗЪЯВЛЕНИЕ ПОКОРНОСТИ СТРАНОЙ. — ВОЗВЕДЕНИЕ НА ТРОН АСЛАН-ХАНА. — УХОД ПОБЕДИТЕЛЕЙ ИЗ СТРАНЫ

Сурхай-хан бежал со всей стремительностью и в середине ночи того памятного дня 12 июня с весьма малым числом людей уже был у стен своей столицы. К несчастью для него, роковое известие о поражении опередило его на несколько часов, и он обнаружил ворота Казикумука запертыми. Вотще выкрикивал он свое имя и причины, побудившие его к столь внезапному появлению тут; его категорически отказались впустить, объявив о том с высоты стен, так что он имел все основания считать себя лишенным власти. Вне себя от ярости он принялся изрыгать угрозы, что лишь внушило презрение к нему. Несколько старейшин, уполномоченных объявить окончательную

* Да, господин майор (*фр.*).

** Император пожаловал мне ее при Ваграме (*фр.*).

волю народа, поднялись на стену и посоветовали ему ехать своей дорогой, ежели он хочет спасти свою жизнь, а иначе с ним обойдутся как с врагом.

Сурхай-хан, не столь мужественный, как один из его предшественников, который в подобных обстоятельствах собственной рукой нанес себе смертельный удар, не в силах снести позора, стал упрашивать депутацию старейшин, готовый пойти на тысячи унижений, лишь бы его впустили внутрь стен, однако когда и это не возымело действия, попросил в качестве последней милости, чтобы ему выдали всех его наложниц и дворцовых служанок. Через несколько минут их выпустили из города в сопровождении эскорта, вполне достаточного, чтобы обеспечить безопасность на пути до границы, то есть до последнего убежища, княжества, расположенного высоко в горах, в самой неприступной части Кавказа.

Итак, низвергнутый тиран отправился в изгнание вместе с двумя десятками наложниц и сотней служанок своего гарема, не оставив у народа никакой о себе памяти, кроме воспоминаний о жестокостях и несправедливостях, какие он творил во время своего правления.

Лезгинцы Казикумукского ханства, для которых война столь же желанна, как и для остальных их единоверцев на Кавказе, тем не менее умеют ценить блага мира, а с другой стороны, они менее склонны к разбою. Властолюбие и козни Сурхай-хана, ввергнувшие их в эту войну, ни в коей мере не поддерживались большинством благомыслящей части народа. Всегда следует принимать во внимание то, что мы с самого начала отмечали, говоря о Кавказе: управляют общественным мнением старики, а молодежь только исполняет их решения. Так что ранним утром 13-го, то есть 25-го июня, народ, дотоле подавляемый тиранством Сурхай-хана, громогласно возвестил о его свержении.

На рассвете же было создано временное правление, составленное, по древнему обычаю этой страны, из нескольких самых уважаемых семидесятилетних старейшин.

Понимая всю безнадежность сопротивления победителю, старейшины эти тотчас же договорились назначить депутацию, в которую вошли трое из них, и направить ее к Аслан-хану, дабы при его посредничестве с достоинством предложить мир и объявить о покорности русскому правительству.

В тот же день в три часа пополудни они прибыли в хосерекский лагерь и были в шатре Аслан-хана. Тот немедля проводил их к генералу Мадатову. Не успели они еще договориться о предварительных основах договора, как старейшины эти по доброй воле предложили себя в заложники в качестве гарантии исполнения устного соглашения, однако хитроумный Аслан-хан, верный искусной политической линии, которую он наметил себе при обращении с новыми завоеванными подданными, после этого предложения возглавил лезгинскую депутацию и уже совместно с нею вел переговоры. Трое старейшин с мужественными суровыми лицами прибыли при полном вооружении и в самых великолепных и дорогих нарядах. Один из них, когда его окружили, рассматривая искусно выделанную кольчугу, продемонстрировал, что ружья всех троих заряжены, однако факт этот, который среди европейцев незамедлительно был бы воспринят как свидетельство коварных замыслов, здесь, напротив, является одной из составляющих этикета при подобных церемониях.

В соответствии с одним из пунктов договора присяга императору Александру, возведение на трон Аслан-хана и прочие акты должны были торжественно произойти в столице: посему вечером того же дня генерал отдал приказ всем подразделениям быть готовыми по первому сигналу к форсированному маршу, исключение составил лишь один батальон и несколько эскадронов, необходимых для поддержания порядка в Хосереке, соседи которого как раз возвращались по своим домам.

На следующий день экспедиционный корпус взял направление на столицу. Природная крутизна и труднопроходимость тамошних дорог, удвоенная к тому же преградами, которые постарался устроить Сурхай-хан в качестве оборонительных средств, настолько затрудняла продвижение артиллерийского парка, что пришлось отпрячь пушки, и теперь их поднимали полторы сотни пехотинцев, назначенных для этого из разных батальонов. Таким образом артиллерия с огромными трудами преодолела расстояние, не превышающее трех верст; видя трудности и медлительность продвижения, генерал приказал третьему батальону Апшеронского полка остаться с восемью из двенадцати пушек; остальные войска с четырьмя пушками встали на ночь лагерем в пятнадцати верстах от вышеупомя-

нутой столицы. Сопровождавшие корпус лезгинские посланцы, желавшие как можно скорей прибыть в Казикумук, отправили гонцов к его жителям, а также в ближние предместья и аулы с распоряжением в течение ночи исправить дорогу, чтобы обеспечить проход артиллерии. Жители со рвением вышли на эти работы, что свидетельствует об укоренившемся обычае подчиняться приказам старейшин. Но видя артиллерию, они не могли прийти в себя от удивления: то были первые пушки, въехавшие на своих колесах в их страну. Имевшиеся у них персидские пушки перетаскивали волоком на бревнах, как о том уже рассказывалось, и лафеты у них были самые примитивные, без колес.

В пятнадцати верстах от столицы, то есть в нескольких шагах от лагеря, где войска остановились на ночлег, был мост без каких-либо перил и вообще ограждения, чрезвычайно длинный, хотя и построенный как одноарочный; то было единственное средство сообщения, связывающее приграничные и внутренние земли ханства. Мост был до того узкий, что пришлось прибегнуть к некоторой изобретательности, чтобы по нему смогли проехать орудия. Углубляясь на лезгинскую территорию, все с каждым шагом укреплялись в мысли, что если бы властитель этой страны пользовался любовью и расположением народа и смог поднять его на свою защиту, завоевание ее затянулось бы надолго и было бы сопряжено с неимоверными трудностями.

Из Казикумука вышло навстречу генералу еще одно посольство или депутация старейшин. Заметили его, когда голова колонны уже поднялась на возвышенности, окружающие столицу, до которой оставалось верст восемь-десять. В воротах города третья депутация в окружении знамен и трофеев подала генералу на парчовой, шитой золотом и украшенной драгоценными камнями подушке ключи от города, а также на чистом подносе вареный, но рассыпчатый рис, выложенный в форме конической пирамиды, дабы русский командующий по древнему азиатскому обычаю взял пальцами щепотку и отведал в знак мира и братства. После чего ему поднесли в дар великолепного коня в богатой сбруе, ружье, запоясный пистолет, кинжал, наибольшая ценность которого заключалась в редкостном качестве дамасского клинка, что закаливался с добавкою яда. Все эти весьма дорогие подарки служили еще одним подтверж-

дением официального заключения мира и союза.

Князь Мадатов обратился к депутатам, по большей части седовласым, с речью и произнес ее на их языке; он изъяснил им благородные устремления императора Александра, чьи войска в качестве награды за свои победы жаждут лишь одного — чтобы народы Кавказа пользовались плодами мира, единственного способа достичь процветания и общественного благосостояния.

Преимуществом Мадатова было знание всех диалектов азиатского языка, на которых он не только говорил, но и писал, и это стало причиной его огромной популярности, а также особого благоволения, какое выказывал ему главнокомандующий Ермолов. Петербургское правительство, разумеется, обратило на него внимание и привлекало к самым трудным переговорам. Этот незаурядный генерал пал в жестоком сражении во время последней войны с Турцией.*

В заключение своей речи князь Мадатов объявил, что тиранически правивший хан низвергнут, победа решила его судьбу, и призвал народ признать своим новым правителем доблестного Аслан-хана. Лезгинцы разразились восторженными, радостными криками, подтвердив самым торжественным образом, сколь желанна им смена династии.

По прибытии во дворец его нашли в том же роскошном состоянии, в каком он был, когда им владел бежавший хан. Лестницы, галереи и покои были покрыты богатыми коврами и золотыми тканями. Аслан-хан расположился в зале приемов, окруженный всей лезгинской знатью. Генерал, обойдя вместе с русскими офицерами прелюбопытнейшие сады, галереи, купальни и прочие достопримечательности, где в кругу своих наложниц в основном и проводил время Сурхай, покинул дворец, позволив новому хану заняться созданием своего совета и назначением придворной челяди, почти основным занятием которых, как и в других частях света, станут дворцовые интриги.

Ночью в честь нового хана были устроены иллюминация и разнообразные поразительные фейерверки из тех, что более всего распространены в Азии. <...>

Спустя сутки после вступления в столицу русских явились

---

* Генерал Мадатов не был убит, но умер сразу после турецкий войны — 4 сентября 1829 года — от обострившегося туберкулеза.

поздравить нового хана все, включая остатки войска Сурхая, который, будучи покинут народом, нашел убежище в крохотном безводном и диком краю, расположенном в Кавказских горах между Казикумукским ханством и чеченцами. По сведениям, полученным Аслан-ханом, там ждали только благоприятной оказии, чтобы безопасно переправить его в Персию или Турцию.

В одиннадцать утра торжественно отворились двери большой казикумукской мечети, которая по архитектурному стилю имеет известное сходство с мечетью Абдерраманов* в Кордове. Аслан-хан явился в сопровождении пышной и многочисленной свиты; в центре святилища стоял барабан, а на нем лежал Коран; в присутствии прославленного знамени второго батальона Апшеронского полка нотабли столицы и других селений ханства, призванные участвовать в церемонии, клали руку на вышеупомянутую священную книгу и приносили присягу на верность российскому императору и покорность Аслан-хану. Затем на свой манер подписывались под актом присяги, а именно окунали подушечку указательного пальца в чернейшие чернила и оттискивали на документе: подобный оттиск на бумаге или пергаменте, лежащем на Коране, почитается у них как священнейшая нерушимая гарантия данного слова. Рота Апшеронского полка была единственным подразделением, присутствовавшим, дабы воздать почести знамени, при этой церемонии, и полковая музыка у дверей мечети без перерыва играла веселые татарские мелодии в полном соответствии со вкусом лезгинского простонародья. Остальная часть корпуса стояла вне стен города под ружьем вместе с генералом и офицерами, чтобы торжественно почтить акт присяги, а равно и на тот случай, ежели произойдет что-то непредвиденное.

По завершении церемонии Аслан-хан, облаченный в царственный пурпур, предстал на стене мечети, что выходила на русский лагерь, и двадцать четыре артиллерийских залпа, эхом отозвавшиеся в окрестных горах, а также клики народа возвестили о восшествии на трон нового хана.

Мадатов у входа в свою палатку принял явившегося с визитом Аслан-хана и многочисленных придворных, окружавших

* Абдерраманы (Абдаррахманы) — имена первых эмиров арабской династии Омейядов, правивших в 732—750 гг. в Кордове.

его. После лаконичного вступления, соответствующего сану, которым он только что был облечен, Аслан-хан с высочайшей трезвостью представил ситуацию, в какой находятся его новые владения, их военные, сельскохозяйственные и торговые ресурсы, средства, какие он предполагает применить, дабы обеспечить благоденствие народа, который он считает достойным того, чтобы отдать ему все свои заботы. Затем он красноречиво выразил свое пламенное желание как можно скорей урегулировать, договор относительно воинского контингента и подати, которую с этого дня его новое ханство должно платить Российской империи; в заключение же добавил, что верховная военная власть, к которой он сейчас обращается, может доверять крепости его слова и немедленно, ежели сочтет это уместным, вывести войска из ханства, и это будет, как он полагает, самой разумной мерой, призванной успокоить опасения, которые возбуждает присутствие русского корпуса в душах тех, кто не способен понять мирные устремления генерала.

Речь эта, произнесенная с природной пылкостью, присущей азиатской манере выражаться, перед аудиторией, слагающейся по преимуществу из первейших людей страны, произвела на них большое впечатление, а предложенная Аслан-ханом система налогов, которая должна прийти на смену поборам его предшественника, похоже, окончательно завоевала ему все сердца.

После нескольких обоснованных замечаний касательно ситуации в стране, которая еще совсем недавно почиталась охваченной пламенем мятежа, зажженным кознями бывшею хана, князь Мадатов объявил, что выход корпуса состоится сразу же после получения гарантий, что порядок не будет нарушаться и не произойдет никакого восстания против санкт-петербургского правительства.

Тотчас же Аслан-хан, сжав одной рукой руку Мадатова, а вторую возложив на крест Св. Владимира, что украшал его грудь, горячо и страстно воскликнул, что он дает России в качестве гарантии свою голову, что лезгинский народ уже по одной причине своего благородного горского происхождения

достоин доверия, о котором он просит и которого жаждет, что скорейший уход русских легионов сотрет воспоминания о вражде, каковую разжигал в нем его бывший повелитель, и что даже тень недоверия со стороны русского императора будет для лезгинцев стократ более тягостной карой, чем та, что обрушилась на них в Хосереке. <...>

Поскольку русские офицеры привыкли разговаривать с Аслан-ханом доверительно и накоротке, один из них не смог скрыть удивления, видя, с каким упорством тот стремится остаться в одиночестве, отдав себя на милость народу, который еще несколько дней назад был весь целиком враждебен ему и с которым и его предки, и его подданные всегда воевали. Аслан-хан, желая прервать рассуждения этого офицера, дал весьма примечательный ответ: «Когда государь хочет сохранить голову, он должен предложить свое сердце, однако, — добавил он, сжав рукоять заткнутого за пояс широкого кинжала,— понимая, что будет предан, неизменно держать его в руках, чтобы сумел покарать предателя».*

Вечером того же дня состоялась встреча в палатке генерала, который, учитывая новые гарантии, предъявленные Аслан-ханом, счел, что больше нет резона противиться его настояниям. Назавтра утром на аудиенции, которая была дана явившемуся представиться новому государственному совету, генерал объявил, что, удоклетворенный верноподданническими устремлениями хана, более не требует гарантий верности лезгинцев и что войскам будет отдан приказ покинуть провинцию, как только будут получены присяга и соответствующие подписи на актах оной жителей удаленных регионов, которые по сей причине не смогли своевременно явиться в столицу. В беседе, состоявшейся в предшествующий день, Мадатов договорился с Аслан-ханом об освобождении многих несчастных русских, взятых лезгинами к плен, которые рассматривали их как военную добычу и многие годы укрывали в горах, где те исполняли самые тяжелые работы. Когда на следующий день генерал и офицеры увидели их, ни у кого не возникло сомнений относительно того, какие страдания пришлось претерпеть несчастным. Полуголые, с ввалившимися глазами, мертвенно-

* В 1826 году Сурхай-хан вторгся в ханство, пытаясь вернуть власть, но, не поддержанный народом, был разбит Аслан-ханом.

бледные, с телами в синяках, со следами плетей, которыми их постоянно стегали, несчастные эти солдаты, предательски захваченные лезгинцами во время их набегов, были дружески приняты своими старыми товарищами, старавшимися выказывать им заботы, какие только позволяла обстановка военного лагеря. Один из освобожденных пробыл в плену восемнадцать лет и, поскольку все это время не общался с собратьями по несчастью, почти позабыл язык своих отцов. Тело его было испещрено шрамами и покрыто ранами, доказательством жестокого обращения с ним хозяина, одного из фаворитов бывшего хана. И все время, пока он пребывал в рабстве у этого человека, он был свидетелем постоянных нескрываемых сношений и частого обмена гонцами между Мустафой-ханом и Сурхаем. Получив о том сведения от бывшего пленника, Мадатов еще раз убедился в лживости и клятвопреступности Мустафы.

Впоследствии Мустафа, вызванный Ермоловым в Тифлис, дабы рассеять выдвинутые против него тяжкие обвинения, бежал из своей столицы Фитаха со всеми наложницами, сыновьями и сокровищами, оставив тем самым свои владения России, которая установила в Нухе свое постоянное правление.*

Князь Мадатов, видя, что данное ему поручение полностью выполнено, отдал приказ возвращаться, и вечером девятнадцатого войска снялись с лагеря и двинулись в путь, сопровождаемые Аслан-ханом и его новым двором. <...>

Перевод с испанского Леонида Цывьяна
и Майи Квятковской

* За три года до этого Ермолов писал графу М. С. Воронцову: «Ты, конечно, помнишь Мустафу, хана Ширванского. Это поистине молодец. Подвластные его им довольны, беспокойств начальству нет. В земле похвальное устройство, и я сыскал его ко мне доверенность. С ним буду уметь ладить».

КОММЕНТАРИИ

Записки Густава фон Штрандмана

Густав Эрнест фон Штрандман (Густав Густавович) родился в 1742 г. в Лифляндской губернии в дворянской семье. С 1757 по 1762 г. учился в Сухопутном шляхетном корпусе, откуда выпущен капитаном в Вологодский пехотный полк, в рядах которого находился в Польше в 1763–1765 гг. В 1769 г. направлен с полком в Азов, а 2 октября того же года произведен в секунд-майоры и переведен в Елецкий полк, 25 мая 1770 произведен в премьер-майоры с переводом в Воронежский пехотный полк, действовавший в составе 2-й армии. За участие в штурме Бендер и в переговорах о сдаче крепости получил орден Св. Георгия 3 степени. С 1771 г. переведен в Брянский полк, произведен в подполковники и переведен затем в 17-ю полевую команду. В 1774 г. служил в Шлиссельбургском, а с 1775 в Вятском полку. В 1778 г. произведен в полковники с назначением командиром Томского полка, с которым и отправился на Моздокскую линию. В декабре 1780 перевелся по собственному желанию в Сибирский пехотный полк. В 1786 г. произведен в генерал-майоры, а в 1787 назначен командиром Сибирской дивизии на пограничной Китайской линии. С 1789 г. более 13 лет управлял Сибирским краем и командовал войсками. Занимался разведкой и разработкой полезных ископаемых, прокладкой дорог (см., например, его записку об управлении Сибирским краем в «Русской Старине» за 1879, № 1, с. 151–156). В 1798 г. произведен в генералы от инфантерии, но в том же году отдан под суд. К марту 1800 г. он был уже в отставке. Умер 30 ноября 1803 г. (РБС. Т. Шебанов — Шютц. СПб., 1911, с. 437–439).

Мемуары Штрандмана впервые были опубликованы в «Русской Старине» (1882, № 5, с. 289–318; 1884, № 7, с. 55–86; № 8, с. 271–288). Перевод с немецкого и подготовка к печати были выполнены потомком мемуариста Н.К. фон Штрандманом. К сожалению, публикация записок не была завершена. Опубликованная часть охватывает период с 1769 по 1780 г., хотя рукопись была доведена до октября 1800 г. («Русская Старина», 1882, № 5, с. 289). Текст воспроизводится по первой публикации и лишь в той части, которая касается событий на Кавказе. При настоящей публикации сохранены редакционные и авторские примечания первого издания. Предисловие Н.К. фон Штрандмана опущено.

Стр. 19. Штрандман был в 1779 г. командиром Томского пехотного полка.

Беклешев Алексей Андреевич — с 1778 г. подполковник, в 1779 г. переведен в Козловский полк (по «Списку воинскому департаменту» на 1779 — он числится в Орловском пехотном полку, а на 1780 в Шлиссельбургском пехотном), в 1782–1785 служил в Астраханском драгунском полку; с 1786 г. полковник Таганрогского драгунского полка, с 1793 г. генерал-майор, в 1794 г. находился в войсках на Кавказской линии.

Диккер, фон, Карл — премьер-майор (с 1778) Томского пехотного полка, с 1780 подполковник, в 1782 г. служил в Тенгинском пехотном полку.

Тилль — имеется в виду Пиль Иван Алферьевич — с 1774 г. генерал-майор, в 1779 г. находился при Астраханском корпусе, который был создан в 1777 г. в связи с турецкой угрозой и подчинен Астраханскому губернатору И.В. Якоби (в 1782 г. корпус получил название Новолинейного, а затем Кавказского). С 1782 г. И.А. Пиль был генерал-поручиком; в 1784 г. правитель Псковского наместничества, с 1789 по крайней мере до 1792 исполнял должность генерал-губернатора иркутского и колыванского.

Стр.20. Моздокская линия — часть будущей Кавказской линии. До 1776 г. укрепления на Кавказе простирались лишь от Моздока до Кизляра. По Кючук-Кайнарджийскому мирному договору 1774 г. граница России стала проходить по Кубани, и в 1776 г. было принято решение о строительстве новой укрепленной линии от Моздока до Азова. Строительство линии было поручено астраханскому губернатору И.В. Якоби (которому подчинялись теперь и войска Астраханского корпуса) и военному инженеру И.И. Герману. Началось сооружение крепостей: Екатериноградской, Павловской, Марьинской, Георгиевской и Александровской. Позднее, в 1792 г. линия прошла еще южнее — по Кубани, до крепости Усть-Лабинская.

Скорбут — цинга.

Сенденгорст Франц (ум. 1779) — в службе с 1756, в 1779 подполковник (с 1775) Томского пехотного полка.

Стр.21. Шульц, фон Ашераден, Вильгельм Васильевич (1740–1792) — барон, генерал-поручик (с 1790), в 1779 г. полковник, командир Владимирского драгунского полка; участник русско-шведской войны 1788–1790 гг.; с 1791 Выборгский комендант.

Стр. 22. Якоби Иван Варфоломеевич (1726–1803) — генерал-майор (с 1774), генерал-поручик (с 1779), генерал от инфантерии (с 1797); в 1776–1780 Астраханский гражданский губернатор и командир Астраханского корпуса (с 1777), с конца 1780 г. и.д. уфимского и симбирского генерал-губернатора и командир Оренбургского полевого кор-

пуса, в 1783–1789 генерал-губернатор иркутский и колыванский; с 1797 г. в отставке.

Георгиевская крепость — основана в 1777 г. В 1786 г. при образовании Кавказской области стала уездным городом, в 1802 — губернским, в 1822 г. при переименовании Кавказской губернии в область административный центр был перенесен в Ставрополь, Георгиевск стал уездным городом, а в 1830 заштатным.

Ладыженский Николай Алексеевич (р. ок. 1736/ок.1738) — полковник (с 1775), в 1775–1780 командир Кабардинского полка, с 1780 бригадир и комендант в Оренбурге, с 1782 г. генерал-майор, служил в Иркутской губернии в Троицкой крепости.

Кек Иван (р. ок. 1742 г.) — в 1779 подполковник (с 1775) Кабардинского егерского батальона, с 1782 г. полковник.

Якоби Петр — премьер-майор (с 1777), в 1779 командир Моздокского полевого батальона, с 1780 подполковник Моздокского егерского батальона, в 1788 командир Оренбургского полевого мушкетерского батальона.

Савельев Иван Дмитриевич — в 1779 г. полковник Волгского, затем Астраханского казачьего войска (в Моздокском казачьем полку) и подполковник от армии (с 1779), с 1787 г. бригадир от армии, с 1790 генерал-майор от армии, в 1796 г. командовал войсками при штурме Дербента.

На протяжении XVIII в. Кабарда была объектом борьбы между Россией и Турцией. В самой Кабарде существовали прорусская и крымско-турецкая партия. По Белградскому миру 1739 г. Кабарда объявлялась независимой от России и Турции и должна была служить барьером между двумя империями. По договору с Крымским ханством 1772 г. кабардинцы были признаны подданными российского государства. Кючук-Кайнарджийский мирный договор, завершивший в 1774 г. русско-турецкую войну, не определил точно статус Кабарды, зафиксировав лишь, что он должен быть определен по соглашению России с Крымом. Окончательно Турция признала принадлежность Кабарды России только по Ясскому миру 1791 г. Поэтому во второй половине 1770-х гг. за влияние в Кабарде разгорелась ожесточенная борьба. Этой борьбой объяснялась во многом и ситуация вокруг русских крепостей. В 1777 г. кабардинцы в очередной раз присягнули на верность России, но с началом строительства укрепленной линии от Моздока до Азова стали требовать ее уничтожения, ссылаясь на то, что она мешает выпасу скота. Ситуация обострялась и социальными противоречиями в Кабарде: зависимое население уходило от владельцев в русские крепости. В этих условиях и происходили описываемые Штрандманом события.

Бас Яков — в 1779 г. капитан, в 1780–1784 гг. секунд-майор Кабардинского полка.

В предприятии 9–10 июня участвовало со стороны горцев до 15 тыс. человек.

Стр.23. Великопольский Николай Львович (ок. 1743–1828) — в 1776 г. премьер-майор (с 1773) Сибирского корпуса егерского полевого батальона; в 1779 подполковник (с 1778), командир Горского егерского батальона.

Стр.24. Автор по-разному пишет фамилию Ладыженский, при публикации оставлено авторское написание.

Имеется в виду подполковник Кек, см. прим. к стр. 22.

Стр. 25. Потемкин Григорий Александрович (1739–1791) — граф (с 1775), светлейший князь (с 1776), светлейший князь Таврический (с 1783), генерал-фельдмаршал (с 1784), с 1776 г. губернатор Новороссийской, Астраханской и Азовской губерний, с 1783 г. президент Военной коллегии, в 1787–1789 главнокомандующий Екатеринославской армией, в 1789–1791 командовал объединенной русской армией (Екатеринославская и Украинская армии объединены по указу Екатерины II от 8 марта 1789 г.). В 1771 г. в чине генерал-майора, а затем генерал-поручика командовал особым отрядом, на который возлагалось наблюдение за участком Дуная около Браилова и поддержка отрядов в Бессарабии и Верхней Валахии (Николаев Н. Г. История 17-го пехотного Архангелогородского полка 1700–1900. СПб., 1900, с. 186).

Фабрициан Федор Иванович (1735–1782) — участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войны, с 1778 г. бригадир, с 1779 г. генерал-майор.

Грабовский и Бутков приводят иную дату — не 28, а 29 сентября (Грабовский Н. Присоединение к России Кабарды и ее борьба за независимость //Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 9. Тифлис. 1876. С.158; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2, с. 57).

Стр.27. Сохранено авторское написание названия крепости Марьинской.

Стр. 28. Бутков приводит иную дату выступления в поход — 28 ноября (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2, с. 57).

Стр. 29. Согласно Буткову присяга кабардинцами была принесена 9 декабря (там же, с. 58). Кабардинцы признавали себя подданными российского престола, исполняли все повеления кавказского начальства, а в случае нарушения кем-либо присяги обязывались сообщать об этом начальству. Кроме того, кабардинский «черный народ» обязывался в случае ухода их владельцев с подконтрольной России территории не следовать за ними. Помимо этого кабардинцы обязывались выплатить компенсацию за нанесенный русским в ходе воен-

ных действий ущерб, не занимать левых берегов Малки и Терека. Въезд на линию разрешался им только с санкции российских властей, вход в крепости запрещался совсем. Кабардинцы должны были искать правосудия у старшего владельца Джанхота Татарханова и у российского пристава, избегая кровной мести. С Малой Кабардой было заключено отдельное соглашение, в котором она обязывалась не оказывать помощи Большой Кабарде, и владельцы Малой Кабарды обязывались не увеличивать податей (Бутков П. Г. Указ. соч. Ч. 2. С. 58–60).

Стр. 30. Иванов Александр Федорович — комендант в Моздоке по крайней мере с 1771 г., в 1779 г. полковник.

Стр. 31. Пестель Борис Владимирович (ум. 1811) — с 1751 г. на русской службе, служил по почтовой части, в 1765 г. в чине коллежского асессора занял должность почт-директора в Москве, которую занимал до 1789, вышел в отставку в чине действительного статского советника; дед декабриста П.И. Пестеля.

Фромгольд Вильгельм — в 1779 подполковник (с 1777) 1-го Кизлярского полка.

Куроедов Алексей Матвеевич — бригадир (с 1777), в 1780-х гг. комендант в Кизляре.

Стр. 35. Ребиндер Иван Михайлович (1733–1792) — в 1764–1775 резидент русского правительства в Данциге, с 1775 генерал-майор, полоцкий губернатор, с 1783 генерал-губернатор нижегородский и пензенский.

Васильчиков Александр Семенович — в 1780 г. статский советник, возможно А.С. Васильчиков (1748–1813), бывший фаворит Екатерины.

Эссен, фон, Рейнгольд-Вильгельм Иванович (1722–1788) — участник Семилетней войны, генерал-поручик (с 1771), с 1776 ревельский обер-комендант.

Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Мосолова

Впервые опубликованы в 1904 г. в «Щукинском сборнике» (вып. 3. М., с. 105–142), за исключением эпизода, касающегося войны 1812 г., который опубликован в том же году в «Бумагах, относящихся до Отечественной войны 1812 г., собранных и изданных П.И. Щукиным» (вып.8, М., с.335–344). В 1905 г. опубликованы целиком в «Русском Архиве» (№ 1, с. 124–173). При повторной публикации текст подвергся незначительной редактуре (расстановка знаков препинания, разбивка на предложения и абзацы, исправлены орфографические ошиб-

ки, модернизировано написание географических названий (Каспийское море вместо Каспицкое и т. п.)). Текст публикуется частично, по второму изданию. При публикации опущены сюжеты, относящиеся ко времени после отъезда автора с театра войны в 1791 г.

Как следует из записок Мосолова, он родился в 1750 г. В публикуемом отрывке он описывает свою службу до 1790 г. Его рассказ интересно сопоставить с данными формулярного списка (РГВИА Ф.489. Оп.1. Д.2327. Л.30об.), обнаруженного нами среди формулярных списков офицеров Астраханского драгунского полка (на 1789), в котором служил и А.С. Пишчевич, мемуары которого публикуются здесь же. Согласно этому документу Мосолов с 16 марта 1765 был подпрапорщиком, с 6 августа 1765 сержантом, с 1 января 1770 адъютантом «и в оном же чине подпоручиком» с 1 января 1771, затем поручиком с 1 января 1773, капитаном с 24 ноября 1774, секунд-майором с 19 сентября 1780, премьер-майором 1 января 1786. В формулярном списке офицеров полка (там же, Л. 4) указаны и сражения, в которых принимал участие Мосолов. Он был 19 апреля под Хотиным при атаке неприятельского ретраншемента, 2 июня под Хотиным в полевой баталии, «в 1770 г. в Молдавии 7 июня при взятии неприятельского ретраншемента и лагеря», а 21 в полевой баталии. В 1771 г. 21 октября при атаке и взятии города Мачина, затем в ноябре и в декабре, в действиях на Дунае в частности в сражении 28 ноября. Потом 1772–1773 года в походе в сражении под городом Турной, октября 26 при бомбордировании города Рущука и ноября 3 при переправе на супротивный берег Дуная против Тортукая и под Рущуком 14 июня в действительном под оном сражении в отдельном батальоне впереди корпуса, где выслан был с ротой против неприятельской вылазки и за полезное сопротивление награжден капитанским чином и до окончания войны находился». В 1778 и 1779 г. он был в Польше, в 1782 и 1783 в Крыму, а в 1785 «при переправе через Терек на Сунже при прогнании бунтующих чеченцев и других пограничных народов». В 1788 «по переправе за Кубань сентября 26 в генеральном сражении при реке Убине до октября 14 под городом Анапе действительно находился». 1 января 1789 г. был уволен генерал-аншефом Текелли «в домовой отпуск». Совпадения некоторых неточностей (даты сражений и походов) в формулярном списке и в мемуарах позволяют считать, что Мосолов, не надеясь на свою память, пользовался своим формулярным списком при написании мемуаров.

Далее, в опущенной при данной публикации части мемуаров, С.И. Мосолов продолжает свою биографию. Он сообщает о своем участии в войне против польских конфедератов, в 1793 г. произведен в подполковники со старшинством с 1788, в 1794 произведен уже в полковники, в том же году участвовал в штурме Праги и был переведен в Новгородский полк. В 1797 произведен в генерал-майоры и получил в командование Муромский пехотный полк, но в 1798 г. исключен из службы. Лишь после воцарения Александра I Мосолову назначена

пенсия и дано разрешение носить армейский мундир, после чего он отправился в г. Бронницы. На этом заканчивается первая часть мемуаров, завершающаяся фразой: «Итак, остался в оном городе, буду дожидаться с терпением перемены жизни своей, препоручив себя во всем воле и промыслу всемогущего Бога» (Русский Архив, 1905, № 1, с.156). На этом, видимо, первоначальный вариант воспоминаний заканчивался. Продолжение воспоминаний начинается с описания событий 1803 г. и заканчивается рассказом о жизни в оккупированной французами Москве в 1812 г. Таким образом, первая часть написана либо в 1806 (как сообщает начальная фраза мемуаров, явно вставленная позднее, о чем свидетельствует выражение «ибо я там жил») и доведена до начала александровского царствования, либо в период между 1801–1803 гг. являющийся рубежом, разделяющим первую и вторую части воспоминаний. После описания событий 1812 г. автор сообщает, что в 1817 г. он живет в г. Дмитрове, где купил себе дом, после чего вновь следует фраза, свидетельствующая об окончании мемуаров: «а впредь что со мною будет, отдаюсь на волю моего создателя, он един предведущ» (Русский Архив, 1905, № 1, с.167). Однако после этого вновь приведены отдельные эпизоды из жизни автора, что свидетельствует о продолжении работы над текстом. Точную дату смерти автора установить не удалось. Не знал ее и П. Бартенев, сообщивший при публикации в «Русском Архиве», что похоронен он в Московском Андрониевом монастыре. С.И. Мосолов упоминается в «Придворном месяцеслове» на 1817 г, однако в «Придворном месяцеслове» на 1824 г. его имени уже нет.

Следует отметить, что в документах XVIII в. написание фамилии было Масалов (Список Воинского департамента на 1785 г. С. 113; формулярный список — РГВИА Ф.489. Оп. 1. Д. 2327. Л. 30 об.).

Стр. 38. Салтыкова (урожд. Трубецкая) Прасковья Юрьевна (ум.1767) — статс-дама, жена графа, генерал-фельдмаршала П.С. Салтыкова; приближенная Анны Иоанновны.

Салтыков Петр Семенович (1698–1772) — граф (с 1733), генерал-фельдмаршал (с 1759); участник Семилетней войны, в 1759–1760 главнокомандующий русской армией; с 1764 московский генерал-губернатор.

Неронов Павел Васильевич — полковник, в 1765 г. командир Архангелогородского мушкетерского полка.

Стр. 40. Ординация — дежурство в качестве ординарцев.

Решение о формировании 1-й армии, куда входил Архангелогородский полк, было принято в Петербурге только 4 ноября (ст. ст.) 1768 г. В Киеве 1-я армия должна была собраться только в начале 1769 г. Далее войска следовали через территорию Польши к Днестру. Антироссийски настроенная Барская конфедерация в Польше, созданная в 1768 г., провоцировала Турцию к войне с Россией. В дореволю-

ционной историографии русско-турецкая война 1768–1774 и война с польскими конфедератами иногда даже объединялись.

Стр. 41. Голицын Александр Михайлович (1718–1783) — князь, военачальник и дипломат, в 1769 г. генерал-аншеф (с 1759), за взятие Хотина получил чин генерал-фельдмаршала; в 1768–1769 гг. командовал первой армией, однако за нерешительность был заменен П.А. Румянцевым; родной дядя по матери А.В. Суворова.

Ретраншемент — крупное полевое укрепление.

Кашкин Евгений Петрович (1737–1796) — в 1769 г. полковник, участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войны; тяжело ранен под Хотиным 22 августа 1769 г., в октябре произведен в бригадиры; позднее генерал-аншеф (с 1790), в 1780–1788 пермский и тобольский генерал-губернатор, затем ярославский и вологодский, а позднее тульский и калужский.

Сухотин Алексей Николаевич (ум. 1805) — с 1769 г. полковник, участник боев под Хотиным, в 1770 г. полковник Куринского пехотного полка, затем бригадир. В 1771 г. в чине генерал-майора сменил Тотлебена на посту командующего войсками в Грузии.

Мосолов путает события кампании 1769 г. 19 апреля (даты по старому стилю) русские войска, переправившись за Днестр, подошли к Хотину, однако взять его не удалось и армия отступила за Днестр. 24 июня армия Голицына вновь переправилась за Днестр, блокировала Хотин, но в начале августа вновь отступила. После этого турки перешли в наступление и, переправившись через Днестр (а не через Прут, как пишет Мосолов), закрепились в ретраншементе на берегу. В описанной у Мосолова атаке в ночь с 22 на 23 августа на турецкий ретраншемент участвовали полковники Вейсман, Игельстром, Сухотин и Кречетников (Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769–1774. СПб., 1887. Т. 1, с. 237). 9 сентября 1769 г. русские вступили в оставленную турками крепость Хотин.

Деташемент — отряд.

Штофельн Христофор Федорович (1720–1770) — участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войн, генерал-поручик (с 1762), 1769–1770 командовал корпусом в составе 1-й армии. После смерти его заменил на этом посту Н.В. Репнин.

Яссы были взяты в сентябре войсками генерал-поручика И. Эльмпта в сентябре 1769 г., Штофельн же получил приказ отправиться в Молдавию только 31 октября. Бухарест занят в декабре 1769. Умер Штофельн 30 мая 1770.

Речь идет, вероятно, о сражении 2 июля (а не июня) под Хотиным, после чего он был блокирован. Эпизод с обороной обоза 1-й роты Архангелогородского полка командой капитана Трегубова и поручика Юшкова относится к апрелю 1769 г. (Петров А. Н. Указ. соч. Т. I, с. 164).

Румянцев Петр Александрович (1725–1796) — граф (с 1744), с 1764 г. в чине генерал-аншефа генерал-губернатор Малороссии; в

1769 — главнокомандующий 2-й, а после отзыва А.М. Голицына до конца войны — 1-й армии; с 1770 генерал-фельдмаршал, в 1774 — получил прибавление к фамилии — Задунайский; в 1787–1789 командовал Украинской армией, затем вновь вступил в управление Малороссией.

Репнин Николай Васильевич (1734–1801) — князь, генерал-фельдмаршал (с 1796); в 1769 г. генерал-поручик, после смерти Штофельна командовал корпусом в Молдавии; участник Семилетней войны, в 1760-е гг. посол в Пруссии и в Польше; с 1774 генерал-аншеф, в 1775–1776 русский посол в Турции, участник 2-й русско-турецкой войны (1787–1791), в 1789 в отсутствии Г.А. Потемкина командовал войсками бывшей Украинской армии, с февраля 1791 г. главнокомандующий объединенной русской армией; с 1792 г. генерал-губернатор рижский и ревельский, в 1794–1798 гг. виленский и гродненский губернатор.

7 июля — сражение при Ларге.

Стр. 42. Имеются в виду действия Племянникова при Кагуле. Племянников Петр Григорьевич (ум. 1773) — вступил в службу солдатом в Преображенский полк в 1725 г., с 1762 г. генерал-поручик, с 1770 генерал-аншеф.

Имеется в виду Баур (Баувер) Фридрих Вильгельм (Федор Вилимович), фон (1731–1783) — в 1770 г. генерал-майор, генерал-квартирмейстер в армии Румянцева, один из создателей русского генерального штаба, позднее инженер-генерал.

Вейсман фон Вейсенштейн Отто-Адольф (Отто Иванович) (ок. 1729–1773) — в 1770 бригадир, позднее генерал-майор, один из лучших боевых генералов армии Румянцева.

Милорадович Андрей Степанович (1727–1798) — участник Семилетней войны, в 1771 г. бригадир, позднее генерал-поручик (с 1779), правитель Черниговского наместничества; отец графа М.А. Милорадовича (1771–1825).

Стр. 30. В 1772 г. военных действий не велось, так как было заключено перемирие и шли переговоры о мире. Описываемые события относятся к 1773 г. Сражение у Турно — имеется в виду сражение 16 сентября 1773 г. Переправа 3 ноября — имеется в виду скорее всего переправа у с. Мавродина 3 ноября 1773 г., после этого и состоялось описанное Мосоловым сражение с турецкими войсками, подошедшими из Рущука (Николаев Н. Г. История 17-го пехотного Архангелогородского полка 1700–1900. СПб., 1900, с.187). Ошибка восходит к формулярному списку, где события 1772 и 1773 г. соединены вместе и откуда взята цитата.

Салтыков Иван Петрович (1730–1805) — граф, генерал-фельдмаршал (с 1796); в 1-ю русско-турецкую войну командовал отдельным

корпусом; с 1774 г. генерал-аншеф, в 1780–1784 гг. командовал корпусом войск в бывших польских провинциях, отошедших к России по первому разделу (1772); с 1784 генерал-адъютант, в 1789 г. командовал Кубанским и Кавказским корпусами, которые при нем назывались Кубанской (Кавказской) армией; в 1790 — главнокомандующий Финляндской армией; 1797–1804 московский генерал-губернатор. В 1773 г. Архангелогородский полк входил в состав корпуса Салтыкова, действовавшего на Верхнем Дунае против Рущука, Никополя, Турно и Туртукая.

Репнин Петр Васильевич (1744–1773) — князь, 15 мая 1773 г. с отрядом попытался напасть на турецкий пост ниже Рущука, был окружен, ранен и попал в плен, где и умер (Мосолов неверно дает датировку этого события) (А.В. Суворов. Письма. М., 1986 — комментарий В.С. Лопатина к письму № 34. С. 493).

Ласси Борис (Мориц) Петрович (1737–1820) — сын генерал-фельдмаршала П. П. Ласси, участник 1-й и 2-й русско-турецких войн, с 1773 подполковник, командир егерского батальона в корпусе И.П. Салтыкова; позднее участвовал в войне с польскими конфедератами, генерал от инфантерии (с 1798), с января 1799 главнокомандующий армией, расположенной на Балтийском побережье, но в июле за ходатайство о принятии в службу опального генерала Л.Л. Беннигсена ему было объявлено высочайшее неблаговоление, и в октябре 1799 Ласси был отправлен в отставку, в 1805 г. был главнокомандующим соединенных русских, английских и неаполитанских войск, предназначенных для защиты Неаполитанского королевства, однако поражения под Ульмом и Аустерлицем не позволили развернуть этим войскам боевые действия.

Действия под Рущуком относятся к 1774 г. Салтыков со своими войсками подошел к Рущуку 16 июня 1774 г. Сражение же с крупным отрядом турок произошло только 29 июня. Кючук-Кайнарджийский мир был заключен 10 июля 1774 г. Ошибка связана с тем, что цифра «1774» в формулярном списке пропущена, с чем связано расхождение в датах, сказать трудно, но в формулярном списке речь также идет о 14 июня.

Сражение при Рябой Могиле произошло 17 июня 1770 г.

Бишев Иван Иванович (ум. после 1792) — в 1770 капитан артиллерии, с 1779 г. полковник (с 1779), в 1780-х гг. комендант в Колывани.

Турция, стремившаяся к пересмотру Константинопольского мира 1700 г. и подстрекаемая скрывавшимся там после Полтавской катастрофы Карлом XII, 20 ноября 1710 г. объявила России войну. Русская армия в июле 1711 г. попала на Пруте в окружение, и 12 июля после непродолжительных переговоров был подписан мирный трактат, по которому Россия обязывалась вернуть туркам Азов, срыть Таганрог и Каменный Затон, не вмешиваться в польские дела и обеспечить безопасный проезд Карла XII в Швецию.

Рейд отряда генерал-майора (с 1768) Семена Черноевича к Журжелесту был предпринят в январе — первой половине февраля 1770 гг; целью рейда было разорение селений по Пруту и на Нижнем Дунае.

Стр. 44. Ржевский Матвей Петрович (1730–е/1740-е — 1803) — на службе с 1752, с 1773 г. полковник, командир Архангелогородского пехотного полка; с 1779 г. бригадир, позднее генерал-майор (с 1780), сенатор (с 1788).

Талызин Петр Федорович (р. ок. 1739) — в 1772–1775 полковник (с 1772) 4-го гренадерского полка; в 1788–1789 гг. в чине генерал-поручика (с 1783) командовал войсками Кубанского корпуса, в 1792 г. воинский инспектор при армии.

Потемкин Павел Сергеевич (1743–1796) — граф (с 1795), генерал-аншеф (с 1794), двоюродный брат Г.А. Потемкина; с 1782 г. в чине генерал-поручика (с 1780) командовал войсками Моздокской линии, с 1 июля 1883 командовал войсками от Моздока до Астрахани (Кавказским корпусом), с 1784 г. генерал-губернатор саратовский и кавказский, в 1786 г. открыл Кавказское наместничество, в 1787 отозван с Кавказа, передал командование Кавказским и Кубанским корпусами П.А. Текелли, но до 1792 г. продолжал числиться Кавказским генерал-губернатором; писатель, переводчик, автор «Описания кавказских народов» (см. об этом сочинении: Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. Вып. I. М., 1955, с. 282).

Апраксин Степан Степанович (1757–1827) — сын генерал-фельдмаршала С.Ф. Апраксина, в 1777 полковник, флигель-адъютант, с 1782 командир Киевского пехотного полка, с 1783 командир Астраханского драгунского полка, в 1785 бригадир, с 1786 г. генерал-майор и шеф Астраханского драгунского полка, с 1793 г. генерал-поручик; позднее генерал от кавалерии (с 1798), с декабря 1798 по 1801 в отставке, с 1803 смоленский военный губернатор, в 1807 г. сформировал 16-ю пехотную дивизию, с которой совершил поход в Молдавию, с 1809 г. в отставке.

По Кючук-Кайнарджийскому миру, завершившему русско-турецкую войну 1769–1774 гг., Крымское ханство было признано независимым от Турции. В 1782 г. вспыхнуло восстание против пророссийски настроенного крымского хана Шагин-Гирея. С помощью русских войск мятеж был подавлен, а хан отрекся от престола. Манифестом 8 апреля 1783 г. Крым был присоединен к России.

Стр. 45. Бутрюмова Настасья Ивановна (ум. 1830) — жена С.И. Мосолова, похоронена в Спасо-Андрониевом монастыре, в Московском некрополе дано иное написание ее фамилии — Масолова; так же писалась и фамилия их дочери — Софьи Сергеевны, которая была замужем за московским берг-инспектором Макеровским и умерла в 1823 г.

Пиери(й) Николай Юрьевич (ум. 1785) — в 1780 г. полковник, командир Астраханского пехотного полка.

Каморский — имеется в виду командир Кабардинского егерского батальона майор Сергей Комарский (ум. 1785) (Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе. СПб., 1878, с. 528).

Речь идет об экспедиции, предпринятой русским командованием против мятежных горцев, во главе которых под знаменем ислама выступал Ушурма (шейх Мансур) — уроженец чеченского селения Алды. Первые сведения о выступлении Ушурмы получены в марте 1785 г. В Алды был направлен отряд под командованием Н.Ю. Пиери. Пиери, не дождавшись двигавшихся к нему на помощь войск под командованием С.С. Апраксина, перешел Сунжу, оставив переправу и дорогу, по которой предстояло возвращаться, без прикрытия и, судя по рапорту генерал-поручика М.Н. Леонтьева, дал «при этом пушечными выстрелами и барабанным боем время чеченцам собраться и засесть на дороге, ему предлежащей» (Зиссерман А.Л. История Кабардинского пехотного полка, Т. I, СПб. 1881, с. 159–160). Чеченцы покинули селение, которое было разграблено и сожжено русскими войсками. После этого, как пишет тот же Леонтьев, русские, «будучи встречены неприятелем на обратном пути в густоте леса, как не храбро побеждали их, но подвергнули и себя чрезвычайным потерям» (Зиссерман А.Л. Указ. соч. Т. I, с. 160). Командир Кабардинского егерского батальона майор С. Комарский предложил остановиться на одной из полян и ожидать прибытия отряда С.С. Апраксина (подобным образом в 1845 г. поступил в Даргинской экспедиции М.С. Воронцов), однако Пиери отказался, в результате чего отряд был разгромлен, а остатки его с трудом переправились за Сунжу (Дубровин Н.Ф. Братья Потемкины на Кавказе. СПб., 1878, с. 528). Потери отряда составили 2 штаб-офицера, 6 обер-офицеров и 576 нижних чинов. Среди погибших были Пиери и Комарский. Развивая успех, Ушурма осадил Кизляр, но взять его не удалось, после чего Ушурма развернул деятельность среди кумыков, ногайцев и кабардинцев. Ушурма был захвачен при штурме Анапы русскими войсками в 1791 г. (подробнее об этом движении см., например: Смирнов Н. Шейх Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории, № 10, с. 19–39).

Казачество на Тереке появляется в XVI в., в XVII в. складывается единое терско-гребенское казачество, и лишь позднее разделяется на Терское и Гребенское войско (Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI–XVIII вв.). СПб., 2002, с. 21). При Петре I для того, чтобы поставить кавказских казаков под контроль правительства, действительно предпринимались попытки переселения в гребенские городки донских казаков — «верных донцов» (там же, с. 58), однако большого успеха они не имели. Поставить под контроль Гребенское казачье войско правительству удалось только в середине XVIII в., когда оно было объединено с Терским семейным войском (по указу 1745 г.) (там же, с. 69).

Стр. 46. Текелли(й) Петр Абрамович (1720–1793) — начал службу в австрийской армии, в 1747 г. переселился в Россию, участник Семилетней и 1-й русско-турецкой войн, с 1786 г. генерал-аншеф, в 1787–1789 командовал войсками Кавказского и Кубанского корпусов, с 1789 в отставке.

Поход на Анапу был предпринят в рамках 2-й русско-турецкой войны (1787–1791). Кн. Г.А. Потемкин предписал в апреле 1788 г. открыть военные действия против Анапы или Суджук-Кале для отвлечения противника от Очакова и Крыма. Однако русские войска переправились через Кубань только 19 сентября. 17 октября ввиду недостатка продовольствия русские войска отступили от Анапы. Об этом походе см. подробно в мемуарах А.С. Пишчевича.

Ратеев (Ратиев, Ратишвили) Николай Юрьевич (ок. 1728/1731–после 1803) — князь, на службе кадетом с 1738 г., в 1770 г. находился в составе русских войск в Тифлисе и наряду с русскими офицерами участвовал в заговоре против командующего русскими войсками в Грузии Тотлебена, за что в 1771 г. сослан в Сибирь, однако был оправдан и продолжил службу; в 1779 г. в чине полковника (с 1777) командовал Изюмским легкоконным полком, в 1788 в чине генерал-майора (с 1785) шеф Кавказского егерского корпуса, в 1789 г. шеф Кубанского егерского корпуса, в 1790 уволен от всех дел.

Фос-переправа — ложная переправа.

Стр. 47. Очаков взят 6 декабря 1788 г.

Апроши — зигзагообразные траншеи, служащие для постепенного приближения к осажденной крепости.

Юргенц Давыд Николаевич — с 1781 г. полковник, с 1789 г. генерал-майор, состоял при Соединенной армии.

Стр. 48. Бальмен, де Антон Богданович (1741–1790) — граф, генерал-поручик (с 1780), до сентября 1782 г. командовал Кубанским корпусом, с 1784 директор Сухопутного шляхетного корпуса, с 1786 генерал-губернатор Курского и Орловского наместничества, с мая по октябрь 1790 г. командовал Кавказским корпусом, умер от чахотки в Георгиевске 4 октября 1790 г.

Иловайский — вероятно, Павел Дмитриевич Иловайский (1765–1811) — в 1787 г. премьер-майор, командир Донского казачьего полка, позднее генерал-майор.

Попов Василий Степанович (1745–1823) — с 1783 г. ближайший сотрудник Г.А. Потемкина, заведовал его канцелярией; позднее генерал-поручик (с 1796), действительный тайный советник (с 1807); с 1792 начальник Кабинета Екатерины II, с 1797 президент Камер-коллегии, с 1799 по 1807 в отставке, с 1807 управляющий Комиссариатским, а затем и Провиантским департаментами, с 1810 г. член Государственного совета.

Стратажема (стратагема) — в данном случае стратегия поведения.

Стр. 49. Во второй половине XVIII в. происходил отход от линейной тактики, важное значение приобрел стрелковый бой из-за укрытий. Егеря появились в русской армии после Семилетней войны. А в 1785 г. были сформированы 6 егерских корпусов: Смоленский, Лифляндский, Бугский, Днепровский, Крымский и Кавказский. Каждый из корпусов состоял из 4 шестиротных батальонов по 998 чел. В 1786 г. был создан также Кубанский егерский корпус.

Мекноб Федор Иванович (1737–1790) — в 1774 г. подполковник Кабардинского полка, позднее генерал-майор, в 1789 г. командир Лифляндского егерского корпуса.

Фалеев Михаил Леонтьевич (ум. 1792) — происходил из купцов, поставщик армии и флота, сотрудник Г.А. Потемкина по хозяйственному освоению Северного Причерноморья, во время 2-й русско-турецкой войны руководил постройкой гребных судов в Николаеве, получил чин бригадира и был возведен в дворянское достоинство.

Стр. 50. Имеется в виду Меллер-Закомельский Иван Иванович (1725–1790) — барон (с 1789), генерал-аншеф (с 1783), с 1783 г. исполнял обязанности генерал-фельдцейхмейстера, в 1790 г. командовал корпусом под Килией, 6 октября смертельно ранен и 10 октября умер.

Гудович Иван Васильевич (1741–1820) — граф (с 1797), генерал-фельдмаршал (с 1807); в 1790 генерал-поручик (с 1777), командовал отдельным корпусом, который взял Килию; в 1790 произведен в генерал-аншефы и назначен командующим войсками на Кавказской линии (Кавказским корпусом) и Кубанским корпусом; подробнее см. комментарии к его мемуарам в настоящем издании.

Кнорринг, фон, Густав Иванович (Федорович) — с 1789 г. инженер-генерал-майор, находился при Соединенной армии. В «Записках» Л.Н. Энгельгардта (М., 1997. С. 64) упоминается бригадир Б.Ф. Кнорринг, находившийся в 1788 г. в Украинской армии и командовавший инженерами. Это ошибка. Кноринг Богдан Федорович (1746–1825), командовавший позднее в 1808–1809 гг. русской армией в русско-шведской войне, был генерал-майором с 1786 г., к инженерным войскам отношения не имел и во 2-й русско-турецкой войне не участвовал; в 1788 г. он числился при Оренбургском корпусе и был в отпуске, а в 1789 г. при Финляндской армии (Полководцы, военачальники и военные деятели России в «Военной энциклопедии» И.Д. Сытина. СПб., 1995. С. 276; Список Воинскому департаменту на 1788 и 1789 гг.). Следовательно, и в мемуарах Энгельгардта речь идет о Густаве Кнорринге.

Стр. 51. Рахманов Михаил Степанович — в 1790 г. бригадир, участник 2-й русско-турецкой войны.

Стр. 52. Суворов Александр Васильевич (1729–1800) — граф Рымникский (с 1789), князь Италийский (с 1799), генералиссимус (с 1799);

в 1790 генерал-аншеф (с 1786); Г.А. Потемкин специально назначил его командовать войсками под Измаилом, при этом переместил на Кубань И.В. Гудовича, под руководством которого военный совет постановил снять осаду с Измаила.

Берма — нетронутая полоса земли или уступ между рвом и бруствером.

Стр. 53. Гессен-Филиппштальский, Фридрих (Фридрих Вильгельмович) (1764–1804) — принц, полковник Изюмского полка.

Стр. 54. Хвостов Александр Семенович (1753–1820) — двоюродный брат графа Д.И. Хвостова, в 1779 г. перешел из Коллегии иностранных дел на военную службу, в годы 2-й русско-турецкой войны в чине полковника командовал Троицким пехотным полком; в 1793–1794 гг. поверенный в делах в Константинополе, в 1801 г. в чине действительного статского советника перешел на гражданскую службу, с 1804 г. в чине тайного советника был советником, а затем управляющим Государственного заемного банка; писатель, переводчик, с 1793 г. член Российской Академии.

Шаховской Николай Леонтьевич (1757–1837) — князь, премьер-майор (с 1788), при штурме Измаила ему была отрублена левая кисть и он был ранен саблей в голову; вскоре произведен в подполковники Херсонского гренадерского полка; в 1799 уволен в отставку с чином генерал-майора, в 1807 г. был генерал-провиантмейстером соединенных армий в Пруссии; с 1810 г. тайный советник, сенатор, с 1831 действительный тайный советник.

Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И.В. Гудовича, составленные самим

Иван Васильевич Гудович (1741–1820) получил образование в Кенигсбергском и Лейпцигском университетах и в 1859 г. начал службу инженер-прапорщиком, затем был флигель-адъютантом при генерал-фельдцейхместере графе П.И. Шувалове и генеральс-адъютантом при графе А.И. Шувалове, а в 1763 г. в чине полковника назначен командиром Астраханского пехотного полка. Гудович участвовал в 1764 г. в походе русских войск в Польшу и в 1-й русско-турецкой войне (1768–1774) и за сражение при Ларге получил орден Св. Георгия 3 класса. С 1785 по 1796 г. был рязанским и тамбовским генерал-губернатором. Продолжая формально занимать эту должность, с 1789 г. участвовал во 2-й русско-турецкой войне, командуя сначала отдельным корпусом, а затем с ноября 1790 г., произведенный в генерал-аншефы, был назначен командующим войсками Кавказского и Кубанского корпусов. Гудович командовал войсками на Кавказской линии до 1798 г. с небольшим перерывом в 1796 г. В 1797 г. он был

возведен в графское достоинство. С 1800 по 1806 г. был в отставке. С 1806 по 1809 г. был главнокомандующим войсками на Кавказыской линии и в Грузии, с 1807 г. — генерал-фельдмаршал. В 1809–1812 гг. главнокомандующий в Москве, с 1809 г. сенатор, с 1810 г. член Государственного совета. С февраля 1812 г. — в отставке. Мемуары И.В. Гудовича охватывают период с 1764 по 1812 г. и впервые опубликованы в «Русском Вестнике» (№ 3 за 1841 г., с. 607–681). Как утверждается в примечаниях первых публикаторов, мемуары были написаны около 1820 г. В настоящем издании текст дается по первой публикации; публикуется только часть мемуаров, охватывающая период с 1775 по 1812 г.

Стр. 55. Энгельгардт Василий Васильевич (1758–1798) — в 1775 г. полковник Киевского легкоконного полка, с 1790 генерал-поручик, с 1797 г. сенатор, действительный тайный советник, с 1800 в отставке, племянник Г.А. Потемкина (сын его сестры, Марфы Александровны).

Прозоровский Иван Иванович, князь — в 1775 г. полковник Черниговского легкоконного полка, в 1786 г. был генерал-майором, с 1792 генерал-поручик; брат жены А.В. Суворова.

Салиньяк Эрнст Гендрих — в 1775 г. полковник Северского легкоконного полка; позднее генерал-майор (с 1782), в 1788 г. находился при Украинской армии.

В апреле 1776 г. при родах скончалась первая жена Павла Петровича, принцесса Вильгельмина Гессен-Дармштадтская. В июне того же года Павел Петрович отправился в Берлин, чтобы сделать предложение избранной ему в невесты вюртембергской принцессе Софии-Доротее-Августе (будущей императрице Марии Федоровне). В числе сопровождавших Павла лиц был и фельдмаршал П.А. Румянцев.

Стр. 56. После Кючук-Кайнарджийского мира (1774) отношения с Турцией оставались напряженными. Шла борьба за влияние в Крыму, постоянно происходили мелкие пограничные стычки. В 1783 г. Крым был окончательно присоединен к России, заключен Георгиевский трактат о протекторате над Грузией. В ответ на эти шаги Турция в 1787 г. начала новую войну против России.

Беннигсен Леонтий Леонтьевич (Левин Август Теофиль) (1745–1826) — граф, участник Семилетней войны, с 1773 г. на русской службе; в 1778 г. был произведен в подполковники и назначен в Киевский легкоконный полк, с 1787 г. полковник, командир Изюмского легкоконного полка (до 1792), участник 2-й русско-турецкой войны, Персидского похода 1796 г. (был начальником штаба корпуса В. А. Зубова) и наполеоновских войн; генерал от кавалерии (с 1802), в ходе войны с Францией 1806–1807 гг. командовал корпусом, а затем стал главнокомандующим русской армией, в августе 1812 г. был назначен начальником Главного штаба объединенной русской армии, в 1814–1818 гг. главнокомандующий 2-й (Южной) армией.

Иосиф II (1741–1790) — австрийский император с 1765 г., в 1765–1780 гг. соправитель своей матери, императрицы Марии-Терезии.

Победа в 1-й русско-турецкой войне привела к обострению отношений России с Пруссией, к сближению ее с Австрией. Летом 1780 г. в Могилеве произошла встреча Екатерины II и Иосифа II, путешествовавшего инкогнито под именем графа Фалькенштейна, затем переговоры были продолжены в Петербурге. А в 1781 г. было заключено русско-австрийское соглашение о союзе против Турции. Заключение этого союза было первым шагом на пути осуществления Греческого проекта Екатерины II и Иосифа II. Этот проект предполагал ликвидацию Османской империи и создание на ее землях балканского государства Дакии и полузависимой от России Греческой империи. В связи с этим на первый план во внешней политике выходила задача присоединения Крыма и Кубани. В ходе 2-й русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Австрия выступала в качестве союзника России, в частности, при Фокшанах и Рымнике русские войска действовали совместно с австрийскими. Однако в сентябре 1790 г., после смерти Иосифа II, ввиду обострения обстановки в Бельгии (входившей в состав Священной Римской империи) и отношений с Пруссией Австрия заключила с Турцией сепаратное перемирие.

Салтыков Иван Петрович — см. прим. к стр. 30.

Имеется в виду Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г.

Стр. 57. Самойлович (Самойлович-Сущинский) Данило Самойлович (1744–1805) — доктор медицины (с 1780), действительный статский советник; в 1771 г. член комиссии по борьбе с чумой в Москве, в 1780-х гг. был дивизионным доктором в русской армии, выдающийся организатор борьбы с эпидемиями чумы. В 1791–1792 г. главный начальник карантинов и госпиталей в Екатеринославской и Таврической губерниях, затем, после кратковременной отставки — главный врач всех карантинов на юге и инспектор Черноморского медицинского управления.

Сухотин Яков Филиппович (ум. 1790) — поступил в Морскую академию в 1743 г., вице-адмирал (с 1783), в 1783–1785 гг. главнокомандующий Черноморским флотом, затем управляющий комиссариатской экспедицией на Балтийском флоте (до 1788).

Очаков взят 6 декабря 1788 г.

Стр. 58. Князь Г.А. Потемкин решил взять Бендеры. Для того чтобы лишить крепость возможности сообщений, было решено взять Гаджибей и Аккерман.

Рибас, де, Осип (Хосе) Михайлович (1749–1800) — на русской службе с 1772 г., участник 1-й русско-турецкой войны и похода в Крым в 1783 г., в 1789 г. в чине генерал-майора командовал авангардом корпуса Гудовича; с 1793 г. вице-адмирал и командир Черноморского гребного флота; в 1794–1796 гг. руководил строительством порта в

Одессе, с 1799 адмирал, закончил карьеру в должности помощника вице-президента Адмиралтейств-коллегии.

Стр. 59. Меллер-Закомельский Иван Иванович — см. прим. к стр. 50.

Бендеры сдались 3 ноября 1789 г.

Стр. 60. Самойлов Александр Николаевич (1744–1814) — граф (с 1795), племянник Г.А. Потемкина и его биограф, в 1783–1784 в чине генерал-майора (с 1779) состоял при Кавказском корпусе; позднее генерал-поручик (с 1788), участник 2-й русско-турецкой войны, с 1792 генерал-прокурор.

Стр. 61. Виртембергский Карл-Фридрих-Александр (ум. 1791) — принц, в 1790 г. генерал-майор, младший брат будущей императрицы Марии Федоровны.

Килия была взята 18 октября 1790 г.

Волконский Григорий Семенович (1742–1824) — в 1790 г. генерал-поручик (с 1780), участник 2-й русско-турецкой войны; позднее генерал-аншеф (с 1794), действительный тайный советник (с 1797), в 1803–1817 гг. оренбургский генерал-губернатор, с 1817 г. член Государственного совета; отец декабриста С.Г. Волконского.

Стр. 62. Голенищев-Кутузов-Смоленский Михаил Илларионович (1745–1813) — граф (с 1811), светлейший князь с июля (с 1812), в декабре 1812 г. пожаловано почетное прибавление к фамилии — Смоленский; в 1790 г. генерал-майор (с 1784), участник штурма Измаила, а затем его комендант; в 1812 г. главнокомандующий русской армией, с августа 1812 г. генерал-фельдмаршал.

25 ноября 1790 г. Потемкин назначил Суворова командовать войсками под Измаилом. Гудович же (под руководством которого военный совет 26 ноября принял решение о снятии осады с крепости) был назначен командовать войсками Кавказского и Кубанского корпусов.

Речь идет о походе 1788 г. См. об этом походе подробнее в мемуарах А.С. Пишчевича (с. 158–160) и С.И. Мосолова (с.46–47), а также прим. к мемуарам С.И. Мосолова.

После отбытия в декабре 1789 г. командующего Кавказской армией И.П. Салтыкова на театр русско-шведской войны Кубанским корпусом командовал генерал-поручик (с 1789) В.И. Розен, а Кавказским корпусом генерал-поручик (с 1786) Юрий Богданович Бибиков (1743–1812). Бибиков 10 февраля 1790 г. отправился в зимний поход к Анапе, не взяв достаточного количества продовольствия. Нанеся 24 марта поражение войскам турок и горцев, русские вынуждены были отступить от Анапы и с трудом переправились обратно за Кубань. Из 7609 человек, участвовавших в экспедиции, по официальным данным здоровыми возвратились только 5407 человек. Екатерина II писала по поводу этого похода: «Экспедиция Бибикова для меня весьма стран-

на и ни на что не похожа; я думаю, что он с ума сошел, держа людей на воде почти без хлеба». Уцелевшие участники похода были награждены медалью с надписью «за верность». За неудачную экспедицию Бибиков был предан суду и исключен из службы. Командиром Кавказского корпуса был назначен А.Б. де Бальмен. (Подробнее см. Петров А.Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами 1769–1774. СПб., 1887. Т. 2. С. 118–120; Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 217–221.) Упоминая о двух неудачных походах к Анапе, Гудович умалчивает о победе русских войск под командованием генерал-майора Германа 30 сентября 1790 г. над войсками Батал-паши.

Стр. 63. Загряжский Иван Александрович (1750–1807) — генерал-майор (с 1786), в 1791 г. командовал Кубанским корпусом, с 1794 г. генерал-поручик; дед Н.Н. Пушкиной.

Русские войска переправились через Кубань 29 мая 1791 г.

Каховский Михаил Васильевич (1734–1800) — генерал-аншеф (с 1784), граф (с 1797), в годы 2-й русско-турецкой войны управляющий Таврической областью, командующий Крымским корпусом, с 1791 г. командовал Украинской армией, участвовал в войне с Польшей 1792 г., в 1792–1794 гг. пензенский и нижегородский генерал-губернатор, в 1798–1800 гг. новороссийский генерал-губернатор.

Войска Кубанского и Кавказского корпусов соединились с отрядом Крымского корпуса под командованием генерал-майора А.О. Шица 8 июня 1791 г.

Стр. 64. Тет-де-пон — предмостное укрепление; могло представлять собой крепость или временную укрепленную позицию.

Русские войска подошли к Анапе 9 июня 1791 г. После потери Крыма турки стали наращивать свое присутствие на Кубани, чтобы сохранить свое влияние на народы Северного Кавказа. Особенно интенсивно турки стали укреплять Анапу после двух русских походов к ней Текелли и Бибикова. К моменту прихода войск Гудовича крепость с суши была окружена глубоким рвом и валом, одетым диким камнем, позади вала был палисад; обрывистые берега и отмель препятствовали атаке с моря.

Стр. 66. Вероятно, фраза должна читаться следующим образом: «... командовавший под ним Батас-паша, приходившего прежде меня на Кавказскую линию сын...» При штурме Анапы среди прочих пленников оказались Мустафа-паша, Батас-паша — сын Батал-паши и Шейх-Мансур (Ушурма) (Петров А.Н. Указ. соч. Т. 2. С. 211).

Имеется в виду поход генерал-майора Ивана Ивановича Германа фон Ферзена (1744– после 1801) против войск Батал-паши. Подробнее см. в мемуарах самого И.И. Германа и в комментариях к ним в настоящем издании.

Сведения о смерти Ушурмы в Соловецком монастыре являются легендарными. Соловецкий монастырь был монастырской тюрьмой — местом не только заключения, но и церковного покаяния для лиц православного исповедания, поэтому определять туда мусульманина смысла не было. После пленения Ушурму отправили в Петербург, где над ним производилось следствие. Граф Безбородко в записке на имя главы Тайной экспедиции С.И. Шешковского сообщал, что императрица Екатерина II не считает его за военнопленного «как сущего развратителя народов закубанских и кавказских». Находясь в Петропавловской крепости, Ушурма порезал ножом караульного, за что был закован «в железо» и в таком виде отправлен в Шлиссельбургскую крепость «на безысходное в ней пребывание». 13 апреля 1794 г. комендант Шлиссельбургской крепости сообщил о болезни и смерти Ушурмы (Смирнов Н. Шейх-Мансур и его турецкие вдохновители // Вопросы истории, 1950, № 10. С. 37).

Стр. 67. Крепость Суджук-Кале была взята 30 июня 1791 г.

Флотом под Анапой командовал Сары-паша; капитан-паша — возможно искаженный турецкий воинский чин — капудан-паша.

Стр. 68. Фере Фридрих (Федор Данилович) (ум. 1794) — генерал-майор инженерного корпуса (с 1789), в 1791 г. служил на Кавказе, затем был переведен в Оренбург.

В соответствии с программой Гудовича в 1792–1793 гг. были возведены крепости Шелкозаводская (при впадении Сунжи в Терек), Кавказская (у урочища Темишбек, на правом берегу Кубани), Усть-Лабинская (недалеко от впадения реки Лабы в Кубань). Для поддержания сообщения между последними двумя крепостями были возведены Кавказский, Тифлисский и Ладожский редуты. Исправлена и усилена Константиногорская крепость. При реке Куме построен Кумский штерншанец, а на месте переправы Батал-паши — Воровсколесский редут (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. СПб., 1886. С. 266).

Еще в 1764 г. один из дагестанских владетелей шамхал Тарковский Муртузали (шамхал до 1782) направил Екатерине прошение о принятии его в подданство, но, не дождавшись ее согласия, умер в том же году. Наследовавший ему брат Бамат повторил просьбу и в 1786 г. был принят в российское подданство. Умершему в 1791/1792 г. Бамату наследовал Мугамет. Именно его Гудович привел к присяге на вечное подданство России. Ему было назначено жалование 6 тыс. руб. серебром в год для содержания войск и обороны своих владений.

Речь идет о хане дербентском и кубинском Шейх-Али-хане, вступившем на престол в 13-летнем возрасте в 1791 г. В 1793 г. посланец хана присягнул от его имени на вечное подданство России, однако, в отличие от шамхала, хан присягу не подписал, а лишь клялся на Коране.

Стр. 69. После убийства в 1747 г. Надир-шаха Иран вступил в полосу острого политического кризиса, страна фактически распалась на части. Ага-Мухаммед-хану из племени каджаров, жившего на севере Ирана, удалось с помощью жестокого террора восстановить единство страны. В начале 1791 г. он провозгласил себя шахом. В 1795 Ага-Мухаммед-хан (1742–1797) совершил опустошительный набег на Грузию. В 1796 г. он торжественно короновался. Но через год во время очередного похода в Закавказье в результате заговора был убит.

Фет-Али-шах (Баба-хан) (1771–1834) — племянник и наследник Ага-Мухамед-хана, шах Ирана с 1797 по 1832 г.

Стр. 70. В период борьбы за власть Ага-Мухаммед-хан был крайне заинтересован в поддержке и признании со стороны России. В 1793 г. на заседании Верховного совета при хане была подтверждена идея сохранения дружественных отношений с Россией. Не исключено, что Ага-Мухаммед-хан хотел мирно договориться с Екатериной II о разделе сфер влияния в Закавказье. Русское же правительство в 1780-х и в начале 1790-х гг. не спешило признавать нового правителя Ирана, поддерживая его соперников в борьбе за ханский престол. Хотя в начале 1790-х гг. в указаниях Екатерины Гудовичу наметилась линия «умиротворения» Ага-Мухаммед-хана, однако его отказ принять иранских послов и образование при молчаливом согласии Петербурга антикаджарской коалиции в лице Ираклия II, Ибрагим-хана Карабахского и Умма-хана Аварского оттолкнули шаха от России и дали дополнительный толчок его агрессивной политике в Закавказье, которая была «не лишена сходства со стратегией упреждающего удара» (Дегоев В.В. Борьба за господство в Закавказье (вторая половина XVIII века) // Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 41-43). При этом следует помнить, что Восточная Грузия была традиционной сферой влияния Ирана и грузинские цари находились от него в вассальной зависимости. Иранский правитель Керим-хан, опасаясь возросшего могущества Картлинско-Кахетинского царства, готовился нанести по нему удар, и только смерть, последовавшая в 1779 г., помешала ему это сделать.

Впрочем, отношения России с закавказскими и иранскими правителями были далеко не безоблачными. В 1780 г. в Астрахань был направлен А.В. Суворов, который должен был подготовить войска для нового похода к южному берегу Каспия. Посредством создания там торговой фактории экспедиция должна была обеспечить безопасную торговлю с Востоком. Однако заключение в 1781 г. русско-австрийского союза, направленного против Турции, открывшиеся в связи с этим возможности более прочно закрепиться в Крыму и на Кубани, а также обострение обстановки в этих регионах привели к тому, что масштабная экспедиция была отложена, а Суворов переведен в 1782 г. на Кубань. Однако еще в июне 1781 г. была предпринята экспедиция графа Войновича. Марк Иванович Войнович (1750–1807) в 1780 г. был

назначен командовать Каспийской флотилией, позднее он был адмиралом (с 1801), командовал Севастопольской эскадрой, с 1797 г. был членом Черноморского адмиралтейского управления, затем был директором Черноморского штурманского училища. Экспедицию Войнович начал, не поставив в известность Суворова. В.С. Лопатин считает, что назначение неопытного Войновича было результатом интриг, которые велись против Суворова как И.В. Якоби, так и агентами прикаспийских ханов. 27 июля 1781 г. флотилия бросила якорь в Астробадском заливе. Астробадский владетель Ага-Мухаммед-хан (будущий шах) дал согласие на постройку фактории. Однако вскоре Войнович и его офицеры были арестованы во время пира и посажены в тюрьму. От Войновича потребовали срытия укреплений и возвращения экипажей на суда. Когда это было сделано, Ага-Мухаммед-хан принес пленникам извинения за якобы не санкционированные им действия подчиненных. В сентябре 1782 г. экспедиция, не выполнив своей задачи, вернулась в Астрахань (В.С. Лопатин. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 61–62; А.В. Суворов. Письма / Комментарии В.С. Лопатина. М., 1986, комментарии. С. 518, 529, 531).

В 1795 г. Ага-Мухаммед-хан совершил поход в Восточное Закавказье. Он покорил Ганжу и Ереван, но задержался на 4 месяца, безуспешно осаждая столицу Карабаха Шушу. В это время Ираклий II совершил поход против Ганжи, которая, наряду с Ереваном и Карабахом, давно входила в сферу его интересов. Это послужило непосредственным поводом к вторжению в Грузию, в результате которого был захвачен и разорен Тифлис (Дегоев В.В. Борьба за господство в Закавказье (вторая половина XVIII века) // Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2001. С. 43). Однако уже в мае 1795 г., опасаясь вторжения Ага-Мухаммед-хана, Ираклий II направил в Петербург просьбу о присылке войск. Однако помощь запоздала. Лишь в начале декабря 1795 г. в Тифлис прибыли батальон Кавказского гренадерского полка и 2-й батальон Кавказского егерского корпуса.

Савельев Иван Дмитриевич — см. прим. к запискам Г. фон Штрандмана (к стр. 22). Отряд Савельева выступил в Дагестан в декабре 1795 г. и вскоре занял Тарки. Весной 1796 г. Савельев подошел к Дербенту и начал его обстрел, требуя сдачи; 2 мая 1796 г. к Дербенту подошли войска Зубова, 10 мая Дербент был взят (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3. СПб., 1886. С. 63, 106, 115).

Стр. 71. Зубов Валериан Александрович (1771–1804) — граф (с 1793), брат последнего фаворита Екатерины II Платона Зубова, генерал-аншеф (с 1796); в 1796 г. главнокомандующий русскими войсками в Персидском походе; с 1797 г. в отставке, в 1800 г. вновь принят на службу с чином генерала от инфантерии и назначен директором 2-го кадетского корпуса.

Поход Зубова являлся не только реакцией на агрессию Ага-Мухаммед-хана, но и продолжением политики продвижения на Каспийское побережье, наметившейся еще при Петре I и проявившейся в подготовке похода под руководством Суворова в 1780–1782 гг.

Платов Матвей Иванович (1753–1818) — граф (с 1812); в 1796 г. генерал-майор (с 1793), с 1801 г. войсковой атаман Войска Донского, с 1809 г. генерал от кавалерии, участник войны 1812 г. и заграничных походов.

Стр. 72. Отпуск Гудовича был вызван нежеланием служить под началом В.А. Зубова. Гудович сам стремился возглавить поход, для чего провел интригу по устранению конкурента — П.С. Потемкина, обвинив его в убийстве Гедает-хана, планировавшего бежать в Россию. Следствие установило вину русского консула Э. Скаличи, выдавшего хана врагам (А.В. Суворов. Письма / Комментарии В.С. Лопатина. М., 1986, комментарии. С. 677).

Исленьев Петр Алексеевич (1745–1827) — в 1783 г. полковник, командир Санкт-Петербургского драгунского полка, с 1784 г. бригадир, с 1786 г. генерал-майор, участник 2-й русско-турецкой войны, с 1795 генерал-поручик, видный участник польской кампании 1794 г., привез в Петербург донесение о взятии Варшавы, с 1796 г. был начальником Кавказской линии, в 1796 и 1798 гг. временно исполнял функции командующего войсками на Кавказе.

Стр. 73. В 1798 г. Османская империя находилась в сложном положении. Наполеон вышел непосредственно к ее Балканским границам, захватил Ионические острова, высадился в Египте и наметил поход на Сирию. В этих условиях Турция встала перед необходимостью выбора союзника. Султан Селим III в начале августа 1798 г. обратился к императору Павлу I через русского посланника В.С. Томару за помощью, а 16 сентября русская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова получила разрешение встать на константинопольском рейде. Ушакову была передана декларация, разрешавшая свободный проход русских военных кораблей через проливы на время войны России и Турции против Франции. А 23 декабря 1798 г. (3 января 1799 г.) был заключен русско-турецкий союзный договор, направленный против Франции. Вскоре к русско-турецкому блоку присоединилась Англия, в итоге к концу 1798 г. сложилась 2-я антифранцузская коалиция в составе России, Турции, Англии и Неаполитанского королевства, в 1799 г. к ним присоединилась и Австрия. Именно в рамках этой коалиции был предпринят поход эскадры Ушакова в Средиземноморье и Итальянский и Швейцарский походы Суворова.

Неспособность Турции в конце XVIII в. успешно бороться с европейскими державами (в частности, с Россией и Францией) была обусловлена тяжелыми внутренними проблемами, в частности состоянием армии. В конце XVIII в. Селим III предпринял ряд военных ре-

форм, вызвавших волну недовольства янычар, составлявших элиту турецкого войска. В 1794 г. один из начальников янычарских войск — Пазванд-оглу (Осман-паша, 1758–1807) — захватил власть в Видине. Он привлекал на свою сторону христиан, обещая им уравнение в правах с мусульманами (что, впрочем, не мешало его войскам чинить насилия над болгарами), высказывался против увеличения налогов и, собрав большое войско, не только открыто выступил против реформ, но и перешел в 1795 г. в наступление против центральной власти. Пазванд-оглу стал чеканить собственную монету и вошел в сношения с Россией и Францией. В 1798 г. турецкой армии не удалось взять Видин, в результате чего Селим III резко изменил курс — Пазванд-оглу был прощен и получил звание трехбунчужного паши, что не мешало ему и в дальнейшем со своими войсками совершать набеги на соседние территории.

В связи с образованием 2-й антифранцузской коалиции и началом Итальянского похода Суворова на границах России были сформированы три армии под командованием маркиза Дотишана, М.И. Кутузова и И.В. Гудовича. Задачей этих армий было «положить, если бы до того дошло, преграды успехам французского оружия и сохранить Германскую империю и Италию от неизбежной погибели, с другой стороны, удержать и Венский двор в намерениях его присвоить себе половину Италии, и наконец, если бы обстоятельства были таковы, что «французы, шед на Вену, угрожали низвержением Римского императора, тогда идти нам помогать и спасать его» (Рескрипт Павла I Суворову от 20 ноября 1799 г. Цит. по: М.И. Кутузов. Документы. Т. 1. М., 1950. С.501). Однако в конце 1799 г. Суворов получил приказ вернуться с войсками на родину, а вскоре внешнеполитический курс России резко изменился — начался процесс сближения с Францией и необходимость в этих армиях отпала.

Михельсон Иван Иванович (1740–1807) — генерал от кавалерии (с 1796), в 1799 г. командовал корпусом в армии Гудовича. В 1806–1807 гг. был главнокомандующим Молдавской армией в войне с Турцией.

Шиц, фон, Антон Осипович (ум. 1810) — барон, участник 2-й русско-турецкой войны, в 1799 г. генерал-лейтенант.

Луи-Жозеф де Бурбон принц Конде (1736–1818). Армия Конде была сформирована в 1791–1792 гг. из роялистов (костяк его составили офицеры французской королевской армии) и участвовала в борьбе против революционной Франции. В 1795 г. перешла на содержание английского правительства, а летом 1797 г. была принята на русскую службу. Войска Конде были организованы в отдельный корпус, подчинявшийся непосредственно императору Павлу, и после принятия присяги были расположены в Волынской губернии. На момент прибытия в Россию войска Конде насчитывали 4671 чел. В 1799 г. войска Конде вошли в корпус генерала Ф.М. Нумсена (смененного потом А.М. Римским-Корсаковым) и участвовали с ним в походе в Швей-

царию. В 1800 г. корпус вновь перешел на содержание Англии, а в 1801 г. был распущен.

Боур (Баур) Карл Федорович (1767–после 1811) — сын Ф.В. Баура, одного из создателей русского генерального штаба, в 1799 г. генерал-лейтенант. Павлоградский гусарский полк под командованием Баура был присоединен к корпусу Конде по распоряжению императора Павла 29 апреля 1799 г.

Стр. 74. Берри — Шарль-Фердинанд де Бурбон, герцог Беррийский (1776–1820) — племянник Людовика XVI, служил в армии Конде в 1794–1797 и 1798–1801 гг.; в 1801–1814 гг. жил в Англии, после реставрации вернулся во Францию, где был убит рабочим Лувелем в 1820 г.

д'Анген — Луи-Антуан-Анри де Бурбон — герцог Энгиенский (1772–1804) — внук принца Конде, в 1793–1801 гг. служил в его армии, в 1804 г. был захвачен в Эттингейме отрядом французских жандармов, увезен во Францию и расстрелян по приговору военного суда.

Ласси Борис Петрович — см. прим. к мемуарам Мосолова (к стр. 43).

Булгаков Сергей Алексеевич (ум. 1824) — генерал-майор (с 1789), в 1790 г. участвовал в экспедиции против Батал-паши, в 1791 г. участвовал в штурме Анапы (именно ему сдался Шейх-Мансур), позднее генерал от инфантерии (с 1801), с августа 1806 по 1811 г. командующий войсками на Кавказской линии и начальник 19-й пехотной дивизии.

После убийства в феврале 1806 г. бакинским Гуссейн-Кули-ханом главнокомандующего в Грузии П.Д. Цицианова обстановка на Кавказе резко обострилась. Россия, занятая в коалиционных войнах против Франции, не могла перебросить на Кавказ дополнительные силы. В связи с этим в Петербурге было принято решение воздержаться в этом регионе от активной политики, проводившейся в период управления Цицианова. В виде исключения предполагалось занять Баку, чтобы не оставлять безнаказанными действия Гуссейн-Кули-хана и заодно получить удобную гавань. Поход на Баку был начат еще до прибытия на Кавказ Гудовича и назначенного по его инициативе командующим войсками Кавказской линии старого сослуживца будущего фельдмаршала С.А. Булгакова. Руководил им предшественник С.А. Булгакова — Г.И. Глазенап. 22 июня 1806 г. войска Глазенапа заняли Дербент. Булгаков прибыл к войскам 25 августа.

Стр. 58. Селим-хан Шекинский (Нухинский) вступил в подданство России в июне 1805 г., но в 1806 г. захватил майора Парфенова, начальника русского отряда, находившегося в ханстве. В октябре 1806 г. его ханство было передано Джафар-Кули-хану Хойскому (ум. в 1815), который с 1807 г. был генерал-лейтенантом русской армии.

Речь идет об Ибрагим-хане — карабахском хане с 1758 по 1806 г. На протяжении многих лет он был сторонником России, но перешел

на сторону персов. Сторонники хана утверждали, что он вынужден был к этому «суровым обращением» с ним находившегося с войсками в ханстве полковника Т.Д. Лисаневича, который вмешивался во внутренние дела ханства. Цицианов же, наоборот, упрекал Лисаневича в «потворстве» хану. При подходе персов к Шуше Лисаневич получил информацию, что хан должен соединиться с ними. Русский отряд окружил лагерь карабахцев и взял его штурмом, в ходе которого погиб и сам хан (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. С. 240–241).

Хамбутай — имеется в виду Сурхай-хан Казикумыхский (ум. 1827) — в 1789–1820 гг. хан казикумыкский, в 1791–1811 гг. хан кюринский; хамбутай, хамутай — искаженное кун-буттай (дословно «большой отец», «дедушка»), прозвище, которое хан получил в старости.

Несветаев Петр Данилович (ум. 1808) — начал службу в 1773 г. рядовым, с 1800 — генерал-майор, шеф Саратовского пехотного полка, с 1804 г. служил в Закавказье, участник руссо-персидской и русско-турецкой войн, а также походов против горцев.

Дербент был занят еще войсками под командованием Глазенапа, а Баку был взят 3 октября 1806 г. Бакинское ханство утратило свою самостоятельность.

Небольсин Петр Федорович (ум. 1810) — с 1804 г. генерал-майор, шеф Троицкого мушкетерского полка, участвовал в русско-персидской войне и в походах против кавказских горцев.

Стр. 76. Мехти-Кули-хан — сын Ибрагим-хана Карабахского, с 1806 г. карабахский хан.

С 1804 г. Россия находилась с Ираном в состоянии войны. Не получив ответа на Мирные условия, предложенные Персии в сентябре 1806 г., Гудович по поручению российского Министерства иностранных дел отправил в Тегеран для переговоров о перемирии своего адъютанта капитана Степанова (ставшего вскоре майором). Россия предлагала Персии помощь против Турции (содействие в приобретении Баязета и Эрзерума), но вместе с тем требовала установления границы по Куре и Араксу, то есть передачи России Эриванского и Нахичеванского ханств. Степанов возвратился 19 июня 1807 г. (уже после сражения при Арпачае и привез согласие персидского правительства на переговоры о мире. Однако Персия затягивала переговоры, рассчитывая на поддержку Турции и Франции, с которой 4 мая 1807 г. она заключила договор, направленный против российских интересов (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Том 3. М., 1963. С.729, 761; Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. С. 268–269).

С 1806 г. Россия и Турция находились в состоянии войны, однако на кавказском театре военные действия начались только в 1807 г.

Имеется в виду неудачный штурм Ахалкалаки 9 мая 1807 г.

Стр. 77. Штурм Карса 25 мая 1807 г. был остановлен по приказанию Гудовича.

Зия-паша, Юсуф (Юсуф-паша) (1747–1818) — эрзерумский сераскир и великий визирь Турции.

Портнягин Семен Андреевич (1764–1827) — с 1800 г. генерал-майор, шеф Нарвского драгунского полка, с 1803 г. с полком на Кавказе; герой русско-турецкой (1806–1812) и русско-персидской (1804–1813) войн, в 1812–1814 гг. был командующим войсками Кавказской линии и начальником 19-й пехотной дивизии; с 1822 г. окружной генерал 8-го округа внутренней стражи.

Стр. 80. Сражение на реке Арпачае произошло 18 июня 1807 г. В донесении министру иностранных дел А.Я. Будбергу Гудович пишет, что турок было 20 тысяч, а персиян было 12 тысяч и находились они за 35 верст. В донесении императору Гудович выражал надежду, что эта победа заставит персиян быть умереннее на переговорах с Россией (Гудович –Будбергу 20 июня 1807 г. // Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. 3. М., 1963. С. 629).

Матушевич — в 1797 г. из корнетов конной гвардии переведен подпоручиком в Свиту его императорского величества по квартирмейстерской части, в 1807 г. майор Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части.

Стр. 81. В 1807 г. 4-я антифранцузская коалиция, куда входила и Россия, потерпела поражение. Россия была вынуждена 25 июня (7 июля 1807 г.) подписать с Францией Тильзитский мир, точнее два договора — один о мире и дружбе, другой — о наступательном и оборонительном союзе. Согласно ст. 24 договора о мире и дружбе Франция становилась посредником на мирных переговорах России и Турции. Вследствие этого Гудович и получил распоряжение о заключении перемирия, которое было подписано 2 сентября.

Аббас-Мирза (1783–1833) — старший сын и наследник Фетх-Алишаха, командующий персидскими войсками в русско-иранской войне 1804–1813 гг. В письмах, присланных Гудовичу от визиря Мирза Мамеда-шефи и Аббас-Мирзы, ничего кроме выражений вежливости не содержалось. Привезший их Багир-бек (который приехал вместе с майором Степановым 19 июня 1807 г.) сообщил, что Персия готова заключить мир на взаимовыгодных условиях. В ответ на это Гудович отправил к визирю Аббас-Мирзы капитана Дублянского с письмом, где в числе условий перемирия значилось прекращение военных действий и признание за Россией занятых ею областей (Внешняя политика России XIX и начала XX века. Серия I. Т. 3. М., 1963. С. 762).

Стр. 82. Речь идет о миссии подполковника артиллерии Вреде с письмом к вновь назначенному французскому посланнику в Персии

генералу Гардану. В письме Гудовича Гардану выражается надежда, что в условиях союза с Россией Франция не будет выполнять обязательств, данных ей Персии по договору от 4 мая 1807 г., который имел антирусскую направленность. По этому договору Франция должна была оказывать Персии военную помощь в войне с Россией и гарантировала целостность ее территории, в то время как Россия рассчитывала на приобретение Эриванского и Нахичеванского ханств, то есть установления границы по Куре и Араксу. Персидское правительство под влиянием Франции, не заинтересованной в продвижении России на Восток, предлагало заключить на год перемирие, а уже затем при посредничестве французов вести переговоры о мире. В этих условиях Россия отказалась от посредничества Франции.

Гардан, Клод Матье (1766–1818) — французский генерал и дипломат, в декабре 1807– феврале 1809 гг. французский посланник в Персии.

Стр. 83. См. подробнее о походах П.Д. Цицианова в мемуарах С.А. Тучкова.

Гудович ошибается: эриванским ханом был Гуссейн-Кули-хан, а комендантом в Эривани в тот момент он оставил своего брата Гассан-хана (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. С. 296).

Обложение Эривани началось 8 октября 1808 г.

Симанович Федор Филипович (ум. 1813) — перешел на русскую службу из австрийской армии в 1793 г.; в 1801 г. подполковник (с 1800) Кавказского гренадерского полка, с 1804 полковник (за осаду Эривани), участник штурма Ганжи в 1804 г.; в 1809–1810 гг. командующий войсками в Имеретии, с 1810 г. генерал-майор, в 1811–1813 гг. правитель Имеретии (в списке генералам по старшинству он назван управляющим по делам Имеретии, Мингрелии и Гурии).

Розен Иван Карлович (1752–1817) — с 1799 г. генерал-лейтенант, в 1797–1806 гг. шеф Новоингерманландского мушкетерского полка; в 1807г., командуя 20-й дивизией, участвовал в 1807 г. в боях под Ахалцыхом, в 1808 г. при осаде и штурме Эривани, в 1810 г. при подавлении восстания в Имеретии; в 1813 г. был командиром корпуса в Польской армии, но в 1814 г. вновь назначен на Кавказ начальником 20-й пехотной дивизии.

Стр. 84. Нахичевань была занята 1 ноября 1808 г.

Стр. 85. Сальвагвардия — особые отряды, предназначенные для охраны частных лиц или имущества во время пребывания армии на данной территории.

Стр. 86. Отточием обозначен пропуск в тексте.

Стр. 87. Гудович приказал также Небольсину покинуть Нахичевань. При возвращении оттуда русский отряд понес большие потери.

Еще в начале 1808 г. Гудович, недовольный назначением А.А. Аракчеева на пост министра военно-сухопутных сил, просил «по расстроенному здоровью» об увольнении от должности. Поэтому еще до эриванского похода, 18 июня 1808 г. в распоряжение Гудовича в качестве его помощника был назначен Тормасов. В рескрипте от 25 октября 1808 г. император Александр просил Гудовича отложить отставку, пока Тормасов войдет в курс дел. После эриванского похода Гудович вновь просил уволить его от дел 5 марта 1809 г. Тормасов был назначен его преемником (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. I. С. 308).

Тормасов Александр Петрович (1752–1819) — граф (с 1816), генерал от кавалерии (с 1801), в 1809–1811 гг. главнокомандующий на Кавказской линии и в Грузии, в 1812 г. командующий 3-й Западной армией, с 1814 г. главнокомандующий в Москве.

Стр. 88. Гудович Андрей Иванович (1782–1869) — полковник (с 1801), с 1809 г. шеф кирасирского Военного ордена полка, с 1812 г. генерал-майор, участник заграничных походов 1813–1814 гг.; в 1832–1841 московский предводитель дворянства.

Жизнь А.С. Пишчевича, им самим описанная

Александр Семенович Пишчевич родился в 1764 г. Его отец С.С. Пишчевич, родом из сербских дворян, переехал в Россию в 1753 г. Он стал одним из руководителей сербской колонизации в России. (В 1752 г. в Новороссии была образована колония с автономным управлением под названием Новая Сербия. На этих землях поселились сербы, перешедшие на жительство в Россию ввиду притеснений, чинимых им австро-венгерскими властями.) Согласно данным формулярного списка на 1789 г. (РГВИА Ф. 489. Оп. 1. Д. 2327. Лл. 12 об.-13) вступил в службу кадетом с 21 января 1776, с 9 июня 1777 был прапорщиком, подпоручиком с 25 декабря 1783, поручиком с 1 января 1786, «грамоте по-французски, по-немецки, по-русски читать и писать умеет, арифметике, геометрии и фортификации, артиллерии и рисовать умеет». В 1777 г. отец взял Александра с собой в Петербург, где тот был представлен Г.А. и П.С. Потемкиным, с которыми С.С. Пишчевич был хорошо знаком по «сербским» делам. Александр был определен в одно из лучших учебных заведений того времени — училище Массона, бывшего преподавателем в инженерном кадетском корпусе. Благодаря ходатайству Г.А. Потемкина А. Пишчевичу было разрешено посещать уроки и в самом инженерном корпусе. Вскоре Пишчевич был определен в Санкт-Петербургский драгунский полк. Согласно данным уже упоминавшегося списка А. Пишчевич находился «в 1782 и 1783 гг. в Крыму при покорении оного, 1784 октября 14 дня

при разбитии лезгинцев с его высочеством царем грузинским под командой генерал-майора Самойлова, 1786 апреля 8 в действительном против злодейских толп сражении и разбитии оных, потом того года при Невянном мысе в отряде полковника Муфеля против многочисленных татар в действительном сражении и прогнании находился, в 1787 в горах в поиске над закубанскими народами, в 1788 по переправе за Кубань 21 и 26 сентября сражениях, а потом и к городу Анапе находился». Сохранилось дело о дворянстве рода Пишчевича, датированное 1864 г. (РГИА Ф.1343. Оп. 27. Д. 3221). В нем приведены данные из формулярного списка А.С. Пишчевича на 1798 г., дополняющие данные списка 1789 г. Из них видно, что Пишчевич в 1776 г. служил в Ахтырском гусарском полку, в 1777 в лейб-гусарском эскадроне, в 1783 в Санкт-Петербургском драгунском полку, был произведен в капитаны со старшинством с 22 июня 1791 г., то есть с момента взятия Анапы, 22 марта 1793 г. переименован в ротмистры и переведен в Ростовский карабинерный полк, 14 февраля 1794 г. переведен в Нарвский карабинерный полк, с 10 июня 1796 г. переведен в провиантский штат обер-провиантмейстером в премьер-майорском чине. Этот перевод был сделан по просьбе его дяди, Екатеринославского губернатора Иосифа Ивановича Хорвата, который нуждался в провиантском комиссионере. А 20 ноября 1797 г. был уволен «для определения к статским делам с переименованием в статский соответствующий чин» (там же. ЛЛ. 12,13). То есть майор А. Пишчевич (VIII класс) стал коллежским асессором. Однако в гражданской службе он фактически не состоял, числясь по Герольдии и занимаясь хозяйственными делами в своих поместьях. Умер он 20 марта 1820 г. Как следует из письма, отправленного Александровской дворянской опекой его жене Марии Федоровне Пишчевич, Александр Семенович возвратился домой больным и не успел сделать распоряжения о наследстве и о долгах, сумма которых доходила до 40 тысяч рублей (там же. ЛЛ. 4, 15,16). У А.С. Пишчевича остались дети — Платон 16 лет, Любовь 20 лет, Александра 17 лет и Надежда 14 лет (там же. Л. 19 об.). Старший сын Платон Александрович сумел сделать хорошую военную карьеру, которая так и не удалась его отцу. Он вышел в отставку в 1844 г. полковником гвардии и завел семью. В 1863 г. он подал ходатайство о причислении детей (Анны, Марии, Александра, Леонтия, Ольги и Михаила) к дворянскому сословию, приобщив к делу и документы о службе своих предков.

Согласно документам, имеющимся в деле о дворянстве рода Пишчевича, генерал-майор Семен Пишчевич, отец автора публикуемых мемуаров, в 1796 г. по представленным в Екатеринославскую дворянскую комиссию доказательствам был признан в дворянском достоинстве (РГИА Ф. 1343. Оп. 27. Д. 3221. Л. 4). Среди представленных в комиссию С.С. Пишчевичем документов было свидетельство, что его дед в 1691 г. служил в Римской империи капитаном, патент на бригадирский чин самого С. С. Пишчевича и грамота о пожаловании ему

недвижимого имения в Могилевском наместничестве. В деле указано, что С. С. Пишчевичу тогда было 50 лет от роду, вдов, имел детей: поручика Александра 23 лет, капитана Ивана 19 лет, и трех дочерей — Анну 14 лет, Надежду 12 лет и Варвару 10 лет (Л. 9). Эти данные на 1796 г. были уже устаревшими. А.С. Пишчевич родился в 1764 г., а в чине поручика был с 1786 по 1791 г., Иван Пишчевич был капитаном с 1788 г., следовательно, приведенные данные о возрасте детей относятся к 1787–1788 гг. Однако сам Семен Степанович родился в 1731 г., и, следовательно, в 1787 г. ему было 56 лет. В этом же деле находятся и уже цитированные документы о службе А.С. Пишчевича.

Оставив военную службу, А. С. Пишчевич стал писать мемуары, которые были опубликованы под редакцией Н.А. Попова в «Чтениях Московского Общества истории и древностей российских (1885, кн. 1 и 2), а также отдельным изданием (М., 1885), по которому текст с сокращениями воспроизводится в настоящем издании (опущены сюжеты, не относящиеся к службе А.С. Пишчевича на Кавказе). Кроме воспоминаний А.С. Пишчевич является автором ряда очерков: «Примечания на Новороссийский край» (Киевская старина, 1884, № 1), «Южно-русский город в начале текущего столетия» (там же, 1886, № 1), «Бугские казаки и украинские уланы» (там же, 1886, № 2).

Стр. 89. По Кючук-Кайнарджийскому миру (10 июля 1774), завершившему 1-ю русско-турецкую войну, Крымское ханство было признано независимым от Турции. Однако острая политическая борьба внутри ханства и интриги Турции вынудили ввести в 1776 г. в Крым русские войска. Несмотря на подписание Россией и Турцией 10 марта 1779 г. Айналы-Кавакской конвенции, подтверждавшей условия Кючук-Кайнарджийского мира, и вывод значительной части русских войск из Крыма, обстановка на полуострове оставалась острой. В итоге в Крым вновь были введены русские войска, и 8 апреля 1783 г. Екатерина II издала манифест «О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны под Российскую Державу».

Отец автора — Пишчевич Семен Степанович (1731–1797) — один из ближайших сотрудников И.С. Хорвата (ум. 1780), руководившего переселенческим движением сербов, участвовал в 1-й русско-турецкой войне (1769–1774), дослужился до чина генерал-майора, с 1778 г. в отставке. Оставил мемуары «Известия о похождении Симеона Степановича Пишчевича. 1731–1785», изданные в Москве в 1883 г. также под редакцией Н.А. Попова. С.С. Пишчевич был женат на племяннице И.С. Хорвата.

Дядя автора — речь идет об Иосифе Ивановиче Хорвате, который в 1788 г. был бригадиром, командовал Елецким пехотным полком; в 1796 г. генерал-поручиком (с 1796) и правителем Екатеринославского наместничества.

Стр. 90. Походы Румянцева — имеются в виду события 1-й русско-турецкой войны 1769–1774 гг.

Стр. 91. Полковник — Исленьев Петр Алексеевич. См. прим. к мемуарам И.В. Гудовича. (к стр. 72).

Упоминающаяся далее (с. 95) г-жа Колокольцева, «племянница» Исленьева, была, вероятно, женой Григория Колокольцева, бывшего (по нашим данным в 1792 г., а возможно и ранее) обер-провиантмейстером в Пензе.

Стр. 92. Саламата — жидкий кисель, мучная кашица, которую варят из всякой муки и едят с солью и маслом.

Стр. 94. Походы Миниха — имеются в виду действия русской армии в ходе войны с Турцией 1735–1739 гг., когда она дважды занимала Крым; Миних, Бурхард Кристоф (Христофор Антонович) (1683–1767) — граф (с 1728), генерал-фельдмаршал (с 1730); военный и государственный деятель, на русской службе с 1721, с 1730 г. президент Военной коллегии, с 1741 г. в отставке; во время русско-турецкой войны 1735–1739 командовал русскими войсками в Крыму; в 1742–1762 — в ссылке.

Стр. 97. Бурнашев Степан Данилович (1743–1824) — писатель, картограф, дипломат; в 1783–1787 в чине полковника (с 1782) состоял российским уполномоченным при картлинско-кахетинском царе Ираклии II и имеретинском царе Соломоне I, участник 2-й русско-турецкой войны, генерал-майор (с 1770); с 1791 г. правитель Курского наместничества, с 1797 курский гражданский губернатор, с 1801 в отставке, умер в чине тайного советника; автор нескольких книг, в частности «Картина Грузии, или Описание политического состояния царств Картлинского и Кахетинского, сделанное пребывающим при е.в. царе Картлинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым» (Курск, 1793) и «Описание областей Адербиджанских в Персии и их политического состояния, сделанное пребывающим при е.в. царе Картлинском и Кахетинском Ираклии Теймуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым» (Курск, 1793).

В соответствии с условиями Георгиевского трактата, по которому Грузия (Картлинско-Кахетинское царство) поступала под протекторат России, в Тифлис в ноябре 1783 г. прибыли русские войска (Горский и Белорусский егерские батальоны); войска состояли в распоряжении Ираклия II, но находились под непосредственным командованием Бурнашева.

Бурнашев был женат на родственнице Пишчевича. Еще в 1782 г., готовясь к отъезду в Грузию, он обещал С.С. Пишчевичу взять с собой Александра, но обещания не выполнил.

Стр. 98. Вероятно, Салтыков Сергей Николаевич — в 1784 г. в чине генерал-майора (с 1782) состоял при 4-й дивизии, флигель-адъютант ее императорского величества.

Тутолмин Тимофей Иванович (1740–1809) — с 1779 г. генерал-майор, назначен управлять Новороссийским краем и Крымом; в 1784–1793 гг. Архангельский и Олонецкий генерал-губернатор, позднее генерал-аншеф, при Павле I впал в немилость и полтора года провел в Петропавловской крепости; в 1806–1809 московский генерал-губернатор.

Ираклий II (1720–1798) — царь Кахетии (с 1844) и Картлинско-Кахетинского царства (с 1762), в 1783 г. заключил Георгиевский трактат с Россией.

Стр. 103. Беклешев А.А. — см. прим. к мемуарам Г. Штрандмана (к стр. 19).

Имеются в виду сыновья Ираклия II: Теймураз Ираклиевич (1762–1827) — был посвящен в Москве в архиепископы и стал католикосом Грузии под именем Антония II (1788–1811); Мириан Ираклиевич (1767–1834) — в 1783 г. был пожалован в полковники, в 1785 г. в Изюмском легкоконном полку, с 1789 бригадир (в Тифлисском пехотном полку), с 1790 г. генерал-майор, в 1792 г. при Соединенной армии, в 1797–1798 командовал Кабардинским полком, женился в России на княжне Марии Александровне Хилковой (1788–1815).

Пеутлинг Александр Александрович (р. ок. 1739) — с 1771 г. подполковник 4-го гренадерского полка, в 1784 г. генерал-майор (с 1783) при Кавказском корпусе, в 1785 г. правитель Выборгского наместничества, в 1792 г. генерал-поручик (с 1791) в должности правителя Уфимского наместничества.

Стр. 104. Во время пребывания А. Пишчевича в Петербурге П.С. Потемкин обещал взять его к себе адъютантом.

Имеется в виду Иван Иванович Герман фон Ферзен, который с 1783 г. командовал Владимирским пехотным полком. См. прим. к мемуарам Гудовича.

Ренекс — имеется в виду Рейнегс, Яков, настоящее имя Христиан-Рудольф Элих (1744–1793) — доктор медицины, с 1776 г. путешествовал по Востоку и в 1779 г. приехал в Тифлис, где служил при Ираклии II, в 1782 г. выполнял дипломатические поручения Г.А. Потемкина в Грузии, пытаясь склонить ее принять покровительство России, в 1783 г. отозван на Кавказскую линию; с 1784 г. служил в России губернским врачом в Астрахани, а затем в Петербурге ученым секретарем в Медицинской коллегии. Автор труда Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Caucasus. Theil I. Gotha und St.-Pb. 1796. Theil II. Hildesheim und St.-Pb. 1797.

Томара Василий Степанович (ок.1746–1819) — в 1770 г. служил переводчиком на Кавказе, участник переговоров, предшествовавших заключению Георгиевского трактата, в 1783 г. (был в чине подполковника) доставил Ираклию текст трактата, а затем отвез его в Петербург; с 1797 тайный советник, в 1799–1809 чрезвычайный и полно-

мочный посланник России в Константинополе, вышел в отставку в чине действительного тайного советника.

Стр. 106. Белич Ефим Иванович — в 1784 г. полковник (с 1782) Селенгинского пехотного полка.

Матцен Карл Иванович — в 1784 г. подполковник (с 1778) 2-го Московского легкоконного полка, в 1789 полковник (с 1787) Кавказского пехотного полка, с 1790 г. бригадир.

Гессен-Рейнсфельденский, принц (ум.1784) — Гессен-Рейнсфельдский, Эрнст, принц (ум. 1784) — в 1784 г. подполковник (с 1772) егерского батальона.

Самойлов Александр Николаевич — см. прим. к мемуарам Гудовича (к стр. 60).

Стр. 107. Ахмет Дударуков — старшина из осетинского тагаурского рода, владевшего проходом в Грузию от Владикавказа до Казбека; под влиянием Шейха-Мансура стал ревностным мусульманином, в 1787 г. был замечен в связях с ахалцыхским пашой, в 1804 г. стоял во главе антирусского выступления.

Стр. 108. Стефанц-Минде — правильно Стефан-Цминде.

Стр. 109. Казбек — грузинский князь.

Бегдабегов (Бектабегишвили) Сулхан (ум. 1788 или 1793) — грузинский князь, канцлер Ираклия II.

Стр. 119. Визит П.С. Потемкина в Тифлис состоялся в сентябре 1784 г.

Речь идет о походе против лезгин, систематически совершавших опустошительные набеги на Грузию.

Стр. 121. В сражении 14 октября было убито 200 лезгин, двое взяты в плен, русские потери убитыми и ранеными составили 17 человек, у грузин было убито 20 человек (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб.,1869. Ч.2, с.158).

Стр. 125. П.С. Потемкин уехал в Петербург.

Стр. 126. Ушурма (Шейх-Мансур) выступил с религиозной проповедью в своем родном ауле Алды в марте 1785 г.; говоря о деньгах, Пишчевич имеет в виду «руку Турции», которая поддерживала антироссийский характер движения Мансура.

Стр. 127. Ребиндер Отто — в 1784 г. полковник (с 1782) Куринского пехотного полка, в 1787 — Тифлисского пехотного полка.

Стр. 132. Апраксин Степан Степанович — см. прим. к мемуарам Мосолова (к стр. 44).

Стр. 133. После разгрома отряда Пиерри (см. прим. к стр. 45) ситуация на Кавказе резко обострилась, опасность угрожала всей Моздокской линии. Движение Мансура охватило чеченцев, распространялось среди кабардинцев, закубанских черкесов.

Ангальт Федор (Фридрих) Евстафьевич (1732–1794) — граф, в 1783 г. поступил на русскую службу с чином генерал-поручика, под видом инспекции войск отправился в трехлетнее путешествие по России, с 1787 директор Сухопутного шляхетного корпуса, крупный военный педагог, с 1788 президент Вольного экономического общества.

Стр. 134. Нагель Ларион (Людвиг) Тимофеевич (1738–1808) — из голландских дворян, в службе с 1748, с 1775 г. подполковник, в 1776–1778 гг. командовал Ахтырским гусарским полком, с 1779 г. полковник, в 1780–1789 гг. командир Кабардинского полка, с 1787 бригадир, с 1789 генерал-майор; в 1791–1797 тайный советник, правитель Иркутского наместничества, с 1797 г. действительный тайный советник, в 1798–1800 лифляндский и эстляндский генерал-губернатор.

Вернувшийся 30 сентября на линию П.С. Потемкин сформировал несколько отрядов на наиболее угрожаемых направлениях. Отряду Нагеля было предписано действовать наступательно против Мансура, чтобы не дать ему соединиться с кабардинцами. 30 октября и 2 ноября отряд Нагеля нанес Мансуру серьезные поражения.

Стр. 138. Махвилов Василий (ум. 1791) — в 1785 г. секунд-майор (с 1781) Астраханского драгунского полка (сверх комплекта), в 1788 г. определен в помощь дежурному бригадиру Савельеву, в 1789 г. премьер-майор, командовал Астраханским драгунским полком.

Стр. 139. Открытие Кавказского наместничества — см. прим. к мемуарам С.И. Мосолова (к стр. 44).

Стр. 140. Мейндорф Федор — подполковник, в 1785–1786 гг. командир Бутырского пехотного полка. Летом 1786 г. против закубанцев была предпринята экспедиция под командованием бригадира Кнорринга, в которую был назначен и Бутырский полк. Об ее итогах, как пишет, Бобровский сведений нет (Бобровский П.О. История лейб-гренадерского Эриванского полка за 250 лет. Ч.3. СПб., 1893. С. 14). Возможно, в мемуарах Пишчевича речь идет именно об этой экспедиции.

Стр. 141. Булычева — жена Василия Булычева, секунд-майора (с 1780) Астраханского драгунского полка (сверх комплекта).

Муфель Карл (р. ок. 1739) — в 1776 г. подполковник (с 1774), ко-

мандир Черноярского пехотного полевого батальона; в 1787 г. полковник (с 1779) Ладожского пехотного полка.

Стр. 143. Депрерадович (де Прерадович) Алексей (р. ок. 1740) — с 1776 г. премьер-майор (с 1771) Санкт-петербургского драгунского полка, в 1787 полковник (с 1786) Астраханского драгунского полка, в 1789 г. — Иркутского драгунского полка.

Сын полковника Депрерадовича — Григорий — в службе в 1770 г., с 1787 г. капитан Астраханского драгунского полка.

Дероурк (де Роурк), Корнелиус, граф — в 1787 г. бригадир (с 1785) Нарвского карабинерного полка, в 1788 генерал-майор (с 1787), комендант в Дерпте.

Стр. 144. Берх — возможно Берг Петр — в 1787 г. майор (с 1786) 1-го фузилерного полка.

Стр. 148. Рик, Карл — в конце 1770-х в чине секунд-майора был комендантом в Георгиевске, с 1781 г. премьер-майор, в 1787 г. подполковник (с 1786) 4-го батальона Кавказского егерского корпуса.

Стр. 149. Штендер (Штедер) Людвиг — в 1787 г. обер-квартирмейстер майорского чина (с 1786), позднее подполковник; академик П.-С. Паллас упоминает Штедера как сведущее лицо, сообщившее ему ценные сведения о кавказских горцах; автор дневника (Tagebuch einer Reise, die im Jahr 1781von der Grenzfestung Mosdok nach dem innern Caucasus unternommen worden // Neue Nordische Beytraege, VII, 1796; отдельным изданием St.-Pb. 1797).

Стр. 150. С началом 2-й русско-турецкой войны основной задачей Кубанского и Кавказского корпусов было прикрытие пространства между Черным и Каспийским морями, где турки активно провоцировали горцев к наступательным действиям. Было принято решение действовать в направлении турецкой крепости Анапа. Таким образом предполагалось предупредить набеги закубанских племен, которые были потенциальными союзниками турок. 20 сентября 1787 г. русские войска тремя колоннами переправились за Кубань. 21 и 22 сентября произошли несколько небольших сражений с горцами под предводительством Шейха-Мансура, 25 сентября русские войска начали обратное движение.

Накануне и в ходе русско-турецкой войны Россия стремилась не допустить открытия в Закавказье второго фронта. В связи с этим в октябре было принято решение о выводе русских войск из Грузии. Кроме того, русские войска в Грузии голодали.

Стр. 152. Деконский Андрей — в службе с 1777 г., с 1783 г. вахмистр лейб-гвардии Конного полка, с 1786 г. капитан армии, в 1787-1789 гг. служил в Астраханском драгунском полку.

Стр. 155. Львов Петр Николаевич — в 1778 г. был капитаном, в 1789 г. премьер-майор (с 1785) Астраханского драгунского полка, в 1791 г. подполковник.

Стр. 156. При публикации опущена первая глава второй части «Записок» Пишчевича (М., 1885, с. 103–110). В ней Пишчевич сообщает, что на исходе зимы 1788 г. генерал-адъютант Текелли Острожский вызвал его в Георгиевск для отправки депеш в штаб-квартиру князя Потемкина. По дороге он заехал к своему родственнику Таборовичу и пожаловался на недостаточность выделяемого отцом содержания. Затем посетил и отца. С. Пишчевич дал сыну рекомендательное письмо к доктору Шарову, лечившему племянницу Потемкина, графиню Браницкую. В письме старый Пишчевич хлопотал о капитанском чине для Александра. Однако Пишчевич-младший счел, что получать чин таким способом «гнусно», и он решил оставить хлопоты. Тем временем Таборович рассказал Пишчевичу-отцу о неудовольствиях сына, что привело к охлаждению отношения старшего Пишчевича к своему отпрыску.

Стр. 157. Ган Густав Федорович, — в службе с 1763 г., в 1788 г. секунд-майор (с 1786) Астраханского драгунского полка, сверх комплекта.

Зыков Дмитрий Михайлович (ум. 1789) — в службе с 1755 г., с 1778 г. подполковник, с 1787 г. полковник, в 1788–1789 г. командовал Астраханским драгунским полком.

Стр. 158. Беклешев А.А. — см. прим. к мемуарам Штрандмана (к стр. 19).

Стр. 159. Об экспедиции П.А. Текелли в 1788 г. см. мемуары Мосолова (с. 46–47) и прим. к ним. Корпус Текелли сосредоточился на Кубани 5 сентября 1788, а 14 сентября неприятельский берег занят авангардом генерал-майора Н.Ю. Ратиева.

Описанный эпизод с участием бригадира Савельева, возможно, произошел во время столкновения с горцами у реки Моты 21 сентября.

Стр. 160. К реке Убине Текелли прибыл 25 сентября.

Мансуров Борис Александрович (ум. 1814) — в 1789 г. подполковник (с 1788) Кавказского егерского корпуса, 3-го батальона; позднее действительный статский советник.

По уверениям пленных, в сражении на Убине участвовало 2 000 турок и 8 000 горцев (Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 210).

Стр. 161. Пишчевич Иван Семенович (ум. 1810) — в службе с 1775, служил в гвардии, с 1788 капитан Астраханского драгунского полка, умер в чине подполковника, его наследники жили в Верхнеднепровском уезде Екатеринославской губернии.

Стр. 164. Бибиков Ю.Б. — см. прим. к мемуарам Гудовича (к стр. 62).

Стр. 165. Брянчанинов Сергей Афанасьевич — в 1789 генерал-майор (с 1788), отправляющий должность правителя Кавказского наместничества (по крайней мере до 1792).

Речь идет об И.Д. Савельеве — см. прим. к мемуарам Г. Штрандмана (к стр. 22).

Горич Иван Петрович (Меньший) — в 1790 г. бригадир, служивший в Кизляре.

Сенненберг Фридрих — в 1789–1792 гг. подполковник (с 1788) Кавказского егерского корпуса 2-го батальона.

Стр. 166. Сизинг (Сисинг) Андрей, фон — премьер-майор (с 1780) — батальонный командир 1-го Кизлярского полка.

Росса Крестьян — в службе с 1786 г., с 1787 г. кадет, в 1790 прапорщик Астраханского драгунского полка.

Стр. 167. Муханов Алексей Ильич (ум. 1832) — в 1789 полковник (с 1789) при Соединенной армии, в 1792 г. — Астраханского драгунского полка; позднее тайный советник.

О походе против Батал-бея см. подробнее воспоминания самого И.И. Германа.

Стр. 168. Лебедев Николай — в 1789 г. подполковник (с 1788) Тифлисского пехотного полка.

Стр. 171. Берхгольц Логин Карпович — в 1789–1792 гг. секунд-майор (с 1786) Санкт-Петербургского драгунского полка.

Стр. 173. Рахманов Михаил — в 1785 г. подполковник (с 1779) Мариупольского легкоконного полка, в 1792 г. полковник (с 1788) Острогожского легкоконного полка.

Стр. 174. Пишчевич Лазарь — в 1789 г. секунд-майор (с 1788) Острогожского легкоконного полка.

Стр. 175. Коробьин Яков Иванович — в 1789 г. премьер-майор (с 1786) Владимирского драгунского полка, в 1792 г. Таганрогского драгунского полка.

Каховский Василий Васильевич (ум. 1795) — генерал, в 1790 г. Екатеринославский губернатор.

Стр. 177. Витте (Витт) де, Иосиф (ум. 1798) — польский граф, перешедший на русскую службу, в 1792 г. генерал-поручик (с 1791) при Соединенной армии, в 1796 г. обер-комендант в Херсоне; известен нашумевшей историей уступки своей красавицы-жены Софьи (1764–1822, бывшей невольницы-гречанки, купленной в Константинополе) польскому магнату графу Щенсны-Потоцкому, за которого Софья и вышла замуж после смерти И. Витта.

Денисов Андреян Карпович (1763–1841) — в 1790 г. казачий старшина (с 1784), позднее генерал-лейтенант (с 1812 г.), в 1818–1821 гг. войсковой атаман Войска донского; Денисов и Пишчевич учились вместе в Петербурге в пансионе Массона, располагавшемся на Петербургской стороне. Денисов в своих записках пишет: «И весьма благодарным остаюсь сему почтенному наставнику: его мудрые ученые внушения остались в памяти моей вечно. Тут я много успел в арифметике и, пройдя кубы и квадраты, просил у родителя моего позволения начать геометрию; на что сказал — как он не знает сей науки, то спросит у приятелей своих. После чего я скоро был взят из пансиона...» (Записки Донского атамана Денисова. СПб., 2000 с. 30).

Массон — вероятно, Андре Пьер Массон (1759– ок. 1820) — полковник русской службы, старший брат известного мемуариста Шарля Массона.

Стр. 179. Браницкая Александра Васильевна (рожденная Энгельгардт) (1754–1838) — графиня, супруга К. Браницкого, племянница Г.А. Потемкина.

Стр. 181. Золотухин Василий Иванович (1758–1792) — с 1789 г. полковник Кинбурнского пехотного полка, сверх комплекта, затем в 1789–1792 гг. — Фанагорийского гренадерского полка.

Стр. 184. Львов Петр Николаевич — в 1778 г. был капитаном, в 1789 г. премьер-майор (с 1785) Астраханского драгунского полка, в 1791 г. подполковник.

Русские войска подошли к Темижбеку 4 мая 1791 г.

Стр. 185. Титов Николай — в 1792 г. премьер-майор (с 1790) Тамбовского пехотного полка.

Стр. 186. Русские войска прибыли к Анапе в 9 июня 1791 г.

Стр. 187. Поликарпов Александр Васильевич — в 1791 бригадир (с 1790) Владимирского драгунского полка.

Стр. 189. Имеется в виду война коалиции европейских держав против революционной Франции.

Стр. 180. Евгений Савойский (1663–1736) — принц, выдающийся полководец, воевал на стороне австрийских Габсбургов; одерживал победы над турками (1697, 1716–1717) и французами (1707–1709), подавлял восстание в Венгрии (1703–1711) и в Нидерландах (1717).

Стр. 195. Чемоданов Петр Алексеевич (ум. 1817) — в 1787 г. подполковник (с 1779) Владимирского пехотного полка, с 1788 полковник Московского гренадерского полка; позднее генерал-лейтенант.

Стр. 197. Буткевич Александр Дмитриевич (ум. 1832) — в 1789 г. полковник (с 1789) Александрийского легкоконного полка, в 1791 г. Ростовского карабинерного полка; позднее генерал-лейтенант.

Стр. 201. Попов Зиновий Никитич — в службе с 1769 г., с 1789 г. поручик, полковой квартирмейстер Астраханского драгунского полка.

Стр. 202. Гернгутеры (моравские или чешские братья) — христианская секта, возникшая в XV в. во время гуситских войн; гернгутеры отвергали присягу, гражданскую и военную службу и брак; в Россию они переселились в XVIII в., получив разрешение основать колонию в Сарепте (в Саратовской губернии).

Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число

Впервые опубликован в журнале «Отечественные записки» за 1825 г. (ч. 24, № 68) под заголовком «Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число». В 1896 г. был опубликован в Екатеринодаре под названием «Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число»; автор предисловия И. Братков, автор примечаний В.Г. Толстов. В приложении опубликованы рапорты С.А. Булгакова и И.И. Германа. Текст публикуется по изданию 1896 г., комментарии В.Г. Толстова публикуются подстрочно.

Герман фон Ферзен Иоган (Иван Иванович) (1744 — после 1801) — в русской службе с 1770 г., в 1778–1782 гг. служил в Кабардинском пехотном полку, с 1782 г. полковник, с 1783 г. командир Владимирского пехотного полка, в 1787 г. исправлял должность генерал-квар-

тирмейстера, занимался составлением карты Кавказа, с 1790 г. генерал-майор, в 1791 г. покинул Кавказ, с 1797 г. генерал-лейтенант, в 1798 г. генерал-квартирмейстер русской армии, в 1799 г. произведен в генералы от инфантерии и назначен командующим русским десантным корпусом в Голландии, однако 8 сентября русские войска были разбиты французами, а сам Герман попал в плен, в 1800 г. после заключения мира Герман вернулся на службу, но вскоре умер.

Стр. 204. Батал-паша, Хуссейн (ум. 1801) — турецкий военачальник, взят в плен в 1790 г.

Мансуров Борис Александрович — см. прим к стр. 160.

Стр. 205. Шах — имеется в виду Шейх-Мансур.

Веревкин Михаил Михайлович (ум. 1819) — в 1791 г. премьер-майор (с 1788), служил в 1-м батальоне Кавказского егерского корпуса; позднее генерал-лейтенант.

Стр. 206. Беервиц, Осип Федорович (ум. 1812) — барон, с 1784 г. полковник Херсонского полка, с 1789 г. бригадир (Каргопольский карабинерный полк), с 1791 г. генерал-майор; позднее генерал-лейтенант.

Штедер — см. прим. к стр. 149. Булгаков — имеется в виду С.А. Булгаков, см. о нем прим. к стр. 74. В своем рапорте от 8 сентября 1790 г. на имя князя Потемкина Булгаков писал, что де Бальмен 27 сентября предписал ему переправиться через Кубань и соединиться с генерал-майором Германом; однако 29 сентября Герман узнал, что Батал-паша переправился через Кубань напротив расположения войск Германа; Булгаков поспешил навстречу Герману, но не успел к сражению (Погром Батал-паши на берегах Кубани 30 сентября 1790 г. Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число. Екатеринодар. 1896. С. 26).

Стр. 212. Орбелиани Дмитрий Захарович (1763–1827) — князь, начал службу в 1769 г. в конной гвардии, участник 2-й русско-турецкой войны, в 1789 г. секунд-майор Астраханского драгунского полка (с 1788), участник взятия Анапы в 1791 г., о чем привез известие Екатерине II, с 1791 г. премьер-майор, позднее генерал-майор, в 1803 г. после убийства Лазарева вывозил царицу Марию из Грузии, в 1804 г. был под Эриванью, впоследствии шеф Кабардинского полка (1804–1811), участник экспедиции в Закаталы (1804); в 1811 г. был командиром 20-й пехотной дивизии, с 1812 г. генерал-лейтенант, в 1816 г. состоял по армии.

Стр. 213. Афросимов Павел — майор артиллерии (с 1784), с 1791 г. подполковник.

Стр. 215. Речь идет об Александре Пишчевиче. Подробнее об участии в экспедиции и об истории награды см. в его мемуарах, публикуемых в настоящем сборнике.

Луковкин Амвросий Гаврилович — согласно Списку воинского департамента на 1792 г. бригадир от армии (с 1784), служил в Войске Донском; позднее генерал-майор.

Деконский Андрей — см. прим. к стр. 152.

Стр. 216. Розен, фон, Владимир Иванович (1742–1790) — барон, участник 2-й русско-турецкой войны, в 1789 г. в чине генерал-поручика (с1789) шеф Владимирского драгунского полка, в 1789–1790 гг. командовал Кубанским корпусом.

Каховский Михаил Васильевич — см. прим. к стр. 63.

Стр. 217. Поликарпов Александр Васильевич — см. прим. к стр. 187.

С. А. Тучков

Записки. 1766–1808

Тучков Сергей Алексеевич (1769–1839) — начал службу в 1773 г. во 2-м фузелерном полку, участвовал в русско-шведской войне 1788–1790 гг., в 1794 г. в войне против польских конфедератов, во время которой познакомился с П.Д. Цицановым, с 1798 г. генерал-майор, был назначен шефом Кавказского гренадерского полка, в 1803 г. был правителем Грузии, в 1803–1804 гг. участвовал во взятии Ганжи и осаде Эривани, в 1805 г. ввиду неприязненных отношений с Цицановым покинул Кавказ, выйдя в отставку. Участвовал в руско-турецкой войне 1806–1812 гг. В частности, в 1812 г. во главе особого отряда совершил экспедицию на правый берег Дуная, был представлен за это М.И. Кутузовым к награде, но не получил ее. В 1812 г. в составе Молдавской армии участвовал в Отечественной войне, но был обвинен в том, что войска его корпуса участвовали в разграблении сокровищ в имении кн. Радзивилла. Такие же обвинения были выдвинуты и против главнокомандующего Молдавской армии П.В. Чичагова. (Это дело было вызвано жалобой так называемой «польской партии» и в частности А. Чарторыйского.) Обвинения эти были сняты с Тучкова только в 1826 г. Состоя под следствием, Тучков занимался составлением «Военного словаря» (ч 1–2. М., 1818), а также издал 4 тома своих сочинений, куда вошли его переводы античных и современных авторов, а также собственные поэтические произведения. Позднее Тучков участвовал в русско-турецкой войне 1828–1829 гг., будучи прикомандирован к главной квартире 2-й армии, в 1829 г. он был произведен в генерал-лейтенанты. В 1830–1835 гг. градоначальник в Измаиле. С 1835 г. в отставке. Умер в 1839 г. в Москве.

В письме князю А.И. Горчакову от 28 мая 1813 г. Тучков, ходатайствуя за переселившихся из Турции некрасовцев, делился и своим «кавказским» опытом: «Остается мне только представить вашему сиятельству мысль мою о правлениях, учрежденных во вновь приобретаемых землях, и что вводимое [правление] наше на основании Учреждения о губерниях не везде прилично. Примером и доказательством сего может служить Грузия, где я был правителем. С открытием оного там ознаменовались многие неудовольствия и возмущения, а казенные доходы так упали, что недоставало оных даже на содержание жалованием судей...» Эта же мысль была выражена С.А. Тучковым еще ранее, в составленных сразу после возвращения из Грузии «Записках касательно земель между Черным и Каспийским морем находящихся, и особливо о Грузии, показание теперешнего ее состояния с некоторыми видами исправления оного». Тучков в них отмечал, что российское правление, установленное на основе Учреждения о губерниях, «не сходствует ни с нравами, ни с обычаями народными», и, «дабы согласить все предметы недовольных воедино» предлагал провести выборы от сословий в депутатское собрание. И если бы это собрание решило, что Грузии необходим царь, то следует «поставить царя, ограниченного законами, подданного российскому престолу и подчиненного Сенату» (Сочинения и переводы С. Тучкова. Т. 4. СПб., 1817. С. 191, 193). На случай же, если такая форма правления будет признана невозможной, Тучков предлагал ряд других реформ в управлении (см. подробнее там же. С. 194–200).

С.А. Тучков оставил свои воспоминания — «Записки». Они охватывают период с 1766 по 1808 г. Записки были использованы Н.Ф. Дубровиным в работе «История войны и владычества русских на Кавказе» (Т. III, IV, СПб., 1886). При этом Дубровин указал, что он пользовался рукописью, хранящейся в Архиве Главного штаба в Петербурге (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. Т. 3. С. 231). Целиком же записки были впервые опубликованы в приложениях к № 1–8 журнала «Русский вестник» за 1906 г., а затем под редакцией и с предисловием К.А. Военского отдельным томом в издании журнала «Свет» (СПб., 1908). История публикации записок С.А. Тучкова изложена в диссертации А.А. Кононова, посвященной К.А. Военскому. На публикацию 1908 г. резко критической рецензией отозвался Н.Д. Чечулин, упрекавший редактора и издателя в отсутствии справочного аппарата и в произвольных, никак не оговоренных сокращениях, сделанных в издании 1908 г. по сравнению с публикацией в «Русском вестнике». Военский оправдывался, сообщив, что рукопись являлась собственностью редактора «Русского вестника» В.В. Комарова и была опубликована в первый раз без участия Военского. После смерти Комарова редакция «Света» обратилась к Военскому с просьбой написать предисловие для новой публикации мемуаров. Вопреки мнению историка редакция опубликовала сокращенный вариант текста, руководствуясь чисто издательскими соображениями. (Кононов А.А. Историк К.А. Военский (1860–

1828). Дисс... канд. ист. наук. СПб., 2000 С. 119–120; Рецензия Чечулина опубликована в «Журнале Министерства народного просвещения». 1909. Ч. 19. № 1. С. 183–198; ответ Военского там же № 2. С. 453–454).

В настоящем издании нами публикуется часть записок Тучкова, относящаяся к его пребыванию на Кавказе, по изданию 1908 г. Пропущенные в этом издании места приведены в комментариях по изданию «Русского вестника» и обозначены в тексте арабскими цифрами.

Сопоставление цитат Дубровина (при условии, что Дубровин корректно цитирует Тучкова) и публикации Комарова-Военского показывает, что имелись две редакции «Записок». Насколько удалось установить (учитывая ограниченные объемы цитирования Тучкова Дубровиным), редакции различаются в основном стилистически. Редакция, опубликованная «Русским вестником» и «Светом», стоит ближе к произведениям «изящной словесности». Особенно видно это, если сравнивать описание пребывания Тучкова в Эчмиадзинском монастыре (цитата, посвященная этому сюжету у Дубровина наиболее обширная). При идентичном в целом содержании в «редакции Комарова-Военского» присутствуют диалоги Тучкова с архиепископом Иоанном и с князем Цициановым (стр. 323–326 настоящего издания). В «редакции Дубровина» фактическая информация, содержащаяся в этих диалогах, пересказана Тучковым от своего лица (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. IV. С. 363–364). Вместе с тем, в «редакции Дубровина» приведена дата прибытия Тучкова в Эчмиадзинский монастырь — «6 числа» (имеется в виду 6 сентября), отсутствующая в «редакции Комарова-Военского». Для публикации 1906–1908 гг. вообще характерна странная ситуация с датами. Они в ней практически отсутствуют, особенно при описании событий 1803–1804 гг. (не указаны ни годы, ни числа) — и это при детальнейшей относительной датировке событий (с точностью вплоть до времени суток). Своеобразным исключением, лишь подтверждающим правило, является указание на день снятия осады Эривани — 3 сентября (стр. 321 настоящего издания). Дата как бы повисает в воздухе, ведь в тексте не указан год. Вместе с тем в «редакции Дубровина», как уже говорилось, приведена и следующая дата — 6 сентября (1804 г.), день прихода в Эчмиадзин (ср. Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886. С.71 и 269–270 настоящего издания). Подобная же ситуация с датами наблюдается и при описании убийства Лазарева: в «редакции Дубровина указана дата выезда Тучкова из Тифлиса, а в «редакции Комарова-Военского» ее нет. В этом же эпизоде в публикации Военского отсутствует и фамилия коменданта Моздока (полковник Протопопов), названная Дубровиным. Но в целом описание этого сюжета в публикации 1906–1908 гг. более пространно, нежели у Дубровина. Учитывая приведенные наблюдения, можно предполагать, что в «редакции Комарова-Военского» были умышленно (с целью беллетризации текста?) сняты даты, которые име-

лись в более ранней редакции текста, которой располагал Дубровин. Впрочем, история текста записок Тучкова требует дальнейшего изучения, и в первую очередь поиска в архивах оригинала рукописи.

При сравнении цитат Дубровина и публикации «Русского вестника» — «Света» мы обнаружили, однако, и одно смысловое различие — в описании убийства генерала Лазарева. Характеризуя отношения царицы Марии и Лазарева, Дубровин приводит такую цитату Тучкова: «Царица Мария имела причины лично негодовать на Лазарева за разные оскорбления, причиняемые ей при всяких случаях, встречавшихся в ее тогдашнем положении. Она жаловалась даже неоднократно князю Цицианову, но не получила от него никакого удовлетворения» (Дубровин Н.Ф. Указ. соч. IV. С. 68–69). В «редакции Комарова-Военского» (стр. 271 настоящего издания) речь идет только о предложениях царице выехать из Тифлиса, а не о «всяких случаях»: «Все предложения генерала Лазарева делаемы были царице с некоторого рода насмешкой и недовольным уважением, она жаловалась на то князю Цицианову и не получила никакого удовлетворения».

Работа над записками была завершена автором после 1817 г., так как он упоминает о своем посещении Петербурга в 1816 и 1817 гг.

Как отмечал в предисловии к публикации «Записок» К.А. Военский, характеристика Александра I «писана пером неблагожелательным, подчас мстительным и жестоким» (К.А. Военский [Предисловие] // Записки С.А. Тучкова СПб. 1908 С.VIII). Связано это в первую очередь с тем, что служебная карьера С.А. Тучкова в царствование Александра складывалась неудачно. Помимо отрицательных отзывов о Тучкове Цицианова, сыграла свою роль и неприязнь к нему Аракчеева (см. Коломойцев П.Т. Генерал-лейтенант С.А. Тучков. Одесса. 1908. С. 29–30). Сводит Тучков счеты и с Цициановым.

Стр. 218. Тучков был произведен в генерал-майоры со старшинством со 2 ноября 1798 г. О корпусе Конде см. прим. к стр. 73. Неудовольствие Павла на корпус Конде объяснялось несколькими причинами. Во-первых, до него дошли, по-видимому, слухи об отсутствии в корпусе дисциплины, о браконьерстве и стычках с местным населением. Во-вторых, в июне 1798 г. в руки властей попали письма французских офицеров, в которых они критически оценивали государственное устройство и законодательство России, а также самого императора (Васильев А.А. Роялистский эмигрантский корпус принца Конде в Российской империи. 1798–1799 // Великая французская революция и Россия. М., 1989. С. 323, 325).

Стр. 219. Зорич Семен Гаврилович (1743–1799) — генерал-майор, фаворит Екатерины II, при Павле генерал-лейтенант.

В XVII–XVIII вв. шел процесс переселения сербов с турецких территорий на территорию Австро-Венгрии; сербы были организованы в ландмилиционные полки и охраняли границу Австрии с Турцией. В

период борьбы Марии-Терезии с Фридрихом Великим венгерские магнаты в обмен на военную помощь просили венский двор передать им земли, заселенные сербами, а ландмилицию реорганизовать. Недовольство таким поворотом событий привело к массовому переселенческому движению сербов в Россию во главе с И. Хорватом. В итоге в начале 1750-х гг. в России были образованы сербские колонии на началах самоуправления — Новая Сербия и Славяно-Сербия. В конце XVIII в. это самоуправление было окончательно ликвидировано.

Стр. 221. 1. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«Все военные поселения берегов реки Дона управлялись и управляются поныне главными их начальниками, под именем войскового атамана, и войсковым правлением, составленным из выбираемых на известное время чиновников. Войсковой атаман и сие правление всегда находятся в Черкасске. Для управления же в станицах избирается по одному станичному атаману, по одному есаулу и его помощнику (впоследствии число есаулов увеличено от двух до трех человек) и по одному писарю или секретарю. Есаулы, составляя особенное присутствие, управляли каждый своей станицей отдельно; в важных же делах относились они к войсковому атаману или в войсковое правление, казачий круг. Сюда съезжались все есаулы и представители или депутаты станиц. Но сие собрание с тех пор, как казаки подверглись совершенно деспотической власти российских государей, совсем уничтожилось. Остались только некоторые обряды при выборе станичных атаманов и есаулов, в мое время существовавшие, при которых удалось присутствовать и мне».

Относительно Иловайских Тучков ошибается. Войсковым атаманом с 1775 г. был генерал от кавалерии Алексей Иванович Иловайский (1735/1736–1797). После него войсковым атаманом был генерал от кавалерии Василий Петрович Орлов (1745–1801). Наказным же атаманом при А.И. Иловайском и В.П. Орлове был брат первого — генерал от кавалерии Дмитрий Иванович Иловайский (1737–1800). По-видимому, именно его имеет в виду Тучков. Сын старшего Иловайского — вероятно, имеется в виду Павел Дмитриевич Иловайский 2-й (1764–1810), генерал-майор с 1798 г., позднее генерал-лейтенант, или Иван Дмитриевич Иловайский 4-й (1766 — после 1827), генерал-майор с 1799 г., в 1812 г. отряд под его командованием первым занял Москву и очистил ее от остатков наполеоновских войск, вышел в отставку в 1827 г.

Стр. 224. Гражданин П. — Речь идет об Алексее Григорьевиче Попове (1764–?), который окончив в 1782 г. Московский университет, поступил в войсковую канцелярию Войска Донского писарем и землемером по межеванию; в дальнейшем в течение многих лет он зани-

мался вопросами межевания, с 1799 г. — подполковник, в 1801–1802 служил в уголовной, а затем в гражданской экспедициях войсковой канцелярии, с 1805 г. — директор училищ Войска Донского, в 1807 г. переименован в коллежские советники; в 1814–1816 гг. опубликовал в Харькове «Историю о Донском войске» в двух частях.

Стр. 229. О Кавказской линии см. прим. к стр. 20 и 70.

2. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«Сие великое пространство земли, занимаемое крепостями помянутой линии, простирается в длину от Каспийского до Черного моря, а в широту от берегов Дона и Волги почти до половины подошвы гор Кавказских. Греческие и римские писатели мало имели сведений о древних обитателях сей земли. Первые говорят только о баснословных походах Кира и Александра Македонского против амазонок, живших на берегах Танаиса, что ныне Дон, о реке Волге, называвшейся тогда Ра, о скифах и сарматах, в число которых включали они всех неизвестных им народов севера, исключая готов. А последние имели весьма недостаточное понятие об оных через походы Помпея и Лукулла против Митридата. Писатели христианских веков еще менее имели сведений о сих народах. Следует жалеть о том, что ученые путешественники новейших времен, каковы были там профессор Паллас и граф Пушкин, мало посещали сию страну. Они занимались больше рассматриванием натуры, нежели древностями. Правда, что земля сия представляет мало памятников; но и те недовольно исследованы. Профессор Паллас говорит в одном месте описания своего путешествия, что он приметил, будто вся сия страна во время глубокой древности покрыта была водою, и что Каспийское море соединено было с Черным. Это заключает по слоям земли, по множеству морского песку и раковин, находящихся в некоторых возвышениях и по горьким и соленым водам в некоторых местах. Но сия глубокая древность больше любопытна для испытателей природы и не подает ни малейшего света относительно древностей исторических. Правда, он привез с собой несколько найденных там статуй, обломков и монет и приписывает первые татарам, до обращения их в магометанство, чему вера сия весьма противится. Старинные русские историографы, как-то Нестор и другие, раньше всего говорят о половцах, черных клобуках и уграх в тех местах обитавших. Но какого те народы были поколения, — достаточно не объясняют. Позднейшие европейские писатели называют венгров остатками войска Атиллы и происшедшими от гуннов, потому, что на латинском языке называют их хунгурами или унгурами. Однако венгры и поныне на природном своем языке не называют себя ни венграми, ни хунгурами, но мажар. На Кавказской же линии между Кизляром и Моздоком есть селение, называемое Мажары. Оно состоит из русских и названо по урочищу, которое до их поселения там известно было под сим именем черкесам, ногайским татарам, с весьма давних времен там обитающим. Сверх того, вблизи помянутого селения находится множество древних развалин, в кото-

рых тамошние поселенцы выкапывают иногда старинное оружие, некоторое с латинскими, а другое вовсе с неизвестными надписями. Черкесы весьма стараются их покупать как по уважению к древности, так и по доброте железа.

Противники сего мнения говорят, что слово мажар есть татарское и значит молитвенное место или кладбище. Но если это было кладбище татарское, то откуда взялось там оружие с латинскими надписями? Сверх того, судя по развалинам, место сие слишком обширно для кладбища. Да если оно и было таково, то где же был город, ибо других развалин нигде в окрестности не видно? Причем надобно сказать, что татары не весьма давно сделались кочующим народом. Прежде имели они свои города и крепости, что доказывают Казань, Астрахань и многие другие города, ими построенные. Обратимся на время к древностям российским и скажем: венгры называют себя мажарами, Мажары есть урочище, лежащее неподалеку от Черных, то есть первых хребтов гор Кавказских. В десятом же столетии, когда венгры мало были известны европейским писателям, в истории Владимира упоминается об уграх — уповательно о венграх. Угры есть слово сокращенное и мне случалось читать в одной древней рукописи, где сочинитель, говоря о Владимире, упоминает, что при нем находилась угорская конница. Что значит угорская конница, как не конница, обитавшая у гор или подле гор. Не доказывает ли сие, что слово угры взято из славянского — у горы живущие; а в сокращении угры, как пишется о том в Истории Российской. Какого они поколения гуннов, или другого какого народа, — не останавливаюсь я на изысканиях; скажу только, что все доказывает, что венгры, гунгары или угры имели там древнее свое жительство».

Стр. 232. 3. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст: «Знаменитейшими происшествиями сего времени были только известные походы войск российских в Голландию и Италию».

Киселев — начальник Кавказской линии в 1798–1799, генерал-лейтенант — возможно, Павел Иванович Киселев, шеф Казанского мушкетерского полка в 1799 г.; или Федор Иванович Киселев — генерал-майор с 1795 г. (1758–1813) — в 1789 г. полковник Астраханского гренадерского полка, в 1796 г. командовал войсками, расположенными в Одессе, позднее генерал-лейтенант.

Стр. 233. Аракчеев Алексей Андреевич (1769–1834) — граф (с 1799), фаворит Павла I и Александра I, генерал от артиллерии (с 1807), в 1808–1810 гг. министр военно-сухопутных сил.

Кутайсов Иван Петрович (1759–1834) — обер-шталмейстер при Павле I.

Стр. 234. 4. В издании 1908 г. пропущен следующий текст:

«Около сего времени случилось весьма печальное происшествие на Дону, стоившее жизни нескольким чиновникам и казакам, другим же ссылки в Сибирь.

Некто Грузинов, служивший при Екатерине в лейб-казацкой сотне или эскадроне, известен был и тогда Павлу I, как хороший офицер. По вступлении своем на престол вздумал сей государь, вместо одного эскадрона, составить целый полк гвардейских казаков. Еще до того произвел он Грузинова в подполковники, наградил орденом и недвижимым имением. Но при составе сего полка дал он младшему сравнительно с ним чиновнику эскадрон, а ему велел находиться при оном же. Грузинов настолько сим обиделся, что не хотел больше служить и произнес некоторые непозволительные слова против своего начальства. Павел I приказал его за то арестовать и посадить в крепость. Он не переставал и там говорить некоторые дерзости, что дошло до сведения и государя. Вместе с тем, показано было, что он отчасти помешался в уме. Сие последнее обстоятельство было причиною, что он отослан был на Дон, в дом его, находившийся в городе Черкасске. Но так как Павел I посылал везде своих шпионов, то узнал он, что Грузинов и тут непрестанно злословит правительство и даже его. Поэтому послал он туда адъютанта своего генерал-лейтенанта Кожина, для исследования его поступков; а ему между тем запрещено было выезжать из города. Кожин, находясь в Черкасске, увидел в один день Грузинова, проезжающего верхом за городом, и послал в ту же минуту казаков взять его и посадить под караул. Больной Грузинов столько сим оскорбился, что произнес еще важнейшие непозволительные слова, которые донесены были Кожину; а сей представил об оных государю. Лишь только известие сие достигло государя, велено было нарядить военный суд, для председательствования в котором прибыл генерал-лейтенант Репин. Между тем Грузинов содержался под строгим караулом. Кожин, желая выставить важность своей заслуги и дать вид усмиренного им возмущения, не переставал узнавать тайно, кто посещает Грузинова. А так как последний имел много родных и друзей, то и было число их немалое. Кожин заставил признаться некоторых часовых в том, что они слышали многие дерзкие слова, произносимые Грузиновым при его посетителях, которые все, якобы его соучастники, преданы были военному суду, — равно и те из казаков, — которые, стоя в карауле, не хотели, а может быть, и не могли делать желаемого Кожиным сего доноса. Они все были судимы в оскорблении величества и приговорены к смертной казни, каковая со времени царствования императрицы Елизаветы, по воле ее, уничтожена была законами российскими. Невзирая на то, Павел I утвердил приговор суда. Итак невинно погибли на эшафоте до десяти человек чиновников и казаков. Некоторые же мучительным образом окончили жизнь свою под ударами кнута, в числе которых был и несчастный Грузинов. Никто не думал тогда, чтоб Павел I мог почесть сумасбродство Грузинова за настоящий заговор и возмущение. Все полагали, что он

хотел тем испытать, до какой степени простирается самовластие его в России. Он пред тем сделал еще один опыт — чрез наказание кнутом нескольких людей дворянского достоинства, — невзирая на то, что по законам, изданным и утвержденным отцом его, Петром III, и матерью, дворянство российское освобождено от телесного наказания. Но в сем последнем случае дал он вид некоторого порядка в соблюдении законов, ибо несчастные, подвергнутые сему наказанию, лишены им были пред тем достоинства дворянского. Как бы то ни было, но император Павел I, по природному своему характеру, после печального сего происшествия на Дону пришел в раскаяние. Всю вину возложил он на генерал-лейтенанта Репина, исполнившего его повеление, и выключил его за то из службы, а Кожин, бывший главною причиною сего несчастия, остался по-прежнему при нем адъютантом,

Скоро после сего приехал на Кавказскую линию известный своею ученостью, а особенно по части химии, тайный советник и камергер граф Пушкин. Он, пробыв несколько времени там, отправился в Грузию, как для изысканий и использования открытий в царствах природы, так и для некоторых политических переговоров с царем сего государства. В то же время был там проездом в Грузию армянский патриарх Иосиф Аргутинский. Далее в сих записках буду я иметь случай подробнее о них говорить, а наипаче о последнем».

Кнорринг Карл Федорович, фон (ок. 1746–1820) — в службе с 1758 г., с 1764 корнет, с 1769 ротмистр, с 1771 секунд-майор, в 1788 подполковник (с 1785), командир 2-го батальона Бугского егерского корпуса; полковник (с 1789), в том же году переведен в Ингерманландский пехотный полк, в 1792 полковник Таврического гренадерского полка; в 1796 бригадир (с 1794); в марте 1799 в чине генерал-лейтенанта назначен инспектором кавказской пехоты и командующим Кавказской линией, 1801–1802 гг. одновременно главнокомандующий в Грузии.

Стр. 237. История русско-грузинских отношений изложена Тучковым с многочисленными неточностями. В XVII–XVIII вв. Грузия стала ареной борьбы между Ираном и Турцией за господство в Закавказье. В 1586 г. кахетинский царь Александр II (1527–1605, царь в 1574–1601, 1602–1605) обратился к Федору Иоанновичу с просьбой о принятии Кахетии в подданство России. Федор Иоаннович титуловал себя «государем земли Иверской, грузинских царей и Кабардинской земли, черкесских и горских князей». В 1594 г. из Терского городка был предпринят поход воеводы князя Андрея Хворостинина в Дагестан в целях защиты Грузии от набегов шамхала Тарковского. Князь Хворостинин взял столицу шамхала — Тарки, но обещанной помощи со стороны царя Александра не дождался. Между тем русские войска сильно страдали от голода, болезней и нападений горцев. Закономерным итогом этого стало отступление, во время которого погибло три четверти отряда.

Царь Таймураз I (1589–1663, царь Кахети в 1606–1616, 1625–1633, 1634–1648, царь Картли в 1629–1633) в борьбе против иранской агрессии неоднократно обращался за помощью к России; он несколько раз отправлял посольства в Россию с просьбой о помощи, причем в 1624 г. просил принять его в русское подданство, а в 1639 г. присягнул на верность русскому царю. В 1652 г. он послал своего внука Ираклия (ум. 1709) в Москву и просил помощи войсками, чтобы вернуть утраченную власть, а затем лично прибыл в Москву в 1658 г. уже к Алексею Михайловичу, а не к Михаилу Федоровичу. Однако в тот момент Россия не смогла оказать помощь Грузии. Ираклий жил в Москве с 1653 по 1660 и с 1666 по 1674, где занимал почетное место при дворе и именовался царевичем Николаем Давидовичем. Впоследствии под именем Ираклия I (в исламе Назар-Али-хан) он был царем Картли (1688–1703) и Кахети (1703–1709).

Арчил II Вахтангович (1647–1713) — царь Имерети (1661–1663, 1668–1669, 1695–1696, 1698), царь Кахети (1664–1675); в 1775 г. выехал в Россию, позднее несколько раз пытался утвердиться в Имерети, но безуспешно, с 1799 жил в Москве, где занимался литературной деятельностью и основал первую грузинскую типографию.

Вахтанг VI Леонович (Хуссейн-Кули-хан) (1675–1737) — правитель (регент) Грузии в 1703–1709 гг., царь Грузии (1716–1724), в 1705–1708 гг. кодифицировал грузинские законы. В 1722 г. во время Персидского похода поддержал Петра I и вывел свое войско на соединение с российской армией, однако недостаток провианта и эпидемия вынудили Петра прервать поход и вывести войска из Дербента. В результате Вахтанг, оставшийся один на один с Турцией, утратил власть и вынужден был в 1724 г. эмигрировать в Россию. Жил в Москве, а затем в Астрахани, в 1734 г. участвовал в походе на Дербент.

Семен — имеется в виду царь Имерети Соломон I Великий (1735–1784, царь с 1752); Ираклий II (1720–1798), царь Кахети (1744–1798), царь Картли (1762–1798). В 1768 г. в Петербург прибыло имеретинское посольство с просьбой о помощи в борьбе против Турции. В это время началась русско-турецкая война. В связи с этим в Грузию был послан поручик Хвабулов с поручением вовлечь Картли-Кахетию и Имеретию в действия против турок. В результате достигнутых договоренностей в Грузию был введен отряд под командованием Тотлебена численностью 3767 чел. Авантюризм Тотлебена и ряд военных неудач привели к заговору против него, в котором участвовали и офицеры его отряда, а затем и к отзыву Тотлебена с Кавказа.

Тотлебен, Готлиб-Курт-Генрих (1715–1773) — граф (с 1745), выходец из Тюрингии, с 1759 г. в чине генерал-майора состоял на русской службе, во время Семилетней войны был судим за измену, приговорен к смерти, но вместо этого в 1763 г. был выслан из России, в 1769 г. он обратился к императрице Екатерине с просьбой разрешить ему вернуться, так как он «никак нигде жить не может, и если б не боялся душу погубить, зарезался бы». Екатерина определила его на

жительство в городе Порхове с содержанием 1 рубль в сутки, а в 1769 г. Тотлебен был назначен командовать русскими войсками в Закавказье. Действия Тотлебена по меткому выражению С. Масловского были «образцом стратегии приключений».

В 1771 г. Тотлебена сменил А.Н. Сухотин (Тучков ошибочно называет его Сухониным), о нем см. прим. к стр. 41.

Стр. 238. О Георгиевском трактате см. прим. к стр. 97; К.А. Военский ошибается в примечаниях. Речь идет не о Николае Борисовиче, а об Александре Николаевиче Самойлове — см. прим к стр. 60.

О походе В.А. Зубова см. прим. к стр. 71.

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) — генерал-майор (с 1793), участник Персидского похода в 1796 г., с 1798 г. генерал-лейтенант, с 1799 г. командовал русским корпусом в Швейцарии, в 1806–1809 гг. виленский военный губернатор, в 1812–1830 гг. литовский военный губернатор.

После нашествия Ага-Магомет-хана в Грузию были введены батальон Кавказского егерского корпуса, батальон Кавказского мушкетерского полка и 550 казаков. При возвращении войск из Персидского похода часть войск (под командованием Римского-Корсакова) шла через Грузию. К сентябрю 1797 г. русские войска были окончательно выведены из Грузии.

Стр. 239. Тучков ошибается: Ираклий II умер в 1798 г.

Георгий XII (1746–1800) — сын Ираклия II, в 1798–1800 гг. царь Картлинско-Кахетинского царства.

В начале 1798 г. Георгий сообщил о своем желании подтвердить договор 1783 г. и просил выслать в Грузию русский отряд. В апреле 1799 г. резидентом в Грузии был назначен статский советник Коваленский. В ноябре 1799 г. в Грузию прибыл полк полковника И.П. Лазарева (с 1801 — 17-й егерский). Вместе с тем, особой грамотой от 18 апреля 1799 г. Павел утвердил в царском достоинстве Георгия XII, а его старшего сына Давида признал наследником. В июне 1800 персидские войска подошли к границам Грузии и шах заявил свои претензии на нее. Георгий просил о помощи Россию, и в сентябре 1800 г. в Грузию прибыл полк Гулякова (с 1801 — Кабардинский мушкетерский). 18 декабря 1800 г. Павел подписал манифест о присоединении Грузии к России, а 28 декабря умер Георгий. Узнав о смерти Георгия, Павел 18 января 1801 г. обнародовал манифест в Петербурге. В Тифлисе же он был обнародован только 16–17 февраля.

Мусин-Пушкин Аполос Аполосович (1760–1805) — граф, химик, минералог, физик, вице-председатель Горной коллегии в Петербурге; совершил поездку в Грузию для минералогического исследования.

Стр. 240. Ростопчин Федор Васильевич (1763–1826) — граф (с 1799), с 1798 г. действительный тайный советник, в сентябре 1799 –

феврале 1801 гг. первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, сторонник присоединения Грузии к России, в 1812–1814 гг. главнокомандующий в Москве, с 1814 г. член Государственного совета, с 1823 г. в отставке.

17 февраля 1801 г. в Грузию двинулся батальон Кавказского гренадерского полка под командованием подполковника Ф.Ф. Симановича, а 7 марта батальон под командованием шефа полка С.А. Тучкова. 3 мая 1801 г. полк прибыл в Тифлис.

Стр. 241. Тагаурия — общество, занимавшее восточную часть Северной Осетии, власть в нем принадлежала крупнейшим 11 феодальным фамилиям, которые в документах называются «старшинскими». Часть из них жила за счет эксплуатации дороги, соединяющей Грузию с Северным Кавказом.

Стр. 242. Дарьяльская крепость существовала уже в I в. н. э. (Очерки истории Грузии. Т. I. Тбилиси. 1898. С. 267). По одному из преданий замок принадлежал легендарной царице Дарии, которая сбрасывала с его вершины опостылевших возлюбленных.

Стр. 243. Весной 1801 г. на Кавказ прибыл также Тифлисский мушкетерский полк генерал-майора Леонтьева.

Леонтьев Алексей Алексеевич — в 1794 г. произведен в прапорщики лейб-гвардии Семеновского полка, с 1797 г. капитан, с 1799 г. полковник, с 1800 г. шеф Тифлисского мушкетерского полка, участник боевых действий с горцами в 1803–1804 гг.

Стр. 244. Дворянин Казбек Гавриил — дворянин из горцев, майор русской службы, во время восстания 1804 г. был на стороне российских властей.

Симонович Ф.Ф. — см. прим к стр. 83.

Стр. 250. Вахтанг (Алмасхан) (1761–1814) — грузинский царевич, сын Ираклия II.

Стр. 251. Давид Георгиевич (1767–1819) — сын Георгия XII, с декабря 1800 по июнь 1801 г. управлял Грузией, имея титул «правителя Грузии», в 1803 г. уехал в Россию.

Стр. 252. Христианство становится государственной религией Картлийского царства при царе Мириане (ок. 337 г.). В Лазском царстве христианство становится государственной религией с 523 г. При царе Картли Вахтанге I Горгасале (446–502), стремившемся к независимости Грузии от Ирана и к ее объединению, восточно-грузинская церковь получает автокефалию от Антиохийской патриархии. Вахтанг же основал Тбилиси. Дачи — царь Картли (502–514).

5. В издании 1908 г. пропущен следующий текст:

«Странным кажется, однако же, для чего греческие и римские историки давали многим народам, землям и даже, известным в истории людям такие имена, которыми они никогда не назывались, ни ныне так себя не называют. Например, Грузию называли они иногда Иверией, иногда Георгиею, имя, которым грузины, никогда на своем языке себя не называли. Если кого-нибудь спросить на нынешнем их языке: знаешь ли ты по-грузински? — то должно сказать: «Картули ици?» — то есть: знаешь ли по-картульски, или карталински. И сами себя называют они картули по имени их родоначальника и первого владетеля Картлоса.

Армяне, народ только известный под сим именем во всемирной истории, называют себя хай, по тем же причинам, как и грузины картули. Даже турки, сделавшиеся известными уже в веках христианских и так именуемые европейскими писателями, почитают сие наименование для них оскорбительным и называют себя осман».

Стр. 253. В 1794 г. Ираклий II подписал акт о престолонаследии, согласно которому наследником становился Георгий, а после него Юлон — старший сын третьей жены Ираклия Дарии (Дареджан). Павел же в 1799 г. признал наследником Георгия его старшего сына Давида.

Мариан — вероятно, имеется в виду Мириан Ираклиевич — см. прим. к стр. 103.

Иоанн Георгиевич (1768–1830) — грузинский царевич, сын Георгия XII.

Стр. 254. Юлан (Юлон, Иулон) Ираклиевич (1760–1816) — грузинский царевич, сын Ираклия II.

Александр Ираклиевич (1770–1844) — грузинский царевич, сын Ираклия II, бежал в Персию в 1800 г., боролся за независимость Грузии, используя помощь Ирана.

О слухах, будто бы Павел собирался передать Грузию Мальтийскому ордену, упоминает и Бутков (Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. 2. С. 463).

Лазарев Иван Петрович (1763–1803) — с 1792 г. командир 4-го батальона Кубанского егерского корпуса, в 1797 г. произведен в полковники, сформировал 18-й егерский полк и был назначен его шефом (в 1801 г. полк переименован в 17-й егерский); с 1798 г. генерал-майор.

Коваленский Петр Иванович — в 1799–июле 1800 гг. полномочный министр при Георгии XII, но ввиду его сложных отношений с Георгием Павел I отозвал его, в 1802–1803 г. в чине действительного статского советника был правителем Грузии.

Стр. 255. 6. В издании 1908 г. пропущен следующий текст:

«В ожидании прибытия главнокомандующего генерала Кнорринга случилось в соседственной турецкой провинции и городе Ахалцихе довольно важное происшествие. Некто по имени Топал-паша сделал возмущение против владевшего сею провинцией Шариф-паши. Этот, спасая свою жизнь, должен был оттуда убежать. Он прибыл на границу Грузии и просил свидания с Лазаревым. Генерал Лазарев, рассказав мне сие обстоятельство, просил моего совета. Я сказал ему на то: мы находимся теперь в союзе с турками; этот же человек, как видно, намерен вас просить, дабы вы дали ему убежище и покровительство. — Я не могу сделать без воли главного начальника. — Почему же нет? — продолжал я, — примите его, дайте убежище, имейте за ним политический надзор и отнеситесь к главнокомандующему. Хотя обстоятельства в точности нам неизвестны; но прав ли он или виноват, в обоих случаях сделаем мы услугу Порте оттоманской, сохранив его у себя. На это не отвечал он мне ничего. Он поехал потом на свидание и, возвратясь, сказал мне: он прежде просил меня, чтоб я дал ему убежище в Грузии. Но так как я представил ему некоторые затруднения в этом, то начал он меня просить, чтоб я позволил ему проехать мимо наших передовых постов по границе в Имеретию. На это я согласился. Он имеет там приятелем царя Соломона — прибавил он. Имеретия не была еще тогда в зависимости от России. Царь же Соломон, чрез возмущение изгнавший царя Давида, был не что иное, как похититель престола. Поэтому не предвидел я ничего доброго для несчастного Шариф-паши, что вскоре и последовало. По прибыли г. Кнорринга, приехал от него один посланный, по имени Али, с просьбою о помощи для его паши, так как имеретинский царь, хотя сперва его прогнал, но потом, по происках Топал-паши, заключил его в башню вместе с пятью преданными ему людьми. Вскоре затем прибыл другой — с известием, что имеретинский царь велел всем им отрубить головы и отослать к Топал-паше. Неосторожный поступок г. Лазарева оставлен был без внимания».

У нового императора Александра были серьезные сомнения по поводу того, стоит ли принимать Грузию в состав России. В рескрипте 19 апреля 1801 г. Александр предписал Кнорингу отправиться в Грузию и на месте удостовериться, действительно ли Грузия не в состоянии себя защитить и насколько единодушно стремление войти в состав России. Кнорринг прибыл в Тифлис 24 мая 1801 г., отстранил от власти Давида и образовал правительство из грузинской знати под председательством Лазарева. Кнорринг пробыл в Грузии 22 дня, и на основании его доклада 8 августа 1801 г. Государственный совет высказался за присоединение Грузии к России. 12 сентября Александр издал соответствующий манифест. Одновременно с манифестом было опубликовано и «Положение об управлении Грузией» (Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси. 1950. С. 53–55).

Стр. 256. Царица Анна — жена Давида II Георгиевича, правившего Имеретией с 1784 по 1789 г. Летом 1801 г. Анна, притесняемая Соломоном II, бежала из Имеретии с помощью русских войск и отправилась затем в Петербург ходатайствовать перед императором Александром об освобождении сына Константина, находящегося в заложниках у Соломона.

Соломон II (Давид) (1773–1815) — царь Имеретии в 1789–1810 гг.

Рота под начальством майора Б. — имеется в виду находившаяся в Сураме рота капитана Бартенева (Г. Казбек. Военная история Грузинского гренадерского его императорского высочества вел. князя. Константина Николаевича полка в связи с историей Кавказской войны. Тифлис. 1865. С. 25).

Стр. 258. Согласно «Положению об управлении Грузией» от 12 сентября 1801 г. высшим должностным лицом в Грузии являлся главнокомандующий (им был назначен К.Ф. Кнорринг), вторым лицом — правитель Грузии, стоявший во главе Верховного грузинского правительства (им был назначен П.И. Коваленский). Брат П.И. Коваленского был назначен начальником экспедиции казенных и экономических дел Верховного грузинского правительства (всего экспедиций было четыре). Должностей губернатора и вице-губернатора по «Положению» не было (ПСЗ-1 № 20007). Однако должность правителя была аналогичной губернаторской. Вице-губернатор в России в тот период являлся одновременно председателем казенной палаты, поэтому, вероятно, Тучков и называет брата правителя вице-губернатором. Грузия была разделена на пять уездов, в каждом из которых учреждался уездный суд и управа земской полиции. В органы власти наряду с русскими чиновниками входили и представители местной элиты. Гражданские дела должны были решаться по грузинским законам, уголовные — по российским, но с учетом «умоначертания тамошнего народа».

Кнорринг и Коваленский прибыли в Тифлис 9 апреля 1802 г., 12 апреля был обнародован манифест о присоединении Грузии к России, а 8 мая торжественно открыто Верховное грузинское правительство (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т 3. СПб. 1887. С. 444, 447).

Стр. 259. Мария Георгиевна (1786–1850) — грузинская царица, жена Георгия XII, рожденная кн. Цицишвили, после отправки в Россию находилась в Белгородском женском монастыре.

Фарнаоз Ираклиевич (1777–1852) — грузинский царевич, сын Ираклия II.

Ведение российской системы управления в Грузии вызвало недовольство у части местной элиты, которое выразилось, в частности, в «заговоре кахетинских князей» — в июле 1802 г. императору Александру за подписью 69 князей было направлено прошение об утверж-

дении завещания Ираклия II, то есть о восстановлении независимости Грузинского царства во главе с Багратионами. Одновременно князья обратились с воззванием к населению с просьбой поддержать царевича Юлона (Хачапуридзе Г.В. К истории Грузии первой половины XIX века. Тбилиси. 1950. С. 61).

Стр. 260. Орбелиани Иван Давидович (1765–1808) — князь, генерал-майор (с 1801), глава дома Орбелиани, в 1804 г. командовал грузинской дружиной и попал в плен, однако вскоре был освобожден.

Тарханов Соломон — в 1803 г. член Верховного грузинского правительства.

Стр. 261. О Вахтанге, в частности, было известно, что он вел переписку с противниками России: царицей Дарией и царевичами Юлоном и Александром. Противники России просили его не пропускать идущие в Грузию с Кавказской линии войска (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 3. СПб. 1886. С. 518). В итоге на упомянутом Тучковым совещании было принято решение о введении полков Лазарева и Гулякова в Кахетию, а полка Тучкова в Душетский уезд, где находился царевич Вахтанг.

Стр. 265. Неспособность Кнорринга и Коваленского нормализовать обстановку в Грузии, а также многочисленные злоупотребления чиновников в Грузии привели к тому, что 8 сентября 1802 г. инспектором Кавказской линии, Астраханским губернатором и главнокомандующим в Грузии был назначен П.Д. Цицианов, который прибыл в Георгиевск 4 декабря 1802 г.

Цицианов Павел Дмитриевич (1754–1806) — князь, начал службу в 1761 г. в гвардии, в 1778 г. выпущен в армию подполковником Тамбовского полка, с 1786 г. полковник, участник второй русско-турецкой войны и войны с польским конфедератами 1792–1794 гг., с 1802 г. генерал-лейтенант, в 1802 г. назначен инспектором Кавказской линии, Астраханским губернатором и главнокомандующим в Грузии, убит при переговорах с бакинским ханом в 1806 г.

Стр. 266. Согласно инструкциям, полученным в Петербурге, Цицианов должен был обеспечить вывоз членов грузинского царствующего дома в Россию, и в первую очередь царицы Дарии, которая стремилась к возведению на престол царевича Юлона и искала при этом помощи за рубежом (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис, 1901. С. 45).

Стр. 267. 7. В издании 1908 г. пропущен следующий текст.

«От самой глубокой древности Грузия всегда подвержена была завоеваниям сильнейших держав в свете. Ассирияне, древние персы и греки, потом римляне, опять греческая империя; новые персияне и,

наконец, турки попеременно с персиянами, часто имели государство сие под своей властью. При помощи разных других держав, нередко оно и освобождалось от ига иностранцев, до последнего покорения своего державе Российской».

Стр. 268. Баграт Георгиевич (1776–1841) — сын Георгия XII, с 1818 г. камергер, с 1828 г. тайный советник и сенатор.

8. В издании 1908 г. пропущен следующий текст:

«Чрез несколько дней по приезде в Тифлис случилось мне иметь разговор с кн. Цициановым об артиллерии. Он отвергал полезность конной, а я, утверждая, сказал:

— Покойный генерал артиллерии Мелисино, столь известный как по сей, так и по другим ученым частям, образуя оную, сделал опыт еще другого рода артиллерии под названием горной. Она хотя на тот раз не была принята, но все же была бы нам полезна здесь. Я с моей ротой был употреблен для сего опыта. На учебном месте устроена была дефилея в 2 фута ширины и 20 сажен в длину. Пушка 3-фунтового калибра, — действуя наступательно и достигая дефилеи, по данному знаку разбирается, переносится на руках чрез дефилею, опять собирается и действует уже за дефилеей. При чем было сие так устроено и расположено, что от последнего выстрела пред дефилеей, до первого же за оной, не более проходило времени как одна минута. — Кн. Цицанов не хотел тому верить и просил меня показать ему на опыт. По неимению прежних способов не мог я сего исполнить так, как то явно представлено в Петербург. Однако же, с небольшим в $1^1/_2$ минуты небольшая пушка при действии своем прошла чрез дефилею длиною в 20 сажен. И Цицианов, казалось, был весьма доволен.

Через несколько дней прибыли в Тифлис имеретинские посланники. Кн. Цицианов дал для них большой обед, на который приглашены были я, г. Лазарев и другие знатнейшие военные и гражданские чиновники. По окончании обеда, сказал он г. Лазареву:

— Завтрашний день перед вечером представьте мне эволюции егерского вашего полка. А вы, — сказал он ко мне, — летучую вашу пушку, чтобы показать им, что ни леса их, ни горы, в случае надобности, не могут нас остановить».

Стр. 269. Монтрезор (ум. 1804) — в 1803 г. майор (с 1799), в 1804 подполковник Тифлисского мушкетерского полка.

Князь Орбелианов — имеется в виду князь Дмитрий Захарович Орбелиани, см. о нем прим. к стр. 212.

Стр. 270. В «редакции Дубровина» сцена получения Тучковым известия об убийстве Лазарева описана немного по-иному, чем в «редакции Комарова-Военского». «19 апреля рано утром мы выступили из Тифлиса. Отъехав верст пять и мы остановились для отдох-

новения. В это время посланный от князя Цицианова квартирмейстер полка Лазарева привез мне бумаги и сумму денег от главнокомандующего. Цицианов уведомил меня кратко о смерти Лазарева, убиенного царицею, и приказывал, дождавшись в Мцхете прибытия князя Орбелиани с царицею Мариею и ее семейством, обращаться с ними не как с особами царского дома, но как с преступниками, предписывал также присоединить к себе прикрытие, имеющее прибыть с князем Орбелиановым, и препроводя членов царского дома через Кавказские горы до Владикавказа, сдать их коменданту Моздокской крепости полковнику Протопопову, коему велено нас встретить во Владикавказе. На пути же разрешал брать войска в подкрепление моего отряда в случае надобности» (Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 4. СПб. 1886. С. 71).

Стр. 271. У Цицианова имелись данные о том, что Мария готовится бежать из Тифлиса в Хевсурию, жители которой обещали ей поддержку. Именно для предотвращения побега было принято решение срочно отправить ее в Россию (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1, Тифлис, 1901. С. 53. Там же (с. 55–62) детально проанализированы и источники, содержащие информацию об убийстве генерала Лазарева 19 апреля 1803 г.).

Стр. 273. Комендантом Тифлиса был майор Саакадзе.

Стр. 278. В 1736 г. талантливый полководец Надир-хан низложил последнего представителя иранской династии Сефевидов и провозгласил себя шахом Ирана. Надир-шах, проводивший активную завоевательную политику и укрепивший центральную власть, правил до 1747 г. После его смерти Иран вновь погрузился в пучину междоусобиц, пока в 1790-х гг. не был объединен под властью Ага-Магомед-хана.

Джаро-Белоканские общества — это территории, завоеванные в XVII в. лезгинскими племенами, переселившимися с гор. Эта область представляла собой удобный плацдарм для набегов с севера на Грузию. Весной 1803 г. после похода русских войск под командованием Гулякова Джары и Белоканы присягнули на подданство России. Однако в январе 1804 г. Гуляков вынужден был вновь против них предпринять поход, причинами которого были неуплата налогов и продолжавшиеся набеги. В сражении, которое произошло в Закатальском ущелье, Гуляков погиб, а русский отряд вынужден был отступить. Однако, несмотря на это, Джаро-Белоканские общества вновь изъявили покорность России (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1, Тифлис, 1901. С. 96–98).

Гуляков Василий Семенович (1751–1804) — участник 1-й русско-турецкой войны и войны со Швецией 1788–1790 гг.; с 1800 генерал-

майор, шеф Кабардинского мушкетерского полка, убит 15 января 1804 г. в Закатальском ущелье.

Стр. 279. Аргутинский-Долгоруков Иосиф (1743–1801) — с 1773 г. архиепископ, находился в Астрахани на должности епархиального начальника всех армян в России, способствовал переселению армян из Крыма в Россию, в 1796 г. участвовал в Персидском походе Зубова, в 1799 г. избран армянским патриархом, в 1800 г. Павел I признал его род княжеским.

Стр. 280. Зубов Платон Александрович (1767–1822) — светлейший князь, последний фаворит Екатерины II, в 1793–1793 гг. генерал-фельдцейхмейстер русской армии, с 1801 г. генерал от кавалерии, участник убийства императора Павла в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. в марте 1801 г. стал членом Государственного совета, с 1814 г. жил в своем имении, занимаясь хозяйством.

Стр. 287. 9. В издании 1908 г. пропущен следующий текст:

«По отъезде его, когда я занимался уничтожением чумы и другими распоряжениями, дали мне знать, что прибыли ко мне из Ахалциха посланные от ахалцихского Яни-паши. Я знал, что там начальствовал Шариф-паша, и подумал сначала, что он сменен Портою Оттоманской. Но наконец я узнал совсем противное.

Турок Али, который с другим его товарищем послан был за помощью от несчастного Али-паши, умерщвленного имеретинскнм царем Соломоном (о чем я уже говорил), не получив никакой помощи от российского начальства, проживал в Тифлисе. Тут, как бы с отчаяния, предался он распутству. Он пил, таскался по улицам, не раз в безобразном вид приводила его полиция ко мне и к покойному ген. Лазареву. Наконец дошел он до того, что питался подаянием. В сем состоянии был он почти всеми забыт и редко уже было его видно. Так продолжалось несколько месяцев. После чего пришел он однажды с своим товарищем к ген. Лазареву и просил паспорта за границу. «Куда же ты поедешь?» — спросил его генерал. — «Я, — отвечал он, — пойду в Мекку, посвятить остатки дней моих Богу и Его пророку». — «А чрез какие места намерен ты туда достигнуть?» — продолжал покойный Лазарев. «Ахалцих, Анатолию и так далее», — сказал он. — «Но в Ахалцихе правит твой неприятель?» — «Он мусульманин и не обидит нищего», — отвечал турок. — И так дан был обоим им паспорт. Но чрез два дня после отправления некоторые грузины сказали, что он самый опасный шпион и имеет с собою важные бумаги. Тот же час послано было в Сурам, чтоб, задержав его на границе, отобрать у него все бумаги и прислать в Тифлис. Приказание было в точности исполнено; но в бумагах его ничего важного не нашлось. Поэтому, возвратив ему оные, велено было пропустить его чрез границу. Но вместо

Ахалциха пошел он чрез Имеретию в Абхазетию, к тамошнему владельцу, искреннему его другу.

Он имел в Имеретии большие суммы денег в верных руках. Получив их, он приехал в Абхазетию, где, действуя при помощи этих денег и переписки, успел он произвесть в провинции Ахалцихской возмущение против Шариф-паши. Утесненный мятежниками, паша принужден был просить помощи у абхазетинского владельца, не зная того, что Яни находится там. Сей князь отвечал, что он может послать к нему до шести тысяч войска, но не имеет надежных полководцев, а сам идти не может. Поэтому просил поименно некоторых известных ему чиновников.

Шариф-паша, получив его письмо, послал к нему тех, на которых больше прочих имел надежду. Когда же они прибыли, князь, не допуская их до себя, велел всех их посадить в башню. Потом, придя к ним, принудил их написать письмо, что войско под их предводительством скоро выступит из Абхазетии. И подлинно, — выступил он сам, имея с собою до десяти тысяч, с ним был Яни и его товарищ, а также присланные от него чиновники, но последние под крепким надзором.

Шариф-паша, увидя приближающуюся к Ахалциху мнимую помощь, приказал отворить ворота. Но лишь только войско сие вступило в город, как объявило себя его неприятелем. Удивленный паша едва успел спастись бегством с некоторыми ему преданными, из которых до сорока человек было убито. — Впрочем, спокойствие восстановлено было в городе, и Яни возведен в достоинство паши. По донесение о сем Порте Оттоманской, получил он чин трехбунчужного паши, фирман, утверждающий его начальником Ахалцихской провинции, приличные званию его подарки, как то обыкновенно бывает при дворе турецком.

Все происшествие описано было на превеликом пергаменте, который посланные, при некоторых подарках, подали мне».

Уезжая на Кавказ, Цицианов получил от императора инструкции, согласно которым, в частности, он должен был противостоять укреплявшемуся могуществу Баба-хана, стремившегося вернуть Грузию под иранское владычество (там же, с. 46) Ареной борьбы за влияние должны были стать закавказские ханства, где Цицианову следовало укреплять влияние России. Эти ханства традиционно являлись буферной зоной и предметом спора между Персией и Грузией. Во времена могущества Грузии, при Ираклии II, Ганжинское и Эриванское ханства входили в ее состав. Однако после нашествия Ага-Магомед-хана и ослабления Грузии они отделились. Теперь ганжинский хан, поддерживавший мятежного царевича Александра, претендовал на Шамшадильскую область Грузии, входившую в состав Грузии.

Жеван-хан — правильно Джеват-хан — в 1804 г. ганжинский хан. Условия, предъявленные Джеват-хану, были следующие: присяга

вместе с подданными на подданство России; крепость Ганжа занимается русскими войсками; хан остается правителем своих владений, но платит дань; отказывается от притязаний на Шамшадиль; и наконец, выдает в заложники своего сына. Джеват-хан отказался выполнить эти требования. В ночь со 2 на 3 января 1804 г. Ганжа была взята штурмом.

Стр. 288. Волконский Дмитрий Михайлович (1770–1835) — с 1798 г. генерал-майор, был назначен комендантом Мальты, в 1799 г. на Мальту был послан отряд под его командованием, который должен был составить мальтийский гарнизон, после освобождения острова от французов, однако в 1800 г. Англия захватила Мальту; генерал-лейтенант (с 1800), в 1804–1805 гг. правитель Грузии, участник коалиционных войн 1805–1807 гг., Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, с 1816 г. сенатор.

Тарасов — статский советник, в 1803 г. был членом Верховного правительства Грузии.

Стр. 289. Козловский Михаил Тимофеевич (1774–1853) — в 1800 г. был полковником Преображенского полка, в 1803–1804 гг. полковник Преображенского полка, в 1807–1810 гг. в чине генерал-майора командир Преображенского полка, в 1810 г. перешел в гражданскую службу в чине тайного советника. В публикации 1908 г. ошибочно назван князем, в публикации 1906 г. этой информации нет.

Стр. 291. Пален Петр Алексеевич (1745–1826) — граф (с 1799), генерал от кавалерии (с 1798), в 1798–1801 петербургский военный губернатор, в феврале-марте 1801 г. первоприсутствующий в Коллегии иностранных дел, в 1801 г. член Государственного совета, руководитель переворота 1801 г., с апреля 1801 г. в отставке.

Стр. 292. О роли Александра в событиях 11 марта и о предполагавшемся приезде Аракчеева накануне убийства Павла см: Эйдельман Н.Я. Грань веков. СПб. 1992.

Стр. 293. Имеются в виду братья Платон Александрович и Николай Александрович Зубовы. Платон Александрович Зубов — см. прим. к стр. 280.

Николай Александрович Зубов (1763–1805) — граф (с 1793), генерал-поручик (с 1796), участник убийства императора Павла.

Талызин Петр Александрович (1767–1801) — с 1799 г. генерал-лейтенант, командир Преображенского полка, активный участник заговора против императора Павла I.

Поход в Имеретию — Речь идет о событиях весны 1804 г. После долгих колебаний 25 апреля имеретинский царь Соломон II принял присягу на подданство России, с условием, что территориальный спор

между Имеретией и Мингрелией будет разрешен российским императором.

Стр. 294. Ситуация относительно Поти выглядела на самом деле несколько по-иному, нежели ее рисует Тучков, пристрастно относящийся к Цицианову. А. Чарторыйский в письме к Цицианову от 20 марта 1804 г. предлагал два варианта. Первый — отправить в Поти воинскую команду, якобы для принятия провианта, доставленного из Крыма по морю. Чарторыйский считал, что со временем турки привыкнут к наличию в Поти русских войск, а дальше уже можно действовать по обстоятельствам. Второй вариант — подкуп турецкого гарнизона для того, чтобы он разошелся, а потом занятие Поти мингрельскими войсками и вслед за тем «случайно» проходящим русским отрядом (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 1. Тифлис. 1901. С. 119). Цицианов сомневался в возможности занять Поти мирным путем, но тем не менее послал статского советника Литвинова в Мингрелию, поручив ему войти в соглашение с комендантом Поти о выгрузке провианта. Однако миссия Литвинова успеха не имела (там же. С. 121).

Стр. 295. Литвинов Петр Максимович (1760–1834) — в 1803 г. в чине статского советника был отправлен по высочайшему повелению на Кавказ к Цицианову для особых поручений, в 1805 г. был назначен правителем Грузии, позднее был подольским губернатором.

Поводом к конфликту с эриванским ханом была его позиция в споре об эчмиадзинском патриаршем престоле мужду архиепископами Давидом и Даниилом. Россия поддерживала Даниила, а эриванский хан — Давида. В результате эриванский хан вступил в союз с Персией, которая в мае 1804 г. в очередной раз потребовала вывода русских войск из Грузии (там же. С. 135).

Отряд Цицианова, направлявшийся к Эривани, состоял из 3572 человек пехоты, 12 орудий, 3-х эскадронов драгун, 300 казаков и 200 грузинских князей и дворян.

Залга — правильно Занга.

Стр. 297. Описанное сражение авангарда Тучкова с персидским отрядом происходило 10 июня 1804 г. недалеко от селения Гумры.

Стр. 299. Объединившийся отряд двинулся к Эчмиадзину 15 июня 1804 г.

Стр. 301. К Эчмиадзинскому монастырю русские войска подошли 19 июня 1804 г. Эчмиадзинский монастырь по преданиям был построен в 303 г., на месте, где Христос явился Св. Григорию, но через 80 лет монастырь был разрушен персами и в 483 г. восстановлен; с 303 по 452 г. он был местопребыванием армянских патриархов, эту функцию монастырь вновь стал выполнять с 1441 г.

Стр. 303. Чуйко — в 1797 г. подпоручик свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, в 1803 г. капитан, позднее подполковник; в 1804 г. во время похода на Эривань исправляющий должность генерал-квартирмейстера.

Стр. 305. В донесении императору о сражении 20 июня 1804 г. Цицианов, в частности, писал: «...Кавказского гренадерского полка шеф генерал Тучков рекомендует к наградам разных начальников и множество офицеров, когда дело у него до картечи даже не доходило...» (там же. С. 140).

Стр. 307. Отряд полковника Карягина — После взятия Ганжи 17-й егерский полк под командованием Карягина оставался в Ганжинском ханстве (Елизаветпольский округ). Сведений об описанном эпизоде с Носенко-Белецким нам обнаружить не удалось.

Карягин Павел Михайлович (ум. 1807) — служил на Кавказе с 1783 г., участвовал в походе в Грузию в 1784 г., в Персидском походе 1796 г.; позднее полковник, с 1803 г. шеф 17-го егерского полка.

Полковник егерского полка — имеется в виду полковник 9-го егерского полка Цехановский, умерший от горячки под Эриванью в 1804 г.

Стр. 309. Походы Миниха против турок — см. прим. к стр. 94.

Стр. 310. Русские войска перешли через Зангу 30 июня 1804 г.

Стр. 311. К Эривани русские подошли 2 июля 1804 г.

Стр. 315–316. Нападение персидских войск на русский лагерь произошло в ночь с 14 на 15 июля.

Стр. 318. Цицианов решил отправить грузинскую дружину из-под Эривани в Тифлис. Она выступила из лагеря в ночь с 7 на 8 августа. Во время одного из ночлегов отряд грузинского царевича Александра напал на грузинскую дружину, почти полностью уничтожив ее и захватив в плен ее командира князя Ивана Орбелиани (там же, с. 150).

Отряд Монтрезора, отправившийся за продовольствием, выступил 19 августа в составе 110 человек с одним орудием. По дороге он вынужден был отбиваться от персидских войск. 21 августа отряд был почти полностью уничтожен главными силами царевича Александра. Лишь одному человеку удалось бежать, 15 тяжелораненных оказались в плену (там же, с. 153).

Стр. 319. Военный совет состоялся 31 августа 1804 г. В донесении императору об этом совете, оправдывая свою позицию, Цицианов

писал: «Между тем, вред, из отступления произойти могущий в умах соседей и самой Грузии, есть неизъяснимый. Сверх того, число больных при блокаде простиралось до 800 человек, из коих трудноболь-ные приговором военного совета осуждались, так сказать, на смерть; и из всеподданнейшего доношения ведомости о числе умерших и вновь заболевших при отступлении Ваше императорское величество по сострадательному сердцу Вашему смотреть изволите, колико пагубны для человеческого рода таковые генералы, каковые Тучков и Леонтьев, так же как и штаб-офицеры, составлявшие совет, из коих полковник Майнов происходит из аудиторов...» (там же, с. 157).

Стр. 321. Имеется в виду неудачный штурм Эривани войсками Гудовича в 1808 г.

10. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«Мортиры или гаубицы напрасно совсем у нас оставлены, ибо единороги, хотя преимущественнее их могут действовать в поле, но в закрытых и окруженных высокими стенами местах, по причине продолженного их канала и недостаточной элевации, нисколько не могут заменить гаубиц».

11. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«В четвертой части моих сочинений, напечатанных в С.-Петербурге в 1816 и 1817 годах, поместил я записки свои о землях, между Черным и Каспийским морем находящихся, в особенности же о Грузии. Там ясно доказано, что приобретение силою оружия земель в сей части Азии, только не полезно, но вредно для государства Российского. Доказательства мои основаны как на собственных моих опытах, так и на сочинениях достовернейших вероятия писателей, из которых упомяну я здесь только об одном профессоре Миллере. Он в книге своей, напечатанной па немецком языке также в Петербурге, под названием «Статистическое обозрение России», говорит, что завоевания земель персидских, учиненные императором Петром I, сделались отяготительными содержанием своим государству Российскому до такой степени, что императрица Анна уступила оные добровольно императору персидскому Надир-шаху взамен великих выгод, полученных ею со стороны торговли.

И точно, народ персидский, упражняющийся с великим успехом в земледелии, скотоводстве, шелководстве, в разных промышленностях и ремеслах, обогащал произведениями своими торговлю американскую, распространяющуюся не только по всей России, но и за пределы оной. От русских же этот народ получал также разные потребные ему произведения, у них не существующие. Сей народ от самой глубокой древности, по многим причинам, не терпел и не терпит чуждой власти. И потому, удаляясь из завоеванных неприятелем земель, оставляет он ему одни пустые и бесплодные степи, бывшие богатейшими в

свете провинциями единственно от деятельности и трудолюбия природных жителей. Но ежели бы правительство российское вздумало заменить их другими поселенцами, то вопрошается: какого народа? Россия не довольно населена, чтоб посылать туда природных жителей. При том не перенесли бы они сию великую перемену в климате, да и не способны вовсе к тем работам, которыми персияне привыкли с большой для себя пользою заниматься. Грузины, хотя бы климат им и не повредил, но малочисленны, имеют много и у себя порожних земель; притом, занимаясь всегда только одним земледелием и скотоводством, также к тому неспособны. Даже самые армяне, хотя они и христиане, живущие в самой Персии, по привычке к персидскому образу правления, не захотят быть под иным. А если бы они и поселились, то не могут во всех отраслях промышленности заменить персиян, потому, что привыкли заниматься только торговлей и рукодельями.

Но обратимся к военным действиям».

Стр. 323. Путятин — ошибка в тексте: речь идет о Портнягине.

Стр. 330. В 1803 г. Цицианов попытался поставить под более прочный контроль Военно-Грузинскую дорогу, ликвидировав «договорные отношения» между российским властями и осетинскими старшинами, практиковавшиеся ранее, в частности, отказался платить деньги за проезд российских чиновников. Кроме того, население было недовольно российскими властями, принуждавшими его жесткими мерами к обслуживанию дороги. В итоге один из старшин — Ахмет Дударов — на деньги грузинских царевичей (а фактически персидского шаха) собрал наемное войско и поднял восстание, к которому примкнула и часть населения.

Талызин Федор Иванович (1773–1844) — в 1804 г. генерал-майор (с 1799), шеф Севастопольского пехотного полка, участвовал в боевых действиях на Кавказе в 1804 г. и в ноябре того же года вышел в отставку; в 1812 г. принят на службу в Московское ополчение (шеф 3-го егерского полка, а затем командир 3-й дивизии); с августа 1812 г. служил в регулярной армии, командуя бригадой, а затем 7-й пехотной дивизией (с 1813); позднее генерал-лейтенант (с 1820), с 1828 г. в отставке.

Талызина отозвал сам Волконский под впечатлением слухов о гибели грузинской дружины. Возможно Тучков путает действия Талызина с другими эпизодами восстания — поспешным отступлением из Ломиси отряда майора Мелло, бросившего орудия и обоз в добычу неприятелю, а также с гибелью попавшего в засаду донского казачьего полка полковника Рышкина (там же, с. 164, 170, 172–173).

Стр. 331. В феврале месяце возвратился Цицианов... — имеется в виду февраль 1805 г.

Маматказин — генерал-майор, шеф Кавказского гренадерского

полка с 1805 г., возможно Маматказин Григорий — в 1789 г. секунд-майор (с 1788) Московского гренадерского полка, в 1796 — Киевского гренадерского сверх комплекта.

Вслед за покорением Ганжи начались переговоры о вступлении в русское подданство Шекинского и Карабахского ханов. 14 мая 1805 г. был заключен договор с Ибрагим-ханом Карабахским о вступлении его в подданство России. Согласно этому договору в Шушу вводился русский гарнизон в составе 500 человек под командованием майора Лисаневича. В июне 1805 г. вступил в подданство России и шекинский Селим-хан.

Стр. 332. Вследствие наступления персидских войск на помощь Лисаневичу из Ганжи 18 июня был отправлен отряд Карягина, однако он был окружен персидскими войсками. Героическое сопротивление отряда Карягина продолжалось до 15 июля, когда он соединился с пришедшими на помощь войсками Цицианова.

Стр.334. 12. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«В сие время последовала кончина толико известного в Европе ученостью своею тайного советника и кавалера графа А.А. Мусина-Пушкина, которому берлинская академия дала титло светильника и нового преобразователя химии. Он отличился многими открытиями как в сей науке, так и в ботанике и вообще в натуральной истории. Он послан был на Кавказ императором Павлом I для приисков минеральных. По кончине же этого государя, по личному представлению его императору Александру I, представлены ему были некоторые ученые люди по части натуральной истории, до 12 человек горных офицеров из Сибири и более ста минеров и разных мастеровых людей. Потребные для работ его машины и инструменты доставлены были с разных российских заводов. С сими способами привел он в порядок прежние грузинские рудники, открыл новые, довольно богатые, прииски и устроил в Тифлисе монетный двор, на котором в мое время уже били мелкую серебряную монету с грузинской надписью. Смерть его была последствием чумы, о которой я уже говорил. Сей достойный всеобщего сожаления муж находился с подчиненными своими на Ахтальском серебряном руднике, отстоящем от Тифлиса в 10 милях, когда заразительная сия болезнь свирепствовала во многих местах Грузии. По недостаточному количеству воинского отряда, данного ему для прикрытия, не мог он взять надлежащих мер к недопущению сей болезни в завод. Главное же было то, что грузины и армяне от разных деревень обязаны были доставлять потребные для работ его дрова и уголь. Старание его спасать заразившихся подчиненных подвергло его наконец самого болезни. Он, не сказав в начале о том никому, велел в ближайшем лесу за небольшим ручейком построить для себя шалаш, перенести туда свою постель и все необходимые принадлежности. Перейдя в оный, объявил он, что заражен чумою, и просил старшего по себе, чтоб по запискам его, которые будет он оставлять

на берегу ручья, со всею осторожностью доставляли ему пищу и те лекарства, которые он сам будет прописывать. Сильными химическими средствами вылечил он себя от чумы; но здоровье его так опять было расстроено, что он имел почти беспрестанную медленную лихорадку. Это заставило его переехать в Тифлис и просить у императора позволения отправиться к кавказским минеральным водам. Но, когда он получил оное, то был уже столь слаб, что отъехав только одну милю от города, принужден был остановиться на речке Воре, где и умер через три дня по прибытии своем.

Тело его было погребено с большою почестью в Тифлисе в греческой церкви. Жители и подчиненные его из усердия к нему просили меня сочинить приличную надгробную надпись. Следующие четыре русские стиха вырезаны были на мраморной доске с переводом на греческий, латинский и грузинский язык.

Погасший пламенник наук и добрых дел
Хранит в молчании кавказских стран предел;
И не умолкнут в век гремящей славы звуки,
Доколь свет будет чтить и разум и науки.

Его библиотека, инструменты и собрание разных натуральных редкостей были отосланы в санкт-петербургскую академию. Жаль было, между прочим, одной большой книги, заключавшей в себе более 50 разных видов Грузии, снятых искусным рисовальщиком г. Веле, которая по кончине его неизвестно где девалась. В бытность же мою в 1816 г. в Санкт-Петербурге слышал я от графа Строганова, что он видел помянутую книгу в Лондоне.

Случилось почти в то же время, что ...» — и далее по тексту издания 1908 г.

Стр. 336. После присоединения в 1805 г. Карабахского и Шекинского ханств непокорным оставалось стратегически важное Бакинское ханство. В 1805 г. для отвлечения персидских войск на Каспийское побережье была предпринята экспедиция во главе с генерал-майором Завалишиным. Однако закончилась она неудачно — Баку взять не удалось.

Речь идет о И.И. Завалишине. Завалишин Иринарх Иванович (1762 или 1770 — 1821) — генерал-майор, в 1801–1808 гг. шеф Астраханского гарнизонного полка и инспектор Кавказской линии, начальник Астраханского казачьего войска, в 1805–1806 гг. возглавлял военную экспедицию на побережье Каспийского моря; в 1810–1820 гг. генерал-инспектор путей сообщения; отец декабриста Д.И. Завалишина. Тучков путает его с Андреем Васильевичем Повалишиным (1765– после 1816), который в 1790-х гг. служил на Кавказе, в 1799 г. был произведен в генерал-майоры, в марте 1800 вышел в отставку в чине генерал-лейтенанта, а с августа 1800 по 1802 г. был астраханским губернатором (с переименованием в тайные советники).

Стр. 337. 23 ноября 1805 г. Цицианов с войсками вышел из Елизаветполя и отправился к Баку на помощь Завалишину (там же, с. 225).

Ширванское ханство (со столицей в Шемахе) было присоединено в декабре 1805 г.

30 января 1806 г. войска Цицианова соединились с войсками Завалишина, после чего главнокомандующий потребовал сдачи города (там же, с. 229).

Стр. 338. Версии убийства Цицианова подробно рассмотрены в монографии «Утверждение русского владычества на Кавказе» (Т. 1, Тифлис, 1901. С.231–232). Завалишин, в частности, писал в донесении императору, что убийство произошло в то время, когда хан и Цицианов сидели, дружески беседуя, на войлоке. Версия, восходящая к окружению Гуссейн-Кули-хана, гласит, что сам хан не желал этого убийства, оно было совершено по собственной инициативе его двоюродным братом Ибрагим-беком.

Ниже мы приводим еще одно мемуарное свидетельство из русского лагеря о гибели П.Д. Цицианова. Это «Записки» С.Б. Броневского (Опубл.: «Исторический вестник», 1889, № 12 (О Кавказе, с. 505–509)).

Броневский Семен Богданович (1786–1858) — генерал-лейтенант (с 1835); в 1803–1808 гг. служил в Нижегородском драгунском полку на Кавказе, с 1808 г. служил в Сибири, в 1824–1825 гг. в чине полковника был начальником штаба и исправлял должность командира Отдельного Сибирского корпуса; в 1834–1837 гг. генерал-губернатор Восточной Сибири, с 1837 г. сенатор.

«В 1803 году, 23-го октября, я наконец был произведен в прапорщики в Нижегородский драгунский полк. Я отправился на Кавказ, в Георгиевск, где был штаб полка. <...>

Георгиевск был в то время губернским городом, хотя это нисколько не делало его лучше других городов, через которые мне приходилось тогда проезжать: такая же невылазная грязь, невымощеные улицы, некрашеные деревянные дома. Главнокомандующим в Грузии, на Кавказской линии и управляющим гражданской частью в губерниях Астраханской, Кавказской и Грузинской был знаменитый генерал от инфантерии князь Павел Дмитриевич Цицианов, несчастную кончину которого в Баку все оплакивали и о которой я расскажу ниже. Командующим войсками на Кавказской линии был Григорий Иванович Глазенап, шеф драгунского полка. Глазенап в скором времени сделал меня своим адъютантом. В первое время моего пребывания на Кавказе были совершены две экспедиции на Большую Кабарду, оба раза под командой генерал-лейтенанта Глазенапа. В первый раз кабардинцы вырезали на линии много казаков, во второй раз угнали с линии массу скота. Обе экспедиции были, конечно, для нас удачны.

В Дагестане, в Лезгистане, областях, соседственных с Грузией, несмотря на все меры, принимаемые главнокомандующим, продол-

жалось угнетение грузин, нападения на наши посты и задерживалась наша торговля с Астраханью и Кизляром. Князь Цицианов решил занять крепость Бакинскую и смирить враждебного Гуссейн-Кули-хана. 11 января 1806 г. князь выступил в Баку. Баку — торговый город, расположенный в бесплодной и безлесной долине, при заливе Каспийского моря, весьма удобном для стоянки судов. Город обнесен тройною высокой каменною стеной со рвом, башнями и внешними ретраншементами, с каменною одеждою в виде равелинов, построенных еще императором Петром Великим. Князь, расположась на пушечный выстрел, отправил Терского казачьего полка штаб-ротмистра Филатова в крепость с письмом к хану и предложением о сдаче, обещая неприкосновенность их прав, веры и имущества; если предложение будет отвергнуто, он угрожал штурмом за их разбойничьи поступки. Хан Гуссейн, приняв посланца, приведенного с завязанными глазами, по совещанию с собранием беков и старейшин (во время которого наш посланец был выведен в другие покои дворца), отвечал, что город будет защищаться до последнего человека и никогда не сдастся, что к нему придут еще войска дагестанские и наемные лезгины, которых он ждет с часу на час. Собравшийся у дворца народ, узнав об ответе хана, выражал свое одобрение неистовыми криками, проводив посланца весьма неприязненно. Загремела с обоих сторон артиллерия, ружейная пальба тоже не умолкала. При появлении наших за водою или в окрестных деревнях за дровами и фуражом случались кровопролитные стычки. К нам был привезен морем провиант, овес и штурмовые лестницы.

Хан между тем частным образом вел переговоры, показывая, что он якобы расположен сдать крепость. Он уверял князя в своей личной приязни, затягивая дело и поджидая вспомогательного войска. Князь, однако, серьезно готовился к штурму, и его трудно было обмануть. Будучи природным грузином, он знал азиатцев как самого себя.

Наконец, хан объявил, что по зрелом обсуждении дела в собрании беков не находит возможности ожидать штурма и сдает крепость русским. При этом он просил, чтобы, щадя его в глазах народа, избавил от стыда публично подносить ключи города и признавать пленником, а дозволил бы на половине пути между крепостью и форштадтом съехаться безоружным и здесь совершить поднесение ключей. Затем князь пусть отправит войска для занятия ворот и караула в городе, а хана отпустит.

Князь весьма обрадовался такому известию и отдал приказание к 9 часам утра особому отряду занять форштадт и сделать наряд в городовой караул. Полковник князь Эристов и майор Тарасов предостерегали князя Цицианова, что хан умышляет что-то недоброе, что это заметили они, бывши в городе и подслушавши в собрании беков и старейшин двусмысленные и подозрительные выражения. Но князь, проникнутый всегда рыцарским благородством, вознегодовал и выс-

лал их от себя. Брат и племянник князя и другие преданные ему люди умоляли не подвергать себя опасности, но он остался непреклонным.

Рано утром князь Павел Дмитриевич вышел к собравшемуся генералитету в полной парадной форме, объясняя, что ему следует быть так одетым, ибо он принимает город и его ключи в лице государя императора. По тогдашнему обычаю подан был завтрак, пили водку, и князь против обыкновения налил себе большую рюмку; затем обошел кругом турий рог с кахетинским... Все поехали на пустой форштадт, предварительно занятый нашим отрядом. Форштадт был расположен от города на расстоянии саженей в 200. Родные князя опять упрашивали его не ездить или позволить им сопровождать его, но то и другое было безуспешно. Князь был, по-видимому, бодр и спокоен. Князь Эристов, зная языки, персидский и татарский, должен был заменять переводчика.

В 9 часов утра главнокомандующий выехал на назначенный пункт к колодезю; пеший гребенский казак без оружия шел сзади для принятия лошадей. Ворота города были заперты, а по стенам стояло войско. Хан не показывался. Князь приказал Эристову съездить и напомнить хану, что ему, князю, как действующему в лице императора, неприлично долее ожидать. Но в этот момент из крепости выехали Гуссейн-бек и городовой старейшина или комендант, калабеги, с ключами города и хлебом-солью, объявляя, что хан опасается наших войск и сам быть не может. Главнокомандующий отвечал, что если хан сомневается в нас, то пусть выезжает с 1000 своих воинов, а он будет один с князем Эристовым, своим переводчиком. Князь Цицианов, кроме того, заметил, что вернется к хану не иначе как с лестницами; при этом он возвратил ключи и хлеб-соль, прибавив, что он примет их только из рук самого хана. В это время отворилась калитка и вышел хан, сопровождаемый двумя гайдуками, вооруженными с ног до головы. Эристов напомнил хану, что вооруженными гайдуками нарушается условие сдачи города; хан же на это ответил:

— Вы и князь знаете азиатские обычаи, что телохранители никогда не оставляют того, кому служат, и явиться без оружия им все равно, что потерять честь. Поезжайте и успокойте князя, а я безоружный поеду сам к нему навстречу.

Это было исполнено. Хан приблизился и главнокомандующий сошел с лошади. Внимание войска было напряжено. Воцарилась мертвая тишина... Хан подал на блюде ключи города и дружественно облобызался с князем. Чего, кажется, еще ждать?.. Но лишь князь освободился из объятий хана, как два всадника, подъехавшие в это время из города, разом в упор выстрелили в князя и мгновенно обезглавили его кинжалами, успев даже ограбить все бриллианты и отрезать палец вместе с перстнем... Толпа конницы выскочила из города и, окружив хана и убитого, бросилась в крепостные ворота.. Князь Эристов преследовал хана, осыпая его укоризнами за неслыханное злодейство. Хан и его велел пристрелить... С крепости загремела пушеч-

ная и ружейная пальба по форштадту. Наши, хотя и отвечали, порываясь на штурм, но внезапное несчастье потерять такого начальника, как князь Цицианов, слава которого никогда не померкнет на Кавказе, повергнуло всех в крайнее расстройство. Отряд с форштадта отступил в лагерь.

Вскоре без выстреда были взяты Дербент и Куба; затем под командой Глазенапа выступили к Баку. Переход от Кубы к Баку был очень труден. Здесь тянется степное пространство, не проходимое в дождливое время вследствие илистой почвы. Была дорога по горам, но она трудна для обозов. Кругом ни леса, ни кустарника; бурьян служил нам дровами. Кое-где виднелись опустелые деревни. Поля были засеяны сорочинским пшеном, которое было уже убрано. Обыкновение напускать воду на пашни по иловатому грунту делает их недоступными. Дорога, оставленная между пашнями, узка, и не везде через канавы есть мосты; особенная беда была с артиллерией и обозами с лошадьми, изнуренными бескормицей. Изредка мы находили кучи обмолоченного проса и набирали его для людей и лошадей. Солдаты толкли просо, сделав в земле ямку, провевали в руках и варили кашу. При нашем приближении хан, предчувствуя неминучую беду, бежал морем, оставив город на произвол. Баку сдался нам без всякого сопротивления 3 октября 1806 г.

В 1808 г. вследствие разлада, возраставшего с графом Гудовичем, новым главнокомандующим вместо князя Цицианова, Глазенап перевелся с Кавказа в Сибирь инспектором сибирских войск и начальником сибирских линий. Глазенап предложил мне быть его адъютантом».

Стр. 339. 13. В редакции 1908 г. пропущен следующий текст:

«В проезд мой через Кавказскую линию встретил я чудное явление натуры, достойное обратить на себя внимание испытателей ее таинств, а особенно медиков. Я должен сказать, что некто князь Багратион, родной брат известного генерала Багратиона, служил в полку моем капитаном, когда брат его сделался уже известным по военным его подвигам. Капитан Багратион был женат и не расположен был искать высоких степеней, хотя впрочем был довольно храбр и хорошего поведения. Генерал князь Багратион, зная свойства брата своего, писал ко мне, что он намерен подать прошение об отставке и просил притом, чтоб я не оставил его снабдить хорошим свидетельством. Это я исполнил. Он отставлен был с чином майора и вскоре потом был определен командиром Хоперского полка и начальником города Ставрополя на Кавказской линии, составляющего поселение его войска. Майор встретил меня пред городом и просил, чтоб я остановился в его доме. Так как случилась в экипаже моем необходимость в починке, то я и пробыл у него два дня».

Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I

(Революция, Реставрация, Империя)

Людовик-Виктор-Леон граф де Рошешуар родился 14 сентября 1788 г. в семье полковника королевской французской армии. Семейство Рошешуаров принадлежало к числу знатнейших французских аристократических фамилий. Мать мемуариста входила в число приближенных королевы Марии-Антуанетты, в 1795 г. она приняла активное участие в неудачном заговоре с целью освобождения королевы, а после того, как заговор был раскрыт, вынуждена была бежать и в итоге вместе с братом автора Людовиком (Леонтием Петровичем) (1782–1814) переселилась в Россию. Людовик Рошешуар служил в Свите его императорского величества по квартирмейстерской части (на 1803 г. был поручиком). Сам мемуарист в возрасте двенадцати лет поступил на военную службу, участвовал в коалициоых войнах на стороне роялистов и в конце концов оказался в России. В 1806 г. был зачислен подпоручиком в русскую армию и стал адъютантом своего родственника, новороссийского генерал-губернатора герцога Ришелье, при котором состоял до его смерти в 1822 г. (за исключением небольшого промежутка времени с конца 1812 по середину 1814 г., когда в качестве флигель-адъютанта состоял при Александре I, будучи свидетелем важнейших военных и политических событий — от переправы армии Наполеона через Березину до вступления русских войск в Париж).

В предисловии к своим запискам, датированном 1857 г. (то есть за год до смерти), мемуарист сообщает, что в основе их лежат отредактированные дневниковые записи, которые он начал вести с двенадцатилетнего возраста. Там же Рошешуар сообщает, что, рано осиротев, он нашел себе приют в доме герцога Ришелье, а в самом герцоге — покровителя и второго отца. Задачу своих мемуаров он видит в том, чтобы «познакомить свет с частной жизнью этого великого человека, его добротой, простотой, благотворительностью, правдивостью, неуклонным исполнением долга, любовью к отечеству». Мемуары Рошешуара охватывают период с конца XVIII в. до 1834 г., они были изданы в 1889 г. в Париже (Rochechouart L. V. L. De. Souvenirs sur la Revolution, l'Empire et la Restauration. Paris. 1889). Русский перевод мемуаров был опубликован под редакцией А. Гретмана в 1914 г. (М., Сфинкс). Текст воспроизводится в отрывках по этому изданию (с. 80–87, 119–122, 152–153).

Стр. 340. Речь идет о событиях русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Успешные действия армии Михельсона в начале войны навели Петербург на мысль попытаться войти в Проливы и овладеть с моря Константинополем. Морской министр П.В. Чичагов приказал

адмиралу Пустошкину выступить с эскадрой в апреле 1807 г. из Севастополя и следовать в сторону Константинополя. Однако командир Черноморского флота маркиз де Траверсе и дюк Ришелье, на которых была возложена подготовка экспедиции, донесли Чичагову о рискованности этого плана и что они «не осмелились отваживать на удачу честь и славу России». В итоге поход на Константинополь не состоялся, а вместо него была предпринята экспедиция против Анапы (Ясский мирный договор 1791 г. подтверждал условия Кючук-Кайнарджийского мира, присоединение Крыма, Анапа же по-прежнему оставалась турецкой), так как ее падение облегчило бы действия Гудовича на Кубани. 27 апреля 1807 г. эскадра подошла к Анапе, и 29 апреля после обстрела и высадки десанта защитники крепости бежали. В город с целью грабежа вошли черкесы, находившиеся недалеко от города. Вслед за ними вошел и высадившийся русский десант (Петров А.Н. Война России с Турцией. 1806–1812. Т. I. 1806 и 1807. СПб., 1885. С. 335–336). Мемуары Рошешуара позволяют скорректировать версию событий, изложенную в работе Петрова. Он пишет, что одновременно с эскадрой к городу по суше подошел отряд Ришелье и встал в четырех верстах от него. После того, как турки покинули город, Пустошкин, по словам Рошешуара, вместо того, чтобы подать условный сигнал сухопутным войскам, высадил десант, «желая предоставить морякам славу окончательной победы». Однако казаки увидели, что турки покинули город; отряд Ришелье проник в него одновременно с русскими моряками «и даже обменялись с ними в дыму несколькими залпами» (Рошешуар Л.-В.-Л. Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I (Революция, Реставрация, Империя). М., 1914. С. 76–77). На следующий день после занятия города эскадра ушла. «Сотня казаков и две роты пехоты выступили на разведки, чтобы разузнать о положении беглецов, исследовать ближние отроги длинной цепи гор, именуемой Кавказом, раздобыться дровами и свежим запасом провианта; не встретив никого, отряд возвращался нагруженный дровами, когда подвергся стремительному нападению полчищ черкесов, абхазцев или турок, вынесшихся верхами из леса, находившегося по правую руку от нас и еще не обысканного. С высоты укреплений мы свободно могли следить за ходом стычки. Герцог послал подкрепление с приказом отрезать путь врагу, если он не спохватиться вовремя. Старый черкес из наших друзей, Пек-Мурза, называл нам своих соплеменников, наиболее выделявшихся богатством оружия, великолепием одежды или красотой лошадей, добавляя любопытные подробности об их семействах, знатности происхождения, не забывая о любовных похождениях или ратных подвигах против России и Персии. Через два часа наши отряды вернулись в город, не понеся потерь, кроме убитой под казаком лошади...» (там же, с. 78–79). Ришелье решил вскоре вернуться в Одессу, а генералу Гангеблову было приказано с отрядом совершить экспедицию из Анапы в глубь страны, «чтобы дать жестокий урок маленьким независи-

мым князьям, чьи воинственные нравы и обычаи напоминают наших [то есть французских. — *Б. М.*] феодалов тринадцатого и четырнадцатого века. Невзирая на мирные договоры, заключенные два года назад, без объявления войны, неожиданно напав на владения запорожских казаков, они угнали многочисленные стада, захватили несколько женщин с детьми и продали их в Кабарде» (там же, с. 79). Отряд состоял из трех полков пехоты, двух батальонов 22-го стрелкового полка, 500 казаков, батареи 8-дюймовых орудий, половины батареи горных гаубиц, всего 4 тыс. человек (там же, с. 80).

Ришелье, Арман Иммануил (Иммануил Осипович) (1766–1822) — герцог, граф Шинон; в России с 1790 г., участник штурма Измаила; с 1791 г. полковник русской службы (при этом французский подданный), с 1797 г. генерал-майор, с 1803 г. губернатор Одессы, а в 1805–1814 гг. генерал-губернатор Новороссийского края (Херсонская, Екатеринославская и Таврическая губернии), в 1815 г. представлял Францию на Венском конгрессе, в 1815–1819 и в 1820 гг. первый министр Франции.

Гангеблов (Гангеблишвили) Семен Георгиевич (1757–1827) — с 1799 г. генерал-майор, шеф Егерского имени своего полка (с 1801 г. — 12-й егерский полк), в 1803 г. переведен с полком на Кубань, в 1804 г. в Крым, участник русско-турецкой войны 1806–1812 гг. и войн 1812–1814 гг., с 1814 назначен состоять по армии, с 1818 г. в отставке; отец декабриста А.С. Гангеблова.

Гезлам-Гхераи (1788–1811) — происходил из рода крымских ханов, в 1806 г. вместе со своей возлюбленной Мирой, дочерью одного из горских владетелей, бежал к казакам; с 1807 г. участвовал в экспедициях на стороне русских, в 1810 г. участвовал во взятии Сухум-кале и был награжден золотой саблей с надписью «за храбрость», полковник русской службы (с 1810) (там же, с. 143).

Стр. 345. Коблей — имеется в виду Кобле — генерал-майор (с 1799), комендант Одессы.

В эпизоде, начинающемся словами «постоянные набеги», речь идет о событиях 1809 г.

В частности, в мае 1809 г. партия черкесов в 5 тыс. человек, прорвавшись через Кубань, разрушила Новогеоргиевский редут (Петров А.Н. Война России с Турцией . Т. II. СПб. 1887. С. 532).

Мой брат — имеется в виду Людовик Рошешуар — см. прим. к стр. 381.

Стр. 346. Рондзевич — Рудзевич Александр Яковлевич (1775–1829) — с 1804 г. полковник, служил на Кавказе, с 1811 г. генерал-майор; позднее генерал от инфантерии (с 1826), участник Отечественной войны 1812 г., заграничных походов и русско-турецкой войны 1828–1829 гг.

Стр. 347. В эпизоде, начинающемся со слов «выступив из Суджук-кале», речь идет о событиях 1811 года. Русские войска совершили поход из Анапы на Суджук-кале, заняли без боя брошенную защитниками крепость и занялись укреплением оборонительных сооружений. «Однако, — пишет Рошешуар, — присутствия неприятеля нигде не было обнаружено ни разу: только два черкесских князя посетили Газлам-Бхераси и советовали нам совершить экспедицию в окрестностях, утверждая, что население приведено в уныние взятием Суджук-кале, отрезывавшим сообщение с Турцией и подвоз боевых припасов. Удалившись немного в сторону от дороги, — говорили они, — вы увидите аул сильного вождя, подготовляющего сейчас вместе с другими вождями набег на владение запорожских казаков». Герцог Ришелье без колебания принял их совет: ему не хотелось вернуться домой, не сделав ни одного выстрела, когда в его распоряжении были значительные силы».

Воспоминаний о действиях против горцев на кавказском театре в период русско-турецкой войны 1806–1812 гг. очень мало. Кроме отрывков из «Мемуаров» Рошешуара нам удалось обнаружить небольшой эпизод, посвященный этим сюжетам, в записках В.М. Жемчужникова о своем отце — М.Н. Жемчужникове. Записки принадлежат Владимиру Михайловичу Жемчужникову. Переданы в редакцию «Вестника Европы» его братом Львом Михайловичем (Записки В. М. Жемчужникова. (Из посмертных бумаг) // Вестник Европы. 1899. Т. 1. Кн. 2 (О Кавказе, с. 644–648)). В предисловии Л.М. Жемчужников пишет: записки начаты в 1850-х гг., до личных воспоминаний он [то есть В.М. Жемчужников. *–Б.М.*] не дошел. «Он более или менее подробно передает слышанное от своего отца, Михаила Николаевича, нередко записывает стенографически, с его слов, что и придает особенную живость рассказу» (там же, с. 634).

М.Н. Жемчужников (1788–1865) окончил 1-й кадетский корпус, был некоторое время адъютантом Аракчеева, но навлек на себя его гнев, был лишен должности и отправлен на Кавказ, в 1810 г. участвовал там в боевых действиях. Позднее участвовал в заграничных походах русской армии 1813-1814 гг. и был взят в плен под Реймсом, в 1830 г. находился в Польше. Перейдя на гражданскую службу, он исполнял должность костромского гражданского губернатора (1832), с 1835 по 1841 был петербургским гражданским губернатором, с 1841 до 1865 сенатором. Много лет состоял первоприсутствующим 1-го департамента Сената, был членом попечительного совета заведений общественного призрения в Петербурге, попечителем Волковской раскольничьей богадельни и больницы св. Марии Магдалины.

Приводим эпизод, относящийся к Кавказу: «...Служа на Кавказе с 1809 г., отец мой вскоре отличился образованием *легкой казачьей артиллерии*. Образование этого войска было поручено ему одному без всяких помощников, и кончено им поразительно скоро — в один или два месяца.

Зная привязанность казаков к иррегулярной службе, что такое быстрое преобразование их не могло обойтись без крутых мер; они действительно были. Встретив сильное упорство в казаках и явную решимость не поддаваться новому учению, отец мой, по пылкости своего характера, не щадил ни их, ни себя. Случалось, что казаки, истомленные тягостным и немилосердно продолжительным учением в самые жары, падали замертво.

Наконец, было сформировано два орудия, и новая артиллерия уже принимала участие в одном деле. Успех первого участия в деле сильнее всяких принуждений подействовал на казаков, и они охотнее занялись нового рода службою.

Вскоре представился новый случай, показавший всю пользу от введения легкой конной артиллерии на Кавказе. Главнокомандующий Булгаков послал два отряда против горцев. Эти отряды в пылу преследования были завлечены в густой лес. Из которого не могли выбраться и в котором неминуемо погибли бы. Начальники отрядов (не помню их фамилий; один из них, кажется, назывался Багратион) обратились к отцу моему с просьбой о помощи. Осмотрев местность, отец мой видел, что ему трудно будет действовать в таком густом лесу, через который пролегала одна только узенькая тропинка, но он объявил, что пойдет с двумя орудиями, если прикажет Булгаков.

Булгакову не хотелось пускать свою юную артиллерию на авось, но, убежденный просьбами начальников отрядов и услышав от отца, что он надеется как-нибудь помочь им, он наконец решился.

Вступив в лес, отец мой не знал, куда ему идти, где действовать? Неизвестно было, где находились русские и где горцы? Те и другие рассеялись по всему лесу. Чтобы собрать наших и узнать положение дел, отец мой велел дать залп холостыми зарядами. За гулом залпов послышались радостные крики наших. Услыхав выстрелы своей артиллерии (у черкесов тогда еще не было пушек), они ободрились, стали кричать «ура!» и таким образом стали собираться на свои же голоса воедино. Положение дел прояснилось. Крики «ура» становились все чаще и сильнее. Было очевидно, что наши соединились, опять погнали неприятеля, который столько же сробел от неожиданного появления артиллерии, сколько наши ободрились. Чтобы поддержать удачное начало, отец мой велел пускать ядра через верхушки деревьев по тому направлению, куда удалялись крики, и сам стал двигаться вперед. Так он вышел на поляну, наполненную имуществом, скотом и семействами горцев, собранными здесь в надежде на безопасность. Солдаты, выведенные из леса, бросились на грабеж, оставив казачьи орудия без всякого прикрытия. Отцу моему можно было опасаться, чтобы горцы, заметив его слабость, не отважились на атаку, и потому он поспешил возвратиться той же дорогой, через лес. Но горцы уже заметили его слабость и вскоре стали показываться толпами на тропинке, спереди и с тыла. Это бы еще не беда: останавливаясь на минуту, отец мой обращал свои орудия в обе стороны и залпом картечью

рассеял сразу обе толпы. Предстояла другого рода опасность: горцы, естественно, должны были догадаться, что ни спереди, ни с тыла ничего не сделают, но что, нападая с боков и укрываясь за деревьями, они могут перестрелять хотя всю артиллерийскую прислугу. Для предупреждения этого отец мой послал просить, чтобы ему прислали несколько солдат, дабы оградить себя справа и слева. Но этих нескольких солдат не могли набрать, и артиллерия его гибла. Уже почти все лошади и почти вся прислуга были переранены. Отец мой сбросил бурку, остался в одном нижнем платье и сам стал действовать банником. Несколько раз пытался он спасти раненых, чтобы спасти хотя их, но они не хотели уйти: «Нет, ваше благородие, не оставим тебя, не уйдем!» — отвечали они и работали через силу. «Тогда, — говорит мой отец, — тогда только я понял, что это были за люди, и стал раскаиваться в своей жестокости с ними! — Я их мучил, морил, а они не хотят оставить меня в такую минуту, когда им предстоит верная смерть!»

Так продолжал он свой поход через лес, на каждом шагу останавливаясь для обороны, каждый шаг запечатлевая кровью и какой-нибудь потерей. Не слыша более выстрелов, но зная от возвратившихся солдат о затруднительном положении артиллерии, и Булгаков и все в войске считали ее погибшей и сожалели о ней. Особенно жалел Булгаков, который, понимая всю пользу казачьей артиллерии, кроме того, очень любил моего отца и теперь обвинял себя в его погибели, пеняя и на отрядных начальников, склонивших к посылке артиллерии.

Между тем, один из приятелей отца, кажется, Марков, успел собрать несколько солдат и с ними поспешил к нему в помощь. Помощь эта была как нельзя более кстати. Отец оградил себя пришедшими солдатами с боков, и они, отстреливаясь, дали ему возможность выбраться, наконец, из лесу. Он явился в виду войска в то самое время, когда все считали его погибшим, и Булгаков плакал о нем, пеняя на себя и других. Завидев отца моего, идущего впереди своих орудий в окровавленной рубашке, с банником в руке, Булгаков бросился к нему навстречу, обнял его и стал целовать, приговаривая: «Алкивиад ты мой! Алкивиад ты мой!»

Донося потом об этом деле начальству и приписывая большую часть успеха содействию артиллерии моего отца, Булгаков просил награды ему, как за это дело, так и за необыкновенно быстрое образование казачьей артиллерии. Награды розданы были всем, но отец не получил ничего: Аракчеев не забыл его и до сих еще пор был дурного о нем мнения. Изъясняя Булгакову, что заслуги, приписываемые им Жемчужникову, слишком значительны, необыкновенны и потому требуют особого исследования, Аракчеев прислал для такового исследования генерала Лазарева. Тотчас по приезде Лазарев велел отцу моему вывести артиллерию свою на смотр, — артиллерия выведена, отец мой отправился с рапортом к Лазареву, и они немедленно выехали.

Форма для казачьей артиллерии еще не была утверждена; именно, еще неизвестно было: останутся ли при казаках согласно желанию их и отца нашего шашки или же дадут им сабли? Чтобы на всякий случай обучить их сабельным приемам, но притом не иступить шашек, отец мой учил их делать эти приемы плетками. Так, например, по команде «Сабли вон!», они вынимали из-за пояса плетки и выставляли их вперед, как сабли. Разумеется такого рода приемы во время учения были вовсе неуместны на смотру; и потому, предвидя, что урядник скомандует, пожалуй, по недогадке «Сабли вон!», мой отец изъявил Лазареву желание лично представить свою артиллерию. «Не надо, — ответил Лазарев, — оставайтесь при мне». Делать нечего, он остался. Между тем опасения его сбылись: урядник, едва завидев их: «Сабли вон!» — и казаки выставили плетки пред глаза Лазарева. Лазарев, разумеется, никак не ожидал такой встречи, и начал кричать, сердиться и не захотел ничего более смотреть и ускакал домой, объявив, что в тот же день поедет обратно в Петербург, где и донесет, как встречает Жемчужников присланных от Аракчеева генералов. Никакие объяснения, ходатайства и просьбы не имели силы; Лазарев готовился к отъезду.

Но тут опять на помощь отцу является обед: Лазарев любил и поесть, и попить; его пригласили сделать и то, и другое, и он, нагрузившись порядком, согласился осмотреть казачью артиллерию. В этот раз отец мой командовал сам, удивил Лазарева быстротою и знанием своих артиллеристов и привел его в восторг: Лазарев расхвалил отца в Петербурге, и отец мой получил Владимирский крест 4-й степени с бантом за действие его в чеченском ущелье 25 мая 1810 г.

Но это обстоятельство все-таки не изменило мнения Аракчеева о нем, и Аракчеев хотел было помешать ему перейти корпусным офицером в 1-й кадетский корпус, говоря: «Жемчужников еще слишком молод, чтобы смотреть за другими; он еще сначала должен выучиться смотреть за собой»...».

Хуан Ван-Гален

Два года в России

Хуан Ван-Гален, граф Перакампос (1790–1864) родился в семье нидерландских аристократов, переселившихся в Испанию в XVIII в. В юности он участвовал в борьбе против наполеоновских войск. В 1808 г. попал в плен и присягнул новому королю Испании — Жозефу Бонапарту, и даже получил место в его свите, пополнив таким образом ряды «офранцуженных», которых было немало среди образованных слоев испанского общества. В 1813 г. Ван-Гален перешел на сторону противников французов и выдал важную информацию, благодаря которой был захвачен ряд крепостей. В 1814 г. испанский король Фердинанд VII отменил демократическую конституцию 1812 г., и за-

явил о восстановлении абсолютной монархии. Ван-Гален оказался в рядах оппозиции королю, вступил в масонскую ложу либерального толка. Вскоре он был арестован, однако в 1818 г. бежал и перебрался в Англию. Используя свои масонские связи, он прибыл в Россию и благодаря протекции флигель-адъютанта императора Александра I князя А.Б. Голицына принят на службу и зачислен майором в находящийся на Кавказе Нижегородский драгунский полк. В 1820 г. до сведения императора дошла информация о международных связях испанских либералов, в числе которых фигурировал и Ван-Гален. Его было приказано уволить от службы, выслать из страны, передав австрийским властям. В нарушение предписания Ермолов снабдил Ван-Галена деньгами и рекомендательным письмом к служившему в Дубно генералу Гогелю, который и позволил испанцу свободно выехать из страны. В 1821 г. Ван-Гален принял участие в вооруженной борьбе со сторонниками абсолютизма, в 1823 г. вновь эмигрировал, жил некоторое время на Кубе, в Аргентине и США. В 1830 г. принял активное участие в революции в Бельгии. В 1836 г. вернулся в Испанию, некоторое время был губернатором Каталонии, приверженцем генерала-прогрессиста Эспартеро (с 1840 г. регента Испании). После победы в 1844 г. сил реакции последовала очередная эмиграция Ван-Галена (в Англию). С началом революции 1854 г. он вновь вернулся на родину, и до поражения революции в 1856 г. был президентом военно-морского трибунала Испании. Умер в Кадисе в 1864 г.

История создания и публикации мемуаров подробно изложена в диссертации Н.А. Родионовой (Родионова Н.А. Россия в «Записках» испанского офицера Хуана Ван-Галена (1818–1820). Диссертация... канд. ист. наук. М., 1998. С. 62–66). Подробный вариант воспоминаний появился в 1826 г. на испанском и французском языках «по тактическим соображениям в виде пересказов его подлинной рукописи, сделанных другими людьми». Одновременно появилось и английское, более полное издание (Лондон, 1827). Затем последовало еще несколько изданий записок на немецком, французском и английском языке, а также два издания на испанском (1842 и 1849). Наиболее полным Н.А. Родионова считает второе (1830) английское издание.

На русском языке мемуары Ван-Галена целиком никогда не публиковались. В 1884 г. в «Историческом вестнике» был опубликован их пересказ, сделанный Н. Белозерской по английскому изданию. Затем в журнале «Звезда» появился перевод, сделанный с испанского издания записок Галена 1849 г. (Звезда. 1997. № 3). Несколько глав (13–15) перевела (с английского издания) и опубликовала в приложении к своей диссертации Н.А. Родионова Указ. раб. С. 212–232). Нынешний перевод выполнен также по испанскому изданию 1849 г. Сокращения обозначены в тексте отточиями в треугольных скобках.

Стр. 351. Вечером 31 августа 1819 г. Ван-Гален выехал из Моздока.

Стр. 353. Анапа, как и другие захваченные турецкие крепости, была по Бухарестскому миру 1812 г. возвращена Турции.

Стр. 355. Ермолов Алексей Петрович (1777–1861) — участник Персидского похода 1896 г., участник войн с Францией 1805–1807 гг., в 1812 г. был назначен начальником Главного штаба 1-й Западной армии, в 1816 по 1827 г. главноуправляющий в Грузии и командующий отдельным Грузинским (с 1820 Кавказским) корпусом, с 1818 г. генерал от инфантерии, в 1831 г. назначен членом Государственного совета, в 1833 г. переименован в генералы от артиллерии; во время Крымской войны избран начальником ополчений в семи губерниях.

Стр. 356. Начиная с XVIII в. правительство настойчиво стремилось подчинить казачество на Кавказе и поставить его на службу своим интересам. В 1819 г. у казаков Кавказской линии было ликвидировано самоуправление. Во главе войск вместо выборных атаманов поставлены кавалерийские офицеры, с правом заменять станичных атаманов самостоятельными и ответственными станичными начальниками. Во главе гребенских казаков в 1819 г. был поставлен ротмистр Александрийского гусарского полка Ефимович, вскоре произведенный в майоры, а затем в полковники. В 1832 г. Гребенское казачье войско переименовано в полк и вошло в состав линейного Кавказского войска.

Стр. 357. В 1819 г. на Кавказ из России были направлены Тенгинский, Навагинский, Мингрельский, Апшеронский, Куринский и Ширванский пехотные, а также 41, 42, 43 и 44 (переименованный вскоре в 45) егерские полки. В Россию же выводились кадры Вологодского, Суздальского, Казанского, Белевского, Троицкого и Севастопольского пехотных, а также 8, 9, 15, 16 и 17 егерских полков. При этом наиболее опытные офицеры и нижние чины были переведены из выводимых полков во вновь прибывшие.

Стр. 358. В рамках программы движения на Восточном Кавказе за Терек 19 июля 1819 г. недалеко от Андреевского аула (Эндери) Ермоловым была заложена крепость Внезапная. В ответ под Внезапной собрались войска горцев, планировавших напасть на крепость. 29 августа 1819 г. Ермолов разбил их у селения Боултугай, затем совершил поход в горы и 5 сентября вернулся во Внезапную. Тем временем, на Кавказ стали пребывать из России новые полки. Они были направлены в разные районы Кавказа. Апшеронский пехотный полк направился прямо к Внезапной.

Судя по лондонскому изданию мемуаров, Ван-Гален прибыл в Андреевский аул именно с Апшеронским пехотным полком (см. Утверждение русского владычества на Кавказе Т. 3. Ч. 1. Тифлис. 1904. С. 275).

Самойлов Николай Александрович (ум. 1842) — в 1819 г. адъютант Ермолова, сын А. Н. Самойлова, у которого сам А.П. Ермолов служил в 1790-х гг. адъютантом; в 1821 г. в чине штабс-капитана назначен флигель-адъютантом, уволен от службы в чине полковника в 1827 г.

Стр. 364. Мюрат Иоахим-Наполеон (1771–1815) — вице-король Неаполя и обеих Сицилий, маршал Франции, один из ближайших сподвижников Наполеона.

Стр. 365. Ефимович (ум. 1831) — в 1819 г. майор, командир Гребенского казачьего полка (с 1819), позднее полковник.

Стр. 366. Мнение о том, что назначение Ермолова на Кавказ было ссылкой, — стереотип, содержащийся и в мемуарах Ван-Галена, еще в 1820-х гг. На самом же деле, как пишет М.А. Давыдов, «Ермолов не только так не считал, но, напротив, мечтал об этой "ссылке"». В получении назначения на Кавказ Ермолову помогал дежурный генерал Главного штаба А.А. Закревский. В феврале 1816 г. Ермолов писал Закревскому: «Поистине скажу тебе, что во сне грезится та сторона и все прочие желания умерли. Не хочу скрывать от тебя, что Гренадерский корпус меня сокрушает... Не упускай случай помочь мне и отправить на Восток» (Цит. по: Давыдов М.А. Опозиция его величества. М., 1994. С. 57). Возможно, что у Ермолова были планы, выходящие за пределы официальных инструкций. См. Я. Гордин. «Кавказ: Земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века». СПб. 2000.

Орден иезуитов основан в 1534 г. в Париже испанским дворянином Игнатием Лойолой, он был утвержден римским папой в 1540 г. и стал одной из опор папства в борьбе с Реформацией. В России иезуиты появились в XVI в., особенно большого влияния они достигли при Павле I, покровительством которого пользовались, именно по просьбе Павла римский папа восстановил в России орден, ликвидированный в 1773 г. В 1814 г. орден был восстановлен в остальной Европе, став в эпоху реставрации действенным орудием сторонников абсолютизма. По указу 1815 г. иезуиты были высланы из Петербурга, им было запрещено жить в обеих столицах. В 1820 г. орден в России окончательно запрещен.

Стр. 374. Ренненкампф Павел Яковлевич (ум. 1857) — барон, участник Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов, с 1812 г. прапорщик Свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, в 1816 г. был в Персии в составе посольства Ермолова, затем оставлен при Грузинском (Кавказском) корпусе, с 1824 г. полковник, обер-квартирмейстер 1-го резервного кавалерийского, затем 4 пехотного корпусов, участник русско-персидской (1826–1827) и русско-турецкой (1828–1829) войн, с 1829 г. генерал-майор, участник подавления польского восстания 1830–1831 гг., в 1842–1844 гг. коман-

дующий 19 пехотной дивизии, с 1843 г. генерал-лейтенант; отрешен от должности и по суду лишен чинов за представление к награждениям лиц, не участвовавших в боевых операциях; позднее участвовал в кампании 1849 г. и в Крымской войне, вновь дослужился до генерал-лейтенанта.

Стр. 379. Мцхет был столицей древнего Иберийского (Картлийского) царства, образовавшегося в IV в. до н. э.

Нино — Речь идет о святой равноапостольной Нино, святительнице Грузии, которая способствовала объявлению христианства государственной религией (ок. 337 г.).

Стр. 381. Речь идет о походе римлян во главе с Помпеем в 65 г. до н. э., в результате которого Иберия попала на некоторое время в зависимость от Рима.

Ван-Гален ошибается. Иберия располагалась в восточной части Грузии, Имеретия же — Западная Грузия.

Стр. 383. Тамара (сер. 1160-х–1213) — царица Грузии с 1184 г., в 1185 г. вышла замуж за сына князя Андрея Боголюбского Юрия, с которым разошлась через два года.

Стр. 384. Об истории взаимоотношений России и Грузии см. подробнее в ком. к. стр. 237.

Стр. 393. Вельяминов 3-й, Алексей Александрович (1785–1838) — с 1818 г. в чине генерал-майора был начальником штаба Отдельного Грузинского, (с 1820 Кавказского) корпуса, в 1831–1838 — начальник войск на Кавказской линии и в Черномории, начальник Кавказской области.

Ахвердов Федор Иваевич (1773–1821) — с 1807 по 1811 правитель Грузии, с 1808 г. генерал-майор, с 1816 г. командующий артиллерией Отдельного Грузинского корпуса.

Ванговен — имеется в виду Ховен Роман Иванович, фон дер (1775–1861) — генерал-майор, в 1812–1817 гг. комендант в Вильне, в 1818 — 1829 гг. грузинский гражданский губернатор.

Стр. 394. Привиль — Речь идет о Прибиле Иване Антоновиче (1782–1866). Прибиль служил в России с 1808 г. по военно-медицинскому ведомству, в 1816 г. покинул военную службу и определен акушером в грузинскую врачебную управу, в ноябре 1819 г. вновь принят в военную службу с назначением главным доктором тифлисского военного госпиталя; в русском подданстве с 1833 г., действительный статский советник с 1840 г., член военно-медицинского ученого комитета (с 1849).

Стр. 395. Ермолов Николай — в 1819 г. полковник, командир Грузинского гренадерского полка

Унгерн -Штернберг — капитан (с 1819) Нижегородского драгунского полка, уволен от службы в 1821 г.

Стр. 397. Абхазов Иван Николаевич (1785/1787–1831/1832) — был адъютантом генерала П.С. Котляревского, в 1819–1820 г. служил в Грузинском гренадерском полку; позднее полковник (с 1821), командир 44-го егерского полка, с февраля 1829 г. в чине генерал-майора окружной начальник в закавказских провинциях.

Стр. 398. Речь идет о восстании в Кахетии в 1812 г. Причиной его был «невыносимый гнет злоупотреблений чинов нашей администрации», и в частности и злоупотребления чиновников при заготовке хлеба; особенно обострилась ситуация в связи с неурожаем 1811 г., когда для реквизиций стали применяться войска. В частности, в ходе восстания в феврале 1812 г. был истреблен почти весь гарнизон Сигнаха, состоявший из 70 человек (Утверждение русского владычества на Кавказе. Т. 2. Тифлис. 1902. С. 336, 356).

Стр. 400. Климовский Лев Васильевич (ум. 1821) — до 1816 г. служил в лейб-гвардии Драгунском полку, в 1816–1821 гг. командир Апшеронского пехотного полка.

Стр. 407. Якубович Александр Иванович (1796/1797 — 1845) — за участие в дуэли, в 1818 г. переведен из корнетов лейб-гвардии Уланского полка прапорщиком в Нижегородский драгунский полк. 23 октября 1818 г. стрелялся с секундантом Шереметева А.С. Грибоедовым; с 1818 г. поручик, за участие в походе в Казикумух произведен в штабс-капитаны; с 1824 г. капитан; литератор, участник подготовки восстания на Сенатской площади, приговорен к вечным каторжным работам, однако позднее срок сокращен; с 1839 г. на поселении в Иркутской, затем Енисейской губернии.

Речь идет о знаменитой четверной дуэли из-за актрисы Истоминой: сначала стрелялись ее любовник В.В. Шереметев и А.П. Завадовский, на квартире у которого два дня прожила актриса, привезенная туда своим приятелем А.С. Грибоедовым; секундантами Шереметева и Завадовского были соответственно А.И. Якубович и А.С. Грибоедов. Поскольку виновников происшествия было двое, то Якубович потом стрелялся на Кавказе с Грибоедовым и ранил его.

Стр. 410. Восстание в Имеретии. Повод к восстанию — церковная реформа в Грузии, проводившаяся с 1811 г. и имевшая целью лишить грузинскую церковь хозяйственной самостоятельности; в частности, церковные имения должны были поступить в ведение казенной экспедиции, часть церковных крестьян становилась государственными, церковные дворяне тоже переселялись на казенные земли. В Картли и в Кахетии реформа прошла относительно спо-

койно. В Имеретии же попытка описания церковных земель привела к восстанию. Для подавления восстания в Имеретию был направлен А.А. Вельяминов.

Стр. 411. В описываемое время неподконтрольными России в Дагестане оставались лишь Авария и Казикумух. Зимой 1819 г. Сурхай-хан Казикумухский (см. о нем прим. к стр. 58) предпринял поход против принадлежавшего ему когда-то Кюринского ханства, однако был отбит. 19 января Ермолов издал прокламацию, в которой объявлял, что Сурхай-хан лишается своих владений, а Казикумухское ханство присоединяется к России. В 1820 г. против Сурхай-хана была предпринята военная экспедиция, в которой принял участие и Ван-Гален.

Мадатов Валериан (Растом) Григорьевич (1782–1829) — потомок карабахских аристократов, в 1799 году поступил портупей-прапорщиком в л.-гв. Преображенский полк, отличился в войне с Турцией в 1808–1811 гг., в Отечественной войне 1812 г. и в заграничном походе, на Кавказе служил с 1816 г., с 1817 г. военно-окружной начальник ханств Шекинского, Ширванского и Карабахского; позднее генерал-лейтенант (с 1826), участник русско-иранской (1826–1827) и русско-турецкой (1828–1829) войн.

Стр. 415. Коцебу Мориц Августович (1790–1861) — с 1806 г. офицер свиты его императорского величества по квартирмейстерской части, участник войны 1812 г., в 1816–1817 гг. входил в состав посольства Ермолова в Персию (оставил об этом воспоминания); в 1822 г. в чине подполковника назначен обер-картирмейстером Отдельного Кавказского корпуса, в 1825 г. обер-квартирмейстером резервных войск; участник русско-иранской войны 1826–1827 г., с 1831 г. обер-квартирмейстер Главного штаба и генерал-квартирмейстер Резервной армии; с 1834 г. генерал-майор, с 1845 г. начальник 4-й пехотной дивизии, с 1847 г. генерал-лейтенант; с 1854 г. в отставке, с 1855 г. сенатор.

Бебутов Василий Осипович (1791–1858) — с 1809 по 1812 г. служил на Кавказе адъютантом Тормасова, с 1816 г. адъютант Ермолова, с 1821 г. командир Мингрельского егерского полка и главноуправляющий Имеретией; участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., генерал-майор (с 1829), в 1829–1838 гг. начальник Армянской области, в 1842–1844 гг. комендант крепости Замостье; генерал лейтенант (с 1843), командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане (с февраля 1844), командир Дагестанского отряда; с 1847 начальник гражданского управления Закавказского края, с 1853 командующий действующим корпусом на кавказско-турецкой границе, с 1855 г. управляющий гражданской частью на Кавказе и за Кавказом и командующий войсками Отдельного Кавказского корпуса, не входившими в состав действующего корпуса, с 1856 г. генерал от инфантерии; с 1858 г. член Государственного совета.

Стр. 398. Чавчавадзе Александр Гарсеванович (1787–1846) — участник войн 1812–1814 гг., в 1814 г. был адъютантом Барклая де Толли; с 1817 г. полковник Нижегородского драгунского полка, в 1821–1822 гг. его командир; в 1823–1827 гг. состоял для особых поручений при Ермолове, а с 1828 г. при Паскевиче; участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг., с 1828 г. генерал-майор; позднее с 1843 г. генерал-лейтенант, управляющий почтовой частью Закавказья; отец Нины Чавчавадзе, супруги А.С. Грибоедова.

Стр. 431. Вреде 1-й, Богдан Евстафьевич — из лифляндских дворян, начал службу штык-юнкером в 1789 г., с 1818 г генерал-майор, в 1822 г. командир бригады в 21-й пехотной дивизии.

Стр. 440. Мартыненко (ум. 1824) — в 1819 г. майор Апшеронского пехотного полка.

Стр. 441. Сагинов Захар Павлович — в 1819 г. в чине майора переведен из Троицкого пехотного в Апшеронский пехотный полк, в 1826 г. в чине подполковника назначен командиром Тенгинского пехотного полка, в 1827 г. отрешен от должности за грубое обращение с офицерами и жестокость к нижним чинам, но продолжал командовать батальоном Тенгинского полка, с 1829 г. состоял по армии.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аббас-Мирза 81, 84, 414, 482
Абдель-Шах 384
Абдерраманы (Абдаррахманы) 452
Абхазов 397, 539
Ага-Магомет-хан 69–70, 238–239, 253–254, 476, 477, 507, 514, 516
Ага-Мехмет 384–387
Аджи-Гирей 160
Александр I 70, 79, 233, 243, 255, 266, 272, 278, 279, 281, 287, 288, 290–293, 295, 311, 331, 337, 339, 350, 358, 365, 379, 389–390, 392, 415, 425, 449, 451, 461, 484, 503, 509, 511, 512, 517, 522, 529, 535
Александр II, грузинский царь 237, 505
Александр, грузинский царевич 254, 260, 318–319, 333–334, 383, 384, 388, 509
Александр Македонский 266, 351, 382, 383, 400, 417
Алексей Михайлович 55, 237, 506
Ален 348
Альбрехт 345
Ангальт Ф. Е. 133, 490
д'Анген, дюк, Л.-А.-А. см Энгиенский, герцог
Анна Иоанновна 229, 462, 520
Анна, имеретинская царица 256, 339, 511,
Антоний, грузинский патриарх 282
Апраксин С.С. 44–45, 132, 135–139, 142, 162, 466, 467, 490
Апраксин С.Ф. 466
Аракчеев А.А. 233, 292–293, 484, 503, 517, 531, 533, 534
Арбеков 39
Аргутинский-Долгоруков И. 256, 279–281, 505, 515
Арчил II 237, 506
Аслан-хан 430–472, 433–438, 441, 443–444, 448–449, 452–453
Афросимов П. 213, 497
Ахвердов 393, 538
Ахлов, Атажук 204
Ахмет 107
Ахмет-эмир 346–347

Баба-хан (Фет-Али-хан) 69, 75–76, 81–82, 239, 278, 297, 316–318, 331–332, 387, 414, 476, 482, 516
Багратион П.И. 527, 532
Багир-бек 482
Баграт 256, 267–268, 513
Бальмен, де А.Б. 48, 167–168, 204, 216–217, 468, 474
Бамат 475
Барклай де Толли М.Б. 541
Бас Я. 22, 458
Батал-паша 167–172, 204–205, 208–209, 211–212, 215–217, 474, 475, 496
Батас-паша 66, 474
Батурин 136
Баур К.Ф. 73, 480
Баур (Баувер) Ф.В. 42–43, 464
Бебутов В.О. 415, 416, 441–442, 444, 540
Бегдабегов С. 109, 114, 489
Беервиц О.Ф. 206–207, 210, 212, 496
Беклешов А.А. 19, 103, 158, 457, 488, 492
Белич Е.И. 106, 489
Белозерская Н. 535
Белокопытов 52
Беннигсен Л.Л. 56, 465, 471
Бергольц Л.П. 171, 493
Берри, де Ш.-Ф, дюк 74, 480

Берх П. 144–145, 148, 491
Бестужев Ф.Б. 40
Бибиков Ю.Б. 62, 164, 473, 474, 493
Бистром 144, 146
Бишев И.И. 30, 43, 465
Боголюбский А. 383
Бодарский 423
Бонапарт Ж. 534
Боур К.Ф. см. Баур. К.Ф.
Браницкая А.В. 494
Браницкий К. 493
Брант 149
Броневский С.Б. 524
Брянчанинов С.А. 165, 493
Будберг А.Я. 482
Булгаков С.А. 74, 75, 86, 169–170, 206–212, 480, 495, 496, 532, 533
Булычев В. 491
Булычева 139–141, 165, 491
Бунин 34
Бурнашев С.Д. 97–98, 100–101, 104, 106,152, 487
Бурнашева 115–116, 487
Буткевич А.Д. 212–213, 495
Бутков П. 208
Бутрюмова Н.И. 45, 466

Ван-Гален Х. 349–351, 357, 360–363, 365–371, 373, 376–378, 388, 389, 393–395, 397–399, 401–404, 406–414, 416–418, 420–422, 424, 425, 429–432, 435, 438–442, 444, 446, 534, 535–537, 538
Ванговен см. Ховен Р. И.
Васильчиков А.С. 35, 460
Вахтанг, царевич 250, 256, 259, 261, 264, 266, 274, 508, 512
Вахтанг VI 237, 506
Вахтанг Гурасланий 251, 252, 509
Вейсман О. И. 42, 463, 464
Великопольский Н. Л. 23–24, 27, 459
Вельяминов А. А. 393–395, 411, 416, 538, 540
Вергилий 224
Веревкин М. М. 205, 496
Виртембергский К. А. Ф. 61, 473
Витт(е) И. 177, 493
Вишняков И. 157
Воейский К.А. 498–500, 514
Воинов 54
Войнович М.И. 70, 476
Волконский Д. М. 288, 330–331, 517
Волконский Г.С. 61, 473
Волконский С.Г. 473
Воронцов М.С. 455, 467
Вреде Б.Е. 431, 541
Вяземская, кн. 37

Ган Г.Ф. 157, 161, 165–166, 492
Ган, жена Гана Г.Ф. 157, 161
Газлам-Гхеран 340, 343, 348, 530
Гангеблов С.Г. 343, 345, 529, 530
Ганнибал 351
Гардан К. М. 81–82, 483
Гассан-ага 430, 432, 439, 444, 446
Гассан-хан 83
Георгий XIII (XII) 239, 252–254, 259, 268, 271, 282, 387, 507–510, 513
Герман фон Ферзен И. И. 66, 104, 167–170, 172, 204–205, 208–210, 212, 216, 457, 474, 488, 495, 496
Гессен-Дармштадская, Вильгельмина 471
Гессен-Рейнсфельдский 106, 121, 489
Глазенап Г.И. 480, 524, 527
Глалежеладзе 262
Гогель 535
Голицын А.Б. 535
Голицын А.М. 41, 463, 464
Голицын А. Н. 366
Гораций 224
Горич И.П. 165–166, 493
Горчаков А.И. 498
Грибоедов А.С. 407, 539, 541
Григорьев Л. 42
Григорьев 430
Гринфельд 397
Грузинов 504, 505
Гудович И.В. 50–52, 215, 321, 338, 469, 470, 473, 476, 478, 479, 480, 482, 483, 484, 520, 527, 529
Гудович А.И. 88, 484

Гуляков В. С. 239, 260, 278–279, 507, 512, 514, 515
Гуссейн-Кули-хан 387, 390–391, 480, 483, 524, 525
Гуссейн-бек 526

Давид, грузинский царевич 245, 251, 253–256, 266, 268, 274, 507, 508,
Давид, армянский архиепископ 288, 292, 324, 518
Давид II Георгиевич 511
Давыдов М.А. 537
Даниил, армянский архиепископ 279, 281, 292, 324, 518
Дарий 242, 383
Дария 509, 512
Дачи, 252, 509
Деконский А. 152, 157, 215, 492, 496
Денисов А.К. 494
Депрерадович А. 142–143, 147, 152, 154, 157–158, 161, 166, 491
Депрерадович Г. А. 143, 491
Дероурк К. 143–147, 491
Джафар-Кули-хан Хойский 75, 480
Джават-хан 287–288, 516, 517
Дигбий 148
Долгоруков 173, 177
Дотишан 479
Дублянский 482
Дубровин Н.Ф. 499, 500
Дударуков А. 107, 489, 521
Дюккер (Диккер) К. 19, 31, 457

Евгений Савойский 180, 495
Евстафий, епископ 252
Екатерина I 237
Екатерина II 41, 44, 57, 67, 68–72, 91, 229, 231, 233, 238, 244, 253, 265, 280, 283, 383, 385, 386, 468, 472, 473, 475, 476, 501, 505, 507
Елизавета Петровна 229, 418, 504
Ермолов А.П. 350, 352, 355, 356, 358–360, 362–367, 371, 376–380, 389–404, 410–415, 422–425, 431, 451, 455, 535, 536, 537, 540, 541
Ермолов Н. 395, 397, 539
Ефимович 365, 537
Жеван-хан см. Джават-хан
Жемчужников В.М. 531
Жемчужников М.Н. 531
Жемчужников Л.М. 531

Завадовский А.П. 539
Завалишин И. И. 336–338, 523
Завалишин Д.И. 523
Загряжский М.Б. 40
Загряжский И.А. 63–65, 474
Закревский А.А. 537
Занд 415
Зегер 120
Зия-паша см. Юсуф-паша
Золотухин В.И. 494
Зорич С. Г. 219, 500
Зубов В.А. 71–72, 75, 238, 280, 293, 386, 477, 378, 507, 515
Зубов Н.А. 517
Зубов П. А. 280, 293, 477, 515, 517
Зыков Д.М. 157–159, 161–163, 492

Иаков, английский король, 30
Ибрагим-хан 476, 480, 522, 524
Иванов А.Ф. 30, 460
Иван Грозный 229
Иванчин 43
Игельстром 463
Измайлов М.И. 116, 118, 122, 150–151
Измайлова 117–119, 122
Иловайский А.И. 501
Иловайский И.Д. 501
Иловайский П. Д. 48, 468, 501
Иоанн, армянский архиепископ 324–325, 327, 499
Иоанн, грузинский царевич 253, 260, 509
Иосиф II 56, 77, 472
Ираклий I 506
Ираклий II 98, 101, 103, 105–106, 109,115, 119, 237–239, 250, 253–254, 259–260, 263, 266, 378, 387, 476, 477, 487, 488, 489, 506–509, 511, 512, 516
Исленьев П. А. 72–73, 95–98, 170, 478, 487

Казаринов 215
Казбек 109, 488
Казбек 373, 416
Казбек Г. 244–247, 508
Каморский (Комарский) С. 45, 467
Капитан-паша см. Сары-паша
Караулов 46
Карягин П. М. 305, 307, 332, 519, 522
Каховский В.В. 175, 494
Каховский М.В. 63, 64, 67, 216, 474, 497
Кашкин Е. П. 41, 463
Кек И. 22, 24,27–28, 33, 458, 459
Келюс 99
Кир 351
Киселев 233, 503
Климовский Л.В. 400, 406, 539
Кнобель 131
Кноринг Б.Ф. 469
Кноринг Г. Ф. 50, 469
Кноринг К.Ф. 36, 232, 234, 236, 239–240, 255–259, 264–265, 505, 510, 511, 512
Кобле 345, 530
Коваленский П.И. 254–255, 258, 260–261, 265, 276, 509, 511, 512
Кожин 504–505
Козлов 215
Козловский М. Т. 289–293, 295, 310, 312, 316, 330–331, 517
Колокольцев Г. 95, 487
Колокольцева 95–97, 100, 103, 127, 170, 487
Колычев П.С. 37
Комаров В.В. 498, 499, 514
Конде, Л.-Ж., принц 73, 218, 479, 480, 500
Константин Великий 245, 252, 382
Константин Павлович 292, 400
Коробьин Я.И. 175, 493
Котляревский П.С. 539
Кох 147
Коцебу М.А. 415, 429, 431, 435, 441, 540
Красинский Ф.Б. 116, 122
Кречетников 463
Круглов 149, 153, 155
Кузнецов Ф.И. 20
Купреянов 166
Кураедов А.М. 3, 460
Кутайсов Л.П. 233, 504
Кутузов М.И. 62, 88, 473, 479, 497
Кхалабат-оглы 343

Лавров 52
Ладыженский Н. А. 22, 228, 31, 33–34, 458, 459
Лазарев И. П. 254, 256–258, 260, 266–274, 388, 500, 507, 509, 510, 512–515, 533, 534
Ласси, де Б. П. 43, 74, 465, 480
Лебедев Н.П. 168–169, 493
Леонтьев А. А. 243–244, 260, 310, 322, 323, 508, 520
Леонтьев М.Н. 467
Лисаневич Т.Д. 332, 481, 522
Литвинов П. М. 295, 518
Логин Сотник 334
Лойола И. 537
Лука, апостол 335
Луковкин А. Г. 215, 497
Лукулл 267
Львов П. Н. 155, 492, 494

Мавро-Кордато 171
Мадатов В.Г. 411, 415, 416, 420–429, 431–433, 435–438, 440–441, 449, 451, 453–455, 540
Макан, император 251
Макашев 398
Маматказин 331, 335–336, 521, 522
Мансуров Б.А. 160, 165, 204, 492, 496
Мария, грузинская царица 256, 259, 267–271, 388, 511, 514
Мария-Терезия 472, 501
Мария Федоровна 61, 292, 471, 473, 485
Марков 533
Маркова 154
Мартыненко 440–442, 541
Марченко 53
Масолов А.С. 38–40,

Масолов И.Г. 37–38
Масолов И.И. 38
Масолов С.И. 460, 461, 463, 464, 473, 490
Масолова Д.Т. 38–39
Масолова С.С. 466
Масон А.П. 494
Масон Ш. 494
Матушевич 78, 482
Матцен К. И. 106, 212, 489
Махвилов В. 138, 162–164, 166–167, 490
Махвилова 163
Мачебеловы 241
Мейндорф Ф. 140, 490
Мекноб Ф. И. 49, 50, 53–54, 469
Мелиссино 513
Меллер-Закомельский И.И. 50, 59–60, 170, 469, 473
Мелло 521
Мефодий, архиепископ 230
Мехти-Кули-хан 76
Милорадович А. С. 42, 464
Миних Б. К. 94, 309, 487, 519
Мирнан Ираклиевич 252–253, 379, 382, 488, 509
Мисоуст 29
Митридат, 451, 382, 502
Михаил Федорович 237, 506
Михельсон И. И. 73, 479, 528
Монтрезор 269, 305, 318–319, 513, 519
Муртузали 475
Мусин-Пушкин А. А. 239, 502, 505, 507, 522
Муссин, Ислам 207
Мустафа-паша 474
Мустафа-хан 424–427, 455
Муфель К. 141, 144, 485, 491
Муханов А. И. 167, 212–213, 493
Мюрат И. 537

Нагель А.Т. 134, 165, 490
Надир-Шах 237, 278, 326, 476, 514, 520
Назарев 30
Наполеон 218, 305, 359, 367, 389
Науендорф В. 147
Небольсин П. Ф. 75–76, 84, 484
Неверовский 88
Неронов П.В. 38–39, 41, 462
Несветаев П. Д. 75–78, 241, 334–335, 481
Нина 117–119, 123, 151
Ной 379
Ноно (Нино) 379–380, 538, 538
Носенко-Белецкий 307, 519
Нумсен Ф.М. 479

Ольденбург 120
Орбелиани Д. З. 212, 215, 269–271, 273, 496, 513
Орбелиани 416, 424
Орбелианов И. Д. 260–261, 318, 334, 512
Орбелианов 77
Орлов В.П. 501
Острожский 155, 159, 164

Павел I 55, 72–73, 218–219, 229, 233–234, 238–240, 243, 253–254, 256, 280–281, 283, 289–290, 292, 331, 418, 471, 478–480, 501, 503–505, 507, 509, 510, 515, 517, 522, 537
Пален П. А. 291–292, 517
Паллас 502
Пальский В.Н. 35
Парфенов 480
Пасван-Оглу 73, 479
Паскевич И.Ф. 541
Пек-мурза 340, 529
Пестель Б. В. 31, 460
Петр I 43–45, 229, 237, 279, 331, 364, 384, 520, 525
Петр III 505
Пеутлинг А. А. 103, 125–126, 128–130, 488
Пеутлинг, жена А. А. Пеутлинга 126–131, 135
Пиери Н.Ю. 45, 106, 133, 467, 490,
Пилль И. А. 19–20, 24, 457
Пишчевич А.С. 215, 461, 484, 485, 486, 488, 490, 492, 493, 497
Пишчевич И.С. 161, 486

Пишчевич Л.С. 173, 493
Пишчевич П.А. 485
Пишчевич С.С. 98, 484, 486, 492
Пишчевич Х. 98, 171
Платов М. И. 71, 478
Племянников П. Г. 42, 464
Питерс 398
Повалишин А.В. см. Завалишин И.И.
Поликарпов А. В. 217, 494, 497
Помпей 380, 382, 400, 417, 502, 538
Попов А.Г. 502
Попов В.С. 48–49, 51, 170–171, 173, 468
Попов З. Н. 194, 201, 495
Портнягин С. А. 77, 83–84, 86, 274, 299, 312, 314, 332–333, 335, 482, 521
Посевин 366
Потемкин Г.А., князь 25, 34, 36, 42, 45–49, 51–52, 54–63, 89, 91, 97–98, 105, 124–125, 137, 152, 164–165, 168–169, 170–173, 207, 216, 459, 464, 468, 469, 472, 484, 488, 494, 496
Потемкин П.С. 44, 53, 70, 103–109, 111, 115, 119, 127–128, 132–142, 148, 157, 161, 238, 241, 244, 280, 466, 478, 484, 488, 489, 490, 492
Потемкина 135–137, 148
Потоцкая 348
Пранас 260
Привиль (Прибиль) И.А. 394, 538
Прозоровский И. И. 55, 471
Протопопов 499, 514
Пузыревский 410
Пустошкин 528
Путятин 323
Пушкина Н.Н. 474
Пыжов 40

Раппе Е.И. 105, 125–126, 148–149, 155, 168
Ратеев (Ратиев) Н. Ю. 46–47, 158–159, 468, 492
Рахманов М.С. 51, 173–174, 469, 493
Ребиндер И.М. 35, 460
Ребиндер О. 127, 490
Ребиндер, дочь 127–128, 130
Ренекс Я. 104, 488
Ренненкампф П.Я. 374, 393–395, 410, 537
Репнин Н.В. 41–43, 463, 464
Репнин П.В. 43, 49, 59, 465
Ржевский М.П. 44, 466
Рибас О.М. 58, 61, 472
Рик К. 148, 491
Римский-Корсаков А.М. 238, 480, 507
Ришелье И. О. 345, 347, 528–530
Родионова Н.А. 535
Розен В. И. 216–217, 473, 497
Розен И. К. 83, 483
Росса К. 166–167, 493
Ростопчин Ф. В. 240, 508
Рослам-бек 207
Рошешуар Л. (Л.П.) 346, 528, 530
Рошешуар Л.В.Л. 528, 529
Рудзевич А. Я. 346–347, 530
Румянцев П.А. 41–42, 44, 55–56, 90, 463, 472, 487
Рышкин 521

Саакадзе 514
Саблуков 292
Савельев И. Д. 22, 24, 28–29, 40, 159–160, 165, 458, 477, 492, 493
Сагинов З.П. 441–442, 444, 541
Саден-хан 386
Садовский 124
Салагов 162, 164
Салиньяк Э. Г. 55, 471
Салтыков И.П. 30, 43, 48, 56–57, 72, 99, 162–163, 464, 465, 472, 473
Салтыков П. С. 38, 39, 43, 462
Салтыков С.Н. 98, 488
Салтыкова П.Ю. 38–39
Салькова 144–145
Самойлов А.Н. 60, 62, 69, 106, 119–125, 128, 132, 473, 485, 489, 507, 537
Самойлов Н.А. 358, 537
Самойлов Н.Б. 238, 358, 507
Самойлович Д. С. 57, 472
Сары-паша 67, 475

Селим III 478, 479
Селим-хан 480, 522
Сенденгорст Ф. 20, 457
Сенинберг Ф.К. 165, 256, 493
Сенминут 309
Сид Кампеадор 434
Сизинг А.К. 166, 493
Симанович (Симонович) Ф. Ф. 83, 86, 245, 289, 293, 312, 316, 328, 330–331, 483, 508
Сицианов 441
Снышков (Снытков)313, 315
Соломон I 237, 487, 506
Соломон II 510, 511, 517
Стемпковский 345
Степанов 482
Стоянов 49
Строганов 523
Струков, капитан 215
Струков, подпоручик 215
Суворов А.В. 52, 62, 173, 463, 469, 473, 476, 478, 479
Суворов И.В. 34, 364
Сурхай-хан 75, 433, 439–440, 442, 447–448, 451–452, 455, 481
Сухотин А. Н. 41, 57, 237, 463, 472, 507

Таборович 171, 492
Талызин П. А. 293, 517
Талызин П.Ф. 44, 47, 466
Талызин Ф. И. 330, 331, 521
Талызина М.С. 45
Тамара В. С.104, 478, 488
Тамара, грузинская царица 271, 383
Тарасов 288, 517, 525
Тарханов С. 260–262, 512
Таубе 35
Теймураз I 237, 506
Текелли П. А. 46, 62, 150, 153, 156, 159–160, 162, 164, 466, 468, 474, 492
Тёлл И.И. 171
Теплов 39–40
Титов 51
Титов Н. 185, 494
Тормасов А. П. 87, 484
Тотлебен Г. К. Г. 237, 463, 468, 506–507
Траверсе, де 529
Трегубов 41, 463
Туганов, Муса 208
Тумашевский 165
Тутолмин Т. И. 98, 488
Тучков С. А. 240, 250, 276, 284, 292, 305, 329, 331, 339, 483, 497, 498, 499, 501, 508, 511, 513, 518, 520, 521

Умма-хан 476
Унгерн (Унгерн-Штернберг) 395, 397, 539
Упалус 266
Ушаков Ф.Ф. 478

Фабрициан Ф. И. 25–27, 30–35, 459
Фалеев М. Л. 49
Фелицын Е.Д. 204–206, 208–209, 215–216
Фарнаоз 259, 511
Федор Алексеевич 237
Федор Иоаннович 237, 505
Феодор I 384
Фердинанд VII 534
Фере Ф. Д. 68, 475
Фет-Али-шах см. Баба-хан
Филатов 525
о. Филипе 394, 412–414
Филипшталь Гессенский Ф.В.53, 60, 470
Фридон 242
Фридрих Великий 126, 359, 501
Фромгольдт В. 31–32, 460

Хаджи-Ибрахим 387
Хамурза-Магомет 217
Хамутай см. Сурхай-хан
Хвабулов 506
Хворостинин А. 505
Хвостов А. С. 54, 470
Хвостов Д.И. 470
Хилкова М.А. 488
Ховен Р. И. 393, 538

Хозрой 252
Хорват И.И. 485, 486, 501
Хорват И.С. 486
Цехановский 519
Цицианов П.Д. 83, 356, 264–274, 276–279, 282–284, 287–289, 293–295, 297, 299–305, 307, 309–315, 317–322, 324–325, 327, 329–332, 336–338, 387–388, 418, 428, 440, 480–482, 497, 499, 500, 512–514, 516, 518, 519, 521

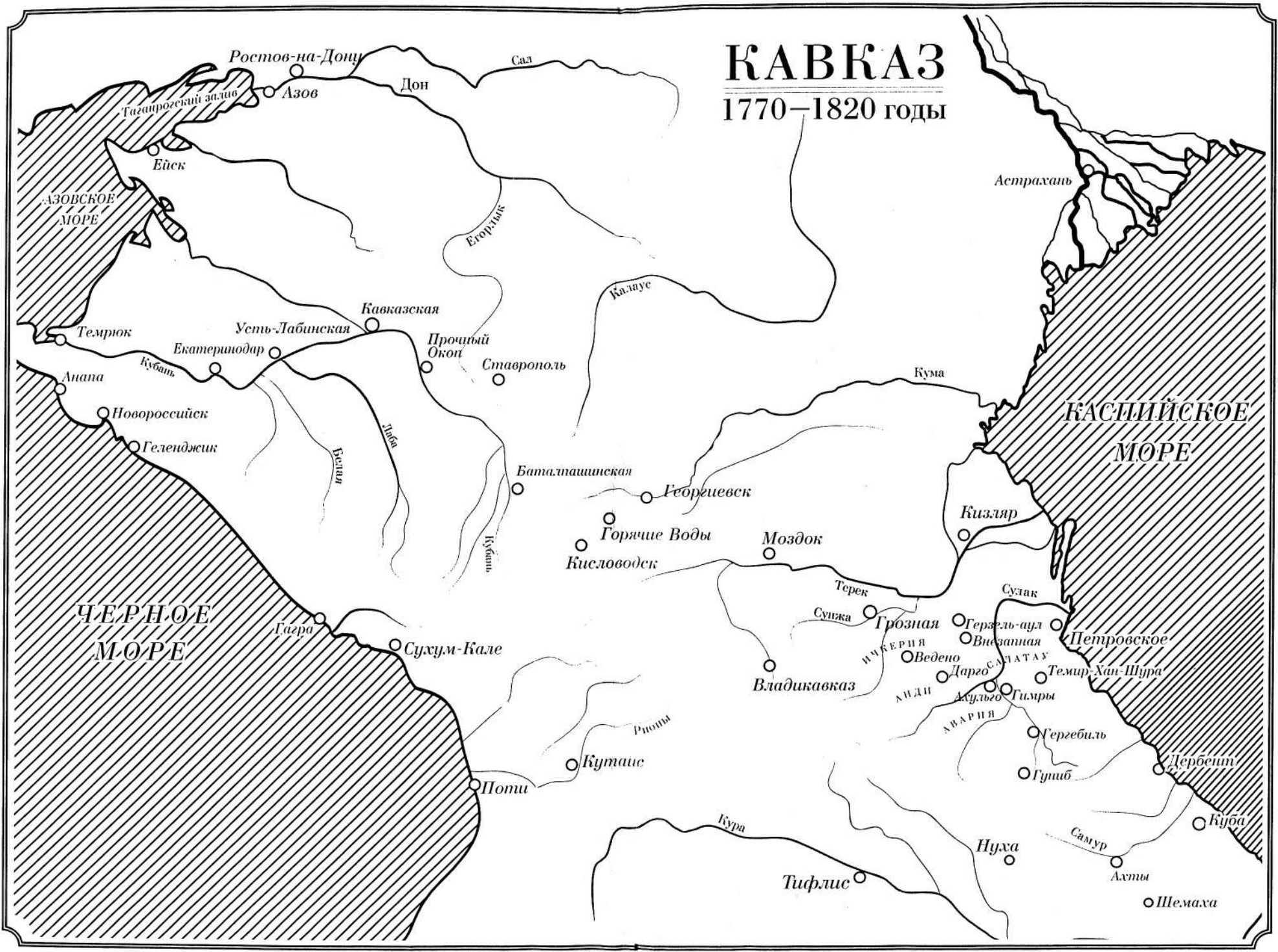
Чавчавадзе А.Г. 398, 402, 524–527, 541
Чавчавадзе Н.А. 541
Чемоданов П. А. 212, 495
Чарторыйский А. 292, 497, 518
Черноевич С. 43, 466
Чечулин Н.Д. 498
Чингисхан 383, 387
Чичагов П.В. 497, 528
Чуйко 303, 519

Шалахаев 395
Шамиоф 27
Шамгар 29
Шариф-паша 515, 516
Шаров 492
Шарух 386
Шах-Зада 333–334
Шейх-Али-хан 475
Шейх-Мансур (Ушурма) 45, 66, 126, 134, 205, 467, 474, 489, 490, 496
Шелевский 215
Шереметев В.В. 539
Шефи-бей 340, 342
Шеховской Н. Л. 54, 470
Шикаили-имам см. Шейх Мансур
Шипилов 44
Шиц А. О. 73, 474, 479
Шмит 148–149, 152, 154, 155
Штедер Л. 149–150, 206, 215, 491, 496
Штофельн, Х. Ф., фон 41, 463
Штрандман Г.Г. 456, 457, 464
Штрандман Н.К. 456
Шувалов А.И. 470
Шувалов П.И. 470
Шульц В. В. 21, 24, 26–27, 32–33, 457

Энгельгардт В. В. 55, 471
Энгельман 212
Энгиенский, герцог 74, 218
о. Энрике 349–350, 365–366
Эристовы 241, 263, 338, 388, 440, 525, 526
Эпос-и-Мина Ф. 359
Эссен Р. -В. И. 35, 460

Юдин 169–170, 173
Юлон, грузинский царевич 254, 260, 509, 512
Юргенц Д. Н. 47, 468
Юргенсон 35
Юсуф-паша 77, 482
Юшков 463

Якоби И.В. 22–25, 29–30, 36, 457, 477
Якоби П. В. 22, 28, 458
Якубович А.И. 407–408, 411, 416, 438–440, 444, 539
Якшич 98, 103
Яни-паша 515, 516


КАВКАЗ
1770—1820 годы
Ростов-на-Дону
Сал
Дон
Азов
Таганрогский залив
Ейск
АЗОВСКОЕ МОРЕ
Егорлык
Калаус
Астрахань
Кавказская
Усть-Лабинская
Темрюк
Прочный Окоп
Екатеринодар
Кубань
Ставрополь
Кума
Анапа
Новороссийск
Геленджик
КАСПИЙСКОЕ МОРЕ
Лаба
Белая
Баталпашинская
Георгиевск
Кизляр
Горячие Воды
Моздок
Кисловодск
Терек
Сулак
Сунжа
Грозная
Гержель-аул
Внезапная
Петровское
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Гагра
Сухум-Кале
ЧЕЧНЯ
Ведено
Дарго
САЛАТАУ
Темир-Хан-Шура
Владикавказ
АНДИ
Ахульго
Гимры
АВАРИЯ
Гергебиль
Реюты
Кутаис
Дербент
Поти
Гушиб
Кура
Куба
Нуха
Самур
Ахты
Тифлис
Шемаха

Содержание

Кавказская война: пролог исторической драмы.
Вступительная статья Я. А. Гордина 5
Записки Густава фон Штрандмана 19
Записки отставного генерал-майора Сергея Ивановича Молосова 37
Записки о службе генерал-фельдмаршала графа И. В. Гудовича, составленные им самим 55
Жизнь А. С. Пшишевича, им самим описанная 89
Журнал кампании по Кавказской линии покойного генерала от инфантерии и кавалера Ивана Ивановича Германа 1790 года от 22 сентября по 30 число 204
С. А. Тучков. Записки 1766–1808 218
Мемуары графа де Рошешуара, адъютанта императора Александра I. (Революция, Реставрация, Империя) 340
Хуан Ван-Гален. Два года в России 349

Комментарии 456
Именной указатель 542

К 12 **Кавказская война: истоки и начало. 1770–1820 годы.** Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2002. — 552 с.

ISBN 5-94214-036-7

Книга «Кавказская война: истоки и начало» является вторым томом по времени издания, но первым по хронологии событий. Кавказская война имела глубокие корни, определялась множеством исторических обстоятельств, была связана с самого начала с геополитической ситуацией вокруг России. И в данном томе собраны свидетельства русских офицеров, воевавших на Кавказе в последней четверти XVIII — начале XIX века, когда еще только закладывался фундамент будущей многолетней кровавой драмы, с последствиями которой мы столкнулись сегодня. Когда еще была возможность выбора различных путей.

В воспоминаниях этого тома перед нами предстает непривычный доермоловский Кавказ, клокочущая Грузия, только что ставшая частью империи, русская армия, попавшая в грозный экзотический мир.

ББК 84. Р7

Издательство журнала «Звезда»
предлагает читателям книги по истории
российско-кавказских войн XIX века:

«ОСАДА КАВКАЗА». *Сборник*

«ДАРГИНСКАЯ ТРАГЕДИЯ. 1845 год». *Сборник*

«РОССИЯ И КАВКАЗ. СКВОЗЬ ДВА СТОЛЕТИЯ». *Сборник*

Я. Гордин. «КАВКАЗ: ЗЕМЛЯ И КРОВЬ»

КАВКАЗСКАЯ ВОЙНА: ИСТОКИ И НАЧАЛО. 1770–1820 годы

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Художественный редактор *В. А. Гусаков*
Корректор *Н. В. Виноградова*
Технический редактор *Е. Ф. Шараева*
Менеджер издания *В. В. Рогушина*

Издательская лицензия № 02412 от 20 июля 2000 г.

Оригинал-макет и диапозитивы изготовлены ООО «Системотехника»
Сдано в набор 20.08.02. Подписано к печати 01.11.02. Формат 60×88 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 34, 5. Уч. изд. л. 32,9. Тираж 3000 экз. Заказ № 247.

Издательство журнала «Звезда»
191028, Санкт-Петербург, Моховая, д. 20.

Отдел реализации (812) 273-37-24

Отпечатано с готовых диапозитивов в «ИПК "Бионт"»
Санкт-Петербург, В.О. Средний пр., 86. тел. (812) 322-68-43

Воспоминания участников Кавказской войны XIX века

Кавказская война: истоки и начало

1770–1820 годы

Книга «Кавказская война: истоки и начало» является вторым томом по времени издания, но первым по хронологии событий. Кавказская война имела глубокие корни, определялась множеством исторических обстоятельств, была связана с самого начала с геополитической ситуацией вокруг России. И в данном томе собраны свидетельства русских офицеров, воевавших на Кавказе в последней четверти XVIII — начале XIX века, когда еще только закладывался фундамент будущей многолетней кровавой драмы, с последствиями которой мы столкнулись сегодня. Когда еще была возможность выбора различных путей.

журнал ЗВЕЗДА